

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919780 6

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИНАТИИ

1860

НОЯБРЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—НАРОДНЫЯ ВООРУЖЕНІЯ ВЪ ПРУССІИ ВЪ
1813 ГОДУ. М. И. БОГДАНОВИЧА.
- II.—МАРОККО И ПОСЛѢДНЯЯ ИСПАНСКАЯ
ВОЙНА. II. (Окончаніе.) Н. Я
- III.—ПИСЬМА О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢ-
ЛІИ ВО ФРАНЦІИ. X. Департаменты Сены,
Уазы, Сены-и-Марны, Сены-и-Уазы (прежняя
провинція Иль-де-Франсъ) ЕВГЕНІЯ БОНМЕРА.
- IV.—КАБАЧОКЪ МАРТЫШКА. Эпизодъ 1718—19
годовъ Г. В. ЕСИПОВА.
- V.—АБРЕКИ. Разказъ Черкеса КАЛАМБІЯ. *Translation*
- VI.—ПРИХОДСКІЕ СПИСКИ. Изъ поэмы Георга
Крабба Д. В. МИНА. *Large em*
- VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОЦИСЬ. (См. на оборотъ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Жизнь за жизнь (A life for a life). Романъ, соч. автора Джона
Галифакса. Переводъ съ англійскаго. I—V.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

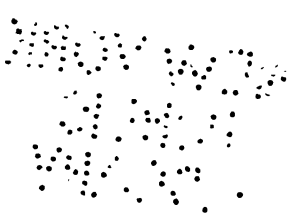
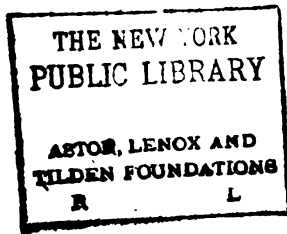
ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И Б^о.

—
1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 14-го ноября 1860 года.

Ценсоръ *А. Петровъ.*

НАРОДНЫЯ ВООРУЖЕНІЯ ВЪ ПРУССІИ

ВЪ 1813 ГОДУ ¹

Одновременно съ движеніемъ русскихъ войскъ отъ Вислы къ Одру ополчились на Французовъ жители Пруссіи.

Не будемъ подражать нѣмецкимъ писателямъ, искавшимъ отнять у насъ славу освобожденія Германіи. Воздадимъ должное нашимъ сподвижникамъ. Мы, Русскіе, никогда не колебавшіеся, въ годину бѣдствій матери-Россіи, жертвовать послѣднимъ достояніемъ и самими собою, мы вполне сочувствуемъ великимъ подвигамъ самоотверженія прусскихъ гражданъ. Эти подвиги совершены чужеземцами, но они намъ не чужды: они находятъ отголосокъ въ душѣ нашей.

Чтобы получить ясное понятіе о всеобщемъ возстаніи въ Пруссіи, необходимо бросить взглядъ на современное положеніе этой страны.

По договору, заключенному въ Тильзитѣ, Прусская монархія, возведенная гениемъ Фридриха Великаго на степень перво-классныхъ государствъ, низошла въ рядъ владѣній, порабощенныхъ Наполеономъ. Пространство, народонаселеніе, а вмѣстѣ

(1) Изъ неизданнаго сочиненія: *Исторія войны за независимость Германіи, 1813 года.*

съ тѣмъ и средства королевства, уменьшились на половину; государственные доходы были поглащаемы, въ теченіи пяти лѣтъ, военными контрибуціями, наложенными Наполеономъ, и содержаніемъ французскихъ войскъ, оставленныхъ между Эльбой и Вислой; почти все прусскія крѣпости были заняты французскими войсками. Страна обдѣнѣла совершенно; многіе землевладѣльцы, войдя въ неоплатные долги, оставили наследственное достояніе свое и скитались по-міру; капиталисты терпѣли огромные убытки отъ застоя въ дѣлахъ, либо скрывали свои капиталы. Общее уныніе подавило духъ народа: многіе, потерявъ надежду на возможность какой-либо перемѣны къ лучшему, освоились съ позоромъ и предлагали скрѣпить цѣпи, въ коихъ держала ихъ мощная рука завоевателя, тѣснѣйшимъ союзомъ съ Франціей, то-есть совершенною покорностію Наполеону. Наконецъ, армія была ограничена условіемъ—содержать не болѣе сорока двухъ тысячъ человѣкъ; да ежелибы и не существовало такого условія, то Пруссія, по недостатку въ средствахъ, не могла бы содержать болѣе многочисленную армію. Ко всему этому присоединилась континентальная система, со всеми ея послѣдствіями, имѣвшая пагубное вліяніе на торговлю Пруссіи и бывшая причиной ея разрыва съ Англіей, Швеціей и Сѣверо-Американскими Штатами.

Таково было положеніе Пруссіи: казалось, померкъ невозвратно послѣдній лучъ надежды въ душахъ жителей этой несчастной страны. Но Всевышній Промыслъ послалъ имъ въ помощь мужей, не отчаивавшихся въ спасеніи отечества,—Штейна и Шарнгорста. Еще въ то время, когда, вскорѣ по заключеніи тильзитскаго трактата, Пруссія была наводнена французскими войсками, король Фридрихъ - Вильгельмъ III, удалясь на крайнюю черту своихъ владѣній, въ Мемель, поручилъ Штейну составить проектъ преобразованій, имѣвшихъ цѣлю возстановленіе монархіи. 5-го октября 1807 года, ему ввѣрено, въ званіи министра, управленіе всеми внутренними и иностранными дѣлами. Одаренный въ зрѣлыхъ лѣтахъ (1) пылкію юноши, Штейнъ соединялъ въ себѣ глубокую вѣру въ божественное Евангеліе съ непреклонною твердостію въ задуманномъ имъ предпріятіи—возвышенія падшей Германіи

(1) Ему тогда было 51 годъ отъ роду.

во всемъ ее прежнемъ величіи и славѣ. Гордый, какъ феодалъ-ный баронъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ преисполненъ любви къ народу и душевнаго участія въ судьбѣ его. Самая наружность этого великаго мужа выказывала его душевныя свойства. Постоянно спокойный, погруженный въ глубокія думы, онъ иногда увлекался горячію своего характера, и въ эти минуты его взоры имѣли блескъ молніи, и голосъ его раздавался подобно грому. Черезъ четыре дня по назначеніи Штейна въ обязанности министра, появилось давно уже задуманное имъ, въ послѣдствіи отоль знаменитое уложеніе, въ коемъ заключались основныя преобразованія государственныхъ учреждений: отмѣненъ законъ, въ силу котораго только лишь одни дворяне могли владѣть помѣстьями; небольшіе крестьянскіе участки земли приписаны къ мызамъ; вѣрнопостнымъ крестьянамъ дарована личная свобода. По прибытіи, 15-го января 1808 года, короля въ Кенигсбергъ, продолжались реформы: законодательная часть совершенно отдѣлена отъ административной, и всѣ министерства совершенно преобразованы.

Невзгоды, постигшія Пруссію, и поработеніе Наполеономъ Германіи поселили въ сымахъ ее мысль тѣснѣйшаго соединенія между собою, имѣвшаго цѣлію приготовить средства къ возстанію, въ ожиданіи благоприятнаго къ тому времени. Такимъ образомъ возникъ *Союзъ добродѣтели* (Tugendbund), подъ руководствомъ Штейна. Но реформы, задуманныя и исполненныя великимъ министромъ, вызвали сильное противо-дѣйствіе: люди отсталые, либо себялюбивые, пользовавшіеся исключительными выгодами при прежнемъ порядкѣ вещей, были естественными врагами Штейна. Въ числѣ ихъ были: по военной части фельдмаршалъ Калькрейтъ, а по гражданской—старый министръ Фоссъ. Нашлись въ Пруссіи люди, не устыдившіеся передать французскому правительству одно изъ Штейновыхъ писемъ по дѣламъ Союза добродѣтели. Слѣдствіемъ этого было удаленіе Штейна отъ должности министра, въ ноябрь 1808 года, и конфискація его имѣнія въ нассаускихъ владѣніяхъ. Его управленіе министерствомъ продолжалось только годъ съ небольшимъ, но составило эпоху новаго порядка дѣлъ, и многіе мудрыя уставы, въ послѣдствіи обнародованныя при государственномъ канцлерѣ Гарденбергѣ, были приготовлены Штейномъ (1). При открытіи военныхъ дѣйствій въ

(1) Beitzke, *Geschichte der deutschen Freiheitskriege*. I, 53—57.—*Das Leben des Ministers v. Stein*. v. Pertz. Zw. Aufl.

1812 г., Штейнъ, вызванный императоромъ Александромъ изъ Праги въ главную квартиру русской арміи, прибылъ въ Вильну, потомъ отправился въ Петербургъ и находился тамъ до отъѣзда государя въ армію въ концѣ года.

Одновременно съ общими государственными реформами въ Пруссіи, послѣдовало совершенное преобразование военныхъ учреждений. Душой этого важнаго дѣла былъ генералъ Шарнгорстъ. Поступивъ въ прусскую службу изъ ганноверской уже сорока пяти лѣтъ отъ роду, въ 1801 году, когда въ прусской арміи преимущественно гонялись за выправкой и формой, Шарнгорстъ, кривобокій, небрежный въ одеждѣ, объяснявшійся вяло и невразумительно, считался въ кругу своихъ товарищей мало способнымъ, непрактическимъ человекомъ. Одинъ изъ подчиненныхъ ему тогда штабъ-офицеровъ сказалъ напрямки, что всякій унтеръ-офицеръ можетъ принести болѣе пользы службѣ нежели Шарнгорстъ. Несмотря однакоже на такіе толки, онъ былъ надлежащимъ образомъ оцѣненъ начальствомъ, и въ 1807 году, уже будучи въ чинѣ полковника, начальникомъ штаба у Лестока, способствовалъ блистательнымъ дѣйствіямъ его въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау. По заключеніи тильзитскаго мира, Шарнгорстъ, произведенный въ генералъ-майоры, былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, учрежденной для возстановленія арміи; въ числѣ членовъ ея были приобрѣтшіе въ послѣдствіи громкую извѣстность: Гнейзенау, Борстель, Грольманъ и Бойенъ. Подобно Штейну, Шарнгорстъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны безсознательныхъ поборниковъ системы Фридриха Великаго, полагавшихъ, что коренныя реформы могли поколебать въ самомъ основаніи прусскую военную систему. Но никакія препятствія не могли остановить твердаго, непоколебимаго Шарнгорста; затаивъ во глубинѣ души свои виды и не открывая вполнѣ даже самымъ близкимъ къ нему лицамъ свои намѣренія, онъ приводилъ ихъ въ исполненіе не вдругъ, а по мѣрѣ того, какъ оказывалась необходимость въ нововведеніяхъ: такимъ образомъ успѣлъ онъ незамѣтно приготовить силы и средства, въ ожиданіи зари освобожденія Германіи. Въ эпоху тильзитскаго трактата, прусскія войска состояли всего-на-все изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ; вся матеріальная часть арміи находилась въ рукахъ Французовъ; нравственныя силы народа и войскъ были въ совершенномъ упадкѣ. Надлежало: создать новую армію,

народную, подобную непріятельской; снабдить войска, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ государства, артиллеріей, оружіемъ, одеждой, аммуниціей, лошадьми и сбруей; ввести уставы и тактику, сообразные съ современными требованіями военнаго искусства; наконецъ, вдохнуть въ народъ и армію довѣріе къ собственнымъ силамъ, безъ котораго слабы всѣ вещественныя средства.

Чтобы придать прочность новымъ постановленіямъ, надлежало, прежде всего, поддержать уваженіе къ прежнимъ. Еще во время пребыванія короля въ Мемелѣ послѣдовалъ приказъ о преданіи суду малодушныхъ комендантовъ, сдавшихъ безъ сопротивленія непріятелю вѣрныя имъ крѣпости; тогда же исключены изъ службы всѣ офицеры, сдавшіеся въ плѣнъ въ 1806 году, у Пренцлова. 3-го августа н. ст. 1808 года, объявленъ новый воинскій уставъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, на основаніи коего уничтожена гоньба сквозь строй и вообще отмѣнены всѣ тѣлесныя наказанія за какія бы то ни было преступленія, кромѣ безчестныхъ поступковъ. Военная служба сдѣлана обязательною для всѣхъ подданныхъ Пруссіи. На основаніи приказа 6-го августа н. ст. 1808 года, производство въ офицеры уже не зависѣло исключительно отъ происхожденія, а обуславливалось, въ мирное время, образованіемъ, поведеніемъ и свѣдѣніями; въ военное же время давали право на повышеніе только храбрость и отличные подвиги. вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены познанія, необходимыя для производства въ офицеры, а для облегченія средствъ къ приобрѣтенію этихъ познаній учреждены школы. Въ продолженіи 1810 и 1811 годовъ, Шарнгорстъ, съ содѣйствіемъ нѣсколькихъ офицеровъ, составилъ строевой уставъ, отличавшійся простотой и удобствомъ и по справедливости могущій назваться образцовымъ.

Главнѣйшимъ же изъ всѣхъ соображеній Шарнгорста было образованіе вооруженныхъ силъ на случай возстанія противъ Наполеона. По конвенціи, заключенной 8-го сентября н. ст. 1808 года принцемъ Вильгельмомъ съ французскимъ правительствомъ, прусская армія была ограничена числомъ сорока двухъ тысячъ человекъ. Но Шарнгорстъ нашелъ средство приготовить несравненно большія силы, не увеличивая числа войскъ постоянной арміи. Для этого рекруты, получивъ тактическое образованіе, съ содѣйствіемъ кадровъ, составленныхъ изъ старыхъ солдатъ, были отпускаемы по домамъ, а на мѣстѣ

ихъ набирались вновь другіе, которые, въ свою очередь, были увольняемы, и т. д. Молодые солдаты, возвратившіеся на родину, числились въ резервъ, либо употреблялись для сооруженія крѣпостей и на другія государственныя работы. Несмотря на скудость финансовыхъ средствъ Пруссіи въ эту эпоху, артиллерія, оружіе, аммуниція и военные припасы были заготовлены въ большомъ количествѣ, и найдено шестьдесятъ тысячъ лошадей, годныхъ на службу (1).

Уплата военной контрибуціи Наполеону, поглащавшая доходы тогдашней Пруссіи, заставила правительство прибѣгнуть къ ограниченію государственныхъ расходовъ. Король, во время пребыванія своего въ Мемель и потомъ въ Кенигсбергѣ, жилъ весьма просто; а весной, по желанію королевы, переѣзжалъ въ селеніе Гюбенъ, въ сосѣдствѣ Кенигсберга, гдѣ со всѣми дѣтьми помѣщался въ нѣсколькихъ комнатахъ. Примѣръ его побудилъ многихъ изъ окружавшихъ его лицъ къ умѣренности и пожертвованіямъ на общую пользу, но этого было недостаточно для уплаты контрибуціи въ опредѣленные сроки; а въ ожиданіи того, надлежало содержать на свой счетъ огромную французскую армію, занимавшую прусскія владѣнія. Правительство, для удовлетворенія притязаній Наполеона, было принуждено прибѣгнуть къ внутреннимъ и вѣшнимъ займамъ, къ продажѣ государственныхъ имуществъ и къ выпуску подъ залогъ ихъ ассигнацій (Schatz-Scheine). Но вѣшнымъ займамъ мѣшали зловѣщіе слухи объ уничтоженіи прусской монархіи, что въ дѣйствительности зависѣло отъ прихоти Наполеона.

6-го іюня н. ст. 1810 года, Гарденбергъ, въ званіи государственнаго канцлера, сталъ въ чело управленія Пруссіи; а въ концѣ октября того же года обнародовано состояніе прусскихъ финансовъ и объявлено о предстоящемъ созваніи областныхъ депутатовъ въ Берлинъ (куда переѣхалъ король еще въ декабрь 1809 года), для объясненія нуждъ и желаній народа и для пріисканія средствъ къ окончательному удовлетворенію французскаго правительства. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ узаконеній, заключавшихъ въ себѣ многія реформы по косвеннымъ налогамъ (2). 23-го февраля 1811 года было открыто

(1) Beitzke, I, 58—63.

(2) 1810 года, 28-го октября, значительно увеличены подати на сѣстные припасы и на предметы роскоши; 30-го октября уничтожены всѣ монастыри, за исключеніемъ тѣхъ, при коихъ находились училища;

собраніе областныхъ депутатовъ рѣчь канцлера, въ которой, стараясь доказать необходимость предпринятыхъ нововведеній, онъ торжественно обѣщалъ отъ имени короля введеніе представительнаго образа правленія. 14-го сентября того же года, обнародовано положеніе о взаимныхъ обязанностяхъ помѣщиковъ и крестьянъ, на основаніи коего послѣдніе получили въ полную и неотъемлемую собственность свои усадьбы, обязываясь платить владѣльцамъ, за надѣлъ прочею землею, ренту, опредѣленную комиссіей, составленною изъ экспертовъ (1).

Въ 1811 году уже была уплачена половина военной контрибуціи, и, на основаніи договоровъ, слѣдовало Французамъ очистить крѣпость Глогау. Но Наполеонъ нарушилъ это условіе. При открытіи войны между Россіей и Франціей, Пруссія, волнуемая справедливыми опасеніями насчетъ намѣреній императора Французовъ, была въ необходимости заключить съ нимъ союзъ, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Наполеонъ, пользуясь выгодами своего положенія, включилъ въ союзный договоръ, 24 февраля 1812 года, условіе о продолженіи занятія Глогау французскими войсками и ввелъ свои гарнизоны во всѣ прочія прусскія крѣпости, за исключеніемъ Грауденца и Кольберга. Такимъ образомъ, въ 1812 году, держа, насчетъ Пруссіи въ Глогау, Кюстринѣ и Штетинѣ, двадцать три тысячи человекъ, онъ увеличилъ гарнизоны въ Магдебургѣ до двѣнадцати и въ Данцигѣ свыше двадцати тысячъ человекъ; слѣдовательно, могъ совершенно господствовать въ странѣ, гдѣ, за отбытіемъ прусскаго вспомогательнаго корпуса на Двину, оставалось подъ ружьемъ только двадцать тысячъ человекъ собственныхъ войскъ. Наполеонъ безжалостно воспользовался правомъ сильнаго, обременивъ несчастныхъ жителей Пруссіи огромнымъ постоемъ войскъ и доставкой вслѣдъ за ними продовольствія и военныхъ запасовъ.

Неудачный походъ «великой арміи» въ Россію возбудилъ

2-го ноября отмѣнены цехи и разрѣшено свободно заниматься ремеслами, а въ замѣнъ того, наложена на мастеровыхъ общая подать и проч.

(1) На основаніи этого положенія, землевладѣлецъ не имѣлъ права выгнать крестьянина изъ усадьбы, даже и въ тѣмъ случаѣ, еслибы послѣдній не исполнилъ своихъ обязанностей. Кромѣ того, крестьяне получили въ неотъемлемое владѣніе часть воздѣлываемой ими земли, а за другую, оставшуюся во владѣніи помѣщиковъ, были обязаны платить ренту.

надежды Пруссіи, но жители ея и самъ король, окруженные французскими войсками, по прежнему находились въ совершенной зависимости отъ Наполеона. Къ тому же, Фридрихъ-Вильгельмъ, несмотря на многіе примѣры вѣроломства, поданные Наполеономъ, не рѣшался нарушить заключенные съ нимъ договоры. Таковы были причины, побудившія короля отрѣшиться отъ командованія войсками генерала Йорка. Желая избѣжать разрыва съ Франціей, канцлеръ Гарденбергъ покушался согласиться съ Меттернихомъ о нейтралитетѣ Пруссіи совокупно съ Австріей; но вѣнскій кабинетъ остерегался обнаружить свои намѣренія. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ принужденъ выжидать, пока французское правительство явно не подастъ ему повода къ сближенію съ императоромъ Александромъ, отказавъ въ справедливыхъ требованіяхъ Пруссіи насчетъ ликвидаціи суммъ, должныхъ ей Наполеономъ, и вывода гарнизоновъ изъ прусскихъ крѣпостей (1). А между тѣмъ, желая быть готовымъ на случай войны, король повелѣлъ, 3-го февраля н. ст. 1813 года, обнародовать, что опасность, которою угрожало государству приближеніе къ его предѣламъ военныхъ дѣйствій, требовала быстрого усиленія арміи, но что финансовыя средства правительства не позволяли увеличить издержки на содержаніе войскъ; поэтому было постановлено, чтобы молодые люди, отъ 17 до 24-лѣтняго возраста, не обязанные къ поступленію на службу, но имѣвшіе возможность одѣться и приобрѣсти аммуницію на собственный счетъ, составили пѣшія и конныя дружины вольныхъ егерей (*freiwillige Jägerschaaren zu Fusse und zu Pferde*), кои предполагалось придавать къ пѣхотнымъ и кавалерійскимъ полкамъ. Этимъ волонтерамъ были предоставлены многія права и преимущества (2). Тѣ же изъ молодыхъ людей, которые отказались бы явиться на призывъ отечества, не были принуждаемы къ службѣ, но не могли надѣяться ни на какія награды, либо повышенія, во все продолженіе войны. Шесть дней спустя, 9-го февраля н. ст., было отмѣнено всякое увольненіе отъ службы въ войскахъ (3).

(1) Förster, *Geschichte der Befreiungskriege*, 1813, 1814, 1815. 3-te Aufl. I, 57.

(2) Прусскимъ волонтерамъ были предоставлены: выборъ полковъ, въ коихъ они желали служить, увольненіе отъ службы въ крѣпостныхъ гарнизонахъ, выборъ изъ среды себя своихъ офицеровъ, право на полученіе мѣстъ въ гражданской службѣ по окончаніи войны.

(3) *Das Leben des Minist. v. Stein*: III, 298—299.

Повидимому, Фридрихъ-Вильгельмъ, все еще не надѣясь побудить народъ къ общему вооруженію, повелѣлъ 22-го февраля обнародовать слѣдующее объявленіе: король, находя, что, при общемъ достохвальномъ стремленіи всѣхъ и каждаго принять участіе въ защитѣ отечества, необходимо обнаружить и подвергнуть наказанію немногіе случаи малодушія, либо хладнокровія къ общей пользѣ, постановилъ, чтобы, вопервыхъ, всякая передача недвижимыхъ имѣній отъ отца къ сыновьямъ, не состоящимъ на службѣ, считалась недѣйствительною, если отецъ имѣетъ менѣе пятидесяти, а сыновья достигли двадцати-четырехъ лѣтъ и совершенно здоровы; вторыхъ, каждый изъ уклоняющихся отъ службы, по какому-либо ничтожному предлогу, лишается правъ состоянія, поступаетъ въ опеку и не можетъ ни носить прусской кокарды, ни занимать общественныхъ должностей, и третьихъ, каждый отецъ семейства, либо опекунъ, затрудняющій своимъ сыновьямъ, или состоящимъ въ его опекѣ молодымъ людямъ, вступленіе въ военную службу, подвергается также потерѣ правъ состоянія (1).

Въ послѣдствіи оказалось, что прусскій народъ, возбужденный чувствами долга и чести, превзошелъ ожиданія короля и изгладилъ память постыдныхъ событій 1806 года. Еще до обнародованія королевскихъ указовъ о всеобщемъ вооруженіи, на общемъ собраніи областныхъ депутатовъ Восточной Пруссіи, 5-го февраля н. ст., по предложенію генерала Йорка, постановлено: набрать резервъ въ тринадцать тысячъ человѣкъ для укомплектованія его корпуса; выставить ландверъ, силой въ двадцать тысячъ; сдѣлать ландштурмъ (поголовное вооруженіе), изъ всѣхъ людей отъ 18-ти до 45-ти-лѣтняго возраста, и сформировать конный отрядъ изъ семисотъ охотниковъ, которые обяжутся экипироваться на свой собственный счетъ и послужать разсадникомъ для офицеровъ ландвера (2). Исполненіе этого проекта было поручено комиссіи, подъ предѣтельствомъ бывшаго государственнаго министра (3), графа

(1) *Beihefte zum Milit. Wochen-Blatt*, 1845 и 1846.

(2) *Das Leben des Minist. v. Stein*. III, 289. Письмо къ императору Александру I Штейна изъ Кенигсберга, отъ 25-го января (6 февраля) 1813 года (*Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ*).

(3) Графъ Дона, будучи назначенъ, на мѣсто Штейна, государственнымъ министромъ, въ 1808 году, оказалъ важныя заслуги; онъ оставилъ эту должность въ 1810 году.

Доны (Dohna), а производителемъ дѣлъ назначенъ извѣстный ненавистью къ Французамъ докторъ правъ Гейдеманъ (1).

Какъ только узнали въ Берлинѣ, тогда еще занятомъ французскими войсками, о вызовѣ короля къ вооруженію, то въ продолженіи трехъ сутокъ поступило въ охотники девять тысячъ молодыхъ людей. Нѣсколько дней спустя, король усмотрѣлъ изъ оконъ своего бреславскаго дворца довольно значительный обозъ: это были нѣкоторые изъ берлинскихъ охотниковъ, пріѣхавшіе въ Бреславль на восьмидесяти повозкахъ. На вопросъ Шарнгорста: «убѣдились ли вы, государь, въ истинѣ словъ моихъ?» король отвѣчалъ слезами, показавшими доблестному министру, что всѣ прежнія сомнѣнія исчезли. И ежели призывъ народа къ оружію требовалъ нѣкоторыхъ побудительныхъ распоряженій со стороны правительства, то, къ вѣчной славѣ Пруссіи, жертвы имуществомъ на алтарь отечества были принесены добровольно, порывомъ общаго народнаго увлеченія. По совершенному истощенію Пруссіи въ 1813 году, пожертвованія частныхъ людей не могли равняться съ огромными суммами, предложенными у насъ дворянскимъ и купеческимъ сословіями въ отечественную войну 1812 года. Но и въ Пруссіи, подобно тому, какъ было въ Россіи, каждый жертвовалъ многимъ, и многіе жертвовали всѣмъ. Большіе города и зажиточные люди выставляли пѣшихъ и конныхъ егерей въ полномъ вооруженіи, не рѣдко обзываясь снабжать ихъ жалованьемъ въ продолженіе всей войны; другіе, имѣвшіе менше средствъ, жертвовали, по возможности, на вооруженіе и экипировку волонтеровъ; нѣкоторые предлагали половину получаемаго ими жалованья, или пенсіи, либо отдавали единственную остававшуюся у нихъ пару серебряныхъ ложекъ; довольно значительныя суммы были присланы отъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными. Многія дамы жертвовали серьгами, браслетами и даже обручальными кольцами, изъявляя сожалѣніе, что имъ болѣе нечего было дать. Въ Бреславлѣ, гдѣ присутствіе короля, нашедшаго тамъ убѣжище отъ враговъ отечества, возбуждало особенный восторгъ, одна молодая дѣвушка, желая участвовать въ пожертвованіяхъ, но не имѣвшая ничего,

(1) Гейдеману, умершему на сорокъ-второмъ году отъ роду, въ ноябрѣ 1813 года, отъ усиленныхъ трудовъ, понесенныхъ въ дѣлѣ освобожденія Германіи, поставленъ памятникъ въ Кенигсбергѣ. Beitzke, I, 143—144.

отправилась къ куаферу и просила его оцѣнить ея волосы, красота которыхъ удивляла всѣхъ ее знавшихъ. «Они могутъ стоить десять талеровъ,» отвѣчалъ онъ.—«Ну такъ остригите ихъ и дайте мнѣ за нихъ деньги», сказала великодушная красавица. Пораженный неожиданнымъ предложеніемъ, куаферъ нѣсколько разъ брался за ножницы, и наконецъ объявилъ дѣвушкѣ, что онъ не рѣшается лишить ее такого безцѣннаго сокровища. Но это не остановило ея: она сама обрѣзала свои волосы и отослала ихъ въ комитетъ, учрежденный для принятія пожертвованій, съ слѣдующею запиской: «Куаферъ N. N. предлагалъ десять талеровъ за мои волосы; считаю себя счастливою, имѣя возможность принести отечеству эту ничтожную жертву.» Комитетъ приказалъ сдѣлать изъ присланныхъ волосъ браслеты и кольца, которыя, въ воспоминаніе такого прекраснаго поступка, продавались дорогою цѣной и доставили въ кассу комитета двѣсти пятьдесятъ талеровъ.

Одному изъ берлинскихъ ювелировъ былъ сдѣланъ отъ правительства большой заказъ желѣзныхъ колецъ, опредѣленной формы, съ надписью: *Gold gab ich für Eisen. 1813.* (Отдалъ золото за желѣзо. 1813.) На полученіе такого кольца имѣли право исключительно тѣ, кои жертвовали отечеству какою-либо золотою или серебряною вещью. Какъ только узнали объ этомъ распоряженіи, то въ первый же день было обмѣнено полтора ста золотыхъ обручальныхъ колецъ на желѣзныя; вообще же доставлено: золотыхъ колецъ, серегъ, цѣпочекъ и прочихъ драгоценныхъ вещей около ста шестидесяти тысячъ. Въ послѣдствіи желѣзныя кольца, съ надписью: *Gold gab ich für Eisen*, сдѣлались сокровищемъ семействъ, служа воспоминаніемъ пожертвованій, ими сдѣланныхъ (1).

Многіе прусскіе граждане жертвовали всѣмъ достоинствомъ, а жены и дочери ихъ посвящали себя призрѣнію больныхъ и раненыхъ; были даже и такія, которыя, не ограничиваясь тѣмъ, переодѣвались въ мужское платье, поступали въ ряды воиновъ, сражались храбро и умирали за святую родину: имена восемнадцатилѣтней Элеоноры Прогаска, вступившей въ партизанскій отрядъ Люцова, подъ именемъ Августа Ренца, и павшей славною смертію въ дѣлѣ при Герде, и Шарлотты Крюгеръ, произведенной въ унтеръ-офицеры и получившей желѣз-

(1) Извлечено изъ Берлинскихъ и Бреславльскихъ вѣдомостей 1813 года.

ный крестъ 2-й степени,—эти имена достойны почетнаго мѣста въ исторіи войны за независимость Германіи. Одна молодая дѣвушка, родомъ изъ Стральзунда, служила въ кавалеріи, подъ именемъ Карла Петерсена, была произведена въ вахмистры, получила двѣ раны, и въ награду своихъ подвиговъ украшена желѣзнымъ крестомъ 1-й степени (1).

Испанскій посолъ въ Берлинѣ, донъ Хосе Писарро, писалъ въ Мадридъ, что въ Пруссіи народъ вооружается *по-испански*. Въ одномъ изъ своихъ отзывовъ, онъ говоритъ: «Во всей Германіи господствуютъ въ высшей степени чувства народной самобытности и преданности къ законнымъ владѣтелямъ. Но нигдѣ эти благородныя чувства не обнаружались столь сильно, столь сходно съ событіями нашей славной Испаніи, какъ въ прусскихъ владѣніяхъ.... Сестра короля отослала всѣ свои драгоценныя вещи въ государственное казначейство, на военныя издержки, и тотъ же часъ всѣ женщины пожертвовали своими украшениями до послѣдней бездѣлицы. Я говорю всѣ, нисколько не преувеличивая, потому что едва ли были какія-либо исключенія, кромѣ бѣдныхъ, ничего не имѣвшихъ. Всѣ обручальныя кольца были принесены на алтарь отечества, и въ замѣну ихъ розданы желѣзные перстни съ надписью: *Я отдала золото за желѣзо*. Эти перстни, драгоценныя по напоминаемой ими народной доблести, отличаются изяществомъ работы. Ежели дамы и носятъ еще какія-либо вещи, то единственно желѣзныя. Такіе патріотическіе перстни невозможно достать ни за какую цѣну, потому что они выдаются исключительно въ замѣну пожертвованій золотыми и серебряными вещами.

«Берлинъ представляетъ зрѣлище, столь же величественное, сколько и трогательное. Всѣ улицы наполнены ранеными (2); на каждомъ шагѣ встрѣчаются увѣчные—на костыляхъ, съ подвязанными руками и проч., либо только одни женщины, старики и дѣти. За то, на всѣхъ площадяхъ учатся цѣлыя батальоны рекрутъ, кавалерійскіе взводы занимаются сабельными приѣмами и манежною ѣздой...

«Король—первый солдатъ своей арміи. Благодушіе и важность, которыми украшены черты лица его, простота его одежды, его привѣтливость, бережливость, живое участіе, принимаемое

(1) *Aachener Zeitung*, 1844 und 1845.

(2) Письмо это было писано уже осенью 1813 года.

имъ въ благосостояніи своихъ подданныхъ, содѣлываютъ его предметомъ обожанія и восторга прусскихъ гражданъ, которые никогда еще не являли себя столь великимъ народомъ, какъ въ настоящее время...» (1)

Подобное настроеніе народа должно было неминуемо вовлечь правительство въ открытую борьбу съ притѣснителемъ Германіи. Но король, по прибытіи въ Бреславль, все еще колебался въ нерѣшимости, которой главною причиною были внушенія нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ нему лицъ, страшившихся разрыва съ Франціей. Вступленіе генерала Шарнгорста снова въ должность генераль-квартирмейстера, сопряженное съ правомъ присутствовать въ совѣтѣ министровъ, усидило поборниковъ союза съ Россіей, но не доставило имъ несомнѣннаго перевѣса. Нашлись люди, увѣрившіе короля, что Наполеонъ, послѣ понесеннаго имъ урона въ истекшемъ году, совершенно оставилъ мысль о всемірной монархіи, и что будто бы надлежало преимущественно опасаться преобладанія Россіи. Полагали, что императоръ Французовъ, имѣя въ то время необходимую нужду въ союзѣ съ Пруссіей, готовъ былъ согласиться на все ея требованія и образовать изъ этой монархіи, увеличенной содѣйственными владѣніями, обширное государство, которое могло бы служить ему преградой противъ Россіи. Къ тому же нѣкоторые, сомнѣваясь въ безкорыстїи видовъ императора Александра I, думали, что онъ, занявъ вооруженною рукою подѣскія области, прежде принадлежавшія Пруссіи, воспользуется случаемъ удержать ихъ въ своей власти. Носились слухи, что многіе изъ сподвижниковъ нашего государя предлагали ему расширить предѣлы Россіи на счетъ Пруссіи. Несмотря, однакоже, на то, личныя отношенія короля Фридриха-Вильгельма къ императору Александру, сочувствіе прусскаго народа къ Русскимъ и отложеніе Йорка отъ Французовъ должны были неминуемо побудить Пруссію къ союзу съ Россіей. По прибытіи короля въ Бреславль, онъ хотѣлъ немедленно послать довѣренное лицо для переговоровъ къ императору Александру; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая подать Наполеону поводъ къ недовѣрчивости, испрашивалъ его согласія на отправленіе переговорщика въ нашу главную квартиру; цѣлю же или предлогомъ переговоровъ съ русскимъ

(1) Изъ письма донъ-Хосе-Писарро къ Антонию-Кано-Манозю, въ Мадридѣ.

правительствомъ было признаніе нашимъ государемъ нейтралитета Бреслава и южной Силезіи. Наполеонъ отклонилъ это предложеніе; но король все-таки послалъ, въ началѣ февраля н. ст., своего генераль-адъютанта, полковника Кнезебека, инкогнито, подъ именемъ купца Эделинга, въ главную квартиру русской арміи. 9-го февраля н. ст. Кнезебекъ отправился въ нашу главную квартиру, тогда находившуюся въ Клодавѣ, въ двухъ переходахъ отъ Калиша, и прибылъ туда 3-го (15-го) февраля. Императоръ Александръ, принявъ его въ тотъ же день, объяснилъ ему опредѣлительно свои виды: «Желаю, сказалъ государь, чтобы Пруссія была возстановлена во всемъ прежнемъ, и даже, если успѣхъ увѣнчаетъ наши усилія, еще въ большемъ блескѣ; тотъ день, въ который возвратится королю законно принадлежащія ему владѣнія, будетъ прекраснѣйшимъ днемъ моей жизни.»

Казалось, такое начало переговоровъ обѣщало столь же быстрый, сколько и успѣшный исходъ ихъ. Вышло иначе: Кнезебекъ не умѣлъ обсудить обоюдное положеніе Россіи и Пруссіи, и вмѣсто того чтобы прямо объясниться съ императоромъ Александромъ, хитрилъ и запутывался въ дипломатическихъ тонкостяхъ. Полагая, что наше правительство стремилось къ приобрѣтенію Восточной Пруссіи, Кнезебекъ не обратилъ вниманія на дѣйствительные виды нашего государя, влонившіеся къ овладѣнію Варшавскимъ герцогствомъ и къ расширенію предѣловъ Пруссіи на счетъ Саксоніи. Самъ Штейнъ, замѣтивъ, что такіе переговоры вели къ напрасной тратѣ времени и замедляли освобожденіе Германіи, выразилъ о томъ свое мнѣніе, съ отличавшею его откровенностію, Кнезебеку, и писалъ, въ такомъ же смыслѣ, Гарденбергу. Императоръ Александръ, желая ускорить ходъ дѣла, прервалъ переговоры съ мнительнымъ Кнезебекомъ, и отправилъ къ королю, въ Бреславль, Штейна и Анштетта, уполномочивъ ихъ вести переговоры съ прусскимъ правительствомъ. Несмотря на сильную простуду, которою страдалъ, Штейнъ немедленно поѣхалъ въ Бреславль, и прибывъ туда 13 (25) февраля, явился къ королю и объяснилъ ему опасность оставаться въ союзѣ съ Французами, такъ какъ вся Пруссія тому противилась. «Невозможно, сказалъ онъ, вѣрить обѣщаніямъ Наполеона, да еслибъ онъ и дѣйствительно хотѣлъ сдѣлать что-либо полезное для Пруссіи, то едва ли онъ уже въ состояніи исполнить свои намѣренія; съ другой стороны, трудно будетъ противодействовать Россіи,

либо слѣдовать примѣру Австріи, которая находится совсѣмъ въ иномъ положеніи. По моему мнѣнію, продолжалъ Штейнъ, императоръ Александръ твердо рѣшился возстановить Пруссію, и намъ остается одно—отстаивать соединенными силами обоихъ государствъ независимость Германіи. Въ случаѣ же, ежели прусское правительство останется въ союзѣ съ Наполеономъ, императоръ присоединитъ къ своимъ владѣніямъ всѣ области до Вислы и учредитъ въ нихъ русское управленіе (1).»

Успѣшному ходу переговоровъ способствовало прибытіе въ Бреславль депутата Восточной Пруссіи, майора, графа Дона (Dohna), брата бывшего государственнаго министра, съ извѣстіемъ о постановленіи сейма областныхъ чиновъ—выставить на свой собственный счетъ тридцать тысячъ человекъ ландвера. Хотя такое самостоятельное распоряженіе сейма, собраннаго подъ вліяніемъ русскихъ властей, не понравилось Фридриху-Вильгельму, однакоже значительное вооруженіе одной изъ важнѣйшихъ областей Пруссіи должно было оказать — и дѣйствительно оказало — большое вліяніе на короля, убѣдившагося на дѣлѣ, на какія огромныя пожертвованія готовъ былъ народъ въ случаѣ войны съ Наполеономъ. Такое общее настроеніе умовъ, съ одной стороны, ручалось въ успѣхъ борьбы на жизнь и смерть за независимость Германіи, а съ другой, выказывало неизбѣжность союза съ Россіей: слѣдствіемъ этого было заключеніе союзнаго трактата въ Бреславлѣ 15-го (27-го) февраля, за подписью канцлера Гарденберга и Анштетта; на слѣдующій день, 16-го (28-го), этотъ договоръ былъ подписанъ въ Калишѣ княземъ Кутузовымъ и генераломъ Шарнгорстомъ, присланнымъ, по желанію нашего государя, въ нашу главную квартиру, на мѣсто Кнезебека. Съ этого времени Шарнгорстъ былъ весьма дѣятельнымъ и полезнымъ посредникомъ между войсками обѣихъ союзныхъ державъ (2).

На основаніи трактата, между Россіей и Пруссіей, постановлено: 1) заключить оборонительный и наступательный союзъ, для возстановленія Прусской монархіи въ такихъ предѣлахъ, какихъ требовало обезпеченіе спокойствія обѣихъ державъ; 2) съ этою цѣлію, Россія обязалась выставить 150.000, а

(1) *Das Leben des Minist. v. Stein*, III, 300 — 302. Beitzke, I, 168 — 171.

(2) *Das Leben des Minist. v. Stein*, III, 304. Beitzke, I, 171.

Пруссія 80.000 человекъ, не считая крѣпостныхъ гарнизоновъ; 3) обѣ державы согласились не заключать отдѣльно ни мира, ни перемирія съ Наполеономъ; 4) употребить все средства для склоненія Австріи къ принятію участія въ союзѣ противъ Франціи и войти въ переговоры съ Англіей о снабженіи Пруссіи оружіемъ, припасамъ и субсидіямъ.

По секретнымъ условіямъ этого же договора, императоръ Александръ I обязался не прекращать войны до тѣхъ поръ, пока Пруссія будетъ восстановлена въ статистическомъ, географическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, не только сообразно съ положеніемъ государства до войны 1806 года, но и съ расширеніемъ его предѣловъ областями, которыя послужили бы связью между Старою Пруссіей и Силезіей. Союзныя державы, предвидя необходимость удовлетворенія Англіи, положили не включать Ганновера въ число земель, долженствовавшихъ послужить къ вознагражденію Пруссіи (1).

Договоръ, заключенный въ Калишѣ, не былъ объявленъ немедленно по его подписаніи ни французскому правительству, ни прусскому народу. Король хотѣлъ разорвать союзъ съ Наполеономъ не прежде, какъ по очищеніи прусскихъ владѣній отъ Французовъ нашими войсками. А между тѣмъ, въ Пруссіи, народныя ополченія, съ каждымъ днемъ, получали большее развитіе.

Душой этихъ приготовленій былъ гениальный Шарнгорстъ. Едва лишь принялъ онъ управленіе военною частію, какъ послѣдовалъ приказъ о призывѣ на службу въ Силезію (подобно тому, какъ уже было въ Пруссіи и Помераніи) всехъ *кримпировъ* (2) и отпускныхъ солдатъ; тогда же сдѣлана перепись всехъ рекрутамъ, а равно лошадямъ, годнымъ къ службѣ. Для сбора людей въ Восточной Пруссіи, подъ начальствомъ генерала Бюлова, назначенъ былъ Грауденцъ, а въ Новой-Маркѣ (Neumark), подъ начальствомъ Борстеля, — Кольбергъ, единственныя крѣпости въ сихъ областяхъ, занятыхъ прусскими гарнизонами и могшія служить спорными пунктами для народныхъ вооруженій. Изъ прочихъ же областей, занятыхъ французскими

(1) Договоръ, заключенный въ Бреславлѣ и Калишѣ, 15 (27) и 16 (28) февраля, 1813 года. Koch. *Histoire abrégée des traités de paix*, III, 263.

(2) Кгімпрег—обученные рекруты, которые, бывъ распущены по домамъ, составляли резервъ дѣйствующей арміи.

войсками, охотники пробирались кое-какъ на сборные пункты, преимущественно въ Силезію.

Въ 1807 году, по заключеніи тильзитскаго трактата, пѣхота прусской арміи состояла всего-на-все изъ одиннадцати трех-батальйонныхъ полковъ, въ числѣ тридцати тысячъ человекъ (въ началѣ 1813 года сформированъ еще одинъ полкъ, 12-й линейный). Эти полки были укомплектованы отпускными солдатами до полнаго числа, на военномъ положеніи, восьми сотъ человекъ въ батальйонѣ; а кавалерійскіе полки до полутора ста человекъ въ эскадронѣ; артиллерія и войска инженернаго вѣдомства также были пополнены. Кроме того, сформировано пятьдесятъ два резервные батальйона, также на военномъ положеніи, всего въ числѣ 41.600 человекъ, что усилило армію до восьмидесяти тысячъ. Недостатокъ въ офицерахъ, весьма чувствительный при послѣднемъ формированіи войскъ, былъ устраненъ принятіемъ на службу отставныхъ, производствомъ въ офицеры портупей-прапорщиковъ и способнѣйшихъ унтеръ-офицеровъ, выпускомъ изъ кадетъ и въ особенности повыше-ніемъ молодыхъ людей, служившихъ въ охотникахъ (*freiwillige Jäger*). Въ послѣдствіи, во время перемирія, изъ резервныхъ батальйоновъ сформированы резервные полки, трехбатальйоннаго состава, которые, по заключеніи мира, переименованы въ линейные. Недостатокъ финансовыхъ средствъ заставилъ правительство возложить на обывателей страны обмундированіе новосформированныхъ войскъ и поставку всѣхъ ремонтныхъ лошадей для кавалеріи и артиллеріи. Продовольствованіе же съѣстными припасами нижнихъ чиновъ было на попеченіи хозяевъ, у которыхъ отводились для постоя квартиры.

Какъ пѣхотные, такъ и кавалерійскіе полки, на основаніи положенія отъ 3-го февраля, были усилены особыми дружинами (*Jäger-Abtheilung*), изъ охотниковъ. Комплектное число людей въ дружинѣ равнялось положенному въ ротахъ и эскадронахъ, именно пѣшія дружины были въ двѣсти, а конныя въ полтора ста человекъ. Образование пѣшихъ и конныхъ охотниковъ (*freiwillige Jäger zu Fuss und zu Pferd*) усилило армію многими тысячами воиновъ; но для рѣшительной борьбы съ Наполеономъ всѣ исчисленныя мѣры были недостаточны: надлежало ополчить весь народъ, и съ этою цѣлю учреждены ландверъ и ландштурмъ.

Основаніями положенія о ландверѣ послужили два проекта, изъ которыхъ одинъ былъ составленъ генераломъ Шарнгор-

стомъ еще въ 1808 году, а другой—о ландверъ Восточной Пруссіи—поднесенъ королю майоромъ, графомъ Дона, въ Бреславлѣ. Это положеніе, послѣдовавшее 5-го (17-го) марта, было обнародовано въ берлинскихъ вѣдомостяхъ 11-го (23-го) числа того же мѣсяца. Для соображенія вооруженныхъ силъ, которыя надлежало выставить, подъ именемъ ландвера, въ каждой изъ прусскихъ областей, было принято число войскъ, добровольно предложенное чинами Восточной Пруссіи, и вслѣдствіе того опредѣлено сформировать:

Въ Восточной Пруссіи	20 бат.	19 эск.	
— Помераніи	12	— 12	—
— Новой-Мархин.	12	— 8	—
— Куръ-Мархин.	28	— 21	—
— Силезіи.	60	— 40	—

Всего же 132 — 100 —

Въ послѣдствіи, когда была очищена отъ непріятеля страна за Эльбой, и учреждены въ ней народныя вооруженія, составъ ландвера увеличился до 150 батальоновъ и 124 эскадроновъ. Эти войска усилили дѣйствующую армію ста двадцатью тысячами человекъ пѣхоты и двадцатью тысячами кавалеріи, но, за исключеніемъ ландверовъ Восточной Пруссіи, они были сформированы уже во время перемирія.

Одновременно съ учрежденіемъ ландвера обнародовано положеніе о ландштурмѣ, или вооруженіи всѣхъ людей, способныхъ дѣйствовать оружіемъ, съ наставленіемъ, заключающимъ въ себѣ правила обученія пѣшаго и коннаго ландштурма.

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ вооруженій, были сформированы: народныя кавалерійскіе полки (National-Kavalerie-Regiment), изъ числа коней: одинъ—въ Восточной Пруссіи, состоявшій изъ пяти эскадроновъ, въ 150 человекъ каждый, и отряда конныхъ егерей, въ 150 человекъ; другой—въ Помераніи, трехъ-эскадроннаго состава, въ числѣ всего четырехъ сотъ пятидесяти человекъ, и третій—въ Силезіи, изъ двухъ эскадроновъ гусаръ и отряда 50-ти конныхъ егерей.

Наконецъ, были еще сформированы, преимущественно изъ иностранцевъ, такъ-называемыя вольныя (партизанскіе) отряды (Freischaagen), чему способствовала общая ненависть обитателей Германіи къ Наполеону. Важнѣйшій изъ нихъ, отрядъ Люцова, мало-по-малу усилился до трехъ батальоновъ и пяти эскадроновъ, съ одною полубатареей пѣшей и одною же полубатареей конной артиллеріи. Другой отрядъ, подполковника

Рейсса, собранный изъ Вестфальцевъ, состоялъ изъ четырехъ батальионовъ, а третій, капитана Рейхе, — изъ одного батальиона и егерской дружины.

Вообще же вооруженныя силы Пруссіи собирались на четырехъ пунктахъ: 1) въ Восточной Пруссіи, подъ начальствомъ генерала Йорка; 2) въ Западной Пруссіи, у Грауденца, подъ начальствомъ генерала Бюлова; 3) въ Помераніи и Новой Мархіи, у Кольберга, гдѣ формировалъ войска генераль-майоръ Борстель, и наконецъ, 4) въ Силезіи сосредоточивалась наибольшая часть силъ, подъ начальствомъ Блюхера.

Послѣдствіями народнаго вооруженія въ Пруссіи были пополненіе и образованіе слѣдующихъ войскъ:

14-ти линейныхъ пѣшихъ, 20-ти конныхъ полковъ, 11-ти батальионовъ и 3-хъ эскадроновъ съ артиллеріей, всего въ числѣ	56.350 ч.
52-хъ резервныхъ батальионовъ, въ числѣ	41.600 —
Волонтерныхъ егерскихъ отрядовъ, въ числѣ до	10.000 —
3-хъ народныхъ кавалерійскихъ полковъ, всего	1.650 —
Ландвера	140.000 —
Вольныхъ отрядовъ	5.000 —
<u>Всего около 254.000 — (1)</u>	

(1) Вѣдомость прусскимъ войскамъ:

Линейныя войска:

14 пѣхотныхъ полковъ	32.238 чел.
(Изъ числа ихъ два сводныхъ.)	
6 гренадерскихъ батальионовъ	4.830 —
4 батальиона егерей и стрѣлковъ	2.815 —
Образцовый батальионъ	805 —
	<u>Пѣхоты 40.688 —</u>
19 конныхъ полковъ	10.356 чел.
Образцовый эскадронъ	150 —
Эскадронъ гвардейскихъ уланъ	150 —
	<u>Кавалеріи 10.656 —</u>
15 пѣшихъ и 10 конныхъ артиллерійскихъ ротъ	4.306 —
7 пионерныхъ ротъ	700 —
РЕЗЕРВНЫЕ БАТАЛЬИОНЫ:	
9 батальионовъ генерала Бюлова, въ Западной Пруссіи и Новой Мархіи	7.200 —
8 батальионовъ Борстеля, въ Помераніи	6.400 —
28 батальионовъ въ Силезіи	20.800 —
Остальные 9 батальионовъ Йорка, въ Восточной Пруссіи и пр.	7.200 —
	<u>41.600 —</u>

Изъ числа этихъ войскъ, въ февралѣ и мартѣ, было выставлено болѣе 100.000 человекъ, именно: линейные полки, часть резервныхъ батальоновъ, волонтерныхъ егерскихъ отрядовъ и ландвера Восточной Пруссіи. Слѣдовательно, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ Пруссія укомплектовала свою постоянную армію и увеличила ее въ два съ половиной раза.

М. Богдановичъ.

МАРОККО

И

ПОСЛѢДНЯЯ ИСПАНСКАЯ ВОЙНА ⁽¹⁾

II.

Исторія внутренней и вѣшной политики Марокко представляетъ собою однообразный и утомительный рядъ междуусобныхъ войнъ, узурпаторствъ, обмановъ, трагическихъ катастрофъ. Мавританскіе вѣстители считаютъ вѣрность данному слову неприличнымъ стѣсненіемъ верховной власти. «Не принимаешь ли ты меня за невѣрнаго, говорилъ одинъ изъ шерифовъ Европейцу, — воображая, что я буду рабомъ своего слова? Не властенъ ли я измѣнить его, когда и какъ мнѣ вздумается?» Они даже дѣлаютъ свое заключеніе о христіаняхъ, какъ послѣдователяхъ ложнаго ученія, именно на томъ основаніи, что они не свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, что они рабы своего слова и своихъ обѣщаній (2). Такимъ образомъ, сношенія Европы и Америки съ Мароканскою имперіей, ограничиваясь заключеніемъ разныхъ трактатовъ, мирныхъ, дружескихъ и

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 19.

(2) *Specchio geografico e statistico dell'Impero di Marocco*, del cavaliere conte Jacopo Gräberg di Hemsö; p. 198.

торговыхъ, представляютъ множество затрудненій и даже опасностей. Тѣмъ не менѣе, богатая производительность страны и надежды на будущія выгоды возбуждаютъ во многихъ цивилизованныхъ государствахъ желаніе сблизиться съ западною Берберіей, а Данія и Швеція, какъ мы сказали уже прежде, желая обезопасить себѣ плаваніе по Гибралтарскому проливу и Средиземному морю, а равно и сдѣлать доступными атлантическіе приморскіе города Марокко, но не сумѣвъ заставить мароканскихъ салійскихъ пиратовъ (1) уважать флагъ свой, очень долго платили унижительную и довольно высокую дань султанамъ. До сихъ поръ въ сторонѣ держались только Пруссія да Россія, не признававшія мароканскаго правительства даже законнымъ (2); остальные же государства всѣ имѣютъ своихъ представителей, то-есть консуловъ и консульскихъ агентовъ, въ Тангеръ или Тетуанъ. Впрочемъ, содержаніе этихъ консуловъ, несмотря на всю ограниченность дипломатическихъ сношеній съ имперіей, обходится Европѣ очень дорого: и не платя дани, какъ Швеція и Данія, европейскія государства должны, однако, тратить большія суммы на подарки султану и его приближеннымъ; безъ этихъ подарковъ невозможны никакія сношенія съ Марокко. Притомъ, поддержаніе сношеній сопряжено съ большими опасностями для представителей европейскихъ державъ: они должны обладать большою ловкостью, личнымъ мужествомъ, присутвіемъ духа, необыкновенною изворотливостію, чтобъ удержаться на мѣстѣ и не подвергнуться внезапно самому варварскому обращенію, или чтобъ ихъ насильно не посадили на корабль и не отправили во свояси.

При такомъ положеніи дѣлъ, непріязненныя столкновенія весьма естественны и даже неизбежны. У Испаніи же были всегда и другія причины столкновеній съ Марокко: самое близкое, въ сравненіи со всѣми другими европейскими государствами, сосѣдство, воспоминанія вѣковаго господства Арабовъ, неоспоримыя выгоды колоніальныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, владѣній въ роскошныхъ областяхъ Берберіи, всегда должны были служить сильнымъ возбуждающимъ средствомъ къ завоевательнымъ попыткамъ Испаніи противъ Марокко.

(1) То-есть пиратовъ города Сала или Сале.

(2) *Specchio dell'Impero di Marocco*, p. 230.

Этому стремленію обязаны своимъ существованіемъ и тѣ *пресиды*, которыя перечислены нами въ первой статьѣ. До сихъ поръ эти пресиды, требуя отъ метрополіи большихъ непроезводительныхъ тратъ на содержаніе войска и монтировку зданій, не приносятъ еще никакой пользы Испаніи. Но правительство этого государства не теряетъ, вѣроятно, надежды на болѣе-успѣшный для него ходъ событій и пользуется всякимъ случаемъ для расширенія своихъ владѣній въ Берберіи, хотя бы для расширенія самаго незначительнаго.

Единственно этимъ стремленіемъ и объясняется послѣдняя война Испаніи съ Марокко; потому что хотя мы и сказали, что столкновенія неизбежны при варварскомъ взглядѣ султановъ на международныя отношенія, однако, въ настоящее время, передъ войной, мароканское правительство держало себя осторожно и серьезныхъ поводовъ къ разрыву совсѣмъ не подавало. Самое роскошное изъ всѣхъ консульствъ Европы, испанское консульство въ Тангерѣ пользовалось особеннымъ почетомъ наравнѣ съ британскимъ консульствомъ, и трактатъ 24 августа 1859, укрѣпившій за Испаніей владѣніе небольшою территоріей близъ Мелиллы и обезпечивавшій, въ подкрѣпленіе трактата 1845 года, испанскія пресиды, не былъ сознательно нарушенъ со стороны мароканскаго правительства. Поводомъ къ объявленію войны послужили Испаніи нападенія на Сеуту дикихъ Рифлянъ, совершенно, какъ мы говорили, непокорныхъ султану, и едва ли, поэтому, могла лежать на султанѣ отвѣтственность за ихъ разбойничьи набѣги. Тѣмъ не менѣе, испанское правительство поставлено было, безъ сомнѣнія, въ необходимость болѣе или менѣе благовидными предлогами объяснить Европѣ объявленіе войны Мароканской имперіи, и вотъ какія соображенія находимъ мы, между прочимъ, въ рѣчи перваго министра Испаніи, маршала О'Доннеля, 22 октября 1859:

«Наши сношенія съ Мароканскою имперіей были всегда двухъ родовъ—по отношенію къ Сеутѣ и по отношенію къ пресидамъ Альусемасъ, Мелилла и Пеніонъ. По смыслу нашихъ трактатовъ съ мароканскимъ императоромъ, султанъ не отвѣчалъ за нападенія на эти три послѣднія мѣста со стороны окружающихъ ихъ полудикихъ ордъ, и постановлено было, что Испанія сама будетъ наказывать Мароканцевъ за ихъ набѣги—*мортирами и пушками*. Но въ Сеуту, въ силу трактата 1845 года, назначался особый мароканскій чиновникъ и при немъ

отрядъ *царскихъ Мавровъ* (Moros de Rey), для защиты гарнизона, крѣпости и нейтральной мѣстности отъ внѣшнихъ нападений. Такое положеніе дѣлъ держалось довольно твердо, и наши отношенія къ Марокко были довольно дружественны. Но теперь, Мароканцы, вмѣстѣ съ частию самой императорской стражи, или, по крайней мѣрѣ, съ ея согласія, заняли нашу территорію и уничтожили каменный столбъ съ гербомъ Испаніи, служившій обозначеніемъ границы между мавританскими и испанскими владѣніями.»

Затѣмъ г. О'Доннель перечисляетъ разныя другія оскорбленія, доказывающія, по его мнѣнію, недоброжелательство мавританскаго правительства—притѣсненіе Испанцевъ и другихъ христіанъ, перестрѣлку съ часовыми, частныя нападенія и стычки и т. п.,—однимъ словомъ, всѣ тѣ мелочныя, внѣшнія придирки, которыя обыкновенно выдвигаются впередъ при дебютѣ всякой завоевательной войны. Выставляются часто и болѣе серьезныя и благовидныя поводы, которыми чисто-завоевательный характеръ разрыва рекомендуютъ Европѣ какъ мѣру, напротивъ, оборонительную. Превосходнымъ подспорьемъ въ этомъ случаѣ служить обыкновенно религія, и сколько разъ знаменемъ религіозной войны прикрывались самыя матеріальныя, самыя міркія стремленія къ расширенію владѣній!

Тѣмъ не менѣе, поводы къ войнѣ, выставленные испанскимъ правительствомъ, были ужь слишкомъ слабы, и неосновательность претензій мадридскаго двора очень логически доказана даже въ слѣдующей нотѣ мароканскаго правительства, напечатанной въ *Gibraltar Chronicle* отъ 10 декабря 1859:

«Хвалите Бога единого! Нѣтъ силы и власти, кромѣ какъ у Бога единого!

«Нашему славному и даровитому другу, Джону Друммонду Ге, сквайру, кавалеру ордена Бани, ея королевскаго величества повѣренному въ дѣлахъ и генеральному консулу. Молимъ Всевышняго о его благополучіи!

«Имѣемъ честь увѣдомить васъ, что мы получили печатную копію съ письма, адресованнаго испанскимъ министромъ, отъ 29 прошедшаго октября, къ представителямъ иностранныхъ державъ при испанскомъ дворѣ, и въ которомъ говорится какъ о вопросѣ, бывшемъ между нами и Испаніей до начатія войны, такъ и о рифскомъ дѣлѣ, не упомянутомъ нами въ депешѣ 27 рабеа I, адресованной къ представителямъ иностранныхъ дер-

жавъ при императорскомъ дворѣ. Поэтому мы сообщаемъ вамъ теперь истинный и правдивый разказъ о томъ, что произошло, и покорнѣйше просимъ васъ сообщить нашу депешу вашему правительству; мы просимъ также, чтобы правительство ваше изъявило согласіе сообщить ее прочимъ правительствамъ, такъ какъ мы не можемъ сообщить ее имъ сами, по отсутствію въ настоящее время въ Тангерѣ всѣхъ другихъ резидентовъ.

«Вотъ истинный и правдивый разказъ о рифскомъ дѣлѣ:

«Мы не упомянули о рифскомъ вопросѣ въ письмѣ нашемъ отъ 27 рабеа, потому именно, что намъ нечего было сказать о немъ, такъ какъ мы уладили всѣ затрудненія съ испанскимъ представителемъ еще въ августѣ мѣсяцѣ и заключили о томъ мирный трактатъ (24 числа); и можно доказать, что въ послѣднихъ сношеніяхъ нашихъ съ испанскимъ представителемъ вовсе и не упомянуто было о рифскомъ вопросѣ. Мы поэтому чрезвычайно удивились, когда испанскій министръ вздумалъ утверждать, что главною причиною войны былъ именно этотъ рифскій вопросъ. Мы не хотѣли сообщать иностраннымъ правительствамъ о вопросѣ рѣшенномъ; но теперь, когда о немъ говоритъ испанскій министръ, утверждая, что всескъ иностраннымъ державамъ вредны дѣйствія Рифьянъ, мы намѣрены изложить дѣло со всею точностью и простотой, и вы, а равно и прочіе иностранные представители въ предѣлахъ имперіи, убѣдитесь, вѣроятно, въ несправедливости взводимого на насъ обвиненія. Вамъ должно быть извѣстно, что Рифьяне, живущіе въ Кальи (1), занимались пиратствомъ болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ сряду, и нападали съ своими судами на двадцать кораблей, въ чемъ могутъ убѣдить васъ документы вашего консульства; но вотъ уже четыре года, какъ мы вовсе не слышимъ о нападеніи Рифьянъ на иностранные корабли. Государь нашъ Мюлай-Абдеръ-Рахманъ (да покоится въ мирѣ прахъ его!) всегда бывалъ очень огорченъ злодѣйскими поступками Рифьянъ и дѣлалъ все, что могъ, для прекращенія ихъ пиратскихъ набѣговъ; но племя это обитаетъ въ такой неприступной гористой мѣстности, что легко могло противиться своему поводителю, и когда случалось, что Рифьяне изъ Кальи нападали на какой-либо иностранный корабль, и владѣвшая имъ держава требовала отъ насъ наказанія преступниковъ, мы не

(1) У м. Тресъ-Форкасъ, близъ Мелиллы.

ограничивались этимъ и желали конечнаго прекращенія пиратства и другихъ злодѣяній. Вамъ извѣстно, что четыре года назадъ калійскіе Рифьяне взяли англійскій корабль, французскій корабль, а также и испанскій *фалуцко*. Дѣйствіями государя нашего Абд-еръ-Рахмана (хвала душѣ его!) и при помощи святаго марабута Сиди-Магомета-Эльяди, команды этихъ кораблей были уже освобождены и возвращены въ отечество, согласно повелѣніямъ султана, какъ англійское правительство, черезъ ваше посредство, подало намъ совѣтъ и рекомендовало самому султану послать, для блага имперіи, войско, примѣрно наказать злое племя Калійи и привести его въ повиновеніе. Султанъ (миръ ему!), принимая въ соображеніе добрый совѣтъ, поданный ему четыре года назадъ, два раза посылалъ свое войско въ распоряженіе рифскаго губернатора, строго наказалъ преступниковъ, заставилъ ихъ возвратить все ими похищенное на корабляхъ и выплатить Англійи и Франціи требуемую ими сумму въ вознагражденіе за ихъ корабли. Султанъ распорядился также, чтобы начальники рифскихъ береговъ отвѣчали сами за всякій будущій поступокъ этого племени, съ тѣмъ чтобы положить предѣлъ пиратству; и съ тѣхъ поръ ничего болѣе не слышно о подобныхъ злодѣйскихъ поступкахъ. Но испанское правительство, зная хорошо, что пиратства прекращены, хочетъ, однако, увѣрить прочія державы, будто они все еще существуютъ по рифскимъ берегамъ, почему собственно и кажется, будто бы настоящая война должна быть благодареніемъ для всѣхъ народовъ. Но почему же они не выказывали своего стремленія прекратить пиратства въ то время, когда они дѣйствительно существовали? Вамъ извѣстно, что Испанцы въ ихъ владѣніяхъ на рифскомъ берегу, близъ Калійи, и съ ихъ береговою стражей запретили Рифьянамъ ихъ законную торговлю съ Тетуаномъ и Тангеромъ ужь послѣ того, какъ пиратство было прекращено, и Рифьяне законно мѣнялись товарами съ Тетуаномъ и Тангеромъ. Но Испанцы, хотя и были тогда въ мирѣ и дружественныхъ отношеніяхъ съ нами, нападали на ихъ корабли и брали ихъ какъ военные призы. Губернаторъ испанскихъ владѣній близъ береговъ Рифа, писалъ даже намъ (письмо это и теперь въ нашихъ рукахъ), что Рифьяне не сдѣлали ни одного нападенія на ихъ владѣнія; но, несмотря на это, Испанцы взяли съ рифскихъ судовъ товаровъ на сумму въ двадцать тысячъ фунтовъ ст. (собственность честныхъ людей, приобретенную,

какъ мы сказали, законною торговлей), и эти товары находятся еще до сихъ поръ во владѣннн Испанцевъ. Они также взяли въ плѣнъ команду и пассажировъ этихъ судовъ и не освобождали ихъ въ продолженн нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Испанцы также овладѣли судномъ, принадлежащимъ святому марабуту Сиди-Магомету-Эльяди, который, съ своей стороны, весьма способствовалъ освобожденн испанскихъ подданныхъ изъ рукъ пиратовъ, и сдѣлали это, несмотря на то, что мавританскнй капитанъ корабля представилъ имъ паспортъ или открытый листъ отъ самого губернатора испанскихъ владѣннй; тѣмъ не менѣе, они отказались возвратить судно, или освободить команду, до тѣхъ поръ, пока не вмѣшалось англнйское правительство, съ предложеннмъ возвратить незаконно захваченную собственность. Мы не станемъ продолжать разказъ о другихъ подобныхъ поступкахъ, претерпѣнныхъ нами. Мы не отрицаемъ, что часть рифскаго племени имѣетъ разбойничнй и вмѣстѣ беззаботннй характеръ, чтд совершенно противорѣчитъ нашему пламенному желанню; но они раздражены были въ своихъ злыхъ поступкахъ относительно другихъ нацнй нападеннми Испанцевъ на нихъ самихъ. Когда испанское правительство потребовало двухъ тысячъ фунт. стерл. за вышеупомянутый фалукко, взятый и разграбленный Рифьянами близъ Мелиллы, мы не могли снизить на эту просьбу, потому что, по смыслу мирнаго трактата, заключеннаго между нами, на насъ не лежала отвѣтственность за поступки Рифьянъ, не повиновавшихся султану, и даже еслибъ Испанцы вздумали сами наказать ихъ за ихъ нападенне, то это не должно было нарушать мирныхъ отношеннй, существующихъ между обоими правительствами. Испанцы нѣсколько разъ сражались съ Рифьянами, и мы никогда на жаловались на ихъ поступки, мы ничего не говорили и тогда, когда они брали, какъ призъ, рифскня суда. Поэтому, если строго держаться трактата, было несправедливо съ ихъ стороны требовать чего-либо отъ нашего султана. Хотя мы были въ совершенномъ правѣ отказать въ уплатѣ этихъ 2000 фунт. стерл., требуемыхъ за фалукко (требованне это повторялось и послѣ), однако вы, согласно инструкцнямъ вашего правительства, просили насъ, въ видахъ особеннаго расположення и въ доказательство дружбы, уплатить эти 2000 ф. ст.; мы согласились на ваше предложенне и заплатили сумму, но единственно въ видахъ особаго расположення, считая все-таки несправедливымъ, согласно существующему между нами трактату,

формальное требованіе съ насъ этихъ денегъ. Мы, также по вашему совѣту и посредничеству, уступили и линію до Мелиллы. Вамъ извѣстно, какъ поступалъ испанскій представитель Бланко-дель-Валле, вамъ извѣстны оскорбительныя выраженія, съ которыми онъ не разъ къ намъ обращался; хотя мы и глубоко чувствовали это въ сердцѣ нашемъ, мы, однако, не обращали вниманія на оскорбительныя рѣчи посланника, и все терпѣли, имѣя въ виду сохраненіе дружескихъ отношеній къ испанскому правительству, сосѣдному съ нами, и зная, какъ полезны обоимъ народамъ эти отношенія. Мы полагаемъ, повѣтому, что испанское правительство было дурно извѣщаемо обо всемъ этомъ, и что двусмысленныя рѣчи его повѣренныхъ заставили его вѣрить существованію вещей, которыхъ вовсе не было въ имперіи, и вся вина должна теперь пасть на виновниковъ войны, которая, какъ вы очень хорошо знаете, не имѣетъ никакой основательной причины. Имперія сдѣлала значительныя успѣхи въ торговыхъ сношеніяхъ съ прочими державами, и если испанскій министръ считаетъ Риѳьянъ причиной настоящей войны, то почему же испанское правительство не отправило войскъ и силъ своихъ прямо на риѳскіе берега? Какой они имѣли поводъ нападать на наши собственные владѣнія, не причинившія имъ никакого зла? Очевидно, что испанскій министръ играетъ словами и говоритъ несправедливо. Что касается до Сеуты, то весь свѣтъ и всѣ безпристрастные люди, слышавшіе объ этомъ дѣлѣ, знаютъ хорошо, что мы о немъ писали, и что о немъ писалъ испанскій кабинетъ; всѣ очень хорошо знаютъ, что въ нашей имперіи не существуетъ пиратство, кромѣ того, которое, какъ мы выше сказали, существовало прежде по риѳскимъ берегамъ. Достаточно извѣстно и то, что изъ нашихъ портовъ болѣе уже двадцати лѣтъ не выходилъ ни одинъ военный корабль подъ мавританскимъ флагомъ, и что два или три купеческіе корабли, носящіе мавританскій флагъ, имѣютъ экипажъ европейскій. Нѣтъ надобности останавливаться на томъ, что говорится въ испанской депешѣ о Сеутѣ; мы отсылаемъ къ нашему отвѣту, копіи съ котораго разосланы были представителямъ иностранныхъ державъ при депешѣ отъ 27 рабеа I. Всякій человекъ, самыхъ обыкновенныхъ способностей, прочитавъ нашу депешу, увидитъ, что съ нами поступлено было несправедливо. Мы убѣдительно просимъ васъ удостовѣрить это передъ вашимъ правительствомъ, такъ какъ вы сами старались о поддержаніи мира, и такъ какъ мы, нѣсколько разъ, изъ ува-

женія къ вамъ и вашему правительству, уступали новымъ требованіямъ испанскаго правительства; вы очень хорошо знаете, что мы твердо и точно сдерживали все, что обѣщали письменно, или при свиданіяхъ нашихъ; между тѣмъ испанское правительство, какъ вамъ извѣстно, дѣлало деклараціи и давало обѣщанія, какъ намъ, такъ и вамъ, а потомъ, по внезапному капризу, безъ права и справедливости, нарушало ихъ. Вы знаете, сколько мы натерпѣлись, чтобы только поступать согласно съ вашими желаніями и требованіями и сохранять добрыя отношенія къ другимъ. Если испанское правительство станетъ отрицать справедливость нашихъ объясненій по рифскому вопросу, то мы готовы всему свѣту сообщить всю нашу переписку по этому дѣлу, съ начала до конца.

«Въ заключеніе, имѣемъ честь извѣстить васъ, что мы намѣрены, черезъ посредство нашихъ друзей въ Англии и въ другихъ странахъ Европы, напечатать и сдѣлать гласнымъ письмо это, дабы весь свѣтъ могъ узнать, въ чемъ дѣло, и судить, кто здѣсь правъ и кто не правъ.

«Время мира, 5 джьюма зуль 1276 (1 декабря 1859).

«Служитель престола, Богомъ вознесеннаго,

«Магометъ-эль-Катибъ.»

Въ этой нотѣ не много странно желаніе защитить во что бы то ни стало полудикахъ Рифьянъ, и доказать, что они въ послѣдніе четыре года успокоились и перестали производить свои набѣги на испанскія владѣнія, тогда какъ, по характеру своему и образу жизни, они едва ли могутъ отказаться отъ этихъ хищническихъ набѣговъ. За то совершенно справедливо то положеніе, что, по смыслу существовавшихъ между обѣими державами трактатовъ, мароканское правительство не отвѣчало за набѣги Рифьянъ; это положеніе подкрѣпляется и словами самого О'Доннея. Только въ трактатъ 24 августа 1859 внесено было условіе о содержаніи въ пресидахъ мавританской стражи.

Замѣчательно также въ этой нотѣ смиренное сознаніе собственнаго безсилія и немощи, рѣзко противорѣчащее обычной хвастливости и высокоумію восточныхъ деспотовъ. Мароканское правительство прямо признаетъ себя не въ силахъ усмирить буйныя племена, номинально ему подчиненныя, и, униженно отклоняя отъ себя обвиненіе въ продолженіи морскихъ разбоевъ, объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что имперія вовсе

не имѣть теперь ни флота, ни флага національнаго, и что даже на немногихъ купеческихъ мавританскихъ корабляхъ экипажъ состоитъ изъ Европейцевъ.

Во всякомъ случаѣ, нота Сиди-Магомета-эль-Катиба написана очень ловко и не безъ тонкой ироніи въ отношеніи къ несправедливымъ притязаніямъ испанскаго правительства. Многие даже приписывали редакцію этого документа самому британскому консулу въ Тангеръ, г. Джону Друммонду Ге, какъ и вообще Испанцы во все продолженіе войны были увѣрены, что Англичане помогаютъ Мароканцамъ. Гибралтарская англійская газета, *Gibraltar Chronicle*, изъ которой заимствовали мы ноту Магомета-эль-Катиба, обыкновенно называлась въ мадридской журналистикѣ полу-офиціальнымъ органомъ мароканскаго правительства. По словамъ корреспондента газеты *Times*, разныя исторіи ходили по испанскому лагерю и поддерживали предположеніе, что Англія помогаетъ мароканскому султану. «Не обойдется стычка, пишетъ корреспондентъ изъ лагеря передъ Сеутой отъ 18 декабря, безъ того чтобы не распространился слухъ, будто бы и Англичане принимали въ ней участіе; въ мавританскихъ отрядахъ узнавали Англичанъ по тонкому бѣлью, красивой одеждѣ и бѣлокурымъ волосамъ; многие думали видѣть между ними и самого Друммонда Ге. Одни говорили, что г. Ге послалъ сэръ-Уильяму Кодрингтону винтовку, взятую Маврами у Испанцевъ; другіе утверждали, что въ подарокъ послана была шпага генерала Прима; едва ли, однако, генералъ Примъ такъ легко терялъ свои шпаги. Англійскій купецъ, прѣхавшій сюда на этихъ дняхъ изъ Гибралтара на *Твидсайдъ* (на которомъ привезена электрическая проволока) и съ нѣсколькими друзьями бродившій по лагерю, возбудилъ волненіе по всей арміи, и едва не былъ побитъ камнями, потому только, что его приняли, Богъ знаетъ на какомъ основаніи, за редактора *Gibraltar Chronicle*.» Общественное мнѣніе въ Англіи протестовало противъ этого обвиненія и выражало, напротивъ, сочувствіе испанскому походу, хотя и признавая недостаточность вызвавшихъ его причинъ, и сомнѣваясь въ важности результатовъ. «Презрѣнныя созданія, говорила англійская газета *Times*, живущія клеветой на великія націи, распространяютъ мнѣніе, будто бы Англіи непріятны успѣхи испанскаго оружія. Это неправда. Мы говорили, что африканская экспедиція предпринята безъ достаточныхъ основаній, и что она едва ли будетъ выгодна для Испанской

монархіи, въ сравненіи съ рискомъ, съ потерю крови и здоровья. Испанія должна быть увѣрена, что такая страна, какъ Англія, чужда мелкихъ страстей, что ею не руководятъ низкія побужденія. Мы сражались рука объ руку съ испанскими войсками (1), и на одномъ кровавомъ полѣ. Кости многихъ тысячъ Англичанъ бѣлѣются на равнинахъ полуострова, какъ выраженіе истинныхъ чувствъ Великобританіи и Испаніи, и не мы станемъ завидовать ея успѣхамъ надъ ея вѣковыми непріятелями, Маврами.»

Какъ бы то ни было, побудительные поводы къ открытію непріязненныхъ наступательныхъ дѣйствій, со стороны Испаніи придуманы были весьма неудачно, что успѣла замѣтить министерству оппозиціонная партія въ кортесахъ. Энтузіазмъ въ Мадридѣ и во всей Испаніи былъ, правда, общій; но онъ вызванъ былъ въ народонаселеніи не мнимыми обидами со стороны Марокко, а простою жаждой военной славы, давно уже не блиставшею для Испанцевъ, потребностью потратить накопившуюся массу силъ и военной энергіи, невольнымъ, наконецъ, стремленіемъ всѣхъ, относительно цивилизованныхъ, народовъ вносить свѣтъ образованности, хотя бы и силою оружія, въ сосѣднія варварскія страны. Вотъ какими словами опредѣлялъ, между прочимъ, въ сенатѣ, за нѣсколько дней до объявленія войны, маркизъ де-Молино, замѣчательный ораторъ и поэтъ, истинныя причины африканской экспедиціи:

«Сеньйоръ Сиерра спрашивалъ: Зачѣмъ развертываетъ Испанія всѣ эти силы? Зачѣмъ усиливается наша армія? Зачѣмъ всѣ эти приготовленія къ войнѣ? Я отвѣчу ему, что наша исторія требуетъ отъ насъ этихъ усилій, что они предприняты для того, чтобъ усилить насъ извнѣ и соединить внутри. Развѣ вы не видите на противоположныхъ берегахъ, гдѣ держится до сихъ поръ исламъ, гдѣ нѣкогда торжествовало наше оружіе, развѣ вы тамъ не видите нынѣ пустынныхъ пространствъ, едва занятыхъ французскою цивилизаціей? Если мы не наполнимъ пространствъ этихъ, то это сдѣлаютъ за насъ другіе. Между тѣмъ исторія прямо указываетъ на Испанію, какъ на страну, которой предназначено отъсѣнить послѣдователей пророка и заступитъ ихъ мѣсто. Только этимъ можемъ мы достигнуть вѣшняго почета. Иностранныя державы необходимо стануть

(1) Противъ Французовъ.

уважать насъ, когда узнаютъ, что мы въ силахъ поддержать народную честь нашу; онѣ станутъ уважать насъ, потому что въ дѣйствии заключается могущество, въ могуществѣ кредитъ, въ кредитѣ благосостояніе. Если мы хотимъ быть могущественными и уважаемыми, мы должны, какъ народъ, показать признаки жизненности.

«Мало того: какъ только не ведемъ мы какой-нибудь внѣшней войны, страна наша непремѣнно раздирается внутренними несогласіями, — таковъ ужъ нашъ характеръ. Но укажите намъ великую цѣль, на которой могла бы сосредоточиться наша энергія, и которая могла бы воспламенить духъ всѣхъ партій, и мы тотчасъ становимся едины, велики и могущественны.

«Но какая же цѣль, спросятъ меня, вдохновляетъ насъ теперь такимъ единодушіемъ? Цѣль эта — желаніе водрузить на башняхъ мароканскихъ кастильское знамя, желаніе ввести свѣтъ евангельскаго ученія въ города Марокко. Тѣмъ, которые во всемъ ищутъ согласія иностранцевъ, я скажу одно слово: Англія смотритъ на васъ изъ Гибралтара, Франція изъ Орана (1), а вы сами — Испанцы! Дайте хорошее сраженіе, и вы получите согласіе и одобреніе всего свѣта! И когда-нибудь въ скрижали исторіи занесется, быть-можетъ, что при Изабеллѣ I покорена была Америка, а при Изабеллѣ II просвѣщена Африка.»

Внутреннее состояніе имперіи какъ будто способствовало такимъ намѣреніямъ и попыткамъ. 6 сентября 1859 умеръ султанъ Абдеръ-Рахманъ, род. 1778. Государь этотъ, вступившій на престолъ въ 1823, долго и неумолимо боролся противъ внутреннихъ безпорядковъ и выдержалъ кромѣ того войну съ Франціей за Абдель-Кадера, которая кончилась бомбардированіемъ Тангера и Сале, несчастною битвой при Исли и изгнаніемъ знаменитаго эмира. Въ то же время были непріятности за принца Альберта Прусскаго, раненаго Рифьянами, и за Мелиллу, на которую безпрестанно нападали дикія орды Берберовъ. Какъ бы то ни было, Абдеръ-Рахманъ умѣлъ заставить уважать свою власть внутри и {поддержать мнимый блескъ имперіи извнѣ. По смерти же его затрудненія возникли съ новою силой, и наследовавшій ему старшій сынъ его, Мюлай-Магометъ (род. въ 1803 г.), въ первый же день

(1) Въ Алжиріи.

своего царствования, встрѣтился съ сильными внутренними безпорядками; цѣлыя области поднимали знамя возстанія и выдвинули своихъ претендентовъ на императорскій престолъ. Съ другой стороны, Мюлай-Магометъ поставленъ былъ въ необходимость отвѣчать передъ двумя европейскими державами за нападенія, произведенныя племенемъ Бени-Снасенъ (Кабилы) на алжирскія колоніи и Рифьянами на Мелиллу и Сеуту. Впрочемъ, Франція успѣшила собственными силами принудить виновное племя къ покорности, и генералъ Мартемпре (Martimprey), въ концѣ 1859 г. вторгнувшись внутрь ущелій, обитаемыхъ Бени-Снасенами, по берегамъ Уадъ-Киса (недалекъ отъ рѣки Млуи), одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду, овладѣлъ лагеремъ, ружьями, снарядами, знаменами, и наложилъ на нихъ значительную военную контрибуцію. Испанія не хотѣла прибѣгать къ этому дешовому и вѣрному средству, на которое имѣла полное и законное право, по смыслу существовавшихъ съ имперіей трактатовъ; она не хотѣла ограничиться наказаніемъ однихъ виновниковъ нападеній, она хотѣла имѣть дѣло съ самимъ правительствомъ имперіи, и добровольно придала всему дѣлу, въ сущности ничтожному, самые широкіе размѣры. Въ августѣ 1859 заключенъ былъ трактатъ, освобождавшій мароканское правительство, подобно трактату 1845 года, отъ прямой ответственности за поступки Рифьянъ; въ сентябрѣ и октябрѣ произведены были нападенія на Сеуту, и 22 октября объявлена уже была Испаніей война съ Марокко. Ясно, что войны этой желали, что сами старались ее вызвать. И точно, объявленіе войны произвело всеобщій восторгъ на полуостровѣ, гдѣ тотчасъ же все приняло тогда необыкновенное одушевленіе. Въ массѣ населенія понятно такое безпредметное воинственное настроеніе духа; но правительство О'Доннеля имѣло, безъ малѣйшаго сомнѣнія, болѣе серіозныя мысли и рыцарскимъ духомъ Испанцевъ пользовалось для какихъ-либо цѣлей. Какъ бы то ни было, правительство О'Доннеля само вызвало войну, и вѣроятно знало, чего хотѣло: на немъ одномъ лежитъ вся отвѣтственность въ томъ, какъ ведена была эта война, и къ какимъ пошла она результатамъ. Взглянемъ же на то и на другое.

Объявивъ войну на основаніи самыхъ пустыхъ поводовъ, Испанія и начала ее слишкомъ успѣшно и необдуманно. Нужно удивляться постояннымъ успѣхамъ испанскаго оружія въ первое время кампаніи—такъ мало подумали о необходи-

мыхъ во всякомъ походѣ приготовленіяхъ и такъ нуждались солдаты въ предметахъ самой первой потребности. Правда, такое положеніе дѣлъ было непродолжительно, и черезъ мѣсяць уже по открытіи кампаніи войско въ изобилии снабжено было всѣмъ. Но тѣмъ большее удивленіе возбуждаетъ успѣшность, съ которою начата была война. Крайности въ немедленномъ открытіи непріязненныхъ дѣйствій не представляло никакой: нападенія Рифьянъ на Сеуту и Мелиллу можно было отражать и небольшими отрядами. Между тѣмъ подождать нѣсколько начатіемъ войны было бы полезно во всѣхъ отношеніяхъ: и матеріальныя средства были бы заготовлены въ болѣе-широкихъ размѣрахъ, и кампанія открылась бы при болѣе-благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ. Испанцы, какъ самые близкіе сосѣди Сѣверной Африки, не могли не знать, что въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ царствуетъ въ Берберіи зима и непогода. Разумѣется, африканская зима не то что зима европейская: зелень и плоды покрываютъ деревья, цвѣты пестрятъ равнины, днемъ солнце печетъ, какъ въ іюльскій день въ Европѣ; но за то ночи въ это время очень холодны, дожди идутъ проливные и свирѣпствуютъ ураганы да симумы. Положеніе войска въ лагерѣ передъ Сеутой было, поэтому, далеко незавиднымъ положеніемъ, несмотря на то, что Испанцы показали себя вообще очень терпѣливыми и умѣренными. Офицеры обѣдали на пняхъ да на кроватяхъ. «Четвертая доля того, что англійская армія оставила послѣ себя въ Крыму (и что въ продолженіи столѣтія будетъ высоко цѣниться въ татарскихъ хижинахъ), было бы совершенною роскошью для всего лагеря, замѣчаетъ корреспондентъ газеты *Times*. За скуднымъ обѣдомъ не засидишься, продолжаетъ онъ, да Испанцы и не любятъ мѣшкать. Грогъ имъ непріятенъ. Послѣ обѣда они большею частію довольствуются чашкой кофе или чаю, и, выкуривъ одну или двѣ сигары, или дюжину *rapelitos*, потолковавъ о прежнихъ походахъ да о будущихъ триумфахъ, они рано отправляются спать. Рѣдко кто, завернувшись въ плащъ, засидится до 11 часовъ. Изъ сутокъ ночь здѣсь далеко не пріятнѣйшая часть. Холстинная покрывка не спасаетъ отъ пронзительнаго холоднаго вѣтра. Я говорю о большинствѣ, а разумѣется, есть такіа счастливыя и предусмотрительныя личности, которыя не пренебрегаютъ ничѣмъ для своего комфорта и которыя могутъ смѣло сказать, что онѣ на себѣ, то-есть на мулахъ своихъ,

носить съ собою весь домъ свой. Я знаю офицера, который ночью устраивается такъ удобно и покойно, какъ бы въ своемъ домѣ, въ Мадридѣ. Но такихъ одинъ на сто, а большинство, въ томъ числѣ и генералы, довольствуется очень немногимъ. Дурно ли, хорошо ли, ночь проходитъ, причемъ покой война прерывается струей холоднаго вѣтра, неожиданнымъ появленіемъ сорвавшагося съ мѣста мула, да лаемъ собакъ, приставшихъ къ арміи и имѣющихъ, какъ видно, намѣреніе вести съ нами всю кампанію. Въ шесть часовъ еще совсѣмъ темно, но сонъ уже бѣжитъ изъ лагеря, прогоняемый многоразличными звуками. Едва военный корабль въ бухтѣ зажжетъ фитиль у своей заревой пушки, какъ по лагерю раздается ужъ труба, которая, при общей тишинѣ, звучитъ какъ бы надъ самымъ вашимъ ухомъ. Иныя ноты фальшивятъ, какъ будто трубачъ еще не совсѣмъ проснулся, или ему жаль будить товарищей. Онъ, однако, не перестаетъ трубить до тѣхъ поръ, пока мѣдный хоръ какого-нибудь полка не начнетъ *зарю* (*diana*); отъ одного полка передается это другому, и весь лагерь наполняется музыкой. Но не ищите въ ней гармоніи: пѣхота, кавалерія, артиллерія имѣютъ каждая свой особый мотивъ; порознь это было бы хорошо, вмѣстѣ—раздираетъ уши. Эти звуки и ночной холод дѣйствуютъ на васъ лучше всякой *души*, и вы выскакиваете, какъ гальванизированные, изъ палатки. Звѣзды горятъ на небѣ ярко, мѣсяцъ льетъ свой серебряный свѣтъ на море и на горы, тамъ-и-самъ горятъ еще сторожевые огни, и темныя фигуры солдатъ копышатся передъ пламенемъ; по изгибамъ береговъ медленно плыветъ корабль, экипажъ котораго какъ будто вымеръ; нѣсколько офицеровъ и раннихъ адъютантовъ шныряютъ взадъ и впередъ, съ страшно-блѣдными лицами, въ черныхъ плащахъ и съ сигарами во рту; слуги суетятся и разводять огонь въ своихъ походныхъ кухняхъ, чтобы приготовить господамъ своимъ утреннюю чашку шоколата или чаю; тутъ стоитъ и мой роскошный другъ, только что вставшій съ своей сибаритской постели, во флаanelевой фуфайкѣ и такихъ же панталонахъ (какъ будто онъ собирался играть въ лапту), съ мѣховою шапкой на головѣ, какъ будто бы онъ былъ у Эскимосовъ; онъ очень скоро уходитъ въ свою палатку. Насладившись внѣшнею температурой, вы слѣдуете его примѣру, идете въ палатку, которую вы оставили нѣсколько минутъ передъ симъ за нестерпимый холодъ, и находите въ ней теперь пріятное тепло въ сравненіи съ наруж-

нымъ воздухомъ; вы стараетесь какъ-нибудь зажечь свой фонарь или мрачную лампу и дѣлаете всѣ усилія, чтобъ обриться посредствомъ воды на пять только градусовъ выше точки замерзанія; подвергаясь всѣмъ этимъ непріятнымъ операціямъ, вы осыпаете проклятіями свою голову за то, что въ ней родились надежды на славу, жажда приобрѣтеній, *ирландская* страсть къ дракѣ, или какое-либо другое побужденіе, приведшее васъ зимой въ варварійскія земли, ради какого-то крестоваго похода противу невѣрныхъ. Пока вы одѣваетесь и умываетесь въ палаткѣ, общей для трехъ человекъ и имѣющей всего 11 квадр. фут. въ основаніи, небо проясняется, звѣзды гаснутъ и красныя полосы на востокѣ обѣщаютъ хорошій день. Вы начинаете чувствовать себя пріятнѣе, и ужь не такъ грубо бросаетесь на всякаго встрѣчнаго, вы даже говорите любезность молодому адъютанту, котораго за минуту передъ симъ посылали къ чорту за то только, что онъ перешелъ вамъ дорогу. Вы ужь интересуетесь, нѣтъ ли вамъ писемъ, будутъ ли сегодня упражняться въ *спортъ* маленькіе Мавры (*Moritos*), вы приказываете осѣдлать лошадь, чтобъ ѣхать въ Сеуту, или на линію, или куда придется. И такъ проходитъ день за днемъ, говоритъ корреспондентъ въ заключеніе своего интереснаго очерка лагерной жизни: единственноеразнообразіе—перестрѣлки и толки о будущихъ событіяхъ кампаніи.»

Но эти холодныя ночи ничто въ сравненіи съ ужасными грозами, ураганами и дождями, продолжавшимися по цѣлымъ суткамъ и даже по нѣскольку сутокъ сряду. Дождь буквально заливалъ лагерь, и приходилось вплавь перебираться съ одного мѣста на другое; вещи уплывали далеко и очень часто потомъ не отыскивались вовсе; палатки, силой вихря, срывались съ мѣста и уносились далеко за горы. «Гдѣ моя палатка?» спрашивалъ кто-нибудь въ отчаяніи. «Спросите по телеграфу!» отвѣчали ему. Дождь тѣмъ сильнѣе давалъ себя чувствовать, что зонтиковъ въ лагерь не было. «Можетъ-быть достанемъ мы ихъ у Мавровъ, замѣчаетъ корреспондентъ:—они ихъ любить; отъ нихъ и маршалъ Бюжо досталъ свой огромный зонтикъ, который былъ выставленъ въ Тюльерійскомъ саду, въ мирныя времена *гражданскаго короля, короля-гражданина*, когда Лудовикъ-Наполеонъ сидѣлъ еще въ Гамбѣ, а Сольферино и Виллафранка еще о немъ и не мечтали.»

Къ тому же, въ лагерь свирѣпствовала холера, которая еще въ самомъ началѣ кампаніи доведла испанскіе батальоны до

состава въ 500 человекъ; въ продолженіи же всей войны, въ лазаретахъ перебивало до 10.000 холерныхъ. «Мы живемъ здѣсь какъ въ аду, писалъ испанскій офицеръ, умершій потомъ отъ эпидеміи. Непрiятель и холера не даютъ намъ ни минуты покоя. Дождь и вѣтеръ слѣдуютъ за нами повсюду, какъ будто боги, покровительствующіе Африкѣ, возбудили противъ насъ не только людей, но и самыя стихіи. Мы спимъ въ грязи, и не знаемъ, поразитъ ли насъ во время нашего сна непріятельская пуля, или станемъ мы добычей холеры, которая, какъ суровый и невидимый рокъ, безпрестанно вырываетъ изъ рядовъ нашихъ новыя жертвы. Если вы не поспѣшите къ намъ на помощь, то вы застанете не дивизію (1), а кладбище. Мы положимъ оружіе не передъ Маврами, а передъ смертью.»

При всѣхъ непріятностяхъ непогоды, при всѣхъ ужасахъ эпидеміи, при всѣхъ другихъ лишеніяхъ и трудностяхъ, испанскіе солдаты сохраняли порядокъ, послушаніе, веселость и какую-то беззаботность; пьянство въ лагерьъ было не извѣстно; во все время кампаніи не было почти ни одного судебного случая, ни воровства, ни драки, ничего; какъ на парадъ въ Мадридѣ, выступалъ каждое утро караулъ, стройно и весело направляясь къ палаткѣ главнокомандующаго. Необыкновенному порядку въ войскѣ способствовала и личность самого О'Доннеля, чрезвычайно популярнаго и всѣми любимаго: не изъ страха наказанія, а изъ чувства неограниченнаго уваженія и довѣрія къ достойному вождю своему, прекрасно держалъ себя испанскій солдатъ. Въ интересныхъ и по многому весьма замѣчательныхъ письмахъ спеціального корреспондента *Times* находимъ, между прочимъ, слѣдующій очеркъ личности главнокомандующаго: «У шатра стоялъ высокій сѣдой человекъ лѣтъ пятидесяти пяти, не обращавшій никакого вниманія на сильный дождь или даже вовсе его не замѣчавшій. На немъ былъ непромокаемый плащъ и единственное военное украшеніе—*ros*, то-есть испанское *келли*, съ тройнымъ золотымъ галуномъ вокругъ, что обозначаетъ званіе *генераль-капитана*, то-есть фельдмаршала. Голова у него нѣсколько нагнута, въ выраженіи лица замѣтна строгость, но не безъ добродушія; на лбу видны морщины, но не столько отъ лѣтъ, сколько отъ заботъ, безпокойствъ, бессонныхъ ночей и утомленій дѣя-

(1) Письмо писано было въ самомъ началѣ кампаніи.

тельной, богатой событіями, опасной и честолюбивой карьеры. Походка его тверда, а когда шагъ его внезапно становится шире, вы замѣчаете, что онъ до сихъ поръ еще сохранилъ не малую долю силы и подвижности юныхъ лѣтъ. Человѣкъ этотъ Леопольдъ О'Доннелъ, графъ Лусена, Испанецъ ирландскаго происхожденія, человѣкъ во многомъ первый въ королевствѣ. Власть его упрочена продолжительностію, а въ народѣ онъ пользуется популяриностью, болѣе чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ.» Въ портретѣ этомъ нельзя не узнать того ловкаго и энергическаго государственнаго человѣка, который въ послѣднюю испанскую революцію первый подалъ знакъ къ возстанію, поднялъ для этого либеральное знамя, которымъ и сокрушилъ ультра-консервативную партію вмѣстѣ съ многмятежною камарильей, а потомъ, чтобъ упрочить власть свою и первенство, сдѣлалъ нѣсколько уступокъ умѣренному консерватизму и отгѣснилъ главнаго представителя и вождя либеральной партіи, поставленнаго имъ же самимъ во главѣ управления, любимца народнаго, герцога Побѣды, Эспартеро. Положеніе О'Доннеля, какъ перваго министра, министра иностранныхъ дѣлъ, военнаго министра и главнокомандующаго, значительно облегчало ему веденіе войны съ Марокко: требованія его не могли встрѣчать задержки со стороны административныхъ властей, ему подчиненныхъ, и исполнялись безпрекословно. Недостатки и лишенія были только въ первое время, а потомъ, какъ сказано, войска снабжены были всѣмъ въ изобиліи, и можно сдѣлать развѣ только тотъ упрекъ испанскому правительству, что все ведено было слишкомъ неразчетливо и неэкономно, множество суммъ потрачено почти даромъ, и война обошлась вообще несравненно дороже чѣмъ бы это слѣдовало. За то приняты были всѣ мѣры для облегченія войску трудностей кампаніи и для противодѣйствія невыгоднымъ условіямъ завоевательной войны. Въ началѣ кампаніи вся европейская журналистика, припоминая войну гвельдьясовъ въ Испаніи, пророчила бѣды арміи О'Доннеля; но пророчества не сбылись: въ продовольствіи и аммуниціи недостатка не было, подкрѣпленія прибывали безпрестанно, простой солдатъ окруженъ былъ всѣми возможными удобствами; покойная и немногосложная одежда, непромокаемые плащи, кофе, сигары, вино, рисъ, сало, мясо, плоды были къ его услугамъ. Все обличало цивилизованную націю: черезъ проливъ перекинута была по морскому дну телеграфическая проволока, въ указанномъ

для наступательныхъ дѣйствій направленіи велась прекрасная шоссеиная дорога (1), безопасность и собственность туземцевъ строго оберегалась, съ немногими плѣнными обращались человѣколюбно.

Наскучивъ однообразіемъ лагерной жизни, корреспондентъ ѣздилъ въ Сеуту, и повѣздкѣ этой мы обязаны нѣсколькими интересными подробностями о городѣ, которыя и передаемъ здѣсь *in extenso*. Встрѣтившись съ похоронами и проводивъ ихъ до кладбища, корреспондентъ сворачиваетъ въ широкую, но пустую улицу, вдоль которой по обѣ стороны тянутся высокія стѣны. «Въ двадцати шагахъ отъ начала улицы, говоритъ корреспондентъ, вы встрѣчаете въ правой стѣнѣ открытыя ворота; входите, и глазамъ вашимъ представляется длинный четырехугольникъ, полудворъ, полусадъ, со множествомъ дверей и низкихъ зданій со всѣхъ сторонъ. Поперекъ двора и въ разныхъ направленіяхъ проходитъ садовая рѣшетка; она должна давать въ лѣтнее время тѣнь, которой теперь нечего и ждать отъ сморщенныхъ листьевъ и голыхъ вѣтвей виноградника, ее покрывающаго. На дальнемъ концѣ двора поставлена рѣшетчатая бесѣдка, покрытая огромною вѣтвю виноградника, съ которою переплелась тыква, большой, темновеленый плодъ съ человѣческую голову, со всѣхъ сторонъ обхватывая бесѣдку своими стройными вислячими стеблями. Противъ самой двери (въ бесѣдку) стоятъ много растений въ глиняныхъ горшкахъ, но въ цвѣту изъ нихъ теперь очень немногія. По сторонамъ же двора растутъ широкіе кусты, богатые цвѣтами. Вотъ, напримѣръ, странный, фантастическій, черный и лиловый цвѣтокъ, какъ будто бы носящій полутрауръ, и къ формѣ котораго, напоминающей нижній конецъ большой трубы, очень идетъ названіе *трубнаго цвѣтка* (*flor de la trompeta*), подъ которымъ онъ слыветъ здѣсь. А вотъ широкій, ярко-красный цвѣтокъ, съ длинными перовидными лепестками, горизонтально распускающимися вокругъ букета красныхъ и желтыхъ бутоновъ—*flor de pazena* (рождественскій цвѣтокъ, *christmas*

(1) «Замѣчательно, говоритъ корреспондентъ *Times*, что Мавры не портятъ и не трогаютъ дороги, которую Испанцы, при возвращеніи своемъ на линію, оставляютъ совершенно въ ихъ рукахъ. Или Мавры находятъ, что, по окончаніи войны, дорога пригодится и имъ самимъ, или они думаютъ воспользоваться дорогой, чтобы дать своимъ нападеніямъ болѣе широкіе размѣры.»

blossom), безспорно прекрасный, но которому я предпочитаю нашу британскую омелу и остролистникъ. Вотъ, наконецъ, кустъ блѣдно-голубыхъ цвѣтовъ, до того похожихъ формой и ростомъ на жасминъ, что мы рѣшаемся сорвать одинъ изъ цвѣтковъ, чтобы лучше рассмотреть его: но это совсѣмъ не жасминъ, и въ немъ даже нѣтъ запаха. Это пріятное мѣсто называется *Barrio de los Moros* и служитъ жилищемъ потомству прежнихъ владѣтелей Сеуты. Здѣсь живутъ и Альмансоръ, и Гаметъ, и Зораида, и др.; имена ихъ переносятъ васъ въ тѣ романическія времена, когда испанскіе и маврскіе (то-есть арабскіе) рыцари соперничали между собой храбростію и воинскою доблестью на поляхъ Гренады. По большей части, однако, теперь ужь очень мало рыцарскаго и живописнаго внутри этихъ послѣднихъ жилищъ Мавровъ въ Сеутѣ. Они довольно бѣдны и очень грязны на видъ. Впрочемъ, есть и исключенія. Тутъ, за тыквенною перегородкой, живетъ молодой Мавръ, очень красивый собой и веселый на видъ; онъ имѣетъ претензію на очень-высокое происхожденіе и показываетъ вамъ кривой палашъ, славно, какъ говоритъ онъ, работавшій въ рукахъ его предковъ противъ Испанцевъ. Самъ онъ глядитъ совсѣмъ Испанцемъ, говоритъ на чистомъ кастильскомъ нарѣчій, не вовсе, кажется, не желаетъ успѣха соотечественникамъ его предковъ въ настоящей борьбѣ ихъ съ правительствомъ. Но мой любимецъ, Гаметъ,—старый Мавръ, веселый и общительный, очень опрятный, славный знатокъ въ лошадахъ, обязательный и готовый на всякую услугу. Онъ былъ бы прекраснымъ натурщикомъ для живописца. Вы вѣрно не разъ видали его (или подобныхъ ему) въ альбомахъ англійскихъ и французскихъ артистовъ, изображающихъ восточные сюжеты и сцены въ Аравіи. Орасъ Вернетъ не одинъ разъ рисовалъ его нѣсколько, быть-можетъ, идеализированнымъ, съ бѣлою тканью на груди и головѣ, такъ хорошо отгнѣняющею его смуглое лицо и черную бороду. Обыкновенная одежда Гамета очень проста: но посмотрите на него, когда онъ, въ полномъ убранствѣ, блистающій пурпуромъ, золотомъ и тонкими тканями, гарцуетъ на ворономъ боевомъ конѣ, какъ я однажды встрѣтилъ его у воротъ Сеуты; онъ ѣхалъ въ гости къ одному изъ испанскихъ генераловъ. Видъ его былъ какъ нельзя болѣе величественъ и возбудилъ всеобщее удивленіе на пути черезъ лагерь: солдаты толпились вокругъ него и,

любясь его фигурой, полагали, что это ѣдет посоль императора мароккского съ просьбой о мирѣ. Вотъ еще и Зораида просится подъ перо. Она очень недурна собой, съ золотистымъ цвѣтомъ кожи на лицѣ, съ прекрасными черными глазами и съ полнотою совершенно въ восточномъ вкусѣ; сверхъ того, у нея очень пріятный голосъ и неистощимая веселость. Объ остальныхъ женщинахъ, на сколько мнѣ позволено было ихъ видѣть, я могу сказать очень немногое. Онѣ уже не молоды и не свѣжи; носятъ красныя туфли съ голубымъ шитьемъ, и, о ужасъ! совсѣмъ не знаютъ кринолиновъ. Дочери ли они женъ Гамета, и вообще въ какихъ онѣ къ нему отношеніяхъ, я рѣшительно не знаю.

«Почтився мостовая въ Сеутѣ, продолжаетъ корреспондентъ, сдѣлана каторжными, которые развлекали себя при работѣ тѣмъ, что разноцвѣтными камнями выводили по мостовой разныя фигуры деревьевъ, слоновъ и др. Есть улицы, вдоль которыхъ тянется изображеніе непрерывной вѣтви, разбрасывающей листья по обѣ стороны мостовой. Эти же самые каторжные великолѣпно сражаются, когда имъ даютъ оружіе и посылаютъ въ битву. Между ними есть много старыхъ солдатъ, да есть еще и отличное возбуждающее средство для ихъ рвенія, — такъ какъ, въ случаѣ ихъ неисполнительности, они вернутся къ своимъ цѣпямъ и тяжелымъ работамъ, а въ награду за ихъ хорошую службу они могутъ ожидать или прощенія или уменьшенія ихъ наказанія. Съ хладнокровіемъ и рѣшительностію ветерановъ рассыпаются эти *вооруженные преступники* (*capinados armados*) въ застрѣльщики, а потомъ, въ случаѣ надобности, собираются въ кучки и встрѣчаютъ мавританскую кавалерію бѣглымъ огнемъ и штыками. Попытка вооружать преступниковъ была пока такъ удачна, что есть намѣреніе, кажется, развить ее до болѣе-широкихъ размѣровъ.»

Сеута, нѣкогда столица Тингитанской Мавританіи, подъ именемъ *Septem Fratres*, а потомъ Септумъ и Септа, попеременно принадлежала Римлянамъ, Вандаламъ Готамъ, Арабамъ, Генуэцамъ, Португальцамъ. Въ восьмомъ столѣтіи она взята была Арабами у Готовъ и служила точкой отправления при завоеваніи Испаніи; 21-го августа 1415 Португальцы овладѣли Сеутой, только что ступивъ на берегъ Африки; въ 1578 году, по смерти короля Себастіана, Сеута перешла, вмѣстѣ съ метрополіей и со всѣми другими колоніями, во владѣніе Испаніи; въ 1640 Португалія возстановила свою независимость, но Сеута все-таки

осталась и по сіе время въ рукахъ Испанцевъ. Сеута самый сильный и значительный изъ испанскихъ пресидовъ. Изъ всѣхъ городовъ Марокко (за исключеніемъ развѣ Тангера), то самый чистый и наиболее похожій на европейскій городъ; довольно сильныя укрѣпленія; много зданій совершенно въ европейскомъ вкусѣ; нѣсколько церквей; епископство. Жителей считается въ Сеутѣ около 8.000. Высокія, зеленыя, утесистыя горы, которыми оканчивается рядъ лѣсистыхъ холмовъ, окружающихъ старыя мавританскія и новыя испанскія укрѣпленія Сеуты, напоминаютъ, по словамъ корреспондента *Times*, лѣсистыя холмы и зеленые сады Гвипускои и Бискаи. Внутренность бѣднаго сеутскаго порта представляетъ собою крошечную бухту, входящую нѣсколько въ глубь материка; ее окаймляютъ, съ одной стороны, высокая набережная, а съ другой, строенія, едва выглядывающія изъ воды. Бухта, въ видѣ сухой лощины, продолжается на нѣкоторое пространство выше уровня моря, проходитъ подъ каменною аркой и незамѣтно сливается съ почвою тамъ, гдѣ она достигаетъ высоты набережной. Она стѣснена судами, притянутыми къ другой сторонѣ, подъ аркой кучи корабельныхъ канатовъ и цѣпей. Грязь по берегамъ, вмѣстѣ съ другими нечистотами, производитъ, по словамъ корреспондента, *пріятное* разнообразіе запаховъ, заражающихъ атмосферу.

Сеута, какъ мы сказали, расположена на продолговатой неправильной косѣ, вдающейся въ море. Основаніе этой косы крѣпко защищено. Далѣе внутрь страны, городъ подымается возвышеніемъ. На нѣсколькихъ плоскихъ холмахъ этого возвышенія разбитъ былъ испанскій лагерь. Еще впереди, по лѣистой и крутой дорогѣ, подымаясь все кверху, вы достигаете довольно высокой площадки, на которой построены были редуты изъ земляныхъ мѣшковъ круглой формы, съ небольшимъ внѣшнимъ рвомъ. Съ этого возвышеннаго пункта открывается видъ на всю окружающую мѣстность. Она высится цѣлымъ амфитеатромъ горъ, образующихъ какъ бы сплошную стѣну, изрѣдка прерываемую оврагами, изъ которыхъ тоже подымаются разные холмы да пригорки. Почти параллельно этой цѣпи горъ развертывается глубокая долина, которая была поприщемъ первыхъ столкновеній арміи О'Доннея съ Маврами. Кромѣ этого главнаго редута выстроено было потомъ еще нѣсколько другихъ, такъ что они составили полукругъ, отъ моря со стороны пролива и до моря на югъ отъ Суэты (гдѣ начинается восточ-

ный берег Марокко), и служили защитой предполагаемой линии атаки на Тетуанъ. Правый редутъ называется *Изабелла II*, лѣвый—*Принцъ Астурійскій*. За редутами мѣстность ровнѣе до первой возвышенности у мыса Чернаго (Cabo Negro).

Высадка перваго испанскаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Эчагуэ (Echagué), была 19 ноября. Потомъ непрерывно слѣдовали, одна за другою, новыя высадки. Корреспондентъ *Times* присутствовалъ при одной изъ этихъ высадокъ и очень живо описываетъ трудность выгрузки съ тяжелыхъ большихъ судовъ, ночью, при сомнительномъ свѣтѣ фонарей. «Одинъ случай, совершенно въ испанскомъ вкусѣ, рассказываетъ онъ въ концѣ своего описанія, разсѣялъ и развлекъ всѣхъ отъ тяжелой работы. Два быка, только-что высаженные, заняли сухую балку (служащую продолженіемъ бухты) и болѣе часу владѣли этою позизіей, не сдаваясь ни на какую капитуляцію. Нужно было остановить высадку лошадей, потому что эти быки, съ наклоненными и угрожающими лбами, заграждали имъ дорогу. Присутствовавшихъ это очень забавляло. Пока двое или трое смѣльчаковъ бесплодно старались опутать быковъ, толпа, наполнивъ причалившія суда, наблюдала за сценой и рукоплескала обоемъ дикимъ животнымъ, когда они напирали на своихъ противниковъ и принуждали ихъ къ отступленію. Наконецъ, быки были побѣждены, и высадка продолжалась. Она затянулась, впрочемъ, далеко за полночь.»

О'Доннелъ оставилъ Кадиксъ 26 ноября. Но незначительныя стычки были и до него; онѣ начались тотчасъ послѣ высадки генерала Эчагуэ. Стычки эти были 21, 23, 25, 30 ноября, 9, 12, 15, 17, 20, 25 декабря. Характеръ ихъ былъ всегда одинъ и тотъ же: Мавры смѣло нападали на аванпосты и редуты, ихъ каждый разъ отбивали съ большимъ урономъ, и они исчезали еще скорѣе чѣмъ появлялись. Обыкновенное время мавританскихъ атакъ отъ 11 до 5 часовъ. Несмотря на тактическую незначительность этихъ стычекъ, онѣ сопровождаются каждый разъ ужасною жестокостью съ обѣихъ сторонъ. Мавры, по словамъ корреспондента *Times*, первые стали на эту дорогу безчеловѣчныхъ побойщъ, и Испанцы, раздраженные ихъ жестокостью, буквально слѣдовали ихъ примѣру. Немногихъ, взятыхъ на полѣ сраженія, солдаты убивали прежде чѣмъ доводили до лагеря, что всякій разъ приводило О'Доннелю въ большое негодованіе; обѣщаніе доллара за cadaго живаго Мавра мало помогаетъ дѣлу. Солдаты увѣряли, что

Мавры совсѣмъ не даются въ плѣнъ, что они отчаянно дерутся, пока наконецъ не убьютъ ихъ; раненные, они лежатъ и никакъ не хотятъ встать; такое упорство невольно вызываетъ ударъ штыка. Пощада въ войнѣ никогда не была слабостью Испанцевъ; притомъ разказы объ ужасныхъ жестокостяхъ, которымъ Мавры подвергаютъ непріятеля, попавшаго въ ихъ руки (1), произвели свое дѣйствіе, и война, съ самаго начала, получила кровавый и звѣрскій характеръ; всякій Испанецъ предпочиталъ смерть возможности попасть живому въ руки Мавровъ. Первый плѣнникъ, первый живой Мавръ взятъ былъ во время стычки 20 декабря. Это было рѣшительнымъ событіемъ въ лагерѣ и возбудило много толковъ и интереса. «Этотъ плѣнный имѣлъ всего только двѣ или три легкія раны штыкомъ; но съ нимъ не трудно было сладить, и онъ приведенъ былъ въ лагерь, накормленъ и разспрошенъ. Ему около пятидесяти лѣтъ отъ роду; онъ крѣпокъ, мускулистъ и очень грязенъ, какъ всѣ Мавры. Онъ ничего не могъ сказать о численности мавританскихъ войскъ, ни о чемъ другомъ, имѣющемъ какую-либо важность. Вѣроятно, много такихъ бѣдняковъ согнано на войну, какъ стадо барановъ, вовсе не зная причинъ этой войны, зная одно только, что сражаются противъ невѣрныхъ. Когда плѣнникъ былъ приведенъ, одинъ изъ офицеровъ держалъ въ рукѣ долларъ, слѣдующій въ награду за поимку плѣннаго. Несмотря на раны свои и на испугъ, Мавръ бросился на монету, какъ только увидѣлъ ея блескъ. То была преобладающая въ немъ страсть, развившаяся подъ самыми неблагопріятными обстоятельствами—инстинктъ хищника, побѣждающій всѣ прочія чувства. Бѣднякъ кажется какимъ-то дикаремъ, безъ всякой мысли въ головѣ; онъ проводитъ время въ призываніи благословенія на голову Испанцевъ за то, что они не убили его (тогда какъ онъ былъ увѣренъ, что его зарѣжутъ непременно), и въ пожираніи съ волчьимъ аппетитомъ хлѣба, кофе и всего, что случится. Онъ такъ доволенъ обращеніемъ съ нимъ Испанцевъ, что очень желалъ бы передать своимъ сыновьямъ (которые тоже подъ ружьемъ) и всему своему роду, чтобъ они

(1) Въ свое время газета *Courrier de Bayonne* сообщила извѣстіе, что 16 плѣнниковъ подвергались разнымъ ужасамъ въ Фесѣ: ихъ принуждали, напримѣръ, отречься отъ христіанства и бросали имъ въ лицо окровавленныя головы ихъ соотечественниковъ.

раздѣлили съ нимъ его трапезы на счетъ великодушныхъ невѣрныхъ.»

Въ первое время у Испанцевъ было не болѣе 30.000 въ строю, въ томъ числѣ около 3000 кавалеріи. Со стороны же Мавровъ и Арабовъ, какъ узнали послѣ, выставлено было огромное войско, во 100.000 пѣхоты и 30.000 кавалеріи. Всѣми мароканскими военными силами командовалъ братъ императора, Мюлай-Аббасъ (1). Вообще въ Марокко командованіе войсками, какъ и всякое другое управленіе болѣе значительнымъ и самостоятельнымъ вѣдомствомъ, не довѣряется *обыкновеннымъ* людямъ, а поручается только членамъ императорскаго дома, что еще болѣе придаетъ мавританскому образу правленія характеръ патріархальный. Верховнымъ главнокомандующимъ, или генералиссимусомъ считается самъ султанъ, который вмѣсто себя посылаетъ на войну или сыновей своихъ, или братьевъ, или другихъ принцевъ. Въ мирное время, регулярная армія располагается по провинціямъ, и въ каждой провинціи войско находится подъ начальствомъ особаго паши, который вмѣстѣ и военный губернаторъ провинціи, и командиръ корпуса, и интендантъ его. Батальйонами, въ 500 чел. каждый, командуютъ *мокаддеми* (полковники); начальникъ пяти батальйоновъ называется *каидъ-хамисъ* (2). Что касается до вооруженія, какъ мавританскихъ войскъ вообще, такъ и той арміи, которая выставлена была въ послѣднюю войну, то объ этомъ трудно сказать что-нибудь опредѣлительное. Главный корпусъ, впрочемъ, вооруженъ былъ длинными мушкетами (*espingarda*), допотопной конструкции; заряженіе этихъ ружей стѣбитъ не малаго труда и времени, а въ сырую погоду они должны очень скоро дѣлаться негодными. Черезъ плечо мавританскіе воины носятъ кожаные мѣшки съ ремнями и

(1) Къ нему присоединился потомъ другой братъ султана, Мюлай-Ахметъ.

(2) *Specchio dell' Impero di Marocco*, p. 227.—Приведемъ кстатѣ наименованія высшихъ чиновъ испанской арміи: *генераль-капитанъ*, званіе О'Доннеля, соответствуетъ фельдмаршалу, вѣрнѣе—главнокомандующему; въ обыкновенное время генераль-капитанъ равняется генералъ-лейтенанту, намѣстнику, генераль-губернатору; *mariscal-de-campo* въ буквальномъ переводѣ значитъ фельдмаршалъ, но въ самомъ дѣлѣ соответствуетъ генераль-майору; *бригадиръ* то же, что нашъ прежній бригадиръ, то-есть среднее между полковникомъ и генераломъ.

хранять въ нихъ свой порохъ и снаряды. У кавалеристовъ къ ружьямъ привинчены штыки.

Какъ бы то ни было, и какъ бы недостаточна ни была обмундировка и вооруженіе и безтолковы распоряженія военачальниковъ, Мавры дерутся хорошо, и лично храбрости у нихъ отнять никакъ нельзя.

Таково было взаимное положеніе двухъ армій во всё остальные дни 1859 года. 1 января 1860 произошла первая серьезная битва между Испанцами и Маврами, вызвавшая со стороны испанскаго главнокомандующаго рѣшеніе немедленно двинуться къ южному берегу и занять сильную позицію на пути къ Тетуану. Битва продолжалась цѣлый день; утромъ потеряли больше Мавры, вечеромъ Испанцы. Мавры были закрыты, Испанцы слишкомъ выдались впередъ, болѣе чѣмъ слѣдовало по диспозиціи главнокомандующаго. Виною вечерней битвы, не принесшей никакой пользы и только напрасно увеличившей потери, была чрезмѣрная воинственность генерала Прима, который 1 января былъ рѣшительно въ своей сферѣ. «Съ двумя блиставшими на груди звѣздами, разказываетъ корреспондентъ газеты *Times*, съ генеральскимъ жезломъ въ рукѣ, онъ былъ на всѣхъ самыхъ опасныхъ пунктахъ и, къ общему удивленію, не получилъ ни царапинки.» Самымъ замѣчательнымъ эпизодомъ сраженія была атака двухъ гусарскихъ эскадроновъ, подъ начальствомъ Діега Леона. Эта атака, по замѣчанію газеты *Times*, имѣетъ разительное сходство съ подобною же несчастною атакой англійской легкой кавалеріи (подъ начальствомъ Нолана) при Балаклавѣ: та же ошибка адъютанта, то же слѣпое повиновеніе отряда, та же бесполезная атака въ долину, сильно укрѣпленную непріателемъ, то же кровавое отступленіе. «Испанскіе гусары, говоритъ *Times*, кинулись въ свою «долину смерти», съ непоколебимымъ мужествомъ, съ твердымъ убѣжденіемъ, что исполняютъ свой долгъ, точно такъ же, какъ и англійская кавалерія въ октябрѣ 1854; они кинулись прямо на огонь непріятеля и проникли даже въ его лагерь, ничего не вынеся оттуда, кромѣ славной памяти о великомъ воинскомъ подвигѣ. Казалось, духъ ихъ храбраго начальника былъ въ каждомъ изъ нихъ во время ихъ огневой атаки. Ошибка была совершенно та же, что и при Балаклавѣ. Адъютантъ главнокомандующаго, послѣ того, какъ этими двумя эскадронами сдѣлана была первая, незначительная атака, передалъ

какое-то приказаніе начальнику, дурно имъ, должно-быть, принятое, и, говоря о Маврахъ, назвалъ ихъ *трусами*. По роковой ошибкѣ; донъ Діего Леонъ принялъ это названіе на счетъ своего отряда и, мгновенно давъ команду, полетѣлъ въ головѣ своихъ эскадроновъ прямо подъ непріятельскіе выстрѣлы (1). Въ результатѣ было два офицера раненыхъ и пять убитыхъ (2), не говоря о рядовыхъ: очень большая пропорція для двухъ эскадроновъ.» Битва 1 января кончилась бѣгствомъ Мавровъ; но побѣда не дешево обошлась Испанцамъ: они потеряли убитыми и ранеными всего 500 рядовыхъ и 75 офицеровъ. Вообще пропорція убитыхъ и раненыхъ офицеровъ въ эту войну всегда была очень велика, что доказываетъ мужество испанскихъ офицеровъ. Мѣсто, гдѣ совершенъ былъ безплодный подвигъ испанскихъ гусаръ, и названное, вслѣдствіе ихъ кровавой неудачи, *должною смерти*, дѣйствительно не представляло никакихъ удобствъ для кавалерійской атаки. Ближайшая часть амфитеатра передъ Сеутой бугриста, вся въ рывинахъ и покрыта кустами; остальная же часть амфитеатра представляетъ собою совершенно плоскую равнину, покрытую ярко-зеленою травой и желтыми цвѣтами. Скаты, къ ней ведущіе, не богаты деревьями, но за то сплошь покрыты хворостникомъ изъ кустовъ дикаго лавра, остролистника и другихъ растений; хворостникъ этотъ пестрѣетъ верескомъ, тимьяномъ, полевыми гіацинтами, нарциссами и множествомъ другихъ ароматныхъ растений въ полномъ цвѣту. Эта полоса хворостнику—*chaparral*, какъ ее тамъ называютъ—и высокіе кусты, достигающіе иногда шести футовъ въ вышину, очень опасны для лошадиныхъ ногъ, особенно тамъ, гдѣ были полевые пожары, которые оставили черные острые пни, равно непріятные и для коня и для всадника. Не вдалекѣ отъ равнины, на самомъ высшемъ пунктѣ неровной мѣстности, расположено маленькое бѣлое развалившееся зданіе, *Castillejos*. За равниной къ

(1) «По крайней мѣрѣ, замѣчаетъ корреспондентъ, на разказъ котораго основана статья *Times*, таково было впечатлѣніе, произведенное на одного ротмистра, который, послѣ атаки, съ дымящимся еще и кровавымъ мечомъ, разказывалъ объ этомъ въ яростномъ негодованіи одному офицеру штаба.»

(2) «Одинъ раненый офицеръ, говоритъ корреспондентъ, попался въ руки Маврамъ, былъ ими раздѣтъ почти донага и въ такомъ видѣ отбитъ былъ товарищами. У другаго лицо и шея были изрѣзаны; онъ получилъ не менѣ дюжины ударовъ прямою короткою саблей.»

мавританскому лагерю, узкіе подъемы въ родѣ дефилеевъ: здѣсь болѣе всего досталось гусарамъ.

О другомъ эпизодѣ сраженія 1 января, корреспондентъ *Times* разказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ 1 ч. по-полудни, когда главнокомандующій съ своимъ штабомъ и свитой находился близъ Кастиллехоса, къ нему подскочилъ офицеръ просить помощи: генералъ О'Доннелъ приказалъ одному изъ батальоновъ резервной дивизіи генерала Сабалы двинуться впередъ, и самъ, выхвативъ изъ ноженъ саблю и прищпоривъ коня, поскакалъ вдоль высотъ, встрѣчаемый на пути громкими и восторженными восклицаніями войска; свита не отставала отъ него ни на шагъ. Фельдмаршалъ сдѣлалъ это, безъ сомнѣнія, для ободренія своимъ присутствіемъ тѣхъ частей арміи, которыя, въ ожиданіи подкрѣпленій, выдерживали несоразмѣрно-сильный огонь непріятеля. Но мнѣ кажется, замѣчаетъ корреспондентъ, что вовсе не было крайней надобности подвергать собственную жизнь очевидной опасности. Потеря главнокомандующаго была бы теперь незамѣнимою потерей для арміи и для всей Испаніи. Между тѣмъ, глядя на него и на его штабъ, какъ они съ обнаженными саблями скакали среди самой жаркой перестрѣлки, можно было принять ихъ за кавалькаду искателей приключеній и отличій.»

Вся мароканская кампанія громко говоритъ въ пользу испанской арміи. Солдаты О'Доннелла обнаружили замѣчательныя военныя способности. Они, по словамъ газеты *Times*, не только показали блистательную храбрость на полѣ сраженія, но и въ лагерь передъ Сеутой, терпя всевозможныя внѣшнія непріятности, лишенія, непогоду, холеру и пр.; они, своимъ терпѣніемъ и стойкостію, заслужили сочувствіе Европы. Мавры 1 января тоже дрались отлично. Притомъ, несмотря на всю дикость свою и невѣжество, они превосходные стрѣлки. «Всѣ диспозиціи Мавровъ, говоритъ газета *Times*, заключаются въ стратагемахъ, которыя, вѣроятно, употреблялись еще Финикіянами. Они высылаютъ горсть людей, чтобы выманить Испанцевъ изъ ихъ позиціи, надѣясь напасть на нихъ изъ засады: вотъ ихъ единственная военная хитрость. Постоянной военной организаціи у нихъ и слѣда нѣтъ; они поступаютъ какъ и всѣ стрѣлки, пользуясь каждымъ деревомъ, каждымъ пригоркомъ, какъ естественною защитой. Мавры, безъ сомнѣнія, безсильны и ничтожны передъ испанскимъ регулярнымъ войскомъ; но тамъ,

гдѣ нужно выставить стрѣлка противъ стрѣлка, Мавры имѣютъ преимущество, и *дрессированные* (trained) стрѣлки испанскіе безсилны противъ вольныхъ мавританскихъ стрѣлковъ, такъ что было даже рѣшено въ испанской арміи не отвѣчать на ружейную стрѣльбу Мавровъ и не тратить даромъ зарядовъ.» За то у Мавровъ только и есть, что стрѣлки, и войс касултана ни разу не могли устоять противъ рѣшительнаго натиска Испанцевъ.

Вообще война Испанцевъ въ Марокко имѣла грандіозный характеръ, и обличала средства цивилизованной монархіи. Сильный флотъ слѣдовалъ по берегу, поддерживалъ и подкрѣплялъ огнемъ своимъ дѣйствія сухопутныхъ войскъ, постоянно снабжая ихъ всѣмъ нужнымъ и производя сношенія съ Сеутой и съ сеутскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, такъ какъ, по мѣрѣ движенія войскъ впередъ, сухопутныя сношенія стали очень затруднительны и не могли быть даже производимы иначе, какъ подъ сильнымъ конвоемъ. Телеграфическая проволока соединяла лагерь съ метрополіей, желѣзная дорога вела отъ него къ морю. Въ большой войнѣ, и тѣмъ болѣе въ войнѣ завоевательной, а особливо въ странѣ варварской и дикой, сраженія гораздо менѣ значать для успѣха чѣмъ снабженіе провіантомъ, пути сообщенія и хорошая администрація. Мавры избѣгаютъ открытой битвы, всѣ ихъ мелкія атаки отбиваются съ значительнымъ для нихъ урономъ: тѣмъ не менѣ опасностей бездна; Мавры небольшими шайками могли окружать испанскую армію, и держать въ страхѣ ея сообщенія, такъ что, не будь флота, ей нельзя было бы шагу двинуться впередъ на пути отъ Сеуты къ Тетуану. Къ этому присоединить должно неудобства почвы, затрудненія мѣстности и прочія неожиданности, узнаваемые только на мѣстѣ, а не по картѣ. Когда же начиналъ дуть восточный вѣтеръ, страшный *levantier*, арміи предстояла чуть не голодная смерть—суда не могли подходить къ берегу, и продовольствія не доставало. Мужество испанскихъ солдатъ и распорядительность О'Доннея преодолѣли, однако, всѣ эти препятствія.

Послѣ битвы 1 января, испанская армія значительно продвинулась впередъ, перешла рѣку Кастиллехось и стада въ виду Черныхъ горъ (Монте-Негро). Работы на дорогѣ къ Тетуану велись все время очень успѣшно; укрѣпленія воздвига-

лись въ каждую лагерную стоянку (предосторожность, необходимая при такого рода войнѣ) быстро и значительно, чему способствовали хворостникъ (сбаратгал), множество камней всякой величины (отъ обыкновеннаго булыжника до большихъ каменныхъ глыбъ) и вырываемый изъ-подъ камней грунтъ земли, служившій очень хорошимъ цементомъ. Лагерь *de la Kondesa* занималъ открытое и ровное мѣсто. Почва этой мѣстности, въ общемъ своемъ характерѣ, песчана и покрыта ароматическими растеніями, наполняющими воздухъ благоуханіемъ и придающими запахъ даже водѣ источниковъ и ключей, находящихся здѣсь въ изобиліи. Впереди и справа высились на горизонтъ Черныя горы, а почти передъ самымъ лагеремъ разстилалась обширная лагуна, оставлявшая только небольшое пространство по берегу моря. Всѣ удивлялись, какъ могла испанская армія зайти такъ далеко, сражавшись такъ мало, и не безъ боязни посматривали на лагуну. Войску предстояло идти именно по этому узкому шоссе, между лагуной и моремъ, и деэилировать изъ него у подошвы горъ, на которыхъ непріятель занималъ превосходную позицію. Всѣ разчитывали на огромныя потери (отъ 2.000 до 3.000), и ожидали упорнаго сопротивленія со стороны Мавровъ, которые имѣли тутъ всю возможность вредить Испанцамъ, почти совершенно безнаказанно. Ожиданія эти, къ общему изумленію, вовсе не сбылись: испанская армія не потеряла не только трехъ тысячъ, но и трехъ десятковъ, при переходѣ своемъ мимо лагуны (6 января), да и всего едва ли потеряла она поддюжины челоуѣкъ. «Поведеніе Мавровъ, разсуждаетъ корреспондентъ *Times*, поражаетъ всѣхъ удивленіемъ. Если они, говоритъ онъ, будутъ такъ же дѣйствовать впередъ, или, вѣрнѣе, такъ же *не дѣйствовать*, какъ и теперь, со времени оставленія сеутской позиціи, то движеніе на Тетуанъ, вмѣсто ожидаемаго ряда самыхъ упорныхъ битвъ, будетъ простою военною прогулкой, диверсіей. Мавританскіе предводители или совѣтъ ужъ нерѣшительны и неспособны, или имѣютъ какой-либо глубоко задуманный и недоступный нашему пониманію планъ, по которому они надѣются *quand-même* разрушить предпріятія генерала О'Доннеда и уничтожить испанскія силы. Но и въ томъ случаѣ, когда они и вполнѣ увѣрены въ поражениі Испанцевъ и въ будущемъ торжествѣ своемъ, все-таки непонятно, зачѣмъ они вовсе не пользуются благоприятными

обстоятельствами, чтобъ ослабить непріятеля и затруднить его движеніе. И едва ли представится Маврамъ болѣе удобный случай чѣмъ тотъ, которымъ они теперь не воспользовались. Наша армія сдѣлала сегодня (6 января) переходъ, стѣлщій любой битвы, и прошла свободно и безпрепятственно по мѣстности, которую нужно было бы брать приступомъ, еслибъ ее сколько-нибудь защищали, и такой приступъ обошелся бы Испанцамъ очень дорого.» Тѣмъ не менѣе корреспондентъ продолжаетъ утверждать, что предпріятіе представляло большія опасности, что оно было почти безумною отвагой, что не знаешь даже, порицать или хвалить О'Доннеля за такой рискованный шагъ, и что лишь одинъ неожиданный успѣхъ оправдываетъ главнокомандующаго. «Сдѣлана была, разумѣется, говорить онъ, демонстрація на противоположномъ флангѣ отъ того, гдѣ предположено было главное движеніе: но все-таки непростительно, что Мавры сами дались въ обманъ.» О'Доннель, видно, лучше зналъ своихъ Мавровъ чѣмъ корреспондентъ и чѣмъ все войско; онъ разчиталъ очень вѣрно и безошибочно.

На рѣкѣ *Азмиръ*, гдѣ испанская армія расположилась лагеремъ по выходѣ своемъ изъ мнимо-грознаго дефилея и по минованіи первыхъ кордильеровъ Монте-Негро, налетѣлъ на Испанцевъ страшный ураганъ: все Средиземное море всколотало и волны свирѣпо забили о берега Берберин: дождь не могъ быть сильнѣе даже въ тѣ времена, когда Ной строилъ ковчегъ свой; воздушныя стихіи стали далеко страшнѣе всякаго врага; въ Европѣ даже нельзя составить себѣ понятія объ ужасахъ этого урагана и грозы; все пришло въ смятеніе, все разбросано, разнесено, разбито... Но какъ только схлынула эта гроза, настали дни ясные и пріятные. Однимъ утромъ, особенно поразилъ корреспондента *Times* восходъ солнца. «Весь восточный небосклонъ, говоритъ онъ, испещренъ былъ облаками, блиставшими какъ полированная мѣдь на фонѣ, переливавшемся изъ блѣднозеленаго цвѣта ивоваго листа въ почти-изумрудный оттѣнокъ. Солнце, какъ золотой шаръ, выкатилось изъ-за морскаго горизонта, слегка прикрытое нижнимъ слоемъ тумана, и, по мѣрѣ того, какъ оно всходило, облака разсѣивались, очищая ему дорогу и сплетаясь одно съ другимъ.»

10-го января, Мавры, въ числѣ тысячъ четырехъ, напали на позицію Испанцевъ, которую тѣ успѣли уже укрѣпить, и были, какъ всегда, разбиты наголову, при чемъ Испанцы потеряли однако 13 человекъ убитыми, двухъ штабъ-офицеровъ, 15 оберъ-

офицеровъ и 149 рядовыхъ ранеными. По поводу этой неожиданной и несвоевременной атаки, корреспондентъ замѣчаетъ: «Мавританскіе генералы, вожди, шейхи, или какъ тамъ еще они себя называютъ, ужасно, должно-быть, глухи! восклицаетъ онъ. Они не трогаютъ пальцемъ испанской арміи во время ея переходовъ по узкимъ дефилеямъ, когда они, ничего почти не теряя, могли бы нанести ей огромный вредъ, а нападаютъ на нее черезъ нѣсколько дней, когда она занимаетъ сильную позицію, когда она защищена полевыми укрѣпленіями, и когда артиллерія испанская можетъ дѣйствовать черезъ пять минутъ послѣ сигнала. И вообще, продолжаетъ корреспондентъ, я считаю большимъ преувеличеніемъ похвалы, расточаемыя мавританскимъ всадникамъ. Имъ часто представлялся случай нападать въ превосходныхъ силахъ на испанскую кавалерію, и они имъ не пользовались. Они предпочитаютъ гарцовать въ почтительномъ разстояніи отъ нашихъ застрѣльщиковъ и выдѣлывать штуки, пригодныя развѣ для цирка, какъ-то: стрѣлять на всемъ скаку, разряжая свои длинныя ружья въ то самое мгновеніе, какъ ихъ кони дѣлаютъ крутой поворотъ, чтобъ понести ихъ назадъ. При неудобствѣ ихъ *espingardas*, такія атаки едва ли могутъ причинить какой-либо вредъ неприятелю.» Во время сраженія 10 числа взята была мавританская сабля, принадлежавшая офицеру или какому-нибудь еще болѣе значительному лицу. Она была въ ножнахъ изъ красной кожи съ оконечникомъ и связями изъ латуни, и съ красными снурками вмѣсто португези. Впрочемъ, для кавалеріи сабля эта, съ весьма-неудобною рукояткой, была тяжела и неповоротлива. Генералъ Примъ добылъ себѣ *маикъ* изъ красной матеріи, такъ чистый и приличный, что, по словамъ корреспондента, онъ даже намѣренъ носить его самъ. «Другою, самую интересною находкой 10 числа, рассказываетъ корреспондентъ, былъ очень хорошеивый мавританскій альбомъ, въ футлярѣ, съ рисунками здѣшняго мѣстоположенія, разныхъ происходящихъ здѣсь сценъ и съ рукописными замѣтками. Онъ достался генералу Генриху О'Доннелю, брату главнокомандующаго; онъ держалъ его подъ мышкой и, проходя пѣшкомъ по лагерю, какъ-то обронилъ его; всѣ старанія отыскать его оказались безуспѣшными. Объ этой потерѣ нельзя не пожалѣть.»

Но еще больше чѣмъ глупость мавританскихъ вождей, возбуждаетъ негодованіе корреспондента лагерная стоянка на

рѣкъ Азмиръ и въ особенности сама рѣчонка эта. «Звучное имя Азмиръ, восклицаетъ онъ, не создаетъ ли въ вашей памяти чудной картины кристалльных потоковъ, двойныхъ махровыхъ розъ, мелодическихъ соловьевъ, сладострастнаго *farniente*? Не долженъ ли бы этотъ Азмиръ музыкально журчать и нѣжно переливаться по серебряному песку и золотымъ камнямъ, а по берегамъ его не должны ли бы, въ беззаботномъ наслажденіи *кейфа*, сладко покоиться восточныя красавицы въ бесѣдкахъ изъ ясмина и мирта, подъ кровомъ вѣчно-голубаго неба? Но увы! какъ далеко отъ этой поэтической картины до грустной дѣйствительности! Азмиръ не чтò иное, какъ грязный, жалкій ручей, почти пропадающій въ песокъ прежде чѣмъ успѣетъ дотащиться до моря. На берегахъ его небольшое количество цвѣтовъ совсѣмъ заглушено колючимъ тростникомъ и ладанникомъ. Лучшею музыкой служить здѣсь дикій крикъ морской птицы, прибываемой къ берегу восточнымъ вѣтромъ, да еще рѣзкіе звуки испанской трубы. Никакая красавица не смотрится въ его мутную поверхность; небо чаше бурное чѣмъ ясное; окрестный запахъ совсѣмъ не благоуханенъ, а скаты къ берегамъ болотисты.»

Войско испанское скоро до такой степени привыкло къ ночнымъ тревогамъ и франтовскимъ набѣгамъ Мавровъ, что и солдаты, и офицеры остаются совершенно спокойны и хладнокровны, тихо и быстро собираются къ назначенному мѣсту и во всякую минуту готовы сдѣлать неприятелю жаркую встрѣчу. Однажды, когда корреспондентъ *Times* только что заснулъ, и заснулъ сладко, онъ былъ разбуженъ голосомъ его товарища по палаткѣ, а затѣмъ раздались и ружейные выстрѣлы. Въ ту же минуту раскрылись полы палатки.

— *Señores, los Moros!* сказалъ слуга такимъ же тономъ, какимъ онъ доложилъ бы о посѣщеніи гостя, или о томъ, что кушанье подано.

— Хорошо! отвѣчалъ товарищъ корреспондента точно такъ же, какъ еслибъ онъ сказалъ: «Проси!»

Они одѣлись, зарядили пистолеты и вышли изъ палатки. Тревога оказалась, однако, ложною.

Кромѣ набѣговъ, цѣлыми отрядами, мавританскихъ всадниковъ, случались часто внезапныя появленія Мавровъ въ-одиночку, не для воинской славы, а съ болѣе-прозаическимъ намѣреніемъ—стянуть что-нибудь изъ испанскаго лагеря. Въ подобныхъ случаяхъ Мавры обнаруживали большую неустрашимость и

изобрѣтательность. «Однажды, подъ вечеръ, разказываетъ корреспондентъ, какой-то Мавръ, нарядившись въ испанскій гусарскій мундиръ и пользуясь темнотою, пробрался въ лагерь. Съ необыкновенною дерзостью вздумалъ онъ овладѣть конемъ одного артиллерійскаго офицера, несмотря на то, что слуга былъ тутъ же. Не говоря ни слова, занесъ онъ ногу въ стремя. Тогда слуга, ставъ передъ нимъ, спросилъ, что ему надо. Мавръ отвѣчалъ повелительнымъ жестомъ, а слуга, видя такое нахальство, вагнулся, чтобы взять камень. Мавръ быстро вскочилъ въ сѣдло. Мѣсяцъ свѣтилъ ясно, и слуга, разглядѣвъ лицо дерзкаго вора, громко закричалъ: «Мавръ, Мавръ!» Нѣкоторые изъ солдатъ въ ту же минуту выстрѣлили, и импровизованный гусаръ упалъ съ лошади, пронзенный пулями.»

Простоявъ довольно долго на рѣкѣ Азимирѣ, испанская армія перешла кордильеры Чернаго мыса и рѣку Уадъ-эль-Джелу, и, ставъ въ виду Тетуана, занялась укрѣпленіемъ расположенныхъ близъ устья рѣки Мартинъ мавританскихъ сооруженій — таможеннаго форта и др., и возведеніемъ собственнаго форта. Генералъ О'Доннель, черезъ взятаго въ плѣнъ *самтона* (марабута) и черезъ особыхъ испанскихъ и мавританскихъ парламентаровъ, требовалъ сдачи Тетуана, грозясь въ противномъ случаѣ не оставить въ городѣ камня на камнѣ. Угроза тѣмъ болѣе дѣйствительная, что испанская армія значительно усилилась вновь прибывшими регулярными подкрѣпленіями и провинціальными волонтерскими дружинами. Тѣмъ не менѣе, предложенія о сдачѣ приняты не были, и 31 января было самое серьезное, послѣ битвы 1 числа, сраженіе. Зачинщиками, какъ всегда, были Мавры. Въ этомъ сраженіи участвовалъ и братъ Мюлай-Аббаса, Мюлай-Ахметъ. Мавры надѣялись захватить Испанцевъ врасплохъ и отбросить ихъ къ морю, или обойти и окружить ихъ, кинувшись на таможенный фортъ и на Мартинъ; но дѣло кончилось рѣшительнымъ пораженіемъ Мавровъ. Испанская артиллерія дѣйствовала отлично. Мавры потеряли около 2000; Испанцы до 300 человекъ. У Мавровъ отнято было знамя и нѣсколько лошадей. Кавалерія испанской очень сильно досталось. На лѣвомъ крылѣ генералъ Рубинъ послалъ эскадронъ противъ значительнаго числа Мавровъ и Арабовъ, гарцовавшихъ по болотистой равнинѣ, которая тянулась отъ испанскаго лагеря къ подошвѣ возвышенности, на которой расположенъ Тетуанъ

Эскадронъ попалъ въ предательское болото, лошади увязли по самую подпругу, и 16 или 18 человекъ были убиты. Одинъ изъ испанскихъ кавалеристовъ спасся рѣшительно чудомъ. Получивъ ударъ въ кисть, чуть не оторвавшій ея отъ руки, и серьезную рану въ горло, онъ былъ обобранъ догола Маврами и оставленъ почти потонувшимъ въ болотѣ. Онъ пролежалъ тамъ около трехъ часовъ безъ чувствъ; пришелъ потомъ въ себя и, приподнявшись, приблизился къ испанскимъ застрѣльщикамъ, которые, черезъ него, перестрѣливались съ Маврами. Было темно, и Испанцы не знали что дѣлать съ этою странною фигурой: принявъ ее за врага, они даже стали стрѣлять по ней. Несчастный сталъ дѣлать разные знаки, пошелъ какъ только могъ скорѣе, былъ узнанъ, спасенъ и принесенъ въ лагерь.

Генералъ Примъ командовалъ 31 января правымъ крыломъ, и дѣла было у него мало. Это ему надобно. Наконецъ ужъ въ срединѣ дня сильный отрядъ мавританской кавалеріи, отброшенный огнемъ испанской артиллеріи отъ центра, полетѣлъ къ правому крылу, надѣясь встрѣтить тамъ слабое сопротивление. Примъ не имѣлъ кавалеріи, или имѣлъ ее только одну горсточку; но онъ полагался на пѣхоту, и пѣхота довѣрялась ему. Онъ произнесъ, своимъ лаконическимъ слогомъ, слѣдующія слова къ солдатамъ:

— Друзья! передъ нами кавалерія, а мы не можемъ выслать противъ нея нашей; но мы пойдемъ на нихъ со штыкомъ. Стройте каре, и пускай играетъ музыка!

И въ стройно-сплоченныхъ массахъ, со знаменемъ внутри каре, подъ звуки самыхъ вдохновительныхъ мотивовъ, испанская пѣхота пошла противъ Мавровъ; но они, говорить корреспондентъ, не дождались ея!

Генералъ Примъ (графъ де-Реуссъ), былъ рѣшительно героемъ марокканской кампаніи. Онъ чрезвычайно храбръ и пользуется полнымъ довѣріемъ солдатъ и уваженіемъ товарищей. Онъ составилъ себѣ репутацію еще во время гражданскихъ войнъ, и въ войну съ Марокко значительно увеличилъ ее. Спокойный, холодный и веселый среди величайшихъ опасностей, онъ однимъ видомъ своимъ вдохновлялъ батальоны, которые онъ, впереди всѣхъ и съ мечомъ въ рукѣ, велъ противъ непріятеля. Въ битвѣ при Кастиллехосѣ (1 января), когда часть его отряда, засыпанная непріятельскими пулями и тѣсняемая гораздо сильнѣйшимъ врагомъ, начала колебаться,

когда Испанцы стали *тму conmovidos* (то-есть были въ сильномъ волненіи, или, по-русски, готовы были наострить лыжи), генераль схватилъ батальйонное знамя и бросился впередъ съ словами:

— Я отнесу его къ Маврамъ!

Солдаты кинулись за нимъ, и непріятель былъ отбитъ.

Въ сраженіи 31 января ранено и убито, какъ всегда, очень много испанскихъ офицеровъ. Дивизіи Рубина и Риоса пострадали болѣе другихъ. Онѣ получили приказаніе пойдти впередъ и остаться на занятыхъ позиціяхъ: Мавры, вѣрные своей системѣ, видя, что Испанцы больше не подвигаются, открыли по нимъ сильный огонь, и продолжали его съ самаго начала сраженія до тѣхъ поръ, пока не стемнѣло.

Нѣкоторые изъ немногихъ мавританскихъ плѣнниковъ говорили, что самъ Мюлай-Аббасъ видитъ невозможность противостоять Испанцамъ, о чемъ нѣсколько уже разъ говорилъ брату своему, императору; но Мюлай-Магометъ всегда отвѣчалъ, что у него много людей и много денегъ, и что онъ не видитъ, почему бы ему не остаться побѣдителемъ.

— Правда, говорилъ одинъ изъ плѣнниковъ, насъ очень много, насъ такъ много, какъ лягушекъ въ болотѣ; но у насъ нѣтъ порядка, нѣтъ вождей и хорошихъ начальниковъ.

Послѣ битвы 31 января, О'Доннель двинулся прямо къ Тетуану (на 3. отъ фортговъ, прикрывавшихъ тылъ испанской арміи), съ цѣлю дать рѣшительную битву и овладѣть городомъ. 4 февраля дѣйствительно произошло, подъ стѣнами города, генеральное сраженіе, почти самое упорное во всю кампанію. Сраженіе это корреспондентъ описываетъ подробно.

Атака испанскихъ войскъ была прекрасно диспозирована и блистательно выполнена. По большой равнинѣ, пересѣченной рвами и длинными прудами, Испанцы должны были идти на сильно-укрѣпленную линію массивныхъ брустверовъ, со рвомъ у подножія, съ болотомъ впереди. Мавританская артиллерія мало, впрочемъ, наносила вреда испанскимъ батальйонамъ, пока они не приближались на очень близкій картечный выстрѣлъ. Большую потерю отъ сильного ружейнаго огня потерпѣло правое крыло корпуса генерала Прима, когда оно приблизилось къ хворостиннику, прикрывавшему лѣвый флангъ позиціи. Примъ, какъ и всегда, былъ первымъ въ битвѣ. У него было четвертаго числа 400 или

500 Каталонцевъ, присоединившихся къ арміи наканунѣ сраженія. На нихъ была ихъ національная одежда: куртка и штаны изъ голубаго плиса, красные кушаки и длинныя красныя шапки, похожія на такъ-называемую шапку свободы. Между ними были люди всѣхъ возрастовъ, даже мальчики, но всѣ они были дѣятельные и очень рѣшительные ребята. Примъ, самъ Каталонецъ, держалъ къ нимъ въ день ихъ прибытія рѣчь на языкѣ родины. Онъ напомнилъ имъ древнюю славу Каталоніи, сказалъ, что они пришли въ Марокко поддержать честь области и составить себѣ репутацію — словомъ, произвелъ на нихъ такое впечатлѣніе, что нѣкоторые изъ нихъ и до сихъ поръ еще проливаютъ слезы, — слабость, на которую едва ли ихъ можно бы считать способными, судя по ихъ наружному виду. Наканунѣ битвы, въ кругу друзей, Примъ воскликнулъ: «Счастливы тотъ, кто завтра первый взойдетъ на брешь!» И этимъ счастливецемъ былъ не кто другой, какъ самъ же Донъ-Жуанъ Примъ. Съ саблею въ рукѣ, онъ первый вскочилъ на парапеть, положивъ на мѣстѣ Мавра, который хотѣлъ заступить ему дорогу. Каталонцы не отставали; начальникъ ихъ былъ убитъ, и потери ихъ были вообще очень сильны.

Это происходило въ центрѣ; правымъ флангомъ командовалъ братъ генерала О'Доннея; на лѣвомъ — третій корпусъ, который шелъ тоже къ центру, но, увидавъ, что дѣло уже сдѣлано генераломъ Примомъ, повернулъ опять налѣво и попалъ въ болото; одинъ изъ батальоновъ очень сильно при этомъ потерпѣлъ отъ мавританской картечи. Мавры храбро держались своихъ пушекъ; однимъ изъ залповъ они убили и ранили сорокъ человѣкъ. Кое-какъ освободившись, батальоны 3-го корпуса поспѣшили далѣе налѣво, но на брустверъ всходила уже дивизія генерала Турона.

Одна изъ дивизій генерала Прима прошла черезъ весь лагерь и довершила пораженіе Мавровъ, а другая пошла на высоты направо, гдѣ встрѣтила слабое сопротивленіе и овладѣла лагеремъ Мюлай-Ахмета. Одна изъ важнѣйшихъ атакъ этого дня, атака на башню Желели, ведена была братомъ главнокомандующаго, генераломъ Генрихомъ О'Доннеемъ.

«Всѣхъ палатокъ взято 850, говоритъ корреспондентъ, между ними есть превосходныя. Палатку Мюлай-Аббаса О'Доннель намѣренъ послать испанской королевѣ. Палатка эта обтянута

прекрасною матеріей и представляетъ всё удобства, какія только можетъ дать палатка. Въ ней были, говорятъ, красивыя одежды, столовые приборы и пр.; но солдаты не терпѣли времени, и, прежде чѣмъ можно было разставить часовыхъ, они ужъ угощали другъ друга кофеемъ въ сервизѣ Мюлай-Аббаса. Три серебряныя подносыка достались, однако, инадолгглавнокомандующаго. Немалое число палатокъ захвачено уже было испанскими солдатами, одержимыми тою же жаждой сувенировъ, которая заставляла англійскихъ солдатъ въ Крыму захватывать все: русскія ружья, шпаги, тесаки, штыки, ядра, гранаты, даже еще неразряженные. Чтò же касается до обыкновенной арабской или мавританской солдатской палатки, то человекъ мало-мальски осторожный и опрятный ни за чтò не положитъ ея къ своему багажу, прежде чѣмъ пропуститъ ее черезъ огонь и воду, черезъ мытье и окуриванье. Нѣкоторыя изъ собранныхъ и прибранныхъ палатокъ пойдутъ для войскъ, ожидаемыхъ изъ Испаніи; другія, въ видѣ воспоминанія, предположено дать городамъ тѣхъ провинцій, которыя, въ какомъ-либо отношеніи, участвовали въ войнѣ, а также въ вознагражденіе раненымъ, въ видѣ пенсіи семействамъ убитыхъ, и на другіе подобныя патріотическіе предметы.

«Сверхъ всѣхъ этихъ аршинъ грязной парусины (большая и совершенно-неожиданная потеря для Мавровъ въ такое время) Испанцы взяли восемь орудій, множество ружей, снарядовъ, сѣделъ и нѣсколько плѣнныхъ, отъ 20 до 25, большею частію раненыхъ (иные уже умерли). Изъ взятыхъ пушекъ нѣкоторыя носятъ на себѣ клеймо 28 августа 1790 и были, говорятъ, подарены мавританскому императору Фердинандомъ VII, который, безъ сомнѣнія, не полагалъ, что онѣ будутъ обращены противу войскъ его дочери; нѣкоторыя же, очевидно, отяты самими Маврами.

«Испанцы потеряли въ сраженіи около 600 чел.; но еслибы штурмъ и взятіе мавританскаго лагеря 4-го февраля стоило Испанцамъ и 100 человекъ, то все-таки полученныя выгоды были бы куплены совсѣмъ не дорого.

«Мюлай-Аббасъ, въ гнѣвъ на потерпѣнное пораженіе, велѣлъ обезглавить многихъ вождей, участвовавшихъ въ битвѣ, *pour encourager les autres*. Это возбудило нѣкоторое волненіе въ войскѣ, и Аббасъ, боясь возстанія, уѣхалъ въ Фесъ. Между тѣмъ, справедливость требуетъ замѣтить, что Мавры, не только

въ-одиночку, но и цѣлыми массами, держали себя 4 февраля отлично, особенно артиллеристы, не покидавшіе своихъ осьми орудій, противъ которыхъ направлено было цѣлыхъ сорокъ, не говоря уже о дьявольскихъ ракетахъ, свиставшихъ и змѣившихся надъ ихъ головами, и о четырехъ взрывахъ пороховыхъ ящиковъ въ ихъ собственной батарее.

«Испанской кавалеріи не было вчера дѣла. Самыя сильныя потери и самая высокая слава принадлежитъ пѣхогѣ, которая была вчера великолѣпна. Столь славная въ прежніе вѣка и слабо поддерживавшая свою репутацію въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, испанская пѣхота стоитъ на прекрасной дорогѣ, чтобы возстановить свое положеніе въ ряду прочихъ европейскихъ армій.

«Мавры, по многимъ причинамъ, могутъ жалѣть о своемъ лагерѣ. Онъ былъ расположенъ на чудной мѣстности, съ изгородью изъ кактусовъ и алоэ. Деревьевъ было тамъ именно на столько, чтобы, давая пріятную тѣнь, не мѣшать сообщенію и простору довольно значительнаго числа войскъ. Часть мѣстности отъ лагеря къ Тетуану еще красивѣе. Она вся состоитъ изъ узкихъ переулковъ, спускающихся въ крошечныя долинки или взбирающихся на холмы, покрытые роскошною растительностію. За множествомъ живыхъ изгородей, новыхъ для Испанцевъ, не привыкшихъ въ своей странѣ къ такимъ дѣленіямъ, видѣлись смоковницы, бѣловатая вѣтви которыхъ не имѣли теперь на себѣ листьевъ и у подошвы которыхъ расла желтая или, вѣрнѣе, оранжевая трава съ ноготками, тогда какъ сама изгородь синѣла любимымъ цвѣткомъ Жанъ-Жака Руссо, звѣздообразнымъ барвинкомъ (*pervenche*) нѣжно голубаго цвѣта. Въ этихъ высокихъ и неправильныхъ живыхъ изгородей, такъ мало похожихъ на гладко-подстриженныя англійскія изгороди, росъ необыкновенно высоко перовидный камышъ. Индѣ можно было вообразить себя въ южной Франціи или и въ другихъ странахъ центральной Европы, еслибы внимательное разсмотрѣніе деревьевъ и кустовъ не указывало на ихъ болѣе южное происхожденіе, и еслибы не громадныя группы кактусовъ и не гигантскія алоэ. Очень много апельсиновыхъ деревьевъ, но безъ фруктовъ. Время сбора плодовъ ужь миновало; но еслибы и вѣтъ еще, то едва ли можно допустить, чтобы Мавры оставили на деревьяхъ фрукты для своихъ раззорителей.

«На другой день прибыла изъ Тетуана депутація просить

пощады для города. Депутація эта состояла изъ Еврея, консула многихъ иностранныхъ державъ, говорившаго не дурно по-испански, и еще четырехъ знатнѣйшихъ жителей Тетуана. Они явились представителями своихъ согражданъ. Въ Тетуанѣ должно-быть нѣтъ губернатора отъ короны, или онъ бѣжалъ изъ города. Шестой посланникъ несъ привязанную къ палкѣ бѣлую скатерть вмѣсто парламентарскаго флага. Консулъ имѣлъ бѣлую мантию и красный фесъ и бѣжалъ на красивомъ мулѣ, съ богатою на немъ попоной; Мавры были въ гайкахъ и турбанахъ, довольно чистыхъ на видъ, и шли пѣшкомъ. Отвѣтомъ посольству опять таки было предложеніе—сдать городъ *à discrétion* и надѣяться на хорошее обращеніе...»

Ближайшимъ результатомъ жарко оспариваемой побѣды 4-го февраля 1860 было занятіе Тетуана, рѣшившее, хотя и не вдругъ, участь всей войны. Сдачи города ждать было нечего и сопротивленія испанской арміи не было оказано никакого: орды Мюлай-Аббаса не защищали Тетуана, а только предали его разграбленію. Войска испанскія расположились въ городѣ и вокругъ него. Генераль Риосъ назначенъ губернаторомъ Тетуана; его дивизія расположена была въ городѣ. Главная квартира была внѣ города, у самыхъ воротъ, на красивомъ мѣстечкѣ съ огромнымъ деревомъ посрединѣ; мѣсто это было все въ садахъ, съ свѣтлыми ручьями, холодными ключами, плодовыми деревьями въ цвѣту, съ благоухающими набережьями, и окружено со всѣхъ сторонъ, куда ни глянетъ глазъ, самыми живописными видами. Погода, притомъ, стояла великолѣпная.

За побѣду 4 февраля и за взятіе Тетуана О'Доннель получилъ грандство 1 степени и титулъ *герцога Тетуанскаго*, на который онъ промѣнялъ свой титулъ *графа Лусены*, простой, мѣстный, родовой титулъ, *titulo de Castilla*.

Тетуанъ одинъ изъ наиболѣе-промышленныхъ и торговыхъ городовъ Марокко. Предметами внѣшней его торговли съ Испаніей, Франціей, Англійей, Италіей, служатъ: шерсть, ячмень, воскъ, сафьянъ, кожи, туфли, цыновки, красивый лакмусъ (1), быки, мулы, съѣстные припасы. Предметы внутренней торговли — шелковыя издѣлія, порохъ, огнестрѣльное оружіе,

(1) *Orricello*, tintura fatta con orina d'uomo. *Specchio dell' Impero di Marocco* p. 41.

сабли, полированная черепица, домашняя глиняная посуда, пористые глиняные кувшины, в которых так чудесно сохраняется вода холодною (альбкаразы), превосходный табакъ, шитые золотомъ пояса, шарфы, серебряныя украшенія изъ Тамсны (изъ самой глубины Марокко, близъ Фигига), пузырьки съ духами, разная дребедень и мишура, туфли, стручки краснаго перца, да еще очень вкусное лакомство, въ родѣ нуги, приготовленное на меду. Корреспондентъ *Times* сообщаетъ, кромѣ того, что найденъ былъ въ домахъ старый китайскій фарфоръ (который и отправленъ былъ къ испанской королевѣ). Городъ окруженъ стѣной. Не вдалекѣ находятся, какъ мы сказали, при устьѣ рѣки Мартинъ, укрѣпленія мавританскія: таможенный фортъ, другой фортъ, называемый Мартинъ или Мартиль, и еще (ближе къ морю) укрѣпленная башня. Тетуанъ очень древняго происхожденія; но исторія его очень малоизвѣстна. Берберы называютъ его Теттегуинъ. Въ началѣ XV столѣтія онъ былъ совершенно раззоренъ Кастильянцами и оставался необитаемымъ до изгнанія Арабовъ изъ Испаніи. Въ 1564 году, Филиппъ II, желая уничтожить этотъ портъ, служившій убѣжищемъ для корсаровъ, завалилъ его корабельными судами, съ камнями; но это помогло лишь на короткое время. Въ 1567 году, воспользовавшись смятеніемъ въ городѣ, Тетуаномъ очень легко завладѣлъ мароканскій шерифъ Мюлай-Абд-Алахъ. Въ прошломъ столѣтіи въ Тетуанѣ были представители европейскихъ державъ; но теперь содержатся въ немъ только консульскіе агенты, избираемые большею частію изъ мѣстныхъ Евреевъ; одна Англія имѣетъ тамъ вице-консула. Жителей въ Тетуанѣ, по Гробергу, 16.000, по Рену, 12.000, по корреспонденту *Times*, отъ 30.000 до 35.000. Тетуанскія женщины (Мавританки), по словамъ графа Гроберга, самыя хорошенькія женщины во всей Берберіи. Тетуанъ очень близко отъ моря; рѣку Мартинъ очень легко сдѣлать судоходною; пространство между моремъ и городомъ очень ровно и удобно для устройства желѣзной дороги; почвадаетъ огромное количество самыхъ разнообразныхъ произведеній, свойственныхъ какъ умѣренному, такъ и жаркому поясамъ; окрестности покрыты превосходнѣйшимъ виноградникомъ и роскошнѣйшими апельсинными деревьями, а виноградъ и апельсины тетуанскіе, по справедливости, считаются лучшими въ мѣрѣ; много мѣстъ для рыбной ловли, множество дачи. Въ рукахъ цивилизованнаго народа, Тетуанъ непременно

сталъ бы однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ. Вообще вѣншній видъ Тетуана, съ окружающими его роскошными садами, съ его башнями, минаретами и башне-образными батареями (на которыхъ Испанцами, 16-го февраля, взято было болѣе шестидесяти орудій), одинъ изъ самыхъ живописныхъ видовъ въ мірѣ. Внутри же Тетуанъ походитъ совершенно на всѣ другіе марокскіе города: такъ же грязенъ, мраченъ и вонючъ. Вотъ, впрочемъ, нѣсколько подробностей, сообщаемыхъ корреспондентомъ *Times*, разказъ котораго легко можетъ быть приложенъ ко всѣмъ прочимъ городамъ Марокко.

«Городъ состоитъ изъ цѣлаго лабиринта узкихъ улицъ, образуемыхъ бѣлыми домами съ плоскими крышами; отъ нижнихъ этажей перекинуты черезъ улицу арки, и вы идете подъ сводами, въ которые лишь изрѣдка просвѣчиваетъ полоса голубаго неба. Направо и налево тянутся безчисленные переулки, часто очень короткіе и глухіе. Дома большею частію не имѣютъ оконъ на улицу, а стоятъ къ ней сплошною бѣлою стѣной; окна продѣланы на внутренней дворъ—*ratio*. Кто знакомъ съ характеромъ южныхъ испанскихъ городовъ, особенно Кадикса и Севильи, тотъ очень хорошо знаетъ, что подъ словомъ *ratio* разумѣется внутренней дворъ, почти садъ, вымощенный мраморными плитами, съ фонтаномъ посрединѣ, усаженный апельсиновыми деревьями, олеандрами и другими цвѣтущими растеніями, въ горшкахъ или въ грунтѣ. Такое устройство, превосходное для страны, гдѣ изъ 12 мѣсяцевъ 9 продолжается лѣто, имѣютъ въ Тетуанѣ лишь немногіе лучшіе дома. Здѣшнее *ratio* большею частію не что иное; какъ небольшая площадка, вымощенная мозаикой съ цвѣтными фаянсовыми инкрустациями. Вокругъ площадки идетъ, наравнѣ съ нижнимъ этажемъ, галлерея. Немногіе дома имѣютъ болѣе одного этажа. Полы и лѣстницы во всея домѣ мозаичные, пока вы не взберетесь на кровлю (*azotea*), которая вдругъ ослѣпляетъ васъ своею бѣлизной, и вы спѣшите успокоить свои взоры на горшкахъ гераніума и другихъ хорошенькихъ растеній, наполняющихъ собой углы платформы. Вы облакачиваетесь на перила и осматриваетесь: вездѣ все бѣлое; каждая кровля служить повтореніемъ сосѣдней кровли; вездѣ извѣсть, и вы уже считаете себя осужденнымъ на офталмію. По счастью, ваши взоры стремятся далѣе и отдыхаютъ на зеленыхъ пространствахъ, опоясывающихъ городъ: цвѣтущая растительность бѣжить по полянамъ, взбирается на холмы и пропадаетъ между

сѣрыми утесами, образующими высшую и послѣднюю окружность этого превосходнаго ландшафта.»

Тетуанъ состоитъ изъ двухъ кварталовъ (*barrios*): еврейскаго (10.000 ж.) и собственно мавританскаго (25.000 ж.). «Въ послѣднемъ я не встрѣчалъ ни души, говорить корреспондентъ; ни звука, ни шороха не раздавалось изъ за стѣнъ, мимо которыхъ мы проходили. То былъ какъ бы городъ мертвыхъ. Но внутри, за стѣнами, все было полно жизни, какъ увѣрялъ нашъ проводникъ; — тамъ были дрожащiе люди, которымъ звукъ шпоры и сабли казался звукомъ тревоги и бѣды. Когда мы остановились на минуту, пораженные этою мертвою тишиною, звукъ ключа, который поворачивался въ заржавѣвшемъ замкѣ, вывелъ насъ изъ задумчивости. Звукъ несся изъ глухаго переулка, до входа въ который намъ пришлось сдѣлать только три шага. Ключъ сдѣлалъ второй поворотъ въ замкѣ почти въ ту самую минуту какъ мы входили, и мы очутились лицомъ къ лицу съ пожилымъ Мавромъ, одѣтымъ въ бѣловатый ганкъ, довольно чистый на видъ; сѣдые усы его были хорошо расчесаны. Мавръ держалъ въ одной рукѣ огромный ключъ, чуть не въ 10 дюймовъ длиною, допотопнаго происхожденiя, а другою держалъ за руку мальчика, желтаго какъ лимонъ, и съ глазами черными какъ уголь и большими какъ плашки. Мавръ откинулся отъ насъ назадъ, особенно когда мой товарищъ, любопытствуя видѣть мавританскiй домъ, еще не покинутый и не разоренный, выразилъ ему черезъ переводчика желанiе проникнуть въ его жилище. Первымъ его отвѣтомъ былъ отказъ, выраженный очень рѣшительнымъ тономъ; но мы настаивали; тонъ его тогда измѣнился въ просительный: семейство его (старый многоженецъ разумѣлъ подъ нимъ женъ своихъ) не можетъ видѣть чужестранцевъ, и пр. Въ манерахъ и голосѣ Мавра была смѣсь сдерживаемаго негодованiя и крайняго униженiя; за то глаза его лучше всякихъ словъ показывали, что онъ непременно убилъ бы собаку-христианина, еслибы только смѣлъ. Мы прекратили его муки и пошли прочь...

«Населенiе Тетуана, взбудораженное грабежомъ полчищъ Мюлай-Аббаса и встревоженное вступленiемъ Испанцевъ, вышло изъ жилищъ своихъ и вынесло оттуда пищу свою и груды нечистотъ, которыхъ Европеецъ не могъ бы себѣ и вообразить. Нужно было чистить городъ. «Вы тревожите грязь трехъ столѣтiй», сказалъ одинъ умный мавританскiй алькадъ, назначен-

ный Испанцами. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Галаты (1), ничто не можетъ, хотя издали, походить на улицы Тетуана, и особенно на еврейскій кварталъ. Несчастные Евреи очень, кажется, огорчены тѣмъ, что чужеземцы вмѣшиваются въ ихъ старыя злоупотребленія и заставляютъ ихъ скоблить, чистить, мыть и вообще тревожить священныя накопленія цѣлыхъ вѣковъ. Какой-нибудь собственникъ одного изъ самыхъ *инимыхъ* мѣстечекъ Великобританіи не съ такимъ отвращеніемъ относится къ билію о реформѣ, съ какимъ здѣсь Евреи смотрятъ на новые порядки въ ихъ городѣ и на очистку улицъ. То было, престранное зрѣлище: бѣдные сыны Израиля, въ полбсатыхъ бумажныхъ тканяхъ, въ спущенныхъ бѣлыхъ штанахъ, въ желтыхъ туфляхъ на-босу-ногу, смотрѣли очень угрюмо и повѣся голову, какъ вообще народъ, привыкшій къ рабству; ихъ небольшія руки, не привыкшія къ тяжелому труду, едва владѣли киркой и метлой. Съ ними обращались хорошо и понапрасну не мучили работой: испанскій солдатъ не грубъ и не жестокъ; но, совсѣмъ не склонные къ работѣ, Евреи уже одну ея необходимость считали тиранніей.»

Дезертировъ мавританскихъ было очень много, такъ что генераль О'Доннель хотѣлъ даже, на случай продолженія войны, образовать особый туземный отрядъ. Бывшій шейхъ одного изъ арабскихъ племенъ, лишенный этого званія императорскимъ правительствомъ, обѣщаль привести 13.000 чел. въ испанское подданство. Вообще въ Марокко есть партія въ пользу европейскаго владычества, называемая Испанцами *Argelino* или *Algerine*, которая предпочитала бы иностранное господство нынѣшнему своему властителю.

По занятіи испанскою арміею Тетуана, начались дѣятельные мирные переговоры. Нѣсколько разъ появлялись въ лагерьъ послы Мюлай-Аббаса, нѣсколько разъ сидѣли они въ палаткѣ главнокомандующаго въ почтительномъ положеніи, съ обращенными вверхъ ладонями; но все сладиться не могли. 23 февраля самъ Мюлай-Аббасъ пріѣзжалъ въ лагерь, но и его свиданіе съ О'Доннелемъ не повело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. На ходъ переговоровъ могъ имѣть вліяніе поступокъ бригадира Бусеты, который, вопреки приказаніямъ главнокомандующаго—не вызывать столкновеній съ Маврами,

(1) Предмѣстіе Константинополя къ югу отъ Перы.

вышелъ противъ нихъ изъ Мелиллы, былъ разбитъ и прогнанъ въ городъ съ потерей 70 чел. убитыми и 300 ранеными, за что и преданъ былъ, разумѣется, военному суду. Но самымъ сильнымъ препятствіемъ къ успѣху переговоровъ съ Мюлай-Аббасомъ было требованіе уступки Тетуана: на все готовы были согласиться Мавры, но уступить «невѣрнымъ» *священ- ный* городъ казалось имъ совершенно невозможнымъ. Еще суровѣе принца былъ, въ этомъ отношеніи, сопровождавшій его 23 числа министръ иностранныхъ дѣлъ, Магометъ-эль-Катибъ: онъ первый прервалъ переговоры съ испанскимъ главнокомандующимъ, когда тотъ предъявилъ имъ свои условія. Самъ Мюлай-Аббасъ казался человѣкомъ лѣтъ сорока, средняго роста и прекраснаго сложенія. Вотъ какъ дополняетъ его портретъ Испанецъ донъ-Педро Антонио де-Аларконъ: «Лицо эмира имѣетъ всѣ черты настоящей южной красоты; оно напоминаетъ Элеазара валенскихъ живописцевъ. Онъ очень смуглъ и казался еще смуглѣе въ своей голубой туникѣ и въ великолѣпномъ гаикѣ изъ тончайшей шерсти ослѣпительной бѣлизны. Въ черной его бородѣ, длинной и шелковистой, виднѣется нѣсколько серебряныхъ нитей. Линіи его профиля необыкновенно чисты. Его африканскій ротъ имѣетъ энергическія очертанія. Его черные и грустные глаза смотрѣли тихо и спокойно. Можно было догадываться объ огнѣ, который могъ вспыхивать изъ-подъ облака задумчивости, когда они закрыты, или сквозь суровость выраженія, когда они открыты. Мюлай-Аббасъ казался убитымъ, но сосредоточеннымъ; печальнымъ, но гордымъ; побѣжденнымъ, но не подавленнымъ; онъ былъ униженъ, но не утратилъ чувства собственного достоинства. Въ его униженіи замѣтна была преданность на волю судьбы; въ его кротости виденъ былъ патріотизмъ.»

Какъ бы то ни было, непріязненные дѣйствія возобновились, и въ мартѣ мѣсяцѣ было уже опять нѣсколько стычекъ. Такъ, 11-го марта Мавры сами стремительно кинулись на испанскій лагерь впереди Тетуана на тангерской дорогѣ (которая въ то же время ведетъ и въ Фесь), и въ продолженіи цѣлыхъ шести часовъ корпусы Прима и Эчагуэ должны были отбивать непріятеля, который налеталъ отовсюду, и изъ долины Уад-эль-Джелу, и съ высотъ Самсы, и который казался рѣшительнѣе и яростнѣе чѣмъ когда-либо. На другой день явился въ лагерь новый парламентаръ отъ Мюлай-Аббаса, съ извиненіемъ за вчерашнюю, будто бы нечаянную атаку. Мирные

переговоры, такимъ образомъ, не прекращались. Между тѣмъ по всей линіи, отъ Таможеннаго форта у моря до высотъ Тетуана, испанская армія окружена была непріятельскимъ огнемъ. Солдаты стало наконецъ забавлять это движеніе парламентаровъ среди непрестаннаго огня, и, слыша выстрѣлы Мавровъ, они весело восклицали: «Вонъ они, подписываютъ миръ!» Желая покончить однимъ ударомъ это двусмысленное положеніе и окончательно принудить упрямаго шерифа согласиться на предложенныя ему условія, маршалъ О'Доннель предпринялъ изъ Тетуана наступательное движеніе на Тангеръ, съ тѣмъ, можетъ-быть, чтобы, въ случаѣ надобности, повернуть даже и на самыя Фесъ.

Въ 4 часа утромъ 23 марта, разказываетъ корреспондентъ, *diana* (1) прозвучала по улицамъ Тетуана, и въ обоихъ лагеряхъ, какъ впереди, такъ и сзади, палатки были сняты, мулы навьючены, и еще прежде 6 часовъ вся испанская армія, отъ 20.000 до 25.000 человекъ, была въ полномъ движеніи, направляясь къ югозападу отъ города (2). Въ Тетуанѣ оставленъ только небольшой гарнизонъ въ 1500 чел.; три форта, Мартинъ, Гавань и фортъ Звѣзды, заняты были не большимъ числомъ регулярной пѣхоты, нѣсколькими дружинами баскскаго ополченія и необходимомъ числомъ артиллеристовъ. Армія двигалась въ параллельныхъ колоннахъ; впереди шла часть 1 корпуса, не давно прибывшаго въ Тетуанъ изъ Сеуты. Тутъ было восемь батальионовъ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Эчагуэ и генераль-майора Ришара Ла-Соссе (La Saussaye). За ними слѣдовалъ маршалъ О'Доннель со своимъ штабомъ, который былъ усиленъ присутствіемъ многихъ иностранныхъ офицеровъ. Палатки ихъ обыкновенно разбивались близъ палатокъ главной квартиры, и въ войскѣ ихъ шутя прозвали иностраннымъ легиономъ; въ немъ было нѣсколько Пруссаковъ, одинъ Русскій, одинъ Австріецъ, нѣсколько Шведовъ, Баварцевъ, и одинъ Французъ, баронъ Кларі (Clary). Здѣсь былъ также и графъ д'Э (d'Eu), племянникъ герцога Немурскаго. За штабомъ слѣдовалъ 2 корпусъ, *дѣйствующій* по преимуществу, съ своимъ запальчивымъ командиромъ, докъ-Гуаномъ Примомъ; за нимъ 3 корпусъ подъ предводи-

(1) Зоря.

(2) По дорогѣ въ Тангеръ, которая идетъ сначала въ направленіи къ Фесу.

тельствомъ генерала Росъ де-Олано; въ аррьергардъ шель обозъ, подъ прикрытіемъ 1 резервной дивизіи. Линія пути была фланкируема 2 резервною дивизіей, подъ начальствомъ генерала Рюса. Эта дивизія была, можетъ-быть, самою сильною во всей арміи, имѣя въ рядахъ своихъ пять шестыхъ баскскихъ волонтеровъ.

Дѣйствіе началось за милю отъ города, а когда кончилась битва, Испанцы занимали лагерьмъ мѣстность еще на полторы мили далѣе. Позиціи, попеременно занимаемыя и оставляемыя Маврами передъ напоромъ главныхъ силъ испанской арміи, очень выгодныя въ тактическомъ отношеніи, состояли изъ холмовъ, частію покрытыхъ кустарникомъ; тамъ и сямъ попадалась деревенька изъ пяти-шести бѣдныхъ хижинокъ. Сраженіе, раскинувшись на очень-большое пространство, состояло большею частію изъ отдѣльныхъ дѣйствій. Планъ Мавровъ былъ очевиденъ. Плохіе тактики, и судя о другихъ по себѣ, они вообразили, что Испанцы подвигаясь впередъ по долину, не станутъ охранять свои фланги на высотахъ, окаймлявшихъ долину. Здѣсь, однако, находился генераль Рюсъ, который скоро и увидѣлъ передъ собою непріятельскія силы, доходившія до 12.000. Въ то время какъ этотъ генераль, сдѣлавъ обходъ, задерживалъ лѣвое крыло непріятеля, Эчагуэ, Примъ и часть 3 корпуса сражались въ долину и на холмахъ, ее перерѣзывавшихъ. Самая упорная борьба завязалась послѣ переправы черезъ рѣку (Мартинъ), гдѣ Мавры занимали очень сильную позицію противъ лѣваго крыла испанской арміи. Тутъ армія сдѣлала перемѣну фронта налѣво, и Примъ атаковалъ деревню, въ которой Мавры расположились съ большими силами и оказали самое упорное сопротивленіе. Кавалерійская атака, направленная противъ этой деревни, оказалась, какъ и слѣдовало ожидать, бесполезною; она повела только потерю 80 чел. и лошадей. Два раза переходила деревня изъ рукъ въ руки, пока наконецъ Испанцы не овладѣли ею окончательно. Мавры дрались въ эту пятницу (23 марта) лучше чѣмъ когда-либо во всю кампанію. Ихъ предводители нашли, видно, средства вдохнуть въ нихъ новое мужество, несмотря на ихъ многочисленныя пораженія, и они дѣлали отчаянныя усилія, чтобъ искупить эти пораженія. Собраны были, какъ видно, свѣжія войска изъ внутреннихъ частей имперіи. Черная гвардія (Moros de Rey) была здѣсь въ полномъ составѣ и выказала большое мужество. Были горячія рукопашныя стычки, и Мавры неустранимо кидались на испанскія батальоны. Въ одну изъ такихъ схватокъ

горсть Мавровъ отчаянно ринулась на испанскую колонну и повисла на штыкахъ, не безъ того, однако, чтобы двое или трое не проникли внутрь батальона. Безъ сомнѣнія, мавританскіе полководцы надѣялись на поддержку со стороны того отряда, который посланъ былъ по высотамъ въ обходъ Испанцамъ, но былъ встрѣченъ дивизіей Ріоса. Соображая характеръ мѣстности и не желая быть отрѣзаннымъ, Ріосъ сдѣлалъ самъ большой обходъ, и Мавры, видя это, старались вторгнуться въ середину между его отрядомъ и главными силами арміи, надѣясь все-таки обойти ее съ тыла. Они были отброшены, и затѣмъ главная битва завязалась, какъ сказано, на лѣвомъ флангѣ. Съ мѣста на мѣсто, съ одной позиціи на другую, Испанцы дошли наконецъ до пункта, съ котораго глазамъ ихъ открылся мавританскій лагерь. Онъ состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей, и всѣ надѣялись, что онъ, подобно прежнимъ, достанется въ добычу побѣдителямъ. Но непріятель сталъ опытнѣе и не долго хранилъ слѣпую вѣру въ возможность удержать позицію. Съ необыкновенною быстротой палатки были сняты. Правда, подъ ними, кажется, не было почти никакого багажа; но все-таки быстрота этой операціи была поистинѣ изумительна. Одинъ изъ офицеровъ штаба, наблюдавшій за этимъ и заносившій сцену въ свой альбомъ, увѣрялъ корреспондента, что прошло не болѣе 10 или 12 минутъ съ того мгновенія, какъ лагерь былъ въ полномъ своемъ составѣ, и тѣмъ, когда онъ внезапно исчезъ изъ глазъ.

Эта упорная битва кончилась въ 4 часа п. п., и послѣдніе выстрѣлы направлены были испанскою артиллеріей противъ рассыпавшейся мавританской кавалеріи. Въ половинѣ пятого не слышно ужъ было ни одного выстрѣла. Сраженіе стоило Испанцамъ огромныхъ потерь: 7 офицеровъ и 130 рядовыхъ убитыми, 97 офицеровъ и 1026 рядовыхъ ранеными. Потеря офицерами, какъ и всегда, велика несоразмѣрно; всѣ командующіе офицеры у *cazadores* (батальоны легкой пѣхоты) были опалены непріятельскимъ порохомъ.

Передавъ общій ходъ битвы, корреспондентъ переходитъ къ отдѣльнымъ ея эпизодамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пробуетъ безпристрастно охарактеризовать ее. Любимымъ героемъ его разказа является неизмѣнный Примъ, кидавшійся, какъ и прежде, въ самый пылъ битвы и все-таки не получившій ни одной царапины. Въ битвѣ 23 марта, говоритъ онъ, корпусъ Прима пострадалъ болѣе другихъ. Бывшій въ этомъ корпусѣ отрядъ Каталонцевъ потер-

пѣлъ ужасно: они прибыли сюда наканунѣ битвы 4 февраля въ числѣ 410, а осталось ихъ только 102. Послѣ битвы 24 марта Примъ подошелъ къ остаткамъ отряда и сталъ хвалить ихъ восторженно. Какъ Каталонецъ, онъ гордился ихъ доблестью, хотя и скорбѣлъ объ ихъ потеряхъ. Едва произнесъ онъ нѣсколько словъ, какъ имъ овладѣло непривычное волненіе, и голосъ у него упалъ: «Я поговорю съ вами завтра!» произнесъ онъ быстро и дрожащимъ голосомъ, и ушелъ.

Мавры вообще бились такъ хорошо, что самъ Примъ, минути, сомнѣвался въ счастливомъ исходѣ дѣла. «Не разъ, бросаясь въ самую сѣчу и ободряя солдатъ словомъ и примѣромъ, онъ отвращалъ отъ войска очевидно грозившую ему опасность.» Впрочемъ, корреспондентъ винить нѣсколько и планъ битвы со стороны Испанцевъ, составленный, по его мнѣнію, совсѣмъ не великолѣпно. Кавалерія, напримѣръ, какъ и въ прежнія битвы, была очень неискусно направляема; ея жертвовали безо всякой видимой пользы; артиллерія же, напротивъ, дѣйствовала уже съ чрезмѣрнымъ успѣхомъ и почти даромъ выпускала множество снарядовъ, причѣмъ пѣхота часто вводима была въ очень-жаркое дѣло, какъ бы для того только, чтобы прикрывать собою артиллерію. По насмѣшливому замѣчанію нѣкоторыхъ, во всю эту кампанію артиллерія играла роль *неизбѣжности*, а кавалерія роль *жертвы*. Мавры же, въ противоположность тому, что прежде было, имѣли у себя какъ будто составленный предварительно планъ. Они показывались со всѣхъ сторонъ и рѣшительно занимали опредѣленные позиціи. Во многихъ случаяхъ они обнаружили необыкновенную неустрашимость. Въ одной изъ деревенекъ, гдѣ особенно была горяча битва, завязалась самая отчаянная схватка. Кустарники и камышевыя строенія жителей стояли въ пламени, и Испанцы съ Маврами боролись *cogres à cogres*, стараясь другъ друга свергнуть въ огонь. Какой-то молодой знаменосецъ, только что разрядившій свой револьверъ, былъ схваченъ колоссальнымъ Мавромъ и кинутъ въ пылавшую хижину. Товарищи выхватили его оттуда до половины обгорѣвшимъ и почти задохнувшимся отъ дыму. Мавры, растративъ свои снаряды или изломавъ холодное оружіе, хватили съ земли камни и кидали ими въ Испанцевъ.

25 числа былъ данъ по арміи слѣдующій приказъ главнокомандующаго:

«Лагерь Сіерра Бензидеръ.»

«Солдаты! африканская кампанія, такъ высоко доставившая славу и имя испанской арміи, нынѣ кончилась; сраженіе 23-го числа показало Маврамъ, что борьба больше невозможна, просили мира, согласившись на условія, ими сначала, но гнутыя. Мюлай-эль-Аббасъ пріѣзжалъ въ нашъ лагерь подписать предварительныя основанія этого мира.

«Никакія трудности, встрѣченныя нами въ негостепріимной странѣ, безъ дорогъ, безъ населенія, безъ продовольствія, причѣмъ ужасы холеры увеличивали наши страданія и уменьшали ряды, не поколебали вашей твердости; вы все время сохраняли бодрость и полную готовность оправдать довѣріе, возложенное на васъ вашею королевой и вашею страной.

«Предназначенная вамъ цѣль достигнута. Двѣ битвы (4 февраля и 23 марта) и 23 сраженія (1), въ которыхъ вы постоянно побѣждали многочисленнаго и фанатически-храбраго врага, овладѣвая его орудіями, палатками, снарядами, багажомъ, отмести за оскорбленіе, нанесенное испанскому флагу.

«Вознагражденіе землями и деньгами, которымъ мавританское правительство обязало себя относительно насъ, удовлетворяетъ насъ за это оскорбленіе.

«Воины! я съ гордостію сохранию въ памяти своей черты мужества и героизма, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Разчитывайте всегда на искреннее расположеніе къ вамъ вашего главнокомандующаго,

«Леопольда О'Доннелла.»

Прокламація эта совершенно чужда тѣхъ преувеличеній и хвастовства, которыми отличались въ прежнее время испанскія прокламаціи.

О свиданіи между Мюлай-Аббасомъ и О'Доннелемъ (которое упоминается въ этомъ приказѣ) корреспондентъ разказываетъ весьма подробно, и мы нѣсколько сокращаемъ его разказъ:

«На другой день битвы, въ субботу 24 числа, въ два часа по-полудни два посланныхъ Мюлай-Аббаса, прибыли къ главно-

(1) Впрочемъ, только два изъ нихъ, 1 и 23 января, были сколько-нибудь значительны, а остальные были перестрѣлки и легкія стычки.

командующему и просили у него свиданія для принца. Генералъ не очень расположенъ былъ согласиться на эту просьбу: онъ боялся, что свиданіе съ принцемъ не поведетъ ни къ какимъ результатамъ, такъ же какъ и прежде, 23 февраля. Онъ считалъ доблесть тоинымъ ни Мюлай-Аббаса, какъ брата императора и генералъ-иссимуса мавританскихъ войскъ, ни себя, какъ представителя испанской монархіи, тратить время въ пустыхъ разговорахъ. Но посланные принца настаивали.

— Хорошо! сказалъ тогда О'Доннель:—я положилъ провести здѣсь нынѣшній день, чтобъ отправить своихъ раненыхъ въ Тетуанъ, и такъ какъ вы неотступно просите свиданія, то я вотъ что сдѣлаю. Завтра утромъ, въ половинѣ пятого, мы протрубимъ діану, и солдаты примутся за свой кофе. Я подожду принца до шести часовъ: не пріѣдетъ онъ въ это время, я иду впередъ.

Посланные убѣдительно просили накинуть еще полчаса.

— Что за настойчивость въ такихъ пустякахъ?

— Мюлай-Аббасъ, отвѣчали они, — и отвѣтъ ихъ обнаружилъ очень странное положеніе дѣлъ, — Мюлай-Аббасъ не рѣшится поѣхать прежде чѣмъ разсвѣнетъ, боясь не христіанъ, а Мавровъ, подданныхъ своего брата.

О'Доннель тогда согласился.

— Итакъ, сказалъ онъ значительно,—завтра, здѣсь, въ половинѣ седьмого, или вечеремъ—въ Фондахъ.

На другое утро, въ четверть седьмого, прискакалъ въ галопъ одинъ посланный, узнать который часъ. Ему показалось, что слышится лагерь, ему послышались выстрѣлы, сдѣланные, можетъ-быть, разсѣянными Кабилами, и онъ ужъ подумалъ, что возобновлены непріязненные дѣйствія. Мюлай Аббасъ, сказалъ онъ, уже на дорогѣ къ лагерю. Разбили для него палатку внѣ лагеря, чтобы взоры любопытныхъ не беспокоили мавританскаго принца. Прошло нѣсколько времени. Когда палатка была готова, О'Доннель направился къ ней, оставивъ за сто шаговъ штабъ свой и сопровождаемый полудюжиной генераловъ и толмачомъ.

Мюлай-Аббасъ прибылъ съ конвоемъ изъ ста всадниковъ въ бѣлыхъ ганкахъ и съ красными фесами на головахъ; его непосредственная свита состояла изъ дюжины престарѣлыхъ воиновъ (отъ 60 до 70 лѣтъ), съ сѣдыми или совсѣмъ бѣлыми бородами, но очень мужественныхъ и подвижныхъ. При конвоѣ было три красныя знамени и одно большое зеленое. Самъ Мюлай-Аббасъ имѣлъ на

себѣ въ этотъ разъ свѣтло-голубую туннику и красный ганкъ; кисейный шарфъ покрывалъ его голову и плечи, а зеленый снурокъ обвивалъ кругомъ тюрбанъ его. По сторонамъ пути его стояли мавританскія регулярныя войска, защищавшія его отъ Кабилловъ, которые, едва признавая мароккаго императора своимъ повелителемъ, могли бы не сдѣлать никакого различія между императорскимъ принцемъ и всякимъ другимъ путешественникомъ, слабо конвоируемымъ, но хорошо одѣтымъ. Притомъ, Мюлай-Аббасъ надѣлалъ себѣ множество враговъ своими слабыми успѣхами въ настоящую войну и своими слишкомъ строгими мѣрами. Говорятъ, онъ многимъ поотсѣкалъ головы за ходатайство о томъ же самомъ мирѣ, который онъ теперъ явился заключить. Въ сраженіи, кажется 31 января, при видѣ войскъ своихъ, обратившихся въ бѣгство, онъ пришелъ въ такую ярость, что принялся рубить своихъ направо и налево и положилъ на мѣстѣ человекъ, говорятъ, двѣсти. Ему порядочно пришлось поработать, если, какъ слѣдуетъ предполагать, цифра эта и преувеличена, потому что, по общему увѣренію, черепъ Мавра необыкновенно крѣпокъ. Испанскіе кавалеристы, ворвавшіеся между Мавровъ 23 марта, утверждаютъ, что сабли ихъ отскакивали отъ ихъ голыхъ череповъ: повалить Мавра на землю можно, но разрубить ему голову— другое дѣло (1).

Конференція между Мюлай-Аббасомъ и О'Доннелемъ продолжалась два часа, и миръ былъ подписанъ. Когда оба вождя, мавританскій и испанскій, вышли изъ палатки, выраженіе ихъ лицъ представляло замѣчательную противоположность. Широкое красное лицо О'Доннеля сіяло удовольствіемъ, а лицо Мюлай-Аббаса выражало глубокое отчаяніе: даже уступка, сдѣланная герцогомъ Тетуанскимъ, не смягчила горести несчастнаго Мавра. Сумма, назначенная сперва за военныя издержки,

(1) Крѣпость мавританскихъ лбовъ подтверждается свидѣтельствомъ многихъ путешественниковъ: г. Друммондъ Ге, между прочимъ, приписываетъ (*Morocco and the Moors*, p. 57) эту необыкновенную крѣпость тому, что мальчикамъ брѣютъ тамъ головы съ самаго ранняго возраста, и черепа Мавровъ, большею частию ничѣмъ не прикрытые, подвергаются дѣйствию всѣхъ стихій. Мавританскіе мальчики, по словамъ г. Ге, съ такою легкостію разбиваютъ у себя на головѣ, ради собственнаго удовольствія, хорошо-обожженный кирпичъ, съ какою нвой не рѣшится разломить у себя на головѣ простой сухарь.

простиралась до 500.000.000 реаловъ (5.000.000 ф. стерл., 32.000.000 р. сер.). То былъ порядочный кушъ.

— No puede usted perdonar nada? сказалъ принцъ. — Не можете ли вы чего-нибудь сбавить?

— Сто милліоновъ реаловъ! быстро отвѣчалъ О'Доннель.

Уступка эта была очень великодушна, потому что Мюлай-Аббасъ долженъ былъ бы согласиться и на 500.000.000 реаловъ, или прервать переговоры и приготовиться къ неприятной ночной встрѣчѣ въ Фондахъ. Вообще полагаютъ, что выговоренныхъ 400.000.000 р. едва хватитъ на покрытіе дѣйствительно-произведенныхъ издержекъ: такъ все было ведено не разчетливо и не экономно.

По окончаніи конференціи, корпусы генерала Риоса и Баски двинулись обратно къ Тетуану. За ними послѣдовалъ и О'Доннель съ своимъ штабомъ. Въ четыре часа по-полудни главнокомандующій вступилъ въ городъ при колокольномъ звонѣ, при артиллерійскомъ салютѣ съ Алькасаба и другихъ батарей и при громкихъ восклицаніяхъ толпы, состоявшей изъ Испанцевъ и Евреевъ.

Война, такимъ образомъ, кончилась. Уполномоченные съ обѣихъ сторонъ заключили мирный трактатъ, на основаніи поставленныхъ между обоими главнокомандующими условій. Затѣмъ самъ маршалъ О'Доннель и главныя силы испанской арміи вернулись на полуостровъ. Не бѣльшая часть войска продолжала занимать Тетуанъ до окончательнаго выполненія мароканскимъ правительствомъ главнѣйшихъ статей договора (1). Окончательная ратификація мирнаго трактата послѣдовала 26-го (14-го) мая сего года, и уже 1-го іюня выплачена была султаномъ половина условленной контрибуціи, то-есть 200.000.000 испанскихъ реаловъ (12.800.000 руб. сер.). Такая легкость и скорость дѣйствительно заставляютъ повѣрить разказамъ о несмѣтныхъ сокровищахъ шерифовъ, разказамъ, какъ будто взятымъ изъ *Тысячи и Одной Ночи*, въ родѣ того, что у этихъ горъ золота и драгоценныхъ камней часовые, разъ поставленные, такъ и умираютъ на своихъ постахъ не смѣняясь, чтобы не разносилась молва о богатствахъ, ими строгомыхъ.

11-го мая торжественно вступала въ Мадридъ побѣдо-

(1) Испанскія войска и до сихъ поръ еще въ Тетуанѣ. Недавно умеръ начальникъ ихъ, генералъ Риосъ.

носная армія. При общемъ энтузіазмѣ всего населенія столицы, разубранной и украшенной какъ невѣста къ вѣнцу, шествіе войскъ направлялось по улицамъ Алькала, Пуэртадель-Соль, Майоръ и до дворца. Восторженные восклицанія народа возглашали славу О'Доннеля, Прима (героя каталанскаго, *el heroe catalan*), Эчагуэ, Росъ-де-Оланó, Сервино, Сабалы. Раздавались крики: «Да здравствуетъ единодушіе Испанцевъ! да прекратятся междуусобія!» Члены Принцева клуба (*casino del Prince*) осыпали войска богатыми букетами цвѣтовъ и золотыми блестками. Въ честь арміи дано было нѣсколько блистательныхъ празднествъ; роскошныя иллюминаціи и фейерверки нѣсколько дней увеселяли жителей. Наконецъ все приняло прежній видъ и успокоилось.

Какіе же были результаты столькихъ пожертвованій и въ чемъ заключался ратификованный 26-го мая мирный трактатъ? Очень небольшая мѣстность у Мелиллы, уступленная еще по договору 24 августа 1859, подтвержденіе другихъ статей этого договора, еще меньшая мѣстность близъ Сеуты, мѣсто для рыбной ловли у Санта-Крусъ на океанѣ (близъ города Агадира), учрежденіе особыхъ каидствъ на нейтральной мѣстности у уступленныхъ близъ Мелиллы и Сеуты территорій, допущеніе духовной католической миссіи въ Фесъ, допущеніе построить въ Тетуанѣ испанскую католическую церковь и покровительство всему церковному клиру, да еще 400.000.000 реаловъ (25.600.000 руб. сер.) военной контрибуціи, которой, говорятъ, едва хватятъ на покрытіе всѣхъ предпринятыхъ для этой войны издержекъ.

Но если такъ велики были пожертвованія и такъ малы результаты, то зачѣмъ же предпринята была война? Испанія была зачинщикомъ, она сама, безъ всякихъ серьезныхъ поводовъ, открыла свой наступательный походъ, имѣя, вѣроятно, въ виду какую-нибудь существенную цѣль. Положимъ, что крестовый походъ дѣло хорошее; но развитіе внутреннихъ средствъ страны, вполнину населенной и не имѣющей даже порядочныхъ путей сообщенія, но устроеніе финансовъ и сбереженіе народныхъ силъ для дѣятельности, собственно *народной*, — еще нужнѣе. Для отдаленныхъ, идеальныхъ, отвлеченныхъ цѣлей никакъ не могла быть предпринята такая серьезная, самопроизвольная и дорогая война. Почему же

маршалъ О'Доннель такъ рано остановилъ побѣдоносное движеніе войскъ своихъ, остановилъ именно тогда, когда наступало самое благопріятное время? Почему предложилъ онъ непріятелю такія легкія условія? Отчасти это объясняется тѣмъ, что побѣдитель, довольный и счастливый, вообще склоненъ къ великодушію, хотя это великодушіе бываетъ часто плодомъ очень корыстнаго разчета, результатомъ предварительнаго и преднамѣреннаго замысла. Великодушія, но только не преднамѣреннаго, очень много въ рыцарской натурѣ Испанца, который и до сихъ поръ еще готовъ на донкихотство. Однако, поступки такого опытнаго и даровитаго государственнаго чловѣка, какъ О'Доннель, нельзя объяснять донкихотствомъ. Главною причиною умѣренности требованій испанскаго главнокомандующаго должно быть что-нибудь посерьознѣе простаго донкихотства, хотя и замѣтны его признаки, напримѣръ, въ мгновенной уступкѣ Мюлай-Аббасу цѣлыхъ ста милліоновъ реаловъ. Маршалъ О'Доннель поставленъ былъ въ затруднительное положеніе интригами партій, воспользовавшихся его продолжительнымъ отсутствіемъ. Полагаютъ даже, что заговоръ генерала Ортеги въ пользу принца Монтемолино задуманъ былъ очень широко, и что карлисты были въ сношеніяхъ съ мароканскимъ правительствомъ съ цѣлю задержать О'Доннеля и его армію въ Африкѣ, а между тѣмъ обрѣзая подвозъ вспомошествованій и тѣмъ поставить армію въ затруднительное положеніе. Сверхъ того, въ виду многихъ интригъ, О'Доннелю нужно было спѣшить возвращеніемъ въ Мадридъ, если только онъ хотѣлъ удержать власть въ своихъ рукахъ. Еслибъ онъ предъявилъ болѣе серьезныя требованія, упрямое и надменное мароканское правительство не приняло бы ихъ, и война необходимо затянулась бы; причемъ, въ случаѣ успѣха политическихъ интригъ, нельзя ужъ было бы разчитывать на дѣятельное движеніе подкрѣпленій и продовольствій — силы войска истощились бы, и слава военныхъ подвиговъ испанской арміи безплодно разсѣялась бы, какъ дымъ. О'Доннель видѣлъ очень хорошо крайнюю умѣренность мирныхъ условій, предложенныхъ имъ мароканскому правительству; онъ слышалъ, что сама королева желала бы полной уступки Тетуана, а потому изъ принятія или непринятія мирнаго трактата, подписаннаго уполномоченными обѣихъ сторонъ, сдѣлалъ вопросъ кабинета, вопросъ существованія своего во главѣ управленія, и вмѣстѣ съ трактатомъ послалъ въ Мадридъ, на всякій случай, и просьбу

объ отставкѣ. Но вліяніе О'Доннела еще было прочно при дворѣ Изабеллы, просьбы его не приняли, присланный имъ договоръ утвердили, и самъ онъ принять былъ въ столицѣ какъ триумфаторъ; съ другой стороны, попытка карлистовъ не удалась, Монтемолино былъ задержанъ и подписалъ актъ отреченія отъ правъ своихъ, а Ортега былъ разстрѣлянъ... Впрочемъ, положительно все-таки нельзя опредѣлить, почему побѣдоносный вождь испанской арміи удовольствовался такими ничтожными результатами: начать войну такъ широко и торжественно, овладѣть всѣми укрѣпленными мѣстами, занять богатый городъ—и все это только для того, чтобы пріобрѣсти какой-то клочокъ земли у Санта-Круса для рыбной ловли!..

Многіе утверждаютъ, что Испанія много выиграла послѣдней войной въ политическомъ отношеніи. Она, говорятъ, удовлетворила самолюбію своему, показавъ Европѣ, что въ случаѣ нужды можетъ поставить на ноги храбрую и прекрасно вооруженную армію, можетъ выставить сильную артиллерію, снабдить войска всѣмъ нужнымъ и вынести на себѣ всѣ издержки, безо всякой посторонней помощи, единственно цѣною пожертвованій ея народонаселенія. Она доказала, что она еще не совсѣмъ истощена, какъ это думали прежде.

Говорятъ еще, что Испанія выиграла и тѣмъ, что узнала, кто друзья ея и кто враги, что Англія противилась ея усиліямъ и даже дѣятельно помогала ея врагамъ, а Франція, напротивъ, расположена къ Испаніи самымъ безкорыстнымъ, самымъ дружескимъ, самымъ родственнымъ образомъ. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ войны Испанія съ Марокко, императоръ Французовъ удивилъ европейскую дипломатію: онъ предложилъ принять Испанію въ число первостепенныхъ европейскихъ державъ, такъ какъ она обнаружила могущество и порядокъ, рѣдкіе въ державахъ второстепенныхъ. Государство можетъ быть поставлено въ первые ряды державъ теченіемъ самихъ событій, силой своего собственного политическаго вліянія на общія дѣла; но странно бы возводить его въ этотъ санъ за военныя или иныя заслуги, по чьему-либо предложенію, совершенно такъ, какъ капитановъ производятъ въ полковники. Въ виду возрастающаго итальянскаго движенія, всѣмъ казалось, что Австрія распадется и выйдетъ изъ верховной европейской пентархін; поэтому-то императоръ Французовъ и спѣшилъ замѣстить вакансію страной, которая ему была обязана своимъ повышеніемъ, и на которую можно было бы во всѣхъ случаяхъ

разчитывать, какъ на вѣрнаго и преданнаго союзника. Комбинація эта не удалась, Европа не одобрила предложенія, и Испанія осталась—кандидаткой...

Впрочемъ, если Испанія не много выигрываетъ отъ мароканской войны, то можетъ много выиграть Европа и вообще дѣло цивилизаціи. Просвѣщеніе проникаетъ въ глубь деспотической и полумертвой страны; правительство нѣкогда историческаго, а теперь задавленнаго и усыпленнаго народа, само видитъ преимущество образованія передъ невѣжествомъ, преимущество цивилизованныхъ государствъ даже въ военномъ могуществѣ; великій шерифъ не могъ не удивляться, что у себя дома, при огромныхъ средствахъ и еще болѣе огромной власти, имѣя право заставить всѣхъ своихъ подданныхъ *лечь костью* на бранномъ полѣ, онъ не могъ, однако, одержать верхъ надъ немногочисленною арміею невѣрныхъ и долженъ былъ, несмотря на свое, чуть не божественное происхожденіе, принять условія счастливаго врага; шерифъ не могъ не усмотрѣть, что успѣхомъ своимъ Испанцы одолжены особымъ условіямъ своего быта, онъ не могъ не почувствовать, что въ цивилизаціи кроется таинственная могучая сила. Марокскій султанъ желалъ бы ближе ознакомиться съ этою пресловутою цивилизаціей — и вотъ, почти непосредственно вслѣдъ за войной, отражается въ Европу чрезвычайное мароканское посольство: гаджи-Эдрисъ-бен-Магометъ-бен-Эдрисъ, полномочный министръ его величества Мюлая-Магомета, императора мароканскаго, эль-саидъ Эль-Барнуси-бен-Джалуль, хранитель казны императора, каидъ Абдель-Кадеръ-Бухари, начальникъ черной гвардіи императора. Посольство это было ужъ въ Парижѣ; оно присутствовало и при парадѣ корпуса волонтеровъ въ Лондонѣ. Политическихъ причинъ этого посольства мы рѣшительно не знаемъ — развѣ заключеніе какихъ-нибудь торговыхъ трактатовъ; вѣрнѣе же, что эти *гаджи, саиды* и *каиды* посланы просто для ознакомленія съ бытомъ европейскихъ народовъ. Въ послѣднее путешествіе императора и императрицы Французовъ въ Алжиръ, пріѣзжали видѣться съ ними сынъ и братъ марокскаго султана (но опоздали). Говорятъ даже, что самъ намѣстникъ Бога на землѣ, самъ повелитель правовѣрныхъ, защитникъ ислама и верховный судія имѣлъ было намѣреніе посѣтить Испанію, страну своихъ невѣрныхъ побѣдителей...

Впрочемъ, отъ собственной дѣятельности марокканскаго правительства нельзя ожидать благотворныхъ и существенныхъ результатовъ для цивилизаціи страны. Истинное развитіе и прогрессъ возможны только при инициативѣ самой жизни. Поэтому, заглядывая въ грядущее, нельзя не предвидѣть конечнаго паденія этихъ восточныхъ государствъ. Движеніе на Востокъ, прикрываемое священнымъ знаменемъ креста, давно стало невольнымъ стремленіемъ европейскихъ народовъ. «Еслибы не великія морскія открытія Португальцевъ и Испанцевъ, справедливо замѣчаютъ авторъ статьи въ *Лондонскомъ Обзорѣ* (1), въ XVI столѣтіи повторилось бы зрѣлище, которое такъ напугало принцессу Анну Комненъ въ XI, когда ей казалось, что *Евropa, сорававшись съ османъ своихъ, готова была сплошною массою нахлынуть на Азію*. Восточная Индія и Америка долго отвлекали Европу отъ крестовыхъ походовъ на исламъ и долго оставляли его безопаснымъ въ его завоеваніяхъ. Но теперь на Америкѣ и Индіи уже не сосредоточивается исключительное вниманіе и дѣятельность европейскаго народонаселенія; онѣ ужъ стали его полнымъ достояніемъ. Китай и Японія служатъ теперь помраченіемъ европейскихъ предпріятій, а Австралія стала для насъ тѣмъ, чѣмъ была Америка два вѣка тому назадъ. Между тѣмъ прямой путь не только въ Индію, но и въ Китай, Японию и Австралію, пролегаетъ чрезъ самое сердце магометанскаго міра. Законный глава ислама, турецкій султанъ, существуетъ лишь съ позволенія нѣкогда презрѣнныхъ невѣрныхъ. Продолженіе его номинальной власти служитъ политическою необходимостью до тѣхъ только поръ, пока его сосѣди не огласятся между собой въ раздѣлъ наслѣдія. Но когда придетъ конецъ, когда минуетъ кризисъ, а можетъ-быть еще и раньше того, Марокко падеть въ руки Испанціи или Франціи.»

Событіе это будетъ благодѣяніемъ для страны, приобретеніемъ для европейской цивилизаціи, если только восточный деспотизмъ не замѣнится тѣмъ деспотизмомъ западнымъ.

Н. Н.

В. (1) Апрель 1860, стр. 163.

111

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛЦИ

ВО ФРАНЦІИ (1)

X.

ДЕПАРТАМЕНТЫ СЕНЫ, УАЗЫ, СЕНЫ-И-МАРНЫ, СЕНЫ-И-УАЗЫ
(ПРЕЖНЯЯ ПРОВИНЦІЯ ИЛЬ-ДЕ-ФРАНСЪ).

I.

Я обѣщаль сообщить вамъ, какимъ образомъ производится рекрутскіе наборы во Франціи, и какъ гибельны слѣдствія ихъ для сельскаго населенія. Постараюсь теперь исполнить мое обѣщаніе.

Съ основанія монархіи до нашего времени, устройство войскъ подвергалось у насъ частымъ измѣненіямъ. Не стану говорить вамъ о первоначальной организаціи ихъ, а скажу только, что въ средніе вѣка, когда, при слабыхъ преемникахъ Карла Великаго, королевская власть стала терять свое назначеніе и не могла оказывать покровительства мѣстнымъ интересамъ, каждый старался упрочить себѣ безопасность собствен-

(1) См. Русскій Вѣстникъ № № 13, 15 и 16.

ными средствами. Замокъ, огражденный крѣпкими башнями, окруженный глубокими рвами и толстыми стѣнами, многочисленныя вассалы,—вотъ что въ началѣ среднихъ вѣковъ охраняло сеніоровъ отъ общественныхъ смутъ.

Во главѣ феодальной аристократіи стоялъ король; непосредственно за нимъ слѣдовали герцоги, графы и весь классъ высшихъ бароновъ; затѣмъ шли сеніоры низшаго разряда, прямо зависѣвшіе отъ герцоговъ и графовъ, и подчиненные королю только черезъ посредство своихъ сюзереней. Прибавьте къ этому, что король, герцоги, графы и низшее дворянство имѣли подѣ собою, въ городахъ и деревняхъ, безчисленное множество вассаловъ, совершенно имъ подчиненныхъ и обязанныхъ при каждомъ случаѣ служить имъ своею особой и имуществомъ.

Когда король собирался въ походъ, то онъ созывалъ высшихъ бароновъ, которые, въ силу феодальнаго договора, обязаны были сопровождать его на войну. Служба, которою вассалъ обязанъ былъ своему сюзереню, имѣла опредѣленный срокъ, и продолжалась обыкновенно до сорока дней. Когда же герцоги или графы задумывали рѣшать свои частныя ссоры, вооруженною рукою, то созывали въ свою очередь рыцарей и бароновъ, однимъ словомъ, всѣхъ вассаловъ, находившихся на ихъ земляхъ и прямо зависѣвшихъ отъ нихъ.

Въ первыя времена, господство главы феодальнаго общества существовало только по названію, и короли пользовались надъ своими высшими вассалами одною тѣнью власти. Но въ теченіи XII столѣтія все измѣнилось. Тогда королевская власть дала себя почувствовать леннымъ владѣтелямъ почти во всѣхъ провинціяхъ, составляющихъ нынѣшнюю Францію. Короли приобрѣли болѣе обширный кругъ дѣйствія: они стали предписывать свои законы не только герцогу и высшему барону, своимъ непосредственнымъ вассаламъ, но и подчиненнымъ имъ сеніорамъ, и коснулись всѣхъ людей, способныхъ носить оружіе, посредствомъ *ban* и *arrière-ban*, учрежденій, начало и слѣдствія которыхъ я объяснялъ въ моей *Histoire des paysans*, и на которыхъ позволю себѣ не останавливаться въ настоящую минуту.

Съ своей стороны и города, въ теченіи того же XII столѣтія, достигли большей степени могущества. Когда они почувствовали свою силу, то вступили въ борьбу съ сеніорами, которые владѣли ими, какъ частями своихъ ленъ; города успѣли ускольз-

нуть отъ феодальной расправы и поставить себя *подъ королевскую руку, en la main du roi*. На свой собственный счетъ они доставляли центральной власти множество людей. Они устроили у себя пѣшую милицію. Между тѣмъ какъ одни дворяне имѣли право сражаться на конѣ, городскіе стрѣлки составили правильную пѣхоту королевскихъ войскъ. Къ несчастію, феодализмъ не послѣдовалъ этому мудрому примѣру; презирая народъ, можетъ-быть опасаясь его въ будущемъ, онъ не давалъ оружія своимъ подданнымъ до тѣхъ поръ, пока это было возможно: онъ какъ будто инстинктивно понималъ, что можетъ наступить минута, когда оружіе послужитъ къ освобожденію того, кто умѣетъ имъ пользоваться. Феодалъ сражался одинъ; онъ воображалъ, что ему одному предоставлено право защищать священную почву отечества, и, безумно отклоняя содѣйствіе пѣхоты, получившей уже правильное устройство въ англійскихъ войскахъ, навлекъ на Францію кровопролитныя пораженія при Креси (1346), при Пуатье (1356) и при Азенкуръ (1415), битвы роковыя, гдѣ цвѣтъ французскаго рыцарства палъ подъ ударами членовъ англійскихъ общинъ, шотландскихъ пастуховъ и ирландскихъ свинопасовъ.

Вотъ откуда получила свое начало наша старинная ненависть къ Англіи.

Нужны были непрерывныя войны въ теченіи ста лѣтъ и бѣдствія всякаго рода прежде чѣмъ удалось изгнать наконецъ Англичанъ изъ Франціи, и можетъ-быть вѣроломство, соперничество и измѣны главныхъ сеніоровъ и военачальниковъ погубили бы совершенно французскую національность въ этой ожесточенной борьбѣ, еслибы не явилась ей на помощь неожиданная сила въ лицѣ Іоанны д'Аркъ, этой вдохновенной поселанки, которая стала во главѣ войска, утратившаго всякую надежду на спасеніе, и увлекла за собой обезславленное дворянство, умѣвшее только спастись бѣгствомъ отъ англійскихъ солдатъ. Благородные сеніоры едва не погубили отечества, а простая дѣвушка, изъ угнетеннаго и презрѣннаго класса крестьянъ, какимъ-то чудомъ спасла его. И Парижъ, воздвигнувшій въ стѣнахъ своихъ столько статуй знаменитымъ полководцамъ, не умѣлъ посвятить куска мрамора на изваяніе образа святой дѣвушки, спасшей французскую національность, — онъ не удостоилъ памятникомъ самой великой, самой чистой, самой поэтической личности нашей исторіи!

До этой славной и вмѣстѣ бѣдственной эпохи, то-есть до

половины XV вѣка, Франція не знала ни постоянныхъ налоговъ, ни постоянныхъ войскъ. Налоги назначались въ необходимыхъ случаяхъ, по приговору государственныхъ сословій, созывавшихся на этотъ предметъ: феодальныя милиціи собирались тогда только, когда ихъ созывали съ опредѣленною цѣлю — дать битву или одѣлать какую-нибудь рѣшительную демонстрацію. По окончаніи битвы, войско распускалось, всѣ расходились по домамъ, и все приходило въ обычный порядокъ. Во время означенной борьбы съ Англичанами, государственный сословія предоставили Карлу VII, неблагодарному монарху, въ пользу котораго совершила чудеса своя Иоанна д'Аркъ, право назначать налоги по его произволу и безъ совѣщанія съ ними. Карлъ поймалъ ихъ на словѣ, и налоги изъ случайныхъ превратились въ ежегодные и постоянные. Съ дандемъ ему не трудно было набрать людей. Онъ далъ повелѣніе, чтобы каждый приходъ въ королевствѣ снаряжалъ и содержалъ здороваго человѣка, способнаго къ военному дѣлу, всегда готоваго идти на войну, снабженнаго лукомъ, стрѣлами, кинжаломъ, и обязаннаго въ праздничные дни упражняться въ стрѣльбѣ. Жалованье имъ назначено было по четыре франка въ мѣсяцъ, и то въ продолженіи ихъ дѣйствительной службы. Налоги простирались до одного милліона восьми сотъ тысячъ франковъ, войско только до десяти или двѣнадцати тысячъ человѣкъ.

Какъ ни умеренны подобныя цифры, все-таки монархія приобрѣла, вслѣдствіе борьбы съ Англійей, право налагать подати безъ утвержденія государственныхъ сословій, и держать постоянное войско, — эти два мощныя орудія неограниченной власти. Съ тѣхъ поръ налоги давали королю возможность увеличивать до безконечности войско, а съ помощію войска увеличивать по произволу налоги. Дѣйствительно, двѣсти лѣтъ спустя, при Лудовикѣ XIV, налоги возрасли до пятидесяти милліоновъ, а войско до 150 тысячъ человѣкъ; въ наше же время налоги достигли цифры двухъ милліардовъ, а число постоянного войска простирается до полумилліона!

Военная система феодальной эпохи была благопріятнѣе для народа; въ то время, по окончаніи битвы, каждый возвращался въ свое селеніе, чтобы приняться снова за прерванныя занятія, и бичъ войны исчезалъ вмѣстѣ съ войной, между тѣмъ какъ теперь, даже во время совершеннаго мира, посреди невозму-

того спокойствія, надъ государствомъ тяготѣеть страшное иго войны.

Старинная монархія руководствовалась только произволомъ и насиліемъ при укомплектованіи войска, состоявшаго изъ двухъ совершенно различныхъ классовъ, между которыми лежала непреодолимая пропасть: изъ класса начальниковъ, призываемыхъ къ этому званію не по самому своему рожденію, какъ бы ни велика была ихъ неспособность, и изъ класса солдатъ, которые никогда не могли достигнуть даже унтеръ-офицерскаго званія. Съ этой предвѣстной точки зрѣнія, преимущество организаціи войска остается на сторонѣ новѣйшаго времени. Насильственный наборъ былъ уничтоженъ революціей и замѣненъ въ 1792 и 1793 годахъ временными ибрами, за которыми вѣсноръ послѣдовала конскрипція, имѣвшая силу во все время консульства и имперіи. Такъ какъ конскрипція навлекла на себя общую ненависть въ следствие отравныхъ злоупотребленій Наполеона, то реставрація замѣнила его дракрутокимъ наборомъ, который есть та же конскрипція, только подъ другимъ именемъ.

Армія пополняется, во первыхъ, ежегоднымъ призывомъ на службу молодыхъ людей, достигшихъ двадцатилѣтнаго возраста: вонкорихъ, прикомъ охотниковъ. Каждый Французъ, за исключеніемъ, оправданными и необходимыми исключеніями, обязанъ служить своей родинѣ: не будучи Французомъ, никто не можетъ быть и солдатомъ. Законъ исключаетъ изъ службы тѣ лица, которые приговорены были къ опозоривающему или безчестящему наказанію, а равно и къ исправительному двухлѣтнему заключенію и болѣе. Срокъ службы—семь лѣтъ. Такъ какъ личная военная служба обязательна для каждаго Француза, достигшаго двадцати лѣтъ, то всѣ, безъ исключенія, молодые люди этого возраста подлежатъ рекрутской повинности, некое бы ни было общественное положеніе ихъ семейства. Съ этою цѣлю въ каждомъ кантонѣ составляются списки, и всѣ молодые люди, внесенные въ эти списки, образуютъ такъ называемый годовой классъ, *la classe de l'année*. Правительство объявляетъ число нужныхъ для него солдатъ и предлагаетъ его на одобреніе собранію депутатовъ, которое вотъ уже восемь лѣтъ не ведетъ никакихъ преній, а всегда благосклонно утверждаетъ то, что ему предлагаютъ. Жребіемъ опредѣляется порядокъ, въ которомъ молодые люди подвергаются осмотру ревизіоннаго совѣта, рѣшающаго, годны ли они на

службу, или нѣтъ. Признанные способными къ службѣ вносятся въ списокъ годоваго контингента, пока число ихъ не достигнетъ цифры, опредѣленной закономъ. Ревизіонные совѣты утверждаютъ этотъ списокъ и объявляютъ освобожденными отъ службы всѣхъ тѣхъ, кто, благопріятствуемый жребіемъ, не попалъ въ него. Законъ предоставляетъ каждому лицу, входящему въ составъ контингента, право поставить за себя охотника: это право замѣны, *droit de remplacement*. Что касается до добровольнаго поступленія на службу, то оно дозволено, но безъ денежныхъ премій, молодымъ людямъ шестнадцати лѣтъ для сухопутнаго войска и семнадцати лѣтъ для флота.

Могу васъ увѣрить, что нѣтъ дня, столь горестнаго и томительнаго, какъ тотъ, когда вынимаются жребіи. Уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, одно ожиданіе этого роковаго дня изгоняетъ радость изъ семейства, потому что молодому поселянину, не терявшему никогда изъ виду родной колокольни, отправляться въ армію все равно, что идти на смерть, а родителямъ его, для которыхъ онъ готовился быть помощью и опорой, отсутствіе его грозитъ нищетою и раззореніемъ. Впрочемъ, молодые конскрипты быстро перераждаются: хорошъ или дуренъ нумеръ, долженствующій рѣшить ихъ участь, они прикрѣпляютъ его себѣ на шляпу длинными трехцвѣтными лентами, и толпою прохаживаются по улицамъ, оглашая воздухъ громкими пѣснями, потомъ празднуютъ вступленіе свое въ новую жизнь тѣмъ, что отправляются въ шинокъ и напиваются тамъ до-пьяна. По прибытіи въ сборное мѣсто, гдѣ начинается ихъ военное образованіе, до окончательнаго распредѣленія ихъ по полкамъ, они необыкновенно скоро проникаются воинственнымъ духомъ, и тѣ самые люди, которые дома казались трусливыми и робкими, становятся львами, когда ихъ выпускаютъ на поле битвы.

Ревизіонные совѣты обязаны наблюдать за производствомъ рекрутскаго набора, выслушивать жалобы, къ которымъ оно можетъ подать поводъ, и обсуживать причины, по которымъ освобождаются отъ службы вынужшіе жребіи. Они же рассматриваютъ просьбы рекрутъ о замѣнѣ ихъ охотниками. Рѣшенія ревизіоннаго совѣта окончательны, если только молодые люди, назначенные своимъ нумеромъ въ составъ кантонскаго участка, не предъявили возраженій, состоящихъ въ связи съ разрѣшеніемъ юридическаго вопроса о ихъ состояніи или гражданскихъ правахъ, или если

они не призваны къ суду по обвиненію въ томъ, что они сами себя сдѣлали не способными къ военной службѣ. Эти совѣты, засѣданія которыхъ производятся публично, состоятъ изъ префекта департамента, занимающаго должность президента, или совѣтника префектуры, назначеннаго имъ на свое мѣсто, изъ совѣтника префектуры, изъ члена генеральнаго совѣта департамента, изъ члена окружнаго совѣта, — всѣ трое назначаются префектомъ, — и изъ генерала или штабъ-офицера, назначаемаго императоромъ. Членъ военнаго интендантства присутствуетъ при засѣданіяхъ совѣта, подаетъ свое мнѣніе и можетъ требовать, чтобы замѣчанія его внеслись въ протоколъ; внимательство его имѣетъ цѣлю противодѣйствовать вліянію мѣстныхъ отношеній. Подпрефектъ, въ предѣлахъ своего округа, или чиновникъ, замѣнявшій его при выниманіи жребіевъ, присутствуетъ при засѣданіяхъ съ правомъ голоса. Военные медики принимаютъ также участіе въ дѣйствіяхъ совѣта и подаютъ свое мнѣніе, когда нужно освободить рекрута отъ службы по причинѣ болѣзни или тѣлеснаго недостатка.

Право замѣны справедливо въ теоріи, потому что оно полезно для тѣхъ, кто имъ пользуется, и безвредно для тѣхъ, кто имъ не пользуется. Только на практикѣ оказывается, что оно составляетъ привилегію богатства, которое такимъ образомъ всю тягость военной службы передаетъ сельскому населенію. Городское населеніе нашихъ большихъ мануфактурныхъ центровъ становится съ каждымъ годомъ менѣе способно къ доставленію, при рекрутскихъ наборахъ, своего участка конскриптовъ. И вотъ деревни наполняютъ войско цвѣтомъ дѣтей своихъ, самыхъ лучшихъ и самыхъ сильныхъ. По прошествіи же семи лѣтъ, проведенныхъ въ городскихъ гарнизонахъ, весьма немногіе изъ нихъ возвращаются въ деревню, чтобы приняться снова за отцовскій плугъ или заступъ.

Законъ гласитъ, что всѣ граждане участвуютъ во всѣхъ расходахъ государства, пропорціонально съ своимъ состояніемъ. Справедливо ли, что сельскій работникъ, отдающій лучшія семь лѣтъ своей жизни на защиту отечества, о которомъ онъ имѣетъ понятіе только по налогамъ и рекрутскому набору, и на защиту собственности, которой онъ часто не имѣетъ, платитъ за освобожденіе себя отъ рекрутства столько же, сколько самый богатый человѣкъ, а именно двѣ тысячи франковъ?

Въ преднее время, прислание охотниковъ для заимны рекрутъ предоставлено было страховымъ компаниямъ, основаннымъ съ этою цѣлю. Со времени второй имперіи, государство приняло на себя эту обязанность за ту же сумму, которая, если не ошибаюсь, по прежнему состоитъ изъ двухъ тысячъ франковъ, а если иногда и увеличивается, то весьма незначительно. Этой новой системѣ дали название *empruntion* (своебожество отъ личной повинности). Взявъ на себя прислать охотниковъ, правительство, по большей части набираетъ на службу оставшихъ солдатъ, выслужившихъ свой срокъ. Нельзя отрицать, что эта новая система представляетъ большія выгоды. Превосходство такъ называемаго *смерснаго войска* надъ арміей конскриптовъ есть фактъ неопровержимый. Во время войны, войска сличности, молодая *талантъ*, по общепринятому выраженію, и исчезаютъ почти совершенно, оставляя людей по дорогамъ и госпиталямъ, между тѣмъ какъ опытные войска приходятъ въ совершенномъ порядкѣ на поле битвы и не обманываютъ ни расчеты полководца, ни довѣренности ожиданій отечества. Армія, состоящая изъ большаго числа старыхъ солдатъ и унтер-офицеровъ, содержитъ въ себѣ кадры, всегда готовые къ призыву и ассимилированію новыхъ конскриптовъ; старые солдаты сообщаютъ молодымъ свою опытность, поддерживаютъ имъ духъ, приучаютъ ихъ къ дѣлу, и между ними водворяется благородное соревнованіе въ храбрости.

Въ старину, военные чины, какъ и все прочее, составляли привилегію дворянства. Стоило только родиться, чтобы быть капитаномъ, полковникомъ, даже генераломъ, смотря по степеню, на которой стоялъ человекъ по своему рожденію, а солдатъ умиралъ солдатомъ, и не имѣлъ почти никакой возможности повыситься. Въ настоящее время, благодаря гражданскому равенству, лучшему завоеванію 1789 года, каждый можетъ выказывать, чего онъ стоитъ, каждый можетъ всего достигнуть, и каждый французскій солдатъ знаетъ, что у него въ ладункѣ его маршальскій жезлъ. И дѣйствительно, великіе республиканскіе генералы и наполеоновскіе маршалы были большею частію солдаты, волонтеры 1789 или 1792 года, личнымъ достоинствомъ своимъ быстро достигшіе высшихъ степеней. Нѣтъ сомнѣнія, что такому демократическому устройству арміи обязанъ французскій солдатъ своею энергіей, неукротимостію въ нападеніи, своимъ кипищемъ му-

жестокость, которое Итальянцы величаютъ неважною *la furia francese*. И я полагаю, что до тѣхъ поръ, пока прочія европейскія націи не организуютъ войскъ своихъ на тѣхъ же началахъ, мы будемъ имѣть передъ ними огромное преимущество, хотя бы во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ онѣ ничѣмъ не отличались отъ насъ. Въ высшей степени ошибочное понятіе о побужденіяхъ двенадцати человѣкомъ, имѣеть тотъ, кто воображаетъ, будто сдѣлать, подвергавшій опасности жизнь свою не воли другихъ, безъ всякаго личнаго и пріамаго интереса, безъ честолюбія и только изъ страха казанія, можетъ быть такъ же храбръ, какъ тотъ, который знаеть, что воиъ чело-вѣческія отличія послужать наградою за его геройство.

Но это же самое устройство арміи грозитъ большою опасностію Франціи, потому что посреди насъ живетъ пятьсотъ тысячъ человекъ, для которыхъ миръ не имѣеть въ себѣ ничего привлекательнаго, которые, напротивъ, всего надѣются отъ войны, непрерывно стремятся къ ней, и громко требуютъ ея, и не столько заботясь о томъ, противъ кого они пойдутъ, и за какое дѣло будутъ сражаться. Опасность эта не осуществилась во время предѣлительнаго правленія, которымъ мы под-звѣдись при Людовикѣ Филиппѣ. Это парламентарное правленіе, кротавъ котораго такъ громко вопіють въ наше время, поддерживало миръ въ Европѣ съ 1815 до 1852 года, между тѣмъ какъ, со времени воцаренія имперіи, мы снова ринулись на военное поприще, и востравоженная Европа иротоцаетъ свои силы на громадныя вооруженія.

Повышеніе въ арміи основано на двухъ принципахъ: старшинствѣ и отличіи. Чтобы примирить между собою право старшинства и право отличія, у насъ постановлено закономъ, чтобы при производствѣ низшихъ чиновъ двѣ трети вакантныхъ мѣстъ занимаемы были по старшинству и одна треть по отличію; при производствѣ высшихъ оенцеровъ, одна половина мѣстъ принадлежитъ старшинству, другая заслугамъ; генералы же всѣ производятся не иначе, какъ за отличіе. Чинъ составляетъ собственность оенцера, который можетъ лишиться его только по торжественному приговору суда, производимаго публично, съ адвокатскою защитой, аппелляціей и всѣми гарантіями права. Законъ опредѣляетъ, сколько времени нужно прослужить въ какомъ-нибудь чинѣ, чтобы получить повышеніе, и обозначаетъ, какія уклоненія отъ общаго правила допускаются передъ лицомъ непріятели и въ военное время.

Вообще организація войска устроена во Франціи очень искусно, очень удовлетворительно, и выдерживаетъ самую строгую критику. Но ужаснѣе всего громадная, непрерывно возрастающая цифра войска, увеличеніе которой ничѣмъ не оправдывается. Въ послѣдніе годы неограниченной монархіи, цифра войска уменьшилась значительно: при Лудовикѣ XVI она не превышала 60 тысячъ; 15 или 20 тысячъ милціонеровъ, набираемыхъ ежегодно, достаточны были для пополненія этой скромной арміи. А между тѣмъ враждебное соперничество людей и народовъ почиталось тогда нормальнымъ состояніемъ рода человѣческаго, указаннымъ ему Провидѣніемъ. Теперь же, когда начинаютъ понимать, что эти страшныя кровопролитія противны человѣческому разуму, что народы не желаютъ войны, что они негодуютъ на ея бѣдствія и сознаютъ, наконецъ, что всѣ войны не что иное, какъ междуусобія, потому что каждый человѣкъ составляетъ прежде всего часть человечества, которое и есть его великая отчизна, а потомъ уже часть малой отдѣльной отчизны, въ которой онъ родился,— для защиты государства оказалось недостаточно даже ежегоднаго набора шестидесяти и восьмидесяти тысячъ человѣкъ, которыхъ совершенно достаточно было лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, и нужно набирать ежегодно сто тысячъ и даже до ста сорока тысячъ человѣкъ!

Это называютъ *вооруженнымъ миромъ*.

Противъ кого же нужна эта громадная сила въ 500 тысячъ человѣкъ? Чтобы защитить насъ отъ чужестранцевъ? Но мы вели двадцать наступательныхъ войнъ на одну оборонительную, и мнѣ кажется, что въ Европѣ подумаютъ да и подумаютъ прежде чѣмъ рѣшатся внести войну въ наши предѣлы, какова бы ни была цифра нашей арміи. Для полиціи достаточно жандармовъ, а два милліона національной гвардіи, существовавшіе во Франціи при Лудовикѣ-Филиппѣ, могли бы всегда охранять ея территорію. Но имперія уничтожила національную гвардію. Содержать въ мирное время огромную армію опытныхъ солдатъ, которые бы всегда были въ состояніи вести войну, значитъ разстраивать финансы и разрушать главные элементы народной силы. Французскія селенія не достаточны для этихъ *compes blanches*, для этихъ поголовныхъ ополченій, которыя уносятъ у нихъ ежегодно все ихъ юное поколѣніе. Это безмѣрное развитіе военной силы болѣе вредно чѣмъ полезно для вліянія Франціи, потому что никто не довѣряетъ ей и всѣ

ея боятся; оно болѣе вредно чѣмъ полезно, для ея внутренней и вѣшной безопасности, потому что оно отдаетъ участь безоружнаго большинства въ распоряженіе дисциплинированнаго и вооруженнаго меньшинства, и чтобы занять это меньшинство, предписывающее законы, необходимо отъ времени до времени давать ему на потѣху войну, которая бы поддерживала въ немъ привычку къ убійству, и которая бы служила предлогомъ къ сохраненію его въ размѣрахъ, вовсе не соответствующихъ дѣйствительнымъ потребностямъ страны.

Эта воинственная горячка, изнуряющая насъ, часто усиливается, и по необходимости становится заразительною. Какъ только Франція начинаетъ увеличивать цифру своихъ войскъ, такъ и прочія государства принимаются за то же самое, и въ результатѣ оказывается общее раззореніе. Оттого-то Европа, доведенная до крайности, живетъ займами; многія государства разстроили свои финансы до такой степени, что еслибы частныя лица находились въ подобномъ положеніи, то имъ бы нечѣмъ было жить. Мы бѣдны, владѣя богатствами и торговлей всего міра, и если будемъ набирать безпрестанно солдатъ, то скоро останемся съ одними солдатами и уподобимся полудикимъ племенамъ самыхъ отсталыхъ странъ.

До времени послѣднихъ двухъ войнъ, которыя мы вели и которыя, къ несчастію, пробудили въ Европѣ воинственный духъ, начинавшій приходить въ усыпленіе, послѣ сорокалѣтняго, почти невозмутимаго мира, весь итогъ европейскихъ армій простирался до цифры въ 2.800.000 человекъ: они не только потребляли шесть седьмыхъ всего общественнаго богатства различныхъ государствъ, то-есть пять миллиардовъ 250 милліоновъ, но еще сверхъ того теряли ежегодную работу, произведенія которой могли бы доставить около 733 милліоновъ франковъ. Прибавьте къ этому имущества, назначенныя для военныхъ потребностей, стоящія болѣе восемнадцати миллиардовъ, и могущія приносить ежегоднаго дохода до 750 милліоновъ; прибавьте еще къ этому общественный долгъ, заключенный для войнъ и простирающійся до 38 миллиардовъ, съ которыхъ нужно уплачивать ежегодно процентовъ одинъ миллиардъ 748 милліоновъ. Еслибы эти люди, которымъ платятъ такъ дорого за то, чтобы убивать и разрушать, возвращены были къ полезной работѣ, къ производству, то всѣ эти цифры, помноженныя на два, составили бы *кредитъ* общественнаго имущества, вѣсто того чтобы составлять его *дебетъ*.

Для укомплектованія сухопутнаго войска и флота стараются избирать молодыхъ людей, самыхъ стройныхъ и крѣпко сложенныхъ. Но, во время войны, большая часть этихъ молодыхъ людей гибнетъ въ сраженіи, а во время мира падаетъ жертвой климата, убійственнаго для Европейцевъ, въ Африкѣ и въ колоніяхъ; многіе наконецъ, по истеченіи своего служебнаго срока, поступаютъ снова на службу, или, возвращаясь къ домашнему очагу, приносятъ съ собою порочныя привычки, приобретенныя въ лагерной жизни, и не чувствуютъ ни малѣйшей склонности къ трудолюбивой и скромной жизни отца семейства. По всемъ этимъ причинамъ большая часть солдатъ не женится, и забота о продолженіи поколѣній законнымъ и честнымъ путемъ предоставляется наименѣ красивой и менѣ сильной части мужскаго пола. Вотъ причины хилости, слабости, даже безобразія, замѣчаемыхъ въ породахъ, щедро одаренныхъ отъ природы. Не даромъ замѣчено было, что, во время войны имперіи, человѣческая порода значительно замедчала въ Европѣ, и особенно во Франціи.

Народонаселеніе развивается обратно цифрѣ войска. Франція стоитъ въ первомъ ряду по числу солдатъ, и въ послѣднемъ по физическому развитію населенія: у насъ превосходное войско для парадовъ на площадяхъ въ нашихъ большихъ городахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ населеніе недостаточное и килое для воздѣлыванія почвы и прокормленія отчизны.

Но матеріальныя неудобства, сопряженныя съ этими громадными, постоянными войсками, ничтожны, въ сравненіи съ нравственными опасностями, которыхъ едва смѣетъ касаться перо мое. Мы содержимъ въ нѣдрахъ отечества до пяти и шести сотъ тысячъ человѣкъ солдатъ, которые, будучи оторваны отъ святыхъ законовъ семейства, не могутъ и не должны нигдѣ основываться, живутъ перелетными птицами и, вездѣ чужіе во Франціи, разносятъ по всемъ департаментамъ развратъ и заражаютъ деревни страшными болѣзнями, которыя искажаютъ молодыхъ поколѣнія въ самомъ ихъ зародышѣ.

Можно ли полагать, чтобъ ужасы войны не притупляли въ человѣкѣ нравственнаго чувства, способности различать добро и зло, и наконецъ даже самыхъ обыкновенныхъ понятій о правахъ и обязанностяхъ? Человѣкъ покрывъ бы себя навсегда заслуженнымъ позоромъ, еслибы вздумалъ за свои личныя обиды мстить такъ, какъ мстятъ народы за свои обиды. На по-

сдѣлать все честно, оружіе равное, земля одинаково-тверда подъ ногами обоимъ противникамъ, только ловкость и хладнокровіе дѣлать одному преимущество передъ другимъ. На войнѣ все хитрости дозволены, великое искусство — обмануть неприятеля, напавъ на него въ болѣзнь, лишь бы только онъ ослабилъ его, завлечь его въ такое мѣсто, гдѣ защита невозможна, и гдѣ остается только рѣзать, сколько душъ угодно. Если возможно раздробить его силы, разбить его не частями, съ отноше- ниемъ тысячъ напасть на двадцать пять или тридцать, которыми можно точно же зарубить въ крѣпости, то это прославляется какъ великое стратегическое дѣйствіе. Больше всего умныя обстоя- тельства союзы, дающіе возможность двумъ, тремъ, четыремъ и болѣе, стать противъ одного, обнаруживаютъ качества великаго полководца и великаго воина, а легкости одержанной победы нисколько не уменьшаютъ славы генераловъ, командующихъ союзными войс- ками. Что же касается до справедливости или несправедливости дѣла, то это въ расчетъ нейдетъ: сильный всегда бываетъ правъ. Три вѣка тому назадъ, французскій адмиралъ, баронъ де-Ла-Гардь, велъ въ Средиземное море небольшую эскадру фран- цузскаго короля Франциска II, воевавшаго тогда съ Карломъ V. Встрѣтивъ двадцать четыре большіе корабля испанскіе, онъ поднялъ испанскій флагъ и послалъ сказать неприятелю, что везетъ въ Испанію королеву венгерскую, сестру императора и короля, которую тамъ давно ожидали, и требуетъ, чтобы эскадра сдѣлала ей салютъ изъ всѣхъ своихъ пушекъ. Об- манутые Испанцы исполнили его требованіе. Тогда Ла-Гардь, не давъ имъ времени снова зарядить орудій, поднялъ француз- скій флагъ, пошелъ на нихъ и захватилъ пятнадцать кораблей и четыреста тысячъ талеровъ золотомъ. Исторія высоко цѣнитъ этотъ великій воинскій подвигъ, который, въ обыкновенной жизни, былъ бы, по справедливости, заклеименъ названіемъ убійства и грабежа.

Какия великія дѣла могли бы совершить народы, какия бра- годѣянія могли бы отарыться передъ ними, ослабѣя люди, устрашая разумнымъ образомъ производствомъ, какъ они устраи- вали до сихъ поръ только одно разрушеніе, употребивши на поделския дѣла мощныя средства и громадныя капиталы, до сихъ поръ безумно расточаемые ими на то только, чтобы обрѣ- тить эту землю, которую Богъ создалъ столь богатою и пло- дородною, въ обширное поле битвы, въ мѣсто кровопролитія, въ немалѣнкое попріище бѣдствій, горя и смерти! Что же

оказывается въ результатъ? Чтò приобрѣли мы славой, столь дорого купленною Лудовикомъ XIV и Наполеономъ? Что намъ за дѣло теперь, что Тюреннь, Конде, Люксамбургъ, Вилларсъ одержали великія побѣды, когда, при окончательномъ разчетѣ въ послѣдніе годы царствованія великаго короля, Франція осталась разворенною, обезлюдѣнною, умирала съ голоду при громозвучномъ пѣніи торжественныхъ молебновъ и наконецъ была захвачена непріателемъ со всѣхъ сторонъ и на всѣхъ границахъ? Истинно великіе люди этого времени—тѣ, слава которыхъ не стоила никому слезъ, а труды составляютъ наслаждение и отраду поколѣній, слѣдующихъ одно за другимъ, творили для вѣчности, въ то самое время, какъ герои покрывали Францію и Европу развалинами; таковы Декарты, Паскали, Корнели, Мольеры, Расины, Лафонтены, Пуссени и всѣ блестящіе таланты, сдѣлавшіе XVII вѣкъ великою эпохой нашей исторіи.

Перестанемъ же наконецъ смѣшивать трескъ со славой. Позабудимся лучше о томъ, чтобъ имѣть, какъ можно болѣе, великихъ мыслителей, ученыхъ и художниковъ: вы будете пользоваться нашими, мы будемъ изучать вашихъ, и черезъ посредство ихъ мы сблизимся. Но помолимся Богу, да избавитъ онъ насъ отъ великихъ завоевателей, которые сдѣлаютъ насъ врагами, тогда какъ намъ гораздо выгоднѣе оставаться друзьями. Прославимъ государей, которые дѣйствуютъ въ духѣ вѣка, которые ведутъ свой народъ отъ рабства къ свободѣ. Ихъ только назоветъ великими государями исторія, потому что она приобрѣла уже теперь зрѣлый взглядъ на людей и событія...

II.

Чтò сказать вамъ о четырехъ департаментахъ Сены, Уазы, Сены-и-Марны, Сены-и-Уазы? Они окружаютъ Парижъ, это громадное, ненасытное жерло, которое съ своимъ полуторамилліоннымъ населеніемъ поглащаетъ для своихъ гигантскихъ работъ лучшую часть всѣхъ средствъ Франціи, и которое, изъ общаго производства страны, беретъ для своего собственнаго потребленія три милл. гектолитровъ зерноваго хлѣба, до полутора милліона гектолитровъ вина, не считая пива и сидра, 28 милл. килограммовъ говядины, на 18 милл. фр. домашней

птицы и дичи, на 20 милл. масла, на 10 милл. яицъ. Сверхъ того, со всѣхъ сторонъ большіе города, замки, императорскія резиденціи, громадныя казармы, однимъ словомъ, все, что вызываетъ производство, размножая рынки, и что въ то же время облегчаетъ его, доставляя земледѣльцу безчисленное множество удобренія. Но эти люди, собранные въ массу, болѣе всего нуждаются въ цѣнныхъ продуктахъ, плодахъ ученой и утонченной обработки, требующей неусыпной дѣятельности человѣка, каково, напримѣръ, производство плодовъ и овощей, то, что известно подъ названіемъ *огородничества*.

Производительность почвы представляетъ цѣлый рядъ степеней, которыя могутъ быть раздѣлены на шесть группъ, соотвѣтственно шести періодамъ или видамъ хозяйства. Первый видъ, называемый *лѣснымъ* (*forestier*), тотъ, гдѣ земля еще совершенно дикая, можетъ производить только лѣсъ; второй, или *пастбищный* (*pacager*), можетъ усиливать плодородіе почвы, проводя воду на луга, и такимъ образомъ дѣлая ихъ заливными; третій, или *сѣнокосный* (*fourrager*), характеризуется обиліемъ искусственныхъ кормовыхъ травъ; четвертый, или *хлѣбный* (*céréale*), тотъ, при которомъ плодородіе почвы, усиленное удобреніемъ, доставляетъ пшеницы по крайней мѣрѣ по двадцати гектолитровъ съ гектара (1); пятый, или *промышленный* (*industriel*), тотъ, на которомъ изобильное удобреніе даетъ возможность воздѣлывать растения, наиболѣе истощающія почву; наконецъ шестой, или *садовый* (*jardinier*), представляетъ высшую степень человѣческой промышленности, въ приложеніи къ земледѣлію. Каждый изъ этихъ видовъ соотвѣтствуетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, той или другой степени цивилизаціи. Изъ одного въ другой можно перебраться только по мѣрѣ того, какъ открываются новые рынки, и потребности человѣка увеличиваются сообразно съ его промышленностію и степенью цивилизаціи, до которой онъ достигаетъ. Усовершенствованіе удобреній есть средство, а не причина прогресса въ сельскомъ хозяйствѣ. «Скажи мнѣ, что ты кушаешь, я скажу тебѣ, кто ты.»

Революціонныя волненія, продолжительныя и раззорительныя войны имперіи остановили у насъ успѣхи огородничества, и оно вступило на путь, по которому идетъ теперь, только по водвореніи спокойствія. По возвращеніи рукъ земледѣ-

(1) Около 10½ четвертей съ казенной десятины въ 2400 кв. саж.

лію, по возстановленіи мира, появились средства къ дѣятельному занятію этою важною отраслю земледѣлія, и множество людей, которыхъ отвлекала война, стали искать себѣ выгоднаго занятія и посвятили садоводству свои силы и способности. Какъ только всё убѣдились, что можно жить безопасно, то каждому захотѣлось жить лучше; и вскорѣ, вѣрная надежда на справедливое вознагражденіе за труды, при высокихъ цѣнахъ на продукты садоводства въ сосѣднихъ Парижскихъ департаментахъ, о которыхъ я говорю въ этомъ письмѣ, побудила садовниковъ серіозно приняться за свое дѣло; они умножили парники, оранжереи, теплицы, и достигли наконецъ возможности снабжать столъ богача во всякое время года произведеніями цѣлаго мира.

Такъ какъ воздѣлываніе сада требуетъ работы по крайней мѣрѣ двухъ человекъ, прямо заинтересованныхъ его процвѣтаніемъ и занятыхъ непрерывно, то рѣдко можно встрѣтить садовниковъ или садовницъ не въ брачномъ состояніи. Но садовники никогда не ищутъ жены внѣ своего сословія; они избираютъ дочь одного изъ своихъ собратьевъ, и примѣры браковъ, заключаемыхъ иначе, чрезвычайно рѣдки. Дѣйствительно, надобно родиться и воспитаться въ этомъ промыслѣ, чтобъ умѣть переносить всё его трудности. Можно сказать, что всё огородники составляютъ одну семью, и не рѣдко до четырехъ сотъ гостей собирается на брачное торжество. Послѣ брака, они погружаются въ свою работу, и весь ихъ горизонтъ ограничивается огорожей ихъ сада.

Въ огородномъ заведеніи всё встаютъ до разсвѣта, лѣтомъ въ два часа утра, а зимой въ четыре, женщины отправляются на рынокъ для продажи овощей и фруктовъ. Обыкновенно продажа эта оканчивается лѣтомъ въ семь часовъ утра, а зимой въ восемь. Возвращаясь домой, онѣ приносятъ провизію, необходимую для дневныхъ потребностей, и тотчасъ по возвращеніи идутъ въ садъ полоть гряды и собирать плоды и овощи, которые нужно будетъ нести на рынокъ на слѣдующій день. Во всѣхъ этихъ занятіяхъ, хозяйкамъ помогаютъ ихъ дочери. Такая работа, собственно не тяжелая, затруднительна потому, что она заставляетъ ихъ стоять на колѣняхъ большую часть дня, несмотря ни на время года, ни на погоду.

Огородныя работы требуютъ, въ продолженіи цѣлаго года, занятій постоянныхъ и усиленныхъ; оттого въ огородѣ, каждый имѣетъ свои опредѣленные обязанности. Само собою раз-

умѣется, что мужчины исправляютъ всѣ тяжелыя работы, каковы воздѣлываніе земли, поливка, перевозка удобренія, устройство грядъ и пр., женщины полютъ траву, собираютъ плоды, изготовляютъ ихъ на продажу и относятъ на рынокъ. Дѣвушки раздѣляютъ занятіе своей матери, а мальчики съ ранняго возраста приучаются помогать отцу. Для поощренія ихъ отецъ предоставляетъ имъ съ десяти-или двѣнадцатилѣтняго возраста гряду или уголокъ земли, гдѣ они разводятъ собственными средствами, что имъ кажется наиболѣе выгоднымъ.

Тотчасъ по отправленіи женщинъ на рынокъ, мужчины принимаются за свои работы. Въ семь часовъ съѣдаютъ они кусокъ хлѣба за работой, а въ девять завтракаютъ всѣ вмѣстѣ. Лѣтомъ они отдыхаютъ часъ или два среди дня и обѣдаютъ въ два часа. Хозяинъ и хозяйка, дѣти, дѣвушки и молодые люди, нанимаемые для работъ, обѣдаютъ всѣ за однимъ столомъ, что напоминаетъ патріархальные нравы. Хозяинъ никогда не обращается съ своими работниками грубо или свысока, но обходится съ ними какъ съ членами своего семейства. Послѣ обѣда всѣ снова принимаются за дѣло, и работаютъ безъ перерыва до ужина; ужинаютъ же лѣтомъ въ десять часовъ, зимой въ восемь. Вечеромъ мужчины поливаютъ гряды, дѣлаютъ соломенные щиты, перевозятъ навозъ, черноземъ и пр., а женщины укладываютъ овощи и плоды въ бураки или корзины различной величины, смотря по свойству отправляемаго товара; потомъ нагружаютъ ихъ на возъ, чтобы завтра быть готовымъ къ отъѣзду.

Свадьба родственника, похороны пріятеля, праздникъ Св. Фіакра, патрона садовниковъ—вотъ единственныя обстоятельства, которыя могутъ оторвать ихъ отъ работы. По многочисленности своей, они не въ состояніи праздновать всѣ вмѣстѣ день Св. Фіакра, и для того раздѣляются на братства. Каждое изъ этихъ братствъ имѣетъ свой особый уставъ; въ однихъ положено вносить на расходы для пиршества опредѣленную сумму, въ другихъ собираютъ деньги по подпискѣ. Каждое братство имѣетъ президента, одного или двухъ старостъ, избираемыхъ на годъ, и потомъ одного казначея. Послѣ религіозной церемоніи, каждое братство собирается на банкетъ, затѣмъ слѣдуетъ балъ, который прекращается тотчасъ же, когда пробьетъ часъ отъѣзда на рынокъ. Задушевная веселость всегда сопровождаетъ эти праздники; на нихъ не бываетъ никакого безпорядка, нималѣйшаго нарушенія приличій.

Несмотря на эту дѣятельную и трудолюбивую жизнь, при которой ни уму нѣтъ времени развлечься, ни тѣлу отдохнуть, огородники перестаютъ работать лишь въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ; оттого вы никогда не увидите, чтобы старый садовникъ или старая садовница прибѣгали къ общественной благотворительности, что встрѣчается непрерывно между прочими работниками. Отсюда однако не слѣдуетъ, чтобы никто изъ нихъ не терпѣлъ нужды подъ старость, но они до такой степени привыкли работать, что не могутъ и вообразить себя, какъ можно жить иначе какъ трудомъ. Тѣ, кому не удалось скопить что-нибудь, находятъ пріютъ у своихъ дѣтей, и помогаютъ имъ совѣтами, почерпнутыми изъ долгаго опыта; тѣ, у кого нѣтъ дѣтей, что бываетъ очень рѣдко, отправляются предлагать, за самую ничтожную плату, услуги свои болѣе счастливымъ собратамъ, и эти послѣдніе считаютъ всегда за долгъ принять ихъ и доставить имъ занятіе, соответственное ихъ силамъ.

Распределение почвы подъ огородныя растенія есть дѣло, требующее значительныхъ соображеній, а распределение это въ парижскихъ садахъ, дѣйствительно превосходныхъ, доказываетъ какіе неистощимыя сокровища заключаются въ землѣ, и какъ съ удобреніемъ, водой и разнообразными свойствами природы растеній, то-есть, съ деньгами и умѣньемъ, двумя вещами, въ которыхъ наше сельское хозяйство, вообще говоря, терпитъ недостатокъ, можно непрерывно и безъ числа добывать произведенія почвы, нисколько ея не истощая. Географическое положеніе парижскихъ огородовъ не представляетъ ничего особенно благоприятнаго, и за всѣмъ тѣмъ почва доставляетъ до шести сборовъ въ теченіи года. Правда, продукты снимаются большею частію въ незрѣломъ видѣ и почти никогда не доставляютъ сѣменъ, что, какъ извѣстно, болѣе всего истощаетъ почву.

Въ окрестностяхъ Парижа, почти всѣ земли, принадлежащія сосѣднимъ общинамъ, также заняты разведеніемъ овощей и плодовъ. Среднее пространство земли, занимаемой каждымъ огородникомъ, состоитъ изъ пяти гектаровъ, раздѣленныхъ на множество участковъ, часто расположенныхъ далеко одинъ отъ другаго. На обработку этихъ пяти гектаровъ (1)

(1) Приблизительно 5½ казенныхъ десятинъ.

употребляется лѣтомъ трое мушницъ и нѣсколько поденьщицъ для полотья, а зимой достаточно одного мушницы и одной женщины. Земли, находящіяся исключительно подъ огородами, отдаются въ наемъ по 350 фр. за гектаръ. Внутри Парижа гектаръ земли, окруженный заборомъ, съ колодеземъ для поливки и маленькимъ жилищемъ, стѣбитъ отъ тридцати до пятидесяти тысячъ фр. и отдается вънаймы отъ тысячи до тысячи шести сотъ фр. въ годъ. Припомнимъ кстати, что въ областяхъ, уже описанныхъ нами, то же пространство пахатной земли продается среднимъ числомъ отъ 1500 до 2000 фр., а вънаймы отдается отъ 50 до 70 франковъ.

III.

Прогуливаясь вокругъ этого громаднаго города, который въ теченіи столькихъ вѣковъ распространяетъ по всему міру свои идеи, заблужденія и моды, мыслящій человекъ останавливается въ изумленіи передъ чудными богатствами, разбѣянными природой и искусствомъ, исторіей и поэзіей, на этой привилегированной почвѣ, которая носитъ названіе окрестностей Парижа.

Вотъ Версаль и вотъ Венсеннъ, роскошный дворецъ Людовика XIV, замокъ, въ которомъ заключенъ былъ великій Конде и въ подземельяхъ котораго Наполеонъ велѣлъ разстрѣлять послѣдняго потомка Конде. Вотъ Сень-Жерменъ, колыбель нашихъ королей, и рядомъ съ нимъ Сень-Дени, ихъ послѣднее жилище; воздымаясь надъ кровлями Парижа, они какъ бы ведутъ между собой бесѣду о ничтожествѣ властей міра сего и о суетности человѣческаго величія. Здѣсь возвышается Сень-Клау, гдѣ угасла династія Валуа подъ кинжаломъ убійцы, и уступила свое мѣсто династіи Бурбоновъ. Народные представители засѣдали тамъ 18-го брюмера, когда побѣдитель при Лоди, Арколѣ и Пирамидахъ, сопровождаемый лучшими своими генералами, выбросилъ ихъ за окно. Тамъ же въ послѣдствіи Блюхеръ, въ нѣмецкомъ мундирѣ и въ сапогахъ со шпорами, отдыхалъ на постелѣ императора. Каковъ бы ни былъ Наполеонъ, но онъ не поступалъ такъ ни въ Шенбруннѣ, ни въ Шарлотенбургѣ. Вотъ Фонтенебло, гдѣ Христина Шведская велѣла умертвить Мональдески; вотъ Компіенъ, Рамбулье,—послѣднія убѣжища

королевской власти, существовавшей столько вѣковъ и унесенной вихремъ революцій.

Каждый знатный человѣкъ, выходецъ ли или именитый по наслѣдству, старается, по примѣру своего государя, имѣть собственное помѣстье, паркъ или садъ въ окрестностяхъ столицы, по близости отъ двора, невдалекѣ отъ центра, изъ котораго изливаются милости, титулы, пенсія. Этимъ объясняется, почему въ четырехъ департаментахъ, описываемыхъ нами, встрѣчаются на каждомъ шагѣ обширныя помѣстья, великолѣпныя земли, избѣжавшія до сихъ поръ раздробленія, которое такъ разрушительно дѣйствуетъ во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. Для дворянскихъ семействъ, наслѣдство которыхъ устояло противъ элементовъ распаденія, внесенныхъ къ намъ новымъ закономъ, а равно и для новыхъ богачей, ежедневно увеличивающихъ цифру своего состоянія, необходимы большія земли и обширныя помѣстья. Эти земли и помѣстья переменяютъ иногда владѣльца, какъ, пожалуй, и королевскіе замки, но никогда не дробятся. Страна отъ этого не терпитъ никакого вреда. Одни изъ богатыхъ собственниковъ имѣютъ пристрастіе къ земледѣльческимъ работамъ, другіе къ болѣе-привлекательному занятію садоводствомъ; даже тѣ, кто живетъ въ праздности, не совсѣмъ бесполезны, потому что значительные доходы свои они издерживаютъ въ своемъ же имѣніи.

Изъ сказаннаго нами ясно, что это страна крупнаго хозяйства. Поземельныя владѣнія съ доходомъ во сто тысячъ франковъ встрѣчаются часто, а нѣкоторыя приносятъ до милліона. Въ департаментѣ Уазы, земля цѣнится отъ двухъ до трехъ тысячъ франковъ за гектаръ, съ наемною платой отъ 50 до 100 франковъ. Фермы не рѣдко содержатъ въ себѣ отъ ста до трехъ сотъ гектаровъ. Особенно въ департаментѣ Сены-и-Марны, гдѣ почва посредственная, и земли мало раздроблены, встрѣчаются помѣстья, занимающія пространство отъ пяти сотъ до тысячи гектаровъ. Только въ этихъ мѣстахъ и можно во Франціи встрѣтить богатыхъ фермеровъ, обрабатывающихъ нѣскольکو сотъ гектаровъ земли и уплачивающихъ собственнику до 25 и 30 тысячъ франковъ и даже болѣе. Мелкое хозяйство занимаетъ едва ли одну треть всѣхъ земель. Что же касается до найма фермъ, то цѣны ихъ измѣняются чрезвычайно, смотря по положенію и качеству почвы; достигая 225 и 250 фр. за гектаръ въ окрестностяхъ Парижа, онѣ падаютъ до 40 и даже до 30 около Провена (Provins), находящагося уже въ Шампани, и около Фонтенебло, лежащаго на границѣ.

Въ противоположность съ прочими частями страны, въ этихъ департаментахъ мелкое хозяйство все болѣе и болѣе отстываетъ передъ крупнымъ, совершенно его поглащающимъ. Прежде замѣтно было обратное движеніе, но со времени переворота 1848 года, и особенно со времени страшныхъ колебаній, которыя въ эти послѣднія двѣнадцать лѣтъ постигли хлѣбную торговлю, многіе изъ мелкихъ земледѣльцевъ платили дурно, даже вовсе перестали платить, и собственники должны были отобрать у нихъ свои земли и ввѣрить ихъ управленію фермеровъ, которые, по богатству своему, въ состояніи выдерживать эти преходящія кризисы.

Почва, вообще весьма посредственная, занимаетъ своею обработкой только четвертую часть населенія, все остальное живетъ въ городахъ и занимается промышленностью. Свойство земли позволяетъ обрабатывать ее лошадьми; оттого вы не встрѣтите нигдѣ ни рабочихъ быковъ, ни рогатаго скота, откармливаемаго на убой, чего конечно нельзя похвалить. Въ этой части Франціи слишкомъ много лѣсовъ, а луговъ недостаточно. Лѣса покрываютъ шестую часть почвы и составляютъ государственную собственность, что одно и сохраняетъ ихъ въ цѣлости; безспорно, эти страны много бы выиграли, еслибы значительное количество ихъ предоставлено было земледѣлю. Это нисколько не доказываетъ, чтобы во Франціи былъ избытокъ лѣсу, а только то, что стоитъ онъ не на мѣстѣ. Необходимо было сохранить въ окрестностяхъ Парижа эти обширные и прекрасные лѣса, гдѣ потѣшались охотой наши короли, а вѣдь и эти лѣса много выиграли бы, даже съ ландшафтной точки зрѣнія, еслибы посреди ихъ мрачной чащи были проведены просѣки и еслибы нѣкоторые участки ихъ, теперь никому не доступные, стали доступны экономическому труду.

Но если откармливаніе самихъ быковъ остается здѣсь въ пренебреженіи, то нельзя сказать того же о прочихъ членахъ бычьей породы. Телята изъ Понтуаза славятся во всей Франціи, а дойныхъ коровъ много и всѣ отличнаго качества. Особенно масло и сыръ въ нѣкоторыхъ кантонахъ пользуются совершенно заслуженною репутацией. Что же касается до урожая, то онъ среднимъ числомъ даетъ отъ 18 до 20 гектолитровъ пшеницы съ гектара (1).

(1) Отъ $9\frac{1}{2}$ до $10\frac{1}{2}$ четвертей съ казенной десятины.

Изъ домашнихъ животныхъ здѣсь, какъ и въ Шампани, болѣе всего разводится овца, которой привольно жить въ этихъ равнинахъ, болѣею частію сухихъ. Эта отрасль промышленности, составляющая плодъ долгой и почтенной дѣятельности, обязана своимъ цвѣтущимъ состояніемъ образцовой фермѣ въ Рамбульѣ, первому заведенію этого рода во Франціи, основанному въ 1785 году подъ покровительствомъ Лудовика XVI. Тамъ производятся земледѣльческіе опыты, сравниваются различные способы обработки, и испытываются новыя земледѣльческія орудія. Это заведеніе потерпѣло неудачи, которыя могли бы привести въ отчаяніе и раззорить частныхъ промышленниковъ, но потомъ мало-по-малу распространило по Франціи породы мериносовъ и метисовъ, — двѣ породы, исключительно тамъ разводимыя. Уже въ 1809 году исчислено было, что оно пустило въ торговлю болѣе ста тысячъ животныхъ чистой породы и до четырехъ милліоновъ метисовъ.

Эти департаменты расположены на границѣ винодѣлія и не имѣютъ хорошихъ виноградниковъ. Но за исключеніемъ винограда, все царство растений имѣетъ блистательныхъ и многочисленныхъ представителей во множествѣ здѣшнихъ лѣсовъ. Дубъ, береза, каштановое дерево, липа, букъ, грабина, женевская и сѣверная сосна составляютъ господствующіе виды. Въ деревняхъ повсюду разсыяны въ большомъ количествѣ плодовые деревья, принадлежащія къ видамъ, наиболѣе распространеннымъ, каковы груша, абрикось, слива, вишня, персикъ, яблоня, миндальное дерево и пр. Кто не знаетъ во Франціи, хотя понаслышкѣ, вишенъ Монморанси, персиковъ Монтреля, винограда Фонтенебло? Въ Монтрель, въ Фонтенебло, благодаря ученой садоводственной промышленности, гектаръ земли подъ персиками или сладкимъ виноградомъ, стбитъ 30 тысячъ франковъ и доставляетъ ежегодно продуктовъ на 6 тысячъ франковъ! Городъ Провенъ, съ своими окрестностями, славится разведеніемъ прекрасныхъ розъ, называемыхъ *провенскими* (*de Provins*), и часто употребляемыхъ въ медицину. Говорятъ, что онѣ впервые появились во время крестовыхъ походовъ. Во Францію привезъ ихъ знаменитый труверъ, Теобальдъ-Пѣвецъ, графъ Шампанскій.

Но не одни растенія составляютъ богатство этихъ департаментовъ; наряду съ мануфактурами ковровъ Гобеленей и Бове, роскошныя произведенія которыхъ извѣстны въ цѣ-

ломъ міръ, и наряду съ Севрскою фарфоровою мануфактурою, необходимо упомянуть о сахарныхъ, водочныхъ и крахмальныхъ заводахъ, возникающихъ повсюду, о фабрикахъ удобреній и пр.

Воздѣлываніе свекловицы торжествуетъ наконецъ надъ упорнымъ сопротивленіемъ, задерживавшимъ его развитіе, и съ каждымъ днемъ принимаетъ все большіе размѣры; одна часть ея поступаетъ на сахарные заводы, другая на кормъ овцамъ. Съ нѣкотораго времени встрѣчаются фермы, на которыхъ устроены водочные заводы и фабрики крахмала.

Общепринятый способъ найма земель есть фермерство съ опредѣленною денежною платою. Но существуетъ еще другой способъ, принятый для отдачи въ аренду имуществъ благотворительныхъ заведеній и усвоенный небольшимъ числомъ мелкихъ собственниковъ; это фермерство—наполовину за деньги, наполовину натурой. Но этотъ способъ исчезаетъ съ каждымъ днемъ, и теперь уже, въ общей сложности земель, онъ занимаетъ только сотую часть. Что же касается до срока найма, то онъ бываетъ обыкновенно девятилѣтній для мелкихъ участковъ и двѣнадцати, пятнадцати, и даже восемнадцатилѣтній для крупныхъ фермъ. Сѣвооборотъ общепринятый—трехпольный, съ паровымъ полемъ; но въ большей части кантоновъ паръ исчезъ и плодоперемѣнный сѣвооборотъ входитъ въ употребленіе, какъ болѣе рациональный, болѣе производительный и болѣе сообразный съ правилами науки и усовершенствованіемъ земледѣлія. Однако въ три послѣдніе года наемнаго срока, трехпольный сѣвооборотъ становится обязательнымъ. Въ случаѣ споровъ между собственникомъ и фермеромъ, судебныя мѣста почти всегда рѣшаютъ въ пользу плодоперемѣннаго сѣвооборота.

Можно сказать, что единственный продуктъ земледѣлія, поступающій въ продажу, есть пшеница; всѣ прочія яровыя хлѣбныя растенія, такъ же какъ сѣно и солома, безъ исключенія потребляются домашними животными. Впрочемъ, есть фермы, на которыхъ пшеницы сѣютъ меньше чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ, а собираютъ болѣе: обиліе жатвы гораздо менѣе зависитъ отъ количества засѣянной земли чѣмъ отъ хорошей и разумной обработки. Также ошибочно предполагать, что въ годы сильной дороговизны, фермеры получаютъ самые значительные барыши, потому что они собираютъ менѣе, а имъ нужно употребить то же количество на собственное потребле-

ніе и на посѣвъ. Фермеръ, собирающій тысячу гектолитровъ пшеницы ежегодно, долженъ употреблять двѣсти изъ нихъ на пищу и посѣвъ: стало-быть остается 800 гектолитровъ на продажу. Но если при худомъ урожаѣ онъ соберетъ только 800, то отвезти на рынокъ ему можно 600; такимъ образомъ, хотя въ сборѣ не достааетъ только пятой части, но въ количествѣ, пущенномъ въ продажу, не окажется четвертой части.

Въ окрестностяхъ Парижа высѣвается на гектаръ болѣе сѣмень нежели въ другихъ мѣстахъ, и на это есть свои причины. Въ Парижѣ можно продать легко и выгодно только пшеницу высшаго качества, а также и солома, особенно хорошая, цѣнится очень высоко. Тамъ и продавать ее можно безъ ущерба для хорошаго хозяйства, потому что тамъ же всегда легко купить огромныя массы удобрения на деньги, вырученныя за продажу соломы. При томъ, густой посѣвъ даетъ ходъ только лучшимъ сѣменамъ, отчего родится много хорошей соломы, и колосья, созрѣвая почти всѣ въ одно время, приносятъ отличныя зерна. Наконецъ опытъ долженъ былъ показать, что пшеница на жирной землѣ гораздо рѣже ложится при густомъ посѣвѣ чѣмъ при рѣдкомъ.

Мы вывозимъ много кукурузы въ Ирландію со времени болѣзни картофеля; это одинъ изъ тѣхъ продуктовъ, которые значительно усилили въ послѣдніе годы отпускъ нашего зерноваго хлѣба въ Англію. По мнѣнію моему, радоваться этому нѣтъ никакой причины. Ни народы, ни частныя лица не могутъ быть распорядителями своей участи, она такъ часто зависитъ отъ различныхъ, совершенно постороннихъ обстоятельствъ.

Россія, относительно прочихъ европейскихъ государствъ, страна новая; не пройдетъ полувѣка, и весьма вѣроятно, что одно освобожденіе ея рабочаго класса удвоитъ цифру ея земледѣльческаго населенія и учетверитъ ея поземельное богатство. Итакъ Россія еще долго должна оставаться житницей, въ которой Европа будетъ черпать себѣ хлѣбъ, недостающій для ея пропитанія. Можетъ-быть, Франціи очень опасно пускаться въ этотъ путь и вступать въ конкуренцію съ Россіей. Никогда страна, не имѣющая слишкомъ богатой почвы и обладающая густымъ населеніемъ, по природѣ своей нетерпѣливымъ, какова Франція, не можетъ безнаказанно братья за отпускъ продуктовъ растительнаго царства въ большомъ количествѣ. Эти продукты добываются только на счетъ богатства почвы, и гектолитръ пшеницы представ-

лняетъ часть производительной способности той земли, на которой онъ выросъ. Если бы мы стали черезъ мѣру развивать производство растительныхъ веществъ, не опираясь на дѣйствительныя средства къ возстановленію первобытнаго плодородія почвы, то произошло бы то же самое, что постигло всѣ прибрежныя страны Средиземнаго моря, которыя были нѣкогда богатыми и цвѣтущими, а теперь бѣдны, ничтожны и безлюдны. Мы должны употреблять всѣ усилія наши на увеличеніе отпуска продуктовъ животнаго царства, мяса, шерсти, сыру, масла. При производствѣ какого-либо продукта животнаго царства, въ то же время производится и удобреніе, то-есть почва не истощается, а обогащается. Для достиженія этой цѣли, необходимо предпринимать большія работы по лѣсоосѣянію и орошенію полей, обращать къ землѣ живыя силы націи,—людей и капиталы. Но мы не слѣдуемъ этимъ путемъ. У насъ, стѣсненіе и страданіе были всегда нормальнымъ состояніемъ земледѣлія. Оно даетъ средства жить безбѣдно наиболѣе счастливымъ, но едва ли, въ цѣломъ государствѣ, вамъ назовутъ кого-нибудь, кто бы обогатился земледѣліемъ, тогда какъ разказы о бѣдствіяхъ, постигшихъ земледѣльцевъ, слышатся безпрерывно.

Что касается до недостатка рукъ, то онъ былъ такъ великъ въ эти послѣдніе годы, что правительство принуждено было посылать солдатъ на помощь земледѣльцамъ во время жатвы. Причина этого недостатка заключается въ покровительствѣ и привилегіяхъ, рассыпаемыхъ мануфактурной промышленности на счетъ земледѣлія, тогда какъ свобода, составляющая необходимое условіе его существованія, должна быть общимъ удѣломъ всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности. Земледѣліе требуетъ свободы для себя, но съ условіемъ, чтобы свобода дана была всѣмъ. Торговля также живетъ свободой; по самому свойству своему, она—космополитъ и гражданинъ всего міра. Всякій прибытокъ ей пріятенъ, даетъ ли его отечество или почва чужой страны. Ей кажется помѣхой все, что препятствуетъ ей употребить въ свою пользу почву вселенной.

Дренажъ вводится у насъ медленно, потому что онъ сопряженъ съ большими издержками, которыя не по силамъ фермеру. Устроить его можетъ только самъ собственникъ или фермеръ при содѣйствіи собственника; но во Франціи нѣтъ обыкновенія затрачивать капиталы на улучшеніе земель. Впрочемъ, вотъ какимъ образомъ поступили многіе фермеры, чтобы восторжествовать надъ безпечностію землевладѣльцевъ. Они уговорили

ихъ принять на себя расходы по устройству дренажа, предлагая прибавить къ наемной платѣ за ферму по четыре, пяти и даже по шести процентовъ съ капитала, затраченнаго на эту операцію. Раздѣленіе или, правильнѣе, раздробленіе поземельной собственности представляетъ также много неудобствъ. Чтобы получить позволеніе у сосѣда провести трубы въ его земляхъ, необходимо совершить множество формальностей, медленныхъ и тягостныхъ, какъ все, что дѣлается административнымъ путемъ во Франціи. Все это ведетъ за собою столько хлопотъ, что собственники, а особенно мелкіе, не рѣшаются приступить къ нимъ. Богатый землевладелецъ часто можетъ обойтись безъ сосѣдей, онъ можетъ выкопать водосточные рвы и употребить тысячу средствъ, которыхъ нѣтъ у мелкаго собственника, находящагося всегда въ стѣсненномъ положеніи.

Въ странахъ, изстари и сильно населенныхъ, какова Франція, земледѣліе находится въ положеніи совершенно исключительномъ, которое не имѣетъ аналогій ни съ какою другою отраслю промышленности и въ настоящее время совершенно чуждо вашему отечеству. Впрочемъ, Россія не худо принять его въ соображеніе, потому что всегда благоразумно приберегать сокровища на будущее время, и лучше предупредить болѣзнь въ зародышѣ чѣмъ врачевать ее, когда она разовьется. Итакъ земледѣліе должно производить не только предметы, поступающіе въ продажу и доставляющіе деньги, но и самыя элементы производства въ соразмѣрности. Эти элементы суть удобренія, которыя можно назвать основаніемъ земледѣлія. Итакъ часть производительной силы нашихъ земель должна быть употреблена на воздѣлываніе хлѣбныхъ растений всякаго рода и безчисленныхъ продуктовъ, требуемыхъ мануфактурною промышленностію, а другая на поддержаніе основнаго начала, удобренія,—и чѣмъ больше мы производимъ первыхъ, тѣмъ болѣе должны заботиться о второмъ. Въ этомъ заключается великое, громадное затрудненіе, борьба между интересомъ настоящаго и интересомъ будущаго. Это напоминаетъ устройство парохода, принужденнаго дѣлить свое помѣщеніе надвое: одна половина идетъ на перевозку товаровъ, доставляющую ему доходъ, другая на уголь, приводящій его въ движеніе. Горе ему, если онъ дастъ слишкомъ много мѣста товарамъ! Горе странѣ, которая слишкомъ много развиваетъ производство растительныхъ продуктовъ на продажу и слишкомъ много отпускаетъ ихъ! Рано или поздно,

она придетъ въ упадокъ. Конечно, искусно составленная система можетъ поддержать равновѣсіе между тѣмъ, что можно назвать приходомъ и расходомъ почвы. Но огромное количество земли (восемь милліоновъ гектаровъ, если не ошибаюсь), остающееся у насъ незасѣяннымъ за недостаткомъ удобрения, доказываетъ, что мы, по несчастію, слишкомъ далеки отъ такого равномернаго распредѣленія элементовъ сельскаго хозяйства.

Величайшее искусство земледѣльца заключается въ достиженіи равновѣсія между культурами улучшающими и истощающими почву, а средства къ достиженію его—разумно-устроенный сѣвооборотъ и раціональное плодоперемѣнное хозяйство.

Безполезно, да и не возможно предписывать опредѣленные формулы сѣвооборота, потому что онъ долженъ соображаться съ цѣнностію и плодородіемъ почвы, съ потребностями страны и способами сбыта. Во всякомъ случаѣ, существуютъ нѣкоторыя общія правила, отъ которыхъ трудно отступать безнаказанно. Такимъ образомъ можно принять за общее правило, что почти всегда благоразумно раздѣлить обрабатываемыя земли на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна должна быть обречена производству травъ, естественныхъ и искусственныхъ, что дастъ возможность разводить большое количество скота и добывать много удобрения. На другой половинѣ надо разнообразить обработку между растениями, истощающими почву, и растениями, ее улучшающими. Искусственные травы, каковы клеверъ, люцерна, дятлина, занимающія первое мѣсто между растениями, улучшающими почву, имѣютъ то неудобство, что даютъ ходъ сорнымъ травамъ. Оттого и нужно часто замѣнять ихъ огородными растениями, свекловицей, картофелемъ, и всѣми видами овощей, горохомъ, простыми и турецкими бобами и пр., главное свойство которыхъ очищать почву. Никогда не должно два года сряду сѣять одно и то же на одной землѣ, а лучше всего сѣять зерновой хлѣбъ послѣ огородныхъ растений, чтобы какъ можно менѣе было сорныхъ травъ. Приложение къ дѣлу плодоперемѣннаго сѣвооборота, по этимъ правиламъ, воздѣлываніе почвы глубокими бороздами, которыя дѣлаютъ ее доступною влагѣ и атмосферическому вліянію, разумное употребленіе удобрений, сообразное съ свойствомъ посѣва и временемъ года, дадутъ возможность добывать ежегодно такую сумму продуктовъ, какую только можетъ доставить поле, и притомъ не истощать почвы и не

оставлять ее подъ паромъ. Болѣе же всего должно разнообразить три главные рода растений: зерновой хлѣбъ, травы и промышленныя растенія.

Недостатокъ рукъ для земледѣльческихъ работъ нигдѣ не чувствуется такъ сильно, какъ въ окрестностяхъ Парижа, потому что тамъ не только производятся ежегодныя рекрутскія наборы, опустошающіе всѣ французскія деревни, но и совершается непрерывное переселеніе въ города, и преимущественно въ Парижъ, гдѣ въ послѣднія восемь лѣтъ предприняты работы громадныя, колоссальныя, безумныя, какъ будто съ намѣреніемъ принести всю Францію на жертву столицѣ. Безъ сомнѣнія, Парижъ составляетъ голову и сердце государства, и на этомъ основаніи онъ долженъ быть предметомъ особенныхъ украшеній. Но эта голова и это сердце приобретаютъ слишкомъ большіе размѣры, и Франція подвергается опасности умереть отъ аневризма или скопленія мокроты въ мозгу. Корень зла заключается въ преимуществахъ, которыми разнообразныя правительства наши осыпали мануфактурную промышленность, отчего она мало-по-малу поглотила всѣ капиталы, и привлекла къ себѣ всѣ живыя силы народа, безъ большей пользы, впрочемъ, для самой себя.

Такъ какъ земледѣліе производится у насъ почти безъ капиталовъ, то фермеръ не можетъ дать своему работнику такой высокой платы, какую даетъ ему фабрикантъ, имѣющій передъ своимъ соперникомъ еще то огромное преимущество, что онъ можетъ доставлять занятіе регулярно въ продолженіи цѣлаго года, между тѣмъ какъ полевая работа вовсе не регулярна и даже совершенно останавливаются на нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ то время, когда фермеры были бѣдны деньгами, они не дорожили своими продуктами, расточали все непокупное и жили съ своими слугами и поденщиками въ совершенномъ равенствѣ. Пренія фермерши были сами и кухарками; все хозяйство дѣлалось ими самими или по крайней мѣрѣ у нихъ на глазахъ, и жизнь эта, къ которой онѣ привыкли, имѣла для нихъ свою прелесть. Но на большихъ фермахъ въ департаментахъ, которые мы теперь описываемъ, фермеръ не что иное, какъ богатый *буржуа*, наблюдающій за работами и большею частію не имѣющій ничего общаго съ крестьянами. Такимъ образомъ прекратились патріархальныя отношенія между господиномъ и слугами; послѣдніе спустились степенью ниже, тогда

какъ первые стали выше въ общественной іерархіи. Это отвлекло ихъ отъ полевой работы. Вскорѣ прекратились обѣды за общимиъ столомъ, потомъ перестали даже совсѣмъ кормить поденщиковъ, и забыли какъ много выиграла нравственность отъ прежняго обращенія фермеровъ съ ихъ работниками. Прежде они составляли одну семью; поденщики пользовались хорошею пищею, а фермеръ не имѣлъ, подобно фабриканту, у самыхъ воротъ своего жилища, шинка, источника всѣхъ безпорядковъ.

Желая избѣжать необходимости увеличивать жалованье работникамъ, которыхъ перестали допускать къ семейному столу, нѣкоторые хозяева поручили кормить своихъ людей главному служителю; вскорѣ появились такъ-называемые *rogneurs de portions*, то-есть обрѣзчики порцій, и возникло общее неудовольствіе. Иные стали выдавать работникамъ пайки, какъ солдатамъ, другіе отвѣшивать хлѣбъ, но ни тѣмъ, ни другимъ не удалось достигнуть своей цѣли. Когда хозяинъ выказываетъ подозрительность, то очень натурально, что служители стараются его обманывать. Въ хозяйствѣ, гдѣ господствуютъ порядокъ и экономія, необходимо, не ослабляя надзора, оказывать людямъ довѣренность, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, они не употребятъ ея во зло. Въ этомъ классѣ, какъ и во всякомъ другомъ, есть свое самолюбіе и чувство чести, только надо умѣть ими пользоваться.

Въ послѣднее время начали водворяться новые обычаи, которые старыя фермерши считаютъ злоупотребленіями, тогда какъ въ дѣйствительности они служатъ доказательствомъ настоящаго прогресса. Въ прежнее время сельскіе жители почти никогда не ѣли мяса. Въ Иль-де-Франсѣ ѣдали ветчину, но не болѣе какъ четыре раза въ недѣлю; теперь же на многихъ фермахъ по воскресеньямъ подаютъ говядину и рисовый супъ, и нѣтъ сомнѣнія, что вскорѣ пища вездѣ будетъ улучшена; получая хорошую пищу, люди въ состояніи будутъ больше работать, а такъ какъ потребленіе мяса сдѣлается всеобщимъ, то сбытъ домашнихъ животныхъ будетъ для фермера и удобнѣе и надежнѣе.

Чѣмъ рѣже становятся деревенскіе работники, тѣмъ неумѣреннѣе ихъ требованія, потому что нѣтъ никакой возможности обойтись безъ ихъ помощи. Они нарушаютъ свои обѣщанія безъ зазрѣнія совѣсти, особенно во время жатвы, и очень часто случается, что хозяинъ принужденъ прибавлять

жалованья по ихъ требованію; иначе жатва его останется въ полѣ и пропадетъ.

Существуютъ, особенно на сѣверѣ Франціи, о которомъ мы уже бесѣдовали, цѣлые округи, наполненные населеніемъ, не имѣющимъ опредѣленнаго занятія. Кочующія толпы ихъ прохаживаются по деревнямъ Иль-де-Франса съ предложеніемъ услугъ, которыми всѣ спѣшатъ воспользоваться. По окончаніи работъ, ихъ приглашаютъ на будущій годъ въ такое же время. Иногда они являются по приглашенію; часто случается, что обязательство, голословное и лишенное всякой гарантіи, остается безъ исполненія, и неразумный земледѣлецъ, легкомысленно довѣрившійся незнакомцамъ, въ критическое время года остается въ крайнемъ затрудненіи.

Нѣкоторые хозяева обнаруживаютъ большую предусмотрительность и заводятъ сношенія съ жителями сѣверныхъ департаментовъ, которые берутся высылать имъ сельскихъ работниковъ. Но эти агенты совершенно имъ неизвѣстны, и обманываютъ ихъ не рѣдко самымъ наглымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, агентъ, занимающійся доставкой служителей, помѣщаетъ работника на ферму и получаетъ вознагражденіе отъ земледѣльца, а иногда и отъ самого работника, но онъ не ручается ни за продолжительность его пребыванія, ни за способность его къ работѣ, даже не рѣдко самъ побуждаетъ помѣщеннаго имъ человѣка переходить къ другому хозяину, съ котораго беретъ второе вознагражденіе, а иногда успѣваетъ получить и третье.

Поправить такое печальное положеніе было бы однакожь вовсе не трудно; стоило бы только учредить въ главныхъ городахъ кантона конторы для помѣщенія работниковъ. Обязанность такой конторы, которую бы очень удобно помѣстить при мирозыхъ судахъ, должна состоять въ посредничествѣ между земледѣльцами одного департамента и работниками, находящимися въ другихъ. Земледѣлецъ долженъ заранѣе представлять агенту аккуратную записку о своихъ требованіяхъ, съ показаніемъ числа работниковъ обою пола, которые ему понадобятся, времени, на которое они ему нужны, рода занятій и цѣны, предлагаемой имъ для cadaго, наконецъ всѣхъ условій относительно пищи, помѣщенія и проч. Замѣтимъ однако, что это только палліативное средство, и что настоящее лѣкарство заключается въ томъ, чтобы не расточать

вѣхъ милостей на города и значительно уменьшать цѣну ружья постоянного войска.

Объ оригинальныхъ обычаяхъ деревенской жизни я не могу сообщить вамъ ничего интереснаго. Мы теперь слишкомъ близко отъ Парижа; цивилизація изгоняетъ здѣсь оригинальность. До революціи въ селеніяхъ очень любили забаву, похожую на такъ-называемыя *русскія игры*, которыя мы, судя по названію, заимствовали отъ васъ. Все искусство занимавшихся этою забавой состояло въ томъ, чтобы голову, руки и ноги разбѣлать такимъ образомъ, чтобы тѣло представляло видъ шара; въ такомъ видѣ они скатывались съ вершины холма и у подошвы его становились на ноги. Иногда игру производили два человѣка; головы они клали другъ къ другу между ногъ, схватывались и представляли нѣкоторое подобіе шара.

Въ окрестностяхъ же Парижа получили въ старину начало свое праздникъ, который былъ нѣкогда весьма популярнымъ во всей Франціи; я разумѣю старинную церемонію вѣнчанія дѣвицы розовымъ вѣнкомъ, *la rosière*. Разказываютъ, что въ V вѣкѣ прелатъ, по имени Св. Медардъ, посѣщавшій хижины и принимавшій у себя королей, установилъ въ Саланси, деревнѣ въ департаментѣ Уазы, награду за добродѣтель, ежегодно назначаемую наиболее достойной изъ молодыхъ дѣвицъ. Въ послѣдствіи, совершеніе этой церемоніи было назначено въ самый день праздника Св. Медарда, 8-го іюля. Въ день праздника, торжественная процессія появлялась за избранною дѣвицей и при звукахъ барабановъ и волюнокъ провожала ее въ церковь, гдѣ совершалась религіозная церемонія, и гдѣ священникъ возлагалъ ей на голову розовый вѣнокъ (откуда названіе *la rosière*) и надѣвалъ на руку серебряное кольцо, между тѣмъ какъ церковные свѣды оглашались торжественнымъ пѣніемъ молебна. Потомъ все шествіе сопровождало ее къ господскому замку, гдѣ праздникъ оканчивался обѣдомъ и баломъ, который открывалъ самъ господинъ съ увѣнчанною дѣвицей. Около половины прошедшаго столѣтія, при сластолюбивомъ Лудовикѣ XV, когда съ высоты престола распространялся по Франціи плачевный и заразителный примѣръ распутства, селенія наши остались почти единственными убѣжищами чистыхъ нравовъ. Нѣкоторые философы вздумали возстановить трога-

тельное торжество празднованія *Rosière*, приходившее въ унадокъ. Повсюду появились вѣнчанныя избранницы, и трудно перечислить всѣ театральныя піесы, которыя вывели ихъ на сцену съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ.

Каждая изъ нашихъ революцій унесла какой-нибудь изъ нашихъ старинныхъ обычаевъ. До 1848 года существовало еще во многихъ общинахъ обыкновеніе посылать каждую ночь могильщика на улицу, чтобы онъ ровно въ 12 часовъ будилъ жителей звукомъ колокола. Прозвонивши вездѣ, онъ останавливался на каждомъ концѣ улицы и приглашалъ спящихъ прервать сонъ свой и помолиться за усопшихъ. Еще и теперь, когда зарываютъ на кладбищѣ тѣло, онъ даетъ въ руки четыремъ самымъ близкимъ родственникамъ или друзьямъ покойнаго концы погребальнаго покрова и такъ отводитъ ихъ домой, не переставая звонить въ колоколь. Обычай разносить по домамъ святую воду во всѣ большіе праздники также не вышелъ еще изъ употребленія, и не проходитъ ни одного воскресенья, чтобы такое замаскированное нищенство не постукалось во всѣ двери. Что сказать объ этомъ, когда даже сельскій учитель, *instituteur*, иногда отправляется такимъ образомъ въ воскресенье собирать лепту бѣдняка и даяніе богача, подъ предлогомъ снабженія ихъ святою водою?

Это напоминаетъ мнѣ, что я не сообщалъ еще вамъ ничего объ одномъ изъ самыхъ интересныхъ, если не самыхъ важныхъ лицъ французской общины, о сельскомъ учителѣ. Я долженъ поправить это важное опущеніе, и въ слѣдующемъ письмѣ поговорю съ вами о немъ.

Евгеній Бонмеръ.

КАБАЧОКЪ МАРТЫШКА

ЭПИЗОДЪ 1718—19 ГОДОВЪ.

Драгоценные материалы, изданные въ VI томѣ *Исторіи Петра I* г. Устряловымъ, статьи М. П. Погодина въ *Русской Бесѣдѣ*, познакомили читающую русскую публику съ этою историческою драмой, полною живаго интереса; но много пробѣловъ остается еще на страницахъ біографіи Алексѣя Петровича, много возникаетъ вопросовъ, которыхъ рѣшеніе необходимо для полной и безпристрастной оцѣнки преступленій сына и строгости отцовскаго суда.

Дѣтство и молодость царевича не разъяснены. Царевичъ родился въ 1690 году, и до 1698 г. находился при матери своей царицѣ Евдокіи. Гдѣ жилъ онъ, кто окружалъ его, чѣмъ занимали ребенка, какое направленіе дано ему въ тѣ драгоценные годы, когда первыя впечатлѣнія ложатся на души основаніями будущихъ нравственныхъ проявленій? Гдѣ былъ царевичъ и что дѣлалъ послѣ ссылки царицы, потомъ во время

шлиссельбургскаго похода? Чему онъ учился и выучился у Гилена? Все это до сихъ поръ не объяснено. Безъ успѣха ищемъ мы слѣдовъ, указаній, подробностей, какъ въ это время обходился Петръ съ своимъ сыномъ, къ чему готовилъ его, въ какихъ отношеніяхъ Алексѣй Петровичъ былъ къ Екатеринѣ и Меншикову? Съ 1707 по 1709 годъ царевичъ въ Москвѣ, по порученію Петра, управляетъ дѣлами государственными,—любопытно знать, какъ онъ управлялъ?—въ духѣ ли Петровскихъ преобразованій и нововведеній? Могъ ли онъ радовать Петра, какъ надежный наследникъ престола? Наконецъ, путешествіе его за границу, долговременное тамъ пребываніе, возвращеніе въ Россію и жизнь супружеская съ Шарлотой извѣстны намъ лишь по нѣсколькимъ строчкамъ австрійскаго резидента въ Россіи, Блеера. Съ такими-то неполными, неудовлетворительными свѣдѣніями, приходимъ мы наконецъ къ страшной развязкѣ его неразгаданной жизни: къ побѣгу изъ Россіи, къ возвращенію въ отечество и къ осужденію на смертную казнь. Трубецкой раскатъ Петропавловской крѣпости и сырыя его стѣны остались единственными, дожившими до насъ свидѣтелями послѣднихъ минутъ страдальца. Но въ тѣхъ стѣнахъ были живые люди,—не одни только тѣ, которые рѣшали судьбу царевича: тутъ были и исполнители приговоровъ, палачи, солдаты, сторожа, мастеровые; у нихъ были жены, дѣти, родственники, друзья, знакомые. Возвращаясь домой, подъ страшною тайной, передавали они своимъ ближнимъ видѣнное и слышанное. Отъ одного переходило къ тысячамъ, и судъ народный, не слышный, невидимый, шелъ рядомъ съ судомъ государственнымъ. Какъ ни старался Петръ запираеть Петербургъ, запрещая по всемъ заставамъ выѣздъ, какъ ни хлопоталъ онъ о сохраненіи тайны, издавая указъ, чтобы никто, подъ смертною казнью, не смѣлъ даже писать въ затворенной комнатѣ о происшедшихъ событіяхъ,—народъ зналъ, что дѣлалось съ царевичемъ, зналъ, что онъ умеръ не своею смертію...

Народъ любилъ царевича. Алексѣй былъ въ дружбѣ съ духовенствомъ, молился усердно по монастырямъ и церквамъ, пиравалъ въ церковные праздники, заступался за монаховъ и монахинь, награждалъ ихъ деньгами, подавалъ часто нищимъ, не любилъ иноземцевъ и сочувствовалъ старинѣ; еще царевичъ былъ ребенкомъ, а въ народѣ говорили уже,

что онъ не любитъ Нѣмцевъ. Слухи о пыткѣ царевича вызывали слезы въ избѣ простолюдина, и возбуждали негодованіе на Петра. На обжорномъ рынкѣ, вблизи царскаго дворца, собрался народъ толпами, бесѣдовалъ о царевичѣ и бранилъ Петра.

Разказъ, предлагаемый читателямъ и почерпнутый изъ подлинныхъ документовъ, объяснить, какими путями переходили въ народъ вѣсти о царевичѣ, въ то время, когда приняты были всѣ мѣры, чтобы все оставалось въ глубокой тайнѣ.

Въ двадцати верстахъ отъ Петербурга, въ мызѣ Кирпуле, принадлежавшей графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, на большой Стрѣленской проѣзжей дорогѣ, стояла мазанка съ раскрашенными окнами. Рѣдкій мужичокъ не останавливалъ своей лошадки, проѣзжая мимо этого домика, гдѣ въ отворенныя двери такъ привѣтливо блестя на ставкѣ бутылки и чарки. Это былъ кабакъ, по прозванію *Мартышка*. Содержатель заведенія, Андрей Порошиловъ, былъ человекъ ловкій, привѣтливый, расторопный и къ тому краснобай. Много видѣлъ, много слышалъ въ свою жизнь Порошиловъ; сперва былъ онъ въ Рождественскомъ Владимірскомъ монастырѣ служкой; въ 1704 году нагрязнулъ рекрутскій наборъ, Порошилова взяли изъ монастыря и привезли на смотръ въ Москву, къ графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, управлявшему тогда монастырскимъ приказомъ. Высокій, статный служка понравился графу, и изъ монастырскаго платья Порошилова перерядили въ драгунское, съ назначеніемъ въ безсмынные деньщики къ графу.

Девять лѣтъ постоянной, преданной службы вызвали отъ графа награду, и Андрей изъ деньщиковъ опредѣленъ приказникомъ на графскую мызу Кирпуле, съ оставленіемъ при немъ драгунскаго жалованья 15 алтынъ въ мѣсяць. Жалованье не завидное, и Андрей началъ придумывать «чѣмъ бы накопить деньгу.» Въ мызѣ былъ кабакъ въ откупномъ содержаніи, у иноземца Карлуса Монсова; у Порошилова были связи, — деньщики и дворецкіе знатныхъ господъ. Дѣло казалось выгодное, и Андрей перенялъ у Карлуса кабачокъ за 35 рублей въ годъ. Но одному торговать трудно, да и безъ женщины что за хозяйство? У Андрея была короткая знакомая, жена петербургскаго посадскаго человека, Ирина Иванова; онъ сдѣлалъ ей предложеніе вступить въ товарищество, и посадская женка

съ радостію приняла предложеніе бывшаго графскаго дѣнщика.

Время шло; Порошиловъ наживался; этому особенно способствовало знакомство его въ Петербургѣ съ дворецкимъ фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева; къ фельдмаршалу привозили изъ Дерпта вино и табакъ. Дворецкій тайкомъ продавалъ задешево эти продукты Порошилову, а онъ съ барышомъ, и уже открыто, сбывалъ контрабанду въ своей *Мармышкль*.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1718 года, рано утромъ, подъѣхала къ кабаку телѣга. Незнакомый Порошилову крестьянинъ вошелъ въ свѣтлицу и потребовалъ пива; хозяинъ завязалъ разговоръ съ пріѣзжимъ, который назвалъ себя крестьяниномъ фельдмаршала Шереметева. Слово за словомъ, хозяинъ самъ выпилъ пивца; пріѣзжій не торопился и остался обѣдать у прикащика; застольный кружокъ былъ не великъ: хозяинъ, его товарищъ по откупу, Ирина Иванова, да братъ ея, пріѣхавшій къ нимъ въ гости, Егоръ Леонтьевъ, посадскій петербургскій человѣкъ. Вино и пиво развязали языки собесѣдниковъ, и скоро разговоръ коснулся событія современнаго, кончины царевича Алексѣя Петровича. Всякій передавалъ по своему, и событіе, и свое сочувствіе къ царевичу. Долго слушалъ хозяинъ молча болтовню бабы и ея брата, но когда заговорили о Петрѣ, онъ не вытерпѣлъ и вмѣшался въ разговоръ: «Видишь какую планиту Богъ наслалъ, что сынъ на отца, а отецъ на сына... Нынѣ судьи несправедные, не право судятъ, а государь и сына своего не щадилъ... Какой онъ царь, воскликнулъ въ жару разговора Порошиловъ, сына своего, блаженной памяти (всѣ встали и перекрестились) царевича Алексѣя Петровича, заведши въ мызу, пыталъ изъ своихъ рукъ. Самъ видѣлъ.» Баба Ирина, тоже подъ хмѣлькомъ, прибавила: «Онъ Антихристъ! Да скоро конецъ, Преображенскіе солдаты хотятъ въ строю убить его.» Посадскій человѣкъ осудилъ Петра болѣе съ серіозной стороны: «Промѣнялъ онъ, государь, большаго сына своего на меньшаго, на шведскій духъ,» сказалъ Егоръ Леонтьевъ. «Да нынѣ господа хотятъ ухлопать его за неправду, потому что многую неправду въ корнѣ показалъ, весь народъ его бранить,» прибавилъ Егоръ, «и ходитъ-то онъ, государь, безъ памяти.» Пріѣзжій перемѣнилъ разговоръ на кабацкіе доходы, и сообщилъ хозяину о привозѣ къ Шереметеву новаго транспорта вина, предлагая Порошилову познакомиться

его съ дворецкимъ фельдмаршала. Порошиловъ хотя и былъ знакомъ съ дворецкимъ, но услышавъ, что вновь привезли къ фельдмаршалу много вина и табаку, умолчалъ о своемъ знакомствѣ, и попросилъ прѣзжаго свезти бабу Ирину на дворъ фельдмаршала, для покупки товара. Такъ и сдѣлано. Баба Ирина снарядилась на скорую руку, и потянулась въ Петеръ...

Гость Порошилова дорогою протрезвился, и обдумалъ свое положеніе... Впервыхъ, онъ солгалъ, назвавшись крестьяниномъ Шереметева: онъ былъ крестьянинъ князя Александра Даниловича Меншикова, по прозванію Дмитрій Макаровъ Солтановъ; потомъ весь разговоръ о царѣ и царевитѣ пришелъ ему на память. Дѣло страшное; худа на царя, *слово и дѣло!* Что если кто изъ собесѣдниковъ попадетса по какому-нибудь дѣлу подъ кнутъ, и для спасенія скажетъ за собою *слово и дѣло*, чему примѣры были безпрестанные, а въ свидѣтели поставятъ его Солтанова? Если и такъ, съ пьяна, что тоже часто случалось, закричитъ Порошиловъ или посадскій чело-вѣкъ: *слово и дѣло*, и покажетъ на Солтанова,—бѣда, опять бѣда неминучая! Пытка и смертная казнь! Съ этими тревожными мыслями, Солтановъ подвѣхалъ къ дому Шереметева. Что дѣлать? Онъ спустилъ съ телеги Ирину Иванову, а самъ ударилъ по лошади, и слѣдъ простылъ... Солтановъ рѣшился донести самому царю лично о непристойныхъ словахъ, говоренныхъ на Мартышкѣ. Но какъ объявить доносъ? Свидѣтелей постороннихъ никого не было, все родственники, да друзья; они отпрутса, и первый кнутъ будетъ на его спинѣ. Не лучше ли откровенно донести своему барину, свѣтлѣйшему? Онъ близко къ царю, и защититъ его. Въ этомъ предположеніи, Солтановъ обратился за совѣтомъ къ деньщику Меншикова. «Князь этими дѣлами не занимается,» сказалъ ему деньщикъ. Со страху Солтановъ занемогъ, и пролежалъ болѣе полу-года. По выздоровленіи, страхъ опасности, грозившей ему за бесѣду въ Мартышкѣ, не оставлялъ его, и едва оправившись, Солтановъ пошелъ съ доносомъ къ Андрею Ивановичу Ушакову, члену тайной канцеляріи.

Въ это время, въ іюнѣ 1719 года, Петръ приказалъ всѣ подобныя дѣла завѣдывать князю Ивану Федоровичу Ромодановскому, прѣхавшему на время съ преображенскою канцеляріей въ Петербургъ.

13-го іюня, Солтановъ разказалъ все Ромодановскому. 14 іюня,

рано утромъ, Порошиловъ только что успѣлъ открыть двери своего привѣтливаго домика, какъ подъѣхали двѣ телеги съ сержантомъ, и двумя солдатами Преображенскаго полка. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ привѣтомъ, но не ласковый отвѣтъ дали ему солдаты. Они схватили его и женку Ирину, заковали въ желѣзо, запечатали кабакъ и помчались въ городъ.

Порошилова съ женкой Ириной привезли прямо въ крѣпость, къ допросу, по извѣсту Солтанова.

Порошиловъ въ разспросѣ сознался, что въ прешедшемъ году, послѣ обѣда, при Солтановѣ, женкѣ Иринѣ и Егорѣ Леонтьевѣ, онъ говорилъ о пыткѣ царевича, и зналъ объ этой пыткѣ, потому что «когда царевичъ содержался подъ карауломъ въ мызѣ своей, въ четырехъ верстахъ отъ Петербурга, то въ то время на караулѣ у него былъ сынъ его помѣщика, графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ; онъ ѣздилъ къ графу Платону, и видѣлъ самъ, какъ царевичъ лежалъ въ той мызѣ пытанный. Отъ словъ же поносныхъ на царя, и о томъ, что царь пыталъ его изъ своихъ рукъ, Порошиловъ отперся.»

Разспросили женку Ирину Иванову.

Ирина объяснила о себѣ, что она жена посадскаго человѣка, Федора Федотова, который кормится отъ шитья мужскихъ шапокъ. Четыре года тому назадъ, она откупила съ Порошиловымъ кабакъ Мартышку, и живетъ съ нимъ въ одномъ домѣ, а мужъ къ ней приходитъ временемъ. Непристойныхъ словъ про царя и царевича не говорила, и ее поклепали напрасно.

Розыскъ шедъ законнымъ, установленнымъ порядкомъ, по уложенію царя Алексѣя Михайловича.

Даны очныя ставки, доносителю и обвинителямъ; на очныхъ ставкахъ каждый остался при своемъ.

Привели Егора Леонтьева, брата Ирины. Онъ жилъ прежде въ Москвѣ, былъ посадскій человѣкъ, а въ настоящую минуту жилъ въ Петербургѣ, въ Бѣлозерской слободѣ, и также кормился шапочною работою. Въ разспросѣ не сознался въ говореніи поносительныхъ рѣчей противъ его царскаго величества.

Сознанія противъ доноса не было. На другой день, 15 іюня, приступили къ пыткѣ. Андрей Порошиловъ сознался, что говорилъ непристойныя слова про царя, *съ пьана*.

Женка Ирина, послѣ 25 ударовъ, тоже созналась, что непристойныя слова, показанныя доносителемъ, она говорила, а что другіе говорили, не помнить, потому что въ то время

гораздо была пьяна, и въ томъ пьянствѣ, что говорила, сказать ничего не помнать.

Егоръ Леонтьевъ подѣ пыткой объявилъ, что говорилъ ли онъ тѣхъ непристойныхъ словъ, какъ на него доносить, онъ не помнитъ, потому что былъ пьянъ, а пуще ему помнится, что онъ тѣхъ словъ не говаривалъ.

Порядокъ розыска, установленный закономъ, пошелъ своею неумолимою постепенностію. Слѣдовало пытать три раза.

Чезъ два дня, 17 іюля, обвиненные приведены опять передъ Ромодановскаго.

Андрей Порошиловъ подѣ пыткой показалъ, что говорилъ непристойныя слова про царя съ пьяна, а про царевича о пыткѣ говорилъ со словъ встрѣтившагося ему на дорогѣ, при поѣздѣ въ мызу царевича, человека Мусина-Пушкина, Ивана Григорьева, который сказывалъ ему, что царевичъ пытанъ. (Дано ему семь ударовъ.)

Послали въ домъ графа Мусина-Пушкина за Иваномъ Григорьевымъ; графъ отвѣчалъ, что у него такого человека нѣтъ, и никогда не было.

Отъ Порошилова потребовали, чтобъ онъ сказалъ сущую правду, кто ему говорилъ о пыткѣ царевича. Порошиловъ, который можетъ-быть думалъ, что онъ отдѣлается отъ пытокъ временемъ, необходимымъ для отысканія несуществующаго человека, сознался, что показалъ на небывалаго Ивана Григорьева, «вчера при пыткѣ въ безпамятствѣ и второпяхъ, а что когда онъ ѣздилъ въ мызу государя царевича къ графскому сыну Платону, въ то время при немъ, графъ Платонъ, былъ графскій человекъ Андрей, а чей сынъ и прозвище—запamатовалъ, и у той мызы тотъ Андрей ему, Порошилову, въ разговорахъ сказывалъ одинъ-на-одинъ, что онъ государь царевичъ пытанъ, и чтобъ онъ, Порошиловъ, о томъ инымъ никому не сказывалъ, и по тѣмъ его Андреевымъ словамъ, онъ, Порошиловъ, про него, государя царевича, всѣ слышанныя слова говорилъ.»

Донсались графскаго человека Андрея, и 24 іюля привели въ преображенскую канцелярію.

Андрей Рубцовъ показалъ:

«Человекъ онъ дому Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина старинный, и живетъ у него въ домѣ въ жильцахъ. Въ прошедшемъ 1718 году, лѣтомъ, а въ какое время—не помнитъ, когда государь царевичъ Алексѣй Петровичъ былъ въ мызѣ

своей съ недѣлю или больше, подлинно не помнитъ, а для чего не знаетъ, въ то время при немъ государь царевичъ былъ всегда графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, да лейб-гвардіи Преображенскаго полка четыре челоѵка сержантовъ, а при немъ, Платонъ, былъ всегда онъ, Рубцовъ, а вышеписанный Порошиловъ къ нему, Платону, пріѣзжалъ впервые ввечеру, а для чего—не знаетъ, и въ тотъ вечеръ графъ Платонъ приказывалъ ему, Андрею, какъ утромъ будетъ Андрей Порошиловъ, а чтобъ онъ ему сказалъ, чтобъ онъ Порошиловъ ѣхалъ домой, а его, Платона, не дожидался. И какъ тотъ Порошиловъ пріѣхалъ поутру, и онъ Андрей ему сказалъ, чтобъ онъ ѣхалъ домой, теперъ-де не до того, для того что онъ, Платонъ, спалъ, а такихъ словъ, что государь царевичъ пытанъ, онъ, Андрей, Порошилову не говаривалъ, и ни отъ кого не слыжалъ; только въ одно время, а въ которое не упомянуть, какъ пріѣхалъ въ ту мызу царское величество, изъ избы его Андрея выслали вонъ, и онъ, Андрей, стоялъ въ лѣсу отъ той мызы далече, и въ то время въ той мызѣ, въ сараѣ, кричалъ и охалъ, а кто не знаетъ, и послѣ того, спустя дня съ три, видѣлъ онъ, что государь царевичъ говорилъ, что у него болитъ рука, и велѣлъ ту руку подлѣ кисти завязать платкомъ, и завязали, а для чего, и отчего та рука болѣла, не знаетъ.»

7-го августа Андрея Порошилова, Андрея Рубцова, женку Ирину Иванову, посадскаго челоѵка Егора Леонтьева, допрашивали снова подъ пыткой, въ подтвержденіе сказаннаго ими въ предыдущихъ пыткахъ. Они повторили прежнее безъ всякихъ измѣненій.

Доноситель, крестьянинъ Солтановъ, постоянно присутствовалъ при этихъ допросахъ, и 7-го августа надбавилъ еще новое обвиненіе на посадскаго челоѵка Егора Леонтьева, будто онъ говорилъ, «что, когда государя царевича не стало, и въ то время, государь на радости вырядилъ въ флаги фрегатъ и вышелъ передъ лѣтній дворець.»

Показанія были не точны, не вполнѣ согласовались между собою, и при томъ не утверждены еще установленнымъ числомъ допросовъ съ *пристрастіемъ*. Но произведенныя пытки изнурили обвиненныхъ;—дали отдыхъ, и только 2-го сентября приступили къ продолженію слѣдованія. Егора Леонтьева допросили на вискѣ; онъ показалъ: «Когда онъ былъ у вышеписаннаго Андрея Порошилова въ, гостяхъ, и въ то время были они пьяны, въ разговорахъ про царевича, а къ чему—не

помнить, тотъ Андрей Порошиловъ сперва говорилъ: «Нынѣ судьи несправедные, не право судять, а государь «я сына воего государя царевича не щадилъ, заведши въ мызу «пыталъ,» а жена Ирина Иванова говорила, что онъ государь не милостивый и сына своего государя царевича замучилъ, а про фрегатъ говорилъ, что онъ наряженъ былъ въ флаги, въ день Полтавской баталии.»

Показаніе Леонтьева о фрегатѣ было справедливо: на другой день смерти царевича, 27 іюня 1718 года, Петръ дѣйствительно праздновалъ годовщину Полтавскаго сраженія (Устряловъ т. VI, стр. 284). Но въ показаніи Леонтьева было новое обвиненіе на Ирину въ словахъ, «что государь немилостивый». Она должна была очистить себя новыми допросами. Ирина повинилась, «что говорила о царѣ, что онъ немилостивый», а говорила потому, «что когда Андрей Порошиловъ прѣхалъ изъ мызы государя царевича домой, ввечеру въ комнату сядя плакалъ, а она, Ирина, спрашивала Андрея, для чего онъ плакалъ, онъ отвѣтилъ: «Государь въ мызѣ сына своего, царевича, пыталъ», а почему онъ про это зналъ или кто ему сказывалъ, того именно Андрей ей не сказалъ.»

Всякое новое показаніе требовало новаго разспроса. Думалъ ли Андрей, горя о царевичѣ, что его слезы будутъ ему обвиненіемъ? Но отъ него потребовали оправданія въ его чувствахъ и состраданіи къ царевичу; ему предстояло только очистить себя противъ словъ, что Петръ пыталъ царевича. Порошиловъ повторилъ разказъ, какъ дошли къ нему эти свѣдѣнія, и снова запуталъ Андрея Рубцова.

«Какъ-де онъ пришелъ изъ мызы царевича домой, плакалъ, для того, какъ онъ былъ въ той мызѣ ввечеру, и вышедшій Андрей Рубцовъ, вышедъ изъ избы, ему, Андрею, говорилъ одинъ-на-одинъ: не ходи-де для Христа, поѣзжай-де прочь, что-де теперь дѣлать? И онъ его, Андрея Рубцова, спросилъ, а что-де? И къ тѣмъ словамъ онъ, Рубцовъ, молвилъ: «государь «царевича пыталъ, для Бога о томъ не сказывай.»

Андрею Рубцову «старинному» слугѣ графа Мусина-Пушкина, пришлось разказать все, какъ было. 9-го сентября привели его въ застѣнокъ, раздѣли и поставили у дыбы. Палачъ перекинулъ роковую веревку чрезъ дыбу и вложилъ руки старика въ хомутъ.

Разспросъ у дыбы, въ ожиданіи пытки, былъ страшнѣе самой пытки! Вздернутый на виску, съ каждымъ ударомъ

кнута ожидалъ, что это послѣдній, и эта надежда облегчала его страданія, подкрѣпляла его нравственныя силы; при допросѣ же у дыбы, передъ пыткой, допрашиваемый испытывалъ одно безнадежное ожиданіе неизбежныхъ мукъ. Въ время пытки, подъ ударами палача, обвиненный терялъ память, соображеніе, часто разумъ, и дѣлался безчувственнымъ, истерзаннымъ трупомъ. Въ допросѣ же у дыбы онъ съ полнымъ сознаниемъ своего положенія страдалъ еще нравственно, въ лихорадочномъ ожиданіи нестерпимыхъ истязаній.

Старикъ Андрей Рубцовъ началъ разказывать Ромодановскому, какъ пришлось ему узнать о пыткѣ царевича на мызѣ. «Когда онъ былъ съ помѣщикомъ своимъ Платономъ въ мызѣ, гдѣ былъ государь царевичъ, въ одно время помѣщикъ его приказывалъ ему, когда придетъ въ мызу царское величество, чтобъ онъ въ то время не мотался, стануть-де государя царевича пытать, да и урядники, которые въ то время стояли на караулѣ, а именъ и прозвищъ ихъ не знаетъ, ему же, Рубцову, о томъ же, чтобъ онъ не мотался, въ то же время говорили; только о томъ, для чего бы онъ не мотался, именно они ему не говорили.»

Опять новое показаніе: старикъ замѣшивалъ въ дѣло графа Платона Мусина-Пушкина и прѣображенскихъ урядниковъ. Если онъ не откажется отъ этого показанія, то придется допрашивать графа и отыскивать всѣхъ урядниковъ, бывшихъ тому годъ назадъ, въ неопредѣленный день, на мызѣ царевича. Старикъ растолковали его болтовню и вздернули на виску.

Старинный слуга графскій для молодого графа Платона пожертвовалъ собою и отказался отъ словъ своихъ. «Платонъ ему приказывалъ только, чтобъ онъ не мотался, а что стануть пытать, именно не выговаривалъ, а сперва въ разпросѣ онъ обмолвился, испугавшись второпяхъ,» сказалъ Андрей Рубцовъ подъ мѣрными ударами палача. «Въ то же время, продолжалъ Рубцовъ, по пришествіи царскаго величества въ мызу, отошелъ онъ, Рубцовъ, въ лѣсъ и смотрѣлъ, какъ вели государя царевича подъ сарай, а тамъ слышалъ въ томъ сараѣ крикъ, охаль, а кто именно—не знаетъ. Испугавшись отошелъ въ тотъ же лѣсъ далѣе, чтобы кто его не увидалъ—и больше того ничего не видѣлъ и не слышалъ; а сперва въ разпросѣ и съ двухъ пытокъ во всемъ запирался, боясь смерти.» Это показаніе онъ подтвердилъ еще 16-го сентября четвертою пыткой. Егоръ Леонтьевъ, при окончательной

пыткѣ, прибавилъ одно новое показаніе: «А что и государя весь народъ бранить, и то онъ говорилъ, а слышалъ на обжорномъ рынкѣ: стояли въ кучѣ, не вѣдомо кто, всякіе люди и межъ собой переговаривали про кончину царевича, и въ томъ разговорѣ его государя бранили и говорили, и весь народъ его государя за царевича бранить, а что онъ же, государь, ходилъ безъ памяти, и то говорилъ, потому что, когда царевича не стало, и въ тотъ день, будучи на пристани, видѣлъ его, государя, печальна.»

Розыскъ былъ конченъ 16-го сентября, съ соблюденіемъ въ точности порядка, установленнаго Уложеніемъ. Оставалось постановить рѣшеніе и выдать награду крестьянину князя Меншикова за его правдивый доносъ. 17-го сентября Ромодановскій, уѣзжая въ Москву, по приказанію Петра, передалъ все дѣло и колодниковъ въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ.

Долго, слишкомъ два мѣсяца, томились въ тюрьмѣ несчастные страдальцы; преступленіе ихъ было велико—они знали о пыткѣ царевича на мызѣ, они осуждали Петра.

«5-го декабря 1719 года, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ и отъ гвардіи капитанъ, Петръ Андреевичъ Толстой, бригадиръ и лейбъ-гвардіи майоръ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, полковникъ и лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ капитанъ-поручикъ, Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ, слушавъ сіе и выписки, приказали: вышеписаннымъ тайнаго совѣтника господина графа Мусина-Пушкина деньщику Андрею Порошилову и посадскому человѣку Егору Леонтьеву и женкѣ Аринѣ, за непристойные ихъ слова про его царское величество, которыя на нихъ вышеписанный крестьянинъ Дмитрій Макаровъ (Солтановъ) показалъ, въ чемъ они въ разспросахъ заширались, а съ очныхъ ставокъ съ нимъ Макаровымъ и съ розысковъ въ томъ повинились, и за такое ихъ воровство, по Уложенію 157 года, второй главы, первой статьи (1), учинить имъ смертную казнь, отнять головы, а человѣку его графскому Андрею Рубцову, за то, что онъ помянутому деньщику Порошилову, про царевича блаженной памяти Алексѣя Петро-

(1) Будетъ кто какимъ умысленіемъ учнетъ мыслити на государево здоровье злое дѣло, и про то его злое умысленіе, кто извѣститъ, и потому извѣту, про то его злое умысленіе сыщется допряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ и тако-го по сыску казнить смертію (Уложенія 157 г., 2 главы 1 статья).

вича говорилъ непристойныя же слова, учинить наказаніе бить кнутомъ нещадно и отдать его помѣщику по прежнему. Подписали Петръ Толстой, отъ гвардіи майоръ Ушаковъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ.»

15-го декабря 1719 года. Содержатель Мартышки, его товарищъ по откупу Ирина Иванова, и шляпный работникъ Егоръ Леонтьевъ выведены за кронверкъ Петропавловской крѣпости. У роковаго столба, дякъ тайной канцеляріи прочелъ имъ приговоръ—и палачъ отрубилъ головы несчастнымъ. Въ это же время, немного въ сторонѣ, стариннаго слугу графскаго, Андрея Рубцова, наказывали кнутомъ нещадно.

Крестьянинъ Меншикова, Солтановъ, въ тотъ же день получилъ изъ тайной канцеляріи пятьдесятъ рублей награжденія.

Домы казенныхъ, въ тѣ времена, долго оставались запечатанными и стереглись караулами, но съ Мартышкой поступили благосклоннѣе. Вскорѣ послѣ казни хозяина и хозяйки, кабачокъ, поступившій къ прежнему содержателю, былъ открытъ для проѣзжихъ, и старинные знакомые Порошилова не рѣдко, хотя и со страхомъ, вспоминали за бутылкой пива прежняго хозяина, а особенно привѣтливую хозяйку.

Г. Е.

Research money from
1966 to 1975

ПРИХОДСКІЕ СПИСКИ

ПОЭМА ГЕОРГА КРАББА ¹

III.

Вотъ нма дѣвочки-сиротки подлѣ нихъ!
 Лишившись матери на утрѣ дней своихъ,
 Отца же потерявъ еще до дня рожденья,
 Теперь начальницей надъ школою селенья,
 Старушкой набожной, въ училище взята
 Изъ состраданія малютка-сирота.
 О, какъ мнѣ нравится почтенный видъ старушки,
 Сидящей средь дѣтей въ дверяхъ своей избушки!
 Въ тотъ часъ, когда готовъ погаснуть лѣтній день,
 Когда и школьники изъ ближнихъ деревень,
 Уставши передъ ней въ лугу весь день рѣзвиться,
 Начнутъ по хижинамъ лѣнливо расходиться,—
 Въ тотъ часъ, при заревѣ пылающихъ лучей,
 Я вижу, какъ она предъ хижиной своей
 Сидитъ за Библіей и, время сберегая,
 Кончаетъ свой чулокъ, вся чтеньемъ занятая.
 Сосѣдки праздныя, лепеча всякій вздоръ,
 Спѣшать къ ней; но она, вперивъ въ нихъ строгій взоръ,
 Велитъ имъ набожно внимать, и смолкнувъ, парни
 Проходятъ мимо ихъ, гоня овецъ въ овчарни.
 Когда жъ погаснетъ день, идетъ она домой,
 Святой молитвою кончая трудъ дневной.

Но уклонился я; пришли съ младенцемъ снова,
 Опять зовутъ меня для таинства святова.

(1) Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1836 годъ были помѣщены первыя дѣсны этой поэмы Георга Крабба, переведенныя Д. Е. Мянгомъ.

«Что вздумалось вамъ дочь *Лонлицерой* (1) назвать?»
 Съ улыбкой я спросилъ садовницу; но мать:
 «Какое дѣло вамъ?» мнѣ отвѣчала въ шутку,
 И вотъ—Лонлицерой мы нарекли малютку.
 И если сынъ у нихъ родится черезъ годъ,
 Его садовникъ мой Нарцисомъ наречетъ;
 А если дѣвочка, то вѣрно мужъ ученый
 Красавицѣ своей дастъ имя Белладоны (2).
 Нашъ садоводъ—большой любитель громкихъ словъ:
 На сельскихъ сходбищахъ онъ любитъ простаковъ
 Дивить латинскими названьями растений.
 Тутъ *Rhododendron*, *Rhus* предметъ его суждений
 И даже *Allium*: ботаники знатокъ,
 Такъ величаетъ онъ нашъ лукъ, простой чеснокъ.
 Онъ грубымъ именемъ и травки не обидитъ,
 Во всякомъ были цвѣтокъ онъ чудный видитъ.
 Гдѣ горькую въ поляхъ встрѣчаемъ мы полынь,
 Тамъ Артемизию найдетъ его латынь;
 Чтò *одуванчикомъ* слыветъ у насъ въ народѣ
 (Есть и грубѣй ему названья въ этомъ родѣ),
 Тому *Leontodon* онъ имя придаетъ,
 И *Orchis*—чтò у насъ ятрышникомъ слыветъ.
 Но хоть и видитъ онъ во всякой травкѣ диво;
 Однакожъ ни щавель, ни жгучая крапива
 Не смѣютъ ростъ въ его расчищенномъ саду,
 Гдѣ онъ сенецимъ сажаетъ на гряду.
 Самъ Дарвинъ (3), кажется, не съ бóльшимъ наслажденьемъ
 Пѣлъ о любви цвѣтовъ съ весеннимъ пробужденьемъ,
 Съ какимъ мой Питеръ Праттъ простой нашъ учитъ людъ
 О томъ, какъ пестики, тычинки вѣстаютъ,
 Какъ приклоняются какъ будто къ изголовью
 Онѣ одна къ другой съ супружеской любовью
 (Вѣдь въ томъ, чтò пестикомъ, тычинкой встарину
 Считали, видитъ онъ и мужа, и жену),
 И какъ онѣ живутъ, какъ любятъ страстью нѣжной
 Другъ друга въ тишинѣ подъ сѣнью безмятежной
 За брачнымъ пологомъ, который мы зовемъ,
 Профаны темные, неправильно цвѣткомъ.
 Гонясь за славою, такъ садоводъ ученый
 Дивить своихъ друзей наукою мудреной...
 Да! слава всѣмъ мила, и всѣ мы какъ-нибудь

(1) *Lonicera*—Жимолость.

(2) *Белладона*—Ночная красавица.

(3) Дарвинъ, англійскій врачъ и фязіологъ, авторъ дидактической поэмы въ двухъ книгахъ: *Botanic Garden*.

Желали бѣ въ храмъ ея найти кратчайшій путь.
 Не прочь ея награды и селянинъ убогій,
 И онъ стремится къ ней проселочной дорогой.
 Одинъ гордится тѣмъ, что врядъ ли кто въ селѣ
 Такъ прямо борозду прорѣжетъ на землѣ,
 Какъ плугъ его; другой тѣмъ славенъ (и не даромъ!),
 Что можетъ сбить заразъ всѣ девять кеглей шаромъ;
 Тотъ, шапку странную надѣвъ, забавитъ всѣхъ
 И радъ-радехонекъ, что возбуждаетъ смѣхъ;
 Иль бьется объ закладъ, что цѣлую недѣлю
 Въ ротъ, пьяный, не возьметъ ни капли, кромѣ элю;
 А этотъ, именовъ забавнымъ окрестивъ
 Младенца, думаетъ, что вѣчно будетъ живъ.

Разъ наши старики, чтобъ окрестить находку
 И именовъ наречь, явились всѣ на сходку,
 Явились, сѣли вокругъ, и пренье началось.
 Тутъ много споровъ шло, судили вкривъ и вкось
 Насчетъ подкидыша, котораго въ оврагѣ
 Въ ночи оставили какіе-то бродяги.
 Сперва возникъ вопросъ: «Да вправду ли нашамъ
 Ребенка? Пусть внесутъ!» Ребенка принесли.
 «Что жъ дѣлать съ нимъ? Кому отдать на понеченье?
 Онъ мертвый, или живой?»—Чтобъ разрѣшить сомнѣнье,
 Щипнули бѣднаго, онъ страшный поднялъ вой
 И разомъ доказалъ, что мальчикъ онъ живой.
 «Но чѣмъ же именовъ мы назовемъ малютку?»
 Спросилъ одинъ, и всѣ смутились не на шутку:
 Вѣдь именовъ своимъ назвавши молодца,
 Пожалуй, прослывешь и за его отца!
 Какъ быть?—«Кто Ричардъ здѣсь? Никто? такъ имя это
 Пусть съ нимъ останется!» былъ приговоръ совѣта.
 Затѣмъ узнали день, когда несчастный ткачъ,
 Нашедшій мальчика, во рву слышалъ плачъ:
 «Такъ будь же *Мондесмъ* (1), нашъ маленькій бездѣльникъ
 Ужъ если ты во рву былъ найденъ въ понедѣльникъ!»
 Потомъ поднялся споръ: «Чѣмъ мальчика кормить,
 Затѣмъ что негодяй, конечно, хочетъ жить!»
 Рѣшивъ и этотъ пунктъ по обсужденіи зрѣломъ,
 Вити, гордые ораторствомъ и дѣломъ,
 Отправились домой съ великимъ торжествомъ,
 А *Ричардъ Мондей* былъ внесенъ въ рабочій домъ.
 Тамъ били мальчика, тиранили, томили,
 И сѣкли каждый день, и впроголодь кормили.

(1) *Monday*—понедѣльникъ.

Онъ ко всему привыкъ; безъ ропота и слезъ
 Онъ участь горькую, какъ рабъ покорный, несъ,
 Всегда увертливый, предъ всѣми молчаливый,
 Къ побоямъ сносливый, къ обидамъ терпѣливый,
 Съ податливой душой, готовый завсегда
 На все безчестное безъ страха и стыда.
 Казалось—такъ умѣлъ онъ ловко притворяться!
 Въ немъ вѣчно-сонный духъ не могъ и пробуждаться.
 Бранить и бить его послѣдній нищій могъ,
 Онъ нищему служилъ скамейкою для ногъ.
 На побѣгушкахъ вѣкъ, онъ былъ у всѣхъ въ наукѣ,
 На все Ричардовы употреблялись руки.
 И тѣломъ и душой ворами принадлежа,
 Онъ по приказу красть, безъ выгодъ дѣлежа.
 Какой бы споръ въ селѣ, бывало, ни случился,
 Онъ лгалъ за каждого, за каждого божился;
 Во всякой дракѣ онъ къ сильнѣйшимъ приставалъ,
 При каждомъ слѣдствіи ихъ первый выдавалъ.
 А между тѣмъ, во всемъ, снискавъ дурную славу,
 Онъ къ каждому умѣлъ подлаживаться нраву;
 У всѣхъ въ презрѣніи за низость чувствъ; межъ тѣмъ,
 Для всѣхъ услужливый, онъ полюбился всѣмъ.
 Однажды слышитъ онъ: «Пора, сказали, въ море
 Отправить Ричарда!»—и Ричардъ скрылся вскорѣ—
 Куда? никто не зналъ, и міръ рѣшилъ, что онъ
 Повѣсилъ съ тоски, извѣстиемъ утрашенъ.
 Лишась услугъ его, сначала потужили
 О бѣдномъ мальчикѣ, потомъ — о немъ забыли.

А онъ межъ тѣмъ постигъ секретъ, какъ въ свѣтѣ жить;
 Онъ былъ не глупъ; къ тому жъ имѣлъ талантъ хитрить,
 Умѣлъ онъ каждого плѣнять пріятнымъ взоромъ,
 И словомъ ласковымъ, и льстивымъ разговоромъ,
 Одну лишь мысль тая у сердца, мысль—себѣ
 Устроить будущность наперекоръ судьбѣ.
 И какъ издалека влечетъ магнитъ могучій
 Стальные крупинки изъ каждой сорной кучи,
 Такъ, вѣрный выгодамъ своимъ, и нашъ герой
 Умѣлъ во всемъ найти источникъ золотой,
 И, эту цѣль одну имѣвъ всегда въ предметъ,
 Ни друга, ни врага не нажилъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Такъ долго онъ для насъ потерянъ былъ; но вдругъ
 Нежданно къ намъ въ село объ немъ доходить слухъ.
 Въ газетахъ разъ прочли мы новость въ черной рамкѣ:
 «Сэръ-Ричардъ Мондей жизнь въ Мондейскомъ кончилъ замкѣ.»

Богатства страшныя оставилъ онъ женѣ,
 И дочерямъ своимъ, и внукамъ, всей роднѣ.
 Онъ завѣщалъ притомъ большіе капиталы
 Библейскимъ обществамъ и сдѣлалъ вкладъ не малый
 На пользу низшихъ школъ, увѣчныхъ и нѣмыхъ,
 Велѣвъ имъ библии раздать изъ суммъ своихъ.
 А нашему селу, гдѣ выросъ онъ убогій,
 Оставилъ, подчинивъ ответственности строгой,
 Въ два фунта капиталъ, чтобъ на его доходъ
 Хлѣбъ нищимъ покупать четыре раза въ годъ,—
 Ничтожный, жалкій даръ, дававшій знать приходу,
 Что помнилъ онъ нашъ хлѣбъ и дѣтскихъ лѣтъ невзгоду!

За этимъ въ томъ году по сыну Богъ послалъ
 Вамъ, наши богачи, Финчъ, Френчъ и Миддлгаллъ.
 А рядомъ съ вами здѣсь и Барнаби показанъ—
 Несчастный Барнаби, онъ вновь женой наказанъ!
 Смирнѣйшій изъ людей, онъ служитъ круглый годъ
 Для нашихъ фермеровъ предметомъ ихъ остротъ.
 Вонъ подлѣ хижины сидитъ бѣднякъ печально,
 А вокругъ насмѣшники трунять надъ нимъ нахально,
 То хвалятъ скотъ его, то сбрую лошадей,
 То знать хотять, что далъ онъ за своихъ коней.
 «Скажи, гдѣ ты купилъ овецъ такой породы?
 Чай, то-то страшные даютъ тебѣ доходы?
 Гдѣ прячешь деньги ты? Открой же намъ секретъ,
 Съ чего разбогатѣлъ такъ сильно ты, сосѣдъ?
 У насъ есть дочери; но, бѣдныя, боятся,
 Что сыновьямъ твоимъ въ невѣсты не годятся.
 Есть сыновья у насъ, да врядъ ли кто изъ нихъ
 Годится въ женихи для дочерей твоихъ!»
 Такъ издѣваются; а Джемсъ, убитый, блѣдный,
 Сидитъ, потуша взоръ, и все вздыхаетъ бѣдный;
 Но этимъ лишь сильнѣй забавитъ остряковъ—
 Несчастный Барнаби, бѣднякъ изъ бѣдняковъ!

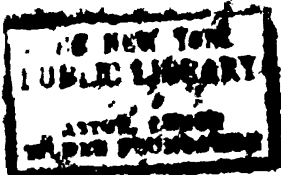
Между послѣдними въ графѣ новорожденныхъ
 Вотъ пятеро сиротъ, изъ жалости внесенныхъ
 По смерти ихъ отца чужими въ этотъ листъ,
 Затѣмъ что не хотѣлъ нашъ сельскій атеистъ
 Вплоть до послѣдняго ужаснаго мгновенья
 Надъ ними совершить святой обрядъ крещенья.
 Угрюмый, онъ одинъ жилъ съ ними въ рошѣ той,
 Гдѣ бродить, говорятъ, мертвецъ во мглѣ ночной.
 Онъ въ сельскихъ кабакахъ всѣхъ увѣрлялъ, бывало,
 Что въ жизнь грядущую не вѣрнѣтъ онъ ни мале;

Что если грѣшника засыпали землей,
 Онъ будетъ вѣчно спать въ могилѣ, какъ святой;
 Что самъ пасторъ, уча, что въ рай и адъ онъ вѣритъ,
 Иль жетъ изъ выгоды, иль просто лицемѣритъ;
 Что жизнь за гробомъ—бредъ; что каждый, наконецъ,
 Кто признаетъ ее, ханжа или глупецъ.
 Отъ клерка нашего набравшись этихъ правилъ,
 Онъ собственнымъ умомъ развилъ ихъ и добавилъ.
 Онъ въ ужасъ набожныхъ старушекъ приводилъ
 Своимъ невѣріемъ, которому училъ,
 И многія изъ нихъ, когда ему внимали,
 Въ чертахъ лица его со страхомъ узнавали
 Черты ужасныя нечистаго врага,
 Копыта на ногахъ, на головѣ рога.
 За то отъявленный невѣрья проповѣдникъ
 Для нашихъ пьяницъ былъ и вождь, и собесѣдникъ,
 Хоть послѣ пира съ нимъ, проспавшись, иль когда
 Случалось имъ хворать, сгорали отъ стыда.
 Его боялись всѣ. Предъ грознымъ якобинцемъ
 Дрожалъ смотритель самъ надъ герцогскимъ звѣрницей,
 Гдѣ истреблялъ онъ дичь. Онъ въ шайку игроковъ
 Былъ мастеръ завлекать несчастныхъ простаковъ;
 Онъ нужды изверговъ, согласно духу вѣка,
 Преважно величалъ «правами человѣка»;
 О дѣтяхъ не имѣлъ заботы никакой
 И самый бракъ считалъ обузою пустой. —
 Что время сдѣлало надъ хищникомъ суровымъ,
 Не знаю: онъ всегда казался мнѣ здоровымъ.
 Разъ на недоброе пошелъ онъ ремесло;
 Ночь бурная была, и въ роцѣ мостъ снесло
 Ручьемъ разлившимся; онъ, видно, остушился,
 Упалъ въ глубокой ровъ и пьяный утопился,
 И если правда то, чему училъ народъ,
 Теперь онъ вѣчнымъ сномъ заснулъ въ пучинѣ водъ.

Вотъ нѣсколько именъ! Средь жизненнаго моря,
 Встрѣчая тихій вѣтръ, иль съ непогодой споря,
 Плыветъ ихъ утлый чолнъ; но скорѣ какъ напасть,
 Какъ буря грозная, въ нихъ забушуетъ страсть.
 Тутъ будетъ нуженъ имъ попутчикъ сердцу милый,
 Помощникъ въ бѣдствіяхъ, другъ въ жизни ихъ унылой,
 Какой же помощи, какихъ утѣхъ и бѣдъ
 Отъ брака ожидать возможно въ цвѣтѣ лѣтъ,—
 Объ этомъ свой отчетъ мы вслѣдъ за симъ представимъ,
 И въ пристань между тѣмъ на отдыхъ чолнъ направимъ.

Дмитрій Минъ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ

1860

НОМЕРЪ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I.—ГАРМОНИЯ ВЪ ПРИРОДѢ. А. Н. БЕКЕТОВА.
II.—ТИХІЙ ОКЕАНЪ. I. Сандвичевы острова. . . А. В. ВЫШЕСЛАВСКАЯ.
III.—ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ И ЗЕМСКІЕ
БАНКИ. IV. Л. В. ГЕЧЕВИЧА.
IV.—ЧЕТЫРЕ ГЕОРГА. Очерки обычаевъ, нрав-
ственности, придворной и городской жизни.
Статья Теккерея. Георгъ Третій.
V.—КОНЕЦЪ ВПЕРЕДИ.—I.—IX. Н. БИЦЫНА.
VI.—THE OLDNESS. Ю. А. ВОДЪОВА.
VII.—РЕЙНЪ. (Изъ Гейне). В. И. ВОДОВОЗОВА.
VIII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (*См. на оборотѣ.*)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- Жизнь за жизнь (A life for a life). Романъ, соч. автора Джона
Галифакса. Переводъ съ англійскаго. VI.—XV.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

ГАРМОНИЯ ВЪ ПРИРОДѢ

Живо помню нѣкоторые лѣтніе дни, проведенные мною среди лѣсовъ одного глухаго уголка, верстахъ въ сорока отъ Москвы. Помню небольшой ручеекъ, торопливо катящій свои воды поразноцвѣтнымъ камнямъ. Въ верхней части своего теченія, ручеекъ этотъ на лѣто пересыхаетъ, образуя рядъ кругловатыхъ яминъ, называемыхъ *бочагами*; вода въ нихъ сохраняется вплоть до зимы, и, отстаиваясь, дѣлается прозрачною какъ хрусталь, тогда какъ весеннее русло ручья зарастаетъ густою, цвѣтистою травой. Особенно памятны мнѣ круглые бочаги около еловаго бора; передъ началомъ этого бора, долина ручейка заставлена старымъ, полуиссохшимъ осиновымъ деревомъ, съ группой елей и густыми кустами вокругъ. Когда проберешься чрезъ частый кустарникъ и сядешь отдохнуть подъ темными деревьями, отдѣвающими холмъ, вдохнешь мягкій воздухъ и взглянешь передъ собою, то, кажется, будто попалъ въ новый міръ. По ту сторону большой осины, за кустами, все еще видны слѣды человѣка — ржаныя поля, далѣе барскій садъ, тамъ низкій, порубленный лѣсокъ, — а здѣсь все свѣжо, тихо и неприкосновенно.

Какая бы ни была на душѣ непріятная забота, здѣсь скоро забудешься и отдохнешь въ тихомъ созерцаніи.

Что же здѣсь дѣйствуетъ такъ успокоительно?

Вдали лѣсъ, вѣнчающій легкія возвышенности; за вами и

около васъ высокія, пирамидальныя ели, долинка, поросшая свѣжею травой и знакомыми цвѣтами; за нею веселая осиновая рощица; у ногъ вашихъ бочаги съ прозрачною водою, а надъ головой сводъ небесный, съ легкими бѣлыми облаками...

Все это вмѣстѣ, несмотря на простоту свою, такъ успоительно дѣйствуетъ на душу! Пахнетъ ли изъ лѣсу сыростию и грибами, запахомъ смолы или цвѣтовъ стройной любки, зашедеститъ ли осиновый листъ, или послышится среди глубокой тишины вепархиваніе мелкой птицы—все тотъ же миръ спускается на васъ, навѣвая не лѣнь, а сладкое успокоеніе. Крутые берега бочага устланы сочными лепешечками мха; съ песчаного дна его поднимаются нѣжныя водяныя растенія; на поверхности воды проворно бѣгаютъ длинноногіе пауки, отбрасывая удлинненныя тѣни свои на гладкіе камешки и сѣроватыя листья, покрывающіе дно; — вы разсматриваете всѣ эти подробности, и чувствуете все то же успокоительное впечатлѣніе. Вы завидѣли здоровый бѣлый грибокъ; темнубурая шляпка его бодро нахлобучена на короткую ножку, которая снизу вздута и облеплена мелкими, нѣжнѣйшими листиками мха, впечатлѣніе не измѣняется: оно, можно сказать, только развивается. Ко всѣмъ этимъ предметамъ чувствуется какое-то влеченіе, невольное расположеніе и любовь, все это кажется близкимъ, роднымъ и милымъ. И куда ни попадетъ человекъ, всюду природа сохраняетъ для него эту невыразимую привлекательность; среди чуждыхъ людей и нравовъ, въ природѣ всегда найдется что-либо близкое его сердцу, ибо въ главныхъ чертахъ она вездѣ одна и та же.

Понятно въ человекѣ это влеченіе къ природѣ: онъ самъ есть часть этой природы и живетъ съ нею одною жизнью; со всѣмъ, что ни есть въ природѣ, находится онъ въ связи, въ стройномъ согласіи, въ гармоніи. И если искусственная среда городской жизни подчасъ ослабляетъ сознаніе этой гармоніи, то оно легко восстанавливается, лишь только человекъ попадетъ на волю, лишь только грудь его вдохнетъ свѣжій воздухъ полей и лѣсовъ. Гармоническая связь человека съ природой несомнѣнно показываетъ, что та же связь должна существовать и между остальными явленіями природы; часто она даже очевиднѣе, если не тѣснѣе, первой. Задача науки состоитъ именно въ томъ, чтобы уразумѣть законы мировой гармоніи, и въ этомъ отношеніи всѣ науки составляютъ одно нераздѣльное цѣлое.

Человѣку, погруженному единственно въ «заботы суетнаго свѣта», нерѣдко смѣшно бываетъ видѣть, какъ ученый *терять* время на изученіе незначительныхъ по видимому фактовъ; но если вспомнить, что каждый атомъ матеріи находится въ связи со всѣми матеріальными частями вселенной, что онъ составляетъ одно изъ звеньевъ міра, то настойчивость ученаго вовсе не покажется смѣшною.

По нѣкоторымъ отрывочнымъ фактамъ и по общему впечатлѣнію, производимому на насъ природою, еще нельзя заключать о существованіи міровой гармоніи, ибо, вникая нѣсколько глубже въ сущность вещей, мы безпрестанно встрѣчаемъ факты, говорящіе какъ бы противъ общаго впечатлѣнія, указывающіе повидимому на случайность бытія, на разладъ между частями цѣлаго. Это происходитъ отъ того, что намъ бросается въ глаза только общая связь явленій, и мы не понимаемъ, какимъ образомъ одно явленіе опредѣляетъ другое, одна форма вызываетъ другую. Но изучая атомъ за атомомъ, измѣряя и взвѣсивая взаимныя вліянія простѣйшихъ и малѣйшихъ частицъ, и переходя отъ нихъ къ болѣе-сложнымъ, мы можемъ достигнуть до уразумѣнія высшихъ законовъ міроваго согласія, подобно тому какъ архитекторъ вычисляетъ размѣры каждаго камня, каждой капители, колонны, свода, башни... и наконецъ достигаетъ до сооруженія прочнаго и гармоническаго зданія. Этимъ-то медлительнымъ, но вѣрнымъ путемъ, подвигается наука и ученый, ее созидающій.

Сначала постараемся вникнуть въ жизнь природы, дабы убѣдиться, что дѣйствительно существуетъ та связь явленій и формъ, которую каждый изъ насъ предчувствуетъ уже потому, что составляетъ частицу общаго цѣлаго. Для этого мы останемся на землѣ, и ограничимся окружающими насъ явленіями въ мірѣ живыхъ существъ—растеній и животныхъ.

Въ этой обширной и разнообразной средѣ, замѣчаемъ мы два ряда гармоническихъ явленій: приспособленіе каждой части каждаго существа къ его физической дѣятельности, и приспособленіе существа къ той средѣ, въ которой оно дѣйствуетъ. Надѣюсь, что эта двоякая связь ясно откроется передъ читателемъ, если онъ вмѣстѣ со мною броситъ бѣглый взглядъ на разнообразныя формы растеній и животныхъ, также какъ и на многочисленныя проявленія жизни ихъ.

Начало всякаго живаго существа есть малѣйшій зачатокъ, незамѣтный для простаго глаза, прозрачный шарикъ, напол-

ненный живую жидкостію. Мелкость зачатковъ есть первый *гармоническій фактъ* въ мірѣ живыхъ существъ, ибо эта мелкость сильнѣе всего остальнаго ведетъ зачатки къ ихъ послѣдней цѣли, къ распространенію и сохраненію существъ органическихъ. Отъ этого перваго гармонирующаго явленія, отъ органическихъ зачатковъ, мы и начнемъ свои наблюденія.

Появляются ли еще въ настоящее время зачатки новыхъ живыхъ существъ, и какъ они появляются, это вопросы, до насъ не касающіеся; но мы ясно видимъ, что каждое изъ извѣстныхъ растеній и животныхъ одарено способностію производить и отдѣлять отъ себя разные зачатки себѣ подобныхъ существъ. Ближайшая, общая цѣль этихъ зачатковъ есть, очевидно, какъ мы уже сказали, сохраненіе на землѣ живыхъ формъ, ихъ производящихъ. Такъ какъ зачатки живыхъ существъ весьма разнообразны, то нельзя говорить о нихъ вдругъ, а потому начнемъ съ растеній.

Одни изъ растительныхъ зачатковъ не иначе появляются на родномъ растеніи, какъ вслѣдствіе особаго жизненнаго акта: *оплодотворенія*; эти зачатки называются *крупинами размноженія* (спорами), или *зародышами*. Въ послѣднемъ случаѣ, зачатокъ всегда снабженъ покровами и, вмѣстѣ съ этими покровами, называется *сѣменемъ*. Слѣдовательно, сѣмя есть зародышъ, одѣтый покровами. Другіе растительные зачатки образуются безъ предварительнаго акта оплодотворенія. Способы ихъ образованія, ихъ формы и количество, чрезвычайно различны: сюда относятся, напримѣръ, луковичы, подземныя шишки, клубни, разные побѣги и проч.

Вникая въ явленіе размноженія растеній, мы невольно поражены слѣдующимъ общимъ закономъ: *чѣмъ растеніе легче подвержено истребленію, тѣмъ многочисленнѣе его средства къ размноженію*. Количество сѣменъ вообще тѣмъ значительнѣе, чѣмъ растеніе проще построено; а съ простотой организаціи всегда соединена непрочность тканей, ихъ мягкость и кратковременность существованія. Съ другой стороны, растенія даже и сложнаго строенія, но скоропреходящія, также производятъ болѣе сѣменъ нежели растенія долговѣчныя. Сравнимъ, напримѣръ, липу и макъ. Старое, но еще здоровое дерево покрывается, по видимому, несчетными плодами, а объемъ его, по крайней мѣрѣ, въ тысячу разъ болѣе любаго куста снотворнаго мака; но сравненіе наше только тогда будетъ вѣрно, когда мы не цѣлуя липу станемъ сравнивать съ кустомъ

мака, а возьмемъ только вѣтку ея, равную по объему величинѣ маковаго куста. Тогда окажется, что такъ какъ каждый плодъ липы содержитъ только по одному сѣмени, а плоды располагаются лишь по краямъ вѣтки, то самая большая вѣтвь приносить не болѣе трехъ или четырехъ тысячъ сѣменъ; напротивъ того, одна головка спяточнаго мака (*Papaver somniferum*) содержитъ до 3.000 сѣменъ, а цѣлый кустъ болѣе тридцати тысячъ! Черезъ четыре года сѣмена эти могутъ возрасти до неизмѣрнаго числа (1.025.000.000), такъ что еслибы всѣ они разрослись въ маковые кусты, то въ теченіи четырехъ лѣтъ вся земная поверхность покрылась бы однимъ макомъ,—и все отъ одного сѣмечка! Мы однакоже не ограничимся этимъ единственнымъ примѣромъ. Самыя простыя (несложныя) растенія, какъ-то водоросли и грибы, вмѣстѣ съ тѣмъ суть и самыя нѣжныя, то-есть хрупкія; а между тѣмъ каждая изъ кѣлочекъ водоросли (ковъхъ въ составъ одного экземпляра нерѣдко входитъ билліонъ билліоновъ), способна разростись въ новое растеніе. Въ одномъ экземплярѣ гриба *Reticularia maxima*, Фризь насчиталъ болѣе десяти милліоновъ споръ или крупинокъ размноженія. На Атлантическомъ океанѣ, между 19° и 34° с. ш., простирается такъ-называемое *саргассовое море*: это не что иное, какъ громадное накопленіе плавающихъ морскихъ водорослей, покрывающихъ собою площадь величинной около 80.000 квадратныхъ миль, то-есть только двадцатью тысячами квадратныхъ миль меньше поверхности всей Европейской Россіи и въ шесть или семь разъ больше всей Германіи. Это саргассовое море все состоитъ изъ одного и того же вида водоросли (*Fucus patans*); оно существуетъ тутъ, вѣроятно, съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда Атлантическій океанъ установился въ настоящихъ берегахъ своихъ,—о немъ упоминаетъ еще Колумбъ; — а между тѣмъ пловучій фукусъ мягокъ и очень легко разрывается: гигантскія волны океана всячески рвутъ его, множество травоядныхъ черепахъ имъ питаются,—и все-таки количество его остается неизмѣннымъ. Дѣло въ томъ, что кромѣ неисчислимаго множества споръ, производимыхъ этимъ фукусомъ, каждая изъ отторгнутыхъ его частицъ способна разрастаться, превращаясь опять въ новое растеніе.

Такою же способностію безконечно размножаться дѣленіемъ обладаютъ и всѣ прѣсноводные водоросли. Впрочемъ, несмотря на свою дробимость, по всей вѣроятности онѣ не удер-

жалась бы на сѣверѣ, при тѣхъ сильныхъ морозахъ, которые леденятъ до самаго дна воды рѣкъ и озеръ, ими обитаемыхъ: но для этого онѣ снабжены особаго рода воспроизводительными крупинами, покрывающимися крѣпкою пленкой и выпадающими, подобно сѣменамъ, въ летаргію, на время зимы или засухи. Минуютъ морозы или жары, и незамѣтные зародыши этихъ водорослей начинаютъ проростать, а если изсякла вода на прежнемъ мѣстѣ ихъ жительства, то онѣ вѣтромъ поднимаются на воздухъ и носятся мириадами, пробѣгая иногда по тысячѣ верстѣ, пока не найдутъ хотя капли воды для своего прорастанія.

По всей вѣроятности, зародыши грибовъ распространены въ воздухѣ не менѣе зародышей водорослевыхъ, ибо, по крайней мѣрѣ, три четверти каждаго гриба состоятъ изъ споръ. Лишайники, строеніе коихъ по большей части не сложнѣе грибовъ, довольно жестки, но чрезвычайно легко подвергаются истребленію: малѣйшее насѣкомое способно ихъ точить, ударъ клювомъ какого-нибудь дятла или острый зубъ бѣлки, тотчасъ можетъ разорвать лишайникъ и сбросить съ древеснаго пня, на которомъ онъ лѣпится; а между тѣмъ окончательно истребить его, кажется, нѣтъ никакой возможности. Не говоря уже объ огромномъ количествѣ споръ у лишайниковъ, и о томъ, что бѣльшая часть клѣточекъ способна производить такъ-называемыя *споридии* или шарики, разрастающіеся въ новыя растенія, — лишайники всего лучше предохранены отъ истребленія своею *живучестью*: высушите такое растеніе какъ угодно, оставьте его десятки лѣтъ лежать въ сухомъ мѣстѣ, — потомъ смочите водой и, пожалуй, еще разорвите хоть на пятьдесятъ кусковъ, и каждый кусокъ опять начнетъ жить и разрастаться. Итакъ, дѣйствительно можемъ сказать, что растенія простѣйшія и наиболѣе подверженныя истребленію — водоросли, грибы, лишайники снабжены самыми многочисленными средствами къ размноженію. У мховъ, одаренныхъ крѣпкими, деревянистыми стебельками, средства эти уже не такъ многочисленны. Правда, что мхи производятъ еще огромное количество сѣменъ, но они далеко не такъ дробимы, какъ водоросли и лишайники, а произведеніе споръ у нихъ совсѣмъ не такъ легко, какъ у грибовъ. Случается даже, что многіе изъ нихъ долгое время не въ состояніи принести плода. Такіе мхи погибли бы неминуемо, если бы не имѣли способности пускать новыя побѣги и

особыя почки, сами собою отдѣляющіяся отъ роднаго растенія.

Папоротники, которые гораздо крупнѣе мховъ и обладаютъ большими, иногда даже древовидными стеблями, производятъ свои зародыши еще съ большимъ трудомъ нежели мхи; но и они способны размножаться побѣгами. Наконецъ, всего затруднительнѣе размноженіе въ растеніяхъ цвѣтковыхъ, особенно тѣхъ, которые одарены древовидными стволами.

Разсмотрѣвъ подробно рядъ цвѣтковыхъ растительныхъ семействъ, замѣчаемъ, что и между ними повторяется опять тотъ же законъ: тѣмъ растеніе легче подвержено истребленію, тѣмъ многочисленнѣе его средства къ размноженію. Примеръ мака и липы уже подтверждаетъ эту истину, но одного примера, безъ сомнѣнія, недостаточно.

Ель, сосна и другія хвойныя одарены необычайно-могучею организаціей; къ числу хвойныхъ относится самое громадное изъ всѣхъ извѣстныхъ деревьевъ — *веллингтонія* (1). Крѣпость древесины, большое распространеніе корней и даже самое обиліе смоль, сообщаютъ хвойнымъ деревьямъ силу противиться вреднымъ вѣшнимъ вліяніямъ, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ и тысячелѣтій, — а между тѣмъ размноженіе ихъ совершается почти исключительно обменами, ибо выводить хвойныя растенія отводками удается лишь самымъ искуснымъ садовникамъ.

За то ветла, различные тополи, осокорь, — осина, — представляютъ совершенную противоположность хвойнымъ деревьямъ: мягкій, дряблый стволъ подвергается ихъ всякимъ нападкамъ, со стороны природы и человека; но каждый прутикъ, каждый кусокъ прута, могутъ принятыя какъ нельзя лучше, и самые корни даютъ многочисленныя побѣги. То же видимъ и на бузинѣ: это деревцо по преимуществу дряблое, а между тѣмъ почти нѣтъ возможности изгнать его изъ сада,

(1) Веллингтонія (*Wellingtonia gigantea*) открыта весьма недавно въ Калифорніи. Это хвойное дерево достигаетъ неимоверной вышины, 320 и даже 400 футовъ, и толщины отъ 20 до 30 фут. въ діаметръ; обхватить его могутъ, приблизительно, 15 человекъ. По счету годичныхъ слоевъ одного срубленнаго дерева, ему оказалось 3.000 лѣтъ. Съ этого дерева сняли кору, поставили ее стѣною, устлали полъ коврами и устроили такимъ образомъ комнату, въ которой помѣстился рояль и сорокъ человекъ посѣтителей. Въ другой разъ, въ этой же корѣ свободно помѣщались 140 человекъ дѣтей.

когда оно разъ забралось туда: если, истребляя и вырывая его многочисленные подземные побѣги, вы хотя малѣйшую частицу ихъ оставили въ землѣ, то на слѣдующую весну, а можетъ-быть и въ то же лѣто, они вылѣзутъ наружу и снова приведутъ васъ въ отчаяніе своею живучестью.

Но это все деревья или деревца; возьмемъ теперь траву, напримѣръ хоть *пырей* (*Triticum repens*), составляющій истинное горе сельскихъ хозяевъ. Это многолѣтнее растеніе, однажды засѣявшись гдѣ-нибудь, уже не легко изгоняется, а между тѣмъ повидимому нѣтъ ничего легче, какъ выдернуть его вонъ. Дѣло въ томъ, что подъ землей оно такъ обильно вѣтвится, что невозможно даже и плугомъ выкопать всѣхъ его побѣговъ, одаренныхъ необыкновенною живучестью. Для пырея, пожалуй, въ сѣменахъ надобности нѣтъ, потому что онъ и безъ того размножается сильно. Подобными подземными побѣгами, въ видѣ луковицъ, шишекъ, вѣтвящихся подземныхъ стеблей и проч., снабжено безчисленное множество травъ, которыя въ надземныхъ частяхъ своихъ весьма легко истребляются, а въ подземныхъ, можно сказать, никогда. Можно быть вполне увѣреннымъ, что степи юго-восточной и южной Россіи, никогда еще не паханныя, производятъ тѣ же самыя травы, какія производили онѣ во времена переселенія варваровъ, и что ковыль, пырей, горошки, клевера, полыни, чертополохи, которыми кормятся теперешнія овцы, лошади и верблюды, произошли отъ тѣхъ самыхъ подземныхъ стеблей, что росли во времена Скнязовъ, можетъ-быть даже и прежде: очень вѣроятно, что эти травы старѣе многихъ древнихъ лѣсовъ западной Европы и Россіи.

Итакъ, повторяю еще разъ: чѣмъ легче растеніе подвержено истребленію, тѣмъ бѣльшими одарено оно средствами къ размноженію. Слѣдовательно, цвѣтковыя растенія имѣютъ меньше средствъ къ размноженію нежели безцвѣтковыя.

Законъ этотъ, по справедливости, можно назвать однимъ изъ очевиднѣйшихъ проявленій гармоніи въ природѣ, въ ряду явленій размноженія. Если теперь обратимъ вниманіе на болѣе-мелкія приспособленія органовъ размноженія растеній, то и тутъ на каждомъ шагѣ встрѣтимъ гармоническіе факты.

Мы видѣли, что растительные зачатки, называемые спорами и сѣменами, образуются вслѣдствіе оплодотворенія: актъ этотъ, вообще говоря, совершается двумя способами. Оплодотворяющія частицы тѣхъ растеній, у которыхъ сѣмена замѣнены

спорами или воспроизводительными крупинами, суть микроскопическія нити или шарики, называемые *живчиками* и одаренные весьма быстрымъ движеніемъ. У сѣменныхъ растеній оплодотворяющія частицы суть маленькіе шарики, едва видные простымъ глазомъ и называемые *цѣтлею*.

Самое движеніе живчиковъ способствуетъ къ оплодотворенію; что же касается до оплодотворенія цвѣтнею, то для его облегченія растительное царство представляетъ множество различныхъ приспособленій. Первое изъ нихъ заключается уже въ неимовѣрномъ количествѣ самага цвѣтня, называемаго также *плодотворною пылью*.

Во многихъ мѣстахъ существуетъ, напримѣръ, повѣрье о сѣрныхъ дождяхъ. Дѣйствительно, замѣчено, что послѣ дождя, стоячія воды озеръ и прудовъ покрываются иногда тончайшею желтою пылью, совершенно похожею на сѣрный цвѣтъ. По изслѣдованіи оказалось, что это цвѣтень нѣкоторыхъ травъ и деревьевъ, который, по легкости своей, подымается вѣтромъ, переносится часто на большія разстоянія и уже дождемъ низвергается обратно на землю. Такъ какъ пыль эта очень легко воспламеняется, то ее многіе принимали за настоящій сѣрный цвѣтъ; но подъ микроскопомъ легко узнать въ ней плодотворную пыль. Въ нашихъ странахъ это цвѣтень орѣшника, ольхи, березы, сосенъ и проч., а въ жаркихъ краяхъ—пальмовый.

Для оплодотворенія, цвѣтень долженъ пасть на среднюю часть цвѣтка, имѣющую часто видъ столбика, который заканчивается сыроватою, рыхлою поверхностью, задерживающею цвѣтень, и называемою *рыльцемъ*. Тычинки, содержащія цвѣтень, не рѣдко расположены вокругъ самага столбика, на одной высотѣ съ рыльцемъ. Это рыльце часто снабжено даже особыми волосками, назначенными для собиранія пыли. Если же рыльце длиннѣе тычинокъ, то весь цвѣтокъ свѣшивается обыкновенно внизъ, такъ что пыль, высыпающаяся изъ допнувшихъ тычинокъ, естественно падаетъ на рыльце. При этомъ, вѣроятно, всякій вспомнить граціозно висящіе цвѣты многихъ растеній, напримѣръ нашихъ полевыхъ колокольчиковъ, фуксій, ландышей и проч. У нѣкоторыхъ растеній (напримѣръ у барбариса) тычинки, во время раскрыванія своего, даже придвигаются къ рыльцу. Цвѣтокъ водянаго растенія *валлиснерія*, содержащій однѣ тычинки, во время ихъ раскрыванія, отрывается, и подплывая къ тѣмъ цвѣткамъ, которые содержатъ рыльца, оплодотворяетъ ихъ. У другаго водянаго растенія,

амбросиніи, мелніе цвѣточки сидятъ на одномъ общемъ стержнѣ, который снабженъ широкимъ покровомъ, раздѣленнымъ на двѣ камеры, верхнюю и нижнюю; сообщеніе между обѣими камерами происходитъ только черезъ небольшое отверстіе; тычинки находятся въ нижней камерѣ, а рыльца въ верхней. Слѣдовательно, оплодотвореніе очень затруднительно; но амбросинія цвѣтетъ непременно во время дождей: вода наливается въ пустоту всего покрова, наполняетъ сначала, разумѣется, нижнюю камеру (гдѣ тычинки), и потомъ проходитъ въ верхнюю, увлекая съ собою цвѣтень, назначенный для оплодотворенія заключающихся въ ней рылецъ.

Самое главное облегченіе оплодотворенія состоитъ все-таки въ удивительномъ изобиліи цвѣтня и въ легкости его. Несравненно разнообразіе средства растений къ обсьмененію: Безчисленные билліоны размножающихся крупинокъ грибовъ, водорослей, лишайниковъ и проч., не нуждаются въ особыхъ средствахъ къ распространенію; самая мелкость и легкость ихъ даетъ къ тому вѣрнѣйшее средство. Однакоже не у всѣхъ безцвѣтковыхъ растений воспроизводительныя крупинки одинаково предоставляются вліянію общихъ силъ природы. Такъ напримѣръ, нѣкоторыя крупинки водорослей предохранены особымъ способомъ отъ холода и засухи; у иныхъ печенечныхъ мховъ и грибовъ, самое распространеніе воспроизводительныхъ крупинъ облегчается особымъ механизмомъ, а именно, между ними во множествѣ попадаются длинныя кѣвочки, съ упругими винтовыми волоконцами. Такія кѣвочки называются пружинками и точно дѣйствуютъ на подобіе пружинокъ, способствуя къ разсыпанію крупинъ.

Но эти мелкія приспособленія къ разсѣванію сѣменъ всего разнообразіе у растений цвѣтковыхъ, то-есть одаренныхъ цвѣтами. Сюда относятся напримѣръ хохолки, крылышки и прицѣпки у сѣменъ и плодовъ, и способность этихъ сѣменъ—надолго сохраняться невредимыми. Ничто не можетъ быть любопытнѣе изученія этихъ приспособленій, въ которыхъ на каждомъ шагѣ открывается рядъ гармоническихъ фактовъ.

Большое семейство сложноцвѣтныхъ заключаетъ до 7.500 видовъ съ хохлатыми плодами и только 1.000 съ плодами безъ хохловъ. Ни одно изъ растительныхъ семействъ, говоритъ Декандоль Старшій, не представляетъ столько любопытныхъ фактовъ относительно обсьмененія, какъ сложноцвѣтныя. Каждая цвѣточная головка этихъ растений состоитъ изъ множе-

ства мелкихъ цвѣточковъ, слученныхъ чрезвычайно тѣсно на одномъ общемъ ложѣ и окруженныхъ общимъ покровомъ изъ многочисленныхъ чешуйчатыхъ или листоватыхъ прицвѣтниковъ. Каждый такой цвѣточекъ производитъ мелкій, односемянный плодъ, прикрытый чашечкой, которая съ нимъ сростается. Во время образовація плода съ семенемъ, всѣ плоды защищены однимъ общимъ покровомъ, но по созрѣніи они должны освободиться отъ покрова, и для этого существуютъ весьма разнообразныя и весьма любопытныя средства (1).

Всѣ органы оплодотворенія, помощью разныхъ приспособленій, могутъ способствовать къ обсемененію. Такъ напримѣръ, цвѣточные головки одного растенія, названнаго въ честь химика Шевреля (*Chevreulia stolonifera*), снабжены во время цвѣтенія едва замѣтными черенками; когда же плоды созрѣютъ, то подставочки эти необыкновенно удлиняются, представляя хохлатые плоды свободному дѣйствію вѣтра. У другихъ черенки, во время цвѣтенія прямые, по созрѣніи плодовъ наклоняются внизъ, опрокидывая такимъ образомъ и самые плоды, какъ напримѣръ у всѣмъ извѣстнаго растенія *мать-и-мачиха* (*Tussilago farfara*).

Самое ложе, на которомъ сидятъ плоды сложноцвѣтныхъ, обыкновенно бываетъ плоско; но когда плоды созрѣваютъ, оно становится выпуклымъ и тѣмъ естественно способствуетъ высвобожденію ихъ. Когда ложе это мясисто и углубленные въ него плоды вставлены въ ячейки, то по созрѣніи оно сохнетъ, съеживается, и, надавливая на плоды, понуждаетъ ихъ выпадать. Если плодъ гладокъ, то выпаданіе его особенно облегчается такимъ выдавливаніемъ; если же онъ снабженъ волосками, то самые эти волоски, высыхая, расправляются, дѣйствуютъ на подобіе рычаговъ и, упираясь въ края ячеекъ, приподнимаютъ плодъ кверху.

Хохолки, вѣнчающіе плоды семи тысячъ пяти сотъ видовъ сложноцвѣтныхъ, суть не что иное какъ удлиненныя и сухощавые зубцы чашечки, прирастающей къ плоду. Эти хохолки необыкновенно разнообразны и часто весьма изящны: они состоятъ то изъ множества длинныхъ и нѣжныхъ перышекъ,

(1) См. *Physiologie végétale* etc. par Auguste-Pirame de Candolle. Paris, 1832. Въ этомъ сочиненіи, отличающемся ясностію и изяществомъ изложенія, собрано много интересныхъ подробностей касательно обсемененія.

то изъ крѣпкихъ, зубчатыхъ волосковъ, то изъ шелковистыхъ волосковъ; нерѣдко они еще приподняты на длинныхъ и тонкихъ подставочкахъ. Декандоль замѣчаетъ, что тѣмъ плоду труднѣе высвободиться изъ покрововъ, тѣмъ болѣе хохолки приспособлены къ дѣйствию на нихъ вѣтра.

Если мы примемъ, что всѣхъ растений на земномъ шарѣ 150.000 видовъ, то сложноцвѣтныя съ хохолками составятъ двадцатую часть всего царства; кромѣ того, есть еще много валериановыхъ и ворсянковыхъ, снабженныхъ такими же хохолками, множество лютиковыхъ и розовыхъ, коихъ плоды одарены длинными, мохнатыми хвостиками, порядочное количество асклепиадовыхъ и кипрейныхъ съ волосатыми сѣменами, не говоря уже о тѣхъ растеніяхъ, коихъ сѣмена или плоды снабжены крылышками.

Менѣе удобствъ для обсѣмененія представляютъ растенія съ плодами мясистыми и нераскрывающимися; но Декандоль замѣчаетъ, что въ обильномъ, часто сочномъ и вкусномъ мясѣ ихъ, нельзя не видѣть приманки для животныхъ, которыя такъ много способствуютъ къ обсѣмененію, тѣмъ болѣе что многія изъ сѣменъ, заключенныхъ въ мясистые плоды, одарены такими крѣпкими покровами (напримѣръ косточки персиковъ, абрикосовъ, вишенъ, сливъ и проч.), что могутъ вполнѣ противостоятъ пищеварительной силѣ крѣпчайшаго желудка (1).

Растенія съ сухими, раскрывающимися плодами, имѣютъ свои особые способы къ обсѣмененію. Плоды эти заключаютъ по большей части весьма много сѣменъ, и на первый взглядъ можетъ показаться, что они не совсѣмъ удобны для обсѣмененія. Такъ напримѣръ, маковыя головки раскрываются при верхушкѣ лишь небольшими отверстиями и сѣмена ихъ могутъ выпадать только понемногу; однакоже, именно это обстоятельство мѣшаетъ излишнему накопленію сѣменъ въ одномъ мѣстѣ; притомъ, верхній слой сѣменъ высѣивается раньше нижняго и высыпается прежде. Вообще постепенное раскрываніе сухихъ плодовъ опредѣляетъ и постепенное

(1) Одинъ англійскій ботаникъ разказываетъ, что нѣкоторые фермеры кормятъ своихъ индѣекъ плодами боярышника, и размягченныя пищевареніемъ сѣмена, роняемая этими индѣйками, потомъ съютъ. Этимъ способомъ фермеры выигрываютъ, противъ обыкновенно-забираемыхъ для изгороди боярышниковъ, цѣлый годъ. (См. у Лейеля, въ *Principles of Geology*.)

наданіе сѣменъ, что совершенно необходимо. Тутъ, какъ и у сложноцвѣтныхъ, случается, что у растеній, съ плодами, раскрывающимися на верхушкѣ, во время цвѣтенія стебелекъ стоячій, а по созрѣніи сѣмень нагибается внизъ и высыпаетъ ихъ какъ песокъ изъ чашечки.

Есть еще плоды, одаренные эластичностью. Кто не знаетъ нѣжнаго и граціознаго растенія *не тронь-меня* (*Impatiens noli tangere*), растущаго въ тинистыхъ и сырыхъ мѣстахъ по всей Европѣ и Россіи? Когда созрѣютъ его длинные плодики, то достаточно малѣйшаго прикосновенія для раскрытія ихъ: створки мгновенно другъ отъ друга отдѣляются, скручиваются, и разбрасываютъ сѣмена во всѣ стороны.

Нѣчто подобное замѣчается еще въ мясистомъ плодѣ такъ-называемаго *бѣшенаго огурца*. Растеніе это, дѣйствительно сходное съ огурцомъ, растетъ въ южной Россіи, на Кавказѣ и въ Крыму; оно приноситъ длинные плоды, въ родѣ мохнатыхъ огурцовъ. Сколько разъ мнѣ самому случалось дивиться истинно-бѣшеному свойству этихъ плодовъ! Пробираясь между различными травами, заглушающими иные закоудки Тифлиса, вдругъ чувствуешь подъ ногами сотрясеніе и ударъ, какъ будто кто пустилъ по ногамъ мелкою дробью; отъ этого ощущенія невольно бросишься въ сторону, думая, что тутъ, по крайней мѣрѣ, змѣя, поднявшая своимъ движеніемъ песокъ. Но вмѣсто того окажется, что это просто низенькій кустъ *бѣшенаго огуречника* (*Escalium Elaterium Rich.*); если тронуть такой огурецъ во время спѣлости, или пожать его, то онъ мгновенно съеживается и вмѣстѣ съ сокомъ выпускаетъ изъ себя множество сѣменъ.

Бываютъ также плоды, которые раскрываются и закрываются отъ дѣйствія сырости или засухи. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ примѣръ маленькаго растенія, называемаго *иерихонскою розой*. Растетъ оно въ самыхъ сухихъ пустыняхъ; когда плоды поспѣютъ, то все растеніе отъ засухи съеживается въ клубокъ, подобно нашему *перекати-полю*, и катится по степи. Если оно встрѣтитъ на пути лужу, то вскорѣ въ ней размягчается, расправляется, и самые плоды его, лопнувъ, выпускаютъ сѣмена. Точно то же случается съ плодами одного степнаго африканскаго растенія: созрѣвъ, они отрываются, и вѣтеръ катитъ ихъ по пустынѣ, а сѣмена между тѣмъ постепенно высыпаются.

Но особенно любопытны растенія, которыя Декандоль

называетъ *подземно-плодными* (hypocarpogées). У однихъ цвѣты распускаются на воздухѣ, а по отцвѣтеніи цвѣточные стебельки пригибаются къ землѣ для созрѣванія плодовъ; у другихъ плодники съ самаго начала нагнуты, или даже зарыты въ землю. Между первыми весьма замѣчательнъ одинъ видъ клевера (*Trifolium subterraneum*): во время цвѣтенія, стебелекъ, несущій плотную головку цвѣтовъ, совершенно прямъ и травянистаго свойства; по мѣрѣ созрѣванія плодовъ, онъ становится жестче, верхушка его заостряется и превращается въ колючку, а самъ онъ, между тѣмъ, съ такою силой пригибается къ землѣ, что вмѣстѣ съ созрѣвшими сѣменами втыкается въ пушистую почву, на которой, обыкновенно, растетъ этотъ клеверъ.

Есть видъ *мышиннаго горошка* (*Vicia amphicarpos*), который приноситъ два рода цвѣточныхъ стебельковъ: одни воздушные, другіе подземные, извивающіеся между камнями. Воздушные стебельки приносятъ крупныя ярко-окрашенныя цвѣты, подземные же, напротивъ, покрываются блѣдными и невзрачными цвѣтами; изъ тѣхъ и другихъ, по отцвѣтеніи, выходятъ бобы, но только подземные бобы обыкновенно односѣменны и мелки, а воздушныя дянны и многосѣменны. Теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разводятъ такъ-называемыя земляныя орѣхи (*Agachis hypogaea*): это растеніе также изъ семейства бобовыхъ, и цвѣты у него двоякаго рода, воздушныя и подземныя; но воздушныя остаются безплодными.

Шлейденъ замѣчаетъ, что между свойствами сѣменъ всего загадочнѣе способность ихъ оставаться неизмѣненными, часто въ теченіи очень долгаго времени. Большая часть сѣменъ даже не прорастаютъ тотчасъ по созрѣніи, хотя бы окружены были самыми благоприятными условіями. Это обстоятельство еще тѣмъ удивительнѣе, что въ сѣменахъ, достаточно вылежавшихся для прорастанія, незамѣтно рѣшительно никакой перемѣны, — по крайней мѣрѣ для насъ незамѣтно.

Многія сѣмена прикрыты такими крѣпкими покровами, что могутъ, какъ мы уже сказали, оставаться въ желудкѣ птицъ или млекопитающихъ, и не только на короткое время, но и на все время пищеваренія; случается даже, что косточки нѣкоторыхъ плодовъ, побывавъ внутри животнаго, легче прорастаютъ. Мясистыя и вкусныя околоплодники именно тѣмъ и служатъ къ обсѣмененію, что привлекаютъ животныхъ, которыя ихъ проглатываютъ вмѣстѣ съ сѣменами. Это обстоятельство

подтверждается тѣмъ, что мясо крупныхъ плодовъ рѣдко употребляется на непосредственное питаніе прорастающему сѣмени.

Замѣчательно противодѣйствіе сѣменъ разрушительнымъ силамъ природы: такъ напримѣръ, зерна колосовыхъ хлѣбовъ, не измѣняясь, выдерживаютъ температуру 45° С., при погруженіи на короткое время въ воду; въ парахъ выдерживаютъ они температуру 60° С., а въ сухомъ воздухѣ $+75^{\circ}$ С. и -50° С. (1). Гершель сѣялъ сѣмена одной акаціи, выдержавшія температуру 60° , при погруженіи ихъ въ воду на двѣнадцать часовъ (2).

Сѣмена или зерна, попавшія въ землю на значительную глубину, сохраняются иногда вѣками; такъ напримѣръ, въ египетскихъ гробницахъ, найдены вмѣстѣ съ муміями сѣмена различныхъ хлѣбовъ, пшеницы, ячменя и даже луковицы. Нѣкоторыя изъ ячменныхъ сѣменъ въ Англии проросли; луковицы, кажется, также дали ростки.

При этомъ не могу не упомянуть о той очевидной связи, которая существуетъ между прорастаніемъ сѣмени и составомъ его. Во всѣхъ сѣменахъ есть запасъ питательныхъ веществъ, а именно: крахмала, масла, растительной слизи и другихъ; преобладаетъ иногда крахмалъ, иногда масло. Вещества эти наполняютъ или ткань, окружающую зародышъ, или такъ называемые сѣменодоли—первые листочки зародыша, которые тогда весьма толсты, сравнительно съ самымъ зародышемъ. Когда сѣмя падетъ въ сырую и солнцемъ нагрѣтую землю, то, во первыхъ, влага начинаетъ мало-по-малу проникать въ ткань съ запасными веществами: они размягчаются и въ нихъ происходятъ рядъ химическихъ превращеній, которыя назначены не только для приготовленія пищи молодому ростку, но и для отдѣленія теплоты, всегда развивающейся при какомъ бы то ни было химическомъ процессѣ. Питательнаго вещества въ сѣменахъ даже такъ много, что большая часть его разлагается, превращается въ газы, уносимые воздухомъ, и производитъ лишь теплоту, нужную для молодого ростка.

Обратимся теперь къ нѣкоторымъ другимъ средствамъ размноженія; они представляютъ намъ не меньшее количество гармоническихъ фактовъ нежели сѣмена и плоды.

Извѣстно, что каждая древесная вѣтвь заканчивается почкой,

(1) *Grundzüge der wissenschaftlichen Botanik*, v. M. I. Schleiden, 1850.

(2) Лейбель, оп. с.

что въ углу каждаго листка также сидятъ почки. Если рассмотреть строеніе любой изъ этихъ почекъ, то окажется, что она заключаетъ въ себѣ начало будущихъ листьевъ и стебля,— слѣдовательно это цѣлое растеніе въ зачаткѣ; оно только лишено корня, и въ этомъ состоитъ главное различіе почекъ отъ сѣменя. Но тѣмъ не менѣе кусочекъ вѣтви, отрѣзанный вмѣстѣ съ почкой и посаженный въ землю, вырастаетъ новымъ, самобытнымъ деревомъ; слѣдовательно, почки, также какъ и сѣмена, могутъ служить орудіями размноженія. Мы уже видѣли, что тѣмъ растеніе легче подвержено истребленію, тѣмъ больше средствъ имѣетъ оно къ размноженію. Въ этомъ отношеніи, почки играютъ важную роль; но главнѣйше служатъ онѣ къ развѣтвленію; безъ нихъ растеніе не могло бы приносить новыхъ вѣтвей съ листьями, слѣдовательно не могло бы и жить. Первый изъ гармоническихъ фактовъ, представляемыхъ намъ почками, заключается въ томъ, что онѣ, подобно сѣменамъ въ странахъ съ холодными зимами или періодическою засухой, впадаютъ въ летаргію, и остаются недвижными до весенняго солнца, или до начала дождей. Другой гармоническій фактъ состоитъ въ томъ, что въ холодныхъ странахъ почки снабжены на зиму прикрывающими чешуйками; эти чешуйки не что иное какъ первые, наружные листики почки. Если внимательно рассмотреть напримѣръ березовую почку, то легко замѣтитъ, что снаружи она покрыта смолой, и что ея чешуйки также пропитаны этимъ веществомъ. Смола есть вѣрное средство для предохраненія нѣжныхъ почекъ и отъ холода, и отъ сырости, и въ этомъ случаѣ именно служитъ для того. На почкахъ нѣкоторыхъ другихъ многолѣтнихъ растеній, чешуи, со внутренней стороны, снабжены волосками или густымъ пушкомъ, это также для предохраненія отъ сырости и холода. Напротивъ того, почки однолѣтнихъ растеній, никогда не имѣютъ предохранительныхъ чешуекъ, равно какъ и растенія теплыхъ странъ.

У многихъ многолѣтнихъ травъ, почки, назначенныя для продолженія жизни растенія на слѣдующій годъ, часто весьма глубоко скрыты въ землѣ, и тамъ, подъ толстымъ, предохранительнымъ слоемъ почвы, не допускающимъ излишняго дѣйствія холода или жара, ждутъ благопріятнаго момента—весны или дождей,—чтобы начать снова жизненную свою дѣятельность. Замѣчательно, что растенія, снабженныя такими подземными почками, часто весьма утолщенными и полными питательныхъ веществъ, рѣдко приносятъ сѣмена, или же про-

изводить ихъ въ маломъ количествѣ, размножаясь почти исключительно утолщенными подземными почками. Таковы, напримеръ, многіе изъ *лютиковъ* или *жабниковъ* (1), всѣмъ извѣстные своими ярко-желтыми, глянцевоитыми цвѣтами. Но еще замѣчательнѣе то, что если такое растение случайно засѣется на мѣстѣ неблагоприятномъ для развитія подземныхъ почекъ, то начинаетъ приносить весьма обильные плоды и сѣмена, замѣняя потерю одного средства къ размноженію другимъ.

Зная теперь въ главныхъ чертахъ разнородныя приспособленія растений къ окружающимъ явленіямъ, съ цѣлю размножиться, постараемся уловить на дѣлѣ гармонию этихъ средствъ съ различными силами природы.

Вѣтеръ и воды, жизнь животныхъ и человека,—вотъ главныя силы, способствующія къ обмѣненію растений; именно съ этими-то силами и гармонируютъ наиболѣе средства ихъ къ размноженію.

Самый незначительный вѣтеръ можетъ приподнять и унести легкія сѣмена; но случается, что вѣтры, проходящіе до 40 миль въ часъ, дуютъ по нѣскольгу дней сряду, способные уносить крупный песокъ, а сильные ураганы несутся съ быстротою 56 и даже 90 миль въ часъ. Когда такой ураганъ подымается въ тропическихъ лѣсахъ, то самыя гигантскія деревья стонутъ и потрясаются; вѣтви ихъ, изъ коихъ каждая равняется нашимъ старымъ липамъ или березамъ, сшибаются между собою, и лѣсъ наподняется оглушительнымъ гуломъ. Самые крупныя и тяжелыя плоды разшибаются въ дребезги, цвѣты и листья носятся въ воздухъ роями. Буссенго видѣлъ однажды сѣмена, взнесенныя вѣтромъ на высоту 5400 футовъ (2). Понявъ этого, какъ же вѣтрамъ не разносить на огромныя разстоянія,

(1) Одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ лютиковъ, называемый у насъ *жабникомъ* (*Ranunculus Ficaria*), приноситъ утолщенныя почки въ немнѣшномъ количествѣ, и на стеблѣ, и подъ землею. Эти почки имѣютъ видъ продолговатыхъ шишечекъ, весьма легко отпадаютъ отъ растенія и высыхаютъ, до перваго дождя. Мѣстами ихъ принимали за хлѣбныя зерна и думали, что они падаютъ на землю въ видѣ дождя: отсюда происходитъ повѣрье о хлѣбныхъ дождяхъ.

(2) Слѣдовательно, такой вѣтеръ можетъ перебрасывать сѣмена черезъ горныя хребты, подобныя Уральскому, Карпатскому и др., тѣмъ болѣе что если вершины хребтовъ и подымаются иногда несравненно выше 5400 футовъ, то общая высота горныхъ цѣпей весьма часто не превосходятъ этой мѣры.

напримѣръ, такихъ мелкихъ крупноокъ или споръ, которыя замѣняютъ сѣмена у водорослей, грибовъ, мховъ, лишайниковъ и папоротниковъ? Крупины эти часто микроскопически-мелки, и должно предполагать, что онѣ постоянно носятся въ воздухѣ. И точно, растенія, снабженныя вмѣсто сѣменъ крупинами (спорами), гораздо болѣе распространены на землѣ нежели сѣменные.

Мы уже имѣли случай говорить о летучихъ плодахъ и сѣменахъ. Кто не видѣлъ въ концѣ лѣта, или осенью, полета плодовъ одуванчика или волчца, подолгу плавающихъ въ воздухѣ съ помощію хохолокъ своихъ? Въ Россіи всюду водится и всѣмъ извѣстенъ кипрей *иванъ-чай*, эта высокая трава, приносящая длинныя султаны лиловато-розовыхъ цвѣтовъ и дающая такъ-называемый *капорскій чай*, который подмѣшиваютъ въ настоящій. Иванъ-чай приноситъ плоды, наполненные легкими сѣмечками, съ длинными, шелковистыми волосками. Такіе же шелковистые придатки бываютъ у разныхъ ласточниковъ, между которыми въ послѣднее время сталъ особенно знаменитъ сирійскій, изъ волосковъ котораго пробуютъ добывать хлопокъ. Итакъ, очевидно, вѣтеръ есть одно изъ самыхъ могучихъ средствъ для перенесенія сѣменъ, если не черезъ моря и проливы, то, по крайней мѣрѣ, черезъ весьма далекія пространства на материкѣ.

Текуція воды не менѣе вѣтра могутъ распространять сѣмена; въ этомъ отношеніи, особенно важны рѣки и береговыя морскія теченія. До сихъ поръ еще не изслѣдовано, долго ли разныя сѣмена могутъ сохраняться въ водѣ; однако нѣкоторые факты показываютъ, что есть сѣмена, прорастающія даже послѣ многолѣтняго вымачиванія. Такъ Дюро-де-Ламаль имѣлъ случай убѣдиться, что сѣмена березы и горчицы, двадцать лѣтъ бывшія въ водѣ, не потеряли способности прорастать. Извѣстно, что могучее морское теченіе, называемое гольфстримъ, которое начинается въ Мексиканскомъ заливѣ и доходитъ до береговъ Норвегіи, ежегодно прибываетъ къ норвежскимъ берегамъ плоды и сѣмена тропическихъ растеній. Линней говоритъ, что нѣкоторыя изъ этихъ сѣменъ прорастаютъ: слѣдовательно, имъ не повредила вымочка даже и въ соленой водѣ. Такая способность многихъ сѣменъ и плодовъ противостоятъ дѣйствию воды также должна быть занесена въ число гармоническихъ фактовъ природы. Плоды, падающіе въ воду, увлекаются береговыми теченіями моря, или рѣками, и

разносятся такимъ образомъ на далекія разстоянія. Прибрежныя флоры всего лучше доказываютъ существованіе подобнаго обѣмненія. Такъ напримѣръ, растенія, составляющія такъ-называемую флору Средиземнаго моря и растущія по берегамъ его, уже не встрѣчаются на нѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ, но за то попадаютъ не только по европейскому и азіатскому, но и по африканскому прибрежью Средиземнаго моря; даже берега Босфора и Чернаго моря покрыты многими изъ тѣхъ растеній, которыя составляютъ средиземную флору. Тутъ совершенно очевидно разнесеніе плодовъ и сѣмень по берегу морскимъ теченіемъ.

Обѣмненію растеній способствуютъ не только такія общія и очевидныя дѣтели, каковы вѣтеръ и вода, но и другіе, несравненно болѣе сокровенныя; они всего лучше показываютъ, до чего простирается гармоническая связь между явленіями природы. Къ числу такихъ дѣтелей должно отнести между прочимъ пловучіе острова и льды. Огромныя рѣки, какъ напримѣръ: Амазонская, Миссиссипи, Гангъ, постоянно несутъ плоты, состоящія изъ деревьевъ, подмытыхъ ихъ водами или вырванныхъ ураганами. Плоты эти движутся впередъ вмѣстѣ съ иломъ, съ большимъ количествомъ земли, и нерѣдко покрываются растеніями. Они медленно спускаются по теченію, останавливаются у береговъ, отъ которыхъ отрываютъ новую землю, и опять продолжаютъ плыть; на нихъ часто попадаютъ животныя самыхъ разнообразныхъ породъ, травоядныя и хищныя, неосторожно ступившія на эту шаткую почву и не могшія уже болѣе ее покинуть. Тутъ же есть всегда несчетное количество всевозможныхъ сѣмень, переносимыхъ такимъ образомъ за тысячи верстъ; подобные пловучіе острова встрѣчались путешественникамъ даже въ открытомъ морѣ.

При берегахъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ материковъ накапливаются массы льдовъ, покрывающіяся наносною землею, которая содержитъ множество сѣмень. Весною такія льды отторгаются отъ береговъ, уходятъ очень далеко въ море, вмѣстѣ съ покрывшею ихъ землею и сѣменами (мореплаватели видали ихъ иногда подъ широтами довольно южными), и прибываясь наконецъ къ какому-нибудь чуждымъ берегамъ, приносятъ туда новыя растенія далекихъ странъ.

Мы уже видѣли, что строеніе сѣмень и плодовъ, во многихъ отношеніяхъ, способствуетъ перенесенію ихъ на дальнія разстоянія. Кто не знаетъ, напримѣръ, мелкихъ плодовъ *репейника*

или *кошекъ* (*Bidens serpuia* и другіе виды), снабженныхъ короткими, но необычайно цѣпкими зубчиками и щетинками? Такихъ цѣпкихъ плодовъ чрезвычайно много; не мало также съменъ и плодовъ липкихъ.

Въ южной и умѣренной Россіи, а также во всей Европѣ, встрѣчается растеніе, называемое *омелою*; это кустикъ, растущій чужеядно на старыхъ грушевыхъ, яблочныхъ, грабовыхъ и другихъ деревьяхъ; онъ черпаетъ свою пищу, уже готовую, изъ другихъ растеній. Исключительность мѣстопребыванія, по видимому, мѣшаетъ распространенію омелы; но она приноситъ бѣлыя ягоды, наполненныя очень липкимъ и густымъ сокомъ. Отпадая, ягода липнетъ на ближайшемъ суку; заключенныя въ ней сѣмена проростають и пускають корни въ кору и древесину сучка. Многія птицы съ жадностью ѣдятъ омелу: двигаясь между кустовъ ея, обильно покрытыхъ ягодами, птицы облѣпляются ими, и потомъ, отлетая, конечно роняють на другія деревья, пли же долго носятъ эти ягоды на себѣ (сокъ омелы до того липокъ, что его употребляютъ именно для ловли мелкихъ птицъ, намазывая имъ сучья деревьевъ, на которыя онѣ садятся). Переселяясь на зиму въ отдаленную страну, птица переноситъ на себѣ нерѣдко ягоды омелы, и такимъ образомъ засѣваетъ это чужеядное растеніе въ иныхъ краяхъ. Намъ извѣстно, что сѣмена многихъ растеній вовсе не перевариваются въ желудкахъ птицъ и млекопитающихъ, а между тѣмъ, мы знаемъ какъ много животныхъ, кормящихся почти исключительно ягодами, зернами и т. д. Перелетныя птицы роняють сѣмена на пути своемъ, и этимъ страннымъ способомъ весьма способствуютъ къ обсемененію; тѣ же птицы на перьяхъ уносятъ большое количество цѣпкихъ и липкихъ плодовъ, и уносятъ ихъ еще дальше. Скажемъ наконецъ, что цѣпкость плодовъ опредѣляетъ вѣрнѣйшимъ образомъ распространеніе растеній, ибо точныя разысканія Декандоля показали, что даже растенія съ хохлатыми плодами несравненно менѣе распространены нежели цѣпкія. Въ этомъ отношеніи очень любопытна связь обсемененія не только съ перелетомъ птицъ, но и съ передвиженіями млекопитающихъ и даже самого человѣка.

Большія стада дикихъ ословъ (кулановъ), пасущіяся лѣтомъ въ степяхъ при-аральскихъ, передвигаются на зиму къ сѣверной Индіи и къ Персіи; многочисленныя антилопы съ быстротой вѣтра бороздятъ равнины внутренней Африки; мускусо-

ый быкъ даже по льду перебирается съ материка сѣверной Америки на островъ Мельвиль, чтобы воспользоваться кратковременнымъ лѣтомъ этого острова; и всѣ эти животныя, равно какъ и хищныя, обыкновенно слѣдующія за стадами травоядныхъ, уносятъ на себѣ съ мѣста на мѣсто бездну цѣпкихъ сѣменъ и плодовъ, разнося ихъ на далекія разстоянія. Можно сказать, что почти ни одно движеніе въ мірѣ земныхъ животныхъ не обходится безъ перенесенія того или другаго сѣмени, на большее или меньшее разстояніе. Охотятся ли левъ или тигръ, волкъ или лисица, за быстрою антилопой или зайцемъ, робкія травоядныя устремляются безъ разбора сквозь чащу кустовъ и травъ, потрясаютъ спѣлыя плоды, осыпающіе ихъ своими мелкими сѣмечками, задѣваютъ направо и налѣво, и уносятъ въ рунѣ своемъ цѣлыя коллекціи зародышей самыхъ разнородныхъ растений. Но положимъ, что охота кончена, и царь звѣрей, наложивъ широкую лапу на издыхающую антилопу, начинаетъ завтракать. Отъ этой трапезы остаются кости да растерзанные клочки шкуры, и опять-таки сѣмена, еще не успѣвшія перевариться въ желудкѣ съдѣннаго животного; и вотъ, онѣ снова появляются на свѣтъ Божій, быть-можетъ, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ того мѣста, гдѣ выросли и созрѣли.

Многіе мелкіе грызуны, какъ напримѣръ сурки, суслики, байбаки, слѣпыши и т. д., накапливаютъ на зиму запасы зеренъ, сохраняя ихъ въ сухихъ и глубокихъ норкахъ; сколько такихъ звѣрковъ погибаютъ отъ когтей всевозможныхъ коршуновъ, жстребковъ и другихъ хищныхъ птицъ! Запасы ихъ остаются нетронутыми, и могутъ храниться въ норкахъ неопредѣленное число лѣтъ, пока плугъ пахаря или весенній потокъ не вынесетъ ихъ на поверхность земли, и тутъ сѣмена снова начинаютъ проростать.

Впрочемъ, даже самое незначительное и обыкновенное движеніе животного можетъ сопровождаться переселеніемъ десятковъ или сотенъ растений: лежитъ, напримѣръ, въ травѣ олень или серна, шерсть ея тотчасъ наполняется сѣменами окружной травы; но приближается врагъ, и легкій звѣрь, вскакивая, уноситъ на себѣ и плоды, и сѣмена.

Альфредъ Декандоль разказываетъ, что около Монпелье есть луговина, назначенная для промывки иностранныхъ шерстей; на этой луговинѣ онъ почти ежегодно находилъ растенія, все несвойственныя Франціи. Очевидно, они завезены сюда

въ шерстяхъ, будучи подобраны животными еще при жизни ихъ. Между этими растеніями Декандолю встрѣчались бессарабскія, сирійскія и сѣверно-африканскія.

Послѣдній примѣръ уже доказываетъ связь обмѣненія съ дѣятельностію челоуѣка. Какъ бы ни была сложна эта дѣятельность, естествоиспытатель долженъ разсматривать ее наравнѣ съ прочими естественными явленіями: въ общей экономіи природы, она проявляется въ числѣ прочихъ силъ ея. Однакоже, по любопытнымъ изслѣдованіямъ Декандоля Младшаго, дѣятельность эта несравненно болѣе всѣхъ остальныхъ способствуетъ къ обмѣненію растеній, и распространенію ихъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ.

Челоуѣкъ всего болѣе содѣйствуетъ такому распространенію сознательнымъ перенесеніемъ культурныхъ растеній изъ одной страны въ другую. Такъ на примѣръ, въ Америку, со времени ея открытія, перевезены всѣ европейскіе хлѣба и многія плодовые деревья; точно также, наоборотъ, картофель, кукуруза и многія другія, дотогѣ вовсе въ Европѣ неизвѣстныя, перевезены къ намъ изъ Америки, и очень быстро распространились по Европѣ. Въ Америкѣ же, съ открытія ея Европейцами, появилась цѣлая флора совершенно новыхъ культурныхъ растеній. Въ дѣлѣ распространенія растеній, Декандоль особую важность придаетъ ботаническимъ садамъ. Одно американское растеніе (1), случайно приставшее къ чучелѣ птицы, было привезено въ Парижъ, и тамъ посѣяно въ Ботаническомъ саду. «Прошло съ тѣхъ поръ не болѣе ста лѣтъ, говоритъ Линней, и растеніе это распространилось уже во Франціи, на Британскихъ островахъ, въ Италіи, Сициліи, Голландіи и Германіи.» Можемъ прибавить, что теперь оно не менѣе расплодилось по всей Россіи, даже на Кавказѣ и въ Сибири, вплоть до Алтайскихъ горъ.

Такое распространеніе растеній изъ садовъ вообще, и ботаническихъ въ особенности, повторяется безпрестанно. Изъ огромнаго числа воздѣлываемыхъ въ садахъ растеній, сознательно пересылаемыхъ изъ одной мѣстности въ другія, нѣтъ сомнѣнія, многія найдутъ для себя благопріятныя условія на волѣ, и навсегда поселятся въ странѣ. Любопытенъ примѣръ, приводимый Декандолемъ, объ одномъ красивомъ папо-

(1) *Erygeron canadense*.

ротникъ (1). Растетъ онъ только на островѣ Св. Елены, да въ лондонскомъ ботаническомъ саду. Со времени введенія козь на островъ Св. Елены, папоротникъ видимо сталъ исчезать тамъ, и по всей вѣроятности скоро вовсе исчезнетъ; останется онъ только въ лондонскомъ саду. Но такъ какъ Англичане имѣютъ такіе сады повсюду (напримѣръ въ Калькуттѣ, на островѣ Тринидадѣ, въ устьяхъ Ориноко), то не мудрено, что рѣдкій папоротникъ, перевезенный въ одну изъ этихъ мѣстностей, найдетъ тамъ для себя благопріятныя условія, и одичаетъ, сначала въ окрестностяхъ, а тамъ перейдетъ и на материкъ.

Сѣмена и плоды прицѣпляются къ товарнымъ тюкамъ, случайно перевозятся съ корабельнымъ грузомъ, особенно же съ различными сырыми растительными матеріалами, которые торговля безпрестанно переноситъ съ одного берега Атлантики на другой. Со времени открытія Америки, по изслѣдованіямъ Декандоля, въ Европѣ появилось до 64 видовъ растений, не считая полезныхъ; въ Америку же, именно въ Канаду и Соединенные Штаты, перевезено 184 вида, изъ числа коихъ 172 изъ одной Европы. Между послѣдними перевезены въ Америку крапива и подорожникъ, который у сѣверо-американскихъ дикарей называется даже *ногою блокожаю* и распространился въ Новой Англіи, по свидѣтельству одного стариннаго ботаника, со времени перевоза туда скота Европейцами.

Несмотря на краткость свою, представленный нами обзоръ средствъ, коими одарены отъ природы растенія, показываетъ однакоже, до какой подробности орудія размноженія гармонизируютъ съ окружающею природой, до чего они соотвѣтствуютъ ближайшей своей цѣли; мы полагаемъ, что нѣтъ ни одного волоска, ни одной черточки на малѣйшей крупинкѣ гриба или на мельчайшемъ плодикѣ какого-нибудь растенія, которые не соотвѣтствовали бы общей цѣли, окружающей средѣ, не гармонизовали бы съ цѣлостью природы и съ каждымъ изъ ея частныхъ явленій. И чѣмъ дальше будемъ углубляться въ явленія природы, тѣмъ удивительнѣе, подробнѣе и яснѣе будетъ намъ представляться эта гармоническая связь.

Перейдемъ теперь къ царству животныхъ, посмотримъ и на ихъ способы размноженія, съ точки зрѣнія той же соотвѣтственности, связи съ цѣлью и съ окружающею природой.

(1) *Diksonia*.

Если сравнимъ животныхъ съ растеніями, касательно ихъ средствъ къ размноженію, то прежде всего бросится намъ въ глаза слѣдующее обстоятельство: животныя, вообще говоря, пользуются несравненно меньшимъ числомъ средствъ къ размноженію нежели растенія. Это правило, которое столь очевидно, что даже не требуетъ фактическаго подтвержденія, приводитъ насъ къ другому, не менѣе очевидному, а именно: не одни только растенія, но и вообще живыя существа тѣмъ обильнѣе надѣлены средствами къ размноженію, чѣмъ они легче подвержены истребленію. Это опять-таки очевидно, потому что животныя, будучи одарены дѣйствіемъ и понятливостію, уже тѣмъ самымъ несравненно легче растеній способны избѣгать всякихъ неблагопріятныхъ условій. Съ другой стороны, если ограничиться разсмотрѣніемъ одного животнаго царства, то окажется, что чѣмъ выше интеллектуальныя способности животнаго, тѣмъ затруднительнѣе его размноженіе. Всмотримся поближе въ факты, подтверждающіе это правило.

Мельчайшія изъ животныхъ, микроскопическія инфузоріи, по размноженію своему весьма сходны съ растеніями. Онѣ также могутъ дѣлиться на части, давать отпрыски, и дробленіе ихъ происходитъ такъ быстро, что вода, содержащая въ началѣ лишь нѣсколько штукъ такихъ инфузорій, чрезъ двое или трое сутокъ заключаетъ въ каждой каплѣ своей десятки и сотни этихъ существъ. Подобно растительнымъ зачаткамъ водорослей, инфузоріи на зиму или на время засухи покрываются плотными пленочками, впадаютъ въ летаргію и въ такомъ видѣ могутъ переноситься на весьма далекія разстоянія; пассатныя вѣтры не рѣдко переносятъ ихъ съ одного берега океана на другой.

«Моряки разказываютъ, говорятъ знаменитый капитанъ Мори (1), о багровыхъ туманахъ, встрѣчавшихся имъ особенно близъ острововъ Зеленаго мыса. Въ другихъ мѣстахъ, на морѣ, падаютъ пыльные дожди; въ Средиземномъ морѣ, ихъ называютъ дождями сирокко или африканскими, ибо они всегда сопровождаются вѣтромъ, дующимъ изъ Африки. Цвѣтъ этихъ дождей кирпично-красный или кинобарный; они падаютъ въ

(1) См. его *Физическую географію моря*, на англійскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. На русскій, къ сожалѣнію, сочиненіе это еще не переведено.

такимъ обилии, что покрываютъ собою корабельныя снасти и все это отъ береговъ во ста и болѣе миляхъ.» Эта красная пыль дала возможность Мори опредѣлить направленіе пассатныхъ вѣтровъ. «Еслибы, продолжаетъ этотъ ученый, можно было задержать на пути частицу вѣтра и наложить на него значокъ, такъ чтобы въ разныхъ мѣстахъ можно было узнавать его, то мы бы имѣли лучшій способъ изучить направленіе пассатовъ. Но такого значка, кажется, положить на вѣтеръ невозможно, иначе какой угодно скептикъ сдался бы на очевидность. Однакоже то, что съ перваго взгляда казалось невозможнымъ, было совершено: съ помощію микроскопа, Эренбергъ установилъ положительно, что воздухъ, приносимый на экваторъ югозападными пассатами, переходитъ въ сѣверное полушаріе. Сiroдко, вмѣстѣ съ африканскимъ дождемъ, принесъ ему значки, наложенные на вѣтрѣ въ южномъ полушаріи, а нѣжный снарядъ, микроскопъ, далъ возможность разобратъ эти значки, прочесть то, что на нихъ начертано, также легко, какъ еслибы оно было начертано на деревѣ. Наблюдая пассатную пыдь подъ микроскопомъ, нашли, что она состоитъ изъ инфузорій, но живущихъ не въ Африкѣ, а въ южной Америкѣ. Эренбергъ нашелъ тѣ же американскія формы въ пассатной пыли, собранной у острововъ Зеленаго мыса, въ Мальтѣ, Генуѣ, Лионѣ и въ Тиролѣ.»

Изъ остальныхъ животныхъ, подверженныхъ по мелкости своей, нѣжности тканей и медленности движеній, легчайшему истребленію, ббольшая часть полиповъ, медузъ и червей размножаются не только яйцами, но также дѣленіемъ или отпрысками. Ежевики, размножающіеся только яйцами, также какъ моллюски, насѣкомыя и т. д., защищены уже несравненно лучше. Но обратимся теперь къ животнымъ позвоночнымъ, какъ-то рыбамъ, земноводнымъ, птицамъ и млекопитающимъ, потому что они безъ сомнѣнія болѣе знакомы нашимъ читателямъ. Всѣ названныя животныя подтверждаютъ то же правило. Первые три класса несутъ яйца, и всего обильнѣе рыбы, то-есть именно тѣ, которыя по мелкости своей и беззащитности наиболѣе подвержены истребленію. Извѣстно напримѣръ, въ какомъ количествѣ истребляются сельди, не только чело-вѣкомъ, но и разными другими животными, а между тѣмъ рыбка эта до того плодородна, что еслибы во всѣхъ моряхъ осталась только одна-единая икрная седедка, и можно бы было навѣрное гарантировать сохраненіе ея потомства, то въ

нѣсколько дѣтъ потомство это наполнило бы собою все моря земнаго шара, отъ поверхности водъ до самаго дна.

Не такъ плодородны крупныя и хищныя рыбы, еще менѣе плодородны пресмыкающіяся, покрытыя чешуями, тогда какъ невинныя лягушки несутъ яйца въ огромномъ количествѣ.

Между птицами, всѣхъ менѣе плодородны опять-таки большія, хищныя, а болѣе всѣхъ беззащитныя куры и пташки.

Мелкія травоядныя, млекопитающія, напримѣръ грызуны, приносятъ помногу дѣтенышей, и еще по нѣскольку разъ въ годъ, тогда какъ крупныя производятъ по одному, много что по два, и носятъ ихъ долго.

Наконецъ, человѣкъ, млекопитающее самое беззащитное по тѣлу, производитъ обыкновенно по одному только ребенку, котораго женщина носить сравнительно весьма долго, родитъ съ трудомъ, и нѣтъ на свѣтъ существа болѣе нѣжнаго и хлипкаго чѣмъ новорожденное дитя человѣка.

Этотъ бѣглый обзоръ можетъ, кажется, подтвердить высказанныя нами положенія, или по крайней мѣрѣ навестъ читателей на рядъ явленій, служащихъ къ подтвержденію ихъ.

Приспособленія средствъ размноженія животныхъ къ условіямъ окружающей природы не такъ многочисленны, какъ въ царствѣ растений. Это естественно объясняется тѣмъ, что животныя одарены движеніемъ и смышленостью, которыя замѣняютъ имъ всѣ физическія средства, способствующія къ сохраненію и распространенію зародышей. Такъ, человѣкъ, будучи по строенію тѣла беззащитнѣйшимъ изъ существъ, тѣмъ не менѣе населилъ собою всю поверхность земную, и никто вѣроятно ни на минуту не усомнится, что причиною такого распространенія рода человѣческаго надо считать его разумъ.

Предѣлы нашей статьи не дозволяютъ намъ указывать здѣсь на всѣ проявленія смышлености животныхъ, касательно огражденія и сохраненія ихъ зародышей и дѣтенышей; для этого понадобилась бы особая книга, да и многое въ этомъ отношеніи весьма извѣстно каждому изъ нашихъ читателей. Скажемъ еще, что распространеніе животныхъ по земной поверхности лишь въ рѣдкихъ случаяхъ совершается зародышами; тутъ нѣтъ, собственно говоря, явленія, соотвѣтствующаго обмѣненію растений: распространеніе животныхъ относится къ другому ряду гармоническихъ явленій, а именно къ связи процессовъ питанія живыхъ существъ съ окружаю-

щю природой, главнѣйше способствующихъ къ сохраненію каждаго отдѣльнаго существа. На эту-то часть жизни организмовъ, начиная опять съ растеній, обратимъ мы теперь свое вниманіе.

Въ простѣйшихъ растеніяхъ всѣ части одинаково служатъ для питанія; въ болѣе-сложныхъ, напротивъ, есть части, болѣе другихъ заняты различными фазисами питанія: корень служитъ преимущественно для вытягиванія жидкой пищи изъ почвы; листья всего болѣе для втягиванія воздушной пищи и для испаренія; стебли, также съ листьями, перерабатываютъ принятую пищу.

Связь между органами питанія растеній и ближайшею цѣлю послѣднихъ, также какъ съ общими явленіями природы, далеко не такъ очевидна, какъ въ царствѣ животныхъ. Всѣ растенія питаются веществами жидкими и газообразными, никакъ не твердыми; притомъ же они неподвижны, лишены чувства и смышленности, слѣдовательно не могутъ и выбирать себѣ пищи. Поэтому дѣятельность растительныхъ орудій питанія скрыта отъ глазъ человѣка, не углубляющагося въ причины и сущность вещей. Если же поглубже проникнуть въ дѣло, то окажется, что искомая нами связь до крайности очевидна.

Принятіе пищи, движеніе ея по растенію и самая переработка совершаются по тѣмъ общимъ физическимъ законамъ, которые царствуютъ во всей природѣ, и всѣ части растенія устроены именно такъ, чтобъ общія физическія силы наилучшимъ образомъ могли прилагаться къ спеціальной цѣли питанія и неразрывнаго съ нимъ возрастанія растеній. Для примѣра внимемъ въ принятіе жидкой пищи и движеніе ея по растеніямъ.

Растеніе есть существо, прикрѣпленное къ почвѣ: отсюда, и только отсюда, уже возникаетъ для него необходимость питаться жидкими или газообразными веществами. Если предположимъ противное, то что выйдетъ? Впервыхъ, растенія должны были бы имѣть рты; вовторыхъ твердое вещество должно бы постоянно придвигаться къ этимъ ртаамъ, а иначе растенія были бы поставлены въ необходимость пользоваться произвольнымъ движеніемъ, то-есть превратиться въ животныхъ... Словомъ, выходитъ цѣлый рядъ нелѣпостей. Разсуждаемъ далѣе. Питаясь жидкою пищею, растеніе можетъ не имѣть пищеварительныхъ пустотъ, подобныхъ кишечному каналу съ желудкомъ и пр. Если предположимъ противное, то-есть присутствіе желудка и кишекъ, то выйдетъ, что для принятія жид-

костей растенія олять должны имѣть рты или какіе-нибудь насосы, или же пользоваться произвольнымъ движеніемъ, — иначе какъ же они будутъ вливать въ себя воду? Слѣдовательно, мы снова впадаемъ въ ту же нелѣпость.

Всѣ тѣла въ природѣ одарены проницаемостію. Золотой шарикъ, наполненный ртутью, пропускаетъ ее сквозь свои незамѣтныя поры, при сильномъ давленіи, въ видѣ тончайшей росы. Явленія проницаемости плоскихъ тѣлъ и поднятіе жидкостей чрезъ тончайшія волосныя трубочки, суть только варианты общаго свойства проницаемости матеріи. Если комъ сухаго песку или земли нижнею частію погрузить въ воду, то вода подымается по тончайшимъ промежуткамъ, между частицами песка или земли, до самой верхушки комка. Если взять напримѣръ сухой кусокъ пузыря и погрузить его однимъ концомъ въ воду, то онъ вскорѣ весь намокнетъ, даже и въ той части, которая не погружена въ воду.

На проницаемости матеріи основано питаніе растеній: они уподобляются губкамъ, нижними частями погруженнымъ въ воду или въ сырую землю, и состоятъ изъ безчисленнаго множества микроскопическихъ пузырьковъ, коихъ плева, при неимовѣрной тонкости своей, быстро пропускаетъ жидкости. Вникая далѣе въ занимающее насъ явленіе, находимъ, что и самое движеніе растительныхъ соковъ происходитъ на основаніи той же проницаемости, на подобіе движенія воды отъ нижней части губки къ верхней. Но, также какъ и въ губкѣ, проникнувъ во всѣ поры растенія, сокъ долженъ бы остановиться; онъ и остановился бы, если бы вода не испарялась постоянно на поверхности листьевъ и на молодыхъ частяхъ растенія. Итакъ, становится очевидно, что одна неподвижность растенія опредѣляетъ образъ его питанія, то-есть принятіе жидкой пищи, испареніе и движеніе ея, и наконецъ самое построеніе растенія изъ мельчайшихъ тонкостѣнныхъ пузырьковъ.

Ограничимся этою, столь очевидною, связью питанія растеній и строенія органовъ, служащихъ для него, съ физическими силами окружающей природы, ибо достаточно этого, чтобы показать читателю существованіе гармоніи въ ряду орудій питанія растеній. Обратимся теперь къ животнымъ, у которыхъ еще многочисленнѣе гармоническія явленія въ орудіяхъ и процессахъ питанія.

Отсутствіе произвольнаго движенія опредѣляетъ питаніе

черезъ всасываніе; противное свойство опредѣляетъ питаніе твердыми веществами, кромѣ жидкихъ и газообразныхъ. Поэтому, почти всѣ животныя одарены пищеварительными пустотами и ртами. Съ другой стороны, твердая пища, по формѣ своей, несравненно разнообразнѣе нежели газообразная и жидкая: отсюда безконечный рядъ приспособленій, формъ, не только орудій пищепріянія и пищеваренія животныхъ, но и вообще всѣхъ частей его тѣла.

Связь между разными частями животнаго и его пищею до того очевидна, что всякому бросается въ глаза; но вмѣстѣ съ тѣмъ проявленія этой гармонической связи такъ многочисленны, что для указанія ихъ потребовалось бы слишкомъ много времени и мѣста, а потому постараемся лишь выбрать нѣсколько разительныхъ примѣровъ изъ отдѣла млекопитающихъ, какъ наиболѣе знакомыхъ каждому.

Орудія пищепріянія суть здѣсь челюсти и зубы; связь между ними и пищею животнаго такъ велика, что, какъ извѣстно, Георгъ Кювье, а вслѣдъ за нимъ и всѣ анатомы, по одному зубу воспроизводятъ всѣ формы животнаго. Относительно челюстей вообще можно сказать, что чѣмъ животное кровожаднѣе, тѣмъ челюсти его короче и сильнѣе. Ножницы съ длинными лезвиями слабѣе короткихъ; такъ точно и челюсти, дѣйствующія совершенно на подобіе ножницъ. Поэтому напримѣръ у гіенъ, которыя жаднѣе всѣхъ хищныхъ и въ дребзги разбиваютъ зубами самыя крѣпкія кости, челюсти чрезвычайно коротки. Между собаками тоже замѣчается у бульдоговъ; за то гіены и бульдоги хватаютъ добычу съ такою силой, что нѣтъ возможности вырвать ее у нихъ. Вмѣстѣ съ короткостью челюсти естественно соединяется малочисленность зубовъ; и точно, у гіенъ зубовъ даже менѣе нежели у собакъ, волковъ, лисицъ и другихъ кровожадныхъ.

Еще короче челюсти и еще менѣе зубовъ у рода кошекъ, куда относятся львы, тигры, пантеры, ягуары и пр. Эти животныя представляютъ чистѣйшій типъ кровожадныхъ хищниковъ; особенно характерны у нихъ зубы, названные у Кювье хищническими (*carnassières*). Это зубы коренные, которыхъ сверху и внизу по два: верхніе имѣютъ видъ острыхъ и крѣпкихъ треугольниковъ, обращенныхъ остріями внизъ; нижніе же представляются двойными треугольниками, такъ что при замыканіи челюстей верхнія приходятся между двумя концами нижнихъ. Эти зубы, при основаніи толстые и сведенные къ

краямъ острыми долотами, рѣжутъ мясо какъ бритвы, и безъ особаго усилія дробятъ самыя кости. Прибавьте къ этому такіе же острые жевательные зубы, по два сверху и снизу, съ каждой стороны, двѣ пары огромныхъ клыковъ (1), вооружающихъ челюсти на переднихъ углахъ, и будете имѣть понятіе о наступательныхъ орудіяхъ льва, тигра и всѣхъ другихъ кошекъ; орудія эти, очевидно, какъ нельзя лучше приспособлены къ образу жизни этихъ животныхъ.

Теперь посмотримъ на зубы травоядныхъ. У многихъ вовсе нѣтъ клыковъ, этихъ орудій хватанія и разрыванія живой добычи. У всѣхъ вообще двукопытныхъ (напримѣръ у быковъ, барановъ) спереди, въ верхней челюсти, вмѣсто зубовъ есть жесткій и упругій валежъ. Животное прижимаетъ къ нему траву нижними, плоскими зубами, и такимъ образомъ очень удобно срываетъ ее; коренные зубы, въ видѣ многоугольныхъ столбиковъ, плотно другъ къ другу прижатыхъ, образуютъ широкую и отличнѣйшую жевательную поверхность, лучше всякаго жернова. Для этого каждый зубъ состоитъ изъ пластинокъ различной плотности и крѣпости; пластинки болѣе мягкія естественно стираются скорѣе твердыхъ, и отъ этого жевательная поверхность сохраняетъ постоянную неровность. Подробное изученіе этихъ неровностей, имѣющихъ у разныхъ животныхъ различныя формы, показываетъ, что они приспособлены не только къ растительной пищѣ вообще, но даже къ свойству именно тѣхъ частей растеній, которыми животное преимущественно питается.

Мелкія травоядныя, питающіяся древесною корой или крѣпкими зернами, снабжены еще особаго рода передними зубами, удивительно приспособленными къ предварительному измельченію пищи. У бѣлокъ, байбаковъ, зайцевъ (2) и вообще у грызу-

(1) Зубы у человѣка и вообще у млекопитающихъ бываютъ трехъ родовъ: рѣзцы, клыки и коренные. Рѣзцы занимаютъ переднюю часть обѣихъ челюстей, у большей части животныхъ они служатъ для хватанія и отдѣленія куска пищи. Клыки занимаютъ передніе углы челюстей и, смотря по величинѣ своей и крѣпости, служатъ или для передачи пищи на коренные, или на задержаніе и умерщвленіе живой добычи. Коренные зубы занимаютъ остальные края челюстей и представляютъ у разныхъ животныхъ наибольшее разнообразіе поверхностей, ибо они-то именно и соображаются съ пищей.

(2) За этими четырьмя главными зубами, у зайцевъ есть еще по одному небольшому зубу, такъ что передніе у нихъ въ два ряда.

новъ, въ каждой челюсти спереди есть по два зуба (рѣзца), которые имѣютъ видъ кривыхъ долотъ, обращенныхъ выпуклостями кнаружи. Эти долота только спереди одѣты весьма крѣпкимъ веществомъ (эмалью), и чрезвычайно остры. Животное, остріями этихъ рѣзцовъ, захватываетъ самую твердую кору, орѣхъ или зерно, и скоблитъ пищу, весьма быстро отдѣляя мельчайшія крошки. Отъ этого грызенія зубы постоянно стираются вкось, и вмѣсто того чтобы тупиться, напротивъ заостряются постоянно, ибо передняя, твердая пластинка стирается несравненно медленнѣе остальной части зуба. Для того же, чтобы зубъ не могъ истереться совершенно, онъ имѣетъ свойство подростать снизу въ продолженіе всей жизни звѣрка.

Если зубы животныхъ до такихъ подробностей приспособлены къ ихъ пищѣ, то и остальные органы питанія устроены не хуже. Чѣмъ пища менѣе питательна и труднѣе переваривается, тѣмъ вообще обширнѣе переваривающій каналъ, то-есть желудокъ и кишки. Всего менѣе питательныхъ веществъ въ травѣ, и она всего труднѣе переваривается. Животное должно употреблять ее въ огромномъ количествѣ, чтобы поддерживать свои силы; поэтому желудокъ у быковъ, овецъ и всѣхъ вообще двукопытныхъ необыкновенно великъ и состоитъ изъ четырехъ большихъ мышковъ. Лошади и другія однокопытныя, питающіяся кромѣ травы зернами, имѣютъ хотя обширный желудокъ, но уже меньшій нежели у двукопытныхъ. Самымъ малымъ (сравнительно) желудкомъ снабжены хищныя: собаки, кошки и т. д. Даже длина кишечнаго канала большею частію соответствуетъ пищѣ. Такъ напримѣръ, у быка кишечный каналъ въ двадцать разъ длиннѣе тѣла, то-есть достигаетъ слишкомъ 21 сажени; у льва, напротивъ того, кишечный каналъ только втрое длиннѣе тѣла, а у человѣка вшестеро.

Впрочемъ, можно сказать, что вообще всѣ части тѣла животнаго соотвѣтствуютъ его образу питанія. Связь эта, конечно, менѣе очевидна нежели въ самыхъ органахъ питанія; однакоже напримѣръ длина шеи и строеніе ногъ иногда такъ же ясно указываютъ на образъ пищи, какъ и самые зубы. Напримѣръ, у кошекъ пальцы заканчиваются острѣйшими когтями, которые только тогда выпускаются наружу, когда животное захочетъ этого; въ покойномъ состояніи, когти сами собою впускаются въ особые чехлы и поворачиваются остріями кверху. Не очевидна ли тутъ связь съ образомъ пищи и даже со всѣми

чертами жизни и характера кошекъ? Точно также и копыта, защищающія легкія ноги лошадей, оленей, антилопъ, и пр., не указываютъ ли яснѣйшимъ образомъ на родъ пищи ихъ и на необходимость, для отысканія этой пищи, переходить и перелѣзть большія пространства?

Изъ всего сказаннаго читатель, вѣроятно, уже можетъ заключить, что органы размноженія и питанія живыхъ существъ дѣйствительно гармонируютъ съ окружающими явлениями природы и съ общими цѣлями этихъ органовъ. Кроме того, очевидно, что какъ тѣ, такъ и другіе органы имѣютъ одну общую цѣль—сохраненіе существующихъ уже на землѣ живыхъ формъ. Для этого у растений особенно многочисленны средства къ обмѣненію; животныя же пользуются въ этомъ отношеніи несравненно меньшими способами, потому что движеніе и воля съ чувствительностію всего лучше способствуютъ къ ихъ сохраненію, служа имъ защитой отъ вредныхъ вліяній извнѣ.

Съ другой стороны, мы замѣчаемъ, что хотя растения нерѣдко снабжены различными оборонительными органами; но органы эти далеко не такъ дѣйствительны, какъ естественная защита животныхъ—движеніе.

Твердость плодовыхъ скорлупъ, острые шипы (1), покрывающіе нѣкоторыя изъ нихъ, и ядовитость соковъ, весьма хорошо защищаютъ растения отъ истребленія животными или даже отъ вѣшнихъ неблагопріятныхъ вліяній. Но что могутъ они сдѣлать противъ засухи или противъ урагана, преждевременно срывающаго ихъ со стеблей и уносящаго въ соленыя воды морей и океановъ?

Въ южной Азіи, въ Индіи, густые дѣвственные лѣса перепутаны гибкими, но твердыми стволами ползучей пальмы (*Salatus* и друг.), достигающими нерѣдко невѣроятной длины, девяноста саженей, то-есть болѣе $\frac{1}{2}$ версты. При основаніи своемъ онѣ выпускаютъ крѣпкія колючки, въ полъ-аршина длиной, которыя могутъ насквозь проколоть ноги неосторожнаго путника, пробирающагося сквозь лѣсную чащу. Низкорос-

(1) Шипами называютъ острия возвышенія, вырастающія на стебляхъ, вѣтвяхъ, плодахъ и другихъ частяхъ растения (напримѣръ у розъ, на плодахъ датуры, дикаго каштана и т. д.); колючками же называются сухощавыя и жесткія вѣтви или другія части растений, заостряющіяся на концахъ; таковы напримѣръ, колючки барбариса, терна, померанца, нѣкоторыхъ дикихъ яблонь, грушъ и т. д.

слая саговая пальма также покрыта длинными и острыми колючками, и даже громадные перистые листья ея колются как ножи. Повидимому, саговые лѣса непроходимы, также какъ и тѣ, что опутаны вьющимися пальмами; однако жители тѣхъ странъ ежегодно нарѣзываютъ изъ гибкихъ стволовъ ротанга несчетное количество легкихъ и крѣпкихъ тростей, а на Зондскихъ островахъ, изъ сердцевины страшно-вооруженной саговой пальмы извлекаютъ питательное саго, такъ что, еслибы способы размноженія упомянутыхъ растеній не были довольно обильны, пальмы эти могли бы уже давно исчезнуть.

Вообще способы обороны занимаютъ въ растеніяхъ второстепенное мѣсто. Не такъ у животныхъ: нерѣдко все, до малѣйшей подробности, прилажено въ нихъ къ укрыванію отъ врага, къ избѣжанію его преслѣдованій или наконецъ къ самой активной оборонѣ. Такъ напримѣръ, иногда цвѣта животныхъ поразительно согласуются, гармонируютъ съ цвѣтомъ почвы, растеній и вообще съ колерами, преобладающими въ той мѣстности, гдѣ они держатся.

На Сешельскихъ островахъ водится насѣкомое, называемое зоологами *Phyllium ziccifolium*, что можно передать словами *филлія сухолистянная* (1). Животное это, вершка въ полтора или два длиной, необыкновенно похоже на сухой листъ: оно плоско, овальной формы, желтоватаго или зеленоватаго цвѣта, съ прожилками на верхней сторонѣ, вѣтвящимися на подобіе жилокъ листа; такъ какъ крыльевъ у него нѣтъ, то оно ползаетъ по землѣ между сухими листьями, съ которыми имѣетъ такое сходство, и такимъ образомъ легко укрывается отъ вниманія и преслѣдованія враговъ своихъ. Вообще сѣроватый, бурый, зеленый цвѣтъ многихъ насѣкомыхъ, необыкновенно сходенъ съ цвѣтомъ листьевъ, древесины, стволовъ или почвы, служащихъ имъ мѣстопребываніемъ. Есть одинъ жукъ яркозеленаго цвѣта (2), который даже издаетъ запахъ совершенно растительный: онъ очень сильно пахнетъ розами. Пауки, живущіе въ землѣ, бываютъ сѣровато-черные или желто-бурые, а между травяными есть яркозеленые и бѣлые.

(1) Насѣкомое это относится къ тому же отряду, къ которому причисляются кузнечики.

(2) *Cerambyx moschatus*, мускусовый дровосѣкъ, металлическаго зеленого цвѣта, длиною въ 3 сантиметра, держится преимущественно на ввахъ въ южной Россіи и на Кавказѣ.

Такое приспособленіе колеровъ къ мѣсту жительства животныхъ особенно поразительно у нѣкоторыхъ пресмыкающихся. Такъ напримѣръ, около Тифлиса, гдѣ очень много ящерицъ, чаще всего попадаются ярко-зеленыя и желтовато-сѣрыя: первыя держатся между кустовъ, въ травѣ, а вторыя между скалами глинистаго сланца или шифера. Извѣстная древесная лягушка, которая дѣйствительно держится на деревьяхъ, окрашена сверху самою яркою зеленью, тогда какъ обыкновенная болотная лягушка большею частію неопредѣленнаго цвѣта и сливается съ окрестными предметами.

Если, касательно колеровъ, мы обратимся снова къ млекопитающимъ или птицамъ (1), то тотчасъ замѣтимъ, что животныя эти тѣмъ ярче, чѣмъ обитаемая ими страна теплѣе и, слѣдовательно, чѣмъ разнообразнѣе и пестрѣе окружающая ихъ природа.

Особенною яркостію колеровъ отличаются тропическія птицы; многія изъ нихъ держатся среди листвы деревьевъ, приносящихъ яркіе цвѣты или покрывающихся чужеддными и полу-чужедными, орхидными растеніями, коихъ цвѣты удивительно обильны и не рѣдко изображаютъ собою насѣкомыхъ и птицъ. Колера дикихъ утокъ, дрофъ, различныхъ куликовъ и бекасовъ, какъ нельзя болѣе гармонируютъ то съ болотными травами и кочками, то съ желтоватою травой степей, то съ прибрежными песками и бугорками.

Между сѣверными животными гораздо болѣе бѣлыхъ нежели между тропическими. Изъ числа сѣверныхъ, есть даже много такихъ, которые назиму бѣлѣютъ и получаютъ такимъ образомъ цвѣтъ, вполне гармонирующий съ окружающими ихъ снѣгами. Бѣлая куропатка или тетерева (*Tetrao lagopus*), водящаяся только въ Сибири и сѣверной Россіи, цѣлыми сотнями и тысячами садятся иногда на тундру, но неопытный чловѣкъ ни за что не разсмотритъ и не отличитъ ихъ отъ снѣга, однообразно покрывающаго сѣверныя пустыни. Для болѣе очевиднаго подтвержденія того, что мы сказали о бѣлыхъ и бѣлѣющихъ животныхъ, приведемъ въ примѣръ опять млекопитающихъ.

Всѣхъ млекопитающихъ извѣстно до сихъ поръ около 1500

(1) Единственное млекопитающее, отливающее золотисто-бронзовымъ блескомъ (*Chrysochloris capensis*), живетъ въ южной части Африки. Это небольшой звѣрокъ, похожій на нашего крота.

видовъ; изъ нихъ, чисто-бѣлыхъ во всякое время года только два: *бѣлуха* и *бѣлый медвѣдь*. Бѣлуха есть морское животное изъ семейства дельфиновыхъ, не заходящее южнѣе 56° сѣверной широты; бѣлые медвѣди также водятся только на льдахъ и ледяныхъ островахъ Сѣвернаго Моря. Между млекопитающими теплыхъ странъ, одна лишь африканская антилопа бѣлаго цвѣта во всякое время года; если же считать также млекопитающихъ, бѣляющихъ на зиму, то окажется, что ихъ всего, со включеніемъ африканской антилопы и сѣвернаго оленя, который принимаетъ на зиму не совсѣмъ бѣлый цвѣтъ, тринадцать, изъ коихъ двѣнадцать живутъ исключительно въ сѣверныхъ—ледяныхъ, холодныхъ или по крайней мѣрѣ умѣренно-холодныхъ странахъ (1). У многихъ другихъ млеко-

(1) 1. *Бѣлуха* (*Delphinapterus leucas* Giebel)—морское животное, изъ отряда китовыхъ и отдѣленія дельфиновыхъ, достигаетъ отъ 12 до 20 футовъ длины и живетъ въ сѣверныхъ моряхъ, не южнѣе 56° С. Ш. Чисто-бѣлаго цвѣта, иногда съ желтымъ отливомъ.

2. *Гренландскій тюлень* (*Phoca groenlandica* Müll.); преобладающій цвѣтъ у взрослыхъ бѣлый. Живетъ въ Ледовитомъ океанѣ, встрѣчается также въ Бѣломъ морѣ и около Камчатки, а въ Америкѣ не южнѣе Лабрадора.

3. *Бѣлая Антилопа* (*Antilope leucogut* Pall.); преобладающій цвѣтъ бѣлый. Живетъ въ Аравіи, Персіи и въ Африкѣ отъ Кордофана и Сеннаира до Египта.

4. *Антилопа пуштошерстая* (*Ant. lanigera* Smith); покрыта густою, курчавою шерстью бѣлаго цвѣта, которая мягче мериносовой. Живетъ на самыхъ высокихъ утесахъ Скалистыхъ горъ Сѣверной Америки.

5. *Сѣверный олень* (*Cervus tarandus* L.); у сибирскаго, лѣтомъ темно-сѣрая шерсть, зимою изсѣра-бѣлая, у гренландскаго лѣтомъ буроватая, зимою бѣловатая. Южнѣе 70° С. Ш. почти не заходить; дикіе держатся еще сѣвернѣе, напримѣръ на островѣ Вайгачѣ.

6. *Залцъ бѣлкъ* (*Lepus variabilis* Pall.); на зиму, какъ извѣстно, становится совершенно-бѣлымъ, только кончики ушей остаются черными. Распространенъ только въ сѣверной и восточной Европѣ и въ Сибири.

7. *Залцъ американскій* (*Lep. americanus* Ertl.); тоже бѣлѣетъ на зиму. Живетъ въ западной части Сѣверной Америки, не южнѣе 64° С. Ш.

8. *Залцъ полевой* (*L. campestris* Vach); бѣлѣетъ на зиму не совершенно; живетъ въ степяхъ, по сторонамъ Скалистыхъ горъ Сѣверной Америки.

9. *Сѣверная пеструшка* (*Myodes hudsonius* Wagn.); звѣрокъ длиною въ 5 дюймовъ, относится къ семейству полевыхъ мышей; лѣтомъ пестрая, зимою чисто-бѣлая. Распространена отъ восточнаго берега Бѣлаго моря, черезъ Сибирь и Америку, до Гудсонова залива. Не заходить южнѣе сѣверной границы лѣсовъ.

питающихъ, шерсть хотя и не бѣлѣетъ на зиму, но становится свѣтлѣе и несравненно пушистѣе. Такъ напримѣръ, русскія и сибирскія бѣлки одѣваются на зиму въ густую сѣрую шубку, а лѣтомъ принимаютъ несравненно менѣе пушистое, красно-бурое одѣяніе; огромный лось зимой получаетъ преобладающій буровато-сѣрый цвѣтъ, а лѣтомъ становится чернобурымъ. Многіе олени, козлы и дикія овцы, а также нѣкоторые мелкіе грызуны, на зиму измѣняютъ свой цвѣтъ. Замѣчательно, что измѣненіямъ этимъ подвергаются животныя, населяющіе именно ледяныя и холодныя страны. Далѣе, мы будемъ имѣть случаи еще разъ коснуться соотвѣтственности цвѣта животныхъ съ окружающими условіями; теперь замѣтимъ еще, что, кромѣ общихъ приспособленій въ строеніи животныхъ съ цѣлю защиты, есть множество частныхъ, принадлежащихъ исключительно только нѣкоторымъ родамъ или видамъ. Къ числу подобныхъ относятся колючки ежей и способность ихъ свертываться въ клубокъ, роговые панцири, покрывающіе плащеносцевъ, вонючая жидкость, которую испускаютъ вонючіе хорьки (1), и т. п.

Органы движенія, служащіе не только для защиты и укры-

10. *Бѣлый медвѣдь* (*Ursus maritimus* L.); во всякое время года бѣлый. Южнѣе 83° С. Ш. не распространяется.

11. *Горностай* (*Mustela erminea* L.); лѣтомъ бурый, зимой бѣлый, съ чернымъ кончикомъ хвоста. Водится въ средней Европѣ и Азій, до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ этихъ частей свѣта.

12. *Ласка* (*Mustela vulgaris* Erxl.); водится тамъ же, гдѣ и горностай, но бѣлѣетъ на зиму только на сѣверѣ, въ средней Европѣ она рѣдко мѣняетъ свой цвѣтъ.

13. *Песецъ* (*Canis lagopus*); сибирскій лѣтомъ сѣроватый, зимой чисто-бѣлаго цвѣта; живетъ въ полярныхъ странахъ.

Кромѣ здѣсь перечисленныхъ животныхъ, вѣроятно есть еще нѣкоторые, коихъ зимняя шубка еще неизвѣстна.

(См. *Die Säugethiere etc.* von C. Giebel, Leipzig, 1855, а также *Naturgeschichte der Säugethiere Deutschlands*, von J. H. Blasius, Braunschweig, 1857).

(1) Эти животныя водятся въ теплыхъ странахъ Сѣверной и Южной Америки; подъ хвостами есть у нихъ мѣшечки, изъ которыхъ, въ случаѣ опасности или сильнаго гнѣва, они испускаютъ обильную жидкость, издающую самый отвратительный запахъ. Вовъ эта такъ пронзательна и остается такъ надолго, что если хоть одинъ вонючій хорекъ заберется въ погребъ, то, говорятъ, весь погребъ нужно опорожнить, и уничтожить все тамъ находившееся и уже принявшее нестерпимый запахъ.

ванія, но и для отысканія пищи, представляютъ наибольшее разнообразіе и наибольшее число приспособленій или, какъ мы не разъ уже выразились, гармоническихъ фактовъ. О нѣкоторыхъ я уже упомянулъ, приведу еще нѣсколько любопытныхъ примѣровъ.

Въ Атлантическомъ океанѣ, у береговъ Франціи и другихъ, водится моллюскъ, извѣстный подъ названіемъ каракатицы (1); самыя большія изъ этихъ моллюсковъ достигаютъ полуаршина въ длину, тѣло ихъ имѣетъ видъ округленнаго мѣшка, на одномъ концѣ котораго прикрѣпленъ вѣнецъ длинныхъ щупальцевъ или, пожалуй, ногъ. Въ срединѣ этого вѣнца ротъ, а по бокамъ тѣла, около ногъ, большіе и весьма-сложно устроенные глаза. Когда животное ходитъ, то опрокидывается головой внизъ. Каракатицы живутъ близъ скалистыхъ береговъ и движутся часто по скользкимъ утесамъ, не только отвѣснымъ, но даже иногда нависшимъ въ водѣ. Это достигается весьма просто, слѣдующимъ образомъ: на каждой изъ восьми мягкихъ, подвижныхъ ногъ, снутри въ два ряда расположены присосала, имѣющіе видъ блюдцевъ или чашечекъ, донцами прикрѣпленныхъ къ ногамъ. Входъ въ присосало затянута крѣпкою кожей, съ отверстіемъ посрединѣ; черезъ это отверстіе проходитъ стержень, который мгновенно можетъ вбираться внутрь. Когда животное хочетъ двигаться по какой-нибудь поверхности, напримѣръ по скалѣ, то прикладываетъ къ ней свои присосала и въ то же мгновеніе втягиваетъ внутрь стержни. Отъ этого въ присосалахъ образуется безвоздушное пространство и, вслѣдствіе того, каждое изъ нихъ сдерживается давленіемъ цѣлой атмосферы. Можно принять, что сила, съ которою каждое присосало сдерживается, равняется приблизительно $\frac{1}{8}$ фунта, у европейской каракатицы; а такъ какъ у ней всѣхъ присосалъ до 120 паръ, на каждомъ щупальцѣ или ногѣ, то выходитъ, что сила, съ которою это животное прилѣпляется, употребляя на те всѣ свои присосала, равняется 5 или 6 пудамъ. Къ этому надо прибавить, что края присосалъ снабжены острыми зубчиками, такъ что если поверхность камня или дна морскаго шероховата, то цѣпкость животнаго еще усиливается. Такимъ образомъ, животное весьма небольшое и мяг-

(1) Каракатица (*Octopus vulgaris*) относится къ отряду моллюсковъ *головоногихъ*, названныхъ такъ именно вслѣдствіе прикрѣпленія ногъ вокругъ головы.

кое одарено силой, далеко превышающею человѣческую, потому что человѣкъ не въ состояніи насильственно отцѣпить присосавшуюся каракатицу. Говорятъ, что каракатицы нерѣдко потопляли купающихся, присасываясь къ ихъ ногамъ или туловищу.

Теперь уже намъ не трудно представить, какимъ образомъ каракатицы переходятъ съ мѣста на мѣсто, постепенно отцѣпляясь и присасываясь то одними, то другими щупальцами. Этотъ примѣръ показываетъ, до какой подробности доходятъ приспособленія въ природѣ; но еслибы читатель захотѣлъ вникнуть, вмѣстѣ съ анатомомъ, въ строеніе органовъ движенія любого животнаго, то на каждомъ шагѣ нашелъ бы не менѣе чудеснаго. Формы твердыхъ частей и мышцъ, приводящихъ ихъ въ движеніе, разчитаны какъ нельзя лучше или для добыванія наибольшей силы при наименьшихъ средствахъ, или для достиженія наибольшей быстроты при наименьшей тратѣ матеріала. Форма тѣла, свойство его покрововъ, размѣры всѣхъ частей, приспособлены превосходнѣйшимъ образомъ для той среды, которая служитъ постояннымъ мѣсто-пребываніемъ животному. Такъ напримѣръ у птицъ, яйцевидная форма тѣла, малость и заостреніе головы спереди, пустота всѣхъ костей, ни мало не уменьшающая ихъ крѣпости (1), но придающая имъ легкость, — пустота, крѣпость и упругость перьевъ, система воздушныхъ мѣшковъ, проникающихъ даже въ малѣйшія косточки (2), все какъ нельзя болѣе приспособлено къ полету.

Вникая въ гармонію природы съ точки зрѣнія движенія животныхъ, мы поражены связью самыхъ разнообразныхъ явленій. Вотъ стадо горныхъ туровъ, стремительно перескакивающихъ чрезъ шумящіе водопады и зіяющія пропасти, съ помощію крѣпкихъ и легкихъ ногъ, защищенныхъ упругими копытами: видя какъ эти животныя, съ высоты многихъ сажень, съ размаха бросаются внизъ, на могучіе рога овецъ (3),

(1) Два цилиндра одинаковаго діаметра, изъ которыхъ одинъ будетъ пустой, а другой плотный, представляютъ при изломѣ одинаковое сопротивление.

(2) Легочныя воздушныя ячейки продолжаютъ изъ легкихъ во всѣ части тѣла и у нѣкоторыхъ птицъ заходятъ даже въ мелкія ушныя косточки.

(3) Въ бытность мою въ Тибетѣ, на конюшнѣ князя Воронцова былъ

толстыми дугами защищающіе ихъ головы, мы сразу поймемъ значеніе этихъ роговъ, повидимому черезчуръ огромныхъ. Далѣе намъ представляется лось, уходящій быстрѣ любого скакуна сквозь чащу кустарниковъ и лѣсовъ, на первый взглядъ непроходимыхъ. Широкіе рога его, какъ два стальные крыла, лучше топора раздвигаютъ зеленую трущобу, прочищая передъ нимъ широкую дорогу. Въ пустынной степи африканской, левъ совершаетъ свои двухъ-и-трехъ-саженные прыжки, закидываетъ на спину цѣлую корову и, держа добычу сильными челюстями, убѣгаетъ отъ преслѣдованія арабскихъ скакуновъ. Среди дѣвственныхъ лѣсовъ Старого и Нового Свѣта, мы видимъ стаи обезьянъ, ходящихъ въ вершинахъ гигантскихъ деревьевъ такъ быстро, какъ мы не можемъ ходить по ровной землѣ: всѣ четыре оконечности этихъ животныхъ обращены въ цѣпкіе крючья; у американскихъ обезьянъ къ этому присоединяется еще крѣпкій хвостъ, завертывающійся около сучьевъ какъ веревка. Въ Новой Голландіи и въ Зеландіи представляются намъ кангуру, — эти двуутробки почти съ чловѣка ростомъ: онѣ ходятъ на заднихъ ногахъ и на жесткихъ хвостахъ своихъ, какъ будто на треножникахъ, подпрыгивая такъ, что легко могли бы вскакивать въ третій этажъ любого дома...

Разнородныя движенія крупныхъ животныхъ, безъ сомнѣнія, болѣе другихъ бросаются въ глаза; но мелкія устроены отнюдь неменѣе чудесно. Видали ли вы крота, вытасценнаго изъ темной норы своей на свѣтъ божій? Онъ не можетъ скоро бѣгать, но роется съ помощію головы и переднихъ, широкихъ лапокъ своихъ такъ быстро, что можно подуматъ будто онъ въ этой землѣ не роется, а плаваетъ. И сколько такихъ роющихъ звѣрковъ! Самое хожденіе мухъ и другихъ насѣкомыхъ по потолку есть уже чудо, — и не потому ли оно кажется намъ столь обыкновеннымъ, что мы къ нему давно привыкли, — присмотрѣлись еще съ тѣхъ поръ, когда ничему не умѣли дивиться?

Но, какъ ни могущественно само по себѣ движеніе, для доставленія защиты и пищи животному, оно ничто въ сравненіи съ орудіями, позволяющими ему сознавать то, что вокругъ его совершается, то-есть съ орудіями чувствъ; еще менѣе зна-

молодой туръ (*Capra caucasica*), и всякій могъ видѣть, какъ это животное визвергалось со втораго этажа на мостовую и падало на свои крѣпкіе рога.

чительно оно въ сравненіи съ смышленостью, и наконецъ, безконечно менѣ сравнительно съ разумомъ, коимъ одаренъ человѣкъ.

Чѣмъ совершеннѣе орудія чувствъ, тѣмъ совершеннѣе интеллектуальныя способности животнаго. Положеніе это, кажется, не требуетъ подтвержденія; однакоже, чтобы вполне оцѣнить его справедливость, должно сознать, въ чемъ состоитъ совершенство органовъ чувствъ.

Многія птицы и млекопитающія надѣлены, напримѣръ, несравненно большею силой зрѣнія, обонанія, или слуха, нежели человѣкъ; но можно ли сказать вслѣдствіе этого, что зрѣніе, слухъ или обонаніе этихъ животныхъ *совершеннѣе* человѣческаго? Орелъ или коршунъ, парящіе на такой высотѣ, что ихъ едва можно различить снизу, тѣмъ не менѣ видятъ оттуда мельчайшую добычу между кустами или травой: слѣдовательно они одарены, сравнительно съ человѣкомъ, необычайною дальноркостью. Собака или волкъ необыкновенно далеко чуютъ не только падалъ, но и живую добычу — птицу или зайца, скрывающихся въ чащѣ кустовъ и травъ. Сайгакъ за нѣсколько верстъ слышитъ въ степи осторожную походку охотника или приближеніе хищнаго звѣря, крадущагося въ при-аральскихъ камышахъ. Но если перечисленныя животныя, и еще многія другія, дѣйствительно превосходятъ человѣка силой одного или двухъ чувствъ, то нѣтъ ни одного, которое бы превосходило человѣка тонкостію, а главное гармоническою соразмѣрностію всѣхъ пяти чувствъ вмѣстѣ.

Уничтоженіе или ослабленіе одного изъ пяти чувствъ у человѣка неминуемо ведетъ за собою ослабленіе умственныхъ способностей. Если изъ двухъ людей, рожденныхъ съ одинаковыми способностями и развивающихся при совершенно-одинаковыхъ условіяхъ, одинъ ослѣпнетъ, то само собою разумѣется, что слѣпой въ умственномъ развитіи своемъ отстанетъ отъ зрячаго, потому уже, что для замѣны зрѣнія онъ принужденъ употребить нѣкоторое время на изощреніе осязанія. Вспомнимъ, что, по сравненію съ человѣкомъ, всѣхъ животныхъ можно считать нѣмыми, ибо даже глухо-нѣмому человѣку легче передавать свои ощущенія и мысли нежели любому животному. Но не говоря уже о нѣмотѣ животныхъ, въ развитіи самыхъ пяти чувствъ они передъ человѣкомъ или слѣпы, или глухо-нѣмы, или лишены обонанія, или, за малыми исключеніями, лишены даже осязанія. Что же касается

до тонкости чувствъ, которой животныя вообще лишены, то на это существуетъ много доказательствъ: главнѣйшимъ изъ нихъ почитаемъ мы слѣдующее:

Тонкость каждаго чувства опредѣляется именно гармоническою соразмѣрностію всѣхъ пяти. Ребенокъ видитъ сначала всѣ предметы на одномъ планѣ, какъ бы они ни были далеко другъ отъ друга: перспектива для него не существуетъ, и онъ одинаково протягиваетъ ручки за яблокомъ, предлагаемымъ ему матерью, и за тою *маленькой* коровкой, которая пасется на лугу въ пятидесяти саженьяхъ отъ него. Только въ послѣдствіи, съ помощію осязанія, начинаетъ онъ по глазомѣру судить о разстояніяхъ и получаетъ *тонкость зрѣнія*.

Изъ этого очевидно слѣдуетъ, что животныя, коихъ осязаніе сравнительно съ человѣческимъ крайне грубо, не въ состояніи достигнуть настоящей тонкости зрѣнія и ощущеній вообще. Развитие одного чувства на счетъ другаго всегда ведетъ за собою односторонность въ общемъ развитіи; въ человѣкѣ оно было бы неуравновѣсностію; но у животныхъ сильное развитіе одного изъ орудій чувствъ нерѣдко опредѣляетъ высокую степень смышлености. Примѣръ слона служитъ тому отличнѣйшимъ доказательствомъ. Это неуклюжее и тяжелое животное обязано одному своему хоботу тѣмъ, что умственные его способности равняются собачьимъ и даже обезьяньимъ, тогда какъ и собака и обезьяна одарены несравненно совершеннѣйшимъ зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и даже осязаніемъ. По степени развитія чувствъ своихъ, слонъ долженъ бы равняться смышленостію какому-нибудь носорогу или бегемоту, — одному изъ глупѣйшихъ животныхъ. Но хоботъ ставитъ его неизмѣримо выше; а между тѣмъ это не что иное, какъ превосходный органъ осязанія и хватанія. Можно полагать, что еслибы между слонами родился уродецъ безъ хобота, то былъ бы такъ же глупъ, а можетъ-быть и глупѣе носорога и бегемота. За то природа и постаралась надъ хоботомъ, который есть, впрочемъ, не болѣе какъ удлинненный носъ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ мелкихъ мышць (1), дозволяющихъ ему принимать самыя разнообразныя направленія и формы, заканчивается растяжимымъ прибавкомъ, въ видѣ пальца, и служитъ, какъ извѣстно, не только для добы-

(1) См. G. Cuvier, *Regne animal* и *Leçons d'anatomie comparée*.

ванія пищи, питья, препровожденія ихъ въ ротъ и для защиты, но и для весьма тонкаго осязанія. По милости хобота, слонъ не долженъ безпрестанно наклонять голову и вообще производить головою какія-либо усиленныя движенія, которыя причиняютъ постоянныя приливы крови къ мозгу и вслѣдствіе того затемнѣніе умственныхъ способностей.

Если одинъ органъ, съ исключительною тщательностію отдѣленный природою, можетъ доставить самому неуклюжему изъ земныхъ млекопитающихъ такое совершенство умственныхъ способностей и тѣмъ надолго обезпечить его существованіе на землѣ, то удивительно ли, что человѣкъ, у котораго каждый палецъ на рукѣ, каждый участокъ кожи на тѣлѣ есть въ своемъ родѣ совершеннѣйшее произведеніе природы, чинитъ себѣ на землѣ полную защиту и спокойствіе, среди всевозможныхъ враждебныхъ условій, и притомъ сравнительно безъ всякихъ естественныхъ, физическихъ средствъ къ оборонѣ или нападенію?

Если безсмертный духъ, по совершенству своему родственнѣйшій съ Божествомъ, могъ поселиться въ матерію, одушевить ее, то, безъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ избрать своимъ мѣстопребываніемъ такое тѣло, какимъ одаренъ человѣкъ: въ этомъ тѣлѣ все подчинено одной общей идеѣ — усовершенствованію чувствъ, съ цѣлю доставить наибольшія удобства интеллектуальной дѣятельности.

Сказавъ, что изъ всѣхъ движущихся существъ человѣкъ есть единственное истинно-двурукое и двуногое, Кювье доказываетъ, что тѣло его приспособлено именно и къ вертикальному положенію (1). Затѣмъ, въ сжатыхъ, но мастерскихъ выраженіяхъ, знаменитый естествоиспытатель показываетъ, до чего одна эта вертикальность способствуетъ развитію умственныхъ способностей и до чего каждая черта организма приспособлена къ той же цѣли. Послѣ ряда доказательствъ, очевидно направленныхъ противъ тѣхъ, которые выразили странную мысль, будто человѣкъ созданъ для хожденія на четверенькахъ, Кювье говоритъ: «Итакъ, человѣкъ долженъ держаться только на ногахъ своихъ. Онъ сохраняетъ полную свободу рукъ, для упражненія въ искусствахъ, а органы его чувствъ наилучшимъ образомъ приспособлены для наблюденія. Руки его, извлекающія уже

(1) *Regne animal.*

столько выгодъ изъ своей свободы, не менѣе совершенны и по своему строенію. Большой палецъ, болѣе длинный чѣмъ у обезьяны, даетъ большую ловкость для хватанія мелкихъ предметовъ; всѣ пальцы, за исключеніемъ золотого (1), пользуются отдѣльнымъ движеніемъ, чего нѣтъ ни у одного животного. Ногти, прикрывая концы пальцевъ только съ одной стороны, даютъ опору осязанію, нисколько не уменьшая тонкости ощущенія. Кисти прикрѣплены къ рукѣ, которая въ свою очередь имѣетъ прочную опору въ лопаткѣ и ключицѣ и т. д. Далѣе Кьюве показываетъ, какъ самая величина мозга, положеніе внутреннихъ и кровяныхъ сосудовъ, соразмѣрены съ вертикальнымъ положеніемъ человѣка, имѣющимъ столько вліянія на интеллектуальныя его способности.

Итакъ, куда мы ни заглядывали, бѣгло обозрѣвая оба царства живыхъ существъ, несмотря на эту бѣглость и поспѣшность, не позволявшія намъ углубиться въ причины вещей, повсюду мы видѣли соотвѣтственность съ тѣми или другими, общими или частными цѣлями природы, повсюду встрѣтили одну и ту же нить, связующую всѣ существа и всѣ явленія между собою, словомъ, видѣли то, что назвали мы гармоніей въ природѣ.

Если, лично отстранившись отъ тѣхъ явленій, которыя насъ до сихъ поръ занимали, мы станемъ мысленно на высшій наблюдательный пунктъ и бросимъ взглядъ на всю цѣлость природы, то умъ и воображеніе наше поражены будутъ непрерывною смѣной причинъ и послѣдствій, безконечными рядами слѣдующихъ другъ за другомъ и расходящихся изъ столькихъ различныхъ центровъ, сколько отдѣльныхъ явленій представится умственному нашему взору!

Дѣйствительно, каждое явленіе, какъ бы оно ни было мелко, каждая частица матеріи, въ одно и то же время представляется намъ и причиной и слѣдствіемъ; мало того, каждое явленіе въ данный мигъ можетъ быть принято за центръ міровой дѣятельности, за исходъ всего совершающагося въ природѣ; ибо природу можно сравнить съ безконечною сѣтью, которой петли всѣ между собою равносильны, и нѣтъ причины ту или другую принимать за первоначальную: всѣ кажутся первыми и въ то же время послѣдующими.

(1) *Золотой палецъ*, слѣдующій за мизинцемъ, потому такъ называется, что на немъ обыкновенно носятъ обручальное кольцо.

Капля дождя косвенно устремляется изъ темной тучи, вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ другихъ капель: она смачиваетъ сухую землю, растворяетъ тамъ разныя вещества, входитъ въ составъ растенія, изъ котораго снова подымается парами въ воздухъ, опять носится съ тучами и, быть-можетъ, во второй разъ ниспадаетъ дождемъ. Попадъ теперь въ рѣку и будучи поглощена рыбой, она на нѣкоторое время составляетъ часть ея тѣла, быть-можетъ, переходитъ и въ человѣка, и Богъ знаетъ, когда эта капля, уловленная нами на пути ея съ неба на землю, начала свое существованіе: можетъ-статься, она уже нѣсколько тысячъ лѣтъ вращается такимъ образомъ.

Другая подобная капля, падъ на землю дождемъ и перейдя въ растеніе, напримѣръ, въ пшеницу, могла войти въ составъ ея зерна, быть погребенною съ муміей какого-нибудь египетскаго жреца, или занесенною въ темную, сухую норку полеваго звѣрка, и тамъ оставаться недѣлительною на сотни и тысячи лѣтъ... Эта водяная капля, прослѣженная нами въ ея странствіяхъ, не представляетъ ли намъ безконечнаго ряда причинъ и слѣдствій, не можетъ ли она, въ каждый моментъ своего существованія, считаться центромъ всевозможныхъ явленій? Она, вмѣстѣ съ другими каплями воды, была причиной растворенія веществъ въ почвѣ, одною изъ причинъ, продолжавшихъ жизнь растенія, причиной образованія тучъ, жизни рыбы, человѣка, а между тѣмъ, каждое изъ этихъ явленій само по себѣ можетъ служить исходнымъ пунктомъ нашему разсужденію, и самая дѣятельность водяной капли окажется тогда слѣдствіемъ каждаго изъ нихъ.

Зрѣлое пшеничное зерно, можемъ мы сказать, содержитъ въ себѣ элементы дождевой капли: глубоко зарытое въ землю, оно остается, вмѣстѣ съ каплей, бездѣйственнымъ на сотни лѣтъ; но вотъ, оно случайно извлечено на свѣтъ и воздухъ, въ искусныхъ рукахъ европейскаго садовника (1) оно взошло, и вотъ капля наша составляетъ часть растенія, возросшаго уже

(1) Извѣстно, что нѣкоторыя луковицы и хлѣбныя зерна, найденныя въ гробницахъ мумій, взошли и дали плодущія растенія. Два пшеничныя зерна, привезенныя однимъ путешественникомъ изъ египетскихъ катакомбъ въ Германію, были вымачиваемы сначала въ маслѣ, потомъ въ водѣ; наконецъ, они проросли и дали плодущія сѣмена; эта пшеница оказалась совершенно сходною съ одною изъ породъ, воздѣлываемыхъ теперь.

не подъ свѣтлымъ небомъ Египта, а въ пасмурной атмосферѣ Великобританіи. Тутъ капля перешла въ новое зерно, также пшеничное, но уже его не зарывали болѣе въ землю, а превратили въ пѣнистое пиво, и капля потекла по жиламъ какого-нибудь Шотландца; а можетъ-быть еще прежде того, во время пивоваренія, превратилась она въ паръ и присоединилась къ тучамъ, нависшимъ надъ Лондономъ.

Но превращеніе водяной капли въ пары, присоединеніе ея къ тѣлу растенія, животнаго или человека, ея движеніе и дѣятельность то здѣсь, то тамъ, не связано ли все это съ явленіями теплоты и прочихъ химико-физиологическихъ силъ, не есть ли она съ одной стороны причина дѣятельности этихъ силъ, а съ другой слѣдствіе ихъ существованія?

Разсуждая такимъ образомъ, мы еще болѣе убѣждаемся въ существованіи той тѣсной гармоніи, которая связуетъ между собою всѣ частицы мірозданія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно задаемъ себѣ вопросъ: какъ же отыскать послѣдовательность, порядокъ этой гармоніи, гдѣ ея начало, на чемъ она основана? словомъ, въ чемъ заключается сущность міровой гармоніи и какъ ее понимать? Ибо на дѣлѣ мы видимъ ея существованіе, но не понимаемъ его.

А. Бекетовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ТИХІЙ ОКЕАНЪ

I. САНДВИЧЕВЫ ОСТРОВА.

Я пишу въ небольшомъ домикѣ, куда перебрался отдохнуть отъ морской жизни. Весь домикъ состоитъ изъ одной комнаты; снаружи скрываютъ его деревья, а черезъ двѣ постоянно отворенныя двери тянетъ сквозной воздухъ, захватывая съ собою свѣжесть зелени и благоуханія растущихъ вблизи цвѣтовъ. Одну дверь стерегутъ два огромные куста датуръ, бѣлые цвѣты которыхъ просыпаются съ дуной, и дышатъ на меня своимъ ароматическимъ дыханіемъ. Въ другую дверь выглядываютъ какіе-то прехорошенькіе лиловые цвѣточки. Подуетъ вѣтеръ, и зашелеститъ легкій листъ акаціи и тамариндовъ, зашуршитъ тяжелый листъ кокосовой пальмы, поднимающейся изъ-за ближняго забора.

Съ совершенно-новымъ чувствомъ, оставили мы въ послѣдній разъ Хакодади: мы шли домой, и оставляли его, можетъ-быть, и даже по всей вѣроятности, навсегда. И не одинъ Хакодади оставляли мы,—за нимъ скрывался отъ насъ, въ своихъ постоянныхъ туманахъ, дикій берегъ Манджурии, съ пустынными заливами и пристанями, съ тундрою, сосновымъ лѣсомъ, собаками, оленями и Гиляками... Впереди, какъ будто прочищался горизонтъ, и на ясной полосѣ освѣщеннаго неба

услужливое воображеніе рисовало пальмы и бананы волшебныхъ острововъ, ихъ красивое населеніе, собирающееся у пороговъ своихъ казъ, и вся романическая обстановка патриархальной жизни. За ними представлялись еще болѣе ясны картины: родная степь, звукъ русскаго колокольчика, завѣтные дубы, выглянувшіе изъ-за горы, возвращеніе, свиданіе и чувство оконченнаго дѣла... Хотя до всего этого еще не меньше десяти мѣсяцовъ плаванія, а все-таки съ каждымъ часомъ, съ каждою милей, разстояніе между нами будетъ меньше и меньше, и вѣроятно, ни одно чудо на нашемъ пути не произведетъ на насъ такого впечатлѣнія, какое произведетъ видъ кронштадтской трубы, когда ее наконецъ усмотрятъ наши штурманы и эгоистически «запеленгуютъ».

Къ чувству радости возвращенія, не скажу, чтобы не примѣшивалось и грустнаго чувства: въ Хакодади мы простояли безъ малаго годъ; въ Хакодади оставляли своихъ друзей, махавшихъ намъ на прощанье платками съ своего клипера; не было мѣста кругомъ всей бухты, которое бы не напомнило чего-нибудь; мы успѣли здѣсь обжиться, обогрѣться, а русскій человекъ не всегда охотно оставляетъ обогрѣтое мѣстечко. Наконецъ,—кто знаетъ будущее?—въ годъ много воды утечетъ, и сколько ея мы увидимъ у себя на клиперѣ, когда будемъ оглябать мысъ Горнъ, эту *bête poire* моряковъ!.. (Американецъ, обогнувъ Горнъ, приобрѣтаетъ право класть свои ноги на столъ.) Болѣе года не будемъ получать писемъ, и что еще мы найдемъ дома?..

Но все эти сожалѣнія и опасенія нисколько не отравляли общаго чувства. Всякій, кто помнилъ еще Шиллера, повторялъ одну изъ его строфъ, которая кончается стихами:

Sind die Schiefe zugekehrt
Zu der lieben Heimath wieder...

И было весело!

Снялись мы 3 ноября съ разсвѣтомъ, и скоро опять должны были бросить якорь, при выходѣ въ Сангарскій проливъ. Въ морѣ ревѣлъ штормъ, взволнованный океанъ гналъ черезъ проливъ свои разъяренныя волны, и вѣтеръ сильными порывами ударялъ спереди. Мы переждали сутки подъ защитой горы. Цѣлый день шелъ дождь; временами прочищалось, и мы въ послѣдній разъ смотрѣли на грустный ландшафтъ Хакодади, на три стѣны *Джунта*, выглядывавшаго изъ-за крѣпости, и

на пещеру, противъ которой стояли. Эта пещера—одна изъ замѣчательныхъ вещей въ окрестностяхъ Хакодади. Мы ѣздили осматривать ее нѣсколько разъ въ продолженіи зимы; надобно было завязываться длиннымъ концомъ у входа, и на шлюпкахъ спускаться въ глубину; длинный корридоръ, образованный сталактитовымъ сводомъ, оканчивался обширною и высокою залой, среди которой лежало нѣсколько гранитныхъ блоковъ; вода съ яростію бросалась на каменные стѣны, и шумъ ея, удесятенный эхомъ, наводилъ ужасъ на непривычнаго. Съ нами были факелы и фалшфейеры; колеблющіеся огни ихъ освѣщали куски разбросанныхъ камней, черныя трещины могучаго свода, брызги волнъ и наши суетящіяся фигуры; шлюпка очень легко могла быть разбита. Одинъ разъ мы спускались въ маленькой японской лодочкѣ; ее нѣсколько разъ ударило о камни, и едва не разбило.

4 ноября, утромъ, вышли мы изъ пролива, полетѣли попутнымъ вѣтромъ, миль по десяти въ часъ, и скоро Японія скрылась изъ виду. Переходъ нашъ, въ отношеніи мореплавательномъ, былъ очень интересенъ; тамъ, гдѣ ждали W вѣтровъ, мы имѣли O, и тамъ, гдѣ думали нестись, подгоняемые рѣдко измѣняющимъ пассатомъ, мы заштилѣли и поняли возможность совсѣмъ не выйти изъ полосы безвѣтрія, изъ «лошадиной» широты (horse latitude). Штиль смѣнялся противнымъ штормомъ, который относилъ насъ на нѣсколько миль назадъ; за штормомъ опять штиль, съ сильною качкой и духотой. Недѣли три наслаждались мы подобнымъ положеніемъ дѣлъ, находясь отъ цѣли нашего плаванія, Сандвичевыхъ острововъ, въ 400 миль. Наконецъ, подулъ давно ожидаемый N, который скоро перешелъ въ NO и O, и мы увидѣли, послѣ сорока дней плаванія, берега похожіе на туманы. Вотъ пунктъ, о которомъ на морѣ всегда возникаетъ вопросъ, берега ли видѣются, или облака? Съ нами, на клиперѣ, шелъ штурманъ съ китобойнаго судна; онъ поссорился съ своимъ капитаномъ, и по просьбѣ нашего консула въ Хакодади, мы взяли его въ Гонолулу. Онъ семнадцать лѣтъ постоянно плаваетъ въ этихъ моряхъ, и капризы ихъ, также какъ и капризы здѣшняго неба, знаетъ какъ свои пять пальцевъ. Не было сомнѣнія, котораго бы онъ не разрѣшилъ, и мы прозвали его *живымъ барометромъ*. Онъ предсказывалъ и штормъ, и куда вѣтеръ отойдетъ, и хорошую погоду и дождь,—однимъ словомъ, ничего не было, чего не зналъ бы нашъ барометръ. Когда дѣ-

лаиса штормъ, мы шли къ нему за утѣшеніемъ, и если онъ говорилъ, что послѣ обѣда стихнетъ, то уже мы съ презрѣніемъ смотрѣли на вливавшіяся волны, на ревѣвшіе и сотрясавшіе свасты порывы вѣтра. Но когда мы попали въ «лошадиную широту» и заштилѣли, и шли къ Американцу за пассатомъ, то онъ съ каждымъ днемъ больше и больше терялся; здѣсь все измѣняло, и облака, похожія на барашки, часто бывающія при пассатныхъ вѣтрахъ, и великолѣпное освѣщеніе заходящаго солнца, такъ краснорѣчиво говорившее о тропикахъ, — и барометръ нашъ постепенно выходилъ изъ вѣры. Онъ самъ это чувствовалъ; грустно молчалъ, цѣлыя ночи просиживалъ наверху, съ нѣмымъ упрекомъ смотря на измѣнившую ему стихію; наконецъ до того разсердился, что рѣшился совсѣмъ не выходить наверхъ. Какъ только открылся берегъ, онъ ожилъ и залѣзъ на марсъ; оттуда узнавалъ онъ острова еще по неяснымъ очертаніямъ, какъ своихъ старыхъ друзей. Цѣлый день идя къ виду Моротоя, къ вечеру мы повернули въ проливъ, разделяющій этотъ островъ отъ Оау или Воаху (Oahu or Woahoo). Уже стемнѣло, когда мы стали приближаться къ рейду Гонолулу; входить на рейдъ, защищенный съ моря рифами, и притомъ рейдъ незнакомый, было опасно, и мы бросили якорь внѣ рифовъ. Съ берега былъ слышенъ шумъ прибоя, слышалось какъ разбивалась волна о коралловыя стѣны, а въ воздухѣ пахло кокосовымъ масломъ. К***, бывшій здѣсь уже во второй разъ, узналъ этотъ запахъ; онъ вспомнилъ *каначекъ* и свою молодость... А Американецъ чуткимъ ухомъ замѣтилъ измѣненіе въ тонѣ прибоя и сказалъ, что сейчасъ будетъ съ берега цорывъ; и дѣйствительно, порывъ налетѣлъ съ стремительною и шумомъ.

Утромъ увидѣли берегъ. Мы стояли не далеко отъ него, между Diamond-hill, Діамантовымъ холмомъ и городомъ. Діамантовый холмъ, выступившій въ море мысъ и очень важный для опредѣленія мѣста, похожъ на шатеръ, одна часть котораго выше другой; бока его выходятъ правильною гранью, которую образовали овраги, спускающіеся съ хребта къ долинѣ и развѣтвляющіеся на множество мелкихъ овражковъ. Отъ Діаманта къ городу, по берегу, тянутся пальмовыя рощи, а надъ городомъ стоитъ *Пуншевалъ чава* (Punch boll), — холмъ, съ крутыми стѣнами и укрѣпленіемъ, построеннымъ на одномъ изъ возвышеній, которое выходитъ гласисомъ; въ городѣ, мѣстами видны пальмы, флаштены и мачты, обозначающія собой гавань, въ которую

мы должны были проникнуть. За городомъ синѣеть ущелье, образуемое зелеными горами, составляющими главную возвышенность острова; слѣва, масса горъ прерывается обширною долиною, за которою виднѣются другія горы, слабо рисуясь сквозь прозрачный туманъ. Длинные буруны обозначаютъ рифы, образуя параллельныя полосы и шума бѣлесоватыми брызгами, въ своемъ непрерывномъ наступательномъ движеніи.

Съ разсвѣтомъ, у насъ выстрѣлили изъ пушки, чтобы вызвать лодмана; скоро показался вельботъ, изъ котораго выльзъ очень приличный джентльменъ, въ сѣрой шляпѣ и синемъ пальто. Проходъ между рифами очень узокъ; фарватеръ отмѣченъ знаками и бочками; на первомъ знакѣ устроенъ колоколь, звонящій при колебаніи аппарата волной, и кто знаетъ о существованіи этого колокола, тотъ можетъ отыскать по немъ входъ и ночью, и въ туманъ. Въ гавани стоитъ нѣсколько китобойныхъ судовъ, которыя всѣ подняли свои флаги при нашемъ прибытіи; изъ нихъ, два судна нашей финляндской компаніи. Вотъ подходимъ къ самому берегу; клиперъ, какъ мухами, осажденъ прачками (здѣсь прачки мущины), факторами, консульскими агентами и всѣми чающими прибытія въ портъ судна, особенно военнаго. Вслѣдъ за нами входитъ въ гавань шкуна, одна изъ тѣхъ, которыя обыкновенно плаваютъ между островами, составляющими гавайскій архипелагъ. Не помню гдѣ-то читалъ я описаніе подобной шкуны, на палубѣ которой, вмѣстѣ съ пассажирами, толстыми и тонкими каначками, канаками, Китайцами, матросами, толкутся коровы, свиньи, собаки, и къ разнообразному говору и мычанію толпы присоединяются какіе-то непріятные звуки. Я вспомнилъ это описаніе, смотря на палубу пришедшей шкуны. Кажется, не оставалось наверху ни малѣйшаго мѣстечка; всѣ находившіеся тамъ сплотились въ одну массу, и еслибы снять съ этой массы слѣпокъ, то вышла бы великолѣпная группа: посверхъ всего, на какомъ-то возвышеніи, въ длинномъ платьѣ, съ вѣнкомъ на растрепанныхъ, черныхъ волосахъ, съ вѣтвями и листьями около шеи, лежала грузная, ожирѣвшая каначка; издали было видно, что ей жарко, и, казалось, отъ теплоты, распространившейся отъ нея будто отъ печки, таяло умащавшее ея волосы масло; намъ уже представлялось, что запахъ этого масла доносился и до насъ. Вокругъ нея торчало нѣсколько шляпъ разнообразной формы, принадлежавшихъ, вѣроятно, извѣстнаго сорта дѣльцамъ, попадающимъ или въ богачи-капиталисты, или

на китобойное судно матросами, или же иногда на вистълицу. Ближе къ борту, въ пестрой фланелевой фуфайкѣ, рисовалась красивая фигура канака, не безъ примѣси бѣлой крови, которая дала его стройной красотѣ много граціи, такъ что онъ походилъ больше на какого-нибудь гондольера-Итальянца, чѣмъ рисуютъ на картинкахъ. Около него сидѣли двѣ хорошенькія каначки, съ желтыми вѣнками на черныхъ головахъ, и какой-то оборванецъ, въ проблематическомъ костюмѣ, съ сомнительнымъ цвѣтомъ лица и еще болѣе сомнительною физіономіей. Къ второстепеннымъ фигурамъ прибавьте чистаго, бѣлаго Европейца, держащагося особнякомъ, потомъ нѣсколько матросовъ, хлопочущихъ у снастей, парусъ, перебросившійся въ красивыхъ складкахъ черезъ бортъ, нѣсколько рогатыхъ головъ животныхъ, прибавте шумъ, и гамъ,—и тогда вы раздѣлите со мною удовольствіе полюбоваться этимъ новымъ ковчегомъ, послѣ утомительно-правильной, стройно-однообразной жизни на военномъ суднѣ. Какъ хотите, а въ безукоризненно-спитомъ мундирѣ гвардейскаго солдата, съ его вытверженнымъ шагомъ и заученною позой, я менѣе люблюсь военномъ чѣмъ въ оборванномъ Черкесѣ, съ его удалью и проворствомъ, съ его тревожною жизнію, требующею постоянного соображенія, смѣливости и присутствія духа. Пусть не сердятся на меня мои товарищи-моряки, когда я скажу, что военное судно напоминаетъ мнѣ воинскій строй, а именно: на мѣсто дотянутые «брамшкоты» (въ пользу чего я нисколько не сомнѣваюсь; я даже убѣжденъ въ томъ, что Нельсонъ выигралъ трафальгарское сраженіе именно оттого, что у него брамшкоты были до мѣста дотянуты) представляютъ безукоризненно-обхватывающіе талію мундиры, обтянутыя снасти, учебный шагъ и пр. Видѣ шкуны въ Гонолулу съ красиво-драпирующими ее парусами, съ пестрыми подробностями безпорядка,—чтѣ дѣлать!—доставляетъ мнѣ гораздо больше удовольствія. Или съ какимъ уваженіемъ смотришь на китобоя, съ его разношерстною командой, пришедшаго изъ ледовитыхъ странъ, на кораблѣ съ заплатанными парусами, съ крутыми боками, излизанными морскою волной, съ капитаномъ, одною личностію своею говорящимъ о той жизни, которую онъ одинъ только можетъ вынести, днемъ борясь съ моремъ и китами, ночью засыпая съ револьверомъ подъ подушкой, чтобъ его команда, какъ-нибудь, случайно, не ворвалась къ нему и не выбросила его за бортъ. Всѣ эти черты внутренней жизни

судна даютъ озиономию и самому судну; а суда съ озиономіей также интересны, какъ и люди. Китобой и шлуна въ Гонулу имѣютъ озиономию, а не имѣютъ ея всеенное судно, какъ не имѣютъ озиономии иные служакки, которые встрѣчаются десятками на одно лицо. Вотъ, напримѣръ, господишь, стоящій теперь у насъ на ютъ; онъ отличный типъ, и встрѣча съ такими людьми на жизненномъ базарѣ очень интересна. Едва мы бросили якорь, какъ ужъ онъ явился къ намъ; онъ клеркъ нашего агента, на немъ легкой шелковый сюртучокъ и соломенная шляпа. Лицо его напоминаетъ Мефистофеля, какъ его рисуютъ на дурныхъ картинахъ; но доброе и услужливое выраженіе въ глазахъ уничтожаетъ всякую мысль искать въ немъ какое-нибудь родство съ врагомъ человечества. Онъ высокъ ростомъ, очень худъ и во время разговора сильно шаклетъ руками, нагибается къ вамъ, какъ-то присѣдаетъ на корточки и въ то же время хочетъ сохранить манеры джентльмена. Съ первыхъ словъ онъ начинаетъ обходить всѣхъ, не любя или не умѣя стоять на мѣстѣ. Передъ нами, въ отрывочныхъ и короткихъ словахъ, онъ набросалъ картину жизни, которую намъ надо вести въ Гонулу; поговорилъ о королѣ, о «хула-хула», о томъ, что на немъ рубашки стоятъ восемнадцать долларовъ дюжина, и, не спрашивая нашего мнѣнія, деспотически заставилъ насъ согласиться ѣхать полавъ обѣда за городъ; а мы, сами не зная какъ, и согласились. Исчезъ онъ моментально, какъ исчезаютъ духи въ балетахъ; навѣрное нельзя было сказать, прыгнулъ ли онъ за бортъ, превратился ли въ мачту, или съѣлъ въ шляпку и уѣхалъ. Съ перваго раза онъ намъ показался просто плутомъ; послѣ мы рассказали въ своей ошибкѣ, убѣдившись, что онъ дѣлалъ все отъ души, что онъ поэтъ по призванію, что у него огромное самолюбіе, и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ и порядочныхъ людей. Имѣя способность мгновенно исчезать, онъ точно также и появлялся внезапно, и именно тогда, когда въ немъ была надобность; онъ дополнял ваши мысли, являлся вездѣ кстати и вовремя, и теперь я убѣжденъ, что умѣя и сказать по-нѣмецки: «сивка, бурка, вѣщяя каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой», я могъ бы вызвать его изъ-подъ земли, теперь, въ Петербургѣ.

На палубѣ клипера показались корзины съ бананами, апельсинами, зеленью, капустой, мясомъ, и всѣми предѣстами, которыхъ мы давно не видали. Клиперѣ ошвартовили, то-есть съ

кормы выпустили канатъ и закрѣпили его на пристани. На пристань выходили дома, съ большими буквами на вывескахъ, съ балюстрадами на высокихъ крышахъ, откуда хозяева смотрѣли въ длинныя трубы на море: «не бѣбѣютъ ли вѣтрила, не плывутъ ли корабли.»

Нѣкоторые дома выстроены на половину и кончаются отрѣзанными стѣнами, какъ брантмауеры; у берега, вдоль деревянныхъ пристаней, столпился народъ, съ любопытствомъ смотрѣвшій на пришедшее военное судно. Дѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, толпа народа также выбѣгала здѣсь на берегъ, на встрѣчу пришедшему судну,—но какая разница! Тогда, по этому берегу, видѣлись кое-гдѣ тростниковыя хижины, съ осѣняющими ихъ бананами и пальмами; женщины не скрывали красоты своего стройнаго тѣла, и не подозрѣвая чувства стыдливости, наивно выставлялись впередъ, бросались въ волны и плыли взапуски, желая скорѣе встрѣтить гостя... Мужья и братья ихъ подозрительно смотрѣли на пришельцевъ, но подавляли въ себѣ чувство ревности изъ гостеприимства; на легкихъ пирѣгахъ окружали они судно, предлагая кораллы, кокосовые орѣхи,—и женъ, и сестеръ своихъ... И теперь подплываетъ пирѣга съ кораллами, сидитъ въ ней канакъ, въ синей матросской рубашкѣ и въ соломенной шляпѣ; въ звуки его натурального языка впились новыя звуки: «half dollar, one real» и т. п. и онъ настойчиво торгуется, предлагаетъ сертификаты, въ томъ, что онъ отличная прачка, или можетъ доставлять на судно все, что угодно. А на толпящихся въ пристани женщинахъ одежды даже больше нежели нужно. Миссіонеры выдумали имъ костюмъ, въ родѣ старинныхъ пудермантелей, падающихъ широкими складками внизъ. Однѣ вѣнки остались имъ отъ прежняго незатѣйливаго костюма. Кромѣ женщинъ, толпу составляютъ матросы, дочушки (почти все канаки), въ оланелевыхъ фуфайкахъ,—пестрыхъ у молодыхъ и франтовъ,—синихъ и бѣлыхъ у болѣе положительныхъ людей,—и совершенно выцветшихъ у людей вовсе неположительныхъ, то-есть спившихся, прожившихся и несчастливыхъ. Въ числѣ послѣднихъ не мало китобойныхъ матросовъ, не находящихъ себѣ мѣста на судахъ, какъ люди извѣстные за негодяевъ (1).

(1) Для матросовъ, случайно не попавшихъ на какое-нибудь судно и оставшихся зимовать въ Гонгулу, общество китобоевъ осматриваетъ ихъ въ

Гонолулу, городъ съ фizioноміей подобно ему выросшихъ городовъ, обязанъ своимъ существованіемъ, вопервыхъ, китобоямъ: они избрали его гавань, закрытую отъ моря рифами и заслоненную горами отъ NO пассата, для своихъ стоянокъ и отдыха, на переходъ изъ Америки въ Ледовитое море и изъ Берингова пролива въ Южный океанъ; матросы ихъ находили здѣсь зелень, свѣжее мясо, женщинъ, и все что нужно для кратковременнаго отдыха моряка. Китобоямъ помогли миссіонеры, нашедшіе въ народонаселеніи гавайской группы богатую почву, если не для слова Христа, то по крайней мѣрѣ для своихъ подвиговъ. Миссіонеръ, являясь среди кофейнаго племени, бралъ съ собою, кромѣ Евангелія, небольшой запасъ товаровъ, преимущественно матерій и различныхъ мелкихъ вещей. На одномъ концѣ селенія читалъ онъ проповѣди, на другомъ—открывалъ лавку. Проповѣдь гремѣла противъ безнравственности и безстыдства ходить голышомъ. Не подозрѣвавшая безнравственности въ своемъ первобытномъ костюмѣ, канакская Ева убѣждалась наконецъ въ необходимости прикрыть свою наготу и рѣшалась пріобрѣсти платье. Но откуда ей взять денегъ? Она шла на улицу, вплетала въ черныя косы лучшіе цвѣты своихъ долинъ, ловила гуляющаго матроса и, вмѣстѣ съ долларомъ, получала зачатки страшной болѣзни, такъ быстро распространившейся по всей Полинезій. Съ пріобрѣтеннымъ долларомъ, она шла въ лавку миссіонера и покупала платье; нравственность торжествовала, нагота была прикрыта! А въ городѣ былъ новый домъ, выстроенный разбогатѣвшимъ миссіонеромъ, и улица мѣняла свой канакскій видъ на европейскій. Другой миссіонеръ имѣлъ шляпный магазинъ; шляпки сходили плохо съ рукъ, и какой бы канакъ пришелъ въ голову промѣнать роскошное убранство цвѣтовъ и листьевъ на нѣсколько тряпичъ, карикатурно набросанныхъ на голову? И вотъ проповѣдникъ развивалъ тему библейскаго текста о томъ, что женщина должна прикрытая входить въ храмъ Божій, и при этомъ указалъ на сестеръ, наряженныхъ въ черныя шляпки; въ слѣдующее воскресенье всѣ прихожанки явились въ черныхъ шляпкахъ. Эти шляпки можно

родѣ домапризрѣнія, гдѣ матросы эти могутъ найти, за самую дешевую цѣну, квартиру и столъ. Если стоимость стола превышаетъ въ мѣсяцъ пять долларовъ, то лишекъ общество беретъ на себя. Конечно, матросы, имѣющіе дурной аттестатъ, не принимаются въ это заведеніе.

теперь еще видѣть на всѣхъ кавачкахъ у обѣдни, въ главной протестантской церкви. И этотъ миссіонеръ не остался, по всей вѣроятности, жить въ соломенной хижинѣ, а выстроилъ себѣ домъ съ верандами и садомъ, и городъ росъ. Гавань привлекала купеческія и военныя суда, на пути изъ Америки въ Китай; сами острова изобиловали сандалнымъ деревомъ, которое вырубали безъ милосердія; за пачку табаку или бутылку водки, оборотливый прожектеръ заставлялъ вырубать цѣлые грузы дерева, которое везлось въ Китай, гдѣ продавалось или вымѣнивалось. Съ развитіемъ Калифорніи, Гонолулу сдѣлался необходимою станціею судовъ, идущихъ въ Шанхай и Гонъ-Конгъ; начали являться купеческія конторы, банкиры, маклера; стали выростать цѣлыя улицы; на домахъ зацѣстрыли огромныя буквы вывѣсокъ. Религіозныя секты вели свою пропаганду въ огромныхъ церквахъ, украшенныхъ стрѣлчатыми сводами и готическими башенками. Европейскимъ семействамъ стало тяжело жить въ самомъ городѣ: они начали строить себѣ дома въ долинѣ, примыкающей къ ущелью, украшая свои комфортабельныя пріюты садами. Въ обществѣ выросло новое поколѣніе полубѣлыхъ, смѣсь канаковъ съ Европейцами; по островамъ, щедро одареннымъ природою, заводились плантаціи сахарнаго тростника и кофе, разсаживались туковыя деревья, воздѣлывался виноградъ, арроруть, выписывались Китайцы для работъ, по контрактамъ, — и вотъ Гонолулу, какъ центръ всеобщей дѣятельности въ королевствѣ, торговой и административной, развиваясь съ каждымъ годомъ, сталъ тѣмъ, чѣмъ мы его застали. Онъ лежитъ, какъ я уже сказалъ, у самаго берега острова Оау; его главные торговые дома смотрятъ своими вывѣсками на суда, стоящія въ гавани; въ немъ около 8.000 жителей, все народонаселеніе острова доходитъ до 20.000; на всемъ же архипелагѣ не болѣе 70.000, то есть втрое меньше того, сколько было во время Кука. Между рифами и берегомъ, мелкая вода раздѣлена на нѣсколько четырехугольныхъ заводовъ или отдѣленій, въ которыхъ разводятся рыба: это одинъ изъ главныхъ источниковъ богатства Сандвичанъ. Каждое такое отдѣленіе принадлежитъ частному лицу. Эти садки видны съ клипера, если смотрѣть налѣво; за ними, на выдающемся мыскѣ, стоитъ тюремный замокъ, каменный, съ высокою, каменною же стѣною, окружающею его дворъ. Направо видно зданіе парламента, — домъ съ высокимъ крыльцомъ и тремя большими, широкими окнами. За

мыскомъ, но которому въ маленькихъ точкахъ беспрестанно
возять куда-то землю, — другая бухта, весь берегъ которой
обставленъ домиками и хижинами, съ шумящими надъ ними
пальмами; а тамъ, гдѣ эти красивыя деревья столпились въ
небольшую рощу, между ихъ голыми стволами виднѣется
щатрообразная форма Діаманта, саидничскаго Чатырдага. Прямо
надъ городомъ находятся возвышенности острова съ про-
рывающимся ихъ массу ущельемъ; въ ущелье идетъ долина,
пестрящаяся дачами Европейцевъ; на нее смотрятъ камни и
зелень горъ, часто покрытыхъ туманами и облаками, то бросаю-
щими мрачную густую тѣнь, то пропускающими нѣсколько
яркихъ лучей солнца на живописныя подробности долины и
города.

Сѣхавъ на берегъ, я, конечно, былъ доволенъ какъ человекъ,
выпущенный изъ тюрьмы на свободу. Въ каждомъ деревѣ, въ каж-
домъ кустикѣ видѣлось мнѣ живое существо, готовое принять уча-
стіе въ моемъ сердечномъ праздникѣ. Скоро я оставилъ за собой
правильныя улицы, которыя почти всѣ пересѣкаются подъ пря-
мымъ угломъ; на улицахъ пусто, было Рождество; а если скучны
англійскіе города въ праздники, то города, населенныя америка-
скими методистами, вдвое скучнѣе; магазины заперты, вы-
вѣски, какъ эпитафіи, безмысленно смотрятъ съ крышъ и
стѣнъ. Я сдѣлалъ выйдти или за городъ, или въ улицы,
гдѣ больше зелени, больше тѣни и жизни. Добрался наконецъ
до хижинъ, почти совсѣмъ скрытыхъ бананами, до мѣстъ
засѣянныхъ *мара*, растеніемъ, составляющимъ главную пищу
канаковъ, изъ котораго они дѣлаютъ свой *пой*, насущный
хлѣбъ всего народонаселенія. Добрался до тамарицтовъ, рас-
кинувшихъ далеко свою легкую и граціозную листву, до
пальмъ, грустно шуршащихъ своими верхушками; добрался до
чистаго воздуха, въ которомъ не слышалось морской атмо-
сферы, съ ея сыростью и холодомъ; здѣсь воздухъ напоенъ
былъ дыханіемъ безчисленныхъ растений, которыя даютъ
ему и силу; и освѣжающую крѣпость. Рѣдко, кто попада-
лся на улицѣ; иногда прамчится легкій набрюлетъ съ двумя
чепорно-разодѣтыми Американками; встрѣтятся канаки, въ
свѣтлыхъ, правничныхъ пудермантеляхъ (видѣе не умю
назвать ихъ платьемъ), съ цѣпками на головахъ, съ оранжовыми
вѣнками; лежащими граціозно на черныхъ, маслянистыхъ се-
длахъ, обнимающихъ—кожеема лица. Первое впечатаніе, при
взглядѣ на эти лица, поражаетъ какою-то рѣзкостью, но выра-

женіе глазъ, свѣтлѣе нѣмъ-то; крохотны и припрятанныя. Я заходилъ въ двѣ церкви, — сначала въ церковь анабаптистовъ, которая была похожа болѣе на концертную аудиторію. Дубовыя лаковые скамейки были обиты бархатомъ, на полу раскошный коверъ, сквозь полированные жалюзи распространился пріятный полусвѣтъ; съ хоръ раздавалось гармоническое пѣніе; молящіеся были разодѣты, но между ними ни одной канадской физиономіи. Пасторъ патетическимъ голосомъ читалъ съ своей лакированной кафедрѣ. Молитву эту скорѣе можно было назвать музыкальнымъ утромъ, тѣмъ болѣе что у подѣла церкви стояло нѣсколько щегольскихъ экипажей. Не найдя здѣсь того, чего искалъ, я вошелъ въ католическую церковь, которая была тутъ же, черезъ улицу. Церковь смотрѣла длиннымъ сараемъ, въ глубинѣ котораго находился алтарь. Фольга, свѣчи, золотая щадка епископа, ризы и одежды клериковъ, кадилья, все это какъ-то мѣшалось вмѣстѣ и казалось издали чѣмъ-то блестящимъ. Во всю длину, по обѣимъ сторонамъ зданія, устроены были хоры, наполненные народомъ. Стройное пѣніе, подъ звуки кларнета, раздавалось иногда сверху. Народъ сидѣлъ на полу, кромѣ бѣлыхъ, для которыхъ было отдѣлено съ боку особое мѣсто; тѣмъ же изъ нихъ, которые не вошли туда, подавали стулья. Мнѣ также подали стулъ, высидѣла, сѣдая старуха, съ лицомъ, какъ будто сдѣланнымъ изъ картона, съ рѣзкими бородами на лбу и щекахъ; помня, что «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ», я сѣлъ безъ разсужденія, и сталъ разсматривать сидѣвшую передо мною и вокругъ меня живописную публику. Вся группа была очень цѣстра отъ разноцвѣтныхъ платьевъ, отъ рѣзкихъ лицъ и дѣтствъ, украшавшихъ выразительныя, рельефныя фигуры туземцевъ. Въ ихъ позахъ видно было, что платье имъ въ тягость, что оно для нихъ что-то лишнее, мѣшающее, и они инстинктивно правы, потому что платье, можетъ-быть болѣе не жамъ что другое, имѣло роковое вліяніе на судьбу всего адѣшняго населенія. Желая не отстать отъ своей подружки, каначка надѣваетъ на себя все, что можетъ надѣть, и, подъ тяжестью этой воши, сидитъ какъ въ паровой банѣ; чѣмъ лучше день, слѣдовательно, чѣмъ жарче, тѣмъ лучше заочетъ она быть одѣтою при людяхъ. Изъ церкви она возвращается въ свою хищину, быстро сбрасываетъ все, и ложится противъ огня, въ которое постоянно сыплетъ осыпжающій пепелъ. Легкая прохлада переключитъ въ хроническую, слабый кашель дѣлается постояннымъ.

слабость груди переходитъ къ дѣтямъ, и вотъ постепенно чахнетъ народонаселеніе, приобретаая всевозможные роды грудныхъ болѣзней, начиная отъ легкаго катарра до чахотки; очень рѣдко встрѣтишь не кашляющую каначку.

Но поразительно оригинальна была молившаяся толпа въ церкви. Не было, кажется, ни одной линіи, ни одного цвѣта неопредѣленнаго или переходнаго; все выражалось рѣзкою чертой, все выступало ярко, начиная отъ зеленаго листа, ясно рисующагося на черномъ фонѣ волоса, до складки чернаго, или цвѣтнаго платья; отъ глаза, блистающаго огнемъ, безъ сомнительнаго выраженія лукавства или хитрости, до крупныхъ губъ, рѣзко изогнутыхъ, безъ сжатости, выражающей болшую частію или злобу, или сдержанность. Посмотрите на сѣдые головы старухъ: чтѣ за типическія лица, чтѣ за сила и ростъ, чтѣ за увѣренность въ движеніяхъ! Въ метисахъ видна уже вкраившаяся нѣга и слабость. Но не охотно мѣшается канакъ съ европейскою кровью, которая разводитъ водою его южную кровь.

Часто встрѣчаешь на одной головѣ совершенно разные волосы,—черные, смѣшанные съ бѣлокурими,—какъ будто черные, туземные, уступивъ бѣлокуримъ нѣкоторое мѣсто, не хотѣли поступиться своимъ цвѣтомъ.

Послѣ обѣда мы поѣхали, въ четырехмѣстномъ тьюлбюри, въ долину. Долина постепенно поднималась, такъ что приходилось ѣхать все въ гору. Сейчасъ за городомъ начались дачи, выстроенныя на манеръ англійскихъ коттеджей; между ними пустыя мѣста были засѣяны *таро*, для котораго, также какъ и для риса, нужна вода; каждый домъ окруженъ небольшимъ садомъ; развѣсистый тамариндъ, нѣсколько деревъ акаціи, бананы, кокосовая пальма, прямо листьями поднявшаяся отъ земли; пестрые кусты цвѣтовъ,—все это выглядываетъ изъ-за забора, чисто сдѣланнаго изъ благаго камня. За домами виднѣются тростниковыя хижины туземцевъ, формой своею напоминающія наши скирды; у порога хижины пестрѣетъ нѣсколько фигуръ отдыхающаго семейства. Прозрачный воздухъ позволяетъ разсмотрѣть малѣйшія подробности на горахъ, стѣсняющихъ съ обѣихъ сторонъ долину. Густыя массы растущаго по ихъ вершинамъ лѣса смотрятъ какимъ-то рельефнымъ украшеніемъ, наклееннымъ на сѣрые камни; по скаламъ виднѣются бѣлыя точки; внимательно осматриваясь, вы замѣчаете, что точки двигаются, и рассмотрите

стадо дикихъ козловъ, гуляющихъ по совершенно-отвѣсной каменной стѣнѣ. Подъ вечеръ, по дорогѣ стали показываться гуляющіе: утрачивающія свои силы Американки и Европейки пользовались прохладой, прогуливая свое нѣжное тѣло въ легкихъ кабриолетахъ; проносились мимо каначка верхомъ, и яркій платокъ, окутывавшій ея ноги, развѣвался съ обѣихъ боковъ лошади, захватывая своими клубящимися складками пыль и камни, летѣвшіе изъ-подъ копытъ горячаго скакуна. Кто научилъ каначекъ ѣздить верхомъ? Лошадь явилась на Сандвичевыхъ островахъ съ Европейцами, слѣдовательно не болѣе сорока лѣтъ,—когда же успѣло все народонаселеніе пристраститься къ этой легкой забавѣ? Нѣтъ женщины, нѣтъ дѣвушки, которая не была бы отличною наѣзницей. На лошадь садится она по-мужски, не довѣряя сомнительной позѣ нашихъ амазонокъ; ноги окутываетъ длиннымъ платкомъ, обыкновенно яркаго цвѣта, и концы платка далеко разносятся по вѣтру. Устанетъ лошадь, она сама разсѣдлаетъ ее, пустить по полю пастиись; потомъ поймаетъ на арканъ, осѣдлаетъ, и ѣдетъ далѣе. Видѣли мы по дорогѣ королевскую дачу, небольшой домъ съ нѣсколькими растущими около него деревьями. На возвратномъ пути, все пространство, которое мы проѣхали, вся долина, съ дачами и горами, часть долины, освободившаяся отъ горъ, и наконецъ городъ, рифы и море, все это мы увидѣли вдругъ! Садилось солнце, утопая въ слоѣ тумана, висѣвшаго на границѣ моря и неба, и солнечные лучи не обдавали послѣднимъ свѣтомъ подробностей ландшафта, а легли какою-то прозрачною, матовою пеленой на все, ступившая рѣзкости и выдающіяся точки; крыши города, поднимающіяся высоко пальмы, мачты судовъ, все это слилось вмѣстѣ; только шпигъ протестантской церкви, какъ бы освободившись отъ налегающей на все дремы, ясно видѣлся надъ домами. Въ морѣ видно было судно, лавирующее къ порту; но вотъ, оно повернуло и взяло курсъ въ море.

— Вотъ, беретъ гротъ на гитовы, говоритъ одинъ изъ насъ, самый закоренѣлый морякъ, какъ будто видя отсюда маневръ судна.

Но уже такова морская привычка: видѣть то, чего другой не видитъ, это называется имѣть морской глазъ. Судно видѣлось намъ какимъ-то темнымъ тараканомъ, медленно двигавшимся и исчезающимъ мало-по-малу въ вечернемъ туманѣ. Темнѣло. У воротъ домовъ сидѣли семьи

кнаское, — обертывшихъ и привагнувъ свои оттопки, и которые бывало обжигали у пороговъ, сводъ «хижины». Въ немъ — длинной шоссъ, — подперши руками, костлявигъ подборода, окутывъ околѣна, цестрелью платочнъ, задумавъ старушка, нѣсколько молодыхъ, качачекъ, въ черныя блузахъ, съ шпятами и листьями на головкахъ, либится у заборачи Вогъ, тна, и муванномъ конѣ, подицала, амазонскаго концы, съ жаждого, платка висеть до самой земли; лошадь опутна золотур, черна, пламый и черноволосый малетишка, подаеть приказной на задницѣ навить съ воды, да въ кувшинъ образной, травниво. Бдѣло, сверку раздавъ звукъ струны; въ воздухѣ тепле, но не душно. Въ двадцаткѣ проснулся гдатуръ, въ обдѣть, и проходящее, своимъ нарушнми, благоуханемъ. Хорошо на берегу нислвн моря; только «симвиюща», жероной иглавъ, придуть, адѣсь маумъ грегъ-гитовы, да бомъ-брамъ-шкотн, и т. д. и т. д. и т. д.

— Я скажу, изъ какаго разнообразныя элементы составились уловн, создавнцъ Гоноулу. Разнообразіе это состоитъ еще, видимо, если мы приглядимся къ народонаселенію. Чтобы узнать Гоноулу, надобно узнать его общество. Все народонаселеніе раздѣлено бы на четыре класса. Впервыкъ, главное ядро, въ кругу котораго образовались остальные классы, составляютъ амакитудемцы, съ ннхъ заимедь чсково, аристократическая и съ ннхъ бывшнми рабами, и теперь свободными, но безземельными сподвижми. Откуда явилось это ядро? Равно, въ свое преданіе повѣдуетъ, и перваго мачовна *Котон* (древній) и первую женщину *Купуланакану*; отъ ннхъ, родились сыны. *Вакса*. Къ ннмъ прннмалъ изъ другнхъ странъ (какъ въ оводоточнныхъ или амакннхъ, преданіе не упоминаетъ, да это было бы очень важно) шбите. *Мукалатику*, съ женою *Макалатику*, и ннхъ родилась дочь *Папа*. *Вакса* и *Папа* были родоннчавнми ками всего народа, какъ вождей, такъ и илери. ОНЪ ДУМАЮТЪ

«Вопросъ о происхожденіи народонаселенія Бандвичевыхъ острововъ и вообще всей Полинезіи не могъ не занимать пытливаго ума европейскнхъ ученыхъ. Предлагались гипотезы, одна другой смѣлье, и каждая имѣла несдерживаемую строгую критики. Такъ, еще въ XVII столѣтіи, житодей Полинезіи прнчнсляли къ одному племени съ туземцами Америки, и вклетъ съ ннми производилихъ отъ Евразы. Въ стоцѣ, доказывалъ, что первые жители Америки были амакнты, по тѣмъ: Кама, ирнсноднше, отъ Камепа, спасавшая отъ всегъ мнраго полнца, хова дадствъ Мертнхъ и утварѣдала, что Индон

Американцы съ жителями Полинезии ничего общаго не имеютъ. Иудейскій равинъ, Манасемъ Бенъ-Иерозъ, въ сочиненіи *La coréaniza di Israel*, писалъ, что Америка населена потомками десяти послѣднихъ коленъ Иудейскихъ. Эта книга была посвящена англійскому парламенту. Въ 1650-го. Вильгельмъ Ханъ былъ совершенно убѣжденъ въ этомъ, и напечаталъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Исторически-доказанное происхожденіе десяти коленъ съ аборигенами западнаго полушарія*.

Предположеніе о заселеніи Океана съ востока имѣетъ болѣе вѣроятія. Разница между туземцами Америки и Океаніи была всегда замѣчаема, какъ въ языкѣ, такъ въ нравахъ и обычаяхъ. Кортесъ и Пизарро были удивлены состояніемъ цивилизаціи древнихъ Астеконъ и Перувианскихъ царей. Никогда ничего подобнаго не находили на островахъ Полинезии.

Труды Вильгельма Гумбольдта и профессора Вуншмана достаточно доказали родство этихъ островитянъ съ Малайцами. Явился новый вопросъ: какимъ образомъ совершалось переселеніе на эти отдаленныя отъ Малайскаго архипелага группы? Законъ миграціи лежитъ въ судьбахъ всей этой породы; еще и теперь цѣлыя семейства отправляются на удачу, въ маленькихъ лодкахъ, въ морѣ, случайно пристають къ необитаемому острову, и селится тамъ. Перебираясь такимъ образомъ съ острова на островъ, съ архипелага на архипелагъ, племя это заселяло постепенно Новую Зеландію, острова Товарищества, Дружбы, Мореплавателей, Сандвичевы и др. Жители всѣхъ этихъ острововъ похожи между собою наружностью, обычаями, и говорятъ почти однимъ языкомъ (1), имѣютъ почти тѣ же преданія, яено свидѣтельствующія о ихъ восточномъ происхожденіи. Тамъ одинъ изъ ихъ боговъ, *Мауахалама*, установилъ солнце въ своемъ теченіи.

(1) Важное замечаніе: «Если посмотреть на разстояніе Сандвичевыхъ острововъ отъ Малайскаго, равняющееся 100 градусамъ, или 7000 миль, то сразу покажется невозможнымъ, какимъ образомъ могли перебраться туда жители, на своихъ утлыхъ лодочкахъ, при совершенномъ незнаніи навигаціи. И еслибъ я сталъ утверждать, что они прямо переплыли на Сандвичевы острова, то не могъ бы поддержать своего положенія. Но всякая трудность исчезаетъ, если допустимъ постепенность. Переселенецъ съ береговъ Суматры можетъ попасть на Борнео (300 миль); Макасарскій проливъ отдѣляетъ его отъ Цецебеса (200 миль); 10 градусовъ до новой Гвинеи (по дорогѣ два большіе острова, Бесси и Церамъ). Отъ новой Гвинеи до Новыхъ Гебридовъ 1200 миль; но за то безчисленное множество острововъ по дорогѣ. Потѣбъ 500 миль до Фиджигъ и 300 до остр. Дружества, и т. д.»

Въ мисіологіи Фиджи есть преданіе, что міръ былъ сотворенъ высочайшимъ изъ всѣхъ боговъ, по имени *Идежи* или *Темже*, который обиталъ на высокихъ горахъ; у него сынъ, который былъ посредникомъ между нимъ и людьми. Довольно распространено преданіе о потоцѣ, съ намеками на ковчегъ, который они называютъ *Лаау*, родъ плавающего дома, заключаващаго въ себѣ людей, животныхъ и припасы, въ большомъ количествѣ. Даже имя Ноя встрѣчается въ ихъ преданіяхъ.

Еще болѣе подтверждается это родство обычаями. Гавайцы приносили, отъ первыхъ плодовъ, жертву Богу; то же дѣлали жители Самоа; у Гавайявъ, до прибытія миссіонеровъ, во всеобщемъ обыкновеніи было обрѣзаніе; актъ совершался при религиозныхъ церемоніяхъ жрецомъ. Всякій, дотронувшись до чего-нибудь, считавшагося нечистымъ, долженъ былъ подвергнуться обряду очищенія; все это было и у Евреевъ. Женщины послѣ родовъ считались нечистыми. У Гавайцевъ, также какъ и у Евреевъ, были мѣста убѣжищъ, съ тою же цѣлю и съ теми же ограниченіями.

Исслѣдованіе языка ясно доказало малайское его происхожденіе. Вильгельмъ Гумбольдтъ прослѣдилъ постепенную дезорганизацию его, по мѣрѣ распаденія этихъ племенъ изъ общаго цѣлаго на безчисленные отпрыски. Когда зданіе разваливается камнями, то въ отдѣльномъ камнѣ врядъ ли донскается идея зданія!

Второй классъ жителей составляютъ бѣлые, Европейцы или Американцы, держащіе себя отдѣльно, и считающіе себя, вѣроятно, за настоящихъ аристократовъ.

Третій классъ—метисы, полубѣлые. Европейцы, рѣшившіеся навсегда остаться здѣсь, женятся на каначкахъ, и ихъ-то поколѣніе составляетъ этотъ классъ. Чисто-бѣлые не жалуютъ ихъ, почти никогда не принимаютъ въ свое общество, но за то всѣ пріѣзжающіе только и знакомятъ что съ домами метисовъ. Въ ихъ обычаи вкрались обычаи Лимы и Буэносъ-Айреса. Дочери метисовъ красивы, свободны въ обращеніи, живы, кокетливы, но сохраняютъ при томъ всю чистоту нравовъ; Американки же скучны и нравственны на словахъ, что еще не значитъ непременно, чтобъ онѣ были нравственны на дѣлѣ.

«Вполнѣ понимаю, отчего вы къ намъ рѣдко ходите, говорилъ мнѣ одинъ Американецъ, вамъ у насъ скучно... Вамъ нужно общество женщинъ, а общество нашихъ женъ для васъ тяжело. Къ тому же, въ здѣшнемъ климатѣ, бѣлая постоянно

находится въ какомъ-то состояніи утомленія. Тёплый климатъ располагаетъ къ нѣгѣ и бездѣйствію, воображеніе и умъ подвергаются тому же вліянію; а полубѣлая въ своей родной стихіи. Бѣлая кровь дала ей легкость и болѣе граціозную форму, черная—много горячности и живости. Конечно, я не говорю о настоящемъ чувствѣ; для чувства онѣ холодны, онѣ не понимаютъ идеальнаго стремленія къ чистому блаженству; имъ не понятно средство душѣ; на нихъ дѣйствуетъ пожатіе руки, масляный взглядъ, поцѣлуй, темнота ночи, напоенной ароматами жасминовъ и датуръ. Туземка и метиска проведетъ съ вами нѣсколько упительныхъ часовъ, и на прощаніе сниметъ съ головы вѣнокъ изъ бѣлыхъ жасминовъ и наденетъ вамъ его на голову. Вы приходите съ моря, давно не видали женщинъ, давно не чувствовали ихъ магическаго обаянія; понятно, что вы ищете общества полубѣлыхъ.» Такъ рассуждалъ, и очень правильно, Американецъ, бывший прежде «вивѣромъ», но теперь женатый. Бѣлая кровь незамѣтно вкралась въ жилы самыхъ первыхъ семействъ. Королева, дочь Неа и Кекеда, имѣетъ въ себѣ $\frac{1}{2}$ бѣлой крови, потому что мать ея матери, то-есть бабушка, была бѣлая. М^{ме} Bischoff, дочь Паки и Каниа, тоже непременно имѣетъ въ себѣ чужую кровь; а то съ чего бы канацкой дамѣ, хотъ и двоюродной сестрѣ короля, походить на героиню Жоржъ-Сандовскаго романа?..

Къ послѣднему классу я отнесу Португальцевъ, Чилийцевъ, Китайцевъ, и всѣхъ тѣхъ, которые, собравшись со всѣхъ концовъ міра, ищутъ здѣсь фортуны; всѣхъ авантюристовъ, ставящихъ свою будущность, какъ азартный игрокъ свой послѣдній рубль, на карту,—начинающихъ всевозможныя карьеры, обманутыхъ счастіемъ въ калифорнійскихъ рудникахъ и прибывшихъ сюда какъ нибудь подняться, — стиркой бѣлыя, ловлей рыбы, службой на китобоевъ, который идетъ куда-нибудь во льды, или наконецъ подняться на висѣлицу, уже не опасаясь новаго банкротства.

Я былъ знакомъ со многими представителями всѣхъ этихъ четырехъ классовъ. Почти каждый вечеръ приходилось дѣлать по нѣскольку визитовъ (визиты здѣсь дѣлаются по вечерамъ), чтобы поддерживать начатое знакомство. Визиты къ бѣлымъ кончались очень скоро. Вы входите въ домъ всегда черезъ палисадникъ, гдѣ пахнетъ на васъ цѣлый вихрь ароматовъ; въ наружной верандѣ оботрете ноги о половикъ, и наконецъ явитесь въ прекрасно-освѣщенную газомъ комнату, со

столомъ по серединѣ; покрытымъ коврёмъ, и съ нѣсколькими качающимися креслами, безъ которыхъ нѣтъ ни одной комнаты въ Гонелулу; по стѣнамъ портреты Викторія и Альберта, а у консерваторовъ портреты Александра Мою, Камеамеа IV, нынѣшняго короля гавайскаго, который на рисункѣ похожъ больше на какого-то подозрительнаго Испанца. Вы жмете руку хозяину, хозяйкѣ, и садитесь. Начинается разговоръ. «Вы были въ Японіи?» — Oh, yes! — «Что, въ Японіи лучше чѣмъ въ Китаѣ?» — «Нѣтъ никакого сравненія.» — «А Японки, какъ онѣ носятъ волосы?» и т. п. Если мужъ захочетъ оказать самую большую любезность, то выйдетъ въ другую комнату, молча принесетъ подносъ съ графиномъ хереса, нальетъ вамъ и себѣ по рюмкѣ, прибавивъ: «one glass sherry», кивнетъ головой и выпьетъ; вы киваете головой ему въ отвѣтъ, киваете головой по направленію къ mistress, берете свою шляпу, жмете опять руки и уходите, мысленно расчитывая, какъ бы сдѣлать, чтобы уже больше не возвращаться въ это веселое общество.

Но за то какая разница, когда вы сворачиваете въ переулокъ и идете къ полубѣлымъ! Впервые, вы незнакомы ни съ матерями ихъ, ни съ отцами, ни съ мужьями; отцы и мужья неизвѣстно гдѣ проводятъ свое время, матери возятся съ дѣтьми въ другой комнатѣ, или обшиваютъ дочекъ, или смотрятъ за хозяйствомъ. На дочеряхъ лежитъ обязанность принимать гостей, занимать ихъ, и вообще имъ предоставлено дѣлать что вздумается. Часто, у входа въ такой домъ, видите сидящихъ на полу каначекъ-старушекъ; это какая-нибудь бабушка, любующаяся своею внучкой, одѣтою по-европейски и похожею наружно на европейскую барышню. И внучка раза два, въ продолженіи вечера, выбѣжитъ къ бабушкѣ и поцѣлуетъ ее въ сѣдую шершавую голову. Вотъ домикъ, въ который мы всего охотнѣе ходили. У воротъ встрѣчаетъ насъ миссъ Бекки, черноглазая дѣвушка лѣтъ семнадцати, съ жасминою нитью, обвившею два раза ея блестящія, черные волосы; она рада намъ будтъ роднымъ, весело привѣтствуетъ и бѣжитъ какъ ребенокъ въ домъ, приглашая насъ за собою. Еслибы домикъ не былъ олеенъ внутри обоями и не имѣлъ нѣсколько европейской мебели, то былъ бы похожъ на канакскую хижину; онъ весь состоитъ изъ одной большой комнаты, треть которой отдѣлена огромнымъ занавѣсомъ; за занавѣсомъ спятъ и живутъ, въ комнатѣ принимаютъ. Посрединѣ столъ съ нѣсколькими кипсеками, въ красивыхъ переплеткахъ; у стола качающееся кресло, куда сажаютъ избраннаго

гостя, котораго хотять подождать и побаловать; въ углу диванъ, не совсѣмъ новый, но на немъ какъ-то ловко сидѣлось, несмотря на его жесткость. На стѣнахъ портреты Напира и какой-то каначки съ ребенкомъ, масляными красками, въ родѣ тѣхъ портретовъ, которые иногда находятся у насъ въ кладовыхъ, и изображаютъ или бабушку съ удивительно-узкою талией и съ розой въ рукахъ, или какую-нибудь тетушку съ собачкой. Конечно, мы пришли съ конфетами, которыя съдаются тутъ же, отъ души, и гостями, и хозяевами, по цѣлымъ пригоршнямъ. У миссъ Бекки есть молоденькая тетушка, миссъ Гетти, черноглазая и черноволосая, съ темнымъ цвѣтомъ лица и съ удивительно-тонкими чертами; улыбка грустная и томная, нѣсколько съ ужимками уздной барышни, выказываетъ рядъ зубовъ восхитительной бѣлизны; она сентиментально разговариваетъ, проситъ погадать ей на картахъ, на что рѣшается кто-нибудь изъ насъ, общими силами переводя на англійскій языкъ слышанныя въ дѣтствѣ отъ нянюшекъ выраженія: «интересъ подъ сердцемъ, дорога, исполненіе желаній, злая соперница, брачная постель» и пр. И пугается, и радуется сентиментальная дѣвица, и хохочетъ отъ души игривая Бекки... Надобѣсть сидѣть въ комнатѣ, пойдѣмъ въ гости къ Mathe и Lucy, другимъ знакомкамъ, которыя живутъ хотя въ прекрасномъ домѣ, но также просты и милы, какъ и обитательницы маленькаго домика въ переулкѣ. Оттуда идемъ ѣсть мороженое, и возвращаемся домой, чудною ночью, подъ тѣнью деревьевъ, изъ-за которыхъ, какъ привидѣнія, часто показываются фигуры канака и каначки, — вѣроятно наслаждающихся, какъ и мы, и прекрасною ночью, и сладострастнымъ ароматомъ растений.

Чтобы познакомиться нѣсколько съ четвертымъ классомъ, мы пошли разъ, вечеромъ, въ *Liberty Hall*, родъ воксала, гдѣ за входъ платять долларъ, и съ ужиномъ. Здѣсь бывають балы только два раза въ годъ, и по счастью мы на балъ-то и попали. Я былъ на матросскихъ балахъ въ Гамбургѣ, знаменитыхъ своею оригинальнію; но гамбургскіе балы побѣднѣли передъ тѣмъ, что происходило здѣсь. Каначки въ длинныхъ блузахъ, съ своими рѣзкими движеніями, блестящими глазами, съ вѣнками на головахъ, напоминають какихъ-то демоновъ, кружащихся въ адской пляскѣ; изъ танцевъ ихъ выходитъ смѣсь *зула-зула* и канкана. Иногда кавалеръ, конечно, самый породистый Янки, разнообразитъ фигуры быстрою джигой, припѣвая своего *Yankey doodle*, и все это мѣшается съ крикомъ,

музыкой, топаньемъ и свистомъ. Домъ, выстроенный изъ дощечекъ, трясется отъ фундамента до крыши. Иногда все бросается къ балкону, съ котораго видно, какъ два Янки рѣшились покончить разгорѣвшійся споръ боксомъ, и начинаютъ убѣждать другъ друга быстро и ловко наносимыми ударами.

Съ бала поведу васъ на похороны, гдѣ мы ближе познакомимся съ канаками. Незадолго до нашего прибытія къ острову, умеръ племянникъ короля, сынъ одной изъ его сестеръ, потомокъ Камеама I. Мы были приглашены на его похороны, которые сопровождалась процессіей, подобающей ему какъ члену королевскаго дома. Тѣло, герметически закупоренное въ гробъ изъ краснаго дерева, стояло подъ чернымъ балахиномъ, въ домѣ губернатора Кекуаноаа, отца нынѣшняго короля. Передъ домомъ стояли огромныя опахала, сдѣланныя изъ перьевъ; ихъ носятъ при всѣхъ процессіяхъ, — коронаціи, свадьбахъ и похоронахъ членовъ королевскаго семейства. На балконѣ встрѣтилъ насъ сѣденькій старичокъ въ генеральскомъ мундирѣ и голубой лентѣ, — это былъ церемоніймейстеръ. Онъ далъ намъ чернаго фелеру, чтобы повязать на руку, и указалъ на комнату, гдѣ лежалъ покойникъ. Тамъ сидѣло нѣсколько дамъ въ черныхъ платьяхъ и губернаторъ въ генеральскомъ мундирѣ. Мы поклонились гробу и вышли на улицу, гдѣ, смѣшавшись съ толпой, стали ожидать процессіи. На дворѣ стояло мѣдное орудіе съ устроеннымъ на немъ катафалкомъ; по странному стеченію обстоятельствъ, это орудіе оказалось русское; его взяли вмѣстѣ съ другими, съ острова Кауи, на которомъ оставилъ нѣсколько орудій извѣстный авантюристъ, бѣжавшій на суднѣ, захваченномъ въ Камчаткѣ. По улицѣ, подъ звуки барабана и флейты, шло королевское войско; всего было полтораста солдатъ, одѣтыхъ очень хорошо въ казакины и вооруженныхъ штуцерами. Впереди ѣхалъ генералъ Матаи, красивый мужчина, въ каскѣ, на которой развѣвались бѣлыя и красныя перья. Войско выстроилось на дворѣ и сдѣлало на караулъ; скоро потянулась процессія. Открывали ее докторъ и пасторъ, и первый, вѣроятно, какъ главный виновникъ процессіи... За ними, на двухъ длинныхъ веревкахъ, около ста канаковъ, одѣтыхъ въ матросскія куртки, вели катафалкъ, около котораго несли громадныя опахала. За катафалкомъ, въ легкой коляскѣ, ѣхала королева; съ нею сидѣла мать покойника, принцесса Шарлотта, и какой-то маленький мальчикъ. За коляской королевы ѣхали два ея доктора верхомъ,

въ мундирахъ въ родѣ гусарскихъ, такъ что они больше походили на двухъ адъютантовъ. Потомъ тянулся длинный хвостъ канакскихъ дамъ; онѣ шли всѣ попарно, были въ глубокомъ траурѣ и очень напоминали стадо воронъ, которыя тянутся вереницей къ своему родимому лѣсу. Съ нѣкоторыми изъ нихъ шли значительныя лица, какъ-то министры, губернаторъ и тѣ смертныя, которые отличаются отъ толпы или золотымъ эпюлетомъ или какимъ другимъ внѣшнимъ знакомъ отличія. Народъ безмолвно смотрѣлъ на проходившую процессію, только иногда вырывалась изъ толпы какая-нибудь громадная женщина и воющимъ голосомъ начинала причитывать, вѣроятно, достоинства покойнаго. Нѣсколько такихъ голосащихъ плакальщицъ, въ какомъ-то дикомъ экстазѣ, сопровождали издали процессію.

Желая опередить похороны, мы окольными путями пришли въ садъ, гдѣ находится склепъ королевскихъ гробницъ. Между деревьями стоялъ небольшой бѣлый домикъ съ деревянною крышею, въ родѣ тѣхъ, которые встрѣчаются у насъ на деревенскихъ кладбищахъ. Въ саду, на насъ наскочилъ какой-то всадникъ на бѣломъ конѣ, и, осмотрѣвшись, вдругъ остановился; это былъ принцъ Вилльямъ. Онъ двоюродный братъ короля и одинъ изъ самыхъ богатыхъ князей всего королевства; по рожденію, принцъ Вилльямъ чуть ли не выше короля и могъ бы имѣть большое вліяніе на народъ, но, къ несчастію, онъ одинъ изъ самыхъ безпутныхъ юношей во всемъ Гавайскомъ королевствѣ. Ему нельзя ничего поручить, и потому онъ не занимаетъ никакой должности. Когда онъ трезвъ, то очень милъ и уменъ; но напившись, шляется по харчевнямъ, играетъ въ кегли съ матросами, и никого не слушаетъ. И теперь настоящее мѣсто его было бы, конечно, въ процессіи. Онъ слѣзъ съ лошади и повелъ насъ къ склепу, у котораго стоялъ полицеймейстеръ съ ключами; принцъ хотѣлъ ввести насъ въ склепъ, но полицеймейстеръ не имѣлъ права никого пускать туда, до прибытія процессіи. Принцъ заспорилъ съ нимъ, вырвалъ ключъ изъ рукъ, и мы вошли въ гробохранилище королевской фамиліи. Гроба стояли на полу и на полкахъ; въ срединѣ былъ гробъ, обдѣланный великолѣпно бархатомъ и золотомъ, въ которомъ покоились останки Камеаеа III. Передъ его гробомъ, на столикѣ, лежала корона, которою коронуются короли; надъ нимъ стоялъ гробъ Камеаеа II, умершаго въ Лондонѣ. Тутъ же два гроба Паки и его жены, родителей Mme Bischoff;

направо, гробъ матери пьянаго принца Вилльама; гробъ мистера Рука, отца королевы, и гробъ знаменитаго Джона Йонга, оставленнаго здѣсь Ванкуверомъ, въ видахъ англійской политики, и сдѣлавшагося другомъ и главнымъ сподвижникомъ Камеаеа I. Гдѣ былъ похороненъ первый гавайскій король, Камеаеа I, никто не знаетъ; въ ночь его смерти, тѣло было унесено каначками въ горы, и мѣсто могилы его, какъ Чингисхана, осталось неизвѣстнымъ. Впереди стояли два маленькіе гробика отравленныхъ дѣтей Камеаеа III, сдѣлавшихся жертвой аристократическихъ предрассудковъ; мать ихъ была полубѣлая, мать же настоящаго короля принадлежала къ одному изъ главныхъ родовъ,—а родовое значеніе здѣсь не по отцу, какъ у насъ, а по матери (1). Дѣтей отравили, принципъ восторжествовалъ. Это сказывалъ намъ принцъ очень спокойно, какъ будто все это происходило лѣтъ пятьсотъ тому назадъ; а дѣти были его двоюродные братья.

Но вотъ звуки похороннаго марша стали явственно долетать до насъ; изъ-за стѣны показались опахала, процессія замедлилась немного оттого, что катафалкъ не проходилъ въ ворота; говорятъ, что это случается каждый разъ, но никакъ не хотятъ катафалкъ сдѣлать ниже; гробъ взяли на руки и понесли къ склепу. Опахала поставили у домика, а по окончаніи похоронъ замѣнили ихъ старыми, потому что они должны стоять здѣсь до тѣхъ поръ, пока вѣтеръ не разнесетъ всѣхъ перьевъ! Всѣ, сопровождавшіе процессію, образовали изъ себя обширный полукругъ. Недалеко отъ насъ стояла королева. Въ ея темномъ лицѣ было много грусти и какого-то томнаго выраженія. Не скорбь по покойникъ разлила эту тоску и это выраженіе тихой покорности на ея симпатичномъ лицѣ,—грустная драма разыгрывалась въ ихъ семействѣ, и ей доставалась не послѣдняя роль. По бабушкѣ своей, она немного Американка; оставшись ребенкомъ-сиротой, она взята была докторомъ Рукомъ, который воспиталъ ее и adoptировалъ; послѣ смерти своей, онъ оставилъ ей, вмѣстѣ съ своимъ именемъ, и все свое состояніе. Миссъ Рукъ не осталась, по природѣ своей, каначкой; она не могла, по убѣжденію, примириться съ положеніемъ рабы, которое приняла бы безусловно туземка. При мужѣ ея, королѣ,

(1) Поэтому, отецъ теперешняго короля—губернаторъ: мать одного была простая каначка, а мать другаго—королевской крови.

былъ секретарь, Американецъ. Можетъ-быть нѣсколько неосторожныхъ взглядовъ, или неосторожное слово, возбудили подозрѣнія мужа. Благородный въ душѣ, добрый, но вспыльчивый и легко-поддающийся увлеченію какъ настоящій канаецъ, гавайскій Отелло, въ порывѣ ревности, выстрѣлилъ въ своего секретаря и очень опасно ранилъ его. За порывомъ страсти послѣдовало раскаяніе; опасно раненый былъ перевезенъ на островъ Мауи, гдѣ дни и ночи раскаивающійся ревнивецъ проводилъ у постели больного. И въ настоящее время онъ былъ тамъ,—больному стало хуже. Король объявилъ, что если секретарь умретъ, то онъ отказывается отъ престола въ пользу сына и предастъ себя суду, какъ простой гражданинъ! Я зналъ всю эту исторію, и мнѣ казалось, что въ глазахъ несчастной женщины я читалъ и тоску, и грусть, и чувство оскорбленнаго достоинства.

Гробъ внесли въ домикъ; пасторъ сказалъ коротенькую рѣчь, и всѣ разошлись; лишь нѣсколько женщинъ изъ народа, находясь въ разныхъ разстояніяхъ отъ могилы, начинали завывать страшнымъ голосомъ. Говорятъ, что при смерти послѣдняго короля нѣсколько тысячъ каначекъ вопили вокругъ кладбища, но что теперь ихъ разгоняютъ и запрещаютъ давать подобныя концерты.

Къ намъ на клиперъ пріѣзжали: братъ короля, принцъ Какеаеа, съ нимъ были Вайли, министръ иностранныхъ дѣлъ, министръ финансовъ и генералъ Матаи. Принцъ—высокій мущина съ кофейнымъ широкимъ лицомъ, небольшимъ носомъ, черными усами и тою добродушною миной, какою отличаются канацкія фізіономіи; въ черныхъ глазахъ его свѣтится умъ. Онъ занимаетъ довольно важное мѣсто, образованъ, былъ въ Европѣ, и удивительно простъ въ обращеніи. На немъ была соломенная шляпа, подъ сюртукомъ малиновая лента и небольшая звѣзда съ боку.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, Вайли, Шотландецъ, представитель англійскаго вліянія, противодѣйствующій американскому, стремящемуся изъ Сандвичевыхъ острововъ образовать особый штатъ и присоединить его къ сѣверо-американской конфедераціи. У него лицо стараго, умнаго и вѣрнаго пса, украшенное сѣдыми бакенбардами, которые падаютъ рѣдкими клочьями съ дряблыхъ, морщинистыхъ и красноватыхъ щекъ. Это чуть ли не самая замѣчательная личность въ Гонолулу. Онъ устроилъ весь церемоніаль двора; онъ искусно велъ переговоры

съ Американцами, укралъ и уничтожилъ уже подписанный подпоеннымъ покойнымъ королемъ трактатъ съ Соединенными Штатами. Онъ твердо выдерживалъ свою роль, когда явились съ десантомъ Французы, желая вытребовать себѣ правомъ насилія право беспошлиннаго ввоза водки, тогда какъ пошлина составляетъ главный доходъ королевства. Съ виду онъ настоящій придворный; его уклончивая и размазывающая рѣчь пересыпана безпрестанными выраженіями: «его величество король, ея величество королева» и т. п. Подъ фракомъ у него была одна голубая лента, безъ звѣзды.

Министръ финансовъ удивительно напоминалъ собой распорядителя официальныхъ обѣдовъ; но генераль Матаи имѣлъ одно изъ тѣхъ лицъ, которыя не могутъ не понравиться, несмотря на кофейный цвѣтъ кожи, курчавые, жесткіе волосы и большой ротъ. Онъ средняго роста и прекрасно сложенъ; многія здѣшнія дамы влюблены въ него, чему я и не удивляюсь. На его добромъ и симпатическомъ лицѣ нельзя не видѣть слѣдовъ какого-то внутренняго недуга, что дѣлаетъ его лицо еще болѣе интереснымъ. Всѣ его очень любятъ, также какъ и жену его, природную каначку.

На другой день пріѣзжалъ къ намъ губернаторъ, Кекуанаоа, отецъ короля. У него преоригинальная личность; на морщинистой пергаментной кожѣ лица, отдѣляется сѣдая борода, брови нависли надъ лукаво-свѣтящимися глазами, а носъ небольшимъ крючкомъ приплюснулся къ щекамъ. Канаки боятся его, и увѣрены въ точности всего, что скажетъ Кекуанаоа. На клиперѣ онъ сказалъ оригинальный комплиментъ намъ и Россіи:

«Вашъ клиперъ—реаль, а Россія—милліонъ; какъ реальъ относится къ милліону, такъ величина вашего клипера относится къ величинѣ Россіи; а вашъ клиперъ развѣ реальъ стобитъ? Какъ же должна быть велика и хороша Россія!» Мнѣ, какъ медику, онъ счелъ нужнымъ показать свою высохшую руку.

Теперь, познакомившись съ самыми рельефными лицами Гонулулу, пойдемъ дальше. Если разказъ мой слишкомъ отрывоченъ, то въ этомъ виноватъ образъ нашего путешествія; мы не можемъ остановиться, чтобы вполне приглядѣться къ странѣ, схватить всѣ ея особенности въ общей гармонической картинѣ, и приобрѣсти болѣе полное о ней понятіе. Всякая новая сцена или личность для насъ интересны, и мы схватываемся за все, какъ морякъ, во время тумана, схватывается за

огонь блеснувшего вдали маяка, надѣясь по немъ найти вѣрный путь.

Одинъ разъ, возвращаясь вечеромъ по набережной на клиперъ, услышали мы звуки барабана. На перекресткѣ собралась толпа; два барабанщика, въ шляпахъ съ перьями, немилосердо колотили, одинъ въ большой, въ родѣ нашего турецкаго, другой въ обыкновенный барабанъ. Немудрено было догадаться, что били тревогу. Чтò такое? зачѣмъ?... Говорятъ, собираютъ милицію. Большое зданіе у пристани освѣщено; спрашиваемъ, можно ли войти?—можно. Входимъ; въ залѣ, хорошо освѣщенной, кучками стоятъ военные съ ружьями, въ сѣрыхъ казакинахъ, съ серебряными эполетами. Одинъ изъ нихъ кланяется намъ, и мы узнаемъ почтеннаго, сѣденькаго и лысенькаго старичка, въ очкахъ, чтò сидитъ въ магазинѣ Гакельда; онъ представлялъ теперь собою изображеніе Меркурія, превращеннаго въ Марса. Солдаты скоро выстроили, сдѣлали перекличку, и началось ученье, подъ музыку гремѣвшихъ на улицѣ барабановъ. Построенія, какъ мы замѣтили, напоминали скорѣе фигуры мазурки; командовалъ толстый джентльменъ съ красными перьями на каскѣ и съ золотыми эполетами. Не очень надѣясь на силу королевскихъ войскъ, всѣ живущіе здѣсь бѣлые составили свою милицію, которая ужеразъ принесла пользу. Въ 1852 году, шайка матросовъ съ китобойныхъ судовъ овладѣла городомъ и начала производить всякія безчинства. Король не рѣшался приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ, боясь, чтобы не убили какого-нибудь Американца, за котораго пришлось бы отвѣчать передъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Граждане (бѣлые) взяли дѣло на себя, и въ одинъ день очистили городъ.

Но зачѣмъ собрались они теперь? Штурманъ одного купеческаго судна возвратился домой, не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ; матросъ, подававшій ему ужинъ, какъ-то замѣшкался, и штурманъ такъ ударилъ его, что тотъ свалился съ трапа и разбился. Пьяный и послѣ продолжалъ бить и топтать его ногами, и матросъ отъ побоевъ умеръ. Дѣло поступило въ судъ присяжныхъ, который приговорилъ штурмана только къ уплатѣ ста долларовъ женѣ убитаго, чѣмъ та и удовлетворилась. Но такимъ окончаніемъ дѣла остались недовольны всѣ, начиная съ короля. Въ это самое время казнили одного канака, и еще двое (канакъ и Китаецъ) были приговорены къ висѣлицѣ, и дѣло оправданнаго бѣлаго возмущало

всѣхъ. На улицахъ появилась прокламація, сзывались въ Гонолулу канаки со всѣхъ острововъ, чтобы составить совѣтъ о томъ, что имъ дѣлать, потому что у нихъ теперь нѣтъ закона; что существующій законъ не для всѣхъ одинаковъ; для блага онъ мягокъ и уступчивъ, для канака—неизмѣненъ и твердъ, тогда какъ конституція даетъ имъ одинаковыя права передъ закономъ. Противъ этой манифестаціи бѣлые тоже намѣрены показать свои когти, и черезъ нѣсколько дней послѣ сбора войскъ, который мы видѣли, воинственные граждане ходили строемъ по улицамъ, желая внушить страхъ жителямъ. Правительство оставалось спокойнымъ и никакихъ розысковъ не производило, хорошо зная, что въ характерѣ канака нѣтъ энергии, необходимой для дѣятельной реакціи. Никогда не было столько уголовныхъ случаевъ на Сандвичевыхъ островахъ, какъ въ нынѣшнемъ году. Въ десять послѣднихъ лѣтъ была только одна казнь; въ нынѣшнемъ же году уже трое были осуждены на смерть, и всѣ за убійство.

Я никогда не видалъ казни, и поэтому хлопоталъ, чтобы меня впустили на дворъ тюремнаго замка, гдѣ былъ устроенъ эшафотъ. Отнесли къ шерифу; но онъ очень учтиво отвѣчалъ запиской, что такъ какъ онъ отказалъ въ этой просьбѣ многимъ другимъ, то и для меня онъ не считаетъ себя въ правѣ сдѣлать исключеніе. Нечего было дѣлать; я узналъ однако, что казнь можно было видѣть съ крыши одного изъ ближайшихъ домовъ, и взобрался туда въ седьмомъ часу утра, вооружившись длинною зрительною трубой. Утро было прекрасное; съ сосѣднихъ горъ поднимались легкія облака, утренній туманъ подернулъ прозрачною пеленой мысъ Diamond's Hill, а ближайшія пальмовыя рощи ярко рисовались на неясномъ фонѣ своими качающимися султанами; съ моря шло судно и мѣстные жители узнавали въ немъ почтовое судно, идущее изъ Санъ-Франсиско; кто ждалъ новостей, кто радости, кто горя. Одинокъ, вѣроятно, не думалъ о приходящемъ суднѣ—преступникъ. Мрачно стоялъ одинокій замокъ съ большимъ дворомъ, обнесеннымъ высокою стѣной; изъ-за стѣны видѣлся эшафотъ; на немъ два столбасъ перекладной. «Das ist der Galgen,» пояснилъ сидѣвшій около меня тотъ самый нѣмецкій господинъ, котораго я описывалъ выше въ день нашего прихода въ Гонолулу. Около стѣны толпился народъ, взобравшійся на сосѣднія хижинныя дома. Крыши заперестрѣли разноцвѣтною толпой; на улицѣ многіе были на лошадяхъ, нѣкоторые въ кабриолетахъ; пестрота,

шумъ и движеніе, какъ на праздникъ. За замкомъ видѣлись отдаленныя горы и долины; подернутыя туманомъ и освѣщенные утреннимъ лучемъ солнца, онѣ были также привлекательны и радостны, какъ вчера; смотря на нихъ, казалось, на землѣ нѣтъ ни гора, ни бѣдствій... Что думалъ и что чувствовалъ въ это время тотъ, кого скрывали мрачныя стѣны замка, кого ожидала собравшаяся толпа, кому приготовленъ былъ высокій эшафотъ?... Отсюда слышно было какъ на нашемъ клиперѣ пробило восемь склянокъ. Вотъ изъ черной двери вышли четверо солдатъ въ красныхъ мундирахъ, и заняли четыре угла эшафота. Прошло еще тягостныхъ пять минутъ. Чѣмъ должны были показаться эти пять минутъ осужденному? «Смотрите, явится бѣлая фигура,—это преступникъ,» говорилъ сосѣдъ, и я не отрывалъ глазъ отъ трубы. Четыре красныя фигуры неподвижно стояли по угламъ, и глаза всѣхъ присутствующихъ впились въ углубленіе отворенной двери; ожиданіе было тягостно. Но вотъ, наконецъ, показался пасторъ, весь въ черномъ, съ бѣлыми воротниками, и занялъ свое мѣсто; за нимъ, твердымъ шагомъ, шла укутанная въ бѣлый балахонъ фигура; за нею палачъ. На перекладинѣ мелькнула бѣлая веревка. Молитва пастора продолжалась, можетъ-быть, полторы минуты, но онѣ показались намъ неизмѣримыми. Вдругъ бѣлая фигура исчезла съ помоста, только видна была натянутая бѣлая веревка, и пасторъ скорыми шагами уходилъ съ эшафота; вѣрно у него мелькнула въ головѣ мысль, что онъ присутствовалъ при недобромъ дѣлѣ. Красные солдаты стояли неподвижно. «*Finita la comedia!*» послышалось въ сторонѣ, и не одно сердце облилось въ эту минуту кровью, затрепетавъ отъ злобы и ожесточенія. Народъ все еще стоялъ, шума, пестрѣя. Туманъ расходился, въ гавани дымился пароходъ, собираясь идти навстрѣчу почтовому судну; я возвратился на клиперъ, съ котораго также виденъ былъ замокъ. Красные солдаты стояли вольно; бѣлая веревка, въ которой морскіе глаза издали узнали манильскій «трость», натянутая какъ струна, ясно отдѣлялась отъ черныхъ столбовъ. А у насъ въ этотъ день было Рождество; всѣ въ мундирахъ; на фалахъ приготовлялись разноцвѣтные флаги для праздника. Я былъ не въ духъ и мысленно благодарилъ шерифа за то, что онъ не позволилъ мнѣ быть на дворѣ: впечатлѣніе было бы слишкомъ сильно!

Но оставимъ городъ и поѣдемъ смотрѣть окрестности; изъ нихъ самыя замѣчательныя—деревенка Вайкики, долина Евы,

на Перловой рѣкѣ, и обрывѣ Пади. Кто видѣлъ эти мѣста, тотъ видѣлъ весь островъ Оау, который не отличается богатствомъ растительности между островами этой группы. Горы его кажутся пустынными; проѣзжаешь иногда большое пространство, не видя другой зелени кромѣ кактусовыхъ кустовъ, растущихъ по песчанымъ участкамъ; прелесть острова скрывается по ущелиямъ и по берегамъ источниковъ. Въ экипажѣ можно уѣхать недалеко за городъ; лучше взять верховыхъ лошадей, которыхъ много въ Гонулулу, и очень хорошихъ.

Вайкики, небольшая деревенька, домики которой разбросаны въ пальмовой рошѣ, растущей у морскаго берега, почти у самаго подножія Діаманта. Дорога къ ней идетъ сначала пустыремъ, потомъ огибаетъ прехорошенькую ферму; скрытую садомъ банановъ, пандамусовъ и пальмъ, въ тѣни которыхъ часто мелькають тростниковыя крыши канацкихъ хижинокъ; потомъ дорога идетъ между Солотами, напоминающими собою наши русскіе ландшафты, съ поросшими кугой пространствами, съ досчаникомъ, на которомъ переталкиваются до другаго берега, и со множествомъ самой разнообразной дичи. Вотъ и цѣлое озеро: мальчишки полощутся въ немъ, затащивъ въ тину лошадь, чтобъ ее выкупать; лошадь прыгаетъ по топкому и невѣрному дну, а бойкій, черноглазый мальчикъ уже взобрался на нее, къ крайней досадѣ другихъ, не успѣвшихъ предупредить его. Знакомыя картины!... Только вытянувшаяся кое-гдѣ пальма, да повѣсившій внизъ свои длинные листья пандамусъ даютъ ей свой, мѣстный отпечатокъ. Тонкіе стволы пальмъ зачастили справа и слѣва. Дорога вошла въ пальмовую рошчу, пытаюсь было идти прямо, и образуя правильную аллею; но скоро она должна была изгибаться какъ змѣя, обходя группы сплотившихся пальмъ, не желавшихъ уступить ей мѣста. Отдѣльно разбросанные по рошѣ домики и составляли деревеньку Вайкики. Домики выходили къ самому морю, которое тихо плескалось въ песчаный берегъ, укротивъ ярость волнъ своихъ на рифахъ, защищающихъ со всѣхъ сторонъ островъ. По близости показываютъ домикъ Камеамае I; здѣсь была его резиденція, когда онъ завоевалъ Оау. Сюда же приставали прежніе путешественники, становясь на якорь въ рифовъ, на вѣтшнемъ рейдѣ.

Канаки, попадавшіеся намъ на встрѣчу, были въ праздничныхъ одеждахъ; на новыхъ блузахъ женщинъ лежали цѣлые пучки красивыхъ листьевъ, и черныя ихъ головы чуть не

гнулись подъ тяжестью вѣнковъ; былъ праздникъ. Мы остановились близъ самаго большаго зданія, полнаго народомъ. На полу были постланы скатерти, и на нихъ стояли огромныя травянки (называемыя здѣсь *кальбашъ*) съ различными кушаньями. Каждое семейство кучкой сидѣло вокругъ обѣда; много цвѣтовъ и зелени устиладо полъ. Скоро явилась какая-то фигура, въ которой не трудно было узнать пастора, и начала говорить проповѣдь. Тутъ только мы догадались, что попали въ церковь, и разглядѣли кафедру и распятіе. Проповѣдь окончилась, всѣ открыли свои кальбаша, и началось угощеніе. Въ числѣ блюдъ былъ вареный въ листьяхъ банана, между горячими камнями, поросенокъ (процессъ этого варенья, опишу послѣ) и *пой*, родъ похлебки изъ таро, иногда съ кокосовымъ орѣхомъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ называется *большимъ поемъ*, и служить лакомствомъ. Берутъ его пальцемъ; а такъ какъ онъ полужидокъ, то нужно особенное искусство, чтобъ удержать достаточное его количество на пальцѣ: для этого дѣлаютъ пальцемъ легкія, кругообразныя движенія въ воздухѣ, и быстро подносятъ палецъ ко рту. Въ числѣ каначекъ было много молодыхъ и хорошенькихъ; онѣ точно такимъ же способомъ ѣли *пой*, не теряя, впрочемъ, при этомъ процессѣ, своей граціи. Стоить только на время забыть нѣкоторыя предубѣжденія, и все покажется естественнымъ.

Близъ церкви была школа, и маленькіе школьники и школьницы также принимали участіе въ праздникѣ, убравъ свои головки листьями, цвѣтами и желтыми бусами, которыя дѣлаются изъ молодыхъ почекъ кокосоваго орѣха; они прекраснаго желтаго цвѣта, съ сильнымъ запахомъ, напоминающимъ пачули.

По близости Вэйкики есть развалины стариннаго *морая*, — мѣста убжища. Кажется, это единственный остатокъ язычества на всемъ островѣ; но путешественникъ, кромѣ поросшихъ травой камней, ничего здѣсь не увидитъ.

Возвращаясь въ городъ, мы взѣхали на Пуншевую Чашу, *Punch Bowl*, — холмъ, возвышающійся надъ самымъ городомъ. Плоскость его вершины образовала своею формой совершенно круглую чашу, почему онъ и получилъ свое классическое названіе. Края площади поднялись отдѣльными возвышеніями, образовывая естественныя брустверы для поставленныхъ орудій. На одномъ изъ этихъ возвышеній выстроенъ домикъ и стоитъ флагштокъ, на которомъ развѣвается

гавайскій восьмицвѣтный флагъ. Видъ съ Пуншевой Чаши на городъ превосходный: съ одной стороны открывается море, съ отмелями и рифами, которые выходятъ наружу, постепенно желтѣющими пятнами; съ другой стороны самыми нѣжными тонами рисуются далекія горы. Разнообразіе зеленыхъ квадратовъ, окружающихъ городъ, съ бѣлыми домиками, пальмы, ручьи, церкви, мачты,—все умѣстилось въ счастливо-расположенной панорамѣ, безпрестанно мѣняющей освѣщеніе, по мѣрѣ того какъ находили съ горъ облака, разрѣшавшіеся или крупнымъ дождемъ, или цѣлымъ каскадомъ яркихъ лучей солнца, прорвавшихся черезъ облако.

Долина Евы лежитъ у береговъ Перловой рѣки, впадающей въ море широко разлившимися устьями, едва выказывающими свои прибрежья. Нѣсколько озеръ увеличиваютъ своими свѣтлыми массами видимое количество этихъ разливовъ. Надо было проѣхать верстъ двадцать, чтобъ увидѣть зеленныя долины, примыкающія къ рѣкѣ, съ ихъ плантаціями и фермами. Дорога шла по пустыннымъ склонамъ горъ, съ выжженными солнцемъ мѣстами, на которыхъ сѣро-синими пятнами росли кактусы и алоэ, единственная зелень, могущая подняться при такихъ условіяхъ. Рѣзкую противоположность представляли ущелья, которыхъ намъ пришлось проѣхать нѣсколько; здѣсь горные источники прокладывали себѣ къ морю живописные пути. Вотъ долина Монуа-роа. Не знаю, не получила ли она свое названіе отъ знаменитой горы на Гаваѣ, величайшей во всей Полинезій, и ровной Тенерифскому пику. Въ долину этой было все, что составляетъ прелесть ландшафта,—и группы пальмъ, качавшихся надъ хижинами, у пороговъ которыхъ вкушали кофей цѣлыя семейства, укутавъ колѣна въ пестрые платки, и стадо быковъ, пасущееся въ сочной травѣ, по близости ручья, а ручей граціозно изгибался нѣсколькими разливами, шумѣлъ колесами горной мельницы, висѣвшей у утеса, омывалъ и сады съ бананами, и лужайку, и какую-то плотно-сросшуюся массу зелени, изъ которой выглядывали то букеты цвѣтовъ, то ярко отдѣлившіяся вѣтки или тяжелый листъ, который перевѣсился черезъ полуразвалившійся заборъ. Сама дорога какъ будто не хотѣла вдругъ покинуть ущелье, а обвивалась вокругъ каждаго садика, каждой усадьбы, и не охотно выходила, нѣсколькими поворотами, въ скалистыя стѣны ущелья. Въ долину Евы надо было отдохнуть. Мы подъѣхали къ одиноко-стоявшему шалашу, у котораго привязано было нѣсколько лошадей. Внут-

ренность шалаша не отличалась ничѣмъ отъ другихъ хижинъ: деревянная посуда, нагроможденная по угламъ, висящія и стоящія калѣбаши, связка банановъ и цыновки. По срединѣ хижины сидѣла сморщенная, съдая старуха, въ лохмотьяхъ, съ растрепанными косами, какъ изображаютъ Мегеру; пріѣхавшіе къ ней двое канаковъ и молодая каначка стояли неподвижно вокругъ нея. Никто не обратилъ на насъ вниманія; только старуха взглянула какимъ-то змѣинымъ взглядомъ, и бровью не моргнула. Эта каменная группа обдала насъ холодомъ, и мы поѣхали дальше. Среди плантацій банановъ скоро отыскали мы одинъ изъ трактировъ, которые и здѣсь гнѣзятся по ущельямъ, въ горахъ и всюду, гдѣ только можетъ проѣхать проголодавшійся человекъ. Мы были не взыскательны, еще съ утра разчитывая питаться цѣлый день одними бананами; а тутъ нашли и ростбифъ, и эль, и зелень! На обратномъ пути насъ нагнали семь или восемь амазонокъ; мы поскакали вмѣстѣ съ ними, и проскакали верстъ десять... Пестрые платки развѣвались по вѣтру, что какъ будто еще увеличивало быстроту скачки.

Теперь опишу поѣздку въ Пали, гдѣ намъ обѣщали показать *настоящую* жизнь канаковъ. Къ Пали дорога идетъ по ущелью, которое начинается долиной сейчасъ же за городомъ, и по которому мы уже нѣсколько разъ ѣздили. Развертываясь нѣсколькими котловинами, ущелье наконецъ суживается, и постепенно поднимающаяся долина оканчивается сразу вертикальнымъ обрывомъ, около 800 футовъ глубины. Съ этимъ мѣстомъ связано историческое преданіе.

Каждый островъ гавайскаго архипелага принадлежалъ сперва отдѣльнымъ владѣтелямъ, царствовавшимъ съ неограниченнымъ деспотизмомъ и получавшимъ почти божескія почести отъ народа, который находился въ періодѣ полного разложенія, и исповѣдывалъ чудовищную религію поклоненія людямъ. Земля дѣлилась между вождями отдѣльныхъ группъ, находившихся къ главному властителю въ отношеніи феодальныхъ вассаловъ. Всѣ блага земли были для высшихъ; для поддержанія правъ народа нѣ существовало ни закона, ни суда; могущественное *табу*, слово, означающее заключеніе, налагало запретъ на пользованіе землей, на имѣнье, на добычу охоты и ловли. Одно слово вождя рѣшало ссоры, слово владыки начинало войну или упрочивало миръ; народъ находился въ полномъ рабствѣ.

Въ прошломъ столѣтіи, король Гаваа, самаго значительнаго изъ острововъ архипелага, задумалъ собрать эти отдѣльныя, постоянно враждовавшія между собой королевства въ одно цѣлое, и дѣйствительно завоевалъ одинъ островъ за другимъ; нѣкоторые же острова сами подчинились ему, видя его возрастающую власть и вліяніе. Едва ли не самый сильный отпоръ встрѣтилъ онъ здѣсь, на островѣ Оау. При помощи ружей и морскихъ солдатъ Ванкувера, на нѣсколькихъ пирѣгахъ, высадился король у Вайкики и началъ тѣснить народъ, защищавшій свое существованіе и свою независимость. Канаки дрались за свои хижины, и кромѣ того, надъ ними было могущественное слово ихъ вождей, которымъ они поклонялись какъ богамъ (1). Но сильный завоеватель, Камеамеа I, наступалъ энергически; канаки стѣснились въ ущелья, отстаивая каждый шагъ, обгаляя каждый кустъ, каждый камень своею кровью. Наконецъ не стало мѣста для отступленія: ущелье кончалось страшнымъ обрывомъ, въ глубинѣ котораго росъ густой лѣсъ, а за лѣсомъ море рвалось, черезъ рифы и камни, къ берегу. Оставалось или покориться, или броситься внизъ съ обрыва. Канаки избрали послѣднее, и только тогда уступили островъ, когда всѣ до одного побросались въ пропасть, усявъ зеленѣвшій внизу лѣсъ своими костями. Камеамеа остался владѣтелемъ Оау, избравъ деревеньку Вайкики своею резиденціей.

Камеамеа I, кромѣ военныхъ способностей, имѣлъ обширныя административныя дарованія; въ его свѣтлой головѣ родились мысли о полномъ возрожденіи страны, и единство власти онъ считалъ для этого первою ступенью. Всѣ завоеванныя вновь земли раздѣлялъ онъ между своими вождями, оставивъ себѣ значительнѣйшій изъ удѣловъ. Главнымъ его совѣтникомъ и другомъ былъ Джонъ Йонгъ, оставленный ему Ванкуверомъ. Камеамеа носилъ европейскій костюмъ, и былъ бы вполне счастливъ, еслибъ ему пришлось видѣть плоды начатаго имъ дѣла.

(1) Еще и теперь можно замѣтить въ характерѣ канака слѣды этого поклоненія. Онъ теперь свободенъ, оставшіеся вожди, князья, не имѣютъ никакого значенія; но если, на примѣръ, князь дастъ канаку спрятать деньги, кавакъ дни и ночи будетъ сидѣть надъ вѣтреннымъ ему сокровищемъ. Попробуй же сдѣлать это кто-нибудь другой, не князь, — кавакъ первый украдетъ деньги. Какъ же велика была эта преданность во время полнаго значенія этихъ вождей, или князей!

Но Сандвичевы острова стали терять свои національныя формы только при Кемеаеа III, когда образовалась государственная собственность изъ отдѣленныхъ отъ каждаго удѣла небольшихъ участковъ, доходы съ которыхъ пошли на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ. Когда принята была европейская форма правленія, каждый канакъ сдѣлался свободнымъ и получилъ передъ лицомъ закона одинаковыя права съ князьями.

Переворотъ былъ начать могучею личностью Кемеаеа I-го, справедливо называемаго Петромъ Великимъ Полинезіи; второй сдѣлало время и вліяніе Европейцевъ. Личность Кемеаеа III была ничтожна; онъ былъ вѣчною игрушкой окружавшихъ его людей, но, несмотря на это, время его царствованія составляетъ эпоху для королевства: при немъ была дана либеральная конституція, господствующею религіей окончательно признана христіанская, уничтожено табу, учрежденъ парламентъ, судъ присяжныхъ, организовано войско, полиція, назначены правильные таможенные сборы, составляющіе главный доходъ государства; при немъ на плодородныхъ мѣстахъ острововъ (преимущественно на островѣ Мауи) стали заводить плантаціи кофе, сахара, индиго, аррорута,—короче сказать, при немъ образовалось государство на либеральныхъ и современныхъ началахъ, государство совсѣмъ не каррикатурное. Тамъ, гдѣ пятьдесятъ лѣтъ назадъ чуть не приносились человѣческія жертвы, гдѣ народонаселеніе жило единственно для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, гдѣ, кромѣ войнъ и вакхическихъ плясокъ, ни о чемъ не думали, теперь на 70.000 народонаселенія считается 500 школъ, и мы были очень далеки отъ мысли о каррикатурѣ, посѣщая чистыя пріюты, гдѣ маленькіе дикіе научались быть людьми.

Нравственно, переворотъ совершенъ; но выдержать ли его физическія силы народа—это вопросъ. Дорого стоило ему приурочить себѣ цивилизацію! Появились новыя болѣзни, простуды, отъ непривычки носить платье, и разные другіе недуги, слѣдствія новой жизни, подтачивающіе общее здоровье. Народонаселеніе видимо уменьшается, несмотря на возрастающія средства благосостоянія. Непонятное, странное явленіе, передъ которымъ въ недоумѣніи останавливается наблюдатель (1)!

(1) Въ Гонолулу для канаковъ только одинъ госпиталь на 8 кроватей. Каждый день около 20 человѣкъ приходятъ за совѣтами, и главный

Утромъ, въ 7 часовъ, большою кавалькадой, отправились мы во глубь ущелья. Среди дороги останавливались мы осмотрѣть еще разъ домикъ Камеама I и его царскую купальню. Купальня, дѣйствительно, была царская. Въ глубину угасшаго кратера, представлявшагося намъ правильнымъ циркомъ, съ отвѣсными стѣнами, падалъ широкой каскадъ съ высоты 150 футовъ; на днѣ цирка и вдоль разливающихся отъ каскада ручьевъ, росли бананы и апельсинныя деревья; вода шумѣла, летѣли брызги и искрились алмазами, сырою пылью обдавая нависшіе надъ водопадомъ кусты и деревья. Выше надъ нимъ подымалась декорація поросшихъ лѣсомъ горъ, съ ихъ строгими контурами и темными тѣнями. Трудно устроить лучшую купальню! По дорогѣ, иногда мощеной крупными камнями, иногда песчаной, попадались отдѣльно стоящія хижины, прилѣпившіяся то къ группѣ деревьевъ, то къ скалѣ; между зеленью краснѣли платки каначекъ, сидѣвшихъ у пороговъ.

Но вотъ ущелье сузилось, сильный порывъ вѣтра рветъ съ головы шляпу; черезъ скалистыя ворота врывается NO пассатъ, получающій въ этомъ узкомъ корридорѣ страшную силу. Мы слѣзли съ лошадей и осторожно подошли къ краю пропасти. Было страшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы были поражены внезапно открывшеюся передъ нами картиной: справа и слѣва, отвѣсно поднимались скалы; два кряжа горъ, идущіе въначалѣ параллельно, образуя ущелье, вдругъ развернулись широкимъ кругомъ, охвативъ лежащую внизу долину двумя концами, далеко отстоящими одинъ отъ другаго, и сошли неправильными массами скалъ, камней, уступовъ и холмовъ, къ морю, блистающему издали прихотливыми цвѣтами. Приближаясь къ этимъ берегамъ, море покинуло свой постоянный холодный видъ, который оно привыкло показывать намъ, морякамъ; оно нарядилось здѣсь въ разнообразныя кокетливыя цвѣта, бѣлыми брызгами перескочило черезъ нѣсколько грядъ рифовъ, зашло

докторъ, г. Гильдебрантъ, говорилъ мнѣ, что многіе, страдавшіе хроническими болѣзнями кавачи, обративъ серьезное вниманіе на свою болѣзнь, радикально излѣчивались. Открытіе большаго госпиталя, съ обширными средствами, могло бы имѣть вліяніе на улучшеніе общественнаго здоровья. Эта мысль вполне сознается всѣми; во время нашего пребыванія рѣшено было строить госпиталь на 150 кроватей и уже выбрано было мѣсто. Когда это исполнится, истинный филантропъ можетъ торжествовать великую побѣду, видя, что можетъ-быть цѣлое поколѣніе вырвано изъ рукъ смерти.

въ бухты лежавшаго у ногъ ландшафта, и то зажелтѣеть далекою отшелью, то блеснетъ ярко-лазоревымъ свѣтомъ, гдѣ-нибудь въ затишьи, то молочною пѣной забьетъ у выступающаго камня.

Вспомнивъ легенду, страшно взглянуть подъ ноги! Растущая внизу зелень сплотилась какъ будто въ непроницаемый бархатный коверъ; слѣва, уходящія вдаль отвѣсныя скалы спустились къ долинѣ зелеными покатосями, какъ будто природа, для того чтобы скалы не представляли обнаженныхъ обрывовъ, обращенныхъ въ долину, набросала нарочно и щедрою рукой деревья и кусты на кручи, и сгладила переходъ отъ дикаго утеса къ миловиднымъ холмамъ долины, разнообразно убраннымъ всевозможною прихотью растительной силы. На одномъ изъ холмовъ виднѣлась хижина; нѣсколько пальмъ, какъ кандеябры, окружали ее; эта-то хижина и была цѣлю нашей прогулки.

Спускъ въ долину шелъ зигзагами по отвѣсной скалѣ. Дорога, высѣченная въ камнѣ, змѣдилась по ребрамъ утесовъ; она была дика, но очень живописна; виды измѣнялись при каждомъ поворотѣ: то являлись скалы, стоявшія непреодолимою стѣной, то море синѣло и блистало, то роскошная зелень виднѣлась внизу. По мѣрѣ спуска, утесы росли и давили своею громадностію, а деревья, казавшіяся сверху зеленымъ ковромъ, вставали надъ головами.

Хижина, куда мы добрались, была убрана въ канакскомъ вкусѣ; стѣны, потолокъ, столбы, увиты были цвѣтами и зеленью; близъ хижины варился по-канакски обѣдъ, и нѣсколько каначекъ, одѣтыхъ по-праздничному, съ вѣнками на головахъ, ждали насъ, чтобы пѣснями и плясками перенести наше воображеніе въ то время, когда Камеамеа I еще не завоевалъ Оау, и народонаселеніе жило такъ, какъ указали ему природныя инстинкты.

Канакская кухня довольно интересна. Въ небольшую яму набрасываютъ нѣсколько каменьевъ, которые накаляютъ разведеннымъ надъ ними костромъ; на эти раскаленные камни кладутъ цѣльнаго поросенка, предварительно очищеннаго и вымытаго, и укладываютъ его банановыми листьями; затѣмъ его закрываютъ нѣсколькими цыновками. Черезъ полчаса, жареное готово, удивительно вкусное, пропитанное ароматомъ и свѣжестію листьевъ. Послѣ обѣда каначки пѣли, сопровождая свои дикіе возгласы удивительно-выразительною жестикоуляціей.

Подъемъ на гору былъ затруднительнѣе спуска; привычныя лошади усиленно цѣплялись копытами за камни и часто спотыкались. На верху, охлажденные струей сильнаго вѣтра, мы немного отдохнули, и уже вечеромъ возвратились въ городъ.

Пѣніе и пляска составляютъ какъ бы специальность здѣшняго народонаселенія. Есть женщины исключительно поющія, и есть исключительно танцующія; даже всякій танецъ имѣетъ своихъ особенныхъ исполнительницъ. Пѣвицы садятся въ кружокъ, окутываютъ ноги большимъ пестрымъ платкомъ, и берутъ свой особенный инструментъ, — травянку, съ катающимися внутри шариками и съ кругомъ наверху, окаймленнымъ перьями и украшеннымъ мѣдными гвоздиками и кусочками фольги. У каждой пѣвицы по такому тамбурину въ рукахъ; равномерно, въ тактъ, ударяютъ имъ по колѣну, сотрясаютъ въ воздухъ и различнымъ образомъ поводятъ по немъ, производя оглушающій грохотъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ ладъ этихъ жестикюляцій, приприпѣваютъ онѣ свои какофоническія пѣсни. Движенія пляшущихъ становятся быстрѣе, все тѣло принимаетъ участіе въ пляскѣ, каждая часть его отдѣльно вертится, какъ будто укушенная и желающая освободиться отъ докучнаго насѣкомаго. Въ трескѣ ихъ инструментовъ есть своя дикая гармонія, которая очень идетъ къ этимъ женщинамъ, дѣлающимъ выразительныя гримасы и въ то время, какъ отрывочные звуки пѣсенъ вылетаютъ изъ ихъ толстыхъ губъ, и въ то время, когда искры сыплются изъ ихъ черныхъ, выразительныхъ глазъ.

Пляски характеристичнѣе пѣсенъ. Услужливый Вильгельмъ Флюгеръ устроилъ для насъ *хула-хула en grand*, созвавъ лучшихъ танцовщицъ острова. Пляска эта запрещена и долго была предметомъ гоненія миссіонеровъ; но она такъ вошла въ плоть и кровь канака, что онъ, кажется, не могъ бы жить безъ своей хула-хула; во всѣ свои пѣсни вноситъ онъ, при жестикюляціяхъ, главные мотивы этого танца. Правительство, въ видахъ исключенія, дозволяетъ иногда хула-хула, только съ условіемъ, чтобы танцовщицы были одѣты, и беретъ за каждый танецъ 11 долларовъ пошлины.

За городомъ, въ особо-устроенномъ изъ пальмовыхъ вѣтвей шалашѣ, окруженномъ толпой народа, собравшагося посмотрѣть на любимый танецъ, любовались мы этимъ характеристическимъ балетомъ, — болѣе роскошнымъ и по своей оригинальности, и по обстановкѣ, чѣмъ всѣ наши Жизели и Эсме-

ральды. Канаки говорили, что давно не было такой хула-хула.

Одна за одной, медленно двигаясь, вползли, не скажу вошли, восемь каначекъ; на головахъ ихъ были вѣнки, платья по колѣна; у щиколокъ — нѣчто въ родѣ браслетъ изъ цвѣтовъ и связки собачьихъ зубовъ. Танцевали онѣ подъ звукъ ударяемыхъ одна о другую палокъ; артисты, игравшіе на этомъ нехитромъ инструментѣ, пѣли, жестикулируя. Танецъ этотъ былъ очень скромный и сдержанный. Когда кто-нибудь изъ насъ, зрителей, хотѣлъ дать денегъ танцовщицамъ, то вручалъ ихъ молодому канаку, и тотъ уже передавалъ ихъ танцовщицамъ, поцѣловавъ по очереди каждую. Цѣловалъ онъ, растирая свой носъ о носъ красавицы, предварительно смахнувъ платкомъ съ лица ея пыль и сдѣлавъ тоже и съ своею физиономіей. Чтò городъ, то норовъ!

Музыканты и танцовщицы ушли; ихъ мѣсто занялъ другой оркестръ, гдѣ каждый музыкантъ имѣлъ по два барабана, — маленькому и большому; по маленькому били гибкимъ хлыстикомъ, по большому же ладонью и пальцами. Какъ только они затянули свою пѣсню, полную гортанныхъ звуковъ, на коврѣ изъ зеленыхъ листьевъ, которыми усыпанъ былъ полъ шалаша, явились три высокаго роста каначки; средняя, довольно дородная, была поразительно хороша собою. Танецъ ихъ былъ полонъ сладострастія и горячечнаго, дикаго безумія. То рисовалась каждая часть ихъ гибкаго тѣла въ какомъ-то дѣтскомъ, полномъ нѣги движеніи; то вдругъ, вспыхнувъ восторгомъ, вся сотрясалась молодая каначка; протянутою рукой указывала она на кого-нибудь изъ зрителей, и взглядомъ и выраженіемъ стремящагося впередъ тѣла какъ будто хотѣла передать всю страсть своего нецѣломудреннаго экстаза.

Для третьей хула-хула, у музыкантовъ были, въ рукахъ большія пустыя травянки, глухой звукъ которыхъ какъ-то особенно шелъ къ разнообразнымъ позамъ послѣдняго танца. Многіе миссіонеры въ негодованіи раздражались противъ безнравственности этихъ вакхическихъ зрѣлищъ; мы же, съ своей стороны, очень бы жалѣли, еслибы каначки утратили, среди новыхъ привычекъ, прелесть своей старой, наивной хула-хула.

Въ послѣдній день нашей стоянки въ Гонолулу, мы были представлены королю. Всѣ офицеры нашей эскадры отправились сначала въ *домъ управленія*, чтобъ отыскать Вайли. На воротахъ дома была золотая корона; на дворѣ нѣсколько маленькихъ домиковъ, въ родѣ будокъ; одинъ изъ нихъ вмѣщалъ въ себѣ министерство финансовъ, въ другомъ было

министерство просвѣщенія, въ третьемъ министерство внутреннихъ дѣлъ; въ самомъ концѣ двора было министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ мы и нашли Вайли. Всѣ стѣны единственной комнаты министерства уставлены были книгами, а углы и столы были завалены бумагами. Бумаги грудями лежали и на полу, и среди всего этого засѣдалъ Вайли, въ своемъ мундирѣ и голубой лентѣ. Съ нимъ мы пошли во дворецъ. На большомъ дворѣ выстроено было войско, бывшее во всѣхъ барабаны; на флагштокѣ поднимался новый флагъ. Дворецъ состоитъ изъ нѣсколькихъ высокихъ и большихъ комнатъ, роскошно меблированныхъ. На полу превосходные ковры, на окнахъ штофныя занавѣси; мебель обита тоже пунцовымъ штофомъ. Всѣ замѣчательныя лица города ходили по приемной залѣ; въ числѣ ихъ я узналъ г. Бисшопа и генерала Матаи; все это было en grande tenue, кто въ лентѣ, кто въ генеральскомъ мундирѣ.

Манутъ черезъ пять ввели насъ въ тронную залу. Въмѣсто трона, посреди, на возвышеніи, стояла кушетка и около нея, въ мундирѣ національной гвардіи и въ бѣлыхъ перчаткахъ, стоялъ король Камеамеа IV, высокій, красивый мужчина, лѣтъ тридцати пяти, съ какимъ-то грустнымъ выраженіемъ въ своихъ черныхъ большихъ глазахъ. Это выраженіе я замѣтилъ у многихъ канаковъ высокаго происхожденія. Казалось, ихъ грызетъ какой-то внутренній недугъ, какое-то горе, и нѣтъ силы, нѣтъ власти сломить его, и одна только безусловная покорность судьбѣ примиряетъ ихъ съ жизнью. Какъ будто на лицѣ главы народа я читалъ судьбу всей его націи, безропотно гаснущей и тѣющей. А гдѣ взять энергіи, гдѣ взять силы, чтобы сбросить съ себя цѣпь, наложенную неумолимымъ рокомъ? А главное — гдѣ отвѣтъ на вопросъ: что же дѣлать? Кто укажетъ лѣкарство противъ точащаго недуга? Или онъ неизлѣчимый, смертельный, и главы народа знаютъ объ этомъ? Я смотрѣлъ на эти глаза полные грустнаго выраженія, и мнѣ было какъ-то жутко!... По манерамъ своимъ, король настоящій джентльменъ; притомъ онъ пользуется общою любовью и уваженіемъ.

Насъ всѣхъ, по очереди, представилъ ему нашъ отрядный начальникъ. Когда аудіенція кончалась, мы разбрелись по двору, вписавъ предварительно свои имена въ книгу. Намъ принесли показать знаменитую царскую мантию, сдѣланную изъ перьевъ

самой рѣдкой птицы; эта мантия дѣлалась нѣсколько десятковъ, если не сотенъ лѣтъ, потому что въ птицѣ только два пера, которыя идутъ въ дѣло. Кабинетъ короля уставленъ книгами; на стѣнахъ висятъ нѣсколько портретовъ, между которыми бросается въ глаза умная и характеристическая личность Камеамеа I.

А. Вышеславцевъ.

(До слѣд. №.)

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ

И

ЗЕМСКІЕ БАНКИ¹

IV.

Дабы на самыхъ кредитныхъ установленіяхъ указать основанія, изложенныя въ предыдущихъ отдѣлахъ нашей статьи, мы намѣрены рассмотреть дѣйствія одного кредитнаго общества землевладельцевъ-заемщиковъ и другаго общества—капиталистовъ-заимодателей. Изъ числа первыхъ мы избираемъ установленіе, существующее въ Царствѣ Польскомъ подъ названіемъ *Земскаго Кредитнаго Общества*, а изъ числа вторыхъ, установленіе, учрежденное во Франціи, подъ названіемъ *Credit Foncier*. Начинаемъ съ перваго.

Мы избрали для примѣра Земское Кредитное Общество Царства Польскаго потому, что считаемъ его однимъ изъ образцовыхъ установленій въ Европѣ.

Мы уже высказали замѣчаніе, что если ссуды дѣлаются

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № № 18 и 19.

безостановочно, безъ излишнихъ затрудненій для заемщиковъ, а ипотечныя обязательства имѣютъ обращеніе въ нарицательной цѣнѣ, то цѣль кредитнаго общества достигнута вполнѣ. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ кредитное учрежденіе Царства Польскаго подходитъ подъ эти условія, и начнемъ съ курса его обязательствъ.

Земское Кредитное Общество Царства Польскаго учреждено было въ 1825 году, въ такое время, когда всякое кредитное установленіе было новостью для всей страны, и когда частный поземельный кредитъ представлялъ капиталистамъ весьма мало привлекательности. Землевладѣльцы затруднялись въ возвратѣ занятыхъ ими капиталовъ; самые исправные изъ нихъ уплачивали только проценты, а для платежа по займамъ прибѣгали обыкновенно къ займамъ новымъ; система постепеннаго погашенія займовъ была вовсе неизвѣстна. Слѣдовательно, въ первые годы существованія Общества курсъ обязательствъ его не могъ быть вполнѣ удовлетворительнымъ, но возрастая постепенно, онъ давно уже остановился на такой точкѣ, на которой измѣненія курса зависятъ не отъ степени довѣрія къ солидности кредитнаго установленія, а отъ движенія мѣстныхъ капиталовъ, находящагося въ связи съ движеніями общей народной промышленности, на которую Земское Кредитное Общество прямого вліянія имѣть не можетъ. Согласно съ этимъ, въ эпохи, когда народная промышленность вообще бываетъ менѣе оживлена, также когда обстоятельства указываютъ капиталистамъ необходимость нѣкоторой осторожности по частнымъ кредитнымъ сдѣлкамъ, ипотечныя обязательства спрашиваются въ Царствѣ Польскомъ болѣе обыкновеннаго, и слѣдовательно, курсъ ихъ нѣсколько возвышается; напротивъ, когда оживленіе народной промышленности, хотя временное и искусственное, общаетъ капиталамъ проценты возвышеннѣе, ипотечныя обязательства сбываются ихъ владѣльцами охотно, и курсъ ихъ нѣсколько понижается. Впрочемъ, съ давняго уже времени курсъ этотъ такъ приблизился къ нарицательной цѣнѣ, что ипотечныя обязательства спрашиваются не спекулянтами, разчитывающими на шансы выгодной ихъ перепродажи, а такими капиталистами, которые ищутъ вкладовъ на продолжительные сроки, собственно съ цѣлію пользоваться постоянными вѣрными процентами. Обстоятельство это, по мнѣнію нашему, служить лучшимъ доказательствомъ довѣрія публики къ Кредитному Обществу.

Средній биржевой курсъ обязательствъ Земскаго Кредитнаго Общества Царства Польскаго, въ послѣднемъ десятилѣтїи, былъ слѣдующій:

Въ 1-й половинѣ	1850	года	14.87	за	15	рублей.
— 2-й —	—	—	14.88 ¹ / ₂	—	15	—
— 1-й —	1851	—	14.94	—	15	—
— 2-й —	—	—	14.97 ¹ / ₂	—	15	—
— 1-й —	1852	—	15.01	—	15	—
— 2-й —	—	—	15.06	—	15	—
— 1-й —	1853	—	14.80	—	15	—
— 2-й —	—	—	14.60	—	15	—
— 1-й —	1854	—	14.19	—	15	—
— 2-й —	—	—	14.83 ¹ / ₂	—	15	—
— 1-й —	1855	—	15.19 ³ / ₄	—	15	—
— 2-й —	—	—	15.25	—	15	—
— 1-й —	1856	—	14.79 ¹ / ₂	—	15	—
— 2-й —	—	—	14.46	—	15	—
— 1-й —	1857	—	14.55 ¹ / ₇	—	15	—
— 2-й —	—	—	14.65 ¹ / ₆	—	15	—
— 1-й —	1858	—	14.81 ¹ / ₃	—	15	—
— 2-й —	—	—	14.71 ¹ / ₂	—	15	—
— 1-й —	1859	—	14.76	—	15	—

Полагаемъ, что подобный курсъ ипотечныхъ обязательствъ самъ собою достаточно доказываетъ успѣшный ходъ дѣлъ Общества.

Теперь посмотримъ, въ какой мѣрѣ можно сказать, что ссуды дѣлаются Земскимъ Кредитнымъ Обществомъ Царства Польскаго безостановочно и безъ излишнихъ затрудненій для заемщиковъ. Вопросъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ съ двоякой точки зрѣнія. Впервыхъ, требуется знать, какъ продолжительно бываетъ время, нужное на исполненіе формальностей, предписанныхъ статутомъ для полученія ссуды. Чѣмъ менѣе на примѣръ потребно на это времени, тѣмъ скорѣе дѣлаются займы, и слѣдовательно ссуды могутъ быть названы въ этомъ отношеніи безостановочными. Вовторыхъ, если ссуды производятся во всякое время, по мѣрѣ того какъ землевладѣльцы встрѣчаютъ надобность въ кредитѣ, то онѣ могутъ быть названы также безостановочными въ сравненіи съ тѣми ссудами, которыя дѣлаются въ одинъ только срокъ при самомъ основаніи кредитнаго общества, а также въ сравненіи съ ссудами, дѣлаемыми въ извѣстные періоды (1).

(1) См. нашу статью въ *Русскомъ Вѣстникѣ* № 19, пункты 16 и 21.

Изъ хода дѣлъ Кредитнаго Общества Царства Польскаго видно, что заемъ можетъ быть сдѣланъ окончательно въ теченіи 3 мѣсяцевъ со времени перваго объявленія просителя. Впрочемъ, само собою разумѣется, что этого времени достаточно для обыкновенныхъ ссудъ, которыя не представляютъ необходимости въ экстренныхъ или запутанныхъ справкахъ, для которыхъ нигдѣ и никогда нельзя опредѣлять даже приближительнаго срока. Что же касается до второй точки зрѣнія на безостановочность ссудъ, то Кредитное Общество Царства Польскаго, по начальному учрежденію своему, принадлежитъ къ установленіямъ, производящимъ ссуды въ одинъ только срокъ при самомъ учрежденіи Общества; но по мѣрѣ развитія своихъ дѣйствій, Общество нашло возможнымъ неоднократно повторять подобную операцію, каждый разъ въ опредѣленный срокъ, и такимъ образомъ оно сдѣлало кредитъ доступнымъ для всѣхъ тѣхъ, кто не воспользовался имъ въ сроки, назначенные для предшествовавшихъ ссудъ. Нынѣ же, дѣла Общества находятся въ такомъ удовлетворительномъ положеніи, что оно могло бы безъ затрудненія принять систему ссудъ, производимыхъ во всякое время, по мѣрѣ того какъ землевладѣльцы встрѣчаютъ надобность въ займахъ. Для этого потребовались бы только нѣкоторыя дополненія въ статутъ Общества, не измѣняющія коренныхъ его основаній.

Ходъ постепеннаго развитія дѣлъ Общества былъ слѣдующій. Законъ 1825 года, основавшій Общество (1), назначилъ 1833 годъ окончательнымъ срокомъ для причисленія къ Обществу. Затѣмъ, въ 1838 году, особымъ закономъ допущено новое причисленіе заемщиковъ къ Обществу съ назначеніемъ окончательнаго для сего срока въ 1840 году. Каждое изъ этихъ причисленій потребовало особаго выпуска ипотечныхъ обязательствъ, а между окончательнымъ срокомъ перваго выпуска и начальнымъ втораго былъ пятилѣтній промежутокъ времени, въ продолженіи котораго ссуды не производились. Въ 1853 году, допущено новое срочное причисленіе къ Обществу по 1859 годъ и новый выпускъ обязательствъ. Тутъ, то-есть между займами втораго и третьяго періода, былъ промежутокъ въ 13 лѣтъ.

Подобное постепенное развитіе поземельнаго кредита мы

(1) Выраженіе: законъ 1825 или иного года, и выраженіе *статутъ* Общества равносильны, потому что всѣ правила, относящіяся къ Обществу, имѣютъ форму, присвоенную въ Царствѣ Польскомъ законамъ:

назвали въ предыдущемъ изложеніи осторожнымъ (пунктъ 19). Осторожность эта выразилась въ Обществѣ Царства Польскаго еще болѣе тѣмъ, что, при выпускѣ въ 1838 году второй серіи ипотечныхъ обязательствъ, постановлено не производить вовсе новыхъ выпусковъ до совершеннаго выкупа первой серіи, начатой съ 1825 года; и дѣйствительно, только по исполненіи этого, то-есть послѣ окончательнаго выкупа первой серіи обязательствъ изъ обращенія, допущенъ былъ въ 1853 году третій ихъ выпускъ, также съ условіемъ, что до совершеннаго выкупа обязательствъ начального срока 1838 года новый выпускъ не будетъ имѣть мѣста.

Впрочемъ, тутъ должно прибавить, что удовлетворительное положеніе дѣлъ Общества дозволило ускорить окончательнымъ выкупомъ обязательствъ двухъ первыхъ выпусковъ. Употребивъ часть резервнаго капитала на усиленіе тиражей, Общество успѣло выкупить, окончательно, въ 1852 году всю серію обязательствъ начального срока 1825 года, несмотря на то что срокъ для ихъ выкупа кончался въ 1854 году; а въ настоящемъ 1860 году выкуплены уже окончательно всѣ обязательства второго выпуска, то-есть, начального срока 1838 года, назначенныя для окончательнаго выкупа только въ 1866 году, и Общество, удовлетворивъ такимъ образомъ условію, сопровождавшему третій выпускъ, дѣлаетъ нынѣ предположеніе о новомъ, дополнительномъ выпускѣ серіи ипотечныхъ обязательствъ, частію для производства новыхъ ссудъ на прежнихъ основаніяхъ, а частію для усиленія тѣхъ изъ прежнихъ займовъ, коихъ залоги, оцѣненные по правиламъ закона 1825 года, оказались много превышающими дѣйствительною своею цѣнностью сдѣланныя уже подъ нихъ ссуды.

Изъ всего сказаннаго видно, что хотя Кредитное Общество Царства Польскаго, по первоначальному учрежденію, принадлежало къ установленіямъ, назначеннымъ для производства осудъ въ одинъ только срокъ, но троекратное допущеніе срочныхъ займовъ и троекратный выпускъ ипотечныхъ обязательствъ въ періодъ времени съ 1825 по 1858 годъ, дали ему характеръ установленія, дѣлающаго періодическіе выпуски обязательствъ.

Подобное постепенное развитіе поземельнаго кредита принесло еще и ту пользу, что при каждомъ новомъ выпускѣ представлялась возможность дѣлать измѣненія и пополненія въ тѣхъ правилахъ, которыя при прежнихъ выпускахъ оказа-

лись не вполне удобными. Такъ, на примѣръ, при назначенномъ въ 1838 году второмъ выпускѣ ипотечныхъ обязательствъ найдено возможнымъ уменьшить въ половину тотъ наименьшій размѣръ цѣнности залога, который принять былъ въ 1825 году: измѣненіе весьма важное въ томъ отношеніи, что оно сдѣлало кредитъ доступнымъ для многихъ лицъ, которыя, по силѣ закона 1825 года, пользоваться имъ не могли.

Теперь рассмотримъ, какимъ, въ особенности, основаниямъ можно приписать то цвѣтущее состояніе, въ которомъ находится Кредитное Общество Царства Польскаго.

Вопервыхъ, нѣтъ сомнѣнія, что одною изъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на успѣшный ходъ дѣлъ Общества, было постепенное и осторожное ихъ развитіе. Общество учреждено было въ 1825 году, при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Въ подобномъ положеніи, и при отсутствіи всякаго собственнаго капитала, Обществу предетояло предначертать такія основанія, которыя служили бы вѣрнымъ залогомъ возможному исполненію обязанностей, принимаемыхъ на себя Обществомъ, а съ другой стороны, ограждали бы его отъ ущербовъ. Малѣйшее потрясеніе и колебаніе въ дѣлахъ Кредитнаго Общества, при самомъ началѣ его учрежденія, было бы для него гибельнымъ.

Восторыхъ, кромѣ упомянутыхъ уже мѣръ осторожности, могутъ быть причислены сюда же правила, принятыя для оцѣнки залоговъ. По мнѣнію многихъ, оцѣнка, принятая въ Царствѣ Польскомъ, не довольно высока, и это можетъ-быть справедливо; но, съ другой стороны, должно сказать, что со времени учрежденія Общества не было примѣра, чтобъ она сдѣлалась причиной ущерба. Займы дѣлаются въ $\frac{2}{3}$, оцѣнки залога, а для оцѣнки принята слѣдующая норма: за основаніе разчета принимается подать, которою поземельная собственность была обложена въ 1789 году (Podatek oŃiagu). На примѣръ, если съ имущества уплачивается сказанной подати 100 рублей, то цифра эта, умноженная на 5, то-есть 500 рублей, полагается чистымъ доходомъ съ имущества, а доходъ 500 рублей, умноженный на 20, то-есть 10.000 рублей, принимается за оцѣночный капиталъ; слѣдовательно, въ приводимомъ нами примѣрѣ, ссуда составитъ $10.000 \times \frac{2}{3} = 6.000$ рублей, или, выражаясь общою формулою, подать, умноженная на 60, составляетъ норму займа. Если же, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, сказанная норма оказывается слишкомъ высокою, и слѣдовательно угрожаетъ Обществу потерей, то она понижается

слѣдующимъ образомъ: подать, умноженная на 5, обращается въ оцѣночный капиталъ умноженіемъ не на 20, а на 19, 18 и менѣе, смотря по дѣйствительной цѣнности имущества. Подобнымъ же образомъ, для соблюденія выгодъ заемщиковъ, если въ исключительныхъ случаяхъ цѣнность залога превышаетъ норму оцѣнки, эта оцѣнка возвышается умноженіемъ подати, взятой въ пять разъ, не на 20, а на 21, 22 и т. д. до 25 включительно.

Такая оцѣнка принята для имущества, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Она же, съ маловажными измѣненіями, служитъ и для оцѣнки имущества казенныхъ и духовныхъ.

Встрѣчьихъ. Послѣ правилъ для оцѣнки залоговъ, которыя направлены къ предохраненію Общества отъ ущерба, можно полагать соотвѣтствующими этой же цѣли мѣры взысканія съ неисправныхъ заемщиковъ. Ипотечные законы, дѣйствующие въ Царствѣ Польскомъ, достаточно обезпечиваютъ неприкосновенность и невозможность отчужденія имущества, отданныхъ для обезпеченія займовъ; займы имѣютъ важность по первенству внесенія ихъ въ ипотечныя книги; но вмѣстѣ съ тѣмъ, эти законы недостаточно содѣйствуютъ скорому взысканію просроченныхъ уплатъ. Поэтому, необходимость обезпеченія уплатъ дала поводъ ко внесенію въ статутъ слѣдующихъ мѣръ, относительно взысканія недоборовъ:

Взносы съ заемщиковъ раздѣлены на два полугодичные срока: одинъ съ 1-го по 13-е іюня; другой—съ 1-го по 13-е декабря. Въ случаѣ неуплаты въ сказанные сроки, мѣры взысканія принимаются въ слѣдующей постепенности:

1-я степень взысканія состоитъ изъ пени, соразмѣрной недоимкѣ.

2-я степень: независимо отъ пени, введеніе администраціи въ имущество въ четвертомъ мѣсяцѣ іюньскаго полугодія.

3-я степень: отдача просроченнаго имѣнія въ арендное содержаніе съ публичныхъ торговъ на три года, въ маѣ или іюнѣ мѣсяцахъ, за годичную недоимку, или, собственно, за недоимку декабрьскаго полугодія.

4-я степень: въ случаѣ неявки охотниковъ на взятіе въ арендное содержаніе, удерживается администрація въ просроченномъ имѣніи.

5-я степень: продажа просроченнаго залога.

6-я степень: годичная администрація, если на публичныхъ торгахъ не явились покупатели.

7-я степень: вторичное распоряженіе о продажѣ съ публичныхъ торговъ.

Если назначенная во второй разъ продажа не состоится, то просроченное имѣніе дѣлается собственностью Кредитнаго Общества, которое или распоряжается вновь насчетъ продажи имѣнія, или оставляетъ его въ своемъ управленіи, на правахъ вотчиннаго владѣльца.

Во всѣхъ этихъ степеняхъ считается пеня: въ первомъ мѣсяцѣ по $\frac{1}{2}$ на 100 отъ недоимки, въ слѣдующихъ по одному на сто, а со времени неотдачи имущества въ аренду по не-явкѣ охотниковъ, опять по $\frac{1}{2}$ на сто, что можетъ продолжаться три года.

Какая бы ни была степень взысканія, заемщикъ, уплачивающій недоимку и весь сдѣланный на него начетъ, освобождается отъ дальнѣйшихъ взысканій и возстановляется въ своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Обществу (1).

(1) Если взять для примѣра заемъ въ 10.000 рублей, отъ коего причитается полугодичнаго взноса 310 руб., и предположить, что съ 13-го іюня 1851 года онъ остается постоянно въ просрочкѣ, то постепенный ходъ взысканія всѣхъ степеней будетъ слѣдующій:

1-я Степень:

13 іюня	пени на 310 руб.	по $\frac{1}{2}$ к.	на 100 р.	1 р.	55 к.
— іюля	— — — —	— — 1 — —	— — —	3 —	10 —
— августа	— — — —	— — — —	— — —	3 —	10 —
				Итого 7 р. 75 к.,	

при неуплатѣ 13-го августа.

2-я Степень.

Устанавливается въ имѣніи администрація и далѣе считается пеня:

13 сентября 1851 г.	по 1 на 100.	3 р.	10 к.
— октября	— — — —	3 —	10 —
— ноября	— — — —	3 —	10 —
— декабря	— — — —	3 —	10 —
— января 1852	— — — —	3 —	10 —
— февраля	— — — —	3 —	10 —
— марта	— — — —	3 —	10 —
— апрѣля	— — — —	3 —	10 —
— мая	— — — —	3 —	10 —
		Всего 36 р. 65 к.,	

при неуплатѣ 13 мая 1852 года.

3-я Степень.

Имущество отдается въ арендное содержаніе съ публичнаго торга на 3 года между 13 мая и 13 іюня; въ случаѣ неявки охотниковъ:

Разсматривая эти мѣры взысканій, нельзя не замѣтить, что онѣ направлены не только къ предохраненію Общества отъ ущербовъ, но также къ сохраненію при заемщикѣ права собственности до послѣдней крайности. Это одинаково выгодно для заемщиковъ и для Общества. Администрацію (которую Общество находитъ для себя весьма затруднительною) и отдачу въ арендное содержаніе можно почитать какъ бы отсрочками, установленными для того, чтобы дать время заемщику уплатить недоимку.

Для полноты предмета и въ подтвержденіе замѣчанія, уже сдѣланнаго нами (пунктъ 78), что недоимки не могутъ быть для Общества страшны, лишь бы онѣ окончательно пополнялись, мы скажемъ, что въ Царствѣ Польскомъ число залоговъ, под-

4-я степенъ.

Пеня по $\frac{1}{2}$ на 100, публикація о продажѣ имѣнія съ публичнаго торго.

13 іюня	1852 г. по $\frac{1}{2}$ на 100.	1 р.	55 к.
— іюля	— — — — —	1 —	55 —
— августа	— — — — —	1 —	55 —
— сентября	— — — — —	1 —	55 —
— октября	— — — — —	1 —	55 —
— ноября	— — — — —	1 —	55 —
		Всего	44 р. 95 к.,

между 13 ноября и 13 декабря 1852 года.

5-я степенъ.

Продажа съ публичнаго торго, а въ случаѣ неявки покупателей:

6-я степенъ.

Устанавливается годичная администрація и пеня продолжается:

13 декабря	1852 г. по $\frac{1}{2}$ на 100.	1 р.	55 к.
— января	1853 — — — — —	1 —	55 —
— февраля	— — — — —	1 —	55 —
— марта	— — — — —	1 —	55 —
— апрѣля	— — — — —	1 —	55 —
— мая	— — — — —	1 —	55 —
— іюня	— — — — —	1 —	55 —
— іюля	— — — — —	1 —	55 —
— августа	— — — — —	1 —	55 —
— сентября	— — — — —	1 —	55 —
— октября	— — — — —	1 —	55 —
— ноября	— — — — —	1 —	55 —
		Всего	63 р. 55 к.

Если годичная администрація не пополнитъ всего долга, то публикуется вторично о продажѣ, и пеня продолжается.

лежащихъ первой степени взыскапія за недоимки, составляетъ обыкновенно $\frac{1}{2}$ часть заложенныхъ имѣній. Цифра эта постепенно уменьшается до $\frac{1}{20}$, по мѣрѣ перехода къ высшимъ степенямъ взыскапія, такъ что цифра имущества, проданныхъ за недоимки въ періодѣ времени нѣсколько продолжительномъ, составляетъ около $1\frac{1}{2}$ на 100 заложенныхъ имуществовъ, принимая для разчета каждое имущество за единицу безъ вниманія къ цифрѣ недоимки и займа.

7-я СТЕПЕНЬ.

13 декабря 1853 г. по $\frac{1}{2}$ на 100.	. . .	1 р. 55 к.
— января 1854 — — — — —	. . .	1 — 55 —
— февраля — — — — —	. . .	1 — 55 —
— марта — — — — —	. . .	1 — 55 —
— апрѣля — — — — —	. . .	1 — 55 —
— мая — — — — —	. . .	1 — 55 —
		Всего 72 р. 85 к.

Если между 13 мая и 13 іюня 1854 года продажа по недостатку покупателей не состоится, то просроченное имѣніе обращается въ собственность Кредитнаго Общества.

Между тѣмъ, въ продолженіи невыплаты за іюньское полугодіе 1851 года, пока за нее взыскивается пеня, набѣгаютъ слѣдующіе полугодичные взносы, также просроченные:

- Декабрьскій 1851 года.
- Іюньскій 1852 —
- Декабрьскій 1852 —
- Іюньскій 1853 —
- Декабрьскій 1853 —

За нихъ взыскапіе производится слѣдующимъ образомъ :

Недоимка за декабрьское полугодіе 1851 года, составляющая 310 р., считается съ 13 декабря того же года, въ то время, когда недоимка за іюньское полугодіе находится во 2-й степени экзекуціи. Взысканіе за 2-е полугодіе производится тѣмъ же порядкомъ, что и за 1-е, то-есть, кромѣ администраціи, взыскивается пени 13 декабря 1852 года $\frac{1}{2}$ на 100, а за остальные мѣсяцы, по май включительно, по 1 на 100, всего 17 руб. 5 коп. Слѣдующія степени взыскапія тѣ же самыя, что за недоимку іюньскаго полугодія 1851 года, именно за 4-ю степень 9 руб. 30 коп.; въ 6-й степени 18 руб. 60 коп.; а въ 7-й степени 9 руб. 30 коп.; всего за декабрьское полугодіе 1851 года при вторичной публикаціи о продажѣ имѣнія въ срокъ между 13 мая и 13 іюня 1854 г. 54 руб. 25 коп.

Взысканіе недоимки за іюньское полугодіе 1852 года, составляющей также 310 рублей, начинается въ то время, когда іюньское полугодіе 1851 года находится въ 4-й степени взыскапія. Оно составитъ: въ 4-й степени 9 руб. 30 коп., въ 6-й степени 18 руб. 60 коп. и въ 7-й степени 9 руб. 30 к., всего за іюньское полугодіе при вторичной продажѣ имущества въ 1854 году 37 руб. 20 к.

Для соображенія помѣщаемъ здѣсь выписку объ имуществахъ, проданныхъ за недоимки съ 1850 года.

Въ 1-мъ полугодіи	1850 года	Число заложенныхъ имуществъ.	Число имуществъ проданныхъ.
— 2-мъ —	1850 —	5.846	3
— 1-мъ —	1851 —	5.855	12
— 2-мъ —	1851 —	5.855	6
— 1-мъ —	1851 —	5.855	7
— 1-мъ —	1852 —	5.866	4
— 2-мъ —	1852 —	5.870	8
— 1-мъ —	1853 —	5.871	5
— 2-мъ —	1853 —	4.057	2
— 1-мъ —	1854 —	5.633	3
— 2-мъ —	1854 —	5.756	5
— 1-мъ —	1855 —	5.866	»
— 2-мъ —	1855 —	5.962	15
— 1-мъ —	1856 —	6.017	»
— 2-мъ —	1856 —	6.071	1
— 1-мъ —	1857 —	6.126	1
— 2-мъ —	1857 —	6.195	8
— 1-мъ —	1858 —	6.201	1
— 2-мъ —	1858 —	6.253	6
— 1-мъ —	1859 —	6.391	»
		<u>111.537</u>	<u>87</u>

Недоимка за декабрьское полугодіе 1852 года составляетъ также 310 руб. и взысканіе ея начинается, когда іюньское полугодіе 1851 года находится въ 6-й степени взысканія. Оно составитъ въ 6-й степени 18 руб. 60 коп., а въ 7-й степени 9 руб. 30 к., всего при продажѣ во второй разъ имѣнія въ 1854 году 27 руб. 90 к.

Взысканіе 310 руб. за іюньское полугодіе 1853 года начинается въ половинѣ годичной администраціи, составляющей 6-ю степень взысканія. Оно составитъ въ 6-й степени 9 р. 30 к. и въ 7-й также 9 руб. 30 к., всего при продажѣ во второй разъ залога 18 руб. 60 коп.

Взысканіе 310 руб. за декабрьское полугодіе 1853 года начинается въ послѣдней степени взысканія за первую половину 1854 года. Оно, при продажѣ имущества, назначенной между 13 мая и 13 іюня 1854 г., составитъ 9 р. 30 к.

Такимъ образомъ, общій итогъ всѣхъ недоимокъ и пеней съ 1851 по 1854 годъ, составитъ :

Недоимокъ іюньскаго полуліа 1851 г.	310 р.	Пени 72 р.	83 к.
— декабрьск.	—	— 54	— 25 —
— іюньскаго	1852 — 310	— 37	— 20 —
— декабрьск.	—	— 27	— 00 —
— іюньскаго	1853 — 310	— 18	— 00 —
— декабрьск.	—	— 9	— 30 —

Итого недоимокъ 1.860 р. Пени 220 р. 10 к.

Слѣдовательно, среднимъ числомъ въ одномъ полугодіи заложенныхъ имѣній было 5.870, а на 100 имѣній во всемъ періодѣ 19-ти полугодій—продано 1,48.

Въ случаѣ льготъ, даруемыхъ заемщикамъ, они не подлежатъ взысканіямъ, опредѣленнымъ съ неисправныхъ; но если, по минованіи срока льготы, недоимка не внесена съ надбѣжавшими вновь уплатами, то имущество, которому сдѣлана была льгота, подходитъ подъ общія правила взысканія за недоимки.

Всѣ объясненныя выше мѣры взысканія составляютъ исключеніе изъ общихъ законовъ, и слѣдовательно привилегію Кредитнаго Общества. При ихъ содѣйствіи, со времени учрежденія Общества въ 1825 году, было только три примѣра обращенія просроченныхъ имѣній въ собственность Общества; изъ этихъ трехъ имѣній два проданы въ послѣдствіи безъ всякаго ущерба, а третье—съ потерей 278 р. 22 к., по причинѣ расходовъ на продажу и администрацію, предшествовавшую продажѣ.

Вчетвертыхъ. Самою первою по важности причиной успѣховъ Кредитнаго Общества Царства Польскаго, можно полагать аккуратность и точность, съ которыми производятся опредѣленные статутомъ тиражи, выкупъ обязательствъ по тиражамъ, также уплаты процентовъ по обязательствамъ. Со времени учрежденія Общества не было примѣра отсрочки, хотя бы на одинъ день которой-либо изъ сказанныхъ уплатъ; равномерно, не было примѣра, чтобы число обязательствъ, подлежащихъ выкупу, было когда-либо уменьшено; напротивъ, оно было неоднократно увеличиваемо противъ нормы, опредѣленной статутомъ, о чемъ мы уже упомянули выше, говоря о преждевременномъ выкупѣ всѣхъ обязательствъ первыхъ двухъ выпусковъ.

Даже во время войны 1831 года, при общемъ застоѣ всякаго рода дѣлъ, промышленности и оборотовъ, уплаты, лежавшія на Кредитномъ Обществѣ, не потерпѣли ни отсрочки, ни сокращенія. Установленіе, выдержавшее подобное испытаніе, можно

Отсюда видно, что самая возвышенная пеня отъ недоимки 1860 р. составляетъ въ продолженіи 3-хъ лѣтъ 220 р. 70 к., или 73 р. 37½ к. на одинъ годъ, то-есть около 4-хъ процентовъ отъ итога недоимки. Само собою разумѣется, что издержки по администраціи, по отдачѣ имѣнія въ арендное содержаніе и по продажѣ съ публичнаго торга падаютъ на неисправнаго заемщика.

безошибочно почитать весьма солиднымъ. Правда, что въ первой половинѣ 1831 года курсъ обязательствъ понизился было болѣе чѣмъ когда-либо; они ходили не болѣе 11 руб. 11 коп. за 15 руб., но это слѣдуетъ приписать обстоятельствамъ времени, а не недостатку солидности Общества; напротивъ, можно сказать самымъ утвердительнымъ образомъ, что еслибы солидность его не возбуждала полнаго довѣрія, то ипотечныя обязательства остались бы въ 1831 году безъ всякой цѣны.

Впятыкъ, аккуратность уплатъ, лежащихъ на Обществѣ, конечно, зависитъ отъ аккуратности взносовъ, дѣлаемыхъ заемщиками; а такъ какъ между послѣдними недоимки неизбѣжны, то для пополненія ихъ нуженъ резервный капиталъ. Успѣшный ходъ дѣлъ Общества Царства Польскаго въ настоящее время можно отнести въ значительной мѣрѣ къ тому, что оно обезпечено достаточнымъ резервнымъ капиталомъ. Капиталъ этотъ, сформированный послѣ учрежденія Общества, доходитъ нынѣ до трехъ милліоновъ рублей; а въ началѣ существованія Общества кредитъ, открытый ему правительствомъ, замѣнялъ недостатокъ собственнаго резервнаго капитала.

Вотъ главные основанія и причины, которымъ можно приписать удовлетворительное положеніе Земскаго Кредитнаго Общества Царства Польскаго. Каждое изъ этихъ обстоятельствъ, взятое отдѣльно, было бы недостаточно, и только совокупному ихъ дѣйствию можно приписать благопріятные результаты, коихъ достигло Общество.

Наконецъ, намъ остается рассмотретьъ постепенность, съ которою Земское Кредитное Общество Царства Польскаго, со времени начальнаго его учрежденія, доведено до настоящаго положенія. Для этого нужно показать настоящее и начальное его положеніе, а потомъ сдѣлать сравненіе между ними.

Для оцѣнки настоящаго положенія его, мы приводимъ здѣсь извлеченіе изъ баланса, составленнаго за первую половину прошлаго 1859 года.

Активъ.

	Рубли.	Коп.
Неуплаченные займы 2-го періода. . .	1.928.130	96½
— — 3-го — . . .	43.266.209	96½
Недоимокъ различныхъ наименованій на заемщикахъ	1.083.889	27½
Ипотечными обязательствами, составляющими собственность Общества . .	2.530.125	—

Капиталъ въ строеніяхъ, приобретенныхъ для административныхъ потребностей Общества:

Въ городѣ Варшавѣ	339.095	51½
— — Радомѣ	16.559	61
— — Кельцахъ	10.425	—
— — Люблинѣ	11.999	75
— — Седльцахъ	6.945	61½
— — Плоцкѣ	23.076	46½
— — Сувалкахъ	8.700	—
На правительствѣ за домъ на улицѣ		
Подвалье	25.032	—
Въ кассѣ { Наличными деньгами	161.102	24½
главнаго { Ипотечн. обязательствъ	1.668.480	—
управленія: { Купонами	136.054	20
Въ контроль- { Ипотечн. обязательствъ	2.828.850	—
номъ отдѣленіи: { Купонами	1.205.031	—
Въ кассахъ { Наличными деньгами	122.265	11
частныхъ { Ипотечн. обязательствъ	1.686.810	—
управленій: { Купонами	192.737	40
Въ кассѣ { Наличными деньгами	435.255	45
банка: { Ипотечн. обязательствъ	1.087.950	—
{ Купонами	87.036	—
Слѣдуетъ въ возвратъ по различнымъ		
счетамъ	46.910	88½
	Всего 58.908.671	45

П А С С И В Ъ.

Ипотечныя обязательства 2-го періода, находившіяся въ обращеніи	2.753.146	87
Ипотечныя обязательства 3-го періода, находящіяся въ обращеніи	42.441.193	17
Доплаты по тиражамъ	—	89
Владѣльцамъ ипотечныхъ обязательствъ, не явившимся для выплатъ по 2 періоду	286.070	63
Имъ же по тиражамъ 3-го періода	592.024	23
Депозита { Наличными деньгами	152.391	3½
въ контроль- { Ипотечн. обязательствъ	4.497.330	—
номъ отдѣленіи { Купонами	1.341.085	20
Владѣльцамъ ипотечныхъ обязательствъ, не явившимся для выплатъ по тиражамъ 1-го періода	12.036	90
Депозита { Наличными деньгами	435.255	45
банка: { Ипотечн. обязательствъ	1.087.950	—
{ Купонами	87.036	—
Депозита { Наличными деньгами	55.498	37½
частныхъ { Ипотечн. обязательствъ	1.674.450	—
управленій: { Купонами	157.870	50
	Всего 55.573.039	25

Общій итогъ актива.	58.908.671	45
Общій итогъ пассива.	55.573.039	25
	<u>Разница</u>	<u>3.335.632 20</u>

Разница эта составляетъ достояніе Общества, приобретенное со времени его учрежденія.

Достояніе это состоитъ:

Въ наличныхъ деньгахъ кассъ главнаго и частнаго управленій.	54.443	24
Въ ипотечныхъ обязательствахъ, приобретенныхъ Обществомъ.	2.530.125	—
Въ строеніяхъ, приобретенныхъ для управленія Общества.	416.801	95½
Въ недоимкахъ на заемщикахъ.	262.317	15
Въ слѣдующихъ въ возвратъ по разнымъ счетамъ	71.942	88½
	<u>Всего</u>	<u>3.335.632 20</u>

Достояніе это приобретено постепенно, по большій части изъ слѣдующихъ источниковъ:

- a) изъ пени, взыскиваемой съ недоимокъ;
- b) изъ процентовъ на ипотечныя обязательства, приобретенныя Обществомъ въ разное время;
- c) изъ разницы между покупкой и нарицательною цѣною тѣхъ ипотечныхъ обязательствъ, принадлежащихъ Обществу, которыя выкупались по тиражамъ;
- d) изъ процентовъ отъ наличной суммы, остающейся въ распоряженіи Общества по неявкѣ въ срокъ владѣльцевъ ипотечныхъ обязательствъ, назначенныхъ къ выкупу по тиражамъ;
- e) изъ процентовъ отъ суммы, назначенной на уплату процентовъ по купонамъ, не предъявленнымъ въ срокъ;
- f) изъ двухъ процентовъ, взимаемыхъ съ заемщиковъ за освобожденіе отъ круговой отвѣтственности при преждевременномъ платежѣ займа.

Для полноты свѣдѣній, мы должны прибавить, что независимо отъ теперешняго достоянія, показаннаго выше въ балансѣ Общества, оно уплатило въ 1840 году 444.113 р. 85 к. долга, сдѣланнаго въ первые годы своего существованія, и, удовлетворяя правиламъ статута, оно, послѣ выкупа обязательствъ перваго періода, раздѣлило между заемщиками того же періода достояніе, приобретенное имъ въ первыя 28 лѣтъ его существованія, всего 217.238 р. 19 к.

Обратимся теперь ко времени учрежденія Земскаго Кредит-

наго Общества въ Царствѣ Польскомъ. Самою важною для него задачей должно было быть тогда: 1-е) обезпеченіе себя капиталомъ на первые расходы по управленію и на пополненіе первыхъ недоимокъ съ заемщиковъ, и 2-е) обезпеченіе заемщикамъ сбыта ипотечныхъ обязательствъ по курсу, по возможности выгодному.

По первому предмету, правительство оказало Обществу важное содѣйствіе открытіемъ ему собственнаго кредита. Долгъ Общества—444.113 р. 85 к., о уплатѣ коего въ 1840 году мы упомянули выше, сдѣланъ былъ у правительства. Онъ важенъ не высотой цифры, а болѣе тѣмъ, что 130 параграфомъ закона 1825 года правительство обезпечило Общество неограниченнымъ кредитомъ по мѣрѣ необходимости, то-есть кредитомъ, соразмѣрнымъ всѣмъ недоимкамъ, какія могли быть на заемщикахъ. Подобное обезпеченіе служило гарантіей всѣхъ уплатъ, лажавшихъ на Обществѣ, ибо какія бы ни были недоимки, кредитъ, открытый правительствомъ, доставлялъ Обществу возможность аккуратной уплаты процентовъ и безостановочнаго выкупа обязательствъ по тиражамъ. Это важное содѣйствіе было обязательно для правительства только до совершеннаго выкупа ипотечныхъ обязательствъ 1-го выпуска, а при послѣдующихъ выпускахъ, оно прекращено какъ излишнее, ибо Общество приобрѣло уже достаточный резервный капиталъ. Безъ упомянутаго содѣйствія, ходъ дѣлъ Общества, пока оно не имѣло собственныхъ средствъ, могъ быть весьма проблематическій. Замѣчательно, что цифра ипотечныхъ обязательствъ всѣхъ трехъ періодовъ составляетъ 90.789.030 рублей, а для обезпеченія успѣшнаго ихъ обращенія удѣлено было правительствомъ не болѣе какъ 444.113 р. 85 к. (болѣе не требовалось), что составляетъ отношеніе какъ 204:1 къ капиталу, представляемому ипотечными обязательствами, выпущенными въ обращеніе (1). Притомъ же, если принять въ соображеніе, что заемъ у правительства дѣлался по частямъ,

(1) Хотя кредитъ, открытый правительствомъ, относился только къ обязательствамъ 1-го періода, продолжавшагося 28 лѣтъ, но мы приняли въ разчетъ обязательства всѣхъ 3-хъ періодовъ потому, что сказанное содѣйствіе, упрочивъ существованіе Общества въ 1-мъ періодѣ, дало возможность сдѣлать успѣшно выпуски слѣдующихъ періодовъ, и слѣдовательно имѣло благопріятное вліяніе на выпуски всѣхъ періодовъ.

по мѣрѣ нуждъ Общества, въ продолженіи восьми лѣтъ, те, раздѣливъ цифру всего займа на 8, оказывается, что пособіе, оказанное правительствомъ, составляло съ небольшимъ 50.000 руб. въ годъ. Цифра почти неизмѣримо-ничтожная въ сравненіи съ важностію результатовъ!

Вторая задача, то-есть облегченіе заемщикамъ сбыта ипотечныхъ обязательствъ по курсу, по возможности выгоднѣйшему, разрѣшилась двумя слѣдующими мѣрами:

Вопервыхъ, выпускомъ въ обращеніе всѣхъ ипотечныхъ обязательствъ 1-го періода, не одновременно, а по частямъ въ продолженіи 12 лѣтъ, съ 1826 по 1838 годъ. Законъ 1825 года назначилъ окончательный срокъ для займовъ восьмилѣтній, и онъ долженъ былъ кончиться въ 1833 году, но, по желанію многихъ землевладѣльцевъ, производство ссудъ отсрочено было по 1838 годъ. Законъ не опредѣлялъ, на какую сумму ипотечныя обязательства должны быть выпускаемы каждый годъ. Выпускъ 1-го періода самъ собою разложился по годамъ, по мѣрѣ произведенныхъ ссудъ, въ слѣдующихъ цифрахъ:

					Выпущено обязательствъ.
					Рубли.
Во 2-й	половинѣ	1826	году	на сумму	
— 1	—	1827	—	—	8.874.765
— 2	—	—	—	—	4.676.610
— 1	—	1828	—	—	2.216.745
— 2	—	—	—	—	2.193.690
— 1	—	1829	—	—	837.210
— 2	—	—	—	—	1.644.870
— 1	—	1830	—	—	2.137.275
— 2	—	—	—	—	2.317.545
— 1	—	1831	—	—	1.411.275
— 2	—	—	—	—	276.795
— 1	—	1832	—	—	60.480
— 2	—	—	—	—	790.980
— 1	—	1833	—	—	1.621.290
— 2	—	—	—	—	2.775.315
— 1	—	1834	—	—	2.588.445
— 2	—	—	—	—	1.509.840
— 1	—	1835	—	—	1.296.540
— 2	—	—	—	—	460.575
— 1	—	1836	—	—	495.465
— 2	—	—	—	—	436.260
— 1	—	1837	—	—	13.500
— 2	—	—	—	—	30.780
Всего					38.666.250

Вторая мѣра для облегченія заемщикамъ сбыта ипотечныхъ обязательствъ по курсу, по возможности выгодному, определена была закономъ 1825 года совершенно произвольно. Приемъ ипотечныхъ обязательствъ, по нарицательной цѣнѣ, сдѣланъ обязательнымъ для уплаты всѣхъ частныхъ долговъ, обеспеченныхъ ипотекой на поземельной собственности, до учрежденія въ Царствѣ Польскомъ Кредитнаго Общества. Законъ 1838 года, установившій второй выпускъ ипотечныхъ обязательствъ, подтвердилъ эту мѣру относительно займовъ, сдѣланныхъ до 1825 года безусловно, а относительно займовъ, сдѣланныхъ послѣ сего срока, въ такомъ только случаѣ, когда кредиторъ получалъ удовлетвореніе отъ Общества не по желанію землевладѣльца-должника, а по собственной просьбѣ.

Излишне было бы доказывать, что мѣра эта была совершенно произвольная. Такъ какъ бѣльшая часть ипотечныхъ обязательствъ перваго выпуска обращена была на уплату долговъ, обременявшихъ поземельную собственность до учрежденія Земскаго Кредитнаго Общества, то весьма естественно, что эта мѣра обратилась въ прямой ущербъ кредиторамъ, поскольку курсъ обязательствъ былъ ниже пари. Мы не могли собрать точныхъ свѣдѣній, до какой цифры простирались долги, уплаченные подобнымъ произвольнымъ образомъ, но объ ущербѣ, понесенномъ кредиторами, можно судить изъ слѣдующей выписки о среднемъ биржевомъ курсѣ ипотечныхъ обязательствъ, со времени основанія Общества:

Во 2-й половинѣ 1826 года	11 руб. 48 $\frac{1}{2}$ коп.	за 15 руб.
— 1-й — — 1827 — 11 — 73 $\frac{1}{2}$	— 15 —	
— 2-й — — — — 12 — 32 $\frac{3}{4}$	— 15 —	
— 1-й — — 1828 — 12 — 32 $\frac{3}{4}$	— 15 —	
— 2-й — — — — 12 — 92 $\frac{1}{2}$	— 15 —	
— 1-й — — 1829 — 13 — 10	— 15 —	
— 2-й — — — — 14 — 22	— 15 —	
— 1-й — — 1830 — 14 — 67 $\frac{1}{2}$	— 15 —	
— 2-й — — — — 14 — 10	— 15 —	
— 1-й — — 1831 — 11 — 11	— 15 —	
— 2-й — — — — 12 — 17 $\frac{1}{2}$	— 15 —	
— 1-й — — 1832 — 12 — 79	— 15 —	
— 2-й — — — — 13 — 9 $\frac{1}{2}$	— 15 —	
— 1-й — — 1833 — 13 — 37	— 15 —	
— 2-й — — — — 13 — 68 $\frac{1}{4}$	— 15 —	
— 1-й — — 1834 — 13 — 98 $\frac{1}{4}$	— 15 —	
— 2-й — — — — 14 — 13 $\frac{1}{2}$	— 15 —	
— 1-й — — 1835 — 14 — 43	— 15 —	
— 2-й — — — — 14 — 44 $\frac{1}{4}$	— 15 —	

Въ 1-й половинѣ	1836	года	14	р.	66½ коп.	за	15	р.
— 2-й — —	—	—	14	—	68	—	15	—
— 1-й — —	1837	—	14	—	42¾	—	15	—
— 2-й — —	—	—	14	—	44	—	15	—
— 1-й — —	1838	—	14	—	25	—	15	—
— 2-й — —	—	—	13	—	96½	—	15	—
— 1-й — —	1839	—	13	—	80½	—	15	—
— 2-й — —	—	—	14	—	10½	—	15	—
— 1-й — —	1840	—	14	—	45	—	15	—
— 2-й — —	—	—	14	—	47½	—	15	—
— 1-й — —	1841	—	14	—	50	—	15	—
— 2-й — —	—	—	14	—	55	—	15	—
— 1-й — —	1842	—	14	—	77½	—	15	—
— 2-й — —	—	—	14	—	85	—	15	—
— 1-й — —	1843	—	14	—	77½	—	15	—
— 2-й — —	—	—	14	—	70	—	15	—
— 1-й — —	1844	—	14	—	70	—	15	—
— 2-й — —	—	—	14	—	82½	—	15	—
— 1-й — —	1845	—	14	—	90	—	15	—
— 2-й — —	—	—	14	—	87½	—	15	—
— 1-й — —	1846	—	14	—	83	—	15	—
— 2-й — —	—	—	14	—	72	—	15	—
— 1-й — —	1847	—	14	—	33	—	15	—
— 2-й — —	—	—	14	—	58	—	15	—
— 1-й — —	1848	—	14	—	31½	—	15	—
— 2-й — —	—	—	14	—	49	—	15	—
— 1-й — —	1849	—	14	—	63	—	15	—
— 2-й — —	—	—	14	—	85	—	15	—

За послѣдующія десять лѣтъ курсъ показанъ уже выше.

Нѣтъ сомнѣнія, что кредиторы понесли ущербъ, принимая обязательства Общества по ихъ нарицательной цѣнѣ. Однако, многіе современники той эпохи полагаютъ, что хотя ущербъ этотъ и былъ значителенъ въ сравненіи съ цифрой уплачивавшихся долговыхъ обязательствъ, но, по причинѣ весьма стѣсненнаго въ то время положенія поземельной собственности, кредиторы имѣли такъ мало шансовъ получить въ возвратъ свои капиталы, и самая даже уплата на нихъ процентовъ была такъ затруднительна, что, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, сами капиталисты находили выгоднымъ принимать ипотечныя обязательства по нарицательной цѣнѣ, въ сравненіи съ тѣми обыкновенными шансами удовлетворенія, какія имъ представляла поземельная собственность, на которой ипотекваны были ихъ деньги. Получивъ ипотечныя обязательства, всѣ они обезпечены были съ того времени процентами; тѣ изъ нихъ, чьи капиталы посвящены были долгосрочнымъ

вкладамъ, дождавшись тиражей, не понесли вовсе ущерба въ капитальной суммѣ; ущербъ палъ только на тѣхъ, кто вынужденъ былъ тотчасъ реализовать полученные обязательства. Все это можетъ быть справедливо, и быть-можетъ, они потерпѣли бы еще болѣе при продолженіи прежнихъ расчетовъ съ заемщиками; за всѣмъ тѣмъ, однако, нельзя не назвать мѣры, определенной закономъ 1825 года, произвольною, а тѣмъ еще менѣе можно ставить ее въ примѣръ при учрежденіи другихъ земскихъ кредитныхъ обществъ.

Возвращаясь къ содѣйствію со стороны правительства, служившему лучшею гарантіею всѣхъ начальныхъ дѣйствій Общества, можно спросить, почему ипотечныя обязательства при выгодныхъ условіяхъ, въ которыя сразу было поставлено Общество, не получили тотчасъ того выгоднаго курса, который приобрѣли въ послѣдствіи, и который имѣютъ нынѣ.

Это объясняется слѣдующими соображеніями: Въ числѣ капиталовъ, посвящаемыхъ кредиту, одни ищутъ кратковременныхъ, а другіе долгосрочныхъ помѣщеній. Относительно первыхъ, выгодный курсъ кредитныхъ бумагъ всякаго рода опредѣляется не только вѣрностью, но въ особенности скоростію возврата капитала. Что же касается до выкупа ипотечныхъ обязательствъ по тиражамъ, то хотя онъ дѣлается въ сроки довольно сближенные, но такъ какъ число выкупаемыхъ обязательствъ бываетъ незначительно, въ сравненіи съ обязательствами, находящимися въ обращеніи, то тиражи даютъ владельцамъ ипотечныхъ обязательствъ не увѣренность въ близкомъ платежѣ, а только виды на него, и, въ соразмѣрности этихъ видовъ, курсъ обязательствъ бываетъ болѣе или менѣе выгодный. Этимъ объясняется, почему обязательства въ началѣ ихъ выпуска, не имѣя еще установленнаго курса на биржахъ, были мало привлекательны для капиталовъ, ищущихъ кратковременныхъ вкладовъ.

Относительно категоріи капиталовъ, которые посвящаются долгосрочнымъ затратамъ (они-то почитаются для поземельнаго кредита самыми важными), мы скажемъ, что открытіе кредита, самаго солиднаго, не производитъ капиталовъ, но ведетъ только къ перемѣщенію ихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, по большей части изъ рукъ, въ которыхъ они оставались непродуцательными, въ такія руки, которыя даютъ имъ производительное назначеніе. Это составляетъ характеръ кредита и суще-

ственную его пользу. Если иногда говорятъ, что кредитъ умножаетъ капиталы, то подобное выраженіе есть не что иное какъ метафора. За выгодами, которыя приносятъ капиталы, отдаваемые въ наемъ, то-есть за получаемыми на нихъ процентами, можно признать характеръ производительности собственно только въ томъ отношеніи, что онѣ, поощряя бережливость, поощряютъ тѣмъ самымъ накопленіе капиталовъ; слѣдовательно, только въ этомъ смыслѣ можно сказать, что солидный кредитъ способствуетъ ихъ умноженію. Всякое открытіе новыхъ займовъ, не производя капиталовъ, привлекаетъ только ту ихъ часть, которую капиталисты не имѣютъ въ виду распоряжаться сами, и которую они желаютъ предоставить распоряженію другихъ за условленный процентъ. Назовемъ эту часть капиталами, ищущими вкладовъ. Часть эта бываетъ во всякое время весьма незначительна, въ сравненіи съ капиталами, уже помѣщенными, но она постоянно приращается извѣстною частію капиталовъ, производимыхъ вновь отъ развивающейся промышленности и народнаго благосостоянія. Слѣдовательно, весьма естественно, что несмотря на солидность поземельнаго кредита, учрежденнаго въ Царствѣ Польскомъ въ 1825 году, онъ не могъ породить новыхъ капиталовъ; онъ могъ развѣ только привлечь къ себѣ существовавшіе въ то время свободные капиталы, а въ послѣдствіи привлекать и вновь прибрѣтенные странною капиталы, въ той мѣрѣ, въ которой капиталисты предназначали ихъ на долгосрочные вклады.

Словомъ, ипотечныя обязательства, въ первые годы существованія Общества, имѣли участь всѣхъ новыхъ кредитныхъ бумагъ, выпущенныхъ въ обращеніе въ одно время въ числѣ, превышающемъ капиталы, ищущіе вкладовъ. Онѣ имѣли курсъ посредственный — не отъ недостатка солидности Кредитнаго Общества, а отъ несоразмѣрности ихъ съ капиталами, искавшими помѣщенія.

Трудъ нашъ мы сочли бы неполнымъ, еслибы, послѣ приведенныхъ уже соображеній, доказывающихъ цвѣтущее положеніе Земскаго Кредитнаго Общества Царства Польскаго, мы не привели еще нѣсколько такихъ доказательствъ, которыя хотя и не выражаются цифрами, но составляютъ доказательства моральныя, не менѣ важныя. Напримѣръ:

1) Ипотечныя обязательства Земскаго Кредитнаго Общества Царства Польскаго имѣютъ обращеніе и выгодный курсъ не только въ предѣлахъ Царства, но и въ смежныхъ странахъ,

именно въ Германіи. Намъ невозможно было собрать точныя свѣдѣнія о числѣ ипотечныхъ обязательствъ, имѣющихъ обращеніе внѣ Царства Польскаго, но можно полагать, что они составляютъ приблизительно около $\frac{1}{3}$ части всѣхъ выпущенныхъ обязательствъ.

2) Кромѣ обращенія ихъ на биржѣ, они, при коммерческихъ расчетахъ, не рѣдко замѣняютъ звонкую монету, будучи принимаемы безъ всякаго затрудненія, если не всегда по нарицательной цѣнѣ, то по биржевому курсу.

3) Владѣлецъ ипотечныхъ обязательствъ, нуждающійся въ кредитѣ, находитъ кредитъ безъ затрудненія, отдавая въ залогъ сказанныя обязательства.

4) Располагающіе капиталами на непродолжительное время, прибрѣтаютъ охотно ипотечныя обязательства, какъ по причинѣ уплачиваемыхъ на нихъ процентовъ, такъ и по причинѣ удобнѣйшаго ихъ храненія и перевозки.

5) Купоны на проценты по ипотечнымъ обязательствамъ прибрѣли довѣріе публики до такой степени, что послѣ срока, назначеннаго для уплатъ по нимъ процентовъ, они, вмѣсто того чтобы быть возвращаемы Обществу, остаются въ обращеніи, замѣняютъ мелкую монету и принимаются всѣми по нарицательной цѣнѣ. Это ввелось само собою, безъ всякаго въ томъ участія ни со стороны правительства, ни со стороны Кредитнаго Общества, а собственно по удобствамъ, съ которою купоны малаго достоинства замѣняютъ мелкую монету, и, разумѣется, по довѣрію публики къ Обществу, которое между тѣмъ пользуется процентами отъ суммы, назначенной для выкупа купоновъ, ибо, до ихъ предьявленія къ уплатѣ, эта сумма остается въ распоряженіи Общества.

6) Со времени своего учрежденія, Кредитное Общество не имѣло случая прибѣгать къ круговой отвѣтственности, лежащей на всѣхъ заложенныхъ имуществахъ. § 23 закона 1825 года опредѣляетъ, что круговая отвѣтственность распространяется на всѣ имущества въ соразмѣрности дѣлаемыхъ съ нихъ ежегодныхъ взносовъ, но положеніе дѣлъ Общества не давало никогда повода къ приложенію этого параграфа.

7) Законъ 1825 года возлагаетъ на прокураторовъ обязанность наблюдать за точнымъ исполненіемъ статута, со стороны какъ главныхъ, такъ и частныхъ управленій Общества, и протестовать въ случаѣ отступленія отъ правилъ статута. Со времени учрежденія Общества, дѣйствія его не давали повода къ про-

тестамъ прокураторовъ, и участіе ихъ въ дѣлахъ Общества ограничивается совѣщаніями, къ которымъ они бываютъ призываемы по возникающимъ въ правленіи Общества юридическимъ вопросамъ.

8) Подобнымъ же образомъ, установленный закономъ 1825 года, для наблюденія за интересами владѣльцевъ ипотечныхъ обязательствъ, комитетъ, составленный изъ владѣльцевъ обязательствъ, не находилъ никогда повода дѣлать какія-либо рекламациі, жалобы и протесты.

9) Удовлетворительный и правильный ходъ дѣлъ Общества, при совершенной гласности всѣхъ его дѣйствій, не давалъ также повода самымъ членамъ его, то-есть заемщикамъ, къ изъясненію какихъ-либо неудовольствій и жалобъ. Наконецъ:

10) Благопріятное положеніе дѣлъ Общества доказывается еще возможностью дѣлать измѣненія въ своихъ основаніяхъ, направленные къ соблюденію выгодъ заемщиковъ. Одни изъ этихъ измѣненій приведены уже въ исполненіе, а насчетъ другихъ составляются предположенія, обещающія удовлетворительные результаты. Въ числѣ первыхъ, можно полагать слѣдующія измѣненія, принятая частію въ 1838, частію въ 1853 году для облегченія заемщиковъ:

а) Наименьшій размѣръ цѣнности залога, составлявшій по закону 1825 года необходимое условіе для ссуды, уменьшенъ на половину. По закону 1825 года для полученія займа, имущество должно было платить поземельной подати не менѣе 15 руб. въ годъ. Съ 1838 года, ссуды допускаются подъ имущества, обложенныя податію не менѣе 7 руб. 50 коп.

б) Пена взыскивается по мѣрѣ дѣйствительной недоимки, а не отъ суммы, составляющей взносъ, опредѣленный съ заемщика. Напримѣръ, если взносъ за полгода составляетъ 310 руб. и въ счетъ его уплачено 200 руб., а въ недоимкѣ оставалось 110, то до 1853 года пеня считалась отъ 310 рублей, а съ того времени она считается только отъ 110 руб.

в) Взысканіе за недоимки, подъ названіемъ экзекутное (Exekutive), съ 1853 года отмѣнено совершенно.

д) Процентъ отъ взносовъ, отсрочиваемыхъ заемщикамъ при оказываемыхъ имъ льготахъ, составлявшій прежде 5 на 100, пониженъ въ 1853 году на 4 на 100.

е) Всякій, сдѣлавшій заемъ при выпускѣ перваго періода ипотечныхъ обязательствъ и возобновлявшій его при второмъ выпускѣ въ 1838 году, обязанъ былъ вносить Кредитному

Обществу 2 со 100 отъ первоначальнаго займа. Взносъ этотъ не взимался уже въ 1853 году при выпускѣ ипотечныхъ обязательствъ 3-го періода.

Предположенія, имѣющіяся еще въ виду, суть слѣдующія:

а) Дальнѣйшее развитіе поземельнаго кредита выпускомъ новаго отдѣленія ипотечныхъ обязательствъ 3-го періода.

б) Усиленіе тѣхъ изъ числа прежнихъ ссудъ, залоги которыхъ значительно превышаютъ свою цѣнностью сдѣланныя уже подъ нихъ ссуды.

с) Открытіе новаго сельскаго кредита (kapitał nakładowy) для доставленія сельскому хозяйству новыхъ способовъ въ тѣхъ имуществвахъ, которыя въ томъ нуждаться могутъ по причинѣ отѣвы обязательнаго труда крестьянъ (oszuypszowanie).

О подробностяхъ статута Земскаго Кредитнаго Общества Царства Польскаго мы говорить не будемъ, потому что имѣли въ виду представить положеніе его въ главныхъ только чертахъ, дающихъ довольно живое и полное понятіе объ условіяхъ, которыми сопровождалось постепенное его развитіе со времени учрежденія. Полагаемъ, что для этого достаточно уже сказаннаго нами, а желающимъ ознакомиться со всѣми подробностями этого установленія, мы укажемъ на Собраніе Законовъ Царства Польскаго, къ сему предмету относящихся (Zbiór praw i przepisów o Towarzystwie Kredytowym Ziemskim w Krol. Polsk.), въ особенности на законъ 4 іюня 1825 года, который мы часто называли статутомъ Общества, потому что въ этомъ законѣ, состоящемъ изъ 215 параграфовъ, заключаются всѣ подробности, соответствующія статутамъ другихъ кредитныхъ установленій.

Мы заключимъ замѣчанія наши насчетъ Земскаго Кредитнаго Общества Царства Польскаго описаніемъ условій, на которыхъ оно производитъ ссуды, и исчисленіемъ уплатъ, лежащихъ на заемщикахъ.

Срокъ и условія полагаются для всѣхъ займовъ одинакія. Срокъ назначенъ 28-ми-лѣтній на томъ основаніи, что заемъ при ежегодной уплатѣ по 6 на 100 въ два полугодичные сроки, изъ которыхъ каждый составляетъ 3 на 100, именно 1% на погашеніе капитала, а 2% за пользованіе капиталомъ, совершенно погашается въ продолженіи 28 лѣтъ.

Ссуды производятся только на первую ипотеку и собственно только подъ поземельную собственность, съ условіемъ, что всѣ

состоящія на ней строенія должны быть застрахованы отъ огня.

Хотя ссуды производятся до $\frac{2}{3}$ противъ оцѣнки имущества, но по правиламъ, принятымъ для оцѣнки, она бываетъ такъ умѣренна, что на самомъ дѣлѣ ссуды не доходятъ до половины дѣйствительной цѣнности залога. Обстоятельство это доставляетъ владѣльцамъ имуществъ, заложенныхъ въ Кредитномъ Обществѣ, возможность дѣлать, независимо отъ долга Обществу, написаннаго на первую ипотеку, другіе, частные займы обезпечивая ихъ на этомъ же самомъ имуществѣ, но уже второю послѣ первой ипотекой.

Тиражи ипотечнымъ обязательствамъ дѣлаются два раза въ годъ: 1 апрѣля и 1 октября, по мѣрѣ погасительныхъ средствъ, причитающихся изъ взносовъ заемщиковъ за каждую половину года.

При разчетѣ погасительныхъ средствъ, дѣлаемомъ впередъ для опредѣленія размѣра тиражей, недоимки съ заемщиковъ въ счетъ не принимаются; всѣ онѣ пополняются резервнымъ капиталомъ Общества, въ который возвращаются послѣ взысканія съ неисправныхъ.

Погасительные фонды разчитываются слѣдующимъ образомъ: изъ взноса 3-хъ на 100 за первое полугодіе послѣ сдѣланнаго займа, причитается:

На погашеніе капитала.	1
На проценты.	2

За второе полугодіе:

На погашеніе капитала.	1.02
На проценты.	1.98

За третье полугодіе:

На погашеніе капитала.	1.0404
На проценты.	1.9596

За четвертое полугодіе:

На погашеніе капитала.	1.061208
На проценты.	1.938792

и т. д.

Кромѣ ежегодныхъ взносовъ по 6 на 100, опредѣленныхъ съ заемщиковъ въ продолженіи 28 лѣтъ, они возвращаютъ Обществу издержку на заготовленіе ипотечныхъ обязательствъ. Плата эта опредѣлена была § 29 закона 1825 года, въ слѣдующемъ размѣрѣ: за обязательства въ 30 и въ 75 руб. по

15 копѣекъ за каждое, а за обязательства высшаго достоинства по 30 коп. отъ каждаго 150 рублей. Закономъ 1838 года она возвышена для обязательствъ первой категоріи до 30, а для второй категоріи до 45 копѣекъ.

Ипотечныя обязательства устанавлены въ 3000, въ 750, въ 150, въ 75 и 30 р.

Заемщикамъ выдаются обязательства того достоинства, какого они пожелаютъ.

На издержки по управленію Общества, заемщики, независимо отъ ежегоднаго взноса, уплачиваютъ $\frac{1}{2}$ копѣйки на каждаго 15 копѣекъ отъ вносимой суммы (то-есть по одному грошу отъ каждаго польскаго злотаго), что составляетъ $\frac{1}{6}$ процента съ суммы займа.

На составленіе резервнаго капитала особыхъ взносовъ съ заемщиковъ не полагается, а капиталъ этотъ составленъ и поддерживается изъ непостоянныхъ источниковъ прихода, о чемъ мы уже говорили подробно на своемъ мѣстѣ.

Управленіе Земскаго Кредитнаго Общества Царства Польскаго соотвѣтствуетъ съ малозначительными разнициами тому составу и тому раздѣленію властей, которыя мы опредѣлили въ нашемъ изложеніи теоріи поземельнаго кредита (1).

Управленіе состоитъ изъ трехъ инстанцій, именно: одного главнаго управленія (Dyrekcja Główna), имѣющаго пребываніе въ городѣ Варшавѣ, въ коемъ сосредоточивается вся высшая административная часть дѣлъ общества, и восьми частныхъ управленій (Dyrekcja Szczegółowa), размѣщенныхъ въ важнѣйшихъ городахъ Царства Польскаго и подвѣдомственныхъ главному управленію; наконецъ, изъ комитета, представляющаго высшую контрольную инстанцію, коему подчинены какъ главное, такъ и частныя управленія.

За исключеніемъ предсѣдателя главнаго управленія, который назначается правительствомъ и получаетъ отъ правительства же содержаніе, предсѣдатели комитета и частныхъ управленій, а также всѣ ихъ члены назначаются по выбору самого Общества, и отъ него же получаютъ содержаніе.

Наконецъ, владѣльцы ипотечныхъ обязательствъ имѣютъ особый комитетъ, составъ котораго предоставленъ собственному ихъ выбору.

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 19.

Ссуды дѣлались Обществомъ безъ всякаго ограниченія, то есть въ такой мѣрѣ, въ какой онѣ испрашивались землевладельцами; а выпускъ ипотечныхъ обязательствъ каждаго періода дѣлался на сумму, соответствующую рубль на рубль займамъ, обеспеченнымъ ипотекою.

Въ три періода выпущено въ обращеніе ипотечныхъ обязательствъ на сумму 90.789.030 рублей. Цифра эта представляетъ мѣру пользы, принесенной Земскимъ Кредитнымъ Обществомъ Царства Польскаго странѣ, имѣющей собственно сельскаго народонаселенія обоаго пола и всякаго возраста 3.630.546 жителей (1). Весь ипотечный долгъ Обществу, обеспеченный на поземельной собственности, составляетъ въ настоящее время 54.981.000 рублей. Слѣдовательно, болѣе 15 рублей на одного жителя.

Наконецъ, желая опредѣлить въ нѣсколькихъ словахъ главные основанія, которымъ можно приписать успѣшный ходъ дѣлъ Земскаго Кредитнаго Общества Царства Польскаго, мы полагаемъ, что они состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Въ точномъ соблюденіи всѣхъ правилъ своего статута.
2. Въ постепенномъ и осторожномъ развитіи круга своихъ дѣйствій.
3. Въ круговой отвѣтственности всѣхъ заложенныхъ имуществъ.
4. Въ точномъ исполненіи въ опредѣленные сроки всѣхъ уплатъ, лежащихъ на Обществѣ.
5. Въ достаточности резервнаго капитала, а пока Общество не имѣло такоаго, въ кредитъ, который былъ открытъ ему правительствомъ въ мѣру надобности.
6. Въ правилахъ, принятыхъ для оцѣнки имуществъ, представляемыхъ въ залогъ.
7. Въ успѣшности мѣръ для взысканія недоимокъ съ заемщиковъ.
8. Въ постепенности выпуска въ обращеніе ипотечныхъ обязательствъ.
9. Въ выборѣ самими членами Общества лицъ, составляющихъ его управленіе. Наконецъ,
10. Въ совершенной гласности всѣхъ дѣйствій Общества.

(1) Kalendarz Obserwatorium Astronomicznego z roku 1860, str. 148.

Мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію дѣйствій Общества, существующаго во Франціи подъ названіемъ: *Crédit foncier*.

Для общій историческій очеркъ поземельнаго кредита въ Европѣ, мы упомянули о декретѣ 28 февраля 1852 года, служившемъ какъ бы приглашеніемъ капиталистовъ, а также владельцевъ недвижимыхъ имуществъ, къ основанію во Франціи товариществъ для производства ссудъ подъ недвижимость. Тамъ же мы изложили главнѣйшія основанія декрета 1852 года. Сказанное тамъ почитаемъ достаточнымъ для нашей цѣли, а желающимъ познакомиться со всѣми подробностями этого декрета рекомендуемъ сочиненіе г. Жоссо (Josseau), подъ заглавіемъ: *Traité du crédit foncier ou explication théorique et pratique de la législation relative au crédit foncier en France*, гдѣ приведенъ весь текстъ декрета 28 февраля 1852 года съ подробными объясненіями cadaго параграфа.

Вслѣдствіе упомянутаго декрета не образовалось по сіе время во Франціи ни одного кредитнаго общества землевладельцевъ-заемщиковъ; все дѣло ограничилось тѣмъ, что въ продолженіи 1852 года учреждены были три акціонерныя общества капиталистовъ-займодателей:

Одно въ Парижѣ, *Banque foncier de Paris*, для 7-ми департаментовъ, съ капиталомъ въ 7.000.000 франковъ.

Другое въ Марсели, *Société de crédit foncier de Marseille*, для 3-хъ департаментовъ, съ капиталомъ въ 3.000.000 франковъ.

Третье въ Неверѣ, *Société de crédit foncier de Nevers*, также для 3-хъ департаментовъ, съ капиталомъ въ 2.000.000 франковъ (1).

(1) Кромѣ упомянутыхъ трехъ обществъ, получившихъ окончательное учрежденіе, образовались было еще общества въ Лионѣ и Тулузѣ, статуты коихъ имѣлись уже въ разсмотрѣніи государственнаго совѣта (Conseil d'Etat). Кромѣ того, дѣлались предположенія объ учрежденіи обществъ въ Орлеанѣ, Поатье, Лиможѣ, Руанѣ, Бордо и Брестѣ. Всѣ они соединили уже было капитала до 14 милліоновъ франковъ и имѣли въ виду въ своихъ географическихъ районахъ болѣе 40 департаментовъ. Изъ этого видно, какъ живо заинтересована была во Франціи публика въ вопросѣ поземельнаго кредита. Но предположенія объ учрежденіи всѣхъ этихъ обществъ, кромѣ Парижскаго, Марсельскаго и Неверскаго, не были приведены къ концу по причинѣ воспослѣдованія декрета 40 декабря 1852 года, о которомъ мы вслѣдъ за симъ будемъ говорить подробно.

Каждое изъ этихъ обществъ получило отъ правительства привилегію исключительнаго существованія въ районѣ, опредѣленномъ для каждаго изъ нихъ: первое на 25 лѣтъ, безусловно; послѣднія два съ условіемъ. Марсельскому обществу дана привилегія въ томъ, что въ предоставленномъ ему районѣ 3-хъ департаментовъ не будетъ дозволено учреждаться другимъ обществамъ капиталистовъ-заемодателей въ продолженіи 25-ти, а обществамъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ въ продолженіи 15 лѣтъ; Неверское получило подобную же привилегію относительно капиталистовъ на 20, а относительно землевладѣльцевъ на 10 лѣтъ.

Такимъ образомъ, существованіе всѣхъ трехъ обществъ началось съ привилегіи, которая парализировала развитіе кредитныхъ установленій въ самомъ началѣ основанія поземельнаго кредита во Франціи, и хотя полагать должно, что правительство, сокращая срокъ привилегіи, дарованной обществамъ Марсельскому и Неверскому относительно обществъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ, имѣло въ виду поощрить учрежденіе этихъ послѣднихъ, но тѣмъ не менѣе установленіе этихъ сокращенныхъ сроковъ все-таки вело къ запрещенію учреждать ихъ въ продолженіи назначенныхъ сроковъ. Сроки эти еще не кончились.

Мы позволимъ себѣ замѣтить здѣсь, что подобное распоряженіе представляло нѣкоторое противорѣчіе и показывало нѣчто въ родѣ нетерпѣнія основать что-либо наскоро изъ тѣхъ средствъ, которыя нашлись тотчасъ подъ рукой, и лишило поземельный кредитъ возможности воспользоваться обширнѣйшими средствами, которыя могли открыться для него со временемъ.

Но мало того. Не прошло еще года со времени издавія декрета 28 февраля 1852 года, какъ другой декретъ 10 декабря того же года даровалъ Парижскому обществу, кромѣ первоначальнаго его района 7-ми департаментовъ, привилегію на исключительное существованіе въ продолженіи 25-ти лѣтъ во всѣхъ тѣхъ департаментахъ, гдѣ не успѣли еще устроиться установленія для поземельнаго кредита. Тотъ же декретъ 10 декабря 1852 года давалъ Парижскому обществу право присоединить къ себѣ общества Марсельское и Неверское и назначалъ тому же Парижскому обществу все 10 милліоновъ франковъ, которые декретомъ 28 февраля 1852 года назначались для поощренія поземельнаго кредита вообще. При этомъ

однако сдѣлано условіе, что сказанные 10 милліоновъ будутъ служить Обществу пособіемъ по мѣрѣ значительности дѣлаемыхъ имъ ссудъ.

Въ то же время, прежнее наименованіе Парижскаго общества замѣнено наименованіемъ Общества Поземельнаго Кредита Франціи: *Société du crédit foncier de France*, какъ болѣе соответствующимъ будущему его назначенію.

Весьма естественно, что вскорѣ послѣ того къ нему присоединились общества Марсельское и Неверское, предпринимавшія дѣла въ меньшемъ размѣрѣ, и такимъ образомъ, въ настоящее время, парижское акціонерное общество (*Crédit foncier*), учрежденное капиталистами-заемодателями, сдѣлалось во Франціи единственнымъ установленіемъ для поземельнаго кредита съ исключительною 25-лѣтнею привилегіей.

Французское правительство ожидало отъ подобнаго сосредоточенія поземельнаго кредита большихъ выгодъ для поземельной собственности. Виды, побудившіе къ тому, изложены въ докладѣ, сдѣланномъ императору тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, г. Персиныи. Вотъ извлеченіе изъ этого доклада:

Главная мысль декрета 28-го февраля 1852 года состояла въ томъ, чтобы понизить проценты по займамъ и сдѣлать ихъ соразмѣрными доходамъ поземельной собственности. Этой важной мысли наиболѣе соответствуетъ предлагаемая нынѣ комбинація, обѣщающая немедленную реализацію выгодъ поземельнаго кредита.

Комбинація эта состоитъ въ учрежденіи центрального кредитнаго установленія въ самомъ Парижѣ, какъ главномъ денежномъ и кредитномъ рынкѣ, установленія, которое посредствомъ своихъ отдѣленій, учрежденныхъ на всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ государства, можетъ распространить кругъ своихъ дѣйствій почти на всю Францію, наконецъ установленія, которое можетъ присвоить всѣмъ ипотечнымъ обязательствамъ одинаковый типъ, должно облегчить повсемѣстное ихъ обращеніе.

Принявъ эти соображенія за основаніе, парижскій земскій банкъ (*la Banque foncière de Paris*) удобно можетъ исполнить подобное призваніе; съ другой же стороны, онъ приобретаетъ къ тому право добровольнымъ предложеніемъ условій столь выгодныхъ для заемщиковъ, что никакое иное общество не могло бы ихъ выполнить.

Условія эти составляютъ предметъ контракта (*convention*), заключеннаго съ сказаннымъ банкомъ 18 ноября, въ послѣдствіе котораго онъ принимаетъ наименованіе Поземельнаго Кредита Франціи (*crédit foncier de France*).

По силѣ упомянутаго контракта, сказанный банкъ обязывается производить ипотечныя ссуды до 200 милліоновъ франковъ съ определен-

нѣмъ оклада ежегоднаго взноса (annuité), по 5 на 100, полагая въ этомъ окладѣ, погашающемъ займы въ 50 лѣтъ, процентъ за пользованіе капиталомъ, процентъ на погашеніе займа и издержки по управленію Общества.

Эти 200 милліоновъ, распределенные въ государствѣ соразмѣрно долговымъ обязательствамъ, обременяющимъ поземельную собственность въ каждомъ департаментѣ, дадутъ самое счастливое направленіе преобразованію теперешнихъ ипотечныхъ долговъ, которые по возвышеннымъ процентамъ и по обязательству возврата капитала цѣликомъ въ приближенный срокъ, составляютъ главную причину бѣдности сельскихъ жителей и стѣсненнаго положенія сельской промышленности.

При томъ же, дѣйствія общества не будутъ ограничиваться ссудами 200 милліоновъ франковъ, далеко не соответствующихъ цифрѣ ипотечнаго долга, обременяющаго поземельную собственность. Послѣ изчерпанія 200 милліоновъ, Общество будетъ продолжать ссуды на тѣхъ же условіяхъ, хотя бы для сего нужно было пожертвовать четвертою частью фонда, назначеннаго на издержки по управленію Общества.

По системѣ принятой Обществомъ, ежегодный взносъ, опредѣленный въ 5 на 100, раскладывается слѣдующимъ образомъ:

За пользованіе капиталомъ	3	фр.	67	сант.
Издержки по управленію	—	—	60	—
На погашеніе капитала	—	—	73	—
		<hr/>		
Итого	5	фр.	0	сант.

Во вниманіи къ теперешнему положенію кредита, при которомъ самому Обществу невозможно занимать капиталы ниже 4-хъ процентовъ, контрактъ обезпечиваетъ Общество пособіемъ въ 10 милліоновъ франковъ, которые по декрету 28 февраля 1852 года, предназначались для поощренія установленнаго поземельнаго кредита.

Чтобъ обезпечить продолженіе ссудъ на условіяхъ столь выгодныхъ для землевладѣльцевъ, по силѣ § 9 заключенной конвенціи, половина выгоды, приобретаемыхъ Обществомъ, обращена быть имѣетъ на составленіе особаго фонда, предназначеннаго для сокращенія возможности процентовъ для заемщиковъ.

Столь важное установленіе, присоединивъ къ себѣ другія Общества, на учрежденіе которыхъ дано уже разрѣшеніе, и сдѣлавшись единственнымъ источникомъ благотѣвннй кредита, обезпечить Францію желаемыми результатами вѣрнѣе, чѣмъ многочисленныя общества, разбросанныя по государству; а самыя эти результаты легче быть могутъ достигнуты въ Парижѣ, какъ главномъ центрѣ всѣхъ дѣлъ, въ коемъ сосредоточены избытки капиталы и кредитныя средства.

Предложенная Обществомъ комбинація должна пособить неудобствамъ, озабочивающимъ правительство. Пять процентовъ, погашающіе долгъ въ 50 лѣтъ, составляютъ уже сами собою значительный финансовый успѣхъ и начало экономическаго переворота, выгоды котораго сдѣлаются ощутительными для всей Франціи.

Изъ этого доклада видно, какихъ выгодъ ожидало французское правительство отъ сосредоточенія поземельнаго кредита

въ одномъ установленіи. Нельзя удивляться, что надежды на подобныя выгоды могли увлечь его.

Главныя основанія конвенціи 18 ноября изложены въ докладѣ. Вотъ нѣкоторые дополненія: 1) Общество обязалось составить для обезпеченія своихъ дѣйствій капиталъ въ 60 милліоновъ франковъ на акціяхъ; 30 милліоновъ при открытіи дѣлъ Общества и остальные, въ соразмѣрности 5 милліоновъ на каждые 100 милліоновъ, выпущенныхъ ипотечныхъ обязательствъ, 2) ссуды въ 200 милліоновъ, къ коимъ Общество обязалось, должны были распредѣлиться по департаментамъ соразмѣрно ипотечнымъ долгамъ cadaго изъ нихъ, съ тѣмъ, что еслибы въ нѣкоторыхъ департаментахъ, по неавкъ желающихъ, оказались остатки, то таковыя должны быть раздѣлены въ той же соразмѣрности между другими департаментами, гдѣ окажутся требованія на ссуды въ большемъ числѣ.

Главныя основанія статута Общества (*crédit foncier de France*) заключаются въ слѣдующемъ :

1. Срокъ существованія Общества назначенъ 99 лѣтъ.

2. Капиталъ Общества, опредѣленный въ 60 милліоновъ франковъ, раздѣляется на 120.000 акцій въ 500 франковъ каждая; онъ предназначенъ для обезпеченія всѣхъ дѣйствій Общества, а въ особенности для гарантіи ипотечныхъ его обязательствъ (1).

3. Управление Общества составляютъ :

а) Совѣтъ управленія, (*Conseil d'Administration*), состоящій изъ 20 лицъ, выбранныхъ акціонерами. Въ немъ сосредоточивается вся высшая административная часть управленія дѣлами.

б) Директоръ, назначенный совѣтомъ управленія съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ завѣдуетъ всею исполнительною частію.

в) Три цензора (*senseurs*), выбранные акціонерами. Они обязаны наблюдать за исполненіемъ статута и контролировать всѣ отрасли управленія дѣлъ.

(1) Обязательство, принятое Обществомъ, производить ссуды до 200 милліоновъ и болѣе съ капиталомъ въ 60 милліоновъ, объясняется слѣдующимъ образомъ: ипотечныя обязательства, выпускаемые въ обращеніе при каждой ссудѣ, продаются Обществомъ, а приобрѣтенная на нихъ сумма употребляется на новую ссуду; эта новая ссуда даетъ мѣсто выпуску и продажѣ новыхъ обязательствъ, и такъ далѣе, по мѣрѣ испрашиваемыхъ займовъ.

Кромѣ того, акціонеры имѣютъ свое общее собраніе. Оно состоитъ изъ 200 акціонеровъ, важнѣйшихъ по большому числу принадлежащихъ имъ акцій. Каждая 40 акцій даютъ владельцу право на одинъ голосъ; такимъ образомъ, владелецъ 80 акцій имѣетъ два голоса и такъ далѣе, съ тѣмъ однако, что одно лицо не можетъ имѣть болѣе пяти голосовъ по собственнымъ акціямъ, и болѣе десяти голосовъ по взятымъ въ сложности своимъ акціямъ и акціямъ находящимся у него по порученію отсутствующихъ акціонеровъ.

4. Общество производитъ ссуды звонкою монетою и не иначе какъ на первую ипотеку, или уплачивая прежній долгъ, ипотекванный на имущество, напсываетъ свой по ипотеке—первымъ.

5. Ссуды не могутъ превышать половины цѣнности имущества, представляемаго въ залогъ, а третьей части, если залогъ состоитъ изъ виноградниковъ или лѣсныхъ дачъ.

6. При оцѣнкѣ строеній, занятыхъ фабриками, не обращается вниманія на употребленіе, къ которому они назначены.

7. Высшій размѣръ ссуды въ одну руку не можетъ превосходить одного милліона франковъ. Ссуды менѣе 300 франковъ не производятся.

8. Проценты, платимые заемщикамъ, опредѣляются совѣтомъ управленія, но ежегодные взносы не могутъ превышать 5 на 100 при опредѣленіи пятидесяти-лѣтняго срока для погашенія займовъ.

9. Займы погашаются ежегодными взносами (annuité), рассчитанными сообразно со срокомъ займовъ, которые полагаются не менѣе 20 и не болѣе 50 лѣтъ.

10. За всякій взносъ, не уплаченный въ срокъ, Общество взыскиваетъ съ заемщика проценты по расчету 5 на 100 въ годъ; также всѣ издержки, понесенныя для возврата недоимки слѣдующей Обществу. Просрочка одного срочнаго взноса ведетъ къ взысканію всего займа.

11. Мѣрами взысканія недоимокъ полагаются: секиестръ, администрація за счетъ Общества, продажа движимости, находящейся въ заложенномъ имѣніи, и наконецъ, продажа залога.

12. Заемщики могутъ преждевременно освобождаться уплатою долга или всего еполна, или по частямъ. Освобожденіе можетъ даваться по усмотрѣнію заемщика или звонкою монетою, или ипотечными обязательствами по нарицательной цѣнѣ, лишь бы

таковыя были того самого года, какъ выпущенныя въ обращеніе по случаю сдѣланной ему ссуды.

13. При преждевременномъ освобожденіи звонкою монетою, заемщикъ обязанъ внести сумму, нужную Обществу для выкупа ипотечныхъ обязательствъ, соответствующихъ займу выплачиваемому преждевременно, и независимо отъ того, сколько причтется на премію, выплачиваемая Обществомъ при выкупѣ ипотечныхъ обязательствъ по тиражу. Это послѣднее требованіе (на премію) не можетъ превышать двухъ на 100 отъ капитала, уплачиваемого преждевременно. Для объясненія этого пункта надобно замѣтить, что въ силу конвенціи 18 ноября, Общество взимаетъ по своимъ ссудамъ по 3 франка 67 сантимовъ интереса на 100 франк., а выпускаетъ въ обращеніе ипотечныхъ обязательства приносящія 3 на 100. Эти облигаціи выкупаются по тиражу по нарицательной цѣнѣ, съ уплатою кромѣ того преміи въ 200 франковъ на каждое обязательство въ 1000 франковъ, выходящее по тиражу; независимо отъ сего, къ нумерамъ обязательствъ, выходящимъ первыми въ каждомъ тиражѣ, привязаны выигрыши (lots) въ 100.000, 50.000, 20.000 и 10.000 франковъ. А такъ какъ деньги, поступающія отъ преждевременной уплаты займа, должны быть обращены на выкупъ соответствующаго числа ипотечныхъ обязательствъ (на каждую 1000 франковъ по 1.200 франковъ); слѣдовательно, если бы Общество не взидало ничего на премію при преждевременныхъ освобожденіяхъ, то на каждые 1.000 франковъ, внесенныхъ преждевременно, не доставало бы Обществу 200 франковъ, къ уплатѣ коихъ оно само обязано.

Подобное опредѣленіе взысканія двухъ на сто для удовлетворенія преміи въ 200 фр., присвоенной выкупу каждаго ипотечнаго обязательства, составляетъ неудобную сторону преждевременныхъ взносовъ, если заемщикъ не встрѣтитъ случая выгодно купить ипотечныя обязательства, для представленія ихъ обществу вмѣсто звонкой монеты. Условіе это, невыгодное для заемщиковъ, относится, правда, только къ первымъ 200 милліонамъ ссуды, но такъ какъ по настоящее время ссуды, сдѣланныя Обществомъ, не достигли еще цифры 200 милліоновъ, то это условіе сохраняло бы еще по нынѣ всю свою силу, еслибы не было смягчено, какъ увидимъ ниже.

14) Еслибы распоряженія владѣльца заложеннаго имущества вели къ его разстройству и слѣдовательно угрожали Об-

ству ущербомъ, то оно въ правѣ требовать возврата всего займа.

15) Всѣ заложенные имущества должны быть застрахованы отъ огня на счетъ заемщика, и въ случаѣ пожара, сумма, причитающаяся по застрахованію, поступаетъ прямо въ управленіе Общества.

16) Для оцѣнки имущества, представляемыхъ въ залогъ, принимается за основаніе какъ доходъ съ нихъ, такъ и капитальная ихъ цѣнность.

17) Ипотечныя обязательства выкупаются по нарицательной цѣнѣ (независимо отъ преміи) посредствомъ тиражей.

18) Каждый тиражъ дѣлается на сумму, соответствующую сроку займовъ, то-есть съ такимъ разчетомъ, чтобъ окончательный выкупъ ипотечныхъ обязательствъ согласовался съ окончательнымъ погашеніемъ займовъ.

19) Ипотечныя обязательства раздѣляются на серіи, смотря по величинѣ оклада ежегоднаго взноса, опредѣленнаго съ заемщиковъ, или, что все равно, по срокамъ займовъ.

На практикѣ правило это было тотчасъ измѣнено. Несмотря на то, что ссуды предположено было дѣлать на двойкій процентъ (сообразно съ срокомъ займовъ) именно, 4 фр. 25 цент. и 3 фр. 67 цент. на 100 франковъ, найдено возможнымъ имѣть для тиражей одну только серію ипотечныхъ обязательствъ, которая всѣ обѣщала бы ихъ владѣльцамъ по 3 процента въ годъ, и всѣ подлежали бы выкупу въ продолженіи пятидесяти лѣтъ.

Измѣненіе это находилось въ связи съ порядкомъ, принятымъ для выпуска ипотечныхъ обязательствъ въ обращеніе. Если бы обязательства выпускались въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, то для тиражей выпускъ каждаго года долженъ бы составлять особую серію; съ другой стороны, если бы ипотечныя обязательства выпускаемы были въ обращеніе, какъ обыкновенно дѣлается, по мѣрѣ производимыхъ ссудъ, то для Общества затруднительно было бы предвидѣть исходъ ихъ сбыта какъ въ отношеніи ихъ курса, такъ и въ отношеніи числа, на которое нашлись бы охотники. Въмѣсто того Общество приняло слѣдующую комбинацію, которая при изобиліи въ Парижѣ капиталовъ, обѣщала всѣ виды на успѣхъ:

Подобно тому, какъ при распредѣленіи акцій всякихъ вновь учреждаемыхъ акціонерныхъ обществъ, собираются предварительно отъ желающихъ подписки на акціи со взносомъ части

только денегъ въ счетъ нарицательной ихъ цѣны, Общество распредѣлило въ одномъ году 200.000 *объщаній* ипотечныхъ обязательствъ (*promesses d'obligations*), взимая за каждое *объщаніе* 200 франковъ въ счетъ 1.000 франковъ, составляющихъ нарицательную ихъ цѣну, а остальные 800 фр. предположено было требовать съ подписавшихся только при обмѣнѣ *объщаній* на дѣйствительныя ипотечныя обязательства.

Общество имѣло сначала въ виду составить 20 серій ипотечныхъ обязательствъ, каждая изъ 10.000 номеровъ, и означить каждую серію особою буквой съ тѣмъ, чтобы послѣ каждой ссуды, произведенныхъ на 10 милліоновъ франковъ, вытаскивать по жребію одну букву для указанія той серіи *объщаній*, которая имѣетъ быть обмѣнена на ипотечныя обязательства. Но, примѣняясь къ желанію владѣльцевъ *объщаній*, Общество отступило отъ этого предположенія и рѣшило, что всѣ *объщанія* будутъ имѣть постоянно равныя шансы для обмѣна на обязательства и будутъ приносить между тѣмъ по 3 процента въ годъ отъ внесенныхъ 200 франковъ, а также будутъ участвовать наравнѣ съ самыми ипотечными обязательствами во всѣхъ выгодахъ, соединенныхъ съ тиражемъ.

Примѣняясь къ этому нововведенію, рѣшено было дѣлать тиражи слѣдующимъ образомъ: всѣ номера *объщаній* класть въ одно колесо съ номерами ипотечныхъ обязательствъ, и погашать постепенно *объщанія* посредствомъ тиражей, не дожидаясь окончательнаго обмѣна ихъ на обязательства. Каждое *объщаніе* должно имѣть свой номеръ, и по мѣрѣ того какъ тѣ изъ нихъ, которыя вынуты по тиражу, погашаются обмѣномъ на ипотечныя обязательства, эти послѣднія должны получить номеръ *объщанія*, которое замѣнили.

На этомъ основаніи положено считать всѣ ипотечныя обязательства выпущенными въ одно время, имѣя въ виду избѣгнуть подраздѣленія ихъ на серіи для тиражей, а также прекратить всякое между ними различіе, при возвратѣ ихъ Обществу для преждевременной уплаты займовъ. Всѣ ипотечныя обязательства должны участвовать въ тиражахъ наравнѣ съ тѣми *объщаніями*, которыя не обмѣнены еще на обязательства. Тиражи назначены четыре раза въ годъ, и какъ *объщанія*, такъ и ипотечныя обязательства, должны пользоваться въ равной мѣрѣ выигрышами (*lots*), присвоенными номерамъ, вышедшимъ первыми при каждомъ тиражѣ. Разумѣется, что въ первыхъ тиражахъ могли участвовать почти одни

общинамъ; но въ послѣдствіи, силу тиражей предназначено соразмѣрять съ погасительными фондами, какъ это дѣлается во всѣхъ кредитныхъ обществахъ.

Мы возвращаемся къ дальнѣйшимъ поясненіямъ основаній статута.

20) Доходы Общества, за отчисленіемъ издержекъ по управленію, обращаются на уплату процентовъ по ипотечнымъ обязательствамъ, на выкупъ ихъ по тиражамъ и на уплату премій. Остатокъ составляетъ прибыль общества. Она раздѣляется слѣдующимъ образомъ: Сперва долженъ быть назначенъ первый дивидендъ по 25 франковъ на каждую акцію. За сѣмъ, часть остающейся суммы по назначенію Общества (не болѣе однако 20 на 100 всего остатка) должна обращаться въ резервный капиталъ и на прибавочное содержаніе директора и вице-директоровъ. Наконецъ, остатокъ долженъ быть распределенъ по числу акцій, какъ второй дивидендъ.

21) Дивиденды, не спрошенныя акціонерами въ продолженіи пяти лѣтъ, имѣютъ быть обращены въ пользу Общества.

22) Еслибъ убытки Общества дошли до половины основнаго его капитала, то ликвидація Общества можетъ быть рѣшена общимъ собраніемъ акціонеровъ, съ тѣмъ однако, чтобы начатая дѣла были окончены согласно съ обязательствами, какія общество приняло на себя.

Оканчивая этимъ извлеченіе изъ статута *Crédit foncier*, мы замѣтимъ, что тутъ круговая отвѣтственность, столь важная въ обществахъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ, не имѣетъ мѣста. Круговая отвѣтственность можетъ быть необходима и справедлива только въ обществахъ заемщиковъ: необходима потому, что общества землевладѣльцевъ-заемщиковъ не имѣютъ основнаго капитала, служащаго гарантіей ихъ дѣйствию; справедлива потому, что члены (заемщики), пользуясь всеми прибылями общества, должны нести и случайные убытки.

Вскорѣ послѣ утвержденія статута *Crédit foncier*, последовали дополнительныя постановленія, именно:

1. Каждый разъ, когда средній курсъ французской государственной трехпроцентной ренты будетъ въ продолженіи 3 мѣсцевъ ниже 86 франковъ, общество *Crédit foncier* можетъ, для предстоящихъ ссудъ на 50-ти лѣтній срокъ, возвысить ежегодный взносъ (*annuité*) до 5 фр. 95 сантимовъ, а для займовъ на меньшій срокъ должно разчитывать взносы соразмѣрно этой же нормѣ (декретъ 21 декабря 1853).

2. Если въ продолженіи 3 мѣсяцевъ средній курсъ сказанной ренты (3%) будетъ въ 86 франковъ, то высшій размѣръ ежегоднаго взноса (annuité) долженъ быть въ 5 франковъ 45 сант. для ссудъ въ 50-ти лѣтній срокъ, и соразмѣрно сему для ссудъ на меньшій срокъ. (Тотъ же декретъ.)

3. Когда цифра ссудъ, одѣланныхъ обществомъ *Crédit foncier*, достигнетъ 250 милліоновъ, то взносъ на издержки по управленію Общества, опредѣленный статутомъ въ 60 сантимовъ на каждые 100 франковъ, можетъ быть пониженъ правительствомъ до 45 сант. (Тотъ же декретъ.)

4. Если къ 1 января 1857 года ссуды Общества не будутъ простираются до 200 милліоновъ франковъ или достигнуть даже этой цифры, но не превзойдутъ ея, то правительство предоставляетъ себѣ право утверждать другія кредитныя общества во всей Франціи, не исключая и тѣхъ 7 департаментовъ, которые составляли первоначально географическій районъ общества *Banque foncière de Paris*. (Тотъ же декретъ.)

5. Правительство предоставляетъ себѣ то же право относительно тѣхъ департаментовъ, въ коихъ ссуды не будутъ достигать цифры, причитающейся на департаментъ изъ 200 милліоновъ франковъ въ соразмѣрности ипотечныхъ долговъ, существовавшихъ 18 ноября 1852 г. (Тотъ же декретъ.)

6. Въ дополненіе ипотечной системы, господствующей во Франціи, закономъ 10 июня 1853 года установлены особыя правила, извѣстныя подъ названіемъ *purge*, имѣющія въ виду облегченіе удостовѣренія, что имущество, представляемое въ залогъ, свободно отъ всякихъ долговыхъ обязательствъ.

7. Особымъ положеніемъ, изданнымъ 18 октября 1852 года опредѣленъ порядокъ наблюденія со стороны правительства за дѣйствіями кредитныхъ установленій. Положеніе это имѣетъ характеръ общаго закона, относящагося ко всемъ обществамъ, учреждаемымъ для поземельнаго кредита. Оно опредѣляетъ слѣдующія правила:

Коммиссары, назначенные министромъ внутреннихъ дѣлъ, постоянно наблюдаютъ за всеми дѣйствіями обществъ, за точнымъ исполненіемъ ими своихъ статутовъ, а также повѣряютъ ихъ отчетность. Они доносятъ министру внутреннихъ дѣлъ не менѣе четырехъ разъ въ годъ о послѣдствіяхъ своихъ наблюденій.

Кромѣ того, дѣйствія обществъ повѣряются инспекторами министерства финансовъ. Они доносятъ о найденномъ ими

своему министру, который сообщает полученные имъ донесенія министру внутреннихъ дѣлъ.

Независимо отъ этого, спеціальная коммиссія подъ предѣтельствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, составленная изъ 8 членовъ, изъ коихъ четверо по назначенію сказаннаго министра, а остальные по назначенію министра финансовъ, разсматриваетъ всѣ вопросы, относящіяся къ управленію обществами и къ наблюденію за ихъ дѣйствіями, въ томъ числѣ и донесенія коммиссара и инспектора, о которыхъ упомянуто выше.

Коммиссія эта доноситъ подробно каждый годъ министру внутреннихъ дѣлъ о дѣйствіяхъ каждаго общества.

Излишне было бы исчислять далѣе, по порядку ихъ послѣдовательности, всѣ измѣненія и дополненія статута общества *Crédit foncier*, въ продолженіи семилѣтняго его существованія. Самыя главныя изъ нихъ будутъ видны изъ обзора дѣйствій общества, къ чему мы и приступаемъ.

Долгосрочныя ссуды производились обществомъ по годамъ въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Въ 1852 г.	5 ссудъ на сумму	753.000 франковъ
— 1853 — 298 — — —		25.966.100 —
— 1854 — 518 — — —		27.613.700 —
— 1855 — 294 — — —		12.570.750 —
— 1856 — 271 — — —		8.535.800 —
— 1857 — 118 — — —		8.056.780 —
— 1858 — 227 — — —		30.041.200 —
— 1859 — 343 — — —		26.386.300 —
2.074		139.923.630

Изъ этой таблицы видно, что въ послѣдніе два года дѣйствія общества нѣсколько усилились. Впрочемъ, тутъ должно прибавить, что въ цѣрѣ ссудъ за 1858 годъ заключается 11 милліоновъ, отданныхъ въ однѣ руки въ видѣ изъятія изъ правилъ статута обществу *Compagnie immobilière de Paris, vulgo Rivoli*.

Слѣдующая таблица показываетъ общій приходъ, издержки, чистую прибыль, проценты и дивидендъ на акціи за каждый годъ, со времени учрежденія Общества.

Годы	Общій приходъ	Расходы	Чистая прибыль	Проценты	Дивидендъ
1853	2.099.833	151.228	1.948.546	5%	5
1854	1.784.554	314.256	1.470.298	5%	5
1855	1.726.095	419.685	1.306.320	5%	5
1856	1.962.062	467.235	1.494.827	5%	5

О ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ КРЕДИТѢ И ЗЕМСКИХЪ БАНКАХЪ. 321

1857	2.036.629	473.168	1.353.461	5%	7,50
1858	3.312.533	917.008	2.295.525	5%	10
1859	3.713.651	992.234	2.721.417	5%	7,50

Приведемъ еще слѣдующія подробности изъ отчета совѣта управленія за 1859 годъ:

Въ 1859 году произведено	
ссудъ на сумму.	33.857.300 фр.
Въ томъ числѣ:	
343 ссуды долгосрочныя на.	26.386.300
14 ссуды краткосрочныхъ.	7.471.000
<u>Итого 357 ссудъ на</u>	<u>33.857.300 фр.</u>

По мѣстностямъ долгосрочныя ссуды раздѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1. Въ департаментѣ Сены 233 ссуды на сумму	20.415.400 фр.
2. Въ прочихъ департаментахъ 110 ссудъ на	5.970.900 фр.
	<u>26.386.300 фр.</u>

Ипотечныхъ обязательствъ въ 1859 году выпущено на сумму 24.365.400 фр.

Въ томъ числѣ:

Обязательствъ въ 3 и 4 процента (въ счетъ 200 милліоновъ ссудъ, опредѣленныхъ конвенціею 18 ноября 1852 года) на.	13.782.400 фр.
Обязательствъ въ 5 процентовъ	10.583.000 —
	<u>Итого 24.365.400 фр.</u>

Общая сумма ипотечныхъ обязательствъ, находящихся въ обращеніи, не только не превышаетъ общей цѣфы ссудъ, но къ 31 декабря она была менѣе противъ послѣдней на 6.317.166 франковъ.

Курсъ обязательствъ въ декабрь 1857, 1858 и 1859 годовъ былъ слѣдующій:

	4%	4%	3%	3%
	500	100	500	100
Въ 1857 году	426,11	91,08	402,21	79,56
— 1858 —	474,90	93,63	446,15	87,38
— 1859 —	474,19	97,22	451,16	90,51

Общество дѣлало въ 1859 году авансы подъ кредитныя бумаги:

Подъ собственныя обязательства.	8.010.113 фр.
Подъ различныя кредитныя бумаги.	10.301.900
	<u>Итого 18.312.013</u>

безъ ипотечнаго обезпеченія, содѣйствіе учрежденію особаго земледѣльческаго кредита (*Crédit agricole*), наконецъ, постоянныя улучшенія въ подробностяхъ самаго управленія доказываютъ похвальное усиліе въ дѣлѣ, которому, къ сожалѣнію, даны основанія непрактическія и фальшивыя.

Общественное мнѣніе справедливо указываетъ на неуспѣхъ въ дѣлѣ поземельнаго кредита. Дивиденды въ 10 процентовъ, раздававшіеся въ послѣднее время акціонерамъ, составляютъ для капиталовъ богатое вознагражденіе. Виды подобнаго вознагражденія достаточны для привлеченія капиталовъ въ числѣ, соотвѣтствующемъ обширнымъ нуждамъ поземельной собственности. Между тѣмъ, капиталы не принимаютъ желаемаго направленія. Общество, съ собственнымъ капиталомъ въ 60 милліоновъ, не могло назначить въ дѣло болѣе 30-ти милліоновъ, изъ коихъ половина ожидаетъ еще у акціонеровъ востребованія. Цифру ежегодныхъ ссудъ можно считать ничтожною въ сравненіи съ нуждами поземельной собственности, и если принять въ соображеніе, что ссуды, производимыя Обществомъ, составляютъ въ годъ только отъ 20-ти до 30-ти милліоновъ, легко заключить, что при подобномъ стѣсненномъ кругѣ дѣйствія нельзя ожидать пониженія возвышенныхъ процентовъ, на которые вынуждена занимать капиталы поземельная собственность.

Изъ отчета за 1859 годъ видно, что въ общей цифрѣ долгосрочныхъ ссудъ, произведенныхъ въ теченіи года на 26.386.300 франковъ, удѣлено одному департаменту Сены около 20¹/₂ милліоновъ, а всѣмъ прочимъ департаментамъ 5.970.900 франковъ. Эта разительная разница въ распределеніи ссудъ по мѣстностямъ составляетъ главный недостатокъ операцій Общества, и хотя цифра ссудъ 1859 года въ департаментахъ нѣсколько превышаетъ соотвѣтствующую цифру за 1858 годъ, но тамъ, гдѣ дѣло идетъ такъ тихо, разница по годамъ ничего не значитъ.

Кромѣ того, сравненіе общей суммы ссудъ съ числомъ самыхъ ссудъ показываетъ, что ссуды, будучи централизованы, обратились почти въ ссуды такъ-сказать городскія (*urbaines*) въ ущербъ того разряда поземельной собственности, для которой преимущественно имѣлось въ виду облегченіе кредита; разложивъ 34 милліона франковъ, ссуженныхъ въ 1859 году на 358 ссудъ, получимъ 95.000 франковъ, какъ среднюю цифру каж-

дой ссуды (1). Очевидно, что подобная средняя цифра по величинѣ своей подходитъ ближе къ экстреннымъ важнымъ ссудамъ, сдѣланнымъ не въ пользу сельской промышленности, нежели къ кредиту, какъ пособию, необходимому сельскимъ жителямъ. При томъ же, изъ отчета за 1859 годъ видно, что Общество желаетъ, чтобы въ отмѣну его статута дозволены были ссуды выше милліона франковъ въ однѣ руки; не очевидно ли, что эта перемѣна не можетъ имѣть въ виду мелкую и среднюю поземельную собственность?

Нельзя не признавать, продолжаетъ *Журналъ Экономистовъ*, похвальнаго направленія въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ Общества, напримѣръ, въ распространеніи поземельнаго кредита на Алжирію, и въ допущеніи сельскихъ общинъ къ благодѣяніямъ кредита, основаннаго на системѣ постепеннаго погашенія займовъ. Но неужели ссуды, произведенныя Обществомъ по настоящее время всего на сумму 134 милліоновъ франковъ (изъ коихъ не всѣ безъ изыятія подъ залогъ поземельной собственности), выполнили задачу обезпеченія бремени 12 милліардовъ долговъ, лежащихъ на поземельной собственности? А цѣль эта имѣлась въ виду при учрежденіи Общества. Не довольно ли обширное еще остается поле, для того чтобы замѣнять системой постепеннаго погашенія тѣ долги, по которымъ платятся нынѣ проценты, превышающіе средства поземельной собственности при обязательствѣ возврата капитала въ приближенный срокъ, и къ чему искать въ Африкѣ такія нужды, которые у насъ подъ рукою?

Нельзя не упомянуть о тѣхъ ссудахъ, которыя съ недавняго только времени дѣлаются подъ собственныя ипотечныя обязательства Общества и другія кредитныя бумаги. Подобныхъ ссудъ сдѣлано болѣе чѣмъ на 20 милліоновъ. Можно ли находить въ нихъ благодѣянія постепеннаго погашенія, которыхъ ожидала поземельная собственность?

Въ заключеніе, по мнѣнію *Журнала Экономистовъ*, можно сказать, что успѣхъ дѣла оказывается весьма посредственнымъ. Въмѣсто постояннаго прилежнаго исполненія главной своей задачи, установленіе коснулось всего понемногу. Подобныя усилія, если угодно, можно назвать похвальными,

(1) Мы не беремъ на себя объяснить несогласіе нѣкоторыхъ цифръ, приводимыхъ въ статьѣ, изъ которой дѣлаемъ здѣсь извлеченіе, съ цифрами отчета Общества за 1859 годъ, а упоминаемъ только, что несогласіе это не ускользнуло отъ нашего вниманія.

но они не повели къ облегченію затруднительнаго положенія поземельной собственности.

Въ окончательномъ результатѣ своихъ дѣйствій, привилегированное Общество въ продолженіи семи лѣтъ выдало ссудъ на 134 милліона франковъ въ государствѣ, гдѣ ипотечныя кредитныя сдѣлки простираются ежегодно до 600 милліоновъ. Тамъ, гдѣ поземельный кредитъ имѣетъ подобныя размѣры, нѣтъ причины отвергать его возможность, и если онъ существуетъ внѣ всякаго административнаго содѣйствія, почему же установленіе, имѣющее средства дѣйствовать въ болышихъ размѣрахъ и на выгоднѣйшихъ для заемщиковъ условіяхъ, не привлекаетъ къ себѣ кредита, а дѣйствуетъ почти безъ успѣха? Таковы, отвѣчаетъ *Журналъ Экономистовъ*, бываютъ всегда результаты централизаціи и привилегіи. Въ централизаціи и привилегіи заключается коренный недостатокъ, которому пособить нельзя самымъ благоразумнымъ управленіемъ, ибо оно поставлено въ неблагоприятныя условія, и ему пресѣчены прямыя пути къ достиженію предназначенной цѣли.

Эта оцѣнка дѣйствій общества *Crédit foncier* и самыхъ его основаній, кажется намъ столь справедливою и убѣдительною, что прибавлять къ ней что-либо было бы излишне, но мы позволимъ себѣ сравнить съ установленіемъ *Crédit foncier* Земское Кредитное Общество Царства Польскаго. По причинѣ разнородности этихъ обществъ, изъ коихъ одно учреждено капиталистами-займодавцами, другое — землевладѣльцами-заемщиками, самыя основанія этихъ обществъ не могутъ вовсе подлежать сравненію. Можно сравнивать только результаты дѣйствій каждаго изъ нихъ.

По недавнему еще существованію общества *Crédit foncier*, не сообразно было бы сравнивать ту степень развитія, въ которой каждое изъ нихъ находится нынѣ. Мы сдѣлаемъ сравненіе теперешняго положенія Общества *Crédit foncier*, имѣющаго восемь лѣтъ существованія, съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ Земское Кредитное Общество Царства Польскаго находилось также послѣ восьми лѣтъ своего существованія.

Изъ отчета *Crédit foncier* видно, что въ продолженія восьми лѣтъ, съ 1852 года по 1859 включительно, установленіе это сдѣлало ссудъ на 139 милліоновъ (не всѣ подъ залоги поземельной собственности); а изъ свѣдѣній, приведенныхъ нами выше о Земскомъ Кредитномъ Обществѣ Царства Польскаго, видно, что въ первыя восемь лѣтъ существованія, съ 1826 по

1833 годъ включительно, оно произвело ссудъ слишкомъ на 34 милліона рублей серебромъ (всѣ подъ залоги недвижимыхъ имѣній). Эти двѣ цифры ссудъ 139 милліоновъ франковъ и 34 милліона рублей, при переводѣ рублей на франки, такъ близки между собой, что при соображеніяхъ, основанныхъ на приблизительныхъ разчетахъ, можно сказать, что въ продолженіи первыхъ восьми лѣтъ своего существованія, оба общества, относительно распространенія ссудъ, достигли почти одинаковаго результата. Мы сказали почти одинаковаго, потому что если исключить изъ общей цифры ссудъ, сдѣланныхъ во Франціи, тѣ изъ нихъ, которыя сдѣланы не подъ залоги недвижимыхъ земледѣльческихъ имѣній, то перевѣсъ останется на сторонѣ Царства Польскаго.

Но хотя бы и допустить одинаковый результатъ относительно распространенія ссудъ, изъ этого никакъ нельзя заключить, что оба установленія принесли одинаковую пользу поземельной собственности своей страны или что оба дѣйствовали одинаково успѣшно. Надобно еще сравнить средства, которыми каждое изъ нихъ располагало; надобно припомнить, что Земское Кредитное Общество Царства Польскаго начало свои операціи безъ всякихъ собственныхъ средствъ, а французское; общество въ самомъ началѣ своего учрежденія имѣло капитала 60 милліоновъ франковъ. Слѣдуетъ также сравнить цифру сельскаго народонаселенія Царства Польскаго и Франціи и принять отношеніе этихъ двухъ цифръ между собою за мѣру сравнительной пользы, принесенной каждымъ обществомъ своей странѣ. Выше мы опредѣлили цифру сельскаго народонаселенія Царства Польскаго въ 3.630.546 жителей. Относительно земледѣльской части народонаселенія Франціи мы не имѣемъ подъ рукою достаточныхъ данныхъ и принуждены ограничиться общимъ заключеніемъ, что цифра сельскаго народонаселенія Франціи несравненно выше соотвѣтственной цифры Царства Польскаго, и что слѣдовательно услугу, которую оказало своей странѣ Общество Царства Польскаго, должно оцѣнить несравненно выше той пользы, которую принесло Франціи Общество *Crédit foncier*. Прибавимъ еще и то, что во Франціи сдѣлано 2.074 ссуды, а въ Царствѣ Польскомъ среднее число заложенныхъ имѣній можно считать примѣрно около 6.000. Слѣдовательно, и по распределенію ссудъ слѣдуетъ отдать преимущество Земскому Кредитному Обществу Царства Польскаго.

Левъ Гечевичъ. (1)

(1) Просимъ извиненія у почтеннаго автора за неточность, съ какою было въ прежнихъ книжкахъ напечатано его имя. *Ред.*

ЧЕТЫРЕ ГЕОРГА

ОЧЕРКИ ОБЫЧАЕВЪ, ПРАВСТВЕННОСТИ,
ПРИДВОРНОЙ И ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ (1)

СТАТЬЯ ТЕККЕРЕЯ

ГЕОРГЪ ТРЕТІЙ.

Мы должны обозрѣть шестьдесятъ лѣтъ въ теченіи шестидесяти минутъ. Одинъ перечень дѣйствующихъ лицъ, игравшихъ роль въ этотъ длинный періодъ, занялъ бы весь этотъ часъ времени, и у насъ вышла бы не проповѣдь, а только текстъ. Англія выдержитъ возстаніе американскихъ колоній, помирится съ ихъ отложеніемъ, заколеблется отъ изверженія вулкана французской революціи, будетъ бороться и драться на жизнь и смерть съ своимъ гигантскимъ врагомъ, Наполеономъ, почти выбьется изъ силъ, и опять соберется съ силами послѣ этой страшной борьбы. Старое общество, съ своимъ придворнымъ великолѣпіемъ, должно перейти; поколѣнія государственныхъ людей должны появиться и исчезнуть. Питтъ послѣдуетъ за Чатамомъ въ могилу; память Роднея и Вольфа затмится славой Нельсона и Веллингтона; старые поэты, соединяющіе насъ съ эпохой

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № № 19, 20.

королевы Анны, сойдуть въ могилу; Джонсонъ умретъ, Скоттъ и Байронъ явятся на горизонтъ; Гаррикъ будетъ восхищать свѣтъ своимъ ослѣпительнымъ драматическимъ гениемъ, а Кинъ однимъ прыжкомъ на сцену овладѣетъ изумленнымъ театромъ. Будетъ найдена сила пара; короли будутъ обезглавлены, изгнаны, низложены, возстановлены; Наполеонъ будетъ только эпизодомъ, а Георгъ Третій переживетъ всѣ эти разнообразныя переменны, будетъ сопровождать народъ свой черезъ всѣ эти перевороты мысли, правленія, общества, переживетъ старый свѣтъ и перейдетъ въ нашъ.

Когда я въ первый разъ увидѣлъ Англiю, она была въ траурѣ по молодой принцессѣ Шарлоттѣ, надеждѣ государства. Я ребенкомъ ѣхалъ изъ Индiи, и корабль нашъ, на пути домой, остановился у одного острова; черный слуга мой повелъ меня прогуляться по скаламъ и горамъ, и мы пришли къ саду, гдѣ прохаживался какой-то человекъ. «Вотъ онъ, сказалъ черный слуга:—это Бонапартъ! Онъ ѣстъ по три барана каждый день, и всѣхъ маленькихъ дѣтей, какiя попадутся ему въ руки!» Въ британскихъ владѣнiяхъ, кромѣ этого бѣднаго калькуттскаго слуги, были и другiе люди, которые такимъ же образомъ ужасались этого корсиканскаго людоѣда.

Съ тѣмъ же самымъ простодушнымъ слугою, помню, разглядывалъ я, сквозь колоннаду Карльтонъ-Гауза, жилище великаго принца-регента. Я будто и теперь вижу, какъ грохачиваются гвардейцы передъ воротами этого замка. Замка? Какого замка? Дворецъ этотъ уже не существуетъ, какъ не существуетъ дворецъ Навуходносора. Теперь отъ него осталось только имя. Гдѣ часовые, которые отдавали честь, когда королевскiя колесницы выѣзжали и въѣзжали? Колесницы, съ особами, сидѣвшими въ нихъ, уѣхали въ царство Плутона; статные гвардейцы отмаршировали во мракъ, и отголоски ихъ барабановъ раздаются въ царствѣ тѣней. Тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ дворецъ, сотни ребятишекъ топчутся по ступенькамъ, ведущимъ въ Сентъ-Джемскiй паркъ. Человекъ двадцать серьезныхъ джентльменовъ пьютъ чай въ Аеинскомъ Клубѣ; столько же страшныхъ воиновъ гарнизируютъ, насупротивъ, въ Клубѣ Соединенныхъ Службъ (1). Улица Пелль-Мелль—теперь великая общественная биржа Лондона, рынокъ новостей,

(1) Морской и военной. *Ир. перевод.*

политики, сплетень, молвы, англійскій форумъ, гдѣ идутъ толки о послѣдней депешѣ изъ Крыма, о послѣдней рѣчи лорда Дерби, о будущемъ биллѣ лорда Джона. Но иногда, для антикваріевъ, мысли которыхъ принадлежать болѣе прошлому нежели настоящему, это меморіалъ старыхъ временъ и старыхъ людей; для нихъ Пелль-Мелль наша Пальмира. Посмотрите! Около этого мѣста Томъ о Десяти Тысячахъ былъ убитъ шайкой, нанятою Кенигсмаркомъ. Въ этомъ большомъ красномъ домѣ жили Генсборо (1) и Комберлендъ Куллоденскій, дядя Георга III. Вонъ, тамъ дворецъ Сары Малборо, каковъ онъ былъ въ то время, когда эта фурія занимала его. Въ домѣ подъ № 25 жилъ Вальтеръ Скоттъ; въ домѣ теперь подъ № 79, который занятъ Обществомъ Евангельской Пропаганды, жила мистриссъ Элеонора Гвиннъ, комедіантка (2). Какъ часто портшезъ королевы Каролины выходилъ вонъ изъ-подъ той арки! Всѣ люди временъ Георга проходили по этой улицѣ. Она видѣла экипажъ Вальполя и портшезъ Чатама, Фокса, Гиббона, Шеридана, когда они отправлялись въ Брукскій клубъ (3), и величественнаго Уильяма Питта, съ гордою поступью, опирающагося на руку Дондаса, и Гангера (4) съ Томомъ Шериданомъ, выходящихъ навеселъ изъ Раггета (5), и Байрона, ковыляющаго въ клубъ Уаттира (6), Свята, выходящаго большими шагами изъ Бюрійской улицы, мистера Аддисона и Дика Стиля, обоихъ, можетъ-статься, немножко подъ хмѣлькомъ; принца Валлійскаго и герцога Йоркскаго, гремящихъ шпорами на мостовой, и Джонсона, считающаго тумбы на улицѣ, но прежде поглазѣващаго на окно Доддея (7); Гарри Вальполя, влѣзающаго въ свой экипажъ съ старинною бездѣлушкой, только что купленною у Крейсти; и Джорджа Сельвина, отправляющагося, шатаясь, въ заведеніе Уайта.

Въ изданныхъ письмахъ къ Джорджу Сельвину, мы получили массу корреспонденціи, не такой блистательной и остроумной, какъ Вальполева, и не такой ѣдкой и яркой, какъ Гернеева, но столь же интересной и даже болѣе характеризующей

(1) Знаменитый пейзажистъ и портретистъ. *Пр. перевод.*

(2) Знаменитая любовница Карла II. *Пр. перевод.*

(3) Клубъ оппозиціонной парстіи. *Пр. перевод.*

(4) Пріятель принца регента, страшный негодай. *Пр. перевод.*

(5) Игрный домъ. *Пр. перевод.*

(6) Клубъ франтовъ и игроковъ. *Пр. перевод.*

(7) Книгопродавецъ-издатель. *Пр. перевод.*

то время, потому что эти письма были дѣломъ многихъ рукъ. Вы какъ будто слышите тутъ натуральные голоса, не то что франтовское пришепетыванье перваго или злой шепотъ втораго. Читая письма къ Сельвину, какъ будто видишь передъ собою благородныя картины Рейнольдса, на которыхъ изобразились эти великолѣпныя времена и эти преданные удовольствіямъ люди, почти слышишь голосъ умершаго прошлаго, смѣхъ и хоръ, тосты, провозглашаемые надъ пѣнящимися кубками, шумъ скачки или картежной игры, веселыя шуточки, откровенно высыпаемые передъ смѣющеюся дамой. Какъ изящны были эти дамы, эти дамы, которыя слушали и говорили такія неблагопристойныя шуточки! какъ величественны были эти джентльмены!

Мнѣ кажется, что это оригинальное произведеніе прошедшаго времени, — изящный джентльменъ — почти исчезъ съ лица земли; онъ исчезаетъ подобно бобру или краснокожему Индѣйцу. Мы уже не можемъ имѣть изящныхъ джентльменовъ, потому что не имѣемъ общества, въ которомъ они жили. Народъ не хочетъ слушаться, паразиты не хотятъ быть такъ работѣны, какъ прежде; дѣти не становятся на колѣни просить благословенія у своихъ родителей; капеланы не читаютъ громко молитвъ передъ обѣдомъ и не уходятъ передъ пуддингомъ; слуги не говорятъ каждую минуту: «ваша честь» и «ваше достоинство»; торговцы не стоятъ со шляпами въ рукахъ, когда проѣзжаютъ джентльмены; авторы не ждутъ по цѣлымъ часамъ въ передней у джентльмена, съ приторнымъ посвященіемъ, за которое надѣются получить пять гиней отъ его лордства. Въ тѣ дни, когда были изящные джентльмены, помощники статсъ-секретаря Питта не смѣли садиться при немъ; но Питтъ, въ свою очередь, становился на колѣни, страдавшія подагрой, передъ Георгомъ II; а когда Георгъ III скажетъ, бывало, нѣсколько ласковыхъ словъ лорду Чатаму, тотъ проливалъ слезы благоговѣйной радости и признательности... Представьте себѣ лорда Джона Росселя или лорда Пальмерстона на колѣнахъ, когда королева читаетъ депешу, или представьте, что они расплакались, оттого что принцъ Альбертъ сказалъ имъ что-нибудь вѣжливое!

При вступленіи на престолъ Георга III, патриціи были еще на вершинѣ своей фортуны. Общество признавало ихъ превосходство, въ которомъ сами они нисколько не сомнѣвались. Они наследовали не только титулы и помѣстья, мѣста въ палатѣ перовъ, но и мѣста въ нижней палатѣ. Не только

правительственныя мѣста, но и взятки, состоявшія просто изъ билетовъ въ 500 ф. с., члены палаты не стыдились принимать. Фоксъ вступилъ въ парламентъ двадцати лѣтъ; Питтъ, — только что достигнувъ совершеннолѣтія, а отецъ его не много старѣе. Славное тогда было время для патриціевъ! Нельзя ихъ порицать, что они брали и наслаждались, пресыщаясь по горло политической льготой и удовольствіями общественной жизни.

Въ этихъ письмахъ къ Сельвину, мы знакомимся съ цѣлымъ обществомъ этихъ покойныхъ изящныхъ джентльменовъ, и можемъ наблюдать съ любопытнымъ интересомъ за жизнью, до которой романисты того времени почти не касались, — такъ мнѣ кажется. Въ глазахъ Смоллетта, даже Фильдинга, лордъ былъ великолѣпнѣйшее существо съ голубою лентой, съ гербомъ на портшезѣ, съ огромною звѣздой на груди, которому простолоудины оказывали благоговѣйное почтеніе. Ричардсонъ, человекъ низшаго происхожденія нежели оба вышеупомянутые, признавался въ своемъ невѣжествѣ относительно аристократическихъ обычаевъ и просилъ мистриссъ Доннелланъ, даму, жившую въ большомъ свѣтѣ, просмотрѣть томъ *Грандсона* и указать ошибки, какія она могла найти въ этомъ отношеніи. Мистриссъ Доннелланъ нашла столько ошибокъ, что Ричардсонъ измѣнился въ лицѣ, закрылъ книгу и пробормоталъ, что лучше бросить ее въ огонь. Здѣсь, у Сельвина, мы видимъ настоящихъ, оригинальныхъ свѣтскихъ мужчинъ и женщинъ изъ перваго времени царствованія Георга III. Мы можемъ слѣдовать за ними въ новый клубъ, Альмаковъ; мы можемъ ѣздить съ ними по Европѣ: мы можемъ сопровождать ихъ не только въ публичныя мѣста, но и въ ихъ сельскіе замки и въ частное общество. Вотъ цѣлая ихъ компанія; умники и моты; нѣкоторые упорствуютъ въ своихъ дурныхъ привычкахъ; другіе раскаяваются, но опять принимаются за то же; красавицы, паразиты, раболѣпные капеланы, блюдолизы. Тѣ прелестныя существа, которыхъ мы любимъ въ портретахъ Рейнольдса, которыя еще смотрятъ на насъ съ его полотна своими нѣжными спокойными личиками, съ граціозными улыбками—эти изящные джентльмены, которые дѣлали намъ честь управлять нами, которые получили въ наслѣдство свои избирательные бурги, жили себѣ въ волю на своихъ патентованныхъ мѣстахъ, и такъ изящно прятали подкупъ лорда Норта подъ своими маншетами,—мы знакомимся съ сотней этихъ изящныхъ

людей, слышимъ ихъ разговоръ и смѣхъ, читаемъ объ ихъ любовныхъ исторiяхъ, ссорахъ, интригахъ, долгахъ, дуэляхъ, разводахъ; можемъ вообразить ихъ живьемъ, если подолѣе прочитаемъ эту книгу. Мы можемъ быть на свадьбѣ герцога Гамилтона и видѣть какъ онъ обручается съ своею невѣстой кольцомъ, снятымъ съ занавѣси. Мы можемъ заглянуть на смертное ложе ея бѣдной сестры; мы можемъ видѣть Чарльза Фокса, бранящагося за картами, или Марча, выкрикивающегоъ пари на скачкахъ въ Ньюмаркетъ, мы можемъ вообразить Боргойна, выступающаго франтовски изъ Сень-Джемской улицы побѣждать Американцевъ, и возвращающагося въ свой клубъ, повѣсивъ голову послѣ своего пораженiя; мы можемъ видѣть молодого короля, одѣвающагося для большаго выхода и дѣлающаго десять тысячъ вопросовъ обо всѣхъ джентльменахъ; мы можемъ видѣть знатную и простую жизнь, драку въ оперѣ за то, чтобы видѣть Виолетту или Цамперини, можемъ видѣть макарони (1) и изящныхъ дамъ въ портшезахъ, отправляющихся въ маскарадъ или къ мадамъ Корнелисъ, толпу въ Дрюри-Ленѣ, взглянуть на тѣломиссъ Рей, которую только что застрѣлили пасторъ Гакманъ; или можемъ заглянуть въ Ньюгетъ, гдѣ бѣдный мистеръ Райсъ, поддѣльщикъ, ждетъ своей судьбы и своего ужина.

— Нечего заботиться о соусѣ къ его курицѣ, говорилъ одинъ тюремщикъ другому: — вы знаете, его завтра повѣсятъ.

— Да, отвѣчаетъ второй, — но капеланъ ужинаетъ съ нимъ, а онъ ужасно любить, чтобы все такъ и текло масломъ.

У Сельвина былъ капеланъ и прихлебатель, нѣкій докторъ Уарнеръ; ни Плавтъ, ни Бенъ-Джонсонъ, ни Гогартъ, никогда не изображали лучшаго характера. Въ письмѣ за письмомъ онъ прибавляетъ новые штрихи къ своему собственному портрету и дополняетъ портретъ, не мало любопытный теперь, когда такого человѣка уже не имѣется; всѣ гнусныя удовольствiя и проказы, въ которыхъ онъ находилъ наслажденiе, кончились; всѣ подрумяненные лица, которымъ онъ подмигивалъ, теперь червяки и черепа; всѣ изящные джентльмены, у которыхъ цѣловалъ онъ пряжки, лежатъ въ гробу. Этотъ достойный капеланъ самъ озаботился сказать намъ, что онъ не вѣритъ въ

(1) Тогдашнее прозванiе франтовъ. *Ир. перев.*

свою религію,—еще, слава Богу, что онъ по крайней мѣрѣ въ стряпческомъ дѣлѣ не былъ мошенникомъ. Онъ исполняетъ порученія мистера Сельвина, всѣ порученія, и съ гордостію похваляется тѣмъ, что служить ему поставщикомъ. Онъ ухаживаетъ за герцогомъ Квинсберрійскимъ, за этимъ старымъ Q., какъ его звали, размѣнивается премилыми исторіями съ этимъ аристократомъ. Онъ возвращается домой «послѣ труднаго дня крестьянъ», какъ говоритъ онъ, и пишетъ къ своему патрону прежде чѣмъ сядетъ поужинать куропатками. Онъ восхищается при мысли о бургонскомъ и о бычачьей головѣ,—онъ, крикливый и лихой паразитъ, лижетъ башмаки своего господина съ громкимъ хохотомъ и лукавымъ смакомъ, и любитъ вкусъ этой ваксы столько же, какъ и лучшее бордосское изъ погреба стараго Q. Онъ знаетъ Рабеле и Горация, какъ свои пять грязныхъ пальцевъ. Онъ невыразимо низко, удивительно гудливъ, а въ тайнѣ, про себя, добръ, — подлець съ нѣжнымъ сердцемъ, а не ядовитый блюдолизъ. Джессъ говоритъ, что въ его капеллѣ въ Лонгъ-Экрѣ «онъ пріобрѣлъ значительную популярность пріятнымъ, мужественнымъ и краснорѣчивымъ слогомъ своихъ проповѣдей.» Неужели нѣтріе было эпидемическою болѣзнію, и развратъ ходилъ въ воздухѣ? Вокругъ молодаго короля, который былъ самой примѣрной жизни и несомнѣннаго благочестія, жило придворное общество такое развратное, какого никогда не бывало въ нашей странѣ. Безнравственность Георга II принесла свои плоды въ ранніе годы Георга III. Я полагаю, что примѣръ этого добраго человѣка, его умѣренность, его воздержная простота и богобоязненная жизнь, необыкновенно способствовали къ улучшенію нравственности въ странѣ и къ очищенію всего народа.

Послѣ Уарнера, самый интересный изъ корреспондентовъ Сельвина, графъ Карлейль, дѣдъ любезнаго вельможи, нынѣ вице-короля Ирландіи. Дѣдъ былъ тоже ирландскимъ вице-королемъ, бывши прежде казначеемъ королевскаго дома; а въ 1778 г. главнымъ уполномоченнымъ при договорахъ, совѣщаніяхъ и соглашеніяхъ насчетъ способовъ умирить раздоры въ колоніяхъ, плантаціяхъ и владѣніяхъ его величества въ Сѣверной Америкѣ. Вы можете читать манифесты его лордства въ *Royal New-York Gazette*. Онъ возвратился въ Англію, вовсе не усмиривъ колоній, и вскорѣ послѣ того *Royal New-York Gazette* какъ-то перестала издаваться.

Этотъ добрый, умный, ласковый, образованный лордъ Карлейль былъ одинъ изъ англійскихъ изящныхъ джентльменовъ, которые почти раззорились отъ страшнаго разврата и мотовства, преобладавшихъ въ тогдашнемъ высшемъ обществѣ. Развратъ этого общества былъ ужасенъ: онъ распространился по Европѣ послѣ мира; онъ плясалъ, скакалъ и картежничалъ при всѣхъ дворахъ. Онъ раскланивался въ Версалѣ, пускалъ на скачку лошадей въ Саблонской долинѣ, близъ Парижа, и породилъ тамъ англomanію; онъ вывезъ огромное количество картинъ и статуй изъ Рима и Флоренціи; онъ раззорился на сооруженіе огромныхъ галлерей и дворцовъ для статуй и картинъ; онъ привезъ пѣвицъ и танцовщицъ изъ всѣхъ европейскихкихъ оперъ, на которыхъ милорды тратили тысячи, оставляя своихъ честныхъ женъ и честныхъ дѣтей томиться въ уединенномъ, пустынномъ великолѣпнѣмъ замкѣ и парка въ деревнѣ.

Кромѣ тогдашняго высшаго лондонскаго общества, былъ другой, непризнанный міръ, сумасбродный выше всякой мѣры, гонявшійся за удовольствіями; танцовавшій, игравшій въ карты, пьянствовавшій, пѣвшій, встрѣчавшійся съ настоящимъ обществомъ въ публичныхъ мѣстахъ (у Ранелага, въ Вокзалѣ, у Рядотто, о которыхъ наши старые романисты говорятъ безпрестанно), и старавшійся перещеголять настоящихъ вождей моды роскошью, великолѣпиемъ и красотой. Напримѣръ, когда знаменитая миссъ Геннингъ посѣтила, будучи уже леди Ковентри, Парижъ, гдѣ она надѣялась возбудить своею красотой всеобщій восторгъ, слѣдовавшій за нею и сестрой ея по всей Англии, ее, кажется, обратила въ бѣгство одна Англичанка, еще болѣе очаровавшая Парижанъ. Какая-то мистриссъ Питтъ наняла ложу въ оперѣ, напротивъ графини, и она оказалась настолько красивѣе этой знаменитой леди, что партеръ громко привѣтствовалъ ее, какъ истиннаго англійскаго ангела, вслѣдствіе чего леди Ковентри уѣхала изъ Парижа въ сильномъ гнѣвѣ. Бѣдняжка скоро умерла въ чахоткѣ, ускоренной, говорили, румянами и бѣлилами, которыми она намазывала свои несчастныя прелести. (Мы должны припомнить, что всѣ свѣтскія женщины въ Европѣ, въ то время, были намазаны бѣлилами и румянами.) Она оставила послѣ себя двухъ дочерей, которыхъ любилъ Джорджъ Сельвинъ (онъ любилъ маленькихъ дѣтей), и которая въ этихъ письмахъ описаны презабавно и препатетически, въ ихъ маленькой дѣтской,

гдѣ пыкая маленькая леди Фанни, не довольная своими картами, бросила ихъ въ лицо леди Мери; и гдѣ онѣ тоже сидѣли, сговариваясь, какъ принять новую мачиху, которую папа привезъ къ себѣ. Онѣ сошлись очень хорошо съ своею мачихой, которая была очень добра къ нимъ, и онѣ выросли, и онѣ вышли замужъ, и обѣ развелись съ своими мужьями въ послѣдствіи—бѣдняжечки! Бѣдная разрумяненная мать, бѣдное общество, отвратительное въ своихъ удовольствіяхъ, въ своей любви, въ своихъ пиршествахъ!

Что до милорда-коммиссара (лорда Карлейля), мы можемъ поговорить о немъ, хотя по временамъ онъ бывалъ сумасброднымъ и слабымъ милордомъ-коммиссаромъ, хотя онъ запуталъ свое имѣніе, хотя онъ проигралъ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ одинъ присѣсть «въ пятеро болѣе, говоритъ этотъ несчастный джентльменъ, нежели я проигрывалъ прежде;» хотя онъ клялся, что никогда болѣе не дотронется до картъ, и однако, странно сказать, возвращался опять къ столу и проигрывалъ еще больше; однакоже онъ раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ, остепенился и сдѣлался достойнымъ перомъ и добрымъ помѣщикомъ, и воротился къ доброй женѣ и къ добрымъ дѣтямъ, которыхъ онъ всегда любилъ всѣми лучшими силами своего сердца. Онъ женился двадцати одного года. Онъ очутился среди развратнаго общества обладателемъ огромнаго богатства. Принужденный вести роскошную жизнь и быть великимъ лордомъ и великимъ лѣнтяемъ, онъ поддался нѣкоторымъ искушеніямъ, и заплатилъ за нихъ горькимъ наказаніемъ—благородными угрызеніями совѣсти; отъ нѣкоторыхъ другихъ искушеній, онъ благо-разумно бѣжалъ и наконецъ благородно побѣдилъ ихъ. Но онъ всегда держалъ въ душѣ добрую жену и дѣтей,—и они спасли его. «Я очень радъ, что вы не пришли ко мнѣ въ то утро, когда я уѣзжалъ изъ Лондона,» пишетъ онъ къ Сельвину, отправляясь въ Америку. «Я могу только сказать, что до этой минуты разлуки я не зналъ, что значить горе.» Тамъ, гдѣ они теперь находятся, разлуки уже нѣтъ. Вѣрная жена и добрый, великодушный джентльменъ произвели на свѣтъ благородное потомство: наследника его имени и титула, который любимъ всѣми, кто его знаетъ; человека добрейшаго, образованнѣйшаго, кроткаго, дружелюбнаго и чистаго; потомки женскаго пола занимаютъ высокое положеніе и украшаютъ собою знаменитыя

имена; нѣкоторые славятся своею красотой, а всѣ безукоризненною жизнію и благочестивыми, женскими добродѣтелями.

Другой изъ корреспондентовъ Сельвина, графъ Марчъ, въ послѣдствіи герцогъ Квинсберрійскій, жизнь котораго перешла и въ нынѣшнее столѣтіе, который и графомъ, и герцогомъ, и молодымъ человѣкомъ, и старикомъ, не былъ украшеніемъ ни для какого общества. Легенды о старомъ Квинсберри ужасны. У Сельвина, у Раксалля, и въ современныхъ хроникахъ, наблюдатель человѣческой натуры можетъ видѣть, какъ онъ пьянствуетъ, картежничаетъ, интригуетъ до самаго конца своей карьеры; покрытый морщинами, разбитый параличомъ, беззубый старый Донъ-Жуанъ умеръ такимъ же развратнымъ и нераскааннымъ, какимъ былъ въ самый пылкій періодъ юности и страстей. На улицѣ Пиккадилли есть домъ, гдѣ показываютъ низкое окно, у котораго старый Q. сидѣлъ до конца своей жизни, заглядываясь сквозь свои старческія очки на проходящихъ женщинъ.

Должно-быть, въ этомъ лѣнивомъ, сонномъ Джорджѣ Сельвинѣ было много хорошаго, что, безъ сомнѣнія, на томъ свѣтѣ поставлено ему въ заслугу. «Ваша дружба, пишетъ ему Карлейль,—такъ не похожа на все, что я встрѣчалъ или видѣлъ въ свѣтѣ, что когда я вспоминаю необыкновенныя доказательства вашей доброты, то мнѣ кажутся они мечтою.» «Я лишился самаго стараго моего друга, Джорджа Сельвина,» пишетъ Вальполь къ миссъ Берри. «Я истинно любилъ его, не только за его неистощимое остроуміе, но и за тысячу прекрасныхъ качествъ.» Я, съ своей стороны, очень радъ, что такой охотникъ до пирожковъ и эля имѣлъ тысячу прекрасныхъ качествъ, что онъ былъ дружелюбенъ, великодушенъ, теплосердеченъ, вѣренъ. «Я встаю въ шесть часовъ, пишетъ къ нему Карлейль изъ Спа (куда съѣзжались свѣтскіе люди во времена нашихъ предковъ), и играю въ крикетъ до обѣда и танцую вечеромъ до того, что едва могу дотащиться до постели въ одиннадцать часовъ. Вотъ жизнь! Вы встаете въ девять; играете съ Ратономъ, вашею собакой, до двѣнадцати, въ халатъ; потомъ тащитесь въ Уайтовъ клубъ; сидите пять часовъ за столомъ; спите до ужина; а потомъ заставляете двухъ несчастныхъ нести васъ въ портшезѣ, съ тремя бутылками бордосскаго въ вашемъ желудкѣ, три мили за одинъ шиллингъ.» Иногда, вмѣсто того, чтобы спать въ Уайтовомъ клубѣ, Джорджъ

отправлялся храпѣть въ нижнюю палату, возлѣ лорда Норта. Онъ былъ представителемъ Глостера много лѣтъ, и имѣлъ свое собственное мѣстечко Лоджершаллъ, за которое онъ иногда былъ представителемъ, когда не хотѣлъ быть представителемъ Глостера. «Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы лордъ Мельборнъ и я были выбраны представителями Лоджершалла,» пишетъ онъ къ первому министру, съ которымъ былъ друженъ, и который самъ былъ такой же сонный, такой же остроумный и такой же добродушный человекъ, какъ Джорджъ.

Если, заглядывая въ жизнь, знатныхъ и свѣтскихъ людей того времени, мы должны поневолѣ изображать ихъ лѣнтями, мотами и преступными, то должно также принять въ соображеніе тѣ искушенія, которымъ подвергаются богатые люди, и вспомнить, что и мы также весьма вѣроятно были бы лѣнны и сластолюбивы, еслибы не имѣли побужденій къ труду, при природной склонности смертныхъ къ удовольствіямъ и при ежедневныхъ искушеніяхъ, доставляемыхъ огромнымъ доходомъ. Чтò могъ дѣлать знатный перъ, съ огромнымъ замкомъ и паркомъ, и огромнымъ богатствомъ, какъ не вести роскошную и лѣнливую жизнь? Въ этихъ письмахъ лорда Карлейля, изъ которыхъ я дѣлалъ выдержки, высказываются справедливыя жалобы молодаго добросердечнаго лорда на роскошь, которую онъ принужденъ поддерживать; на великолѣпіе, въ которомъ онъ долженъ жить; на лѣнность, къ которой обязывало его званіе пера Англіи. Лучше было бы для него, еслибъ онъ былъ нотаріусомъ за письменнымъ столомъ или писаремъ въ конторѣ;—въ тысячу разъ болѣе имѣлъ бы онъ возможности для счастья, образованія, труда, обезпеченности отъ искушеній. Военная профессія была единственною, въ какую тогда вступали наши нобльмены. Духовное званіе, юриспруденція, медицина, литература, искусство, торговля, были слишкомъ унижительны для нихъ. Спасеніемъ Англіи мы обязаны людямъ средняго класса: трудящіеся образованные люди, удаленные отъ подкуповъ лорда Норта въ палатѣ; доброе духовенство, неразвращенное до паразитства надеждами къ повышенію; купцы, восходившіе до богатства, честно пріобрѣтеннаго; живописцы, слѣдовавшіе своему непорочному призванію; литераторы въ своихъ мирныхъ кабинетахъ;—вотъ люди, которыхъ мы любимъ и о которыхъ намъ пріятно читать въ послѣднемъ столѣтіи. Какими ничтожными кажутся знатные и свѣтскіе люди возлѣ нихъ! Какъ

презрительна исторія придворныхъ ссоръ при дворѣ Георга III, въ сравненіи съ разговоромъ милого старика Джонсона! Чтѣ такое самое пышное празднество въ Виндзорѣ, въ сравненіи съ вечеромъ въ клубѣ надъ скромными кубками, съ Перси, съ Ленгтономъ, съ Гольдсмитомъ и бѣднымъ Бози за столомъ? Увѣрю васъ, мнѣ кажется, что изъ всѣхъ вѣжливыхъ людей того вѣка, Джошуа Рейнольдсъ былъ самый изящный джентльменъ. И эти милые, старые друзья изъ прошлыхъ временъ были столько же добры, сколько остроумны и благоразумны. Души ихъ не были развращены невоздержностью, не были изнѣжены роскошью. Они благородно трудились каждый день; они отдыхали, предаваясь своимъ тихимъ удовольствіямъ, приправляли свои праздничныя пиршества благороднымъ остроуміемъ и сердечнымъ разбѣномъ мысли; они не были ханжами, но разговоры ихъ не заставляли краснѣть; они были веселы, но распутство не исходило изъ ихъ кубковъ. Ахъ, какъ бы хотѣлъ я провести вечеръ въ Головъ Турка, даже еслибы дурныя извѣстія были получены изъ колоній, и докторъ Джонсонъ ворчалъ бы на мятежниковъ; посидѣть съ нимъ и съ Гольди; слышать Борка, самаго лучшаго собесѣдника на свѣтѣ; слышать, какъ Гаррикъ оживляетъ разказъ исторіей изъ своего театра! Да, я люблю помышлять объ этомъ обществѣ, и не только о томъ, какъ оно было пріятно и остроумно, но и о томъ какое оно было *доброе*. Мнѣ кажется, что въ одну ночь, когда Эдмондъ Боркъ возвращался домой изъ клуба, съ благородною душой, исполненною великихъ мыслей, — навѣрное, великихъ, потому что онѣ никогда не оставляли его, — съ сердцемъ, исполненнымъ кротости, — къ нему подошла бѣдная заблудшая женщина, которой онъ сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ; и растроганный слезами этой Магдалины, можетъ-статься вызванными его добрымъ словомъ, онъ отвелъ ее къ себѣ въ домъ, къ своей женѣ и дѣтямъ, и не оставлялъ ее до тѣхъ поръ, пока не нашелъ средства возвратить ее къ честности и труду. О, вы изящные джентльмены, вы Марчи и Сельвины и Честерфильды, какъ ничтожны кажутся вы подлѣ этихъ великихъ людей! Добродушный Карлейль играетъ въ крикетъ цѣлый день, и танцуетъ вечеромъ «до тѣхъ поръ, пока ноги можетъ волочать», весело ставя въ контрастъ свою вышшую добродѣтель съ Джорджемъ Сельвиномъ, «котораго несутъ въ постель двое несчастныхъ, въ полночь, съ тремя бутылками

бордоссаго въ желудкѣ.» Помните стихи—священные стихи,—которые Джонсонъ написалъ на смерть своего бѣднаго друга Леветта?

«Смотрите, Леветтъ сходить въ могилу, такъ много перенесшій въ теченіи измѣнчиваго времени, услужливый, невинный, чистосердечный, другъ всѣхъ не имѣющихъ друзей. Въ самой мрачной пещерѣ нищеты былъ онъ извѣстенъ, и цѣлебныя попеченія его были всегда близки къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ безнадежная тоска подавала стонъ, куда одинокая нужда удалялась умереть. Ни на какой призывъ не отвѣчалъ онъ презрительною отсрочкой, не пренебрегалъ изъ гордости ничтожною платой, ежедневныя труды удовлетворяли его скромнымъ ежедневнымъ нуждамъ. Его добродѣтели шли въ своемъ тѣсномъ кругу, не останавливаясь, не оставляя пустоты; и наивно Господь нашелъ, что его единственный талантъ былъ хорошо употребленъ.»

Чье имя окажется теперь блистательнѣе, богатаго ли герцога Квинсберрійскаго, или остряка Сельвина, или бѣднаго врача Леветта?

Я полагаю, что старикъ Джонсонъ (и не простимъ ли мы Джемсу Босвеллу нѣкоторыя заблужденія за то, что онъ набальзамировалъ его для насъ?) былъ великою опорой Британской монархіи и церкви въ прошлое столѣтіе, лучше нежели весь рядъ епископовъ, лучше нежели Патты, Норты, даже самъ великій Боркъ. Джонсона слушалъ народъ: его огромный авторитетъ привлекалъ народъ къ чувству вѣрнопопданства, и стыдомъ изгонялъ изъ него безвѣріе. Когда Георгъ III разговаривалъ съ нимъ и народъ слышалъ доброе мнѣніе великаго автора о королѣ, цѣлыя поколѣнія присоединялись къ королю. Къ Джонсону питали благоговѣніе какъ къ оракулу, и этотъ оракулъ объявилъ себя въ пользу церкви и короля. Какую гуманностью отличался старикъ! Онъ добродушно раздѣлялъ всѣ благородныя удовольствія: былъ свирѣпымъ врагомъ всякаго грѣха, но кроткимъ противникомъ грѣшниковъ. «Что, ребята, или вы затѣяли какую-нибудь потѣху?» восклицаетъ онъ, когда Тофамъ Бьюклеркъ приходитъ и будитъ его въ полночь: «я съ вами». И онъ отправляется, кое-какъ напяливъ свое простое старое платье и шляется по Ковентъ-Гардену съ молодыми проказниками. Онъ хаживалъ въ Гарриновъ театръ и имѣлъ «доступъ за кулисы». «Всѣ актрисы, говоритъ онъ, знали меня и дѣлали мнѣ книксенъ, проходя на сцену». Изъ

этого вышла бы премиленькая картинка; эта миленькая картинка въ моемъ воображеніи, — юность, сумасбродство, веселость, подъ нѣжнымъ наблюденіемъ сострадательныхъ и чистыхъ взоровъ мудрости.

Георгъ III и его королева жили въ домѣ, незатѣйливо выстроенномъ, но изящнаго вида, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ отвратительная груда, подъ которою обитаетъ его внучка (1). Мать короля жила въ Карльтонскомъ дворцѣ, который современныя гравюры представляютъ совершеннымъ раемъ, съ садомъ, съ щегольскими лужайками, съ зелеными аркадами, съ рядами классическихъ статуй. Она всѣмъ этимъ восхищалась вмѣстѣ съ лордомъ Бьютомъ, у котораго былъ прекрасный, классическій вкусъ; иногда толковала она о дѣлахъ, иногда пила престо чай въ этихъ пріятныхъ зеленыхъ бесѣдахъ, съ этимъ важнѣшимъ вельможей. Бьютъ былъ ненавидимъ съ яростію, которой мало бывало примѣровъ въ англійской исторіи. Онъ былъ мишенью всеобщихъ ругательствъ; на него было направлена дьявольская злоба Уилькса, кровавая сатира Черчила, брань черни, которая жгла сапогъ, его эмблему, въ тысячѣ петъшинныхъ огней; чернь ненавидѣла его за то, что онъ былъ фаворитъ и Шотландецъ, называла его *Мортимеромъ* и *Лотаріо*, не знаю ужъ еще какими именами, и обвиняла его повелительницу, королеву, во всѣхъ возможныхъ преступленіяхъ, — ее, серьезную, степенную, худощавую, пожилую женщину, которая навѣрное была не хуже своихъ ближнихъ. Чатамъ, своею краснорѣчивою злостію, усиливала народное чувство противъ нея. Онъ нападалъ въ палатѣ лордовъ на то «тайное вліяніе, которое было могуществомъ самаго трона и которое обивало съ пути и затрудняло администрацію.» Самые свирѣпыя памфлеты повторяли слова «предать суду мать короля», наваракасы на каждой стѣнѣ въ сосѣдствѣ дворца, какъ разказываетъ намъ Вальполь. Чтѣ она сдѣлала? Чтѣ сдѣлалъ Фредрикъ, принцъ Валлійскій, отецъ Георга, что его такъ ненавидѣлъ Георгъ II и что о немъ никогда не упоминалъ Георгъ III? Не будемъ искать камней, чтобы бросать ихъ на эту забытую могилу, но согласимся съ современною эпитафіей надъ ней:

«Здѣсь лежитъ Фредъ, который былъ живъ, а теперь умеръ. Я желалъ бы болѣе, — чтобы умеръ его отецъ. А еще бы лучше

(1) Бакингамскій дворецъ. *Прим. перес.*

еслибъ умеръ его братъ. Еслибъ умерла его сестра, никто бы не пожалѣлъ о ней. Еслибы весь родъ, тѣмъ бы лучше для народа. Но такъ какъ умеръ только Фредъ, который былъ живъ, а теперь вотъ умеръ, то нечего больше и говорить.»

Вдова, окруженная восьмерыми дѣтьми, благоразумно примирилась съ королемъ и приобрѣла довѣріе и доброжелательство старика. Хитрая, жестокая, повелительная, ограниченная женщина, она воспитывала своихъ дѣтей по своему разумѣнію и говорила о старшемъ сынѣ, какъ о тупомъ и добромъ мальчикѣ. Она держала его очень строго, держала его въ тугонаткнутой уздѣ: у ней были престранные предрассудки. Его дядя, толстый Комберлендъ, однажды снялъ саблю со стѣны и обнявши ее, чтобы позабавить ребенка — мальчикъ отступилъ назадъ и поблѣднѣлъ. Комберлендъ почувствовалъ благородное оскорбленіе: «Чего, должно-быть, они не наговорили ему обо мнѣ!» сказалъ онъ.

Ханжество и ненависть матери наследовалъ онъ вмѣстѣ съ храбрымъ упорствомъ своего рода; но онъ твердо вѣрилъ тамъ, гдѣ отецъ и дѣдъ его были вольнодумцы; онъ былъ истинною и любящею опорой церкви, которой былъ защитникомъ по титулу. Какъ всѣ другіе недалекіе люди, король всю жизнь былъ подозрителенъ къ людямъ, которые были умнѣе его. Онъ не любилъ Фокса, Рейнольдса; онъ не любилъ Нельсона, Чатама, Борка; онъ упорно отвергалъ всѣ изобрѣтенія, и подозрѣвалъ всѣхъ изобрѣтателей. Онъ любилъ посредственности; Бенджаминъ Уэстъ былъ его любимый живописецъ; Битти его поэтъ. Король жалѣлъ не безъ пагоса, въ послѣдствіи, что его воспитаніе было небрежно. Тупой мальчикъ воспитывался ограниченными людьми. Умнѣйшіе на свѣтѣ воспитатели, вѣроятно, не много могли бы расширить этотъ малый разумъ, хотя можетъ-быть улучшили бы его вкусы, и внесли бы въ его понятія нѣкоторое благородство.

Но онъ многимъ восхищался сколько могъ. Нельзя сомнѣваться, что письмо, написанное маленькою принцессой Шарлоттой Мекленбургъ-Стрелицкою, письмо, содержащее въ себѣ самыя слабые общія мѣста объ ужасахъ войны и самыя тривиальныя замѣчанія о блаженствѣ мира, сильно поразило молодого монарха и заставило его предложить молодой принцессѣ раздѣлить его тронъ. Я пропускаю исторію его юношеской любви, не буду говорить объ Аннѣ Лейтфутъ, квакершѣ, на которой, говорятъ, онъ дѣйствительно былъ женатъ (хотя я не знаю, видѣлъ ли кто когда-

нибудь брачное свидѣтельство),—предѣстной чернобровой Сарѣ Ленноксъ, о красотѣ которой Вальполь писалъ съ восхищеніемъ, и которая часто ожидала молодаго принца на лугу Голландъ-Гауза. Онъ вздыхалъ и томился, но уѣхалъ прочь отъ нея. Ея портретъ еще виситъ въ Голландъ-Гаузѣ,—великолѣпное произведеніе Рейнольдса, живопись, достойная Тиціана. Она глядитъ изъ окна замка, держа птичку въ рукѣ, на черноглазого молодаго Чарльза Фокса, своего племянника. Королевская птица улетѣла отъ хорошенькой Сары. Она провожала къ вѣнцу свою маленькую мекленбургскую соперницу, и умерла въ наше время скромною старушкой, которой довелось быть матерью геройскихъ Напировъ.

Говорятъ, что маленькая принцесса, которая написала прекрасное письмо объ ужасахъ войны,—чудесное письмо безъ малѣйшей помарки, за которое она получила вознагражденіе какъ героиня въ азбучной сказкѣ,—однажды играла съ своими молодыми подругами въ Стрелицкомъ саду, и что разговоръ молодыхъ дѣвицъ, странно сказать, шелъ о мужьяхъ. «Кто возьметъ такую бѣдную принцессу, какъ я?» сказала Шарлотта своей пріятельницѣ Идѣ фонъ-Бюловъ, и въ эту самую минуту зазвучалъ рогъ почтальйона, и Ида сказала: «Принцесса! вотъ женихъ.» Какъ она сказала, такъ и вышло. Почтальйонъ привезъ письмо отъ молодаго великолѣпнаго короля Англіи, который говорилъ: «Принцесса! такъ какъ вы написали такое прекрасное письмо, которое дѣлаетъ честь вашему уму и сердцу, то пріѣзжайте и будьте королевой Великобританіи, Франціи и Ирландіи, и вѣрною супругой вашего покорнаго слуги Георга!» Она запрыгала отъ радости, побѣжала на верхъ, уложила свои чемоданчики, и прямо отправилась въ свое королевство, въ прекрасной яхтѣ, гдѣ были клавикорды, на которыхъ она могла играть; вокругъ нея красовался великолѣпный флотъ, весь покрытый флагами и вымпелами, а знаменитая мадамъ Ауербахъ пріѣтствовала ее одой, переводъ которой можно прочесть въ *Gentleman's Magazine*:

«Ея великолѣпный флотъ черезъ океанъ теперь прокладываетъ свой влажный путь. Избранная свита нимфъ воздастъ должную почесть своей королевы. Когда Европу привезетъ Юпитеръ на благородный берегъ Крита, едва ли было оказано больше вниманія или больше почета.»

Они свидѣлись и обвѣнчались, и много лѣтъ вели они самую счастливую, простую жизнь, какую когда-либо вела супруже-

ская чета. Говорятъ, король сдѣлалъ гримасу, когда увидѣлъ свою некрасивую маленькую невѣсту; но какъ бы то ни было, онъ былъ вѣрнымъ и преданнымъ мужемъ, равно какъ и она была вѣрною и любящею женой. Они любили самыя простыя удовольствія, самыя невинныя и простыя контрадансы, на которые приглашалось паръ двѣнадцать, и честный король танцевалъ по три часа сряду на одинъ мотивъ; послѣ такого восхитительнаго удовольствія, они ложились спать безъ ужина (придворные много ворчали на это отсутствіе ужина), и вставали рано утромъ, и можетъ-статься въ тотъ же вечеръ танцевали опять; или королева играла на шпинетѣ,—она играла изрядно, говоритъ Гайдентъ,—или король читалъ ей *Spectator*, или можетъ-быть какую-нибудь проповѣдь Огдена. О Аркадія! Вотъ была жизнь-то! Прежде при дворѣ, по воскресеньямъ, былъ большой пріемъ; но молодой король прекратилъ это, какъ прекратилъ все это безбожное картежничество, о которомъ мы упоминали. Не то чтобы Георгъ былъ врагъ невинныхъ удовольствій, или удовольствій, которыя считалъ невинными. Онъ былъ покровителемъ искусствъ, по своему; добрѣ и любезенъ къ художникамъ, которыхъ удостоивалъ своей милости, и уважалъ ихъ призваніе. Онъ хотѣлъ даже установить орденъ Минервы за литературныя и ученые заслуги; кавалеры должны были считаться по разряду вслѣдъ за кавалерами ордена Бани, и носить ленту соломеннаго цвѣта, и звѣзду шестнадцати-угольную. Но между *literati* поднялся такой шумъ о томъ, кого слѣдуетъ наградить, что планъ былъ оставленъ, и Минерва съ своею звѣздой никогда не являлась между нами.

Онъ не допустилъ расписать церковь Св. Павла, ненавиди обычай папистовъ; вслѣдствіе того, самыя неуклюжія языческія изваянія украшаютъ теперь это зданіе. Къ счастью, впрочемъ, что живопись не была допущена, потому что живописи и рисованье ужасно были нездоровы въ концѣ послѣдняго столѣтія; гораздо ужъ лучше для нашихъ глазъ смотрѣть на бѣлую известь, когда мы сводимъ ихъ съ пастора, нежели смотрѣть на масляныя картины Опи, или на отвратительныхъ чудовищъ Фюзели. Однако есть одинъ день въ году, день, когда старый Георгъ любилъ всѣмъ сердцемъ бывать тамъ, и когда, по моему убѣжденію, соборъ Св. Павла представляетъ великолѣпнѣйшее зрѣлище въ цѣломъ свѣтѣ, — когда пять тысячъ воспитанниковъ приходскихъ училищъ, съ щечками, похожими на букеты, и съ нѣжными, свѣжими голосами, поютъ

гнннъ, отъ котораго каждое сердце трепещетъ хвалою и счастиемъ. Я присутствовалъ при многихъ величественныхъ зрѣлищахъ на свѣтѣ, видѣлъ коронаціи, разныя парижскія великолѣпія, открытіе кристальнаго дворца, капеллу папы съ дливною процессіей кардиналовъ и съ дребезжащими хоромъ толстыхъ сопрано, но во всемъ христіанскомъ мірѣ нѣтъ такого зрѣлища, какъ день воспитанниковъ приходскихъ училищъ. *Non Angli, sed angeli.* Когда посмотришь на эту прелестную толпу невинныхъ созданій, да когда раздастся первый звукъ, право, подумаешь, что поютъ херувимы.

Церковную музыку король всегда любилъ, избличая знаніе ея и какъ критикъ, и какъ исполнитель. Много исторій, забавныхъ и трогательныхъ, разказываютъ о томъ, какъ онъ велъ себя въ концертахъ, которые самъ устраивалъ. Разъ, когда ужъ онъ былъ слѣпъ и боленъ, онъ выбиралъ старинную музыку для концертовъ; и музыка, и слова выбраны имъ были изъ *Samson Agonistes*, и относились къ его слѣпотѣ, къ его заточенію, къ его печали. Онъ билъ тактъ ногами, когда пѣли аніимъ въ королевской капеллѣ. Если пажъ, стоявшій внизу, разговаривалъ или былъ невнимателенъ, сверху падалъ свертокъ ноть на напудренную голову шалуна. Театръ доставлялъ королю большое наслажденіе. Епископы и духовенство посѣщали театръ, думая, что не стыдно показываться тамъ, гдѣ бываетъ добрый король. Говорятъ, онъ не очень любилъ Шекспира, или вообще трагедію; фарсы и пантомимы—вотъ была его радость; особенно, когда паяцъ глоталъ морковь или сосиски, онъ хохоталъ такъ ужасно, что прелестная принцесса, сидѣвшая съ нимъ, говорила: «Всемиловѣйшій государь, успокойтесь.» Но онъ продолжалъ хохотать надъ самыми ничтожными фарсами, пока его скудный умъ еще оставался при немъ.

Въ этой простой жизни въ первые годы царствованія короля, по мнѣ, есть что-то чрезвычайно трогательное. Пока была жива его мать—она жила лѣтъ двѣнадцать послѣ его бракосочетанія съ маленькою артисткой на шпинетѣ,—онъ былъ высокій, застѣнчивый, неуклюжій юноша, подъ опекой своей строгой родительницы. Она была умная, властолюбивая, жесткая женщина. Она держала свою семью въ уединеніи и мракѣ, не довѣряя почти никому, кто приближался къ ея дѣтямъ. Видя, однажды, молодаго герцога Глостерскаго молчаливымъ и печальнымъ, она рѣзко спросила его о причинѣ его молчаливости. «Я думаю,» сказалъ бѣдный ребенокъ.—«Думаюте,

оаръ? а о чемъ?» — «Я думаю, что если у меня когда-нибудь будетъ сынъ, то я не сдѣлаю его такимъ несчастнымъ, какимъ вы сдѣлали меня.»

Другіе сыновья были всѣ кутилы, кромѣ Георга. Каждый вечеръ покорные Георгъ и Шарлотта дѣлали визитъ матери въ Карльтонскомъ дворцѣ. У нея была болѣзнь въ горлѣ, отъ которой она умерла; но до самаго конца она непремѣнно хотѣла ѣздить по улицамъ, показывать, что она жива. Наканунѣ смерти, мужественная женщина разговаривала съ сыномъ и невѣсткой, по обыкновенію; легла спать, и утромъ найдена мертвою. «Георгъ, будь королемою!» вотъ слова, которыя она вѣчно каркала въ уши своему сыну: и простой, упрямый, добровердечный, набожный человѣкъ старался быть королемою.

Онъ дѣлалъ, что могъ; онъ работалъ по силѣ своего разумѣнія; какую добродѣтель доводилось ему узнать, ту онъ и старался практиковать; какое знаніе въ силахъ онъ былъ одолѣть, то и старался онъ приобрести. Напримѣръ, онъ вѣчно чертилъ ландкарты и изучалъ географію съ немалымъ стараніемъ и прилежаніемъ. Онъ зналъ исторію и генеалогію всѣхъ фамилій своего дворянства, — и славныя, должно-быть, то были исторіи. Онъ зналъ всѣ имена въ своей арміи, и обшлага, и точное число пуговицъ, и всѣ позументы, и фасонъ всѣхъ трехугольных шляпъ, косъ и штиблетъ. Онъ зналъ весь личный составъ университетовъ; какіе доктора были наклонны къ соціалінизму, и кто были здравые теологи, державшіеся ученія господствующей церкви; онъ зналъ этикетъ своего двора и двора своего дѣда до мелочей, онъ зналъ наималѣйшія подробности въ рутинѣ министерствъ, секретарей, посольствъ, аудиенцій; онъ зналъ самаго ничтожнаго пажу въ передней, самаго послѣдняго прислужника на конюшнѣ или на кухнѣ. Эти части королевскаго дѣла онъ способенъ былъ изучить, и изучилъ. Но когда подумаешь о долгѣ почти божественномъ, какой только можетъ лежать на смертномъ, — когда подумаешь, что вотъ человѣкъ, имѣвшій притязаніе контролировать помыслы, направлять вѣру, требовать полнѣйшаго повиновенія отъ милліоновъ людей, посылать ихъ на войну за свою обиду или ссору, и предписывать: такъ-то, де, вы должны торговать, такъ думать; вотъ эти, де, будутъ вашими союзниками, которымъ вы должны помогать, эти вашими врагами, которыхъ вы должны убивать по моей командѣ; такъ-то вы должны поклоняться Богу; — будемъ ли удивляться, что, когда такой человѣкъ, какъ Георгъ,

взять на себя подобную обязанность, кара и уничтоженіе постигли и народъ; и его главу?

Однако, въ его мужествѣ есть что-то величавое. Борьбу короля съ его аристократіей предстоитъ еще разказать историку, который будетъ смотрѣть на царствованіе Георга справедливейше нежели дрянные панегиристы, писавшіе тотчасъ послѣ его кончины. Онъ, опираясь на свой народъ, велъ войну съ Америкой. Онъ, вибѣтъ съ своимъ народомъ, отказалъ въ правосудіи римскимъ католикамъ; и въ обоихъ вопросахъ онъ поблѣ патриціевъ. Онъ подкупалъ, онъ обижалъ, онъ мрачно лицемѣрилъ при случаѣ; онъ отличался зыбкою настойчивостью и мстительною рѣшимостью, которымъ почти удивляешься, когда думаешь объ его характерѣ. Его мужество никогда не было побѣждено. Оно затоптало Норта: оно согнуло тугую шею младшаго Питта: даже болѣзнь не могла сломить этотъ неукротимый духъ. Какъ только мысли его прояснялись, онъ опять принимался за планъ, который отлагался, когда разсудокъ оставлялъ его: какъ только руки его освобождались отъ фуфайки, онъ брались за перо и за планъ, занимавшій его до самой минуты болѣзни. Мнѣ кажется, что болѣе половины притѣсненій совершается людьми, воображающими, что они поступаютъ справедливо. Въ такомъ убѣжденіи, алжирскій дей рубить по двадцати головъ въ одно утро; патеръ Доминикъ сожигаетъ двадцать жидовъ въ присутствіи архи-католическаго короля, а архіепископъ толедскій и саламанскій поютъ аминь. Протестантовъ жарили въ Мадридѣ, а іезуитовъ вѣшали и четвертовали въ Смитфилдѣ, колдуньи сожигались въ Салемѣ, и все это дѣлалось достойными людьми, которые были увѣрены, что поступаютъ какъ нельзя справедливѣе. Чтѣ касается до стараго Георга, то даже Американцы, которыхъ онъ ненавидѣлъ и которые его побили, могутъ отдать ему справедливость въ томъ, что онъ имѣлъ совершенно честныя побужденія притѣснять ихъ. Къ біографическому очерку лорда Норта, составленному лордомъ Брумомъ, приложены собственноручныя письма короля, которыя, чтѣ весьма любопытно, знакомятъ насъ съ настроеніемъ его мыслей. «Настоящее время требуетъ, говорить онъ, содѣйствія всѣхъ, кто желаетъ предупредить анархію. Я имѣю одно желаніе—благоденствіе моихъ владѣній; слѣдовательно, я долженъ смотрѣть на всѣхъ, кто не хочетъ искренно помогать мнѣ, какъ на дурныхъ людей и на дурныхъ подданныхъ.» Вотъ какимъ образомъ онъ разсуждалъ. «Я не желаю ничего кромѣ добра,

слѣдовательно всякій, кто не согласенъ со мною, — измѣнникъ и негодяй.» Вспомните, что онъ видѣлъ въ себѣ помазанника Божія; вспомните, что онъ былъ человекъ тупой и не вполне образованъ; что та же самая воля Неба, которая возложила на него корону, которая создала его нѣжнымъ для семьи, безукоризненнымъ въ жизни, мужественнымъ и честнымъ, что она же отказала ему въ ясныхъ понятіяхъ, дала ему упорство и повременамъ лишила его разсудка. Онъ былъ отцомъ своего народа, а непослушныхъ дѣтей надо розгами приводить къ повиновенію. Онъ былъ защитникомъ протестантской вѣры; онъ считалъ лучше положить на плаху ту или другую гордую голову, нежели допустить католиковъ къ участию въ правленіи Англіей. И не думаете ли вы, что мало найдется во всѣхъ странахъ міра честныхъ изувѣровъ, которые всегда рады помогать властителямъ въ политикѣ такого рода? Безъ всякаго сомнѣнія, американская война была популярна въ Англіи. Въ 1775, адресъ въ пользу понужденія насильственными мѣрами колоній былъ принятъ 304 голосами противъ 105 въ нижней палатѣ, 104 противъ 29 въ палатѣ лордовъ. Ну, что? развѣ не популярна? Такъ же была популярна отмѣна Нантскаго эдикта во Франціи; такъ была популярна рѣзня Варооломеевская; инквизиція была чрезвычайно популярна въ Италіи.

Войны и революціи составляютъ, впрочемъ, спеціальность политическаго писателя. Не хочу дѣлать предметомъ легкаго очерка великія событія этого долгаго царствованія, а также государственныхъ людей и ораторовъ, прославившихъ его. Возвратимся къ нашему болѣе скромному предмету, къ придворнымъ сплетнямъ. Въонъ сидитъ наша маленькая королева, окруженная мужественными сыновьями и прелестными дочерьми, которыхъ она родила своему вѣрному Георгу. Исторія дочерей, какъ изобразила ихъ намъ маленькая миссъ Бёрни, восхитительна. Онѣ были хороши собой—она называетъ ихъ красавицами; онѣ были чрезвычайно добры, любящи, съ благородными манерами; онѣ были любезны со всѣми, и съ высокими, и съ низкими, — со всѣми, кто служилъ имъ. Онѣ имѣли много маленькихъ талантовъ. Одна рисовала, другая играла на фортепіано, всѣ работали ужасно много и снабдили цѣлый рядъ комнатъ—милая, смѣющіяся Пенелопы—работой своихъ трудолюбивыхъ иголочекъ. Когда мы представляемъ себѣ общество за восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, мы должны вообразить сотни тысячъ женскихъ группъ, въ большихъ высокихъ чепчикахъ, съ узенькими

галими, съ широкими подолами, сидящихъ за пальцами, между тѣмъ какъ одна изъ нихъ, а можетъ-статься какой-нибудь джентльменъ, съ косою, читаетъ обществу романъ. Загляните, напримеръ, въ Ольнейскій коттеджъ и посмотрите на мистрисъ Анвинъ и леди Гескетъ, на этихъ знатныхъ дамъ, на этихъ крохотныхъ, благочестивыхъ женщинъ, и на Уильяма Каупера, на этого тонкаго остряка, на этого тремещущаго шетиста, на этого утонченнаго джентльмена, читающаго дамамъ скандалезныя похощенія. Какая перемена въ нашихъ обычаяхъ, въ нашихъ забавахъ съ тѣхъ поръ!

Домашній бытъ короля Георга былъ образцомъ домашняго быта англійскаго джентльмена. Домъ его вставалъ рано по утрамъ, былъ добръ, былъ сострадателенъ, былъ во всемъ умѣренъ, былъ благоустроенъ, — да и скученъ же должно-быть былъ такъ, что Боже упаси! Не удивительно, что всѣ принцы бѣжали изъ нѣдръ этихъ скучныхъ домашнихъ добродѣтелей. Они всегда вставали, ѣдали, обѣдали въ положенные часы. Всѣ дни были одинаковы. Въ одинъ и тотъ же часъ, вечеромъ, король цѣловалъ полненькія щечки своихъ дочерей; принцессы цѣловали руку своей матери, а мадамъ Тильке приносила королеву ночной чепчикъ. Въ одинъ и тотъ же часъ шталмейстеры и статсдамы садились за свой обѣдецъ, и болтали за своимъ чаемъ. Король игралъ въ триктракъ или слушалъ концертъ вечеромъ; шталмейстеры звѣвали отъ смертельной скуки въ передней; или король съ своимъ семействомъ гулялъ по виндзорскимъ террасамъ, велъ за руку свою любимую маленькую принцессу Амелію; а народъ толпился около нихъ совершенно добродушно, и итонскіе воспитанники просовывали свои пухленькія щечки подъ локтями толпившихся; по окончаніи концерта, король непремѣнно снималъ свою огромную трехугольную шляпу, и кланялся музыкантамъ и говорилъ: «Благодарю васъ, господа.»

Болѣе спокойнаго домашняго быта, болѣе прозаической жизни, какъ въ Кью или въ Виндзоръ, нельзя вообразить. И въ дождь, и въ ведро, король каждый день прогуливался верхомъ по цѣлымъ часамъ; совалъ свое красное лицо въ сотни окрестныхъ коттеджей, и показывалъ эту загнутую шляпу и свой виндзорскій мундиръ фермерамъ, свинопасамъ, старухамъ, торговавшимъ яблочными пирожками, людямъ всякаго сорта, дворянамъ и простолюдинамъ, и обо всемъ этомъ разказываются безчисленныя исторіи. И что за исторіи! Когда Гарунъ

Альрашидъ навѣщаетъ инкогнито подданнаго, какъ бы, кажется, не ожидать тутъ калифскихъ щедротъ? Старый Георгъ не блисталъ королевскимъ великолѣпіемъ. Иногда онъ давалъ гинейю, иногда щупалъ въ карманахъ и не находилъ денегъ; часто дѣлалъ человѣку сто вопросовъ, велика ли его семья, какъ уродились овесъ и бобы, сколько онъ платитъ за наемъ своего дома, и вѣхалъ далѣе. Однажды онъ разыгралъ роль короля Альфреда: въ одномъ коттеджѣ онъ вздумалъ жарить кусокъ говядины, держа ее передъ огнемъ на веревочкѣ. Когда старуха пришла домой, она нашла бумажку съ деньгами и записку, написанную королевскимъ карандашомъ: «Пять гиней на покупку вертела.» Это было не великолѣпно, но ласково и достойно фермера Георга. Однажды, когда король и королева гуляли вмѣстѣ, они встрѣтили мальчика, — они любили дѣтей, добрые люди, — и погладили маленькую бѣлокурую головку. «Чей ты мальчикъ?» спросилъ виндзорскій мундиръ. «Я сынъ королевскаго скорохода,» отвѣчалъ ребенокъ. На это король сказалъ: «Такъ стань на колѣни, и поцѣлуй руку королевы.» Но невинная отрасль скорохода отказалась отъ этой чести. «Нѣтъ, сказалъ онъ, я не стану на колѣни, потому что запачкаю свои новые штаны.» Бережливый король обнял его, и тутъ же произвелъ въ рыцари. Поклонники Георга исписали много страницъ подобными исторіями о немъ. Въ одно утро, еще никто не вставалъ, какъ король пошелъ по улицамъ Глостера, столкнулъ Молли, служанку, которая мыла лѣстницу; побѣжалъ на верхъ и разбудилъ всѣхъ шталмейстеровъ, въ ихъ спальняхъ, а потомъ пошелъ къ мосту, гдѣ въ это время собралось съ десятокъ рабочихъ. «Это глостерскій новый мостъ?» спросилъ нашъ всемилостивѣйшій монархъ; а народъ отвѣчалъ ему: «Да, ваше величество.» «Ну такъ, ребята, сказалъ онъ: крикнемъ ура!» Даровавъ имъ, такимъ образомъ, интеллектуальную награду, онъ отправился домой завтракать. Наши отцы читали эти простые разказы съ нѣжнымъ удовольствіемъ; смѣялись надъ этими шуточками, любили старика, совавшаго свой носъ во всѣ коттеджи, который кушалъ простую вареную и жареную говядину, презирая французскіе соусы, и былъ настоящій старый англійскій джентльменъ. Вы можете-быть видѣли знаменитую гравюру Гильрея: портретъ въ старомъ парижѣ, въ старомъ неуклюжемъ виндзорскомъ мундирѣ, совершенный король Бробдиннагъ, который въ одной рукѣ держалъ маленькаго Гулливера, а въ

другой зрительную трубку, рассматривая въ нее Питмея! Наши отцы ставили Георга типомъ великаго короля; маленький Гулливеръ былъ великій Наполеонъ. Мы гордились нашими предрасудками; мы хвалились нашею нелѣпою суетною славой; мы были чудовищно несправедливы къ нашему врагу, относясь къ нему съ презрѣніемъ и насмѣшками; мы бились съ нимъ всякимъ оружіемъ, и геройскимъ, и негеройскимъ. Не было лжи, которой мы не повѣрили бы; не было обвиненія, которое не казалось бы справедливымъ нашему свирѣпому предубѣжденію. Я какъ-то думалъ собрать коллекцію неправдъ, которыя Французами написаны противъ насъ, а которыя мы написали противъ нихъ во время войны: вотъ бы странный памятникъ народной неправды.

Ихъ величества были очень общежительные potentаты. Придворный лѣтописецъ разказываетъ объ ихъ частыхъ выѣздахъ въ гости къ подданнымъ; тамъ они обѣдали; здѣсь, въ большомъ замкѣ, ночевали; тутъ, въ скромномъ домикѣ, пили чай съ бутербродомъ. Нѣкоторые изъ знатныхъ людей тратили огромныя суммы на угощеніе своего государя. Въ знакъ особенной милости, король и королева иногда крестили дѣтей у лордовъ. Мы видимъ, что леди Салисбери удостоена этой чести въ 1786 г.; а въ 1802, леди Честерфильдъ. Въ *Court News* разказывается, какъ миледи принимала ихъ величества на парадной постели, «одѣтая въ бѣлый атласъ со множествомъ кружевъ; одѣяло было бѣлое атласное, вышитое золотомъ, а постель изъ пунцово-агласа, подбитаго бѣлымъ.» Ребенка передала нянька сначала маркизѣ Батской, которая заняла мѣсто главной няни. Маркиза подала ребенка королевѣ. Королева подала милого крошку норвичскому епископу, который совершалъ крещеніе; а когда кончилась церемонія, графъ, ставъ на одно колѣно, подалъ его величеству чашку напитка, употреблявшагося на крестинахъ, на большомъ золотомъ подносѣ, лежавшемъ на широкой пунцовой бархатной подушкѣ. При такихъ интересныхъ колѣнопреклонныхъ церемоніяхъ, случались несчастія. Боббъ Додингтонъ, лордъ Малькомъ, очень толстый, пыхтѣвшій чело-вѣкъ, въ великолѣпномъ придворномъ платьѣ, долженъ былъ стать на колѣни, говорить Комберлендъ, и такъ онъ былъ толстъ, и такъ былъ затянутъ, что никакъ не могъ встать потомъ на ноги. «На колѣни, сэръ, на колѣни!» закричалъ камергеръ провинціальному меру, который долженъ былъ читать адресъ, но продолжалъ его стоя, «На колѣни, сэръ, на колѣни!»

кричатъ милордъ въ страшномъ испугѣ. «Я не могу!» говоритъ меръ обернувшись: «или вы не видите, что у меня деревянная нога?»

Въ *Дневникъ и Письма*хъ миссъ Берни, домашняя и придворная жизнь добраго стараго короля Георга и доброй старой королевы Шарлотты изложены ужасно длинно. Король вставалъ каждое утро въ шесть часовъ, и проводилъ два часа собственно для себя. Онъ не хотѣлъ, чтобы полъ въ его спальнѣ былъ устланъ ковромъ, и считалъ это извѣженностью. Около восьми часовъ, королева и королевская фамилія были всегда уже умыты и одѣты, и отправлялись въ капеллу короля. Въ корридорахъ не было огня; капелла была едва освѣщена; принцессы, гувернантки, шталмейстеры ворчали и подвергались простудѣ; но холодно ли имъ было, или жарко, они обязаны были являться, и дождливая или сухая, свѣтлая или мрачная была погода, добрый старый Георгъ всегда былъ на своемъ мѣстѣ.

Характеръ королевы представленъ у миссъ Берни во весь ростъ. Она была умная, самая благоприличная женщина; очень знатная леди въ торжественныхъ случаяхъ, довольно простая въ обыкновенной жизни; хорошо начитанная для того времени, высказывавшая остроумныя мнѣнія о книгахъ; скупая, но не несправедливая; вообще довольно ласковая къ своимъ подчиненнымъ, но непоколебимая въ своихъ понятіяхъ объ этикетѣ, и чрезвычайно сердившаяся, если ея служителямъ случалось занемочь. Она давала миссъ Берни скудное жалованье и заставляла бѣдную молодую дѣвушку вести такую жизнь, которая чуть не убила ея. Она всегда думала, что оказала этой дѣвицѣ величайшую милость, отнявъ у нея свободу, репутацію и достатокъ, и убивая ее тоской при этомъ скучномъ дворѣ. Онъ не былъ скученъ для самой королевы. Еслибъ она была служанкой, а не госпожой, она никогда не потеряла бы бодрости: она никогда не положила бы булавки не на свое мѣсто, ни на минуту не измѣнила бы своей обязанности. Она не была слаба, и не прощала тѣмъ, кто былъ слабъ. Она вела совершенно правильную жизнь, и ненавидѣла бѣдныхъ грѣшниковъ, съ озлобленіемъ, какимъ иногда отличается добродѣтель. Ей суждены были однако свои тяжкія испытанія, не только отъ дѣтей, но и отъ мужа, въ тѣ продолжительные дни, которые навсегда вѣроятно останутся покрытыми неизвѣстностью, тѣ дни, когда онъ былъ уже не совсѣмъ въ своемъ умѣ, когда съ его языка безостановочно лилась негѣпица и нескладица; она должна

была улыбаться и быть почтительною и внимательною, при нестерпимѣйшей скукѣ. Королева несла мужественно всѣ свои обязанности, требовала и отъ другихъ исполненія обязанностей. На придворныхъ крестинахъ, леда, державшая ребенка, устала и казалась нездоровою; принцесса Валлійская просила, чтобъ этой дамѣ позволено было сѣсть. «Пусть постоитъ,» сказала королева, смахивая табакъ съ своего рукава; она сама оставалась бы на ногахъ, эта рѣшительная старуха, еслибы должна была держать ребенка хоть до тѣхъ поръ, пока у него выростетъ борода. «Мнѣ семьдесятъ лѣтъ,» сказала королева толпѣ негодяевъ, остановившихъ ее портшезъ. «Я была пятнадцать лѣтъ англійскою королевою, и никогда не подвергалась оскорбленіямъ.» Безстрашная, суровая, неумолимая, маленькая королева! Я никакъ не удивляюсь, что ея сыновья взбунтовались.

Изъ всѣхъ лицъ, въ этой большой семейной группѣ, которая окружаетъ Георга и королеву, самая прелестная, какъ мнѣ кажется, любимица отца, принцесса Амелія, влекущая къ себѣ наше сочувствіе своею красотой, кротостью, раннею смертію и страстною нѣжностію, съ какою отецъ любилъ ее. Это была его фаворитка между всѣми дѣтьми, а изъ сыновей онъ любилъ больше герцога Йоркскаго. Берни рассказываетъ грустную исторію о бѣдномъ старикѣ въ Уемутѣ: съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ къ себѣ этого любимаго сына! Въ домѣ короля не было достаточнаго помѣщенія для принца, и отецъ выстроилъ передвижной домъ возлѣ своего, чтобы только его любезный Фредрикъ былъ къ нему поближе. Онъ не выпускалъ его руки все время, какъ сидѣлъ у него; онъ не говорилъ ни съ кѣмъ другимъ, не говорилъ ни о комъ другомъ, когда ожидалъ его къ себѣ. Разъ принцъ, такъ долго ожидаемый, остался только на одну ночь у отца. Онъ говорилъ, что на другой день у него было дѣло въ Лондонѣ. Скука двора испугала герцога Йоркскаго и другихъ взрослыхъ сыновей Георга III. А они привели въ ужасъ шталмейстеровъ и статсдамъ, весь этотъ скромный кружокъ, своею грубою веселостію и громкимъ разговоромъ. Не большимъ утѣшеніемъ служили королю сыновья его.

Но прелестная Амелія была его любимицей; и маленькая дѣвочка, лепечущая и улыбающаяся въ нѣжныхъ объятіяхъ этого стараго отца, является нѣжнымъ образомъ, на который пріятно посмотреть. У Берни есть семейная картина, которая

не понравится только человѣку безъ сердца. Она описываетъ послѣобѣденную прогулку королевской фамиліи въ Виндзоръ: «Это была дѣйствительно чрезвычайно-красивая процессія, говорить она:—маленькая принцесса, которой только что минуло три года, въ платьицѣ изъ прекрасной кисеи, въ чепчикѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ вѣромъ шла впереди, въ величайшемъ восторгѣ отъ этой церемоніи, оборачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, чтобы видѣть всѣхъ, когда она проходила; ибо всѣ гулявшіе прислонились къ стѣнѣ, чтобы дать свободный проходъ королевской фамиліи. За нею шли король и королева, радуясь радости своей маленькой любимицы. Старшая дочь короля опиралась на леди Елизавету Вальдегревъ, принцесса Августа шла подъ руку съ герцогиней Энкастеръ, принцессу Елизавету вела за ними леди Шарлотта Берти.» Должность считается выше званія, говорить Берни,—чтобъ объяснить, какъ случилось леди Елизаветѣ Вальдегревъ, камерюнгферъ, идти впереди герцогини;—«генералъ Бьюдъ, и герцогъ Монтегю, и майоръ Прайсъ, какъ шталмейстеръ, заключали процессію.» Такъ и видишь оркестръ, играющій свою старую музыку, солнце, сіяющее на счастливую вѣрнопопданную толпу, и освѣщающее древнюю зубчатую стѣну, великолѣпные вязы, и пурпуровые ландшафты, и яркій зеленый лугъ; королевскій флагъ опускается съ высокой башни, когда проходитъ старый Георгъ въ сопровожденіи всей своей фамиліи, предшествуемый очаровательною малюткой, которая ласкаетъ толпу своими невинными улыбками.

«Увидѣвъ мистриссъ Делени, король немедленно остановился поговорить съ ней; разумѣется, королева, и маленькая принцесса, и всѣ прочіе тотчасъ же остановились. Они разговаривали довольно долго съ этою милою старушкой; и въ это время король разъ или два обратился ко мнѣ. Я удивила взоръ королевы и замѣтила въ немъ маленькое удивленіе, но не замѣтила нимагѣйшаго неудовольствія на то, что я нахожусь тутъ же. Маленькая принцесса подошла къ мистриссъ Делени, которую она очень любитъ; она вела себя съ нею совершеннымъ ангельчикомъ. Потомъ, съ видомъ любопытства и припоминанія, обошла она позади мистриссъ Делени поглядѣть на меня. «Я боюсь, шепнула я, наклонившись,—что ваше королевское высочество не помните меня?» Отвѣтомъ ея была лукавая улыбка: она приблизилась, протянувъ губки, чтобы поцѣловать меня.»

Принцесса сама писала стихи, и есть премилыя жалобныя

строчки, приписываемыя ей, которыя гораздо трогательнѣе иныхъ, болѣе художественныхъ стихотвореній:

«Unthinking, idle, wild, and young,
I laughed, and danced, and talked, and sung:
And, proud of health, of freedom vain,
Dreamed not of sorrow, care, or pain:
Concluding, in those hours of glee,
That all the world was made for me.

«But when the hour of trial came,
When sickness shook this trembling frame,
When folly's gay pursuits were o'er,
And I could sing and dance no more,
It then occurred, how sad' twould be
Were this world only made for me.»

(Легкомысленная, праздная, сумазбродная и молодая, смѣялась я и танцевала, и болтала, и пѣла; и гордясь здоровьемъ, тщеславясь свободой, не думала о горѣ, заботахъ или печали: я полагала, въ эти радостные часы, что весь свѣтъ былъ созданъ для меня. Но когда настала часъ испытанія, когда болѣзнь потрясла это трепещущее тѣло, когда прекратилась сумасбродная веселость и я не могла уже ни пѣть, ни танцевать, тогда мнѣ пришло въ голову, какъ было бы грустно, еслибъ этотъ свѣтъ былъ созданъ только для меня.)

Бѣдняжка такъ и оставила этотъ свѣтъ—но прежде чѣмъ она умерла, несчастный отецъ ея пришелъ въ такое состояніе, что окружавшіе его сановники принуждены были приставить къ нему караулъ, и съ ноября 1810 года, Георгъ III пересталъ царствовать. Всѣмъ извѣстна исторія его болѣзни: во всей исторіи не найдется фигуры грустнѣе этого старика, слѣпаго и помѣшаннаго, бродящаго по комнатамъ своего дворца, обращающагося къ воображаемому парламенту, дѣлающаго смотръ мнимымъ войскамъ, принимающаго призракный дворъ. Я видѣлъ его портретъ, который былъ снятъ въ это время, портретъ, висѣвшій въ апартаментахъ его дочери, ландграфини Гессенъ-Гомбургской, между книгами и виндзорскою мебелью, и сотней нѣжныхъ воспоминаній объ ея англійскомъ домашнемъ бытѣ. Бѣдный старикъ, ея отецъ, представленъ въ пурпуровой одеждѣ, бѣлоснѣжная борода падаетъ на грудь его, и на ней свѣтится звѣзда его знаменитаго ордена. Онъ не только ослѣпъ, но и совершенно оглохъ. Весь свѣтъ, весь разумъ, всѣ звуки человѣческаго голоса, всѣ удовольствія Божіяго міра

были отняты у него. У него были иногда кроткія, ясныя минуты, и въ одну изъ нихъ королева, желая его видѣть, вошла въ комнату и застала его поющимъ гимнъ и аккомпанирующимъ себя на клавикордахъ. Кончивъ, онъ сталъ на колѣни и началъ громко молиться за нее, за своихъ дѣтей, потомъ за свой народъ, заключивъ молитвой за себя, чтобы Богъ избавилъ его отъ этого тяжкаго бѣдствія; а если нѣтъ, то даровалъ бы ему безропотную покорность. Потомъ онъ залился слезами, и рассудокъ его опять исчезъ.

Какой проповѣдникъ рѣшится пересыпать нравоченіями эту исторію? Какія нужны слова, кромѣ самыхъ простыхъ, чтобы разказать ее? Она слишкомъ ужасна, для того чтобы могли проливать слезы. Мысль объ этомъ бѣдствіи повергаетъ меня ницъ передъ Властелиномъ царей и людей, передъ верховнымъ Монархомъ имперій и республикъ, неисповѣдимымъ Дѣятелемъ жизни, смерти, счастья, побѣдъ. «О, братья! говорилъ я людямъ, собиравшимся слушать меня въ Америкѣ:—о, братья! говорящіе тѣмъ же самымъ роднымъ нашимъ языкомъ, о, товарищи! переставъ быть врагами, подадимъ другъ другу траурную руку, стоя у этого королевскаго трупа, и заключимъ перемиріе! Лежитъ тотъ, передъ кѣмъ преклоняли колѣна самыя гордые люди, брошенный ниже бѣднѣйшаго изъ бѣдныхъ; мертвъ тотъ, за кого миллионы молились напрасно. Онъ былъ совлеченъ съ престола, онъ былъ битъ грубыми руками; сыновья его возмутились, любимица его старости безвременно умерла прежде его; нашъ Лиръ прижимаетъ свои губы къ ея безжизненнымъ губамъ, и восклицаетъ: «Корделія, Корделія! постой немножко!»

«Vex not his ghost—oh! let him pass—he hates him
That would upon the rack of this tough world
Stretch him out longer!»

(Не мучьте его духъ—о! пусть онъ испуститъ его—тотъ врагъ ему, кто заставилъ бы его долѣе терпѣть пытку этого тяжкаго міра!)

Тише! Вражда и ссора, смолкните надъ торжественною могилой! Играйте, трубы, погребальный маршъ. Опустись, мрачная занавѣсь, на его великолѣпіе, на его гордость, на его горе, на его страшную трагедію!

КОНЕЦЪ ВПЕРЕДИ

I.

Нельцевъ кокетничалъ, называя свою деревню глушь, степь. Зеленыя Горки могли назваться прелестнѣйшимъ уголкомъ Россіи. Уздѣ былъ самый населенный. Усадьба обнесена бѣлымъ кирпичнымъ заборомъ, дворъ обсаженъ стриженными липами, два каменные флигеля стояли въ симметріи по угламъ. Деревянный, обшитый тесомъ и выкрашенный светлою краской домъ подымался высоко. Большой фундаментъ и глядѣвшія въ немъ окна изобличали хорошо устроенный подвалъ. Огромное парадное крыльцо, съ стеклянными стѣнами, командовало расположеніемъ двора; изъ воротъ въ другія ворота шла, мимо его, пескомъ усыпанная, широкая дорожка. Другое крыльцо дома прямо выходило въ садъ — и съ терассы, Боже мой! какой заманчивый, веселый видъ представлялся глазамъ... Это былъ собственно англійскій садъ; а за этою площадью главнаго цвѣтника съ боковыми клумбами шелъ уже садъ настоящій, и подъ нимъ было мѣрныхъ двадцать десятинъ.

— Стой! сказалъ Нельцевъ, когда кучеръ готовъ былъ своротить съ дороги въ бокъ, гдѣ видѣлись развѣсистыя березы проспекта: — Стой...

когда плохой годъ выпадетъ, ништо! уберутся. А то и тагъ совсѣмъ пропадетъ послѣ. Весь хлѣбъ подъ дождемъ пропадетъ. Сто пять десятинъ въ полѣ, шутка ли? Поди-ка, уберихъ при двѣсти душахъ; опять же тяголь у васъ не Богъ знаетъ что! Климъ-то Карповъ у васъ староста... одво слово сказать, староста важный; да ужъ больно земли много, ничего не подѣлаешь.

— Да ужъ это такъ, отрывочно произнесъ Нельцевъ, и сквозь глотокъ чаю, казалось, ожидалъ, чтобы слетѣло какое-нибудь вдохновеніе отвѣтить дворнику не совсѣмъ не впопадъ. — Это такъ!—онъ отвѣчалъ какъ-то нѣдвое, приноравливаясь къ отвѣтамъ Пиеи:—оно лучше и меньше, да чтобъ хорошо...

— И меньше, да чтобъ хорошо было! — вотъ это истинная ваша правда, Иванъ Александрычъ! отвѣтилъ мужикъ.—Такъ, такъ! какъ есть, справедливо сказать изволили. Вотъ теперь хотъ бы у Петра Иваныча, у Горихвостова, и всего-то поля семьдесятъ пять десятинъ, а что хлѣба снимаютъ!.. одно слово, страсть глядѣть, какъ скирдовъ наставить. Оно, говорить, хотъ у меня подъ засѣвомъ и мало, да было бы на гумнѣ много. Чѣмъ, говорить, мнѣ на вѣтеръ высѣять, не трожь лучше въ амбарѣ полежить; а то-есть какое ужъ онъ взялъ поле въ руку, такъ такой хлѣбъ родится,—и не роди мать на свѣтѣ, говорятъ бабы, какъ жнитво подойдетъ. А мы бы вамъ Иванъ Александрычъ хорошую цѣну дали?

— А много вамъ нужно земли? спросилъ Нельцевъ, рѣшительно подумавъ, что нужно же спросить что-нибудь.

— Оно хотъ и немного, отвѣчалъ хозяинъ, видимо довольный, что попалъ наконецъ въ цѣль,—а все десятинъ двадцать взяли бы. И то-есть дѣло-то бы какое, Иванъ Александрычъ, сдѣлали!—одно слово, знатное дѣло. Вашему мужичку, точно надо говорить, трудно; ничего не подѣлаешь: земли много. А цѣну бы мы дали хорошую.

«Это вѣдь однакожъ такъ, подумалъ Нельцевъ: если со всею не управятся, лучше отдать Ильѣ Трофимову, а онъ хорошую цѣну дастъ.»—Ну, а много ль дадите? спросилъ Нельцевъ.

— А вотъ какъ, Иванъ Александрычъ, спохватился мужикъ,—противъ насъ, то-есть тебѣ, баринъ, никто того не дастъ что Ильѣ Трофимовъ за землю дастъ. И то еще скажу! вонъ оно поле-то какъ идетъ (и онъ указалъ въ окошко), вонъ оно какъ есть вокругъ усадьбы забираетъ, и туда, туда, вонъ, звась.

куда пойдетъ. Вонъ, бережничекъ-то виднѣется, къ самымъ Гусинымъ-Лапкамъ подойдетъ поле! Такъ (и онъ оторвался отъ окна) хоть ужь мнѣ на самомъ уголышкѣ отпустите двадцать-то десятинъ, я и на томъ благодаренъ буду. Это—что Гусиное-Болотце зовется. Ужь извѣстное дѣло, хозяину-то поле дорого, что къ усадьбѣ подошло. Ну, такъ я самый бы уголокъ взялъ. Когда еще вашъ мужичокъ туда доѣхалъ бы...

«Удивительно! подумалъ Нельцевъ: я все вотъ досихъ поръ сидѣлъ въ городѣ! А тутъ вотъ не успѣлъ въ имѣнье въѣхать, какія выгодныя аферы сами въ руки плывутъ!»

Маленькій шумъ послышался за перегородкой. Тотчасъ же Гриша внесъ штофъ со сливками, а Джонъ не могъ вытерпѣть, и тутъ же, какъ-то радостно улыбаясь, сообщилъ своему барину: «Нашъ староста, Иванъ Александрычъ, пріѣхалъ, Климы Карпычъ!.. Онъ тутъ-съ...» Оказалось, что появленіе на деревнѣ за сливками надѣлало тревоги. «Баринъ пріѣхалъ!» пронеслось по всей деревнѣ, и староста Климы Карповъ, поймавъ у себя на огородѣ кривую кобылу, сломя голову полетѣлъ къ постоялому двору.

Встрѣча его съ моимъ героемъ была не менѣ замѣчательна.

Отворилась дверь перегородки; Нельцевъ уже хотѣлъ предупредить своего Клима какимъ-нибудь любезнымъ привѣтствіемъ; этотъ, и не глядя на него, сталъ искать образа, очень разстановочно и долго творилъ три крестныя знаменія. «Хлѣбъ да соль, Иванъ Александрычъ! сказалъ онъ: — наконецъ дождались вашей милости! А я ужь съ самаго Николы хоромы отворилъ, и каждый день съ Степаномъ садовникомъ окошки раскрывать ходили. Въ самую пахату бабами и горницы вымылъ.

— Ну, ну, вотъ... и пріѣхалъ! не слишкомъ складно отвѣтилъ Нельцевъ, готовый, бывало, хоть въ парламентѣ произносить рѣчи, но теперь совершенно затруднявшійся сказать привѣтствіе, болѣе или менѣ приличное обстоятельству.—Ты теперь, Климы, вѣдь я помню... да, да, помню, какъ ты еще отцу служилъ—точно! Помню; теперь уже ты вотъ не одинъ будешь тутъ за меня работать, вотъ я и самъ хочу заниматься.

— То мы и рады, Иванъ Александрычъ. Какъ вашей милости угодно, Иванъ Александровичъ, кланяясь отвѣчалъ Климы.

— Да, да, мнѣ Нельцевъ губами.—Что жъ? я и самъ хочу

работать. Вѣдь у всѣхъ своя работа... и всякій работать непременно долженъ...

— Оно точно-съ, заговорилъ старикъ,—мнѣ ужь семой десятокъ, Иванъ Александрычъ, ну развѣ не доглядишь когда; а то грѣхъ на кого сказать; кажется, работаютъ по силѣ, Иванъ Александрычъ... ну, когда и полъзится, можетъ-быть, одинъ-другой, бываетъ... не безъ того; а грѣхъ сказать на кого, работаютъ по силѣ. Бываетъ, не доглядишь... мнѣ ужь семой десятокъ...—И Климъ низко поклонился.

— Нѣтъ, я не то, пуще растерявшись, сказалъ мой ораторъ:— я... я, Климъ Карповъ (и онъ сорвалъ коротко), очень тобой доволенъ. А я хочу только сказать, что не все же тебѣ за меня работать, а мнѣ на печи лежать.

И Нельцевъ засмѣялся, видимо довольный, что наконецъ такъ по-русски и понятно выразился. Тогда Климъ Карповъ улыбнулся, и чтó только было въ свѣтанцѣ, все стало тоже улыбаться.

— Ну да, продолжалъ ободрившись общимъ привѣтомъ Нельцевъ:—вотъ теперь и я начну работать. Во все, во все буду самъ входить, самъ буду вездѣ.

— То и хорошо, Иванъ Александрычъ, коли вездѣ самимъ быть, разумно подтвердилъ Климъ.

— Ну, а какъ же теперь работы? вдругъ спросилъ Нельцевъ,—работы-то какъ? повторилъ онъ, ужь какъ-то нерѣшительно.—Чтó самыя работы?—И очевидно ему хотѣлось спросить о чемъ-то опредѣлительнѣе, но онъ не умѣлъ.

— Теперь, знакомое дѣло, пахота давно кончилась, Иванъ Александрычъ, сталъ отвѣчать Климъ:—грѣхъ на кого указать! Оно точно, противъ сосѣдскихъ, все мы, выходить, замѣшались; немножко хотъ и запоздали, а все къ сроку убрались. Опять же нонче, сами знаете, отъ самаго Егорья какая мокреть была, лѣтошній-то годъ до сохи за двѣ недѣли по всѣмъ дорогамъ ѣзда была, а нонче...

— Такъ значить, пахота кончилась? спросилъ Нельцевъ:—ну это хорошо, Климъ!

Климъ очень низко поклонился и продолжалъ:

— Ну, а теперь, какъ ваша милость прикажетъ? Ужъ теперь вы сами здѣсь: намъ у васъ спросить приходится. Я-то хотѣлъ всей барщиной навозъ возить,—или на половину прикажете? А то лѣтошній годъ такъ же вотъ у Павла Васильича, у Зыбловскаго барина, запоздали, да по взмету и сѣяли; такъ

и не удвоили. На половину-то лучше: скорѣй бы подѣ озимъ вспахали, а скородить еще погодили бы. А то нонче трава-то и теперь ужь совсѣмъ поспѣла, къ Петрову-то дню, гляди, и сѣна не возьмешь: совсѣмъ выжжетъ. То-то, значить, съ покосомъ убрались бы, какъ оно лучше по времени, тогда ужь и за двойку приниматься.

«Какое это однакожъ мученье» признался самъ себѣ Нельцевъ, «толковать о дѣлѣ, въ которомъ рѣшительно ничего не смыслишь.»—Ну да, продолжалъ онъ вслухъ,—все, все это, Климъ Карповъ, мы съ тобой потомъ рѣшимъ. Тогда вотъ, какъ прїѣду, обгляжусь на мѣстѣ, все это мы и сговоримся съ тобой... Ну, а теперь... вотъ спасибо, спасибо, что прїѣхалъ сейчасъ же, какъ только что услыхалъ, что твой баринъ прїѣхалъ... Какъ же я помню? Ты вѣдь еще и у отца-то ужь давно служилъ...

Черезъ нѣсколько минутъ, вся дворня постоялаго двора сопровождала Нельцевана крыльцо. Джонъ взбирался на козлы, щенокъ визжалъ подѣ лошадьми; наконецъ деревенскій экипажъ Нельцева поѣхалъ къ проспекту. Сзади тряслась фигура Клима Карпова на кривой кобылѣ... И вотъ, съ двухъ сторонъ, въковыя березы уже приняли Нельцева на проспектѣ въ свою свѣжесть; вотъ, по деревенской плотинѣ, осторожно ѣдетъ тройка; прудъ налѣво, прудъ направо, и деревня идетъ съ своими соломенными крышами, одоньями, амбарушками, яблоньками, плетнями, ребятишками и голубями. Вотъ опять что-то въ родѣ проспекта: дужайка, огороженная не заборомъ, а столбиками, со сквозными перекладинами, вотъ и весь домъ сталъ на лицо съ своею зеленою крышей, пространными окнами бель-этажа и причудливыми фигурами на карнизахъ. Въ ворота бѣлаго забора въѣхала тройка. Липы, все тѣ же круглыя, пышныя липы, сторожатъ дворъ, покрытый густою, сочною травой, съ двумя бѣлыми олигелками по угламъ; и такъ свѣтло свѣтитъ полуденное солнце! Весь оркестръ—и пчелъ, привлекаемыхъ медовыми листьями липъ, и шмелей, грѣющихся по стѣнамъ деревяннаго дома, и стрекозъ,—вся атмосфера какого-то роскошнаго тепла съ испареніями липъ, и травъ, и оттуда, изъ сада, съ запахомъ и резеды, и сирени, наподняетъ будто чѣмъ-то фантастическимъ и давно знакомымъ этотъ дворъ.

Но и тогда, какъ мой герой только подѣзжалъ сюда, и теперь, когда ужь онъ всходилъ по ступенямъ въ стеклянныя

сѣни своего параднаго крыльца, въ головѣ у него все еще мелькала та странная, безотвязная мысль: «какъ это, однакожъ, въ деревнѣ не случилось сливокъ въ позднюю весну, въ раннее лѣто?»

II.

Всѣ первые три дни прошли для Нельцева въ мелочныхъ приуровненіяхъ кабинета, въ переноскѣ вещей (въ томъ числѣ одной орѣховой секретерки, которая была найдена гдѣ-то въ кладовой), въ *far-niente*. Хотя староста, Климъ Карповъ, еще на постояломъ дворѣ отъ вѣбжавшаго только въ свои владѣнія Нельцева уже получилъ приказаніе по нѣскольку разъ на дню являться къ нему съ докладами, однакожъ онъ хорошо понялъ, что на первыхъ порахъ барину не до старосты. Хоть аккуратно онъ являлся по утру, когда Нельцевъ пилъ чай, и ввечеру, когда чай пилъ Нельцевъ; но ничѣмъ особенно не тревожилъ; сказывалъ, что, молъ, тѣмъ-то вотъ и тѣмъ онъ распорядился—и съ этой стороны Нельцевъ былъ очень доволенъ Климомъ.

Нельцевъ, бродя теперь по заустѣлымъ комнатамъ своего дома и по саду, перелистывалъ, кажется, всю исторію своего дѣтства. Въ *зеркальной* стояли опустѣлыя тѣ же тростниковыя лѣсенки и корзины для цвѣтовъ, въ углу по прежнему висѣло изъ слоновой кости Распятіе. Въ саду шелъ тѣмъ же пространнымъ кругомъ плѣнительный цвѣтникъ. Все тутъ было по старому. Въ воздухѣ стоялъ запахъ сирени, жужжали пчелы, перелетывала стрекоза, бѣгала по дорожкѣ цвѣтника трясогузка, и взлетала, гоняясь за бабочкой... будто безъ слѣда пронеслись для всего этого маленькаго міра девять-десять лѣтъ, и все, казалось, укоряло моего героя: онъ зачѣмъ такъ перемѣнился? онъ зачѣмъ въ этотъ край принесъ заботы и волненія?

Смутно бродили въ головѣ молодаго путника, невзначай тревожили его душу, еще тѣ мысли, тѣ чувства, тѣ впечатлѣнія, которыя онъ почти только вчера переживалъ. Тому назадъ лишь нѣсколько недѣль, онъ сошелъ со школьнаго порога—и теперь *жизнь* глядѣла ему прямо въ лицо. Гдѣ жъ теперь они, его университетскіе товарищи, съ которыми недавно

онъ прощался за прощальнымъ обѣдомъ, и всѣ горячо, громко привѣтствовали, со стаканами въ рукахъ, *канунъ своей гражданской дѣятельности?* Оторвавшись отъ города, Нельцевъ оторвался и отъ всего, къ чему онъ привыкъ. Кашинскіе, маменька и дочка, которымъ онъ, выѣзжая изъ города, сдѣлалъ прощальный визитъ, также не выходили у него изъ ума. Опять ему припоминались каріе, незадумчивые, круглые глазки дочки. Но, на смѣну имъ, припоминались ему еще другіе глазки, которые запомнились ему послѣ случайной встрѣчи въ дорогѣ. На одной изъ станцій, не доѣзжая до ихъ уѣзднаго города, онъ, отряхнувшись отъ дорожнаго сна, вдругъ увидѣлъ передъ собою отличный, вѣнскій дормезъ, на имперіалѣ котораго золотились косые лучи утренняго солнца, и, съ сакъ-воляжемъ за спиною, онъ весело взбѣжалъ по ступенямъ! Въ станціонной комнаткѣ рара, старикъ очень благообразный, съ благороднымъ лицомъ и прекрасными усами, курилъ сигару и, смѣясь своей заспавшейся дочкѣ, спрашивалъ: «что видѣла во снѣ?» У ногъ его стоялъ бѣлокурый мальчикъ, съ розовенькими губками. Матан сидѣла на диванѣ, и умный, добрый взоръ ея по очереди обращался, то къ бѣлокурому мальчику, то къ милому, нѣжному созданію, съ заспанными глазками, въ помятомъ платьицѣ...

Но два слова позволено сказать автору и о городскихъ пріятеляхъ своего героя, которыхъ онъ очень любитъ. Одинъ его пріятель, Свибловъ, ходитъ въ безукоризненно сшитыхъ брюкахъ, сюртукъ и жилетѣ; бѣлизна его голландской рубашки отъявленная; выраженіе лица напоминаетъ мумію; матовый овалъ окаймленъ чопорною ленточкой истинно-благоприличныхъ бакенбардъ; въ глазахъ сквозитъ нѣкоторая солидность, или даже пожалуй нѣкоторая политико-экономическая увѣренность что въ мірѣ одинъ «матеріальный интересъ» *цльненъ*, а внѣ его—все вздоръ. Свибловъ высокимъ слогомъ говорить о Европѣ, его заветная мечта служить въ Петербургѣ. Зыбенко, другой пріятель Нельцева, добрый малый... но филистеръ. Общайте ему теперь же, въ XIX вѣкѣ, то совершенство людскому міру, котораго достигнетъ онъ едва-едва въ СХІХ, Зыбенко и тутъ не удовлетворяется. Нельцеву всѣхъ чаще вспоминался графъ Стрелинскій. Саша Стрелинскій, какъ и тѣ два пріятеля, много толковалъ о необходимости дѣла, сочувствовалъ ихъ громкимъ рѣчамъ, что всѣ они стоятъ «наканунѣ своей гражданской дѣятельности», но въ то время, какъ Нельцевъ уѣзжалъ изъ города, графъ Стре-

линскій весь былъ занятъ волокитствомъ за графиней Зинаидой, очень опытной графиней—сказать къ мѣсту—въ дѣлахъ волокитства. Кашиинскіе очень жалѣли, что молодой человекъ уѣзжаетъ въ глушь. Что касается до нихъ, онѣ никакъ не могли бы жить въ глуши!... И круглые глазки Лизаньки Кашиинской опять вспомнились Нельцеву, и все-таки на смѣну имъ опять появлялись тѣ иные, которые поразили его въ дорогѣ на станцію...

Только на третій день, вечеромъ, Нельцевъ далъ Климу продолжительную аудіенцію.

Онъ сидѣлъ на терасѣ. Передъ нимъ стоялъ маленькій столикъ, а на немъ стаканъ чаю съ свѣжими, душистыми сливками. Вечеръ былъ отменно тихъ. Стрижи, кружась въ воздухѣ, рѣзвились съ какою-то особенною живостью: на завтра ждалось яснаго дня. Но на лицѣ Нельцева, какъ ни обаятельна была картина цвѣтника передъ его глазами, можно было прочесть какую-то думу. Казалось, онъ свѣрялъ свои мысли, подводилъ итоги. Знакомый намъ Клима Карповъ вошелъ и сталъ передъ его тростниковымъ стуломъ.

Баринъ молчалъ, мужикъ переминался ногами.

— Я тебя вотъ о чемъ хотѣлъ спросить, началъ Нельцевъ:— что, скажи, у насъ засѣвается очень много земли? а? Вотъ и ты говорилъ, ну, да и вообще я слышалъ, что крестьяне не успѣваютъ. А вѣдь если не успѣваютъ, значить—ну хоть не вся, а по крайней мѣрѣ часть земли будетъ плохо обработана,—такъ лучше ее въ наймы отдать, эту лишнюю часть. Тогда, по крайней мѣрѣ, лучше обработается остальное. А?

— Это какъ ваша воля будетъ, отвѣчалъ Клима.—Оно точно, тутъ у насъ разберутъ. Коли примѣрно говорить, и всю подъ сѣмь отдать, такъ и - всю, почитай, разберутъ.

— Ну вотъ видишь ли, такъ и надо отдать. Ну, и притомъ вотъ что: ты понимаешь, я же не отдамъ въ наймы той, которая ближе къ усадьбѣ, понимаешь? это совсѣмъ не разчетъ. Крестьянину близко выѣхать на пашню, такъ оно и хорошо, А надо съ краю отдать.

— Это какъ ваша воля будетъ, опять повторилъ Клима.

— Ну, а ты самъ-то какъ думаешь?

— А я такъ, словно думаю, отвѣчалъ Клима, — у насъ запольныхъ-то десятинъ никто не возьметъ?

— А, а! (пріятнѣйшая улыбка при мысли что сейчасъ поразитъ сюрпризомъ, выразилась на лицѣ молодаго хозяина).—Тѣ-то, Клима, и надо отдать, которыя за полемъ, понимаешь?

— Такъ-съ, проговорилъ Климъ.

— И ужь я нашелъ арендатора. Вотъ теперь у насъ десятинь двадцать есть, туда, за Гусинья-Лапки? да?

— Это гдѣ болото-то было? спросилъ Климъ, и наклонилъ голову.

— Да, Гусинное болото?

— Такъ точно, двадцать десятинь тамъ есть.

Климъ тряхнулъ головою.

— У меня ихъ сейчасъ Илья Трофимовъ снмааетъ.

— Это какъ ваша воля будетъ, Иванъ Александровичъ!—И Климъ точно отсторонился.

— Ну, а ты какъ думаешь?

— А я думаю, что такъ-то не подойдетъ, Иванъ Александровичъ. Это я вамъ давеча о запольныхъ десятинахъ докладывалъ, ихъ-то у насъ никто не возьметъ; а на Гусинное-то болото, знамо, мало ли охотниковъ, да вамъ-то не хорошо отдать.

— То-есть какъ запольная?..

— Запольное, те-есть безъ навозу, объяснилъ Климъ,—гдѣ, значить, отъ Ноева потопища навозъ не кладенъ. А двадцать-то десятинь, на Гусинномъ, у насъ нови: съ нихъ всего два хлѣба снято.

Нельцевъ поперхнулся чаемъ. Климъ продолжалъ:

— Тамъ-то у насъ лѣтошній годъ по двадцати копенъ ставилось.

«Копна... это должно быть мѣра такая!» подумалъ Нельцевъ.

— А вотъ теперь-то Курьи Лапки, и межа съ межей, а годъ выпадетъ—хлѣбъ-то на нихъ крестцами считай!

«Но чтѣ жъ такое... крестецъ?» подумалъ Нельцевъ.

— Земля, Иванъ Александровичъ, у насъ не ровна, продолжалъ Климъ,—оно, вы сами лучше насъ знаете, земля кормъ любить; по нашей-то запашкѣ скотины надо головъ двѣсти или полтораста держать, а у насъ ихъ на дворѣ всего сорокъ. Такъ ужь вы лучше, когда точно желаніе есть поля сбавить, Илья-то Трофимову и сдайте окраину. Ему она вся въ дѣло пойдетъ: небось подъ гурты нужно; а на чтѣ жъ ему теперь самую лучшую землю отдать? А такъ-то бы хорошо; то и правда, что крестьянину трудно; почитай на тягло-то, на брата значить, больше трехъ десятинь придется, а то и всѣ четыре сойдутъ. Сто-то десятинь въ полѣ, шутка ли? Во всей обapoли у насъ такой запашки нѣтъ.

— Однакожь, возразилъ Нельцевъ, которому приходилось съ часу на часъ, что называется, не легче, и онъ желалъ хоть чѣмъ нибудь выказать свое знаніе, — вѣдь вотъ у Горихвостова немного меньше: семьдесятъ пять десятинъ въ полѣ-то, а какъ хорошо убрано?

— Это у него, отвѣчалъ Климъ, — всего-то поля семьдесятъ пять десятинъ, а у насъ-то по сту въ каждомъ клину. Опять же не тридцатки!

«C'est du chinois!» признался самъ себѣ городской, и только съ третьяго дни деревенскій житель, и, придя къ такому заключенію, скоро прекратилъ аудіенцію, на которую было (наконецъ) собрался, запасшись столькими силами. Ловко поручивъ Климу все впередъ вести заведеннымъ порядкомъ «до новыхъ приказаній», онъ спросилъ только: все ли готово на завтра для торжественнаго пріема мужиковъ? Получивъ въ отвѣтъ, что «все», и что «такъ, послѣ обѣдни» соберутся на барскій дворъ, Нельцевъ отпустилъ своего старосту и долго еще оставался на терасѣ. Юньскій поздній вечеръ такъ сладостно дышалъ ему въ лицо, такъ обаятельно налетала краткая ночь на свѣтлое небо, съ дальняго пруда слышался концертъ зеленыхъ лягушекъ... Листва заснула, стрижи умолкли; только комаръ жужжалъ надъ ухомъ свою неугомонную пѣсню и пропадалъ отъ дыма папироски. Былъ часъ ночи, когда Нельцевъ сошелъ наконецъ съ терассы, и Джонъ затворилъ за нимъ стеклянные двери.

На другой день, весь «красный» дворъ, въ урочную пору послѣ обѣденъ, былъ запруженъ и ярко-красными, и ярко-желтыми, и ярко-синими головными платками бабъ, пестрыми шубками и «корсетками», всѣмъ цвѣтѣмъ дѣвокъ. Мужичья навалило несмѣтно. Ребятишки толкались, бѣгали взапуски и одни только не теряли времени даромъ въ пустомъ ожиданіи, сложа руки. Тутъ были пряники, вино, пиво. Со стороны старожиловъ, тутъ были хлѣбъ на блюдѣ, пѣтухи, куры, яйца. Самъ Илья Трофимовъ, этотъ независимый вассалъ, красовался въ толпѣ съ огромнымъ бѣлымъ «французскимъ» хлѣбомъ, очевидно изъ города И*, а его хозяйка принесла барину «грибочковъ» изъ его же лѣсу, и чашу съ ними поставила на тумбочку крыльца, а была одѣта пышнѣе всѣхъ остальныхъ дамъ. Впереди же всей группы стоялъ пожилой мужикъ. Усы и борода его были черные, и глаза какъ смоль. Можно было бы испугаться повстрѣчавшись съ нимъ въ лѣсу; но теперь онъ такъ покорно держалъ хохлатую курицу подъ мышкой, и такое

безсмысліе выражалось на его лицѣ, что въ голову не могло войти такихъ опасеній; воалѣ него блѣкучій мужикъ полудіотъ на видѣ, съ раскрытымъ ртомъ,—два лица, на которыя мы могли бы вовсе не обратить вниманія, еслибъ имъ не пришлось играть нѣкоторую роль въ нашемъ разказѣ. Нельцевъ вышелъ. Онъ кланялся, получалъ изъ толпы всякія привѣтствія, былъ прошенъ дать поцѣловать ручку... словомъ, все шло своимъ порядкомъ. Разыгрывалась та знакомая интермедія, на живописное воссозданіе которой такъ не мало уже было потрачено силъ нашими талантами. Къ крайнему сожалѣнію моего героя, однакожь, онъ и изъ этого праздника вывелъ прежнее свое заключеніе: «намъ трудно понять другъ друга!» Когда же, въ самомъ разгулѣ праздника, при огромномъ хороводѣ, отдѣльныхъ хорахъ и пр., сторожила, отдѣлясь на первый планъ къ Нельцеву, послѣ своихъ искреннихъ увѣреній подъ хмѣль вина, что они очень благодарны, счастливы и довольны, вдругъ начали какъ-то вкось и какъ-то мало-по-малу и незамѣтно налагать, напротивъ того, въ совершенно-иномъ духѣ соображенія, Нельцевъ ужъ рѣшительно попятился назадъ. Одинъ повторялъ: «больно земли много», другой говорилъ: «дней не даютъ»; третій жаловался, что его сноха вдова, и совѣтъ ей тягла не нести бы, а ее выгоняютъ на барщину; четвертой просилъ невѣсты для своего внука; пятый, наконецъ посягалъ на хлѣбъ магазинный, и весь этотъ клубъ примирялся наконецъ гармонически въ одномъ аккордѣ: «земли много, дней не даютъ, надыхаемъ на барщину...»

«Они можетъ-быть говорятъ правду, подумалъ Нельцевъ: но на половину навѣрно вздору; но, Боже мой! что жъ это замученіе—не умѣть даже отличить въ ихъ словахъ правды отъ вздора!»

Не прошло недѣли, Нельцевъ уже очень ясно видѣлъ, что отъ его личнаго пребыванія въ имѣніи, не только порядокъ не улучшился, а положительно все пошло хуже. Прежде распорядился одинъ старикъ Климъ, и если подъ-часъ и туго приходилось міранамъ, то все шло исправно, и при каждомъ случаѣ онъ говорилъ дѣльное слово; теперь не было той самой ничтожной пустой бабенки, которая не шла бы съ своими притязаніями прямо къ помѣщику. Нельцевъ не имѣлъ духу выслушивать жалобъ; ему казалось неловкимъ гнать всѣхъ прочь; онъ внимательно выслушивалъ всякіе вздоры, и боялся хоть что-нибудь сказать въ отвѣтъ, зная, что эта самая ничтожная бабенка можетъ закидать его такими доводами, въ которыхъ ужъ онъ

къ тому же они другъ друга не понимаютъ, какъ же ему тѣмъ не пользоваться для своей выгоды? Право, очень умно.»

И всѣ эти разсужденія прозвонились имъ теперь уже въ самомъ свѣтломъ расположеніи духа, и болѣе не смущался онъ въ своемъ неловкомъ положеніи. Въ этой простой разгадкѣ, повторяемъ, для него открылись глаза.

— Ну что Климычъ? говорилъ онъ своему старостѣ: — много сдѣлали?

— Да спахали тридцать десятинъ, Иванъ Александрычъ, и завтра пахать будемъ.

— Ну и хорошо. И завтра пусть пашутъ! отвѣчалъ хозяинъ, — и въ то время какъ Климычъ уходилъ очень поспѣшно: «Ну ужъ, думаю, хорошо вспахали! говорилъ самъ себѣ Нельцевъ: такъ хорошо, что и не глядѣлъ бы! Что жь дѣлать? Потерпѣть пока надо.» И въ умѣ его проносилось, какъ примется онъ скоро за свою настоящую, новую работу; до тѣхъ же поръ пусть идетъ все, какъ Николаю Чудотворцу угодно.

А очень надо было приступить къ новому; оставлять все въ прежнемъ видѣ рѣшительно не годилось. Когда онъ осмотрѣлъ картофельный заводъ, въ которомъ всѣ рамы были забиты наглухо и надо было отколачивать доски, чтобы войти туда,—заводъ, съ пустыми чанами, покрытыми какою-то грибною плесенью, съ колесомъ, съ котораго свалился ременный ободъ и, покособясь, потолочная балка сдавила всю машину,—ему стало очень грустно.

— Что, ее бросили? спросилъ онъ, и хотѣлъ завтра же выписывать машиниста.

— А какъ заболѣлъ картофель, такъ и бросили, отвѣчалъ Климычъ.

И спохватился Нельцевъ, что прежде чѣмъ машиниста выписывать, надо подумать объ урожаяхъ картофеля. Ригу и въ ней молотильную машину нашелъ онъ въ самомъ плачевномъ видѣ; оказалось, что пять лѣтъ ею ужъ и не работали, а обмолачивали цѣпами. Въ самомъ полѣ безпорядокъ былъ еще страшнѣе. Нельзя было счесть сколько десятинъ, самыя разномѣрные участки звались этимъ именемъ; навозъ кладенъ былъ только что не зря; отъ многолѣтней, изъ рукъ вонъ плохой, пахоты всѣ нивы были перепорчены. И встрѣчая всюду, куда ни обращался, безпорядокъ, заустѣніе, съ удвоенною энергіей готовился молодой хозяинъ къ своей будущей рабочей жизни.

Цѣлый планъ, богатый близкимъ результатомъ дѣловаго труда открывался передъ нимъ; была заманчива по своимъ требованіямъ, преградамъ, сокрушеніямъ, эта дѣятельность, на которую онъ повидимому попалъ случайно, едва ли ожидая, что она заинтересуетъ его. Тогда, съ удвоеннымъ интересомъ, слѣдилъ онъ за всѣми мелочами хозяйства, — не за тѣми парадми, которыми даже многія дамы любятъ съ зонтикомъ и съ вѣтромъ въ рукахъ, въ жаркіе іюльскіе дни, изъ своего экипажа, останавливая его, напримѣръ, близъ жнивали сѣнокоса; а зачерновымъ проявленіемъ работъ, за комбинаціей обыденныхъ итоговъ хозяйства, за бытомъ русскаго мужика, за тѣмъ, наконецъ, что потому только и трудно дается изученію, что всегда бываетъ оно на глазахъ. И какъ все просто и доступно оказывалось на дѣлѣ: какъ скоро и понятно, и легка стала ему эта китайская грамота!

Но чѣмъ дальше замышлялъ идти въ своихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ молодой владѣлецъ Зеленыхъ-Горокъ (Нельцевъ не любилъ, чтобъ его звали помѣщикомъ), тѣмъ яснѣе, тѣмъ настоятельнѣе требовалъ онъ самъ отъ себя *освободиться отъ барщины*, приурочить своему хозяйству вольный трудъ, и реформа въ Зеленыхъ-Горкахъ, которая почти съ первыхъ же дней стала его любимой мечтой, теперь для него была уже болѣе чѣмъ только мечта. Хотя, присматриваясь ко всему, онъ вслухъ еще не проронилъ о ней своему Климу ни слова, но въ умѣ его было все обдуманно. Теперь ужъ ничуть не смущала его плаксивая баба, пришедшая просить, чтобъ ее уволили отъ поденщины, ни даже самъ Климъ, когда, выбившись изъ силъ, онъ наконецъ рѣшался придти съ жалобой на какого-нибудь Илюху-Косаря или Мишку-Озорнаго, что «такъ и бороздятъ огрѣхъ на огрѣхъ; я имъ слово, они мнѣ два, я было стеганулъ, а они кричатъ: пойдѣмъ къ барину!..» — все это болѣе не смущало Нельцева. «Позови ихъ!» говорилъ онъ Климу, чтобъ утѣшить старика, и онъ увѣщдалъ обвиненныхъ «словесно», къ крайнему неудовлетворенію старика. Виновные, едва успѣвъ обратиться къ барину спиной, уже ухмылялись, — и Нельцевъ ясно это видѣлъ. . и . . . и теперь уже спокойно выходилъ въ садъ, въ свой ненаглядный цвѣтникъ, въ свои темныя липовыя аллеи, къ своимъ свѣтлымъ прудамъ, къ жилой изгороди крыжовника, — переходилъ канавку, гдѣ за садомъ укатилось далеко впередъ ржаное поле. И чудная картина новаго труда, не невѣжественнаго ковырянья сохой, а во всеоружіи

усовершенствованныхъ искусствомъ орудій, золотою мечтѣю проносилась въ головѣ моего будущаго, но уже и теперь страстнаго земледѣльца.

— Иванъ Александрычъ! запыхавшимся голосомъ кричалъ ему разъ Джонъ, въ одну изъ такихъ прогулокъ, видимо избѣгавшій всѣ дорожки сада прежде чѣмъ нашель его. — Иванъ Александрычъ, къ вамъ зыбовскій помѣщикъ пріѣхалъ, Бубеницынъ, Павелъ Васильичъ.

— Бубеницынъ?... Что? Онъ какъ пріѣхалъ? Ничего не говорилъ? Надо ему что-нибудь?

— Познакомиться должно-быть хотять, отвѣчалъ Джонъ, имѣвшій повидимому способность проникать въ цѣли постытелей. — Ужъ очень хорошо одѣты! добавилъ Джонъ, ускоряя шаги, чтобы поспѣть за Нельцевымъ, который торопился, чтобы не заставить долго ждать своего гостя.

— Иванъ Александрычъ, bonjour! Иванъ Александрычъ! Душа моя!—и гость, который безъ картуза стоялъ на терасѣ, сбѣжалъ внизъ, и на нижней ступени обнималъ и цѣловалъ Нельцева. — Извините, не вытерпѣлъ, пріѣхалъ! Ужъ такъ хотѣлось мнѣ васъ видѣть!... Помните!... вотъ на самомъ, бывало, этомъ мѣстѣ вашъ фатеръ-то сидитъ, и мы съ нимъ рейнвейнъ распиваемъ, славный былъ покойникъ! Да дайте же мнѣ еще разъ обнять васъ!

И Бубеницынъ обнималъ Нельцева; и когда этотъ обглядывалъ его голландскіе воротнички и хлыстикъ въ рукѣ, и пикетовые палеваго одинаковаго цвѣта жилетъ и брюки, тотъ продолжалъ: — Пріѣхалъ это я третьяго дня изъ уѣзда (все разбѣзжаю вѣдь, батюшка, вы знаете, дѣла все), мнѣ жена и говоритъ: а знаешь ли, Поль, въ Зеленые-то Горки Иванъ Александрычъ пріѣхалъ. Да, говоритъ (и ужъ извините меня, Иванъ Александрычъ, я человекъ откровенный), должно-быть гордый такой, до сихъ поръ ни къ кому изъ сосѣдей не ѣдетъ. Э! пустое, говорю, Ивана Александрыча я вотъ такимъ зналъ (какъ сейчасъ вижу вашу курточку, помните, съ такимъ отложнымъ воротникомъ еще.) Ну вотъ и не утерпѣлъ, пріѣхалъ! Embrassez-moi donc! — И онъ опять поцѣловался.

— Какая тутъ гордость, помилуйте, Павелъ Васильичъ! началъ Нельцевъ.

— Э, душенька, mais je vous connaissais!—и легкимъ движеніемъ руки Павелъ Васильевичъ удерживалъ отъ дальнѣйшихъ оправданій, но Нельцевъ оправдывался.

— Вѣрите ли? до сихъ поръ, ужь кромѣ того, что не устроился, съ одними мужиками не сообразюсь никакъ; мнѣ даже совѣстно передъ сосѣдами. Вѣдь это какой народъ, мужики, продолжалъ онъ опять на эту тему...

— Татарщина, Иванъ Александрычъ, татарщина! перебилъ гость, и такъ перемѣнилъ рѣчь:—что у васъ за прелесть такая цвѣтникъ-то вашъ, да и садъ: во всемъ уѣздѣ такого нѣтъ, прелесть! Да эта терасса опять же! Знаете, безъ васъ мы часто бывали здѣсь съ Парашей. Прелесть! прелесть! И вѣдь вотъ (ужь онъ смѣялся) судьба-то, говорю, не знаетъ что кому въ руки дать: попалось этакое сокровище нашему брату, какое бы тутъ гулянье устроилъ! Весь уѣздъ бы сюда заманилъ. А то теперь, вѣрите ли, больше и въ предводители за тѣмъ нейдутъ, что сада нѣтъ. Нейдутъ, нѣтъ нейдутъ (и онъ пожалъ плечами). А ужь какъ упрашивали! Не хвалясь, могу сказать, меня весь уѣздъ любить, и я цѣню такое вниманіе. Возьмись, говорятъ, Павелъ Васильичъ, нашимъ ерусланскимъ бытъ! Вѣдь нашъ-то городъ съ вами Ерусланскъ, сорокъ верстъ отсюда. Нельзя, говорю, сада нѣтъ, сада!... Ну какъ же молодой человѣкъ? Служить, служить хотите? Мы васъ къ такому тутъ мѣсту пристроимъ,—вѣдь вы изъ университета!—всѣмъ вашимъ способностямъ и всему вашему образованію ходъ дадимъ. Выборы! Вѣдь это что такое у насъ выборы! Боже мой, вотъ пальба-то шла прошлый разъ, — прокатили Юлія Адамовича на вороныхъ, съ Иваномъ Петровичемъ тутъ же ударъ случился. Хотѣлъ было губернаторъ вмѣшаться, я и подалъ голосъ: Сводъ Законовъ, говорю, томъ... статья...

Джонъ подалъ стаканъ чаю гостю, и когда оба расположились за двумя маленькими столиками (только теперь гость скинулъ съ себя безупречныя французскія перчатки), бесѣда еще оживленнѣе...

— Ну что Москва, скажите? спросилъ Павелъ Васильевичъ проглатывая какое-то деревенское печенье, обильно имъ смоченное въ чаю.

— Да ничего, не нашелъ что бы отвѣтить Нельцевъ

— Что это однакожь за баба-то лихая (и гость началъ головою), ваша графиня-то Зинаида! Служу это я, послѣдній разъ, какъ былъ въ Москвѣ, въ театрѣ, въ первомъ ряду креселъ натурально, — Сильфида какая-то шла... (Я все ба-
леты Сильфидой зову, ни бальмеа я въ нихъ толку не пой-

маю, для меня вездѣ все одинъ сюжетъ). Сажу это, а въ бельэтажѣ графиня Зинаида. Ну, естественно, какъ прїѣзжій— я гляжу (новость такая, знаете ли, важная! Все говорятъ о Зинаидѣ). Въ затрактѣ я ближе подхожу, и прямо передъ ней остановился, и все смотрю. Вдругъ (замѣтила она это что ли, что я глазъ съ нея не свожу), какъ бы вы думали? вдругъ мнѣ языкъ высунула! Давно ужъ я не былъ въ Москвѣ, хочу на той недѣли, денька на два съѣздить.

«Что жъ это такое? подумалъ Нельцевъ: а я сюда бѣгалъ какъ въ степи!»

— Скука въ деревнѣ, знаете, продолжалъ Бубеницынъ. — Конечно, я все больше въ разѣздахъ; дѣла, дѣла все!

— А давно вы Москвѣ не были? спросилъ Нельцевъ.

— Да какъ вамъ сказать?... ужъ съ самаго ноября. И вотъ повеселился-то, Иванъ Александрычъ. У насъ въ губернской городѣ такъ же очень весело. Дамы, я вамъ скажу, тоже премиленькія! Всю зиму балы да фольжурны такъ и сыпались; и такая это роскошь въ нравы входитъ, ну а все не то, все не то.

Нельцевъ вспомнилъ про Лизаньку Капшинскую. «Что жъ она такъ по мнѣ сокрушалась? подумалъ онъ: мой первый гость совершенно разубѣдилъ бы ее въ дикости сельскихъ нравовъ!»

Къ чаю былъ поданъ коньякъ. Гость не сталъ лить его въ чай, увѣряя, что это значило бы добровольно портить тотъ и другой напитокъ. Когда, по уборкѣ стакановъ, Нельцевъ велѣлъ оставить бутылку, и принести къ ней двѣ рюмки, то это, какъ оказалось, соответствовало и намѣреніямъ гостя.

— Душенька моя! сказалъ Павелъ Васильевичъ, и опять цѣловалъ моего героя:— вотъ наконецъ-то и вы... и вы тутъ! Вася, я увѣренъ, все сосѣди полюбятъ! Славные люди все. Горихвостовъ— вотъ хозяинъ, вотъ, батюшка, хозяинъ-то! Ну Кондыревъ, это чудакъ какой-то, а также очень хороший человекъ. Вдовецъ, все у него съ дочерью какія-то исторіи; она у тетки и живетъ. Ну, а Горихвостовъ! ужъ есть чему поучиться! Ну, старикъ Ронлищевъ— это полоумный какой-то, живетъ безвыѣздно въ деревнѣ, даромъ миллионы свои бережетъ, никакого имъ не даетъ ходу; но уменъ, у! какъ чортъ уменъ! (Павелъ Васильевичъ глотнулъ рюмку коньяку.) Жаль, совсѣмъ пембшаный; все о какомъ-то «земствѣ» толкуетъ и всѣхъ нашихъ городскихъ барынь бранить; дочка у него— жаль бѣдную, совсѣмъ затворницей живетъ.... О! мы васъ

тутъ со всѣми познакомимъ. . . . очень, очень — это, батюшка, вѣдь я вамъ не по модному, прямо изъ-подъ сердца говорю, — очень вы мнѣ понравились! Знаете, не совсѣмъ-то я нынѣшнюю молодежь люблю. . . . вотъ у насъ въ городѣ есть пріѣзжій чиновникъ Зубинъ. . . . не люблю. Все это на видъ такіе Гизоты въ черныхъ фракахъ, не люблю. Ну, а вы — нѣтъ! совсѣмъ не такой; вижу, совсѣмъ другой человекъ.

— А вы тутъ въ самомъ дѣлѣ, Павелъ Васильичъ, перебилъ Нельцевъ комплиментъ себѣ, — всѣхъ знаете, и Горихвостова, и Кондырева, и Ронлищева. Скажите, въ самомъ дѣлѣ, что за люди? Я все собираюсь.

Но подъ мельницу словъ Бубеницына опять не могъ договорить Нельцевъ, и опять не получилъ отвѣта на вопросъ.

— Горихвостова! Ронлищева! Весь уѣздъ знаю, всю губернію! Да и какъ мнѣ не знать? Развѣ безъ меня въ уѣздѣ что сдѣлается? Вѣдь ужъ выборы ли, коммиссія ли какая, комитетъ ли тамъ, вѣдь безъ Павла Васильича не обойдется. . . . Пожалуста, пожалуста, Иванъ Александрычъ! Чуть что надо, безъ церемоніи ко мнѣ, радъ оказать всякую услугу дорогому сосѣду. Дѣло, можетъ-быть, какое-нибудь, — знаете, при имѣніи это неизбѣжно, — дѣло какое-нибудь подвернется, сейчасъ ко мнѣ. Всѣ эти становые, исправники, — скажите только: Павелъ Васильевичъ Бубеницынъ — и всѣ, всѣ знаютъ. . . . И въ губерніи даже, если что нужно. . . .

— Непремѣнно, непременно, отвѣчалъ Нельцевъ. — Очень благодарю васъ. Въ деревнѣ, въ самомъ дѣлѣ, какъ никого не знаешь, бываетъ очень трудно: иногда сотскій какую-нибудь пустую бумагу, о какихъ-нибудь глупыхъ подводахъ принесетъ, такъ и то не знаешь какъ подписать.

— О, эти подводы! да и всѣ повинности, съ нынѣшнею войной, просто замучили! махая руками, завопилъ Бубеницынъ. И. . . — и онъ много говорилъ объ этомъ.

— А что, Павелъ Васильичъ, — послѣ долгихъ его рѣчей перервалъ Нельцевъ, видимо обрадованный, что разговоръ наконецъ принялъ нѣсколько хозяйственный оттѣнокъ, — что, скажите, какъ здѣсь вообще крестьяне? Меня это очень интересуетъ: у меня ли одного все такъ идетъ изъ рукъ вонъ плохо, оттого что я здѣсь молодой помѣщикъ, или вообще народъ лѣнивъ?

— Татарщина, батюшка, татарщина! отвѣчалъ опытный сосѣдъ, вызванный, наконецъ, на хозяйственное поле: — съ

мужикомъ надо умѣючи ладить. Необтесано, грубо все это, знаете. У меня вотъ какъ устроено: Я всѣхъ этихъ пшеницъ да клеверовъ, знаете, не придерживаюсь. Овесъ да рожь! По-русски, знаете, и дѣло короче. И разъ навсегда вычислено, чего сколько десятина дать должна? Урожай тамъ неурожай—понимаете?—мое дѣло сторона. Отдай денежки, и знать ничего не хочу.

— Какъ же это?

— А вотъ какъ: половина на оброкъ, половина на пашнѣ, а за урожай весь мѣръ отвѣчаетъ. Собрать, продать—ужъ это ихъ дѣло. Больше ли того, что положено съ десятины, меньше ли—не мое дѣло. Выплати одна половина чего стѣбитъ хлѣбъ, (у меня всѣмъ десятинамъ для круглоты одинъ счетъ подведенъ), другая половина—оброкъ принеси, и маршъ, по-военноему, на всѣ на четыре стороны; вотъ и все мое хозяйство. Да я, батюшка, про себя такъ и говорю откровенно: въ гастрономіи знаю толкъ, въ астрономіи — никакого, а въ агрономіи и того меньше.

— Выплачиваютъ аккуратно? спросилъ Нельцевъ.

— Это вы о недомкахъ-то? съ какимъ-то нѣжнымъ удареніемъ произнесъ Павелъ Васильевичъ:—у меня ихъ нѣтъ, батюшка, въ имѣніи, недомокъ-то. Вотъ въ томъ-то и хозяйство мое, вотъ о томъ-то и говорю. Поживите съ мое, изучите-ка, какъ Павелъ Васильичъ, всю эту татарщину, тогда и съ недомками будете ладить.

— Какъ же однако? спросилъ молодой хозяинъ.

— Вездѣ свое должно быть, продолжалъ Павелъ Васильевичъ,— надо къ мѣстности приноровиться, быть своего крестьянина изучить. А у меня вотъ какъ устроено: староста у меня, Глазунъ Тавинъ, есть; старикъ дѣльный. У него (умѣютъ также бестіи деньги зашибить; что вы думаете? всѣ противъ помѣщиковъ теперь говорятъ, да крестьяне-то нынче богаче помѣщиковъ)—такъ у него, сударь мой, пятьдесятъ тысячъ капиталу есть. Вотъ у какого дурака деньги! Извѣстно, онъ ихъ подъ половицей бережетъ (а кто говоритъ, еще въ какомъ-то гробу, въ подвалѣ держитъ). Такъ у него пятьдесятъ тысячъ: я его старостой и поставилъ. Смотри, говорю, Глазунъ, тамъ я всѣхъ вашихъ неурожавъ да недоборовъ не знаю. Затѣмъ ты самъ и смотри за работами, чтобы всѣхъ этихъ воздушныхъ неблагообразствъ не было; затѣмъ самъ ты и отпуская оброчныхъ по билетамъ, чтобы за каждого отвѣчать. Знать ничего

не знаю, ты хоть свои мнѣ вынь да положи къ сроку, а тамъ съ нихъ взыскивай, самъ бариномъ будь. Извѣстное дѣло, самъ крестьянинъ съ своимъ братомъ всегда лучше управится. Пусть онъ даже выгоды извлекаетъ изъ моего довѣрія—я ему не мѣшаю, а отвертѣться—нѣтъ! нельзя, нѣ... нѣтъ, impossible... Славный, славный цѣвтникъ! А пройдемтесь, Иванъ Александровичъ, туда, къ пруду, къ бесѣдкѣ, что мы все сидимъ?

И пошли.—А вотъ, Горихвостовъ Петръ Ивановичъ! — И Бубеницынъ взмахнулъ руками и ловко подбоченился, поднеся ихъ къ талии, и остановился на дорогѣ:—вотъ такъ хозяинъ, рѣшительно во все самъ входитъ!... А я... я нѣтъ, такъ и говорю откровенно.—И они пропали въ аллеѣ.

— Такъ навѣстите же, навѣстите, Иванъ Александровичъ! говорилъ Бубеницынъ, когда ужъ снова они были на террасѣ, и когда натягиваніе перчатокъ гостемъ очевидно показывало, что онъ собрался ѣхать, — навѣстите, Иванъ Александровичъ; моя Параша очень рада будетъ видѣть васъ; пожалуста, на той-то недѣлѣ; я, въ самомъ дѣлѣ, въ Москву думаю, да оно и нельзя, знаете, дѣла все... ну да и поразсѣяться надо, а то право, хоть и очень у насъ весело въ Т***, да нѣтъ, все не то какъ-то! Широкаго-то такго ничего нѣтъ, ну, а въ столицѣ... все, какъ же можно!—И онъ цѣловался съ Нельцевымъ и щелкалъ себя хлыстикомъ по козынкѣ.

«Боже мой! что же это такое?» думалъ Нельцевъ, провожая глазами лаковую, щегольскую пролетку Бубеницына, съѣзжавшую со двора. «Я сюда ѣхалъ къ нимъ какъ въ степь, а они тутъ на самыхъ новомодныхъ пролеткахъ разъѣзжаютъ другъ къ другу, въ лаковыхъ перчаткахъ съ визитами на полчаса. Я къ нимъ сюда освѣжиться отъ всей городской суетни, а они отъ меня въ столицу! Я къ нимъ съ хозяйствомъ, съ мужиками, а имъ до всего этого нѣтъ и дѣла! И среди тумана всѣхъ такихъ разсужденій, пуще всего его озадачивало то, что у него въ Зеленыхъ Горкахъ, во первыхъ, начать съ того—и нѣтъ, пожалуй, такого Глазуна-Савина, у котораго было бы пятьдесятъ тысячъ, да и дѣло это не хорошее. А надо, надо хозяйничать, рѣшительно надо, хоть ужъ не затѣмъ, какъ говорено Стрѣлинскому, чтобы въ Парижъ переселиться, а хоть только для того даже, чтобы и въ Зеленыхъ Горкахъ разъѣзжать въ порядочной пролеткѣ.» И послѣднимъ результатомъ всѣхъ такихъ разсужденій было то,

что Нельцевъ захотѣлъ въ подробности осмотрѣть старый экипажный сарай: не попадется ли въ немъ, за всѣмъ хламомъ патріархальныхъ тарантасовъ и долгушъ-дрожекъ, чего-нибудь мало-мальски подходящаго подъ современныя требованія. Ему было совѣстно, что Бубеницынъ предупредилъ его. Обѣзда сосѣдей, который откладывался до сихъ поръ единственно за первоначальною неурядицей съ крестьянами, рѣшилъ онъ теперь не откладывать ни на одинъ день.

Послѣ долгихъ и тщетныхъ разысканій, въ экипажномъ сараѣ найдена была, наконецъ, старинная пролетка на круглыхъ рессорахъ, которая, какъ оказалось, стояла гдѣ-то на скотномъ дворѣ, а туда попала затѣмъ, что на ней еще недавно, то-есть пять лѣтъ тому назадъ, развѣзжалъ опекунъ Нельцева, по опекаемымъ селеніямъ, для ревизіи; экипажный же сарай стоялъ уже въ то время запертъ и не былъ посѣщаемъ. Хотя несчетныхъ усилій потребовалось; чтобы счистить съ нихъ, лѣтами накопленную пыль и въвшуюся грязь, хотя и синее сукно у нея все обшмыгалось; но экипажъ былъ удовлетворителенъ. Джонъ сажился на нее, пробовалъ качку рессоръ, и когда ее умыли, приложили, освѣтили, подновили, Джонъ, даже онъ — истинный джентльменъ по наклонностямъ—рѣшилъ, что ничего! — можно выѣхать, Иванъ Александровичъ.

IV.

На другое утро, здоровая пара *барскихъ* лошадей подъѣхала къ крыльцу; кучеръ, къ крайнему изумленію Нельцева, былъ одѣтъ очень недурно; щеголь въ душѣ, и безъ дѣла томясь въ дворовыхъ, Антипъ давно сокрушался, что выѣздовъ нѣтъ и его способности гибнуть даромъ. Такъ и завивалась дугою пристяжка, такъ и рвался коренникъ, хвосты развѣвались, пролетка тряслась, а кучеру, кажется, и въ голову не приходило, что баринъ его, городской житель, привыкъ ѣздить по мостовымъ, и теперь не безъ затаенной недовѣрчивости относится къ деревенскимъ проселкамъ.

— Что онъ такъ шалать у тебя, Антипъ? Ишь какъ играютъ! потише!

— А съ чего жъ имъ не играть? отвѣчалъ Антипъ:—колеса

смазаны, все въ исправности, сами сыты, напоены, присмотръ хорошій—вотъ и играютъ.

Дорога неслась среди самой ржи, которая по обѣимъ сторонамъ, почти у самыхъ колесъ, поднималась высоко. Надѣво, въ далекѣ, видѣлась вазовая роща, тотъ самый лѣсокъ *Лисій Клинь*, о которомъ Илья Трофимовъ выражался, что «совсѣмъ поспѣлъ и ждетъ топора»; направо поле шло цѣлою степью, безконечнымъ моремъ волновалась рожь, въ дали темнѣла зелень, и поднимаясь шла, казалось, какими-то холмами исполинскихъ овраговъ въ Верхъ, и въ темной дали зелени, уже на самой вершинѣ, едва замѣтно бѣлѣлась усадьба Ронлицева. Вотъ пройдено поле; лѣсточкомъ побѣжала дорога. Бѣлоснѣжныя, чистенькія березы, въ которыхъ такъ нетрудно было угадать ихъ отроческій, тридцатилѣтній возрастъ, съ двухъ сторонъ приняли подъ свою свѣжесть моего героя; но за опратною рощицей скоро пошла «посѣяи». Ему лучше, какъ охотнику, полюблились эти кусточки и кустики, уже однимъ своимъ видомъ общавшіе выводы тетеревовъ; и вотъ цѣлая равнина, легкимъ скатомъ убѣгавшая вдаль липовыхъ, березовыхъ, орѣховыхъ и всякихъ кусточковъ и кустиковъ въ полроста, раскрылась передъ нимъ на необозримое пространство. «Тутъ-то осенью искать вальдшнеповъ! Тутъ-то будутъ имъ высыпки въ пролетъ!» подумалъ охотникъ, и вылетѣло изъ его головы на тѣ минуты и хозяйство съ замышляемою радикальною перемѣной, и заботы съ мужиками, изъ-подъ впечатлѣнія которыхъ онъ все еще не могъ выбиться, и напередъ импровизируемая бесѣда съ Кондыревымъ Яковомъ Антоновичемъ, этимъ чудакомъ, по словамъ Бубеницына, который въ раздорѣ съ дочерью, но все же добрый и хорошій человекъ.

До тѣхъ поръ незамѣтная въ глубокой лоцинѣ, вдругъ открылась передъ Нельцевымъ Пашенца, деревня Кондырева, и большой его домъ съ красною кровлей и двумя бѣлыми трубами. Когда наша бурая пара съ тряскою пролеткой, неслась по деревнѣ, только собаки, лая и накидываясь со всѣхъ сторонъ, привѣтствовали гостей: вся деревня, казалось, была въ поѣ. Въѣхали въ господскія ворота, остановились у крыльца; Нельцевъ сошелъ, кучеръ отѣхалъ. Дверь была заперта, и притомъ, къ крайнему своему замѣшательству, Нельцевъ увидѣлъ, что всѣ окна были наглухо закрыты ставнями. Сойдя съ крыльца, онъ посмотрѣлъ на домъ сбоку. Въ другомъ

углу, наверху, были два окна съ гардинами, а подъ окнами маленькое боковое крыльцо.

— Вашъ кого надобно? спросила съ этого крыльца дѣвчонка, отворивъ двери и кусая кулакъ.

— А самъ Яковъ Антоньчъ дома? спросилъ Нельцевъ.

— Баринъ? Пожалуйте-съ!.. и она захлопнула за нимъ дверь. Нельцевъ очутился въ какой-то передней, должно-быть, не очень темной комнатѣ, потому что и тутъ ставни были закрыты, а дѣвчонка побѣжала наверхъ маленькой витой лѣстницей.

— Пожалуйте-съ, сказала она черезъ нѣсколько мгновений съ середины лѣстницы, перевѣшиваясь за перила. Нельцевъ, оберегая свое платье и свою шляпу въ узкомъ ущельи, сталъ подниматься витой лѣсенкой. Закрывъ весь домъ ставнями, хозяинъ дома, очевидно, помѣщался только въ двухъ верхнихъ комнатахъ. Брюзгливая опрятность поразила Нельцева, когда онъ очутился на верху. Прочный, крашеный полъ, казалось, еще былъ начисто протертъ деревяннымъ масломъ передъ самымъ его прїѣздомъ. Ни пятнышка на свѣженькихъ обояхъ, ни пылинки на этомъ бѣломъ потолкѣ, который такъ низко приходился надъ самою головой. Сухо, тепло, даже жарко; лѣтнимъ зноемъ печеть солнце по стѣнамъ, но рамы двойныя, и плотно, хозяйственно закупорены. Огромнѣйшій барометръ виситъ на стѣнѣ. Гигрометръ, который, въ видѣ большихъ карманныхъ часовъ, какъ бы въ *pendant* къ нему также виситъ на стѣнѣ,—такъ и уперъ въ надпись «сухо» своею длинною, сухошавою стрѣлкой. Хозяинъ, самъ длинный и сухошавый, какъ эта стрѣлка, въ теплое ватное бекешѣ, съ жолчнымъ лицомъ весьма ипохондрическаго выраженія, не въ ермолкѣ, а въ какой-то черной шапочкѣ, напоминавшей послѣдователя Цвингли, сидѣлъ въ старомодномъ, съ высокою спинкою креслѣ, и курилъ трубку. Длинный чубукъ ея съ трубкой въ проволочной сѣткѣ, чтобы не падалъ пепель, упирался на полу въ конвертъ; въ которомъ разсылаются по почтѣ *Московскія Вѣдомости*. Дѣвственная опрятность конверта хорошо показывала, что именно на это употребленіе они шли у экономнаго хозяина, и каждая новая почта, каждый номеръ *Вѣдомостей*, приносилъ новую стилку для его трубки, чтобы не страдали полы. Надъ зеленымъ кожанымъ диванчикомъ, висѣла въ дутой, бронзовой рамѣ масляная картина: рудожелтый попугай

на зеленой вѣткѣ. Но за всѣмъ этимъ было какъ-то пусто, и по всѣмъ стѣнамъ и во всей комнатѣ.

— Здравствуйте, Яковъ Антонычъ! началъ Нельцевъ тѣмъ полубормотаньемъ, которое такъ удобно бываетъ въ этихъ случаяхъ: — вашъ сосѣдъ... пріѣхалъ въ деревню... Нельцевъ Иванъ Александрычъ.—Онъ поклонился.

Старикъ очень любезно, сквозь весь гнетъ ипохондрическаго выраженія на лицѣ, улыбался, и повидимому радъ былъ гостю, и усаживалъ его.

— Мы, молодые помѣщики, говорилъ Нельцевъ все еще пріѣзственнымъ полубормотаньемъ:—такъ трудно бываетъ съ перваго начала... вотъ вы, кажется... въ вашемъ хозяйствѣ ужъ есть чему научиться...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, что вы!—и ипохондрикъ замахалъ костлявою рукою:—какой я хозяинъ...—и закашлялся.

— Вы однакожъ давно занимаетесь, старался Нельцевъ разговаривать старика,—а я рѣшительно думаю, что въ хозяйствѣ это главное. Опытность, она одна, важна. Всѣ эти руководства нынѣшнія, всѣ эти земледѣльческіе журналы, очень хороши были бы для англійскихъ фермеровъ, а не для насъ, Напримѣръ, травосѣяніе, плодоперемѣнная система, зачѣмъ намъ ихъ? Земли много, а рукъ нѣтъ, сбыту еще меньше. Тамъ другое дѣло, гдѣ каждый клочокъ цѣненъ, и гдѣ всякая рѣпа, свекла, турнепсъ какой-нибудь, сейчасъ найдутъ сбытъ на ближнемъ рынкѣ. А англійскіе фермеры, лучше всѣхъ предсѣдателей сельско-хозяйственныхъ обществъ, агрономію знаютъ. Вотъ и выходитъ, что ихъ журналы ни тамъ, ни здѣсь, никому не нужны!

Эта выходка Нельцева, видимо, понравилась старику, и онъ расшевелился, махнулъ рукою, и съ удареніемъ повторилъ: «никому ненужны!» и разсмѣялся какъ ребенокъ.

— Ну, хотѣлъ воспользоваться! Нельцевъ своею удачей,—а вы именно здѣшнее хозяйство, я говорю, изучили. Все наблюдать самому, въ продолженіи многихъ лѣтъ слѣдить за работами, это много значить!

— Да, вѣдь я тутъ ужъ двадцать лѣтъ живу, заговорилъ старикъ,—и, можно сказать, суркомъ живу. Пять лѣтъ тому назадъ... да, пять лѣтъ, такъ... два мѣсяца только прожилъ въ городѣ, лѣчился, а то все тутъ. У сестры останавливался на квартирѣ.

«Ба! подумалъ Нельцевъ, это ужъ не та ли тетушка,

у которой дочь его живетъ, какъ сказывалъ Бубеницынъ, и онъ хотѣлъ попробовать заговорить со старикомъ на эту тему.

— И тѣмъ болѣе, началъ онъ,—что вы, кажется, совершенно одни въ домѣ; я даже думаю, что это не только полезный трудъ, но даже пріятное для васъ развлеченіе заниматься хозяйствомъ, удовольствіе.

— Да, да... я одинъ, проговорилъ ипохондрикъ.

— Впрочемъ, что жъ я говорю? Если не ошибаюсь, у васъ, кажется, есть дочь, Яковъ Антонычъ, сказалъ Нельцевъ и спохватился: зачѣмъ дернуло, пожалуй, тревожить старика?

— Да, да, какъ же, дочы! (и въ лицѣ ипохондрика ексвило какое-то отчаянное выраженіе). Она у тетушки. Что жъ ей тутъ со мной старикомъ? Тамъ городъ... весело.

И онъ совсѣмъ закашлялся и отставилъ трубку, пощелкалъ платка за спиной, началъ подносить его ко рту, плевать, утираться. Нельцевъ глядѣлъ на этотъ потолокъ безъ малѣйшаго пятнушка надъ головой, на двойные рамы, на гигрометръ...

— Вотъ, началъ старикъ,—въ вѣдомостяхъ теперь все о коронаціи Лудовика-Наполеона пишутъ. Онъ и войну съ нами не затѣмъ ли затѣялъ, я говорю, чтобы папа скорѣй его короновать согласился, когда онъ побѣдами прославится? Въ Америкѣ также начинаютъ объ насъ говорить. Они пожалуй, Американцы-то, скорѣй Австрійцевъ намъ помощь подадутъ?

Мой герой очень любилъ разговоръ о политикѣ; но атмосфера комнаты, вѣроятно дала ему съ разу почувствовать, что старику ипохондрику политика нужна затѣмъ только, что всѣ мы часто любимъ интересами Америки и Африки отклонять чужое вниманіе отъ нашихъ домашнихъ дѣлъ, отъ нашей комнатной жизни. Нельцевъ отдѣлался какою-то очень краткою фразой о коронаціи Лудовика-Наполеона. Политика умолкла и ужъ не возобновлялась.

— Я даже изъ комнаты не выхожу, продолжалъ хозяинъ,—кажется у меня тепло, а я все въ ватномъ сюртукѣ, все боюсь, знаете, больной человекъ.

Воцарилось молчаніе.

— А что земля? спросилъ Нельцевъ, перебравъ въ умѣ десятки тѣмъ и не найдя ни одной удобнѣе этой:—какъ вы скажете, Яковъ Антонычъ? хороша земля у насъ тутъ?

— Земля хороша, нѣсколько оживленнѣе произнесъ старикъ:—ничего, хороша! И странное дѣло! въ нашемъ околоткѣ,

лучшая земля сошлась. Хорошо хлѣбъ родится. Со всего нашего уѣзда, мука всегда на торгу копѣйкой на пудъ противъ другихъ дороже; ну, а наша и подавно предпочитается. Хороша земля, хороша.

— У меня, въ Зеленьхъ-Горкахъ до сихъ поръ хозяйство плохо велось, продолжалъ Нельцевъ, — на наши счета положить нельзя; ну, а какъ вы, Яковъ Антонычъ, среднимъ числомъ опредѣлите, много вамъ десятина даетъ?

— Все розная, розная земля, будто нехотя отвѣчалъ старикъ, набрасывая какой-то непроницаемый мракъ на все, что только касалось лично его или его доходовъ, — неравно это, неравно. Что, вы все на эту картину смотрите? переѣхалъ онъ рѣчь, самъ повертываясь на креслѣ къ своему рудожелтому попугаю. — Очень искусно написано! Очень живо!

— Да, живо. —

— Это мой собственный крѣпостной человекъ писалъ, продолжалъ ипохондрикъ, и на этотъ разъ глаза его просіяли. — Онъ къ живописи талантъ получилъ. Онъ у меня прежде конторщикомъ былъ, хорошій каллиграфскій почеркъ имѣлъ; да я его теперь въ живописцы назначилъ; вижу, что имѣетъ склонность къ живописи, а его и опредѣлилъ въ школу, въ Москву. Пусть, если любить, занимается искусствомъ; двѣсти рублей каждый годъ за его ученье плачу. Очень хорошая работа.

Нельцевъ счелъ долгомъ ближе взглянуть на попугая, подошелъ къ картинѣ въ дутой бронзовой рамѣ, и похвалилъ.

— Очень, очень живо написано! говорилъ старикъ: — пусть его занимается, не сводя глазъ съ своего рудожелтаго попугая. — А теперь, продолжалъ онъ, когда Нельцевъ опять сѣлъ на своемъ стулѣ: — теперь я послалъ къ его учителю письмо, и пишу ему, чтобъ онъ заставилъ Фильку, подъ своимъ руководствомъ, написать мнѣ корзину съ цвѣтами, большую корзину съ фруктами и съ цвѣтами, и всѣ размѣры даже для рамки опредѣлилъ. Вотъ тутъ-то тогда ее и повѣшу.

И онъ указалъ мѣсто между двухъ оконъ, гдѣ даже былъ вбитъ предварительный гвоздь. Нельцевъ похвалилъ выборъ мѣста и сказалъ, что тутъ, въ этомъ простѣнкѣ, очень будетъ хорошо повѣсить корзину съ цвѣтами.

— И съ фруктами, прибавилъ ипохондрикъ.

— И съ фруктами, дополнилъ Нельцевъ.

Молчаніе послѣ того готово было установиться съ прежнею продолжительностію; но Нельцевъ вовремя спохватился.

— Эти крѣпостные, началъ онъ, — однакожь прещлохіе работники. Ужь о крестьянахъ я не говорю...

— Присмотръ нуженъ! произнесъ, внимательно слушавшій ипохондрикъ, и въ глазахъ его загорѣлъ мышинный огонекъ; — присмотръ нуженъ! повторилъ онъ опять, и на этотъ разъ не закашлялся.

— Ну, а сами дворовые теперъ? продолжалъ Нельцевъ: — вотъ вы говорите, за вашего мальчика вы платите ежегодно двѣсти рублей?

— Ежегодно двѣсти рублей взношу, двѣсти рублей къ 1-му января каждый годъ высылаю, подтвердилъ старикъ, — ассигнаціями, то-есть, двѣсти рублей, заключилъ онъ.

— Ну да, продолжалъ Нельцевъ, — это все же деньги. Итакъ всѣ дворовые стобятъ намъ чего-нибудь. Если наконецъ инымъ вы не платите жалованья, да всякій годъ идутъ имъ тулупы, да новое платье, да наконецъ мѣсячина выдается; все это опять тѣ же деньги, а какой толкъ отъ нихъ!

— Присмотръ и за дворовыми нуженъ! опять съ удареніемъ произнесъ старикъ: — и за дворовыми! — все еще не понимая, что нашъ герой, держа въ головѣ готовый проектъ, полный реформы, начиналъ ужь дѣлаться адвокатомъ замышляемыхъ преобразований. — За всѣми присмотръ нуженъ, и за дворовыми.

— Не лучше ли безъ нихъ? совсѣмъ безъ нихъ? горячился Нельцевъ. — Помѣщики этого не разочтутъ только, а на эти деньги гораздо лучше было бы просто нанять себѣ прислугу, и, конечно, она была бы вдесятеро лучше. Такъ точно и крестьяне! Ну дайте имъ сколько надо земли, лишнюю возьмите. За нее охотно они выплатятъ легкій оброкъ — и на этотъ оброкъ, и на этотъ лишекъ, который тотчасъ же у васъ поступить, конечно, въ дѣло, ну, наконецъ, бросивъ даже, пожалуй, что-нибудь въ началѣ для обзаведенія, вы всегда найдете вольныхъ работниковъ. Со стороны придутъ. И, конечно, они также будутъ работать вдесятеро лучше; притомъ ихъ самихъ понадобится вдесятеро меньше противъ нынѣшнихъ....

Старикъ, кажется, все еще не понималъ молодого новоприѣзжаго сосѣда, и въ недоумѣніи глядѣлъ на него.

— Противъ этой нынѣшней несносной барщины! уже видѣ всѣхъ условій крикнулъ разгоряченный ораторъ. — Ее уничтожить надо!

Вдругъ, точно змѣя ужалила въ ногу моего ипохондрика, онъ

побѣднѣлъ, затрясся... Отъ одного магическаго слова, казалось, нервный ударъ разбилъ его спину; губы его дрожали, въ глазахъ бѣгало какое-то выраженіе дѣтства. Весь въ пароксизмъ дѣтства, казалось, впалъ хилый, беззащитный старикъ.

Нельцевъ даже испугался.

Старикъ, какъ помѣшанный, глядѣлъ ему въ глаза, и все еще губы его то дрожали, то стискивались...

«Дернуло меня! думалъ Нельцевъ: никакъ я въ самомъ дѣлѣ нагородилъ ему тутъ какого-нибудь вздору. Что онъ такъ уперъ въ меня глазами?»

Старикъ все продолжалъ глядѣть на него какъ помѣшанный; казалось, хотѣлъ говорить что-то, шевелилъ губами, но молчалъ. Наконецъ онъ будто взялъ верхъ надъ собой, пересидилъ свой болѣзненный кризисъ, и только какимъ-то жалобнымъ голосомъ, какимъ-то сиротливымъ тономъ, такъ что Нельцеву даже становилось жаль, повторялъ отрывочно:—Я ничего-съ, я никому не мѣшаю. Я другимъ не мѣшаю, пусть и мнѣ... какъ я хочу... я ни къ кому не вхожу... пусть и ко мнѣ не входятъ... я другимъ не мѣшаю,—и онъ трясся всѣмъ тѣломъ.

Нельцеву рѣшительно становилось жаль старика, очень искренно становилось жаль.

—Ничего-съ, ничего-съ! продолжалъ старикъ, видя, что Нельцевъ устремилъ на него глаза:—не безпокойтесь!—и кажется какой-то припадокъ отлилъ отъ его лица, и на немъ опять показались живыя краски:—ничего-съ... не безпокойтесь!... Это на меня находить... припадокъ... Большой человекъ, да и старикъ, знаете...—И онъ опять, совершенно раскашлявшись, прикладывалъ къ губамъ платокъ, употреблялъ неимоверныя усилія освободиться отъ судорожнаго кашля, раскашливался пуще и глубоко падалъ въ кресла.—Ничего-съ,—и наконецъ выпивъ глотокъ воды, которая стояла у него на столѣ, въ кружкѣ съ крышечкой, повидимому совсѣмъ оправившись, —такой кашель, сказалъ онъ уже оченьлюбезно и видимо употребляя усилія доброю улыбкой побѣдить на лицѣ ипохондрическое выраженіе:—нападетъ, совсѣмъ замучаетъ. Будемъ-те знакомы; пожалуста, навѣщайте старика; вѣдь вамъ отъ Зеленыхъ-Горокъ близко. Я все одинъ, все одинъ...

Нельцевъ сталъ прощаться. Старикъ костлявою рукою сильно сжималъ ему руку, очень добродушно упрашивалъ навѣщать, не забывать, какимъ-то дѣтскимъ, запрашивающимъ

взоромъ глядѣлъ ему въ глаза, и шагая по полу мягкими плюсовыми сапогами, провожалъ до дверей.

— Пожалуста, Яковъ Антонычъ, не безпокойтесь, пожалуста, не безпокойтесь, говорилъ Нельцевъ, и самъ, сжимая ему очень искренно руку, остановился въ дверяхъ: — не безпокойтесь, мнѣ право совѣстно!

— Ничего, ничего, говорилъ старикъ.—Вы меня поѣтили въ моей берлогѣ (и онъ опять съ какимъ-то дѣтствомъ улыбался), и я вамъ очень, очень благодаренъ. Когда васъ можно застать дома?

— Всегда, когда вамъ только угодно, отвѣчалъ Нельцевъ,—но мнѣ право совѣстно, Яковъ Антонычъ, пожалуста, не безпокойтесь прѣзжать, не торопитесь по крайней мѣрѣ. Я такъ молодъ передъ вами; да только же прѣхалъ, въ домъ не устроено... Ради Бога, не безпокойтесь! говорилъ онъ совершенно искренно, съ сожалѣніемъ глядя на разстроенную, болѣзненную фигуру старика.

— Нѣтъ! нѣтъ! какъ же можно? перебивалъ этотъ, не занимая своего костяного рукопожатія.—Вы были такъ обязательны, такъ добры ко мнѣ, сдѣлали визитъ. Отдать надо. Я завтра же, непременно завтра буду у васъ. А то, знаете, вѣдь этимъ, я понимаю, обидѣться можно между помѣщиками; непременно, непременно!—И они простились.

Когда Нельцевъ спустился въ темную переднюю и вышелъ на крыльцо, онъ очень былъ радъ свѣжему воздуху. Къ крыльцу подъѣхала пара заждавшихся бурыхъ съ Антипомъ. Не безъ ужаса Нельцевъ опять оглядѣлъ вкось весь ставнями закрытый домъ, и поспѣшилъ съѣсть въ пролетку.

«Вотъ несчастный старикъ!» думалъ онъ, когда опять лошади неслись деревней, и они выѣзжали изъ Пашенки. «Охота мнѣ была къ нему пристать съ этою барщиной! Вотъ ужъ, что называется, ни для себя, ни для другихъ, не живетъ этотъ баринъ! и однакожь гдѣ, какъ не въ провинціи могъ бы я натолкнуться на всѣхъ такихъ людей? Вотъ оригиналь-то. Не уже ли, впрочемъ, здѣсь всѣ такіе? Отъ кого жъ однако можно тутъ будетъ услышать о хозяйствѣ-то что-нибудь? Право, еще Бубеницынъ выходитъ лучше; тотъ по крайней мѣрѣ хоть самъ для себя-то живетъ. Всѣ дѣла его, и вся эта общественная дѣятельность по губернии, конечно, издоръ! Ну да хоть для себя-то живетъ онъ! Неситъ картузы съ ко-

кардой, бьетъ себя хлыстикомъ по колѣнкѣ, и счастливъ! Такъ, на самомъ краю Россіи, гдѣ-нибудь подъ Путивлемъ, живетъ другой какой-нибудь помѣщикъ, ходитъ весь день на рукѣ съ кисетомъ, объѣдается вишнями, дулями; въ лѣтній жаръ скидаетъ съ себя даже сорочку, оставаясь въ одномъ кисейномъ халатѣ, ну! и также счастливъ по своему. Для себя-то живетъ по крайней мѣрѣ. А вѣдь этотъ-то, этотъ мой господинъ даже и для себя-то не живетъ! Вотъ чтò обидно!»

V.

— Куда прикажете ѣхать? перебилъ кучеръ, прервавъ этотъ потокъ размышленій Нельцева, когда оставивъ деревню за собой, пролетка выѣхала на дорогу.

— Что, къ Ронлицевымъ, это близко будетъ? спросилъ съдокъ.

— Въ Чарынду-то! обратился Антипъ, удерживая лошадей, и онѣ поѣхали шагомъ.—Это бы вамъ давеча, Иванъ Александрычъ, сказать, какъ только мы изъ дому выѣхали. Въ Чарынду-то прямо изъ воротъ дорога пойдетъ, а теперь большой крюкъ будетъ.

Нельцевъ помолчалъ, припоминая имена другихъ сосѣдей.

— Оно и теперь можно, обратился Антипъ, — да только крюкъ будетъ.

— Ну все равно, отвѣчалъ Нельцевъ, — въ другой разъ когда-нибудь, а теперь куда будетъ ближе проѣхать?

— Да вамъ куда надо-то? спросилъ Антипъ.

— Ну да хоть, къ этому, какъ его... Горихвостову...

— Къ Петру Иванычу?

— Да.

— Это въ Лебедовку, то-есть?

— Да, въ Лебедовку.

— Это ничего; можно. Это къ рукѣ будетъ.

Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, все тѣми же кустиками дорога пошла овсами. Роскошно зеленѣли они своею сочною молодою зеленью и ужъ колосились. Рядъ пестрѣла въ нихъ какая-то трава съ желтенькимъ пятнычкомъ, и кое-гдѣ по дороге видны были даже пучки этихъ, съ корнемъ вырванныхъ

цвѣточковъ, видно только на дняхъ выполонныхъ. Хорошіе овсы! подумалъ Нельцевъ.

— Это все Пашенскаго барина овсы, Якова Антоныча! обратился Антипъ, будто подслушавъ мысль своего сѣдока,—все его,—и онъ стегнулъ пристяжную, за ней подхватилъ и коренникъ, и шибко покатила въ пыли, по хорошо укатанной полевой дорогѣ.

«Онъ таки, думалъ Нельцевъ, хотъ и сидитъ въ кабинетѣ, а умѣеть за всѣмъ присмотръ держать! Вотъ чудакъ-то! что еслибы Стрѣлинскій увидалъ меня теперъ въ развѣздахъ по такимъ оригиналамъ!»

— А, это наши крестьянскіе! обратился къ Нельцеву Антипъ въ поддорогѣ.

«Хороши однако и наши крестьянскіе!» подумалъ Нельцевъ, глядя на эту роскошную, тучную зелень, хотя еще и неполно выколосившихся молодыхъ овсовъ. Шибко ѣхали дальше.

— А это и господскіе наши пошла! въ третій разъ обратился Антипъ, взявъ вправо, и Нельцевъ взглянулъ тогда съ удвоеннымъ любопытствомъ.

Рѣдкая, во всѣхъ мѣстахъ пробитая желтыми цвѣточками зелень, мелькала передъ его глазами, и даже во многихъ мѣстахъ сквозь рѣдкую зелень тамъ и здѣсь лысилась сама земля. «Плохо,» подумалъ Нельцевъ, и чѣмъ дальше ѣхали возлѣ этой зелени, все какъ-то мельче, какъ-то рѣже становились овсяныя былки, а среди нихъ уже разнообразилась самая роскошная, самая цвѣтущая флора и полыни, и куколя, и жабрея, и полевой горчицы, и козлеца, и василька, мало однакожь утѣшая взоръ молодого хозяина.

«Грустно! думалъ Нельцевъ: и когда это мнѣ все удастся... А это чье поле? Вотъ такъ овесь!» почти вскрикнулъ отъ радости Нельцевъ, когда вдругъ, чуть не на межѣ съ межей, повстрѣчалъ разительнѣйшую перемѣну. Лучше даже Кондыревскаго поля было теперъ это новое. Тучная, сочная зелень, уже не мягкая, а темноватая, которая на солнцѣ какъ-то сизѣла отъ избытка питательныхъ соковъ, взятыхъ изъ земли, сплошнымъ ковромъ покрывала землю, и хотъ бы гдѣ одна сорная травка! Такъ и глядѣло все поле богатымъ уживомъ и добрымъ умолотомъ.

— Вотъ овсище-то, Иванъ Александрычъ! ужъ совсѣмъ черезъ всю спину на этотъ разъ обратился Антипъ:—знатное поле!

— Это Петра Ивановича? Горихвостова?

— Да-съ, самаго Лебедовскаго помѣщика и есть, а вонъ и усадьба,—и онъ показавъ въ сторону.

Ну ужъ хозяинъ! думалъ Нельцевъ: въ самомъ дѣлѣ значить Бубеницынъ говорилъ правду!—И онъ съ какою-то непонятною, для васъ, городской читатель, восторженностію, съ волненіемъ своего рода, глядѣлъ на это тучное, сочное, высокимъ и зернисто-высыпавшимъ овсомъ покрытое поле; не могъ онъ отъ него оторваться, и съ досадою пожалѣлъ, когда вдругъ вправо и влево пошелъ березникъ, надъ самой головой замедькали гибкіе, мелкимъ листомъ одѣтыя вѣтки.

— А гдѣ жъ усадьба-то? спросилъ онъ.

— Закрылась! отвѣчалъ Антипъ, пристегивая и безъ того крупною рысью бѣжавшихъ бурыхъ. Вотъ глядите влево-то, прудъ, за нимъ пригорокъ, а на пригоркѣ усадьба.

Какою-то добротностію глядѣли всѣ строенія, къ которымъ подвѣзжалъ Нельцевъ. Изъ толстыхъ бревенъ была сложена рига, и крыша ея, крытая *въ прическу*, сытно была напитаана соломой. Вотъ длинный, съ галлеереей подпертою столбиками, хозяйскій амбаръ, и толсты эти столбики, въ видѣ колонокъ подпирающіе навѣсъ; въ дверяхъ, внизу, продѣланы широкіе полукруги, и видно сами коты и кошки, которымъ оставлены эти лазѣйки, здѣсь все крупные и сытые. Гумно желтѣло своими огромными скирдами. Они были сложены съ высокими, крутыми подъемами, съ острымъ гребнемъ, и образовывали тутъ цѣлые переулки, цѣлый городокъ. Очевидно, не нуждающійся въ деньгахъ хозяинъ, бережетъ тутъ свои прошлогодніе урожаи, чтобы не продавать въ дешевые годы, и выжидаетъ голоднаго, и тутъ съ разу распродастъ всѣ эти переулки за десятерную цѣну. Бурые прошли по двору, съ аппетитомъ, кажется, поглядывая на маленькіе стожки сложеннаго сѣна, за столбиками съ перекладинами, изъ которыхъ образовывалась линія къ крыльцу. По всему двору пахло свѣжпмъ сѣномъ. Домикъ былъ не большой, но глядѣлъ очень «притынно». Высокое крыльцо, большое какъ у Нельцева въ Зеленыхъ Горкахъ, крутыми ступенями ввозило къ парадной двери.

— Вамъ кого-съ надобно?—и Нельцевъ увидалъ на самой послѣдней ступени, возлѣ пролетки, курносаго мальчика, въ какомъ-то сѣромъ казакишѣ, со взъерошенными волосами и съ преплутоватымъ выраженіемъ лица. А на самой верхней ступени, въ полурастворенной двери, стоялъ другой, казалось двой-

никъ его, какъ двѣ капли воды такой же мальчикъ, въ такомъ же точно сбромъ казакинѣ, съ такими же взъерошенными волосами и съ тѣмъ же плаговатымъ выраженіемъ лица. Въ одномъ изъ оконъ мелькомъ замѣтилъ Нельцевъ женскую фигуру, къ стеклу припавшую лицомъ, съ подвязанною щекою.

— Вамъ барина-съ надо?

— Да, отвѣчалъ Нельцевъ, не слѣзая съ пролетки.

— Барина самого нѣтъ, отвѣчалъ курносый мальчикъ на нижней ступени, — они уѣхали къ Павлу Васильичу, въ Зыблово.

— Ну, а барыня дома? спросилъ Нельцевъ.

— У нихъ зубы болятъ! крикнулъ съ верхней ступени двойникъ.

Достаточная причина, подумалъ Нельцевъ, не заходить къ хозяйкѣ; въ другой разъ какъ-нибудь увижу. — Такъ скажите барынѣ, сказалъ онъ верхнему мальчику, — что я не хотѣлъ тревожить... А самого Петра Иваныча я теперь застаю въ Зыбловѣ? обратился онъ къ нижнему.

— Безпремѣнно они тамъ теперъ, вы ихъ тамъ безпремѣнно застанете, отвѣчалъ курносый.

— Сегодня и кушаютъ они тамъ, добавилъ двойникъ съ верхней ступени.

— Пошелъ въ Зыблово! сказалъ Нельцевъ Антипу, и когда бурные огибали дворъ и, поглядывая на вкусно-сложенное сѣно за перегородами, неохотно шли въ ворота, Нельцевъ опять замѣтилъ въ окнѣ лицо съ подвязанною щекою, плотно прильнувшее къ стеклу въ наблюдательномъ положеніи.

«И тѣмъ лучше, думалъ мой герой, что въ одномъ мѣстѣ за-разъ обдѣлаю два визита. Эти курносые скажутъ ему, что я былъ; ну, а хозяйка больна, странно бы мнѣ ее тревожить. А какой однакожъ, въ самомъ дѣлѣ, долженъ быть хозяинъ, этотъ Петръ Иванычъ! Что у него хлѣба! Въ какомъ порядкѣ вся усадьба! Сами эти мальчики какіе плотные, и въ какихъ одинаковыхъ еще казакинахъ. Чего добраго, пожалуй, и самое это сѣрое сукно, на нихъ, дома изготовлено. А выгонъ! (Въ самомъ дѣлѣ, большое стадо породистыхъ, сытыхъ коровъ паслось на дугу, и нѣкоторые, сладко покушавъ, грузно лежали у самой дороги, поджавъ подъ себя ноги). А этотъ лѣсокъ направо! И весь у дороги обрытъ канавой! Дѣдьно! У самой канавы сложены кучи хворосту. Практически, то какъ все! Лѣсокъ у самого дома, и частый такой: надо же его расчищать, вѣрно

онъ и идетъ на дрова; и близко, а съ тѣмъ вмѣстѣ и необходимая при этой чащѣ расчистка, славно!» За маленькимъ, но частымъ лѣсочкомъ открылось ржаное поле.

— Вотъ рожь-то, Иванъ Александровичъ! съ годовой сходишься! опять обратился Антипъ:—ужь и умолотна же какъ!

— Но теперь и безъ Антипова приглашенія, молодой хозяинъ давно любовался этою богатырскою растительностію! Досыта напитавшись доброю почвой, густымъ лѣсомъ росла колосистая! Поникъ, и засвѣкалъ другъ друга, и цѣплялся, и причудливо другъ за дружкой узорился отяжелѣвшій колось. Ужъ желта, суха была солома, и шелестила. Самому вѣтру, казалось, не подь-силу, не легко было волновать эту упругую, рослую, здоровую ниву; какъ-то упруги были эти волны колыхавшейся нивы, какъ-то не вдругъ, не онѣша, не торопливо, а съ раздумьемъ нагибались и покачивались колѣчатые былинны, съ глубокомыслиемъ поколыхивались обильные зерномъ колосы.

— Совсѣмъ поспѣла, и жать пора! опять замѣтилъ Антипъ, и прибавилъ рыси своимъ буримъ, которые видимо начинали теперь, чуть кучеръ засматривался, урывать шагъ.

«Какъ онъ это дѣлаетъ? опять не переставалъ самъ себя разспрашивать наблюдательный хозяинъ: вѣдь вотъ не пожалуется на барщину! Видимо, работы у него не стоятъ. Очень, очень интересно будетъ съ нимъ повидаться у Бубеницына и потолковать обо всемъ. Вѣдь этакій-то ржи, пожалуй, копенъ двадцать на десятинѣ станетъ; да каждая-то копна, пожалуй, дастъ больше четверти! Ну, по четверти кругомъ положимъ, и то хорошо: съ десятины двадцать четвертей. По пяти цѣлковыхъ, положимъ, четверть; это сто рублей серебромъ десятина—хорошо! Десятинъ у него въ полѣ двадцать пять, это выйдетъ всего двѣ тысячи пятьсотъ цѣлковыхъ—хорошо! И у насъ-то говорятъ еще невыгодно хлѣбопашествомъ заниматься! Да умѣй только, право, вотъ какъ этотъ Петръ Иванычъ хозяйничать, много можно сдѣлать. Да не одна рожь опять же. Тамъ овесъ есть, а тамъ еще...

— Вотъ въ этомъ самомъ лѣсу, Иванъ Александрычъ, перебилъ Антипъ, прерывая нить размышленій Нельцева:—очень много зайцевъ водится, все бѣлякъ больше попадаетъ. Тутъ каждую осень самъ Чарындовскій баринъ охотится, Ронлищевъ значитъ.

Нельцевъ поглядѣлъ налѣво. Славный липнякъ, довольно крупнодеревый, манилъ своею душистою зеленью. Прямо шли

вверхъ богатые лубя, обѣщавшіе стволы; кустарниковый березникъ и орѣшникъ составляли подлѣсокъ. Долго рояною стѣной, все ближе и ближе подходя къ дорогѣ, танулся этотъ драгоценный липнякъ; столбики, раздѣлявшіе его на участки, попадались черезъ каждые сто саженой; на нихъ чернѣли какіе-то отбѣтины... И вдругъ роскошная роща уступила мѣсто голому необозримому пространству съ безобразными пнями, съ неуклюжею, въ разныя стороны разметавшеюся, дикою травой. Въ рѣдкихъ мѣстахъ пробивались новые кустики, или гдѣ-гдѣ торчалъ маленькій, развѣсистый дубочекъ... Было пусто и какъ-то угрюмо послѣ той роскошной, недавней рощи.

— Только три года, какъ Бубеницынъ тутъ рощу свелъ, обратился Антипъ:—а какія дерева-то были важныя! Куды лучше тѣхъ, что сейчасъ проѣхали. На одно мале что на мѣстѣ разобрали!

«А какъ же? подумалъ Нельцевъ: понадобится, такъ срубивъ. Вотъ и въ Зеленыхъ Горкахъ, пожалуй, придется сводить Лисій Клинь. Красивъ лѣсъ, но красиво и двѣсти пѣлковыхъ за десятину взять. На дѣло бы шли только! Однако нѣтъ, вотъ Петръ-то Иванычъ Горихвостовъ не спалилъ своей рощи, а все въ какомъ порядкѣ! Неужели онъ это однимъ только умѣніемъ своимъ устроилъ все?»

И пуще хотѣлось ему теперь увидеть этого замѣчательнаго хозяина, необыкновеннаго человѣка.

— И прекрасно! восклицалъ на крыльцѣ самъ Павелъ Васильевичъ Бубеницынъ, съ салфеткой въ рукѣ.—А мы только что было за столъ сѣлись. Вотъ это люблю! Вотъ это по дружески! Ну, embrassez-moi donc!—и сбѣжавъ со ступеней, онъ ужъ обнималъ Нельцева, который только что спрыгнулъ съ пролетки.

— Какъ обѣдать? Боже мой, извините, я, право, не зналъ!—и гость смущался.

— Э! нечего тутъ батюшка! голосилъ хозяинъ.—Не отпущу безъ обѣда. Мы по-деревенски, въ третьемъ часу обѣдаемъ, и не взыщите, cher ami, чѣмъ Богъ послалъ! Милости просимъ! Сказалъ ужъ, не отпущу безъ обѣда.—И онъ, закинувъ салфетку на плечо, отворялъ двери и впускалъ Нельцева въ сѣни.

Въ домѣ однакожь произошло маленькое замѣшательство. Всѣ, точно, сѣлись было за столъ; но, увидавъ подъѣзжавшую пролетку, а на ней молодаго Ивана Александровича, ново-

пріѣзжаго, городского сосѣда, Прасковья Степановна выбѣжала изъ комнаты, вѣрно переменить платье, или по крайней мѣрѣ накинуть что-нибудь болѣе изысканное на плечи, а можетъ-быть и приказать пятое блюдо и вина къ столу. Нельцевъ такимъ образомъ попалъ не въ столовую, а въ гостиную. Тутъ находилась какая-то, не то нянька, не то гувернантка, съ малолѣтнюю дочкой Бубеницына, и еще былъ толстенный, съ пухлыми розовыми щеками господинъ, съ очень полненькимъ брюшкомъ, въ гороховыхъ панталонахъ, съ русыми волосами, зачесанными не слишкомъ впередъ и не слишкомъ назадъ, наконецъ, съ голубыми глазами, въ которыхъ, пожалуй, не было ничего дурнаго, напротивъ, даже скорѣй можно было назвать ихъ добрыми; но только иѣся кругленькая фигурка, и сами глаза, были густо пропитаны тѣмъ превосходствомъ плоти надъ духомъ, тою *матеріальщиной* (слово, которое въ иныхъ случаяхъ даже Бубеницынъ любилъ лично къ себѣ прижывать), наконецъ, тѣмъ пошловатымъ оттѣнкомъ, которымъ такъ художественно запечатлѣны многіе изъ созданий Рембрандта. Это былъ онъ самъ, Петръ Ивановичъ Горихвостовъ.

— Петръ Ивановичъ, сказалъ Бубеницынъ, сводя гостей другъ съ другомъ.—Я, батюшка, Иванъ Александрычъ, ужъ васъ отрекомендовалъ ему. Ахъ, да! Былъ я у Рондищева... По всей нашей округѣ протрезвонилъ о васъ... Ну, старикъ кажется будетъ отъ васъ безъ ума. Я сказалъ ему, что вы изъ Московскаго университета; онъ очень интересуются вами. Смотрите, соглашайтесь только съ нимъ о какомъ-то тамъ земствѣ, и онъ будетъ очарованъ вами.

— Большой оригиналъ! вмѣшался Горихвостовъ:—все о какомъ-то земствѣ, изволите видѣть, толкуетъ. Мы, грѣшные люди, слышали это слово, да и понимаемъ по своему, что это земскія повинности выходить (оно, знаете, и ближе къ намъ); такъ нѣтъ, онъ тамъ въ какихъ-то, изволите ли видѣть, географическихъ актахъ другое земство отыскалъ. Оригиналъ большой, и свою дочь совершенно затворницей воспитываетъ!

— Батюшка, не географическихъ вѣдь! вмѣшался Бубеницынъ:—Хронологическихъ, вотъ какъ.

— Такъ ужъ позвольте же, и не хронологическихъ, если такъ! не безъ обиженности возразилъ этотъ:—помните, какая-то тамъ еще, не временная, а другая комиссія есть?

— Это не въ актахъ ли археографической комиссіи? рѣшился поправить Нельцевъ.

— Такъ-такъ, батюшка. Эти университетскіе все знают!

— Такъ точно-съ!

— Въ одно слово! сказалъ Павелъ Васильевичъ.

— Въ одно слово! сказалъ Петръ Ивановичъ.

Нельцевъ только что было хотѣлъ завладѣть Горихвостовымъ, дверь отворилась, вошла Прасковья Степановна въ шелковомъ двуличномъ *couleur d'acier* платьѣ.

— Жена! кликнулъ Павелъ Васильевичъ:—позвольте мнѣ васъ, Иванъ Александрычъ, хозяйкѣ представить.

Прасковья Степановна, какъ-то уже пересоливъ развязность, подала Нельцеву руку. Онъ пожалъ, и волей-неволей долженъ былъ сопровождать ее къ дивану, и сѣсть рядомъ въ креслѣ.

— Я, Иванъ Александрычъ, продолжалъ хозяйнѣ, — много объ васъ вчера говорилъ Парашѣ, и она васъ также отъ души полюбила. Славный, славный малый! Ну, поцѣлуйте же меня, душенька.

И облобызавшись, Бубеницынъ пропалъ, чтобы поторопить обѣдъ и закуску, а Горихвостовъ подошелъ не то къ нянѣ, не то къ гувернанткѣ, сталъ подымать на руки ребенка, всячески имъ забавлялся, и очевидно велъ себя тутъ полнымъ другомъ дома. Прасковья Степановна была моложавая на видъ особа, но въ лицѣ ея непріятно поражалъ недостатокъ середняго верхняго зуба.

Нельцевъ, несмотря на ея пышный платокъ, могъ легко замѣтить, что она находилась въ такъ-называемомъ интересномъ положеніи. Теперь она положила свою ручку, синѣвшую по оконечностямъ (она нервная дама), на столъ, и пыталась заговорить.

— Давно вы изъ Москвы? былъ ея первый вопросъ.

— Съ мѣсяць, отвѣчалъ Нельцевъ:—чтожъ я, впрочемъ? ужъ полтора мѣсяца.

— И вѣрно, съ непривычки, очень скучаете въ деревнѣ, продолжала дама.

— Я не знаю, почему вы такъ думаете, Прасковья Степановна, хотѣлъ отвѣчать Нельцевъ.

— Ну, какъ же! перебила дама, и болѣе ловкое положеніе, которое она приняла на диванѣ, обнаружило, что теперь-то она собралась съ силами и заговорить шибко.— Ужъ какъ же не скучать-то, Иванъ Александрычъ? Послѣ всѣхъ баловъ, разныхъ увеселеній въ столицѣ, да вдругъ попасть въ деревню, ужъ какъ же не скучно? Вотъ мой Поль самъ все разъ-

зжасаетъ, такой право! А меня тутъ вѣчно одну сидѣть заста-
вляютъ! (И она улыбалась этому.) Вѣрите ли? даже со старо-
стой, у него, я обо всемъ говори, всѣ счета даже сама пере-
писывай... ха, ха, ха!..

И недостатокъ, о которомъ было упомянуто, теперь обна-
ружился во всей раскрытости.

— Вѣдь вотъ эти барыни какія! подлетѣлъ съ своимъ пух-
ленькимъ брюшкомъ Горихвостовъ:—въ деревнѣ имъ и скучно;
о хозяйствѣ съ ними и говорить не смѣй! А вѣдь того не
разочтете, сударыня, что если безъ хозяйства-то (обратился
онъ уже лично къ ней), такъ на ваши же эти всѣ и юпочки, и
чепчики, и тафтицы-то, и кисейки, у мужьева не достанетъ.
Вотъ на васъ платокъ съ розанчиками, Прасковья Степановна!
а вѣдь денешки-то за него вашъ же мужичокъ, снопы-то въ
полѣ ворочавши, выплатилъ. Вы какъ-съ думали? Да-съ.—
Такъ вѣдь говорю? обратился онъ къ Нельцеву.

Но Прасковья Степановна презрительно улыбулась, смотря
въ глаза Нельцеву, и съ разу дада почувствовать, что, хотя
Петръ Ивановичъ и допущенъ къ нимъ въ домъ по правамъ
сосѣдства, но съ нимъ ничего не хочетъ она имѣть общаго въ
его тривиальности.

— Ужь какъ же не скучать-то въ деревнѣ? варьировала она
на прежнюю тему:—какое тутъ вы найдете общество? Въ го-
родѣ ужь, особявно въ столицѣ, всѣ эти театры, балы въ со-
браньи, гулянья, маскарады, столько различныхъ удоволь-
ствій...

«Вотъ бы свести ее съ Лизанькой Кашинской!» подумалъ
Нельцевъ.

— Ну, гвардія, маршъ! раздалось въ это время въ дверяхъ,
и Павелъ Васильевичъ отошелъ всторону, въ ожиданіи чего-то.
На середину комнаты вылетѣла какая-то будто пансіонерка
изъ предпоследняго класса, въ бѣлокурыхъ доконахъ, съ от-
крытыми плечами, въ коротенькомъ платьицѣ. Она присѣла
Нельцеву посрединѣ комнаты, потомъ покраснѣла до ушей,
и, сложивъ локти, сѣла на угольный стулъ, совершенно уже
потупивъ глаза въ полъ.

— Это моя старшая дочь! сказалъ Павелъ Васильевичъ:—
славно поетъ!

— Зиночка! добавила Прасковья Степановна.

За нею вылетѣла вторая, точь-въ-точь такая же, но помень-

ше; выполнила то же присяданье, такъ же потупилась и сѣла рядомъ къ Зиночкѣ.

— Вторая! выкликалъ Павелъ Васильевичъ.

— Машенька! добавила Прасковья Степановна,—на фортопianaхъ играетъ.

Далѣе вышла новая, уже значительно поменьше тѣхъ двухъ, и поклонилась просто, кивнувъ головой безъ присяданья, и не бѣлокурая, а съ крупными черными глазами и уже совершенно въ дѣтскомъ платьѣ.

— Третья! выкликалъ Павелъ Васильевичъ:—это мой любимецъ; ишь какъ на меня похожа!

— Глафира! добавила Прасковья Степановна.

Выползла еще одна.

— Средняя! кликнулъ Павелъ Васильевичъ.

— Варвара! сказала Прасковья Степановна;—вся въ меня!

Выползли еще новыя двѣ, и тогда, взявъ отъ няньки последнюю крошку, Павелъ Васильевичъ подвелъ ее къ этимъ, и сказалъ:—«Это ужь моя *молодая гвардія* пошла! Ну, Иванъ Александрычъ, вотъ я и со всѣмъ домою теперь васъ познакомилъ!»

Три отроковицы сидѣли чинно тѣмъ временемъ, краснѣя, на стульяхъ; четвертая (та, которая въ мамоньку) уже кутала свою голову въ складки Прасковьи Степановниной платья. Подали водку и закуску. Нельцевъ выпилъ рюмку, проглотилъ редиску.

— Все по нашему! сказалъ Павелъ Васильевичъ, ужь ударяя его по плечу:—и этимъ не брезгуетъ!.. Пойдемте обѣдать! Параша, молодая-то гвардія пусть въ дѣтской обѣдаетъ.

Хозяйка поднялась, отроковицы послѣдовали.

— А мы-то, хозяинъ, развѣ не пропустимъ? сказалъ Горихвостовъ, подходя къ закускѣ.

— Безъ фундамента домъ не строится. Можно! скрипнулъ Павелъ Васильевичъ, и когда въ столовой размѣщались всѣ по мѣстамъ, отодвигали стулья, Нельцевъ замѣтилъ редиску, еще мотавшуюся своимъ длиннымъ хвостикомъ въ здоровыхъ зубахъ Горихвостова. Странное дѣло! тому навадъ четверть часа, такъ хотѣлось Нельцеву скорѣе сблизиться съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, такимъ замѣчательнымъ хозяиномъ! Теперь ужь онъ глядѣлъ на него какъ-то недоувѣрчиво.

Обѣдъ шелъ своимъ порядкомъ. Хозяйка разливала супъ, подавались маленькіе блинчатые пирожки съ фаршемъ, окрап-

ленные зеленую грилье; бутылка бѣлаго и бутылка краснаго вина стояли въ двухъ фокусахъ овала; отроковщцы кушали молча и глядѣли въ свои тарелки; хозяйка едва успѣвала кушать и поглядывала на тарелки гостей. Мужской уголь работалъ оживленнѣе; Павелъ Васильевичъ говорилъ что-то, и потомъ смѣялся; Горихвостовъ смѣялся, и потомъ ужъ говорилъ. Лакей вторично подносилъ блюдо съ пирожками къ Нельцеву, тотъ не взялъ; не подносилъ къ Горихвостову, тотъ самъ кликнулъ и взялъ. Соусникъ стоялъ на подносѣ съ салатомъ, перемѣшаннымъ рѣзаными огурцами, другой съ соевыми грушами. Стали подавать холодное, соусъ.

— А вѣдь я, заговорилъ Нельцевъ, — прежде къ вамъ, Петръ Ивановичъ, заѣхалъ.

Петръ Ивановичъ неожиданно всталъ съ салфеткой въ рукѣ, поклонился и опять сѣлъ. — Скажите, а я вѣдь и не зналъ! вымолвилъ онъ, проглатывая спаржу, и утеръ на губахъ соусъ салфеткой.

— Какъ же! продолжалъ Нельцевъ: — я къ вамъ сюда изъ Лебедовки (онъ обратился къ Бубеницыну); прежде къ Петру Ивановичу заѣзжалъ!

— А ужъ я-то, значить, въ это время тутъ былъ, нашелся Горихвостовъ, и вмѣстѣ со спаржей, смачивалъ и свои пальцы въ сабайонѣ.

— Мнѣ такъ и сказали, отвѣтилъ Нельцевъ, скорѣе ведя къ тому, что онъ не успѣлъ посѣтить хозяйку: — а супруга ваша, я узналъ, не совсѣмъ здорова; ужъ и не посмѣлъ тревожить.

— Опять зубы болятъ? спросилъ у Горихвостова Павелъ Васильевичъ.

— Зубы-то еще ничего бы, отвѣтилъ Горихвостовъ, утершись салфеткой, отдалъ лакею тарелку съ цѣлою горою обѣдковъ спаржи, и видимо приготовился заговорить вволю: — зубы-то еще куда бы ни шло! повторилъ онъ: — надо будетъ только къ городничему съѣздить, и онъ дастъ средство; онъ какую-то симпатю знаетъ. Я такъ Гашенькѣ и общалъ, а вотъ гдѣ мое дѣло-то плохо-съ, Прасковья Степановна, правая рука у жены заболѣла, совсѣмъ вотъ отъ этихъ мѣсть (и онъ указалъ себѣ на плечо) и до самой-то кисти руки, знаете, опухла. Вотъ мнѣ, Прасковья Степановна, ужъ и плохо. Въ городѣ-то у насъ цырюльника нѣтъ, Иванъ Александрычъ, такъ меня жена всегда стрижетъ... Чему вы смѣтесъ? вѣрьте. А рука у ней заболѣла, вотъ теперь я и ходи нестриженный.

— Ужь вы вѣчно разкажете что-нибудь! ей! (и дама опять презрительно улыбнулась). Этотъ Петръ Иванычъ, обратилась она къ Нельцеву, — воображаетъ, что всѣ могутъ интересоваться такими его разказами! Ну ужь, Иванъ Александрычъ, а какъ онъ пристаесть къ вамъ еще о хозяйствѣ толковать, вотъ ужь одолѣте-то; точно, въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ можетъ быть интересно слушать о хозяйствѣ?

— Да какъ же не интересно-то? Позвольте, позвольте! (И пухленькая фигура Горихвостова перетягивалась на стѣлу, и улыбка на круглыхъ щекахъ обращалась попеременно то къ Прасковѣ Степановнѣ, то къ Нельцеву.) Теперь, я говорю, позвольте, деньги: развѣ это не интересно? Ну-те-ка-съ? А деньги, чтѣ такое деньги? Хозяйство... да-съ... хозяйство. Ну, а хозяйство чтѣ такое? Земля... да, земля. Какъ же не интересно-то? Теперь вотъ вамъ другой примѣръ. Для чего деньги нужны? Чтобы мужъ женѣ покупалъ наряды, — такъ ли-съ, Прасковья Степановна? Ужь для жены чтѣ пуще нарядовъ? А для мужа, натурально, пуще всего — жена! Такъ ли-съ, Иванъ Александрычъ? Вы только слушайте, чтѣ дальше-то будетъ? Жена-съ, женщина, — это, какъ говорится, перлъ-съ, самый перлъ созданія. Ну-съ, а изъ чего создана жена? вспомните, изъ ребра Адамова! Такъ ли-съ? Ну, а Адамъ? изъ земли, вотъ видите, — и опять земля, Прасковья Степановна!

И теперь окончательно увѣренный, что произвелъ фуроръ, Горихвостовъ уже смѣлся, сама Прасковья Степановна заливалась; Нельцевъ замѣтилъ еще, что даже и на одну изъ сосѣдокъ, юныхъ отроковицъ, чудный разказъ Горихвостова произвелъ веселое впечатлѣніе.

— Нѣтъ, батюшка, возьмите! До тѣхъ поръ блюда относить не велю, возьмите! говорилъ Павелъ Васильевичъ, перекачнувшись къ Нельцеву и удерживая руками блюдо бнестека съ мелкимъ поджаренымъ картофелемъ, хрѣномъ въ стружкахъ и всякою зеленью. — Попробуйте! Мой Ѳедотъ въ чемъ другомъ пассъ, а ужь бнестекомъ удовлетворить. Въ клубъ, въ Москвѣ, такого не ѣдали, ручаюсь! Возьмите, батюшка, не отпущу.

Обѣдъ продолжался въ томъ же духѣ; только одна изъ отроковицъ обилась сокомъ; Павелъ Васильевичъ выговорилъ: «Эхъ, Глафира Павловна, оплошали! въ молодую гвардію васъ перевести надо!» А Прасковья Степановна ужь и очень неумильными глазами поглядѣла на залитое платьице дочери.

— Да! опять заговорилъ Нельцевъ: — я, проѣзжая вашими

полами, просто любовался, Петръ Ивановичъ! Чтò за прелесть Вотъ хозяйство-то!

— Ну, вотъ, вы видѣли!.. Все нападаетъ на меня, теперь, Прасковья Степановна; а вѣдь какъ же хотите безъ занятій? Имѣнне же опять у меня кровною цѣной куплено, благопріобрѣтѣнное. Намъ-то, четверемъ братьямъ, отъ отца съ ма-тушкой, одинъ горохъ остался.

— Какъ горохъ?

И опять съ удивительно-фигурнымъ краснорѣчіемъ объяснилъ Горихвостовъ, что родственники какіе-то затягали имѣніе, даже рожь обмолоченную себѣ взяли, одинъ горохъ имъ отдали, и пр. и пр.

— Я въ уѣздномъ городѣ, не въ И*, значить, а въ Ерусланскѣ послѣ того долгое время въ судѣ служилъ; но и въ городѣ все больше огородами занимался. Потомъ-съ ужь, какъ Богъ благословилъ мою долю, тутъ же опять я съ Аглаей Федосьевной познакомился, обвинчались мы, ну и захотѣлось мнѣ своимъ домкомъ зажить. Купилъ это я на кровныя денежки; имѣнне все же не маленькое-съ, да разстроенное притомъ (ужь иначе-то, гдѣ жь бы мнѣ его купить было?) Семья, жду, увеличиваться будетъ; надо же было заняться. И вѣдь чтò, Павелъ Васильичъ?—лѣтъ восемь, такъ, кажется, не больше, —мы съ Аглаей Федосьевной въ Лебедовкѣ, а могу сказать, привелъ въ порядокъ...

Стулья въ это время загремѣли; всѣ вставали, кланялись. Нельцевъ пожалъ руку хозяйки.

—Ну чтò? Не за чтò! сказала она, улыбаясь, полуобратясь отъ стола, гдѣ собирала что-то на тарелку, вѣрно для собачки:— есть за чтò?—И опять она улыбалась и платкомъ слегка прикрывала свой недостатокъ. — Извѣстно ужь, нашъ обѣдъ не городской!

Подошелъ къ ручкѣ Горихвостовъ.

— Прелесть, кумушка, сказалъ онъ,—прелесть вашъ обѣдъ! —и поцѣловалъ ручку.

— Ну ужь, Павелъ Васильичъ, накормили! говорилъ Нельцевъ:—буду помнить.

— Ну ужь, батюшка, и кофею надо выпить! отвѣчалъ Бубеницынъ.—Трубки не хотите ли? Я послѣ обѣда все трубку курю.

— Спасибо, Павелъ Васильичъ (Горихвостовъ пожималъ ему руку).—Ну, а теперь въ аудіенцъ-залу? да?

— Да! отвѣчалъ Павелъ Васильевичъ.

— По обыкновенію, значить? допросилъ Горихвостовъ.— Ну, и хорошо! Послѣ обѣда-то лучше холостая компанія.

— У меня, Иванъ Александрычъ (Бубеницынъ обратился къ Нельцеву), англійскій взглядъ на жизнь, кофе пить мы въ кабинетъ пойдемъ: безъ дамъ, знаете... А аудіенцъ-зала, это Петръ Ивановичъ говорить потому, что мы тамъ обыкновенно наливочкой прохлаждаемся.

«Теперь-то по крайней-мѣрѣ, думалъ Нельцевъ, вызову Горихвостова, потолкуемъ съ нимъ.»

Вошли въ кабинетъ.

VI.

— Фу! душно какъ! завопилъ Павелъ Васильевичъ, и принялся отворять, всё до одной рамы.— Трубочки, господа, не хотители? Вотъ къ пирамидкѣ, милости просимъ!— И онъ, на письменномъ столѣ оправивъ какія-то бумаги, колѣнкой затолкнулъ подъ столъ, корзину съ рваною бумагой. Нельцевъ между тѣмъ разсматрѣлъ на стѣнахъ эти извѣстныя женскія фигуры въ костюмахъ «блудницы», съ причесанными, нечесанными и съ причесываемыми волосами. Подали кофе.

— Я немножко пораспушу жилетку, говорилъ Горихвостовъ и не совѣмъ граціозно что-то расправлялъ за спиною.

— Вотъ, cher ami, мѣсто мое послѣ обѣда! говорилъ Павелъ Васильевичъ, усаживаясь подъ окномъ въ вольтеровскомъ креслѣ.

— Мнѣ сливокъ не надо! говорилъ Нельцевъ лакею, который не отходилъ отъ него съ подносомъ, неудовлетворенный повидимому тѣмъ, что Нельцевъ, взявъ чашку, не коснулся серебрянаго сливочника.

Оказалось, что Петръ Ивановичъ не только не былъ, что называется, тугъ на слово; напротивъ того, едва Нельцевъ выказалъ расположеніе послушать его хозяйственную исповѣдь, этотъ не отлипалъ отъ него.

И, Боже мой! чего только не говорилъ этотъ пріятный господинъ! Какими разнообразными свѣдѣніями, были пересыпаны его живописные разказы! Какою глубокою мудростью, знаніемъ обыденной жизни, дышали его импровизаціи! Онъ толковалъ и о болѣзняхъ канарѣекъ, и о томъ, какъ надо мо-

золи сводить, и какую у себя въ деревнѣ онъ самъ молотилку изобрѣлъ, и какое есть симпатическое средство отъ бѣльма.

Нельцевъ подводилъ его ближе къ цѣли, сосредоточивалъ разговоръ на ржи, на овсѣ, на ригѣ, на амбарахъ. Кофе прекратился. На смѣну явились бутылокъ восемь разныхъ наливокъ. Огромный подносъ весь былъ усыпанъ стаканчиками. Хозяинъ угощалъ, перекликалъ названія рябинокъ, вишневокъ. — А вотъ это куманичка! говорилъ онъ. Горихвостовъ пробовалъ, передавалъ, разказывалъ; Нельцевъ слушалъ.

— Это вотъ какой народъ, говорилъ онъ, продолжая начатый разговоръ, — за нимъ день и ночь смотри, не отводи глазъ ни на минуту, и то обворуютъ! Развѣ они о барскомъ добрѣ попеченіе имѣютъ? Его выгоду наблюдать стараются? Только того и смотрять, какъ бы обокрасть, мошенники. Вотъ у васъ, Иванъ Александрычъ, бабы коноплю собираютъ, рожь жнуть, картофель копаютъ? Такъ вотъ вы теперь, припомните мое слово: какъ сами въ полѣ случитесь, такъ въ кибиточки-то эти съ грудными младенцами ихъ и загляните! Это вы думаете, для чего они съ собой таскаютъ? Кормить-то что ли? Да какъ раскричитесь, чтобы самой убаюкать? Все за тѣмъ же: барское добро воровать! И картофелю туда напратано, и конопли туда накрошено, и даже колосьевъ сырыхъ. . . . и тѣхъ понадобилось! Вѣдь вотъ вы смѣтаетесь, а я вамъ по опыту говорю. Въ рубашку, за пазаху, поглядите — накрошено и туда! вотъ какъ, а вы все смѣтаетесь? Это я вамъ сущую правду говорю! Въ первое время, я отъ всѣхъ этихъ недосмотровъ въ хозяйствѣ большой убытокъ терпѣлъ; а теперь-то, какъ все это испыталъ, значить, практически, на новую линію все и поставилъ! Большую выгоду отъ того имѣю, да самъ и мужикъ-то меня понимать сталъ; уваженіе приобрѣлъ, ей Богу! Вѣдь вы что думаете? Надъ тѣми-то господами, что изъ столицъ пріѣзжаютъ, они сами смѣются. Тому смѣются, что подъ носомъ у нихъ воруй — не видать! А мною мужикъ доводенъ! Онъ бестія видитъ, что у меня глазъ востѣръ, да за то со мной дѣло вести можно. Поработай хорошо, я и поощрю; мужика хорошаго всегда поощрять надо. Коли когда свалятся работы, свянокосы еще не кончились, а ужъ рожь поспѣла да и овесъ-то въ силѣ — вина выставляю. Они того не поймутъ дурачье, что каждый-то изъ нихъ и на двугривенный не выпьетъ, а у меня хлѣбъ вовремя убранъ, овесъ не перестоялъ. По праздникамъ мальчишекъ подъ балконъ собираю, пряники имъ

на драку кидая. Оно и себя развлеченіе, и имъ удовольствіе!

«Боже мой! подумалъ Нельцевъ: вотъ бы дать Стрѣлинскому послушать!»

— Да ужъ это что и говорить, батюшка, вмѣшался въ разговоръ Павелъ Васильевичъ, — ужъ какъ Горихвостовъ свое хозяйство ведетъ, такъ это намъ всѣмъ у него поучиться надо. Все по своему устроилъ, посмотрѣли бы вы какихъ онъ у себя въ ригѣ кѣтокъ нагородилъ?

— Какъ кѣтокъ? спросилъ Нельцевъ.

— Это у меня со дня кладки сноповъ устроено, поторопился отвѣтить довольный Горихвостовъ:—вѣдь у насъ, какъ извѣстно, овины съ ригой соединены, и для сушки хлѣбъ первоначально въ ригу вносится. Счетъ-то снопамъ ведутъ, а положенія ихъ не наблюдаютъ. Отъ этого у меня въ хозяйствѣ долго ущербъ происходилъ. Вижу, изъ риги воруютъ, а въ чемъ штука—придумать не могу. Самъ въ ригу засѣлъ на ночь, тутъ-то ужъ секретъ и обнаружилъ.

— Что жъ это такое? спросилъ Нельцевъ, въ самомъ дѣлѣ заинтересованный.

— Презанимательная исторія, отвѣчалъ Горихвостовъ,—слушайте. У меня по двѣнадцати копенъ въ день обмолачивали, соразмѣрное количество сноповъ для сушки въ ригу заранѣе и вносилось. То-то, говорю, счетъ-то снопамъ вели, а положенія ихъ не наблюдали. А по ночамъ у меня,—не такъ какъ здѣсь водятся, бабы,—мужики караулъ справляютъ; три раза въ ночь вокругъ всей усадьбы дозоромъ обходятъ. Для одного-то караульнаго, какъ разъ у меня противъ самой риги, будка поставлена. Только вотъ-съ, каждый день аккуратнѣйше самъ я снопамъ счетъ веду, нарочно безотлучно при молотѣбѣ нахожусь. Что жъ вы думаете? Самъ своими глазами всѣ снопы каждый день въ сушкѣ вижу, а въ зернѣ-то по замолоту, то-есть, большой недочетъ замѣчаю. Кой-чортъ, думаю; тутъ что-нибудь да есть! Самъ вотъ—чему изволите смѣяться?—на-ночь-то въ ригу засѣлъ. Ночь была страхъ морозная, хотъ и въ шубѣ я былъ, а продрогъ; ну да слишкомъ ужъ заинтересованъ былъ, штуку-то воровскую открытъ хотѣлось. Сижу это я себя да и жду. Только кое-гдѣ, знаете, въ щеляхъ мѣсяцъ проглядываетъ: морозная ночь была! Въ соломѣ-то самъ чортъ меня не разглядитъ. Вороты же, надобно вамъ сказать, хотъ и заперты, но стараго устройства были, въ подворотню, выходить.

пролѣзть было можно. Чтѣ жь бы вы думали? самъ мой ночной караульный, гляжу, въ ригу-то и лѣзеть. Пролѣзъ онъ это, на ноги сталь, а у него въ рукахъ, гляжу, шесть предлиннѣйшій, вотъ какъ на баркахъ, знаете, мели ощупываютъ. И ну онъ имъ, шестомъ-то, по моимъ снопамъ (они въ стѣну были наложены) шарить. И вѣдь аккуратно-то какъ! Только и слышу я: чикъ—разъ, чикъ—другой, чикъ — третій. Положеніе-то сноповъ, какъ я вамъ говорю, соблюдено не было, колосомъ-то многіе наружу пришлись; съ нихъ-то онъ, не дуракъ былъ, лишніе и сбивалъ. Слышу я это стукъ-то, такъ онъ у меня въ сердце и отдается: мое добро грабятъ! А вылѣзть нельзя; жду, чѣмъ кончится. Часа два онъ это такое воровство производилъ, и сами можете судить, сколько ущербу надѣлалъ! Онъ, хоть и правда, помаленьку, бестія, обивалъ, свою политику въ виду имѣлъ, чтобъ его мошенническаго воровства потомъ не примѣчено было; такъ это разстановочно, знаете: чикъ, чикъ чикъ; да вѣдь сами сочтите, сколько ихъ сноповъ-то было! Оно хоть теперъ взять по пяти колосиковъ съ каждаго, такъ и то ихъ мало ль наберется? Гляжу, онъ это ужъ цѣлый большущій ворохъ нагородилъ. Въ мѣшокъ, да съ нимъ-то и шмыгъ въ подворотню. Понимаете? воровство-то такого тонкаго свойства, что потомъ его изобличить нельзя. Съ тѣхъ-то поръ и надѣлалъ я у себя въ ригѣ такія особенныя кѣтки, о которыхъ вамъ Павелъ Васильичъ-то говорить. Для положенія сноповъ именно.

— Ну, а крестьянина-то чтѣ? Наказали? спросилъ Павелъ Васильевичъ, видимо, впрочемъ, предлагая этотъ вопросъ не столько для себя, какъ для гостя.

— А за чтѣ жь бы его наказать? спросилъ видимо обрадованный Горихвостовъ.—Онъ только свое дѣло выполнилъ, да еще исполать ему: больно ужъ мудреную штуку придумалъ! При томъ же опять не онъ одинъ былъ, они только чередовались. Ужъ кабы взыскивать, такъ не съ него одного приходилось; а никогда (это вотъ вы, какъ и сами помѣщики, замѣтите) противъ цѣлой общины идти не надо. Онъ точно оробѣлъ, какъ изъ риги-то я вышелъ. Мѣшокъ у него изъ рукъ выпалъ, и самъ повалился въ ноги. Ну, братъ, Демьянъ, говорю, ловко ты по ночамъ караулишь! А мѣшокъ-то свой возьми, онъ мнѣ не нуженъ. Никакого, говорю, секрета задаромъ не открываютъ, а ужъ твой-то и не этого мѣшка стбить. Только съ нынѣшняго же дня, извините, друзья! шабашъ! Чтѣбъ у меня ночныхъ

карауловъ въ ригѣ не было! Такъ ты всѣмъ и на деревнѣ скажи: молъ, нынѣшнюю ночь самъ баринъ въ ригѣ караулилъ, слышишь? И съ тѣхъ поръ, доложу вамъ, хоть бы зернышко пропало. А отъ мужика—пуще уваженіе приобрѣлъ! И спросите, вотъ у Павла Васильича, они знаютъ; большую любовь отъ нихъ имѣю, благодарность свою изъявляютъ!

«Стыдно, а вѣдь такъ, подумалъ Нельцевъ: этотъ хоть съ лѣвой стороны, да заглянулъ же по крайней мѣрѣ мужику прямо въ лицо, и они это видать и понимаютъ! А мы-то... мы люди правой стороны, и вовсе съ нимъ другъ къ другу стоимъ спиной!»

— Чтѣ и говорить, отвѣчалъ Павелъ Васильевичъ на запросъ Горихвостова.—Въ цѣломъ уѣздѣ такихъ крестьянъ поискать! Вѣдь какъ всѣ они у него хорошо обстроены; какой скотъ держать! Въ какомъ довольствѣ живутъ—посмотрѣть надо! А придетъ воскресенье, или праздникъ наступитъ, такъ такіе-то хороходы въ Лебедовкѣ, что въ цѣломъ уѣздѣ такихъ не услышишь!

— Ну, вотъ Павелъ Васильичъ знаетъ! въ полномъ удовольствіи произнесъ Горихвостовъ.—И вѣдь чтѣ скажу вамъ: ни къ какимъ крутымъ мѣрамъ не прибѣгаю, самого мягкаго обращенія держусь. Помаленьку все свое хозяйство въ порядокъ привелъ, всѣ, какія въ немъ только были злоупотребленія, искоренилъ, и все это безъ малѣйшаго насилія, деликатнѣйшимъ манеромъ. Съ нашимъ мужикомъ, надо говорить правду, можно дѣло вести, умѣючи только надо взяться. Вотъ я вамъ теперь разкажу: у меня еще случай былъ; сталъ я замѣчать, у меня яблоки воруютъ (въ нашемъ уѣздѣ сады большую выгоду приносятъ). Прежде-то я ихъ каждый годъ внаемъ сдавалъ, и значить, въ это дѣло самъ мало входилъ. Годъ, другой прошелъ, я это время у торговцевъ ихъ обращеніе съ яблокомъ и выгладѣлъ: и время съемки, и весь уходъ за нимъ, и какъ бунтуютъ, все изучилъ. На третій годъ купецъ приходитъ, я ему отказалъ. Самъ, говорю, повезу въ городъ. И! ваше ли, говоритъ, дѣло? въ ущербъ войдете, и забунтовать не забунтуете, сгноите только, да и на торгу, какъ надобно поставить, не поставите. Ничего, говорю, да съ тѣхъ-то вотъ поръ и сталъ самъ заниматься. Съ того года на садахъ, противъ прежняго, тридцать процентовъ лишней прибыли имѣю. Тогда-то вотъ ужъ и на кражу яблокъ обратилъ вниманіе. Какъ искоренить? А знаю, что этимъ дѣломъ больше все

бабы балуются. Вотъ одну-то я изъ окна и подкараулилъ. А, говорю, голубушка, добро-пожаловать, давно поджидаемъ! Да ее къ себѣ въ кабинетъ. Дрожить это она вся, слезится, въ ногахъ у меня валяется, яблоки всѣ раскатились по полу. . . . Собрать я ей ихъ велѣлъ; а ужь ей не до яблокъ: отпусти только, кормилецъ! Ничего, говорю, не бойся; я тебѣ никакого вреда не сдѣлаю; яблокъ тебѣ поѣсть захотѣлось, ну и ѣшь. Попробуй-ка, говорю, покушай, да всѣ ей тридцать-то зеленчаковъ и подношу. Она это у меня было туды, сюды; ѣшь, говорю. На шестомъ сѣла. Батюшка, говорить, воля твоя — не могу. А я сижу это противъ нея на креслѣ, знаете, да и гляжу, какъ она это зеленъ-то свою пожевываетъ. Говорю: кушай! Дюжину сѣла. Воля твоя, говорить, лучше ужь меня, старуху наказать вели, не могу, соколикъ! Говорю ѣшь. Еще полдюжину сѣла. Силъ, говорить, моихъ не стаетъ, на мѣстѣ умру, такъ меня, говорить, отъ кислоты всю и карежить. Говорю, ѣ-ѣшь! Нечего дѣлать, принялась, да ужь и самъ потомъ дивлюсь, откуда ей Богъ силы далъ! Какъ есть, всѣ-то тридцать антоновокъ убрала! Съ тѣхъ-то самыхъ поръ, опять, вѣрите ли? вотъ ужь третій годъ пошелъ, какъ садами занимаюсь, хоть бы у меня одно яблоко пропало! Совсѣмъ такое злоупотребленіе вывелось, а въ хозяйствѣ, особливо какъ самъ занимаешься, а не знаешь сдаешь, это очень важно. Вѣдь въ этихъ-то самыхъ случаяхъ, другіе садовники знаете ли? въ воровъ изъ ружей стрѣляютъ, да-съ!—И Горихвостовъ важно покосилъ глазами.

Нельцевъ молчалъ. «И вѣдь что досадно-то! думалъ онъ, не понимаетъ, рѣшительно не понимаетъ этотъ господинъ, что его позволено назвать скотиной. Не понимаетъ. Свибловъ, Боже мой! вотъ вооружился бы противъ него, всѣмъ своимъ арсеналомъ; да и Стрѣлинскій былъ бы хорошъ! Зыбенко. . . ну, этотъ тутъ же бы ему въ рожу ударилъ. А такъ, такъ! горько это,—а надо признаться, этотъ господинъ Горихвостовъ пока во сто разъ и пригоднѣе и лучше для крестьянина чѣмъ и Свибловъ съ своимъ арсеналомъ, и Стрѣлинскій, и Зыбенко! Такъ! Вотъ жаль! Этотъ баринъ могъ бы, кажется, не только для себя. . . и для другихъ могъ бы. Такъ нѣтъ, не хватаетъ чего-то. Кого жь винить однако? Его ли, или всю эту татарщину, въ самомъ дѣлѣ; какъ говорить Бубеницицъ, татарщину, которая вокругъ него? Рышено, въ Зеленыхъ-Горкахъ долой

барщину! Помеломъ ее совѣтъ. Жаль, что не могу этого вдругъ. . .»

— Что, батюшка? спросилъ Бубеницынъ: — наливочки бы еще; а? о чемъ задумались? Мечтанія все небесныя? а?

Нельцевъ молчалъ. Горихвостовъ теперь, кажется, обошелся отъ своего послѣобъеденнаго утучненія. Снова въ прежней позѣ затягивалъ онъ свою жилетку. Павелъ Васильевичъ подошелъ къ нему.

— Ну а мы-то ужъ выпьемъ, намъ-то нужно, а? Перевалили поддюжинку?.. ха-ха-ха!..—И вдругъ оба неестественно расхохотались.

— Ха-ха-ха! голосилъ Горихвостовъ,—ха-ха-ха-ха! голосилъ онъ до упаду.—Знаете ли, Иванъ Александрычъ, что это такое означаетъ—поддюжинку перевалили? Ха-ха-ха!

— Нѣтъ, не знаю. Что такое?

— А это, видите ли, все смѣялись мы въ одной компаніи надъ Петромъ Ананьичемъ,—исправникъ нашъ. У него, надо вамъ сказать, шестеро сыновей да восемь дочекъ на придачу, всего четырнадцать человѣкъ въ полномъ комплектѣ. Тогда-то у самого Павла Васильича всего еще четверо дѣтей было. Вотъ сидимъ это мы (становой еще тутъ былъ); Павелъ-то Васильичъ и спрашиваетъ: что это, говоритъ, у васъ, Петръ Ананьичъ, такъ дѣтей много? Вѣдь, говоритъ, хоть и одною кашей кормить, такъ и каши одной много изойдетъ. Вамъ бы, говоритъ, воздержаться. А тотъ и бухъ: «Въ началѣ-то, говоритъ, и точно воздерживался, а ужъ какъ перевалилъ за поддюжину, тутъ и махнулъ рукой.» Такъ оно у насъ и теперь выходитъ съ Павломъ Васильичемъ. Какъ это, значить, рюмочку выпьешь, другую—ну все еще воздерживаешься, а какъ подойдетъ до полбутылочки: что, говоритъ Павелъ Васильичъ, перемахнули за поддюжину? Вотъ ужъ мы и давай пустошить до дна. Ха-ха-ха!.. Такъ какъ же, Павелъ Васильичъ, поддюжинку перевалили?—И онъ наливалъ стаканы.

— Нѣтъ! Что, господа, вы молодежь, вѣдь, противъ меня, заговорилъ черезъ нѣсколько времени Павелъ Васильевичъ, поглаживая лобъ рукой и закручивая назадъ волосы: — Иванъ-то Александрычъ и совѣтъ вольный казакъ, а вы-то Петръ Иванычъ, всего одно у васъ дѣтище; нѣтъ какъ ихъ тутъ въ самомъ-то дѣлѣ восемь сидятъ (и онъ указалъ на затылокъ), такъ тяжело, господа, тяжело! Не станешь, батюшка этой поддюжинѣ-то смѣяться, чортъ возьми!—Въ Москву! въ Москву!

на той недѣль! была-не была! съ какою-то восторженностью кликнулъ онъ въ заключеніе.

— Ъдете? спросилъ Нельцевъ.

— Нельзя, батюшка, не ѣхать. Вѣдь и дѣла есть, дѣла! Ну да и разсѣяться надо. Вѣдь тутъ, въ глуши, какъ одождютъ все эти напасти разныя! Да и татарщина, знаете, татарщина такая кругомъ, просто черепъ трещить, міра не влюбишь. Коммиссій не будетъ ли, батюшка, вотъ de grace! Въ магазинъ чего купить не надо ли? смерть люблю... Не могу безъ угожденія ближнему.

— Нѣтъ, ничего не надо, отвѣчалъ Нельцевъ,—ахъ, вотъ что развѣ! Англійскихъ чернилъ нельзя ли взять, только не пренебрежно у Юнкера въ магазинъ возьмите!

— Это, чтобы стальные-то перья не портились? отъ нашихъ ржавятъ? Знаемъ, батюшка, все знаемъ. Вѣдь у меня у самого аглицкія чернила!..

Бубеницынъ указалъ на письменный столъ, и опять Нельцевъ увидалъ много кипъ бумагъ и корзину для рваной.—Записать надо! — и въ то время, какъ снявъ бумажникъ, Бубеницынъ выводилъ въ немъ: *магазинъ Юнкера, англійскіе чернила* и проч., Нельцевъ полюбопытствовалъ заглянуть въ одну изъ его тетрадей, и прочиталъ: «За чистку помойныхъ ямъ десять рублей серебромъ, за учебныя книги семьдесятъ пять коп. серебромъ, за конфеты въ подарокъ на новый годъ одинъ рубль пятьдесятъ коп. серебромъ». На верху была надпись: *Смѣшанные расходы*.

Черезъ нѣсколько минутъ Нельцевъ уже летѣлъ въ свои Зеленя-Горки. Когда пролетка, выбравшись изъ усадьбы, понеслась торною дорогой, Антипъ уже опять принялся за свои обращенія съ козель.

— А мы съ вами, Иванъ Александрычъ, весь день почти проѣздили! сказалъ онъ.

И какой день! думалъ Нельцевъ. А чтѣ это разочарованіе, или напротивъ полное подтвержденіе моей мысли? Именно подтвержденіе. Именно, изъ Петра-то Ивановича,—спасибо ему, славный хозяинъ, ужъ именно научилъ! — изъ Горихвостова научиться можно: долой барщину, помеломъ ее! А жаль однако! уменъ онъ, подѣльнѣе Бубеницына. Неужели и мнѣ по ночамъ въ солому ригу караулить! И вотъ хозяйство! Да что ему было однако дѣлать? Какъ же

не караулить было? Имъ, и говорить нечего, простить надо. Въ самомъ дѣлѣ, татарщина хоть кого сокрушить; да у насъ же съ ними такъ и сложилось все, что само къ одному обкрадыванію помѣщика и гонить? Ну, а ему-то что жь было дѣлать? И неужели онъ самъ не видитъ, этотъ баринъ, что такъ оно именно все сложилось, и вотъ откуда зло!.. Ничего не видитъ. Карауль въ самомъ дѣлѣ ригу по ночамъ: вѣдь какія могутъ придти фантазіи! А вѣдь такъ. Ну, право самъ втянешься. Точно подъ конецъ забавой станеть кормить зелеными блоками, а «на драку» мальчишкамъ пряники кидать— просто эстетическимъ наслажденіемъ! А ему нельзя было не караулить, правда! Да зачѣмъ онъ не видитъ только, зло-то откуда? И что жь при этой татарщинѣ хозяйство-то все, и въ самомъ дѣлѣ какъ не одинъ карауль? Какъ жаль, что не могу у себя всего этого начать вдругъ!

— А вотъ это изволите видѣть, спросилъ Антипъ, когда пролетка вѣзжала на зеленогорскій проспектъ, — на лѣво-то идетъ дорога? Она самая и есть въ Чарынду, къ Ронлицевымъ то-есть.

Это еще что тутъ за баринъ? подумалъ Нельцевъ: хорошъ долженъ быть и этотъ, судя по видѣннымъ образцамъ?.. Только акты археографической комиссіи зачѣмъ къ нему попали? Что жь, впрочемъ, похвально отечественною исторіей заниматься. Надо будетъ и его посмотреть.

VII.

Когда пролетка вѣзжала на дворъ, и Нельцевъ опять былъ у себя дома, гдѣ, казалось, послѣ долгаго дня, цѣлую вѣчность не былъ, — уже съ чувствомъ какого-то превосходства надъ всѣми господами Бубеницыными и Горихвостовыми любовался онъ своимъ кабинетомъ. Все тутъ было какъ-то легко, просто, подвижно; не было вольтеровскихъ десятипудовыхъ креселъ. На столѣ валялись листочки всякихъ газетъ, два-три номера журналовъ, раскрытыхъ на недочитанной повѣсти; на окнѣ классическое твореніе Тэра раскрыто, и на немъ цвѣтокъ, сорванный Нельцевымъ поутру при обходѣ цвѣтника. Нельцевъ смѣнилъ платье и въ одноцвѣтномъ пальто, жилетѣ и брюкахъ, безъ галстука, вышелъ на свою террасу.

— Васъ староста дожидается, сказалъ Джонъ.

— Что ему? пусть войдетъ.

На терассу вошелъ Климъ Карповъ, поклонился.

— Что тебѣ Климъ? спросилъ Нельцевъ садясь на тростниковый стулъ: — а я все ѣздилъ нынче, у Кондырева, у Бубеницына былъ, завѣжалъ къ Горихвостову.

— Такъ-то и хорошо, отвѣчалъ этотъ,—дѣло сосѣдское.

— Да скажи пожалуста, Климъ, за что тутъ всѣ этого Кондырева кредитнымъ бариномъ зовутъ? а?

— Это Якова Антоныча-то?—и добродушный старикъ засмѣялся:—ну вотъ вы видѣли!

— То-то, за что это?

— Такъ, кредитный онъ, значить. Теперь это если, къ примѣру говорить, овса у кого на сѣвъ не достаетъ, ну когда ячменю, бываетъ, не хватаетъ,—знамо, сосѣдское дѣло, другъ у друга займы берутъ, до осени значить. Ну, а Яковъ-то Антонычъ значить, никогда не дастъ. Онъ и самъ ни у кого не возьметъ, ни другимъ никому не дастъ.

Такъ вотъ это за что! подумалъ Нельцевъ, удивляясь бобѣ тому однакожь, какъ одно и то же слово въ устахъ разныхъ людей имѣетъ діаметрально противоположное значеніе.

— Это вотъ за что выходитъ? а?

— Кто жъ ихъ знаетъ! оканчивая смѣяться, отвѣтилъ добродушный старикъ:—думается, что такъ словно, а тамъ кто жъ ихъ знаетъ!

— Ну, а Петръ Иванычъ, это хозяйственный баринъ? а?

Климъ, однакожь, привыкнувъ, кажется, къ такимъ предиминаріямъ, которыми каждый разъ встрѣчалъ его Нельцевъ, и по опыту зная, что баринъ протолкуетъ съ нимъ два часа, какъ съ занимательнѣйшимъ гостемъ обо всемъ, лишь бы не о своемъ хозяйствѣ и барщинѣ, отвѣчалъ покороче, и видимо на-противъ того стремился именно къ этой темѣ.

— Я все о давишнемъ, Иванъ Александрычъ, въ середу зажинать надо. Совсѣмъ поспѣло.

— Да; такъ вѣдь я тебѣ говорилъ, Климъ, по моему косить надо. Что еще жать? А тамъ какъ сами знаете.

— Ужь оно лучше бы, Иванъ Александрычъ, сказалъ Климъ, — когда бы вы жать позволили?

— Пойми, Климъ, мнѣ все равно: пусть жнутъ, а легче бы скосить было. Чего тутъ жать еще?.. Вѣдь я тебѣ говорилъ... ну, сходку бы, что ли, собралъ; какъ сами хотятъ.

— То-то, Иванъ Александрычъ, продолжалъ Климычъ, — о томъ-то вотъ и я говорю, ужъ приказали бы жать.

— Да зачѣмъ же жать? Косить легче, пойми ты это.

— Я такъ понимаю, Иванъ Александрычъ, повторялъ Климычъ:— жать-то бы оно лучше было, а тамъ какъ хотите.

— Да ты сходку собиралъ?

— Да что ее собирать-то, Иванъ Александрычъ? Только народъ баловать, выходить. Вы имъ и то ужъ какую волю дали! На что ужъ противъ васъ! За всякимъ дѣломъ это ихъ на сходку собирать. Сами знаете, народъ у насъ озорной; почти-тай десять лѣтъ надъ нами никакой управы не было, все усобица шла. А ужъ вы бы сами жать приказали.

— Да зачѣмъ же непременно жать? Какъ сами хотятъ. Косить легче.

— Про то-то я вамъ, Иванъ Александрычъ, выходить, и докладываю, началъ говорить старикъ, видимо не умѣя совладать съ непонятливостію барина:— на что ее, сходку собирать? Извѣстное дѣло, ужъ мѣръ жать скажетъ! Такъ вамъ-то самимъ и лучше бы приказать было. Жать, молъ, приказано; а тамъ какъ хотите! Въша воля, я пожалуй соберу.

Нельцевъ рѣшительно не понималъ, зачѣмъ мѣръ непременно *жать* скажетъ? Однакожъ, по неоднократно-оправданному опыту зналъ, что какъ сказалъ Климычъ, тако оно и выйдетъ на дѣлѣ.

— А только зачѣмъ ее собирать, сходку-то? продолжалъ старикъ.— Ужъ противъ васъ какую еще волю дать крестьянину? А нашъ народъ, извѣстное дѣло, озорной народъ. Ужъ на что Митька Косой (это былъ тотъ самый бѣлокурый полуидіотъ, котораго мы отмѣтили при сборѣ на красномъ дворѣ) бывало, когда и точно попрыгудишь, и точно что загутарить всѣмъ надобно, такъ и то онъ первый на полѣ; грѣхъ на него указать было, слова не услышишь, совсѣмъ убогій былъ; а ужъ нонче и тотъ съ оглоблей на меня налетѣлъ, шелъ я улицей. Ужъ и Митька Косой кричить: «безъ сходки не пойду! Пусть рожь-то косить мѣръ велить!»

— Такъ какъ хочешь Климычъ, какъ хочешь. Ну жать что, ли? Да нѣтъ, зачѣмъ же ее жать? Легче косить: косить вели.

— Хорошо, я скажу, заключилъ Климычъ.— А ужъ сходки не надо Иванъ Александрычъ.

— Что-нибудь одно, Климычъ: или собери сходку, и пусть мѣръ жать скажетъ, или не собирай, косить вели.

— Такъ оно и будетъ. Косить прикажете, такъ косить будемъ; а сходки Иванъ, Александрычъ, не надо. Такъ и скажу въ среду, косить, мошь, баринъ велѣлъ.

— Да отчего жь не сходку, Клими?

— Воля ваша, Иванъ Александрычъ! И то ужь они отъ рукъ отбились. А этакую вы волю теперь дадите, совсѣмъ забалуютъ. Пропадешь вовсе. Насъ, сами изволите знать, въ грозѣ держать надо; мы народъ подвластный. Опять же на сходкѣ-то, ужь, надо путемъ говорить,—развѣ кого послушаютъ? Другому и рта не дадутъ разинуть. Извѣстное дѣло, весь миръ у того въ рукахъ, кто миръ въ руки забралъ. А у насъ миръ Фомка въ руки забралъ.

Фомка былъ тотъ, другой черноволосый крестьянинъ, котораго мы видѣли на красномъ дворѣ, въ рукахъ съ курицей.

— Чтò Фомка сказалъ, тому и быть! продолжалъ Клими.—Онъ при васъ-то знаетъ свое. Какъ были вы сами на пашнѣ-то прошлый разъ, еще онъ же отъ васъ похвалу получилъ: лучше, мошь, противъ другихъ пашеть. А про него одно скааать надо: плутъ онъ Фомка. Когда, значить, всѣмъ миромъ они на барскій дворъ приходятъ, онъ-то и усомъ не шевельнетъ, насильно его приволокли, подумаешь; а самъ, воръ, всему дѣлу и есть зачинщикъ. Мошенникъ... чтожь, надо правду сказать!

« Все это однакожь ужасно!» думалъ Нельцевъ.—Ты, Клими, говорилъ онъ ему теперь,—какъ-нибудь, какъ-нибудь. Я скоро все это совсѣмъ передѣлаю... Миѣ ихъ и вовсе не надо. А тебя я знаю, съ тобой я не разстанусь. (Чтожь я, однако, заговариваюсь? думалъ про себя Нельцевъ: вѣдь Клими не знаетъ, что скоро я все переменяю?) Такъ ужь ты, пожалуста, Клими, обратился онъ къ нему,—дотяни какъ-нибудь.

Староста молчалъ.

— До осени. Я понимаю, что тебѣ, старяку, трудно съ ними; ну а тамъ все у насъ пойдетъ хорошо. Ты все меня теперь просишь, чтобъ я тебя отставилъ, но я тебѣ и прежде говорилъ, и теперь повторяю: кого жь миѣ поставить на твое мѣсто? Тебя я знаю; вѣдь я помню, что ты еще отцу служилъ, помню... Ну а кого жь поставлю? Я никого не знаю. Пожалуста какъ-нибудь, до осени только, а тамъ я ужь сдѣлаю это.

— Слушаю-сь, говорилъ Клими, и надо было видѣть лицо старика въ эту минуту.—Я радъ вамъ служить, Иванъ Александрычъ, да ничего не подѣлаешь. Седьмой десятокъ по-

шелъ; ужь мнѣ гдѣ нынче съ ними управляться? А служить я вамъ радъ, Иванъ Александрычъ!

— До осени только, повторилъ Нельцевъ.

— За что жь мнѣ только, Иванъ Александрычъ, сами скажите, всю жизнь-то отъ нихъ брань одное слышать? Ужь мнѣ седьмой десятокъ пошелъ, сами изволите знать, мое дѣло старое; а служить я вамъ радъ, Иванъ Александрычъ, отвѣчалъ старикъ...—И казалось, Нельцевъ боялся теперь ему смотрѣть въ лицо: такъ былъ и покоренъ, и жалобой наполненъ голосъ старика.—Приказаній отъ васъ никакихъ не будетъ? спросилъ Климъ въ заключеніе.

— Никакихъ, Климъ.

И Нельцевъ сошелъ, какъ былъ безъ картуза, съ терассы и, о чемъ-то думая, пошелъ по саду.

VIII.

На другой день, когда герой нашъ послѣ утренней, двух-часовой прогулки, всходилъ на терассу, Джонъ доложилъ ему, что его давно дожидается Илья Трофимовъ и проситъ поговорить. «Въ кабинетъ зови!» отвѣтилъ Нельцевъ. И знакомый уже намъ, по постоялому двору, Илья Трофимовъ, вошелъ въ кабинетъ. Онъ былъ въ своемъ синемъ кафтанѣ, и не только по промыслу былъ не просто мужикъ, а полукупецъ какой-то, но и въ самыхъ манерахъ его, въ говорѣ, было что-то полукупеческое.

— Чтѣ тебѣ, Илья Трофимовъ? спросилъ хозяинъ.

— Да ничего не требуется, отвѣчалъ этотъ, прежде три раза перекрестившись на образъ:—а такъ навѣститъ пріѣхалъ, какъ поживать изволите?

— Вадоръ, братъ, Илья Трофимовъ, отвѣчалъ Нельцевъ,—что ничего не требуется; не пріѣхалъ бы! Гдѣ тебѣ разъѣзжать даромъ? Время—деньги.

— Это правда-съ; вотъ ужь чтѣ Иванъ Александрычъ, правда, такъ правда. Справедливо сказать изволили: время—деньги! Ей-Богу такъ-съ, заговорилъ Илья Трофимовъ.—Оне, видите, точно дѣльце есть, такъ небольшое; маленькое, выходитъ, дѣльце. Намъ терять время даромъ, точно, не полагается. Какъ вы изволите поживать?

— Да понемножку, Илья Трофимовъ. Спасибо, что навѣстилъ, и вотъ что: хоть время даромъ тебѣ терять и не полагается, однако жъ присядь-ка; у насъ также, можетъ-быть, дѣльце есть. А до тѣхъ поръ вотъ что: ты меня поилъ чаемъ, такъ ужъ и мнѣ дай тебя напоить. Джонъ, чаю Илья Трофимову!

— Сами-то со мною выкушаете?

— Только что отпилъ...

— Ну, а безъ васъ не стану. Велите и себѣ. Не стану безъ васъ.

— Ну и то дѣло! Джонъ, и мнѣ также! Садись-ка, Илья Трофимовъ!

И Нельцевъ opravилъ ему стулъ и сѣлъ у письменнаго стола.

Илья Трофимовъ, оказалось, не заставилъ себя долго упрашивать; со свободой челоуѣка, привыкшаго жить въ обществѣ, отложилъ шапку куда-то въ сторону, сѣлъ, и Нельцевъ долженъ былъ отдать ему справедливость: Илья Трофимовъ сидѣлъ на стулѣ совершенно по-человѣчески, нисколько не походя на тѣхъ чиновниковъ, которые передъ старшимъ себя чиноу садятся на краешкѣ.

— Такъ это о какомъ же, то-есть, дѣлѣ вы говорить-то изволите, Иванъ Александрычъ? спросилъ онъ.

— Оно не большое, а такъ, значить, маленькое дѣльце выходить! сказалъ Нельцевъ, копируя своего собесѣдника (и тотъ смѣялся).—Что, Илья Трофимовъ? Хорошо я у тебя все перебралъ, а? Ужъ и знаю, что безъ чаю-то о дѣлѣ говорить какъ-то нескладно; все оно, знаешь, за чашкой-то лучше, а?

— Совсѣмъ баринъ ты плутъ! разсмѣялся Илья Трофимовъ.— Это вы, Иванъ Александрычъ, все о прошломъ-то поминаете? Э! что давно было, то надо сказать и прошло. Все, небось, про Гусиныя-Лапки! Нѣтъ, не Нельцевъ Иванъ Александрычъ, а видно Илья-то Трофимовъ, сынъ Шапошниковъ, къ Ивану Александрычу въ руки попадетъ. Васъ гдѣ обмануть? Крѣпка! Поданъ чай, и пьютъ оба.

— Вотъ что, Илья Трофимовъ, началъ Нельцевъ.—Ты мнѣ все говорилъ, не отдамъ ли я тебѣ сколько-нибудь десятинъ отъ моего поля? Земля у меня не ровна. Въ полѣ-то у насъ каждомъ по сту десятинъ, ты знаешь, считаютъ. Кажется не дурно, а на дѣлѣ выходитъ: слава одна, что такъ велика запашка. Всей мнѣ земли и въ тридцать лѣтъ, какъ вижу, по моимъ средствамъ не удобрить,—а въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь,

половины ея и обрабатывать не стѣбитъ: и самъ-то другъ не всегда отдасть, а случилось и такъ: сѣмень не ворочала.

— Вотъ, Иванъ Александрычъ, настоящимъ, самымъ правильнымъ образомъ на дѣло взглянули! почти вскрикнулъ Илья Трофимовъ, и отставилъ чашку: — вѣдь наши помѣщики-то, надо говорить правду,—и онъ понизилъ голосъ и заговорилъ какъ-то таинственно: — сами того себѣ не возьмутъ въ толкъ: на чтѣ они такъ свою глинку-то запольную ковыряютъ? Это все лѣзетъ въ гору, запашку увеличиваетъ, а того вѣдь нѣтъ, чтобы спросить себя: много ль, то-есть, мнѣ по своимъ лугамъ скота держать приходится? много ли удобрить могу? Известное дѣло, только мужичкамъ работа. Онъ, дескать, мужикъ дуракъ (и онъ еще болѣе понизилъ голосъ). Чтѣ тридцать десятинъ, чтѣ шестьдесятъ десятинъ, дай ему вспахать, все равно! Одно ковырянье будетъ; такъ ужъ вотъ на же тебѣ семьдесятъ! Наковыряешь, молъ, хотъ и глядѣть не глядѣлъ бы, да ужъ за то, значить, семьдесятъ! Не землей, не работой, такъ вотъ же полемъ возьму. А все пустое! и ничего того нѣтъ! У Петра-то Иваныча,—изволите видѣть, я вамъ говорилъ,—и двадцать пять десятинъ, да то даютъ хлѣба, чтѣ другой сѣ ста не снимывалъ.

— Ну, слушай же, продолжалъ Нельцевъ.—Если обрабатывать барщиной, оно еще ничего: пусть ее работаетъ, ей все одну цѣну платишь; никакой цѣны то-есть.

— Ужъ баринъ вы, Иванъ Александрычъ! (Илья Трофимовъ смѣялся и трясъ головою).

— А я-то вотъ, видишь ли, барщину уничтожить хочу. Самъ нанимать буду.

— Нанимать?—и Илья Трофимовъ прыгнулъ на стулъ.

— Да, ну такъ ужъ наемныхъ работниковъ, понимаешь, оно и не разчетъ, продолжалъ Нельцевъ,—выгнать пахать глину-то. Все свое поле я сейчасъ же на половину сбавляю; ужъ нынѣшнюю осень пятьдесятъ десятинъ подъ рожь оставляю. Значить, у меня лишнихъ сто пятьдесятъ должно оставаться. И такъ случилось выгодно, вся-то эта дрянъ, знаешь, почти вся, по крайней мѣрѣ, къ одной рукѣ подошла. Только Гусинья-Лапки—одно дальнее поле будетъ, которое держать надо; а то все вокругъ самой усадьбы, а дрянъ-то вся съ краю осталась. Возьми ее: тебѣ для гуртовъ нужно; ну, я на года отдамъ, хотъ на десять лѣтъ сними. Мы и контрактъ напишемъ. Запустишь, и на четвертый годъ, пожалуй, ужъ и косить ста-

нешь, — а для скотины и пары хорошо; такъ и три-то года эти для тебя не даромъ пройдутъ. А взялъ бы съ тебя не дорого.

— Ужь дорого на что жь брать, Иванъ Александрычъ? Запольная-то земля, сами знаете, какая ей цѣна? Черезъ пять-то лѣтъ, ну точно будетъ трава, а первые-то годы—сами изволите знать, что съ нея возьмешь? Опять же мы ее вамъ удобримъ, возьмите! Тамъ можно будетъ и условіе написать, чтобъ обязался я, значить, каждый годъ чередовать десятины подъ тырло. Скотина-то наша, сами изволите знать (вотъ мы, бываетъ, какъ уберутъ хлѣбъ, живья подъ прогонъ сываемъ), гдѣ только прошла, тамъ ужь хлѣбъ совсѣмъ отличное дѣло! А тутъ у васъ ей, скотинѣ-то, самый прибой будетъ. Опять же мы вамъ и тырло чередовать станемъ. Вамъ, то-есть, деньги даемъ въ руки, всю вашу землю удобримъ... Зачѣмъ ужь съ насъ дорого брать!

— Ну то-то, отвѣтилъ Нельцевъ,—сойдемся, ужь возьми. Это первое—Джонъ, чаю!—а второе: купи, Илья Трофимовъ, у меня лѣсъ.

— Это Лисій Клинокъ-то?—и Илья Трофимовъ подскочилъ на стулъ.

— Да, Лисій Клинокъ.

Нельцевъ разсмѣялся, видя, что стоить только произнести одно это имя, какъ ужь прыгали глаза Ильи Трофимова, охотника до рубки роцъ.

— Это зачѣмъ же вы продать хотите, Иванъ Александрычъ? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да чтобы деньги взять, Илья Трофимовъ!

Этотъ отвѣтъ, кажется, какъ нельзя больше понравился старику; такъ и расхохотался Илья Трофимовъ. Однакожь черезъ нѣсколько времени, давъ высказать первоначальныя соображенія о покупкѣ лѣса, Нельцевъ подробно объяснилъ ему, что замышляетъ у себя большую перемѣну въ Зеленыхъ Горкахъ; хочетъ строить скотный дворъ: старый и падаетъ весь, и не такъ построенъ; потомъ, что нужно ему прикупить лошадей, телѣгъ, сохъ, плуговъ, можетъ-быть, желѣзныхъ боронъ и всякой мелочи. Потомъ, пожалуй, работники спросятъ задатку, да и для нихъ надо бѣлую избу теперь порасширить и проч. и проч. и проч. Словомъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, онъ высказалъ ему свои планы, разчеты и подъ конецъ, самъ того не замѣчая, гораздо ближе сошелся съ нимъ чѣмъ съ Бубени-

цынымъ и Горихвостовымъ; спрашивалъ я его, а мужикъ, повинувся этой симпатической власти простаго обращенія, самъ приходилъ въ восторгъ своего рода, горячился, былъ безъ ума отъ словъ Нельцева и ужъ не понижалъ своего голоса, говоря о пошѣщикахъ.

— И прекрасное дѣло будетъ! говорилъ онъ Нельцеву, и такое дѣло, то-есть, Иванъ Александрычъ, что просто за первый сортъ. И сами спокойны будете, и мужичокъ, выходятъ, вамъ спасибо скажетъ. Вѣдь оно точно, что мужичокъ-то нашъ дуракъ; одно слово, сущій, то-есть, русакъ онъ выходитъ, мужичокъ-то нашъ. Да чтѣ жъ ему, надо говорить правду, и дѣлать то? И все это, Иванъ Александрычъ, и безпокоиться не извольте, какъ вамъ дешево обойдется. Ну, лошадей точно купить надо, и хорошихъ значить, лошадей! Съ дрянною-то пахать выѣдешь, только ее замучаешь, а работнику наемному такую надо лошадь дать, чтобы не онъ ее, а она-то его замучила. А сохи тамъ, бороны, ну чтѣ о дряни толковать! Телѣги опять, все это пустое! Опять же, все это вамъ дома сдѣлаютъ. Работники сами же сдѣлаютъ. Разсохъ-то на всякомъ торгу купите, а то и разсохи дома сдѣлаютъ. Конопля посѣете, веревки свои будутъ. Работники же вамъ сами и насучатъ. И то-есть вѣрьте, противъ барщины, вамъ того десятую долю не надо народу, что теперь при барщинѣ. Вѣдь это посмотришь на ихнюю работу... тоска одна и глядѣтъ-то. Опять же и то скажу, Иванъ Александрычъ, съ мѣста не берите работниковъ. Вы, Иванъ Александрычъ, за работникомъ въ степь пошлите! Вотъ теперь, значить, въ Богородицкій, въ Ефремовскій уѣздъ, вотъ откуда возьмите. Мы тамъ каждую осень по своимъ дѣламъ бываемъ, хотите съ собой приведу (я все оттуда работниковъ беру), а нѣтъ такъ придти велю, сами придутъ. Первое дѣло, что народъ совсѣмъ другой, работащій; одно слово степнякъ! А второе дѣло, ужъ его-то, значить, въ домъ тянуть не будетъ. А отъ себя-то возьмете, все онъ значить въ домъ глядѣтъ будетъ. Это мѣрку отъ сѣва, выходитъ тамъ, убережь, ну всякое такое, для дома; въ свою сторону тянуть будетъ.

И много въ этомъ родѣ говорилъ еще Илья Трофимовъ,—и каждое слово поражало Нельцева мѣткимъ умомъ и практическимъ складомъ. Если тому назадъ какіе-нибудь полтора мѣсяца, герой нашъ такъ былъ пораженъ вопросомъ Ильи Трофимова «а что, проѣзжали городомъ, не взглянули—были горш-

ки на торгу?» такъ теперь не только ни мало не поражали его всѣ эти «повѣйте коноплю—будутъ свои веревки; пошлите за работникомъ въ степь», а напротивъ того, еще какъ-то свѣжо отдавались въ его слухъ, цѣнная своимъ практическимъ смысломъ, складомъ и пошибомъ.

— И, то-есть, дѣло-то какое знатное, Иванъ Александрычъ! продолжалъ Илья Трофимовъ.—То-то вамъ мужичокъ спасибо скажетъ, вѣчно будетъ за васъ благодарить Бога, и пошли вамъ Богъ, скажетъ, за доброту. Куда онъ теперь пойдетъ? Ему накого упереться? Со всѣхъ сторонъ, онъ какъ есть бѣднякъ. И опять еще, теперь надо сказать (Илья Трофимовъ говорилъ уже съ какою-то важною значительностью), все это, Иванъ Александрычъ, рознь идетъ, одно слово рознь, слова другаго нѣтъ, рознь идетъ. А ужъ вотъ вы-то какъ хотите сдѣлать, большое мужику уваженіе покажете. У насъ такой-то одинъ только во всей округѣ и есть баринъ (заключилъ онъ опять съ какою-то таинственностью).—Ронлицевъ, Артамонъ Сергѣичъ.

— Ронлицевъ! А я у него до сихъ поръ не былъ? чуть не вскрикнулъ Нельцевъ.

— Извольте знать? Онъ-то самое это дѣло, о чемъ вы теперь говорить извольте, ужъ двадцать лѣтъ у себя сдѣлалъ. Крестьянъ совсѣмъ отпустилъ.

«О! столичная гордость моя! подумалъ Нельцевъ: о! гордость моя! А я готовъ былъ уже считать себя какимъ-то героемъ цѣлаго поколѣнія! трубить о своемъ величій на весь міръ! И вотъ провинціалъ какой-то, давно, безъ шума, сдѣлалъ это великое дѣло!»

— И вотъ, Иванъ Александрычъ, продолжалъ Илья Трофимовъ, про Артамона-то Сергѣича у какихъ хотите здѣшнихъ крестьянъ спросите; вотъ такъ ужъ скажетъ вамъ мужичокъ: хорошій ли баринъ? И чужой-то, и тотъ, значить, къ нему любовь, то-есть, истинно сказать надо,—другаго слова нѣтъ, любовь чувствуетъ. Народный баринъ, одно слово.

«Сейчасъ ѣду!» сказалъ самъ себѣ Нельцевъ.

— Ужъ извѣстное дѣло, продолжалъ Илья Трофимовъ свой разговоръ,—про чтѣ думаетъ-то мужичокъ, того-то и не скажетъ. А, то-есть, все онъ, мужичокъ значить, видитъ все. На то, Иванъ Александрычъ, вы не глядите, что онъ молчокъ. Знаетъ свое, то и молчокъ. Сказку-то о дуракѣ небось слышали, что дуракъ-то и самъ умникъ былъ? Такъ оно и выходитъ, а я вамъ говорю правду.

Нельцевъ уже съ какимъ-то удивленіемъ слушалъ Илью Трофимова. И если въ началѣ, усадивъ его передъ собой въ креслѣ, онъ чувствовалъ гордость отъ своего поступка, будто подвигъ совершилъ, то теперь онъ бранилъ себя въ душѣ, какъ самая мысль о томъ могла проскользнуть въ его голову, и если онъ и сдѣлалъ это то, зачѣмъ однакожь не такъ, что самъ того не замѣтилъ? А это непременно было бы, еслибъ онъ сажалъ, напримѣръ, Свиблова или Стрѣлинскаго.

— Кушайте сами-то! Что, гляжу, все я одинъ пью? сказалъ Илья Трофимовъ, когда Джонъ поднесъ ему, Богъ знаетъ, которую чашку.

— Вѣдь два стакана ужъ выпилъ, Илья Трофимовъ, и до тебя еще пилъ.

— Не прикажете-съ? спросилъ Джонъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Нельцевъ, право не могу, Илья Трофимовъ. Джонъ вышелъ.

— Это я вотъ зачѣмъ спрашиваю, нѣсколько тайнственно, и опять понизивъ голосъ, началъ Илья Трофимовъ, который очевидно и прежде собирался что-то сказать, но ждалъ ухода Джона.— Такіе господа есть (вѣдь по моимъ-то дѣламъ, я со многими и съ господами, выхождить, знаюсь), такіе господа бываютъ, что вотъ также меня, Илью Трофимова, въ кабинетахъ принимаютъ. Вѣдь когда я и самъ пригожусь (и онъ какъ-то лукаво мигнулъ.) Такъ вотъ, сударь мой, и примутъ, и также вотъ съѣтъ вовлѣ себя укажутъ; да оно два-то часа стоймя о дѣлахъ толковать устанешь, и то надо сказать, и самъ, бываетъ, присядешь: извините, молъ, ваше сіятельство, усталъ. А то ничего это; значить, сами усадятъ, и также вотъ велѣтъ человѣку чаю принести, а тамъ, смотришь, въ меня-то лютъ, а сами не кушаютъ. Вѣрите ли? даже зазорно станеть; чтò, молъ, такое значить? или я чаю не видалъ, что къ нимъ изъ-за чаю пришелъ? Или ужъ точно и не человѣкъ я выхожу, что со мной, выхождить, вмѣстѣ и чаю выпить нельзя, съ Ильей Трофимовымъ?

Нельцевъ покраснѣлъ.

— Вотъ, эвотъ-то самый анекдотъ, продолжалъ смѣясь Илья Трофимовъ, я намеднясь Артамону Сергѣевичу рассказывалъ, Ронлицеву-то есть. Много смѣялись. И вѣдь чтò сказать-то нашли: ты, говоритъ, Илья Трофимовъ, по ихнему-то, и точно выходишь не человѣкъ; они-то *человѣкомъ лакеевъ* зовутъ. Ихъ самыя слова: забавникъ баринъ!

Нельцевъ хохоталъ теперь, какъ ребенокъ.

А Илья Трофимовъ, приписывая этотъ смѣхъ удачѣ собственнаго выраженія, повторялъ еще громче:—Забавникъ, одно слово, забавникъ-баринъ!

— Еще прикажете? спросилъ Джонъ у Ильи Трофимова, принявъ его чашку на поднось.

— Нѣтъ довольно! Благодаримъ васъ покорно, Иванъ Александрычъ. Много довольны,—и онъ всталъ, поклонился, и опять сѣлъ, Джонъ ушелъ.—Ужь и мальчикъ-то у васъ, продолжалъ онъ, плутъ. Вѣдь глазомъ не поведетъ, ровно не узнаетъ меня, посмотрю. По прочимъ-то мѣстамъ, какъ къ господамъ по дѣламъ прїѣдешь, ужъ извѣстное дѣло, прислуга поважена на чай просить; а вашъ-то, надо слово сказать, со мной тутъ, какъ вы изволили гулять, битый часъ толковалъ, а ни-ни! А это все чтò? продолжалъ онъ, какъ-то повышая голосъ.—То онъ и умнѣ выходитъ, что поднось свой знаетъ-подаетъ, а самъ и глазомъ не поведетъ. Баринъ посадилъ Илью Трофимова на стулъ, онъ и понимаетъ, что на ту пору, кто бъ онъ ни былъ, Илья-то Трофимовъ, а на ту пору онъ его барину гость, вотъ что! Умнѣ и выходитъ, заключилъ Илья Трофимовъ, ужъ какъ-то глубокомысленно.

На прощаньи Нельцевъ опять заговорилъ о лѣсѣ.

— Дѣло большое, сказалъ Илья Трофимовъ.—Приступаютъ къ дѣлу, Богу помолясь, Иванъ Александрычъ, а мы только все чай распивали. Молиться-то ужъ гдѣ намъ съ тобой! Про то мы нонче забыли. А подумать надо! И, то-есть, что насчетъ поля говорилось, и объ лѣсѣ-то, большое все дѣло, подумать надо. Я, признаться, затѣмъ и ѣхалъ, чтобы землицы гдѣ на сѣмѣ попросить. Ну, а какъ на десять-то лѣтъ взять, да опять же по контракту, и полтора ста же десятинь, это все выходитъ совсѣмъ большое дѣло, подумать надо. И то только попросилъ бы, Иванъ Александрычъ, чтобы нашимъ-то, городскимъ, значить, купцамъ пока объ томъ не сказывать.

— Да вѣдь, Илья Трофимовъ (и Нельцевъ заговорилъ нѣсколько тѣмъ тономъ, съ какимъ дѣлаютъ взаимныя репѣйки другъ другу два плута, или по крайней мѣрѣ, претендующіе на это званіе), не сказывать-то какъ же? На торгу и торгъ вести, съ купцомъ по-купечески!

— Не то, баринъ, совсѣмъ не затѣмъ говорю, степенно перебилъ Илья Трофимовъ;—Это, Иванъ Александрычъ, думаешь, что цѣну сбавлять хочу, вольнаго торгу боюсь, перебыють, молъ, за другимъ останется? Затѣмъ и говорю, что силы

собрать надо; было бы съ чѣмъ на торгу явиться. А тамъ перебили цѣну, ну и слава тебѣ Господи, хозяину прибыль. То-то горячь на торгахъ я. Вотъ и говорю: думай до торгу, чтобы потомъ не плакать; а на торгъ пришелъ, тутъ ужъ некогда. Извѣстное дѣло, въ горячку войдешь. Торговалъ это я, позапрошлой годъ, также рощу, у Свенлова. Совсѣмъ было сторговались, пятьдесятъ рублей съ десятины просилъ. Только на мою-то бѣду Рожновъ и провѣдай; изъ города сейчасъ прїѣзжаетъ. Ну, ужъ извѣстно милліонщикъ! Ужъ мнѣ гдѣ съ нимъ тягаться! Сто рублей даетъ, такъ вотъ нѣтъ же думаю, ужъ и самъ не возьму, а всажу тебѣ десятину, что будешь помнить какъ съ милліонами-то у другихъ отбивать. Сто десять, говорю, съ четвертью! Ну, думаю, возьми, подавись, да ужъ и помни же! Тридцать. Э, говорить, что тутъ по мелочамъ еще накидывать: двѣсти! Съ разу это. Такъ вотъ на же, говорю, собака подавись: съ четвертью, да двѣсти-то пятьдесятъ и втравлялъ его за десятину отдать. Она вся-то и сама съ работой того не стѣбитъ. Такъ онъ и взялъ. Ну, думаю, по крайней мѣрѣ, не задаромъ! Хорошій, говорю, человекъ, Степанъ Аеросамычъ! Не мнѣ, такъ ему въ прибыль. Тоже, Иванъ Александрычъ, и съ вами будетъ. Дороже меня кто дастъ, ну и слава Богу! По крайности, хотъ вамъ угодимъ, того не боюсь. А только силы надо собрать. Бываетъ другой на торгъ ни съ чѣмъ явится, только чтобъ ему отходцу взять; а какъ закрѣпишь-то себя, ну и лучше. Много довольны, прощайте.

Ну, встрѣча! думалъ Нельцевъ, когда остался одинъ: незнаю, что будетъ Ронлицевъ? А право, Илья Трофимовъ до сихъ поръ лучше ихъ всѣхъ, этихъ господъ, выходить? Впрочемъ, помнится, и Горихвостовъ и Бубеницынъ, Ронлицева въ одинъ годосъ полоумнымъ называли. Кажется, послѣ всего, это въ его пользу. Очень интересно увидеть его... но сами эти господа: Горихвостовъ, Бубеницынъ, видятъ ли они хотъ то, по крайней мѣрѣ, что краснѣтъ, краснѣтъ имъ передъ Ильей Трофимовымъ надо?..

IX.

— Кондыревъ, Яковъ Антонычъ прїѣхалъ! сказалъ Джонъ, вбѣгая въ комнату.

Въ самомъ дѣлѣ, старикъ, оказывалось, не на вѣтеръ кидалъ

слово, что завтра же отдастъ визитъ. У крыльца стояла стараго фасона съ поднятымъ верхомъ, и на стоячихъ рессорахъ, но очень уютная и даже красивая на видъ, коляска. Ея совершенная опрятность, рѣшительная новизна, допускали только два предположенія: или всѣ старые экипажи у Якова Антоныча имѣютъ свойство сохранять первоначальный, новый видъ, или Яковъ Антонычъ даже новые экипажи заказываетъ стараго, первоначальнаго фасона.

— Иванъ Александрычъ, здравствуйте!—И какъ-то даже прищаркивая по военному, поклонился старикъ и прелюбезно пожалъ руку. Нельзя было узнать старика; это былъ какой-то преобразенный Яковъ Антоновичъ. Воротнички (правда, напоминавшіе жабо) солидно подпирали голову и лицо, какъ-то молода его; сюртукъ былъ, ну точно самаго изысканнаго англійскаго покроя; на мѣсто черной, цвингліевой шапочки, волосы были наиаккуратнѣйшимъ манеромъ приправлены, приглажены и прифигурены на вискахъ. Въ рукахъ была европейская шляпа-клакъ, которую не безъ треска раскинулъ Иванъ Антоновичъ въ самыхъ дверяхъ залы. Въ то время, какъ Нельцевъ, недоумѣвая кажется, еще измѣрялъ его глазами, Яковъ Антоновичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, велъ себя любезнымъ молодымъ человѣкомъ и давалъ даже угадывать, что и въ дамскомъ обществѣ онъ теперь, что называется, въ грязь бы лицомъ не ударилъ.

Сѣли на террасѣ. Цвѣтникъ передъ ними весь былъ въ своей ненаглядной красотѣ.

— Вы, кажется, любите цвѣты? спросилъ Нельцевъ.

— Ахъ, нѣтъ... что вы говорите? (и только по этому движенью отклоняющихъ, отстраняющихъ рукъ, Нельцевъ опять узналъ въ немъ прежняго Якова Антоныча)—гдѣ... гдѣ... помилуйте!

— Ну все-таки, однакожъ, продолжалъ Нельцевъ, видимо болѣе не желавшій въ разговорахъ съ нимъ разставаться съ самыми нѣжными темами (да такъ, казалось, и соответствовалъ имъ весь теперешній изящный видъ самого Якова Антоновича):—хоть вы и не любитель, а какъ вамъ нравится мой садъ?

— Да, хорошъ, отвѣтилъ Яковъ Антоновичъ,—хорошій садъ. И большой у васъ садъ. Ну, а такой, настоящій, есть?

— Это яблонный? спросилъ Нельцевъ.

— Да-съ, торговый, пояснилъ Яковъ Антоновичъ.

«Что за капризы! подумалъ Нельцевъ: любить, чтобъ ему цвѣты рисовали въ корзинахъ, а цвѣтовъ не любить!» и

отвѣчалъ:—Съ сожалѣніемъ скажу вамъ, Яковъ Антонычъ, вовсе нѣтъ. А въ здѣшнихъ мѣстахъ это очень выгодно. Я узнавалъ тутъ, и примѣнялся приблизительно къ цѣнамъ, сады тутъ дороги. Вы, конечно, знаете вѣрно, тутъ есть незначашее маленькое имѣніе, всего сорокъ душъ, и земля полтораста, кажется, десятинъ, Савинки, и что же узнѣю? что Савинки эти одними садами дають три тысячи цѣлковыхъ; это другаго всего хозяйства стоить. А главное, мнѣ-то жаль, что никакъ нынѣшней осенью еще не удастся насадить. Хотѣлъ бы сразу десятинъ десять отвести подъ садъ, а приходится начать съ маленькаго. А вотъ у васъ-то, кажется, и теперь славный садъ; десятинъ также, я думаю, восемь есть?

— Да-съ, съ половиной, какъ-то неохотно отвѣчалъ Яковъ Антонычъ.

— Ну, а вы какъ, продолжалъ все болѣе и болѣе одушевлявшійся хозяинъ,—цѣните вашъ садъ? Вамъ что даетъ десятина? Восемь съ половиной... вѣдь такіе сады наши купцы (и Нельцевъ улыбадся) зовутъ тысячными?..

— Я-съ, я-съ, отрывисто отвѣчалъ Яковъ Антонычъ,—неравно, неравно. Это... какой годъ придетъ... Ихъ также на цвѣту убиваетъ.—И онъ закашлялся, и въ самомъ непродолжительномъ времени такъ перемѣнилъ рѣчь:—Что, Иванъ Александрычъ, мы тутъ на террасѣ-то съ вами сидимъ? Не холодно? Замѣчаете, какъ будто вѣтеръ есть?..

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ такъ! поторопился согласиться Нельцевъ.—Что жъ это, куда я васъ привелъ?

И мой герой, запуганный теперь еще болѣе возобновившимся кашлемъ, радъ былъ перевести его въ залу, и даже затворилъ стеклянныя двери террасы; щелкнуло на всю залу, когда онъ задвигалъ верхнюю и нижнюю задвижку.

Яковъ Антоновичъ обглядывалъ квадраты и овалы по стѣнамъ съ фантастическими деревенскими видами. Нельцевъ радъ былъ, что гость его, можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ, любитель стѣнной живописи, наконецъ, чѣмъ-нибудь занять. Но Яковъ Антоновичъ въ самомъ непродолжительномъ времени нашелъ, что и тутъ холодно.

— Двери-то у васъ, сказалъ онъ,—отсюда съ террасы и тѣ изъ стѣнъ совсѣмъ одни противъ другихъ, замѣчаете? Точно какъ сквозной вѣтеръ есть?

Нельцевъ перевелъ его въ кабинетъ.

— Это какіе вы получаете журналы? спросилъ Яковъ Антоновичъ, осматривая комнату.

— Тутъ и хозяйственные есть, и политическіе! сказалъ и испугался Нельцевъ: не заговорилъ бы Яковъ Антоновичъ опять о политикѣ.

— Я также, отвѣтилъ Яковъ Антоновичъ:—ну, *Видежесты*... это *Общепользныя сельскій*, а то вотъ и *Сынъ Отечества*, также выписываю. Опять это какъ въ тридцатыхъ годахъ (и Яковъ Антоновичъ смѣлся какимъ-то сладкимъ смѣхомъ) баронъ Брамбеусъ началъ. Весело, поэрию, пишетъ и умно.

Минуты двѣ разговоръ шелъ о литературѣ. Яковъ Антоновичъ вынулъ большой величины кружкую табатерку и нюхалъ.

«Это еще что? подумалъ Нельцевъ:—дома этого я за нимъ не замѣтилъ!»

— Что вы смотрите? спросилъ Яковъ Антоновичъ.—Нечти не нюхаю. Больше для этой штуки держу.—И онъ осторожливо подносилъ Нельцеву табатерку съ картинкой.

«Этого-то по крайней мѣрѣ отъ Якова Антоновича не ожидать,» говорилъ самъ себѣ Нельцевъ, глядя на рисанокъ; а Яковъ Антоновичъ хохоталъ теперь какъ ребенокъ.

Нельцевъ, рассмотрѣвъ картинку и дождавшись, чтобъ Яковъ Антоновичъ поуспокоился, передалъ ему табатерку. Бережно принявъ ее Яковъ Антоновичъ; вынулъ платокъ, кочичкомъ пообтеръ изображеніе и поднесъ къ глазамъ.—Очень заманательно бываетъ иногда полюбопытеться сказать окъ.—Живой народъ-Французы! все это ихъ штуки!

«Кто бы могъ ожидать этого отъ Якова Антоныча!» говорилъ самъ себѣ Нельцевъ.

Черезъ нѣсколько иднуть по прежнему, закутаннѣй въ шинель Яковъ Антонычъ, усаживался въ своемъ креслѣ. «Кто бы могъ думать!» продолжалъ самъ съ собою Нельцевъ.—Но не успѣвъ онъ еще въ головѣ собрать всѣхъ своихъ мыслей объ этой заманательной личности, Джонъ, распорядительно идбгая въ комнату, крикнулъ:—Гордхвостовъ, Иванъ Александрычъ, пріѣхали! Петръ Иванычъ изъ Лебедовки!

«Яковъ Антоновичъ, думалъ Нельцевъ, — пестичкомъ глядитъ, а этотъ баринъ у Бубеницына очень тогда исправно кушалъ; пожалуй и теперь ему чего бы нибудь надо.» И, воспользовавшись первую удобною минутой извѣститься передъ гостемъ, что оставляетъ его одного, Нельцевъ поймавъ гдѣ-то

въ корридорѣ Джона и спросилъ: «не лзя ли поскорѣй подать хоть кофію?» И услышавъ утвердительный отвѣтъ Джона, Нельцевъ успокоился.

— Какъ же! какъ же встрѣтились! говорилъ Горихвостовъ:— Я-то къ вамъ, значить, только что хочу повернуть въ ворота, Якова-то Антоныча коляска и выѣзжаетъ: немножко, говорю, не захватилъ васъ, Яковъ Антонычъ; онъ ужъ и проѣхалъ. Дѣльная, дѣльная-съ голова! Ну, знаете, теперь-то старъ сталъ, опять же съ дочерью неудовольствія. Старикъ неуживчивый, все такое, знаете; а дѣльная, очень дѣльная голова. Имѣніе-то свое-съ, Пашенку самъ приобрѣлъ! Какже-съ?—И Горихвостовъ значительно кивнулъ головой:—И въ военной службѣ также служилъ...

— Я вѣдь тутъ никого не знаю, сказалъ Нельцевъ равнодушно.

— Служилъ, этому вѣрите, отвѣчалъ Горихвостовъ, принявъ равнодушный тонъ за недоувѣріе къ своимъ словамъ.— И вотъ оно, если хотите знать, какъ и дѣло-то все было. Батюшка-то, Яковъ Антонычевъ, большое имѣніе по себѣ оставилъ, да значить, жена-то его всѣмъ воспользовалась. Ну, сынъ малъ, знаете... мать опекунша: ужъ какое можетъ быть добро, хе, хе... сами знаете! Все это въ самомъ скоромъ времени вверхъ дномъ и пошло; но покойникъ-то, хе, хе, понимаете, своимъ манеромъ; долги женѣ оказались... Туды-сюды, имѣніе-то и осталось за маменькой. Натурально, Якова-то Антоныча тогда въ корпусъ отдали учиться пора. А Авдотья-то Власьева, еще при мужѣ, значить, съ крѣпостнымъ человекомъ въ амурахъ жила. Сынокъ-то науки кончилъ, пріѣзжаетъ въ деревню, а по комнатѣ-то, хи, хи, хи! малютки разныя: маме, кричатъ; вотъ онъ Яковъ-то Антонычъ, видитъ дѣло, а ужъ поздно. «Захочу, говоритъ Авдотья Власьева такъ и подь вѣнецъ съ нимъ пойду; онъ человекъ вольный, еще тотчасъ послѣ покойника откупился, а теперь и самъ мнѣ чета; давно, молъ, приказнымъ служить.» Штука-то хорошая? попенялъ Горихвостовъ, глядя въ глаза Нельцеву:—вѣдь имѣніе-то ужъ на ея имя было переведено!

— Чтѣ жъ Яковъ Антонычъ? спросилъ Нельцевъ.

— Плюнулъ онъ, сказываютъ, ей въ глаза, да съ тѣхъ-то поръ и уѣхалъ служить. Гдѣ тамъ служилъ, его спросишь развѣ? А знаемъ что въ военной. Такъ-таки онъ съ матерью, и какъ умирала-то она, не простился. Все имѣніе, и точно, последнему сыну досталось, который ужъ, значить, въ бракѣ рожденъ.

— Ну, а Яковъ Антоничъ? спросилъ опять Нельцевъ.

— Дослужился это онъ, значить, до своей доли, вотъ и купилъ Пашенку; въ ней двадцать-то лѣтъ и живетъ; имѣнныце небольшое, а я не маленькое, а пуще всего, что онъ больно его въ порядокъ привелъ. Да вотъ какъ самъ-то, значить, прошелъ жизнь настоящую, кровью-то себѣ нажилъ кусоокъ—вотъ и тугенекъ, не выжмешь. Кто говоритъ, и жена-то пуще отъ него умерла. Какъ имѣнне купилъ, въ первый же годъ и обвѣнчался. Годъ одинъ пожил; съ дочкой и остался.

Нельцевъ задумался.

Джонъ сталъ подавать кофе. Истинно надо было удивляться, какъ выполнялъ онъ это дѣло; съ достоинствомъ, можно сказать, подносилъ чашки, весь проникнутый сознаниемъ, что кофе въ самомъ дѣлѣ и поданъ прелекрасно, и налить превосходно, и никто другой, какъ онъ, творецъ и того и другаго.

— И увасъ также мальчикъ служить? спросилъ Горихвостовъ, когда Джонъ удалился.—Моей, значить, методы придерживаетесь.

Нельцевъ не понялъ.

— Я, изволите видѣть, объяснилъ Горихвостовъ,—нахожу, что это гораздо удобнѣе чѣмъ взрослыхъ держать. Первое, что дешевле обходится; второе, скорѣе приспособить можно по своему желанію; да и повиновенія больше оказываютъ. У меня у самого въ домѣ изъ мужской прислуги только два мальчика взяты. Кирила одинъ, а другой Терентій. Это у меня и вышли: Кирюшка да Терюшка, друзья сердечные, Сіамскіе близнецы; изволите знать, въ *Живописномъ Обзорѣннн*, вотъ въ этомъ мѣстѣ (онъ указалъ подъ ребра), со сросшимися грудями изображены.

— Двое, продолжалъ онъ, объяснивъ, что такое Сіамскіе,—а посмотрѣли бы, какъ исправно служатъ. И преумненькіе такіе мальчишки! Досугъ выберется, я съ ними много забавляюсь. Самъ я ихъ никогда не сѣку-съ (и онъ развелъ руки въ стороны), они у меня другъ-друга сѣкутъ (и правою рукой онъ указалъ въ полъ). Ха, ха, ха! вѣрьте. Я имъ такія книжки подблалъ, и свою каждому въ руки и далъ. Какъ теперь, выходить, на недѣлѣ они въ чемъ провинятся: книжку, говорю, дай, да туда отмѣтку и вписываю. А ужъ онъ плачетъ (Кирюшкѣ-то все больше за самовары приходится). Знаетъ онъ, что суббота придетъ, такъ Терюшка ему, сколько отмѣтокъ въ книжкѣ, столько розогъ впишетъ. А Терюшку-то потомъ Кирюшка;

вотъ у нихъ круговая порука и выходить. Суббота пришла ужь они у меня съ утра встають не веселы; ну, а тамъ разговѣются, и опять на всю недѣлю пошли молодцами.

«Боже мой! подумалъ Нельцевъ, ну что еслибы Стрѣльскій... какой графъ Стрѣльскій,—еслибъ Илья-то Трофимовъ улыхалъ!»

— Мое почтеніе, Иванъ Александрычъ! сказала Горихвостовъ, неожиданно подавая красную, потную руку.

— Хорошь ли кофе былъ? спросилъ Джонъ, когда они остались одни.

— Очень, отвѣчалъ Нельцевъ какъ-то двусмысленно.

— Я вотъ о чемъ осмѣлюсь спросить, продолжалъ Джонъ, — мол-то старина отъ роду кофею не пили,—позвольте мнѣ ихъ Иванъ Александрычъ угостить, и то-есть, чтобъ и кофейникъ взять. Я бы въ лампочкѣ ужь самъ и разливать сталъ.

Нельцевъ разсѣялся.

— Ну да, конечно, отвѣчалъ онъ, и пошелъ изъ кабинета.

— Я бы по вашей ко мнѣ довѣренности, Иванъ Александрычъ, продолжалъ Джонъ не отставая,—и то-есть какъ себя знаю, что все въ порядкѣ бы возвращено было, выходить, могъ бы и такъ взять; но думаю для вашего же приличія, Иванъ Александрычъ...

— Ну да, да, отвѣчалъ этотъ, предоставляя ему полную волю кофейничать въ птичьей.

Со всеми однакожъ визитами, такъ неожиданно собравшимся въ одинъ день, времени ушло довольно. Вхать въ Чаранду, чѣд едважоеъ для Нельцева какою-то потребностію послѣ разказовъ Илья Трофимова, теперь было поздно. Только на другой день, долше обыкновеннаго проработавъ за письменнымъ столомъ надъ книгами и землемѣрскими планами, и съ утра одѣвшись въ свой черный сюртукъ, въ лѣтніе аглицкіе брюки съ одноцветнымъ жилетомъ, и чернымъ же креповымъ галстукомъ, — Нельцевъ велѣлъ, наконецъ, закладывать свою пролетку, чтобъ вхать къ Ронлицеву.

Н. Бяцынъ.

(До слѣд. №)

VI

THE OLDNESS.

Тѣнь высокаго, стараго дуба
 Голосистая птичка любила,
 На вѣтвяхъ, переломленныхъ бурей,
 Она кровь и покой находила...

И, какъ будто бы старому дубу
 Было внятно ея щебетанье,
 Веселѣй его вѣтви качались
 И слышнѣй было листьевъ шептанье...

Улетѣла ль веселая птичка,
 Или слабую бурей умчало?
 Только въ листьяхъ высокаго дуба
 Не пріютно и холодно стало!

И стоитъ онъ, склоняясь вѣтвями
 Весь наполненъ тоской и истомой,
 Вспоминая любимую птичку,
 Сиротѣя безъ пѣсни знакомой!

Ю. Волковъ.

РЕЙНЪ.

Изъ поэмы Гейне *Германія*.

Когда же я къ Рейнскому мосту пришелъ,
Глядѣлъ, опершись на перила,
Какъ Рейнъ мой родимый струился, шумѣлъ,
И тихо луна въ немъ свѣтила.

«Здорово, мой батюшка-Рейнъ! разкажи,
Что новаго было съ тобою?
Въ дали я не разъ о тебѣ поминалъ
Съ волненьемъ сердечнымъ, съ тоскою.»

Такъ я говорилъ—и глубоко въ водѣ
Услышалъ таинственный рѣпотъ,
Какъ будто бы кашель глухой старика,
Ворчанье, и стоны, и шопотъ.

«Здорово, сынокъ мой! Спасибо тебѣ,
Что ты меня поминишь, мой милый,
Тринадцать ужъ лѣтъ я тебя не видалъ,
Тѣмъ временемъ плохо мнѣ было.»

«Мнѣ камни глотать въ Биберихѣ пришлось,
Я пища искалъ повкусишь;
Но Никласа Беккера пѣсни, повѣрь,
Желудку еще тяжелѣ.»

«Меня воспѣваетъ онъ, будто бы я
Чистѣйшая дѣва такая,
Что гонить ужъ всякаго прочь отъ себя,
Вънокъ своей чести спасая.»

«Какъ слышу ее, эту глупую пѣснь,
Готовъ себѣ рвать безъ пощады
Я бѣлую бороду; самъ бы въ себѣ
Готовъ утопиться съ досады!

.
«Ахъ, глупая пѣснь, и писака-глупецъ!
Меня онъ срамить скандалѣзно,
Онъ весь политическій мой реноме,
Пожалуй, испортитъ серьезно (1).

«Пусть только вернутся Французы теперь,
Я радъ со стыда провалиться:
Случалось такъ часто въ слезахъ небесамъ
Объ ихъ возвращеніи молиться!

«Французиковъ милыхъ всегда я любилъ:
Французини эти, плутишки!
Что? все они прыгають? пѣсни поють?
Все бѣлше носятъ штанишки?

«Хотѣлось бы очень ихъ видѣть опять;
Но, право, не станеть куража:
Боюсь я за эту проклятую пѣснь
Большаго отъ нихъ перси+лажа.

«Альфредъ де-Мюссе, площадной балагуръ,
Пожалуй, въ главѣ ихъ пѣхоты
Придетъ барабанщикомъ: разомъ пробьетъ
Мнѣ всѣ свои злая остроты.»

Такъ, жалудь, бѣдный мой Рейнъ говорилъ.
Старикъ былъ въ ужасномъ смятеніи:
Чтобъ онъ не отчаялся вовсе, спѣшилъ
Ему я сказать въ утѣшеніе:

Да, шутокъ французскихъ, мой батюшка-Рейнъ,
Когда-то все въ мірѣ болось;
Но прежнихъ Французовъ ужъ нѣтъ и слѣда,
Отъ нихъ и штановъ не осталось!

(1) Французскіе обороты, которые встрѣчаются здѣсь есть точное подражаніе подлиннику. *Перев.*

Не бѣлые, красные нынѣ штаны.
 Прошло молодое безумье :
 Не прыгаютъ больше они, не поютъ,
 А головы клонятъ въ раздумьи.

Они философствуютъ: темой у нихъ
 Все Кантъ, или Фихте, да Гегель;
 Пьютъ болѣе пиво, да курятъ табакъ,
 Но есть и любители кегель...

Такіе жъ филистеры стали, какъ мы,
 И, думаю, кончатъ прескверно:
 Ужъ нѣтъ вольтерьянцевъ у нихъ, уже всякъ
 Изъ нихъ генстенбергецъ навѣрно!

Альфредъ де-Мюссе еще, правда, остритъ;
 Но ты его рѣчи обидной
 Не бойся: сумѣемъ какъ разъ укротить
 Языкъ его злой и безстыдный.

Пускай барабанитъ остроты на насъ:
 Мы свистнемъ своей чередою
 О всемъ, что случалось недобраго съ нимъ
 У разныхъ красавицъ порою;

Итакъ не тревожься, мой батюшка-Рейнъ,
 Отъ пѣсенъ пѣты плохова:
 Ужъ скоро услышишь ты лучшую пѣсню —
 Прощай, мы увидимся снова.

В. Водовозовъ.

vii

СОВРЕМЕННАЯ

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 14-го ноября 1860 года.**

Ценсоръ *А. Петровъ*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ИЗЪ АМЕРИКИ.

Нью-Йоркъ, (17) 29 октября 1860.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я сообщалъ вамъ о пребываніи у насъ японскаго посольства. Я говорилъ уже вамъ, что оно насъ оставило. Послѣ того мы получили о немъ извѣстіе съ береговъ Африки; фрегатъ *Niagara*, отвозившій нашихъ гостей на родину, совершалъ трудное плаваніе противу теченій. Впрочемъ, Японцы не жаловались на эту медленность; они пользовались самымъ радушнымъ гостепрїимствомъ и не скучали нисколько; одни читали, другіе писали и переписывали набѣло свои замѣтки; нѣкоторые рисовали или играли между собою. На фрегатѣ ежедневно совершается богослуженіе, и хотя Японцы плохо понимаютъ по-англійски, но присутствуютъ при немъ, и очень признательны за то, что ихъ поминаютъ на молитвѣ. Умѣренность ихъ замѣчательна; они отступили отъ нея, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, только одинъ разъ во время пребыванія своего въ Нью-Йоркѣ; шампанское заставило ихъ забыть обычную важность и даже довело ихъ до пляски.

По отъѣздѣ Японцевъ, надо было приступить къ уплатѣ издержекъ, и можно ли повѣрить этому?—онѣ не уплачены еще до сихъ поръ; издержки эти простираются до 120.000 руб. сер., и когда дѣло дошло до уплаты такой огромной суммы, граждане Нью-Йорка протестовали противъ городского совѣта; они потребовали счета, но имъ отказали. Граждане обратились въ судъ, и если дѣло приметъ надлежащій ходъ, то, повсему вѣроятію, откроются важныя злоупотребленія. Хорошо еще, что добрыхъ Японцевъ нѣтъ здѣсь, и что они не будутъ свидѣтелями этихъ скандальныхъ сценъ, которыя были бы для нихъ тѣмъ болѣе

прискорбны, что они постоянно обнаруживали большую щедрость; несмотря на то, что союзное правительство, принявъ на себя всѣ ихъ расходы, старалось отнять у нихъ всякую возможность тратить что-либо, — они нашли случай выдать нью-йоркской полиціи въ награду, 30.000 руб. сер. До рѣшенія процесса, о которомъ я говорю, поставщики и хозяева гостиниць не получаютъ никакой платы. Но оставимъ Японцевъ, — пусть они совершаютъ путь свой къ родному берегу, гдѣ, какъ намъ извѣстно, ихъ ждутъ съ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе что они везутъ богатые дары своему тайкуну — и обратимся къ другому.

Кстати о процессахъ; я могу сообщить вамъ, чего стоить поцѣлуй, по судебному приговору. Въ прошедшемъ году одинъ изъ нью-йоркскихъ судовъ приговорилъ къ уплатѣ штрафа въ 25 долларовъ одного слишкомъ пылкаго влюбленнаго, поцѣловавшаго молодую вдову, противъ ея желанія. Поцѣловать дѣвицу стоитъ гораздо дороже. Одинъ молодой человекъ, влюбленный въ дѣвушку одного съ нимъ прихода, остановилъ ее на улицѣ и, несмотря на ея сопротивленіе, поцѣловалъ ее въ щеку; обиженная дѣвушка подала прошеніе въ еудъ; впрочемъ, по мировой сдѣлкѣ, она согласилась освободить его за 60 долл. Конечно, и это слишкомъ дорого за удовольствіе поцѣловать кого-нибудь, хотя въ Англіи за подобныя шутки приговариваютъ къ каторжной работѣ.

У насъ едва не возникло затрудненіе, несравненно болѣе важное. Здѣсь существуетъ, какъ и должно быть въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ, законъ, въ силу котораго духовныя лица обязаны вносить въ книги всѣ совершаемые ими браки и сообщать ежемѣсячно эти книги въ гражданское управленіе. Недавно г. Гегсъ (Hughes), архіепископъ нью-йоркскій, отказался исполнить эту обязанность. Ему сдѣланы были самыя почтительныя представленія, но они не повели ни къ чему. Наконецъ ему сдѣлано было формальное извѣщеніе, на которое архіепископъ отвѣчалъ еще болѣе торжественнымъ отказомъ, объясняя, что онъ позволитъ скорѣе отрубить у себя руку, повести себя на эшафотъ, чѣмъ выдать свои регистры. Общественное мнѣніе возстало противъ такого неуваженія къ закону, и рѣшено было энергически дѣйствовать противъ высокаго духовнаго лица, хотя бы это и вызвало не менѣе энергическое сопротивленіе; какъ бы то ни было, перевѣсъ остался на сторонѣ закона, и архіепископъ нашелъ, что лучше будетъ поберечь свои руки и не всходить на эшафотъ, чѣмъ не выдавать регистровъ. Отказъ этотъ, по словамъ архіепископа, основанъ былъ на общественной нравственности: сообщеніе регистровъ должно было повести къ обнаруженію слабостей, которыя должны были оставаться извѣстными только совѣсти и священнику.

Правительство штата Огайо, заключающаго въ себя 2.450.000

жителей, недавно составило статистику богадѣленъ и домовъ умалишенныхъ; изъ нея видно, что въ этомъ штатѣ находится 12.829 человекъ, одержимыхъ сумашествіемъ или неизлѣчимыми болѣзнями; въ томъ числѣ 807 идиотовъ, 814 безумнымъ, 415 слѣпыхъ и пр. Статистики доказали, что большое число этихъ несчастныхъ произошло отъ браковъ, заключенныхъ между лицами, находившимися въ слишкомъ близкомъ родствѣ.

Мы приближаемся къ президентскимъ выборамъ, производящимся у насъ каждые четыре года; 6-го ноября (н. с.), на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ, всѣ воты будутъ брошены въ избирательныя урны. Волненіе по всему государству чрезвычайное, и каждая изъ партій, въ числѣ четырехъ, предсказываетъ отечеству великія бѣдствія, если представляемый ею кандидатъ не будетъ избранъ. Вы бы увидѣли повсюду огромныя знамена, поставленныя поперекъ улицъ съ именами кандидатовъ и ихъ правительственнымъ девизомъ, даже иногда съ ихъ портретами. Кандидатъ, на сторонѣ, котораго болѣе вѣроятностей успѣха, есть г. Линкольнъ изъ штата Иллинойса; въ юности своей онъ былъ дровосѣкомъ, потомъ занимался перевозкой дѣса на Миссиссипи; въ послѣдствіи онъ сдѣлался адвокатомъ и приобрѣлъ извѣстность на судебномъ поприщѣ (1). На знаменахъ его партій, часто изображаютъ его съ засученными рукавами и въ положеніи дровосѣка за работой. Въ это время только и видишь, что процессію съ факелами на улицахъ, только и слышишь, что политическія рѣчи. Право, Американцы очень похожи на Афиняны: имъ нужны зрѣлища и перемѣны. Послѣдними болѣе всего интересуются искатели должностей, потому что вступленіе новаго лица въ должность президента Штатовъ передаетъ въ новыя руки всю администрацію съ ея отраслями. Такимъ образомъ, избраніе президента есть скорѣе ловля должностей чѣмъ политическая манифестація въ собственномъ смыслѣ. Впрочемъ, въ сущности нѣтъ особенной важности, кто бы ни былъ президентъ, потому что верховный сановникъ Соединенныхъ Штатовъ никогда не можетъ сдѣлать ни много добра, ни много зла. Тотчасъ, по избраніи президента, волненіе утихаетъ и спокойствіе восстанавливается; партіи, накануне еще враждебныя и готовыя растерзать одна другую, протягиваютъ другъ другу руки, и дѣла принимаютъ свой обычный ходъ. Если вы желаете знать, каково поприще, открытое для президентской кампаніи, то вотъ оно:

(1) По послѣднимъ извѣстіямъ, выборъ уже кончился и, какъ предполагалъ нашъ корреспондентъ, выбранъ г. Линкольнъ. Ред.

Республиканцы требуютъ для федеральнаго правительства безусловнаго и безграничнаго права вмѣшиваться въ законодательство территорій. *Территоріями* въ Соединенныхъ Штатахъ называются обширныя пространства земли между Миссиссиппи и Калифорніей, которыя еще не составили себѣ правительства, избраннаго народомъ, за неимѣніемъ достаточнаго населенія. До тѣхъ поръ федеральное правительство назначаетъ туда своихъ чиновниковъ.

Югъ или невольничья партія требуетъ также этого права, но ограничиваетъ его покровительствомъ собственности гражданъ. Эта партія, противная партіи республиканцевъ, носитъ названіе демократической; она желаетъ, чтобы негровладѣльцы, при переселеніи своемъ въ территоріи изъ южныхъ штатовъ, гдѣ допущено невольничество, могли брать съ собою своихъ невольниковъ и сохранять надъ ними свои права.

Третья партія отъергаетъ всякаго рода отношенія къ союзному правительству и требуетъ для населенія территорій полнаго и совершеннаго самодержавія.

Представитель первой изъ этихъ партій г. Линкольнъ, второй—г. Брикенриджъ, нынѣшній вице-президентъ, третьей—г. Дугласъ. Составилась еще четвертая партія, во главѣ которой стоитъ г. Беллъ, предлагающая соглашеніе всѣхъ партій. Это дѣло едва ли сбыточное. На сторонѣ г. Линкольна, какъ мы сказали выше, болѣе всего вѣроятностей на успѣхъ. Негровладѣльцы обнаруживаютъ страхъ, и нью-йоркская торговля, такъ сильно заинтересованная въ поддержаніи мира и въ воздѣлываніи хлопчатой бумаги, раздѣляетъ ихъ опасенія.

Великій флибустьеръ Уокеръ окончилъ свое земное поприще. Въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ не переставалъ, по крайній мѣрѣ по наружности, причинять много непріятностей союзному правительству; я говорю *по наружности*, потому что при видѣ слабости, съ которою оно дѣйствовало противъ него, при соображеніи тѣхъ выгодъ, которыя успѣхъ Уокера доставилъ бы южнымъ штатамъ, и наконецъ, при благосклонности правительства къ этимъ штатамъ, невозможно повѣрить, чтобы между ними не было какого-нибудь тайнаго соглашенія. Цѣлью Уокера и его шайки авантюристовъ было занятіе какого-нибудь пункта Центральной Америки, поселеніе тамъ вмѣстѣ съ своими единомышленниками, призваніе къ себѣ Американцевъ, которые бы вскорѣ образовали тамъ большинство, стали бы предписывать странѣ свои законы и потребовали бы присоединенія ея къ Соединеннымъ Штатамъ. Такимъ образомъ поступаютъ въ настоящее время. Если большое государство задумаетъ увеличить свою территорію на счетъ сосѣда, то на земляхъ его возжигаютъ недо-

вольствіе, заставляютъ народъ вотировать: онъ требуетъ присоединенія, и дѣло завоеванія оканчивается. Это совершенно новый способъ покоренія, начало котораго относится въ Европѣ къ 1848 году, а заимствовала она его отъ Соединенныхъ Штатовъ. Уокеръ былъ человекъ предприимчивый и мужественный; успѣй онъ въ своемъ предпріятіи, его бы провозгласили героемъ; случилось противное, и онъ не болѣе какъ флибустьеръ. Онъ нашелъ въ Центральной Америкѣ людей, болѣе преданныхъ своему отечеству чѣмъ онъ воображалъ себя, и еще болѣе страшныхъ враговъ въ Англичанахъ, которые не хотѣли допустить его положить основаніе присоединенію и слѣдовательно новому увеличенію могущества Соединенныхъ Штатовъ. Генералъ Уокеръ, какъ называли его, шелъ изъ тюрьмы на мѣсто казни съ гордымъ видомъ и твердою поступью. Его посадили на стулъ и завязали ему глаза. Три солдата приблизились къ нему на разстояніе двадцати шаговъ и выстрѣлили въ него изъ ружей. Пули достигли цѣли; тѣло Уокера наклонилось напередъ, а такъ какъ въ немъ видны еще были признаки жизни, то четвертый солдатъ подошелъ къ нему на одинъ шагъ, пустилъ ему зарядъ прямо въ черепъ, и мозгъ его разлетѣлся во всѣ стороны.

Между территориями, о которыхъ я упоминалъ выше, и штатами, расположенными по берегамъ Тихаго-Океана, тянется обширное пространство, пересѣченное цѣпью Скалистыхъ Горъ. Предполагаютъ обратить эти страны въ территоріи, которыя будутъ носить слѣдующія названія: Чиппева, Аризона, Невада, Идаго и Дакотахъ. При той быстротѣ, съ которою совершается переселеніе и увеличивается число жителей, пройдетъ немного времени, и весь американскій материкъ покроется штатами, въ числѣ 40 — 50, изъ которыхъ многіе будутъ обширнѣе нѣмыхъ европейскихъ королевствъ.

Въ настоящее время переселяются преимущественно Ирландцы, которые уже основались на американскомъ материкѣ, и, благодаря промышленности своей и бережливости, доставляютъ своимъ родственникамъ и друзьямъ, оставшимся въ Ирландіи, средства переселяться за океанъ. Изъ Ирландіи выселяется не избытокъ народа, потому что доказано уже, что населеніе Ирландіи постоянно уменьшается въ послѣдніе годы. Ирландія есть резервный капиталъ для населенія Новаго Свѣта. По мѣрѣ удаленія Ирландцевъ, Англичане и Шотландцы берутъ во владѣніе ихъ островъ, и если эмиграція будетъ продолжаться попрежнему, то въ Ирландіи современемъ не останется ни одного Ирландца. Это не слишкомъ беспокоитъ Англичанъ, но ихъ тревожитъ то, что Соединенные Штаты могутъ сдѣлаться болѣе ирландскими чѣмъ англійскими или нѣмецкими, и что, если даже мститель-

ный Кельтъ простить угнетеніе, въ которомъ онъ находился подъ владычествомъ Англіи, то это не помѣшаетъ роковому распространенію неугомоннаго племени и развитію гибельныхъ наклонностей въ характеръ великой американской націи. «Мы вскормили и выростили подлѣ себя, говорятъ Англичане,—могущество, которое будетъ властвовать въ Новомъ Свѣтѣ, пріобрѣтетъ вліяніе на оба океана и овладѣетъ цѣлымъ полушаріемъ: тамъ, на этомъ полушаріи, настоящее и окончательное жилище кельтскаго племени. Мы владѣли Ирландіей только для того, чтобъ обитатели ея могли пріобрѣсти современемъ владычество, передъ которымъ ничтожна та власть, которою мы надъ ними пользовались.» Что касается до насъ, то мы не раздѣляемъ этихъ опасеній, и полагаемъ, что еслибы даже ирландское населеніе сдѣлалось самымъ многочисленнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то оно все-таки будетъ поглощено цивилизующимъ элементомъ англосаксонской расы; чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоить взглянуть на обамериканившагося Ирландца послѣ двухъ поколѣній и даже послѣ одного. Что бы ни случилось, Соединенные Штаты не могутъ довольствоваться только обширною и плодородною территоріей; необходимо, чтобъ она была населена, необходимо, чтобъ у нихъ были не только земли для раздачи, но и люди, которымъ бы можно было ихъ раздавать. Благопріятствовать всѣмъ средствами переселенію—вотъ настоящая политика правительства. Въ четыре послѣдніе года въ одинъ нью-йоркскій портъ прибыло: въ 1856 г. 142.000 переселенцевъ, въ 1857—184.000, въ 1858—79.000; въ 1859—78.000. Статистическія данныя, собранныя по предписанію англійскаго правительства, доказали, что Ирландія въ 1859 г. заключала въ себѣ до шести милліоновъ жителей, милліономъ менѣе чѣмъ въ 1821 г., и двумя милліонами менѣе чѣмъ въ 1841 г. Съ 1848 по 1860 годъ, цифра нѣмецкаго населенія, эмигрировавшаго въ Соединенные Штаты, достигла 900.000 человекъ.

Мы попрежнему желаемъ захватить Кубу,—по крайней мѣрѣ желаетъ того правительство, которое скоро должно сойдти съ своей чреды. Было время, когда думали, что дѣло можетъ уладиться, но надежда эта не оправдалась. Испанію начинаютъ нѣсколько болѣе уважать, съ тѣхъ поръ какъ она нашла себѣ поддержку и сама имѣетъ, какъ кажется, виды на несчастную Мексику, гдѣ попрежнему свирѣпствуютъ междуусобія. Впрочемъ, страна эта должна имѣть еще много средствъ, чтобы въ продолженіи столькихъ лѣтъ удовлетворять потребностямъ правительства, смѣняющихся въ ней такъ быстро. Да, есть люди, которые мечтаютъ о пріобрѣтеніи Кубы и Центральной Америки. Но не представляютъ ли тропическія страны запрещеннаго плода для англосаксонскаго племени?

Племя это одарено, по преимуществу, способностію къ колонизаціи; оно попрежнему одушевлено духомъ предприимчивости, постоянствомъ, терпѣніемъ, настойчивостію. Болѣе всякаго другаго оно способно къ расселенію по земному шару. Замѣтимъ, однако, что оно никогда не селилось въ тропическихъ странахъ. Племя это принадлежитъ сѣверу; оно двигалось всегда отъ востока къ западу, и никогда отъ сѣвера къ югу. Англія совершила колонизацію Америки и Канады съ величайшимъ успѣхомъ; она сдѣлаетъ то же самое съ Австраліей въ ея умѣренныхъ поясахъ; но есть ли у нея хотя одна колонія между тропикомъ Рака и тропикомъ Козерога, есть ли у нея тамъ что-нибудь иное, кромѣ военныхъ и коммерческихъ пунктовъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ? Она владѣетъ Индіей въ продолженіи полутора ста лѣтъ, и за всѣмъ тѣмъ Индія до сихъ поръ не что иное какъ казарма или складочный магазинъ; какой Англичанинъ почитаетъ Индію своимъ отечествомъ, страной, гдѣ, составивъ себѣ состояніе, онъ желалъ бы положить свои кости? Индія принадлежитъ Англіи, но она не сдѣлалась англійскою. То же можно сказать и объ англійскихъ поселеніяхъ на берегу Африки, въ Южной Америкѣ и Вестъ-Индіи. Число Англичанъ, высадившихся въ Новой Англіи до созванія «Долгаго-Парламента», простиралось только до 22.000, а потомки этихъ людей составляютъ теперь болѣе трети населенія Соединенныхъ Штатовъ,—десять милліоновъ! Объ этихъ колоніяхъ Боркъ не даромъ говорилъ въ англійскомъ парламентѣ: «Дѣти ваши едва успѣютъ перейти изъ младенчества въ зрѣлый возрастъ, какъ въ этихъ колоніяхъ семейства сдѣлаются общинами, а общины превратятся въ націи.»

Попытки Французовъ къ колонизаціи тропическихъ странъ оказались также неудачны; такъ напримѣръ, въ Алжирѣ число умиравшихъ всегда превышало число раждавшихся; менѣе чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ на алжирской почвѣ исчезъ бы послѣдній Французъ, еслибы населеніе ея не пополнялось иммиграціей. Испанцы составляютъ націю, которая повидимому наиболѣе способна къ колонизаціи тропическихъ странъ; и при всемъ томъ, что стало съ этою благородною испанскою кровью, перенесенною въ Мексику и на острова Мексиканскаго залива, со времени Кортеса и Писарро до нашихъ дней? Не туземная ли кровь льется теперь въ жилахъ этого населенія?

На чемъ же основать предположеніе, чтобъ англо-саксонское племя могло распространиться и утвердиться на югѣ? Тропическій климатъ, столь благопріятный для черной расы, не перестаетъ ратовать на смерть противъ бѣлыхъ, къ какому бы племени они ни принадлежали. Безъ сомнѣнія, нѣтъ матеріальной невозможности овладѣть Кубой, Мексикой и Центральною Аме-

ржкой. Но что дѣлать съ ними? Обратитъ ихъ въ государства независимыя и союзныя невозможно; сохранить ихъ можно только въ зависимости. Но это прогнорѣчить духу Американцевъ, который не допускаетъ подданства ни въ какой формѣ, ни въ какой степени. Изъ этого видно, что на земномъ шарѣ существуютъ полосы, назначенныя для различныхъ членовъ человеческой семьи: и нѣтъ никакой возможности изгнать тѣхъ, кто куда назначенъ.

Соединенные Штаты находятся въ мирѣ со всѣми націями. Они не много заботятся о своемъ военномъ флотѣ, и ихъ четырнадцатитысячная армія достаточна имъ для охраненія ихъ обширнаго континента отъ Тихаго океана до Атлантическаго, отъ великихъ сѣверныхъ озеръ до Мексиканскаго залива. Изъ этихъ 14 тысячъ человекъ, довольно-значительная часть употребляется на конвоированіе эмигрантовъ, почтъ и ученыхъ экспедицій. Индѣйцы вымираютъ; и по прошествіи полулѣтка, можетъ-быть, найдется историкъ, который совершитъ тризну надъ могилой послѣдняго Индѣйца, какъ Куперъ совершилъ ее, сорокъ лѣтъ тому назадъ, надъ могилой послѣдняго изъ Могиканъ. Между многими индѣйскими племенами поселились внутренніе раздоры, чего никогда прежде не было, и это предвѣщаетъ близкое ихъ разложеніе. Въ послѣднее время между Ирокезами происходили часто убійства, и, что всего замѣчательнѣе, они были слѣдствіемъ политическихъ несогласій; одни защищаютъ невольничество, другіе вооружаются противъ него. Такимъ образомъ они принимаютъ участіе въ расприхъ блага населенія, и участіе совершенно безкорыстное, потому что Индѣецъ не можетъ имѣть невольниковъ. Несогласіе въ этомъ многочисленномъ племени до такой степени сильно, что если меньшинству не будетъ оказано помощи, то оно будетъ совершенно истреблено.

Союзное правительство старается дать Индѣйцамъ осядлость, и отводитъ имъ земли въ замѣнъ тѣхъ, которыя они потеряли. Но цивилизація бѣлыхъ подвигается впередъ неудержимо, и скоро займетъ мѣста, предоставленныя туземцамъ. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ, если не раздавать Индѣйцамъ новыхъ земель? Иногда, вмѣсто земель они требуютъ денегъ, и требованіе ихъ исполняется; деньги эти помѣщаютъ въ банкъ, откуда они получаютъ проценты. Такъ, на примѣръ, племя Токавандасовъ получаетъ ежегодно сумму въ 90 тысячъ рублей серебромъ, которая распределяется между его членами; но какъ поручиться, чтобъ это распределеніе не повело, современемъ, къ ссорамъ, а владѣніе деньгами къ роскоши и къ пьянству, главному пороку этой породы?

Смертною казнію, опредѣляемою нѣкоторыми племенами, еще

не обращенными въ христіанство, служить сожиганіе; въ прежнее время оно было въ общемъ обычай. Племена Лисиць и Оджиббевеевъ (Ojibbeways) прославились искусствомъ мучить своихъ плѣнниковъ. Одинъ молодой воинъ, изъ племени Лисиць, сынъ женщины изъ племени Оджиббевеевъ, похищенный еще въ младенчествѣ отъ своей матери, взялъ однажды въ плѣнъ дядю своего съ материнской стороны. Желая доказать, что онъ нечувствителенъ къ родственнымъ узамъ, связывавшимъ его съ Оджиббевеями, онъ привязалъ плѣнника своего за руки и за ноги къ двумъ колыямъ, утвержденнымъ въ землю, и развелъ огонь подлѣ него, съ насмѣшкою приглашая его погрѣться. Изжаривъ его съ одной стороны, онъ его перевернулъ на другую. Тѣло оджибевейскаго воина вскорѣ превратилось въ одну ужасную рану. Потомъ мучитель отвязалъ своего дядю и сказалъ ему: «Иди теперь къ своимъ и скажи имъ, что Лисицы не заставляютъ Оджиббевеевъ умирать отъ холода.» Измученный Оджиббевей отправился, и ему потомъ удалось заполнить своего племянника. Онъ отвелъ его въ свое селеніе и привязалъ его нагаго къ двумъ столбамъ, потомъ набросалъ на плеча своего племянника оленью шкуру, пропитанную смолою, и зажегъ ее, говоря: «Племянникъ! когда я былъ у тебя въ гостяхъ, ты меня согрѣлъ у хорошаго огня; я угощаю тебя еще лучше: вотъ тебѣ плащъ, который согрѣетъ тебя еще теплѣе.» Пылающій плащъ вскорѣ обвилъ все тѣло несчастнаго плѣнника. Онъ сгорѣлъ, какъ горѣли тѣ люди-факелы, которые освѣщали нѣкогда сады Нерона.

Республиканская партія, программу которой составляетъ уничтоженіе невольничества, подстрекаетъ мѣстами негровъ-невольниковъ, или манитъ ихъ надеждами на освобожденіе; въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ были возмущенія, и бѣлые постоянно насторожѣ; многіе проповѣдники эманципаціи осуждены были на смертную казнь. Эти бѣдные черные и цвѣтные люди несчастны во всѣхъ отношеніяхъ; они несчастны, оставаясь невольниками на югѣ, они несчастны, получая тамъ свободу, потому что остаются въ презрѣніи у бѣлыхъ и черныхъ; они несчастны въ сѣверныхъ штатахъ, гдѣ провозглашаютъ ихъ свободу, а потомъ не допускаютъ ихъ никуда, ни въ общественные экипажи, ни въ театры, ни въ церковь, ни въ семейный кругъ, ни въ высшія училища. Имъ помогаютъ выкупаться на волю, но совершивъ это дѣло, ихъ оставляютъ и не заботятся болѣе о нихъ. Особенно характеристичны два примѣра объ отношеніяхъ бѣлыхъ къ неграмъ.

Въ Виргиніи, въ Ричмондѣ, столицѣ невольничьяго штата, конгрегация нѣсколькихъ цвѣтныхъ людей пріобрѣла покупкой,

совершенно законною, участокъ земли для построения церкви. Они принялись было за постройку, но имъ запретили это на томъ основаніи, что часть города, въ которой они купили себѣ землю, окружена домами, принадлежащими бѣлымъ, что негры составляютъ общественную *misans*, и что зданіе, имъ принадлежащее, поведетъ къ пониженію цѣны на собственность бѣлыхъ. Что сказать о подобной филантропіи, законности и равенствѣ? Положимъ, что это происходило въ невольничьемъ штатѣ, но потрудитесь припомнить (я сообщалъ вамъ это въ одномъ изъ моихъ прежнихъ писемъ), какъ въ свободномъ Нью-Йоркѣ священникъ-негръ не могъ найти себѣ мѣста для богослуженія, и долженъ былъ прибѣгнуть къ газетному объявленію, чтобы чело-вѣколюбивые жители Нью-Йорка сжаились надъ его паствою и согласились отдать ему въ наемъ помѣщеніе за большія деньги! Кстати о газетныхъ объявленіяхъ. Мнѣ недавно случилось прочесть въ газетахъ двѣ интересныя статьи. Одна заключается въ слѣдующемъ объявленіи:

« *Проповѣдь ворами и развратнымъ женщинамъ.* Г. Смитъ, пасторъ церкви въ Гринъ-Стритъ (одной изъ нью-йоркскихъ улицъ, пользующихся самою дурною репутаціей), извѣщаетъ публику, что въ воскресенье такого-то числа онъ будетъ проповѣдывать ворами и развратнымъ женщинамъ. Онъ почтительнѣйше приглашаетъ особъ, принадлежащихъ къ каждому изъ этихъ классовъ, удостоить присутствіемъ своимъ его проповѣдь. Сверхъ того, публика извѣщается, что въ этотъ день полицейскіе приставы исполнятъ своихъ обязанностей, и что ничто не обезпокоитъ и не стѣснитъ слушателей.»

Рѣдко случается, чтобы священникъ,—и я полагаю, что это можно примѣнить ко всѣмъ должностнымъ лицамъ, военнымъ и гражданскимъ, въ цѣломъ мірѣ,—отказался отъ прибавки жалованья. Недавно представился подобный случай. Одинъ священникъ получалъ жалованья 300 долларовъ; по прошествіи многихъ лѣтъ службы, ему предложили 400 долларовъ. Это содержаніе производилось ему прихожанами, потому что, на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ, правительство не платитъ ни копѣйки на богослуженіе, на церковнослужителей, или на содержаніе и построеніе церквей. Вышесказанный священникъ отказался отъ прибавки къ жалованью по слѣдующимъ тремъ причинамъ, которыя онъ изложилъ своимъ прихожанамъ:

- 1-е. Потому что вы не можете давать болѣе 300 долларовъ.
- 2-е. Потому что проповѣди мои не стоятъ болѣе 300 долларовъ.
- 3-е. Потому что трудъ, сопряженный со сборомъ моихъ 300 долларовъ, такъ тягостенъ, что я не вынесу его, если мнѣ придется собирать еще лишнюю сотню.

Между многочисленными благотворительными заведеніями, находящимися въ Нью-Йоркѣ, я укажу вамъ на библіотеки и залы для чтенія, которыя умножаются по мѣрѣ того, какъ благотворное вліяніе ихъ становится ошутительнѣе; я не говорю ни о публичныхъ библіотекахъ, которыхъ очень много, и которыя открыты собственно для достаточныхъ и образованныхъ классовъ, ни о частныхъ обществахъ для чтенія, но о заведеніяхъ, назначенныхъ для средняго, или, лучше сказать, для бѣднаго класса, иногда не имѣющаго занятій: вмѣсто того чтобы оставаться въ праздности или бродить по улицамъ, бѣдные люди могутъ проводить свободные часы въ просторныхъ комнатахъ, очень чистыхъ, хорошо вытопленныхъ и освѣщенныхъ, среди множества книгъ и журналовъ: политическихъ, ученыхъ, артистическихъ, религіозныхъ и другихъ. Эти учрежденія самыя благодѣтельныя, какими только можетъ похвалиться большой городъ. Я бывалъ въ этихъ залахъ для чтенія и видѣлъ тамъ цѣлую публику ремесленниковъ обоаго пола, которые читали и дѣлали выписки. Сверхъ того, по вечерамъ этотъ классъ людей пользуется даровыми лекціями о разныхъ предметахъ, которыя читаются лучшими преподавателями. Такъ какъ это дѣло благотворительности, то для чтенія этихъ лекцій не бываетъ недостатка въ людяхъ, и залы открыты слушателямъ съ 8 часовъ утра до 8 вечера; да и самое число этихъ заведеній непрерывно увеличивается. Вы можете себѣ легко представить, какую огромную пользу курсы эти приносятъ обществу. Ни правительство, ни муниципальное управленіе, ни полиція не вмѣшиваются никогда въ дѣла этихъ заведеній; никто и не думаетъ испрашивать разрѣшенія для открытія ихъ. Кому-нибудь придетъ мысль, и онъ тотчасъ же исполняетъ ее. Нѣтъ ни малѣйшаго контроля, а между тѣмъ все идетъ прилично и успѣшно. Если то, что заведутъ граждане, хорошо, то оно и поддерживается; если дурно, то общественное мнѣніе тотчасъ же выразитъ свое неодобреніе.

Искусство развивается у насъ медленно. Американецъ одаренъ необыкновенною быстротою соображенія; онъ скорѣе Европейца достигаетъ чего бы то ни было, но такъ же скоро и останавливается; онъ не любитъ ни во что углубляться. Музыка американская очень отстала; живопись повидимому дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи. Американскія картины начинаютъ находить сбытъ въ Англій. Простите мнѣ это выраженіе, которое вообще не употребляется, когда рѣчь идетъ объ искусствахъ, но здѣсь оно совершенно вѣрно. И между нашими живописцами начинаетъ наконецъ проявляться нѣкоторая степень независимости, силы и оригинальности, нѣчто такое, что можно принять за начало школы. Впрочемъ, въ большей части населенной Америки природа мало располагаетъ къ

искусству; она грандіозна, но въ высшей степени однообразна; по Америкѣ нечего долго путешествовать, чтобы составить себѣ о ней понятіе. Притомъ, Американцы такъ исполнены духа независимости, что съ трудомъ подчиняютъ себя правиламъ какой-нибудь школы; въ этомъ расположеніи много хорошаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много неудобствъ, они хотятъ быть сами своими путеводителями, открывать новыя земли или терпѣть крушеніе. Я полагаю, что между ними столько же отвращенія къ ученью, сколько и любви къ независимости. Не требуйте отъ нихъ сильнаго и глубокаго изученія чего бы то ни было. Двигаться быстро, создавать быстро — таково ихъ правило.

Въ архитектурѣ Американцы не отличаются своимъ вкусомъ; они могутъ строить красиво, но только въ такомъ случаѣ, если рабски слѣдуютъ оригиналу; наши архитекторы скорѣе камешки, но за то они такъ искусны въ механической части, что въ этомъ никто не сравнится съ ними. Народы воздвигаютъ дворцы своимъ царямъ; они помѣщаютъ въ нихъ великія произведенія своихъ знаменитыхъ живописцевъ и ваятелей; это національные памятники, каменная хроника, народная слава. Въ Америкѣ, гдѣ торговля есть единственный царь, выстраиваютъ магазины, и эти магазины — національные памятники. На ихъ фронтонахъ не видно гербовъ или вензелей, переплетенныхъ лавровыми вѣнками, но только буквы, изсѣченные въ мраморѣ, обозначающія купеческую фирму или указаніе профессіи. Слава Америки заключается въ ея предпримчивости, которая прилагается къ торговлѣ, мореплаванію и изысканію всего, что прямо ведетъ къ ихъ усовершенствованію.

Плаваніе по нашимъ озерамъ становится съ каждымъ днемъ значительнѣе. Взгляните на огромное пространство, лежащее между устьемъ рѣки Св. Лаврентія и южною оконечностію озера Мичигана, гдѣ находится Чикаго, или западною оконечностію Верхняго Озера, — все это бороздится судами всякаго рода и всѣхъ размѣровъ, которыя развѣзжаютъ подъ американскимъ и англійскимъ флагомъ не только у береговъ этихъ озеръ, но спускаются въ устье рѣки Св. Лаврентія, вступаютъ въ океанъ, занимаются каботажною торговлею, а иногда пускаются и за море. Кто бы могъ повѣрить этому лѣтъ шесть назадъ? А все оттого, что дѣла здѣсь дѣлаются очень скоро. Эти суда, замѣтныя по своей особенной конструкціи, назначены собственно для перевозки хлопчатой бумаги вдоль нашихъ береговъ.

Новыя большія суда строятся для трансатлантическаго плаванія въ будущемъ году. Будутъ ли они перевозить почту — неизвѣстно, потому что для этого имъ необходимо получить субсидіи отъ правительства, какъ это дѣлается въ Европѣ; но это про-

тивно духу американскихъ учреждений. Между тѣмъ Англичане попрежнему исполняютъ это дѣло на другихъ судахъ, которыя пристають въ Гавръ или въ Бременъ. Французы устраиваютъ прямую линію, Англичане усиливаютъ свою между нашею страной и своею. Долго разсуждали объ устройствѣ линіи отъ Нью-Йорка до одного изъ бразильскихъ портовъ. Пока здѣсь толковали, Англичане дѣйствовали, а Бразилія представляетъ для нихъ большія выгоды: тамъ строятся желѣзныя дороги, города освѣщаются газомъ; въ этой имперіи совершаются улучшенія всякаго рода, благодаря дѣятельному и предприимчивому духу Американцевъ и Англичанъ, которымъ предоставлены тамъ всѣ удобства. Рио-Жанейро, прозванный южнымъ Нью-Йоркомъ, и заключающій въ себѣ 300 тыс. жителей, Багіа, Фернамбукъ и другіе города находятся на замѣчательной степени благосостоянія. Въ обмѣнъ на свои чисто-земледѣльческіе продукты, Бразилія требуетъ хлопчатой бумаги, земледѣльческихъ орудій и машинъ.

Нашъ купеческій флотъ упалъ въ томъ отношеніи, что въ немъ уже не столько туземныхъ моряковъ, какъ прежде, и что ихъ замѣнили теперь иностранцы. Это объясняется тѣмъ, что моряки получаютъ менѣ вознагражденія чѣмъ работники на сушѣ. Такое положеніе дѣлъ оказываетъ вредное вліяніе на мореплаваніе. Необходимо возвысить моряка, увеличить ему жалованье, образовывать его, сдѣлать профессію его болѣе уважаемою и преимущественно избирать его въ расадникъ морскихъ школъ, объ устройствѣ которыхъ сильно хлопчутъ въ послѣднее время.

Двѣ линіи желѣзной дороги, изъ которыхъ одна тянется отъ береговъ Миссиссипи, другая отъ береговъ Тихаго океана, готовы сблизиться и подать другъ другу руку черезъ Скалистыя горы. Покаместъ переѣздъ этотъ совершаетъ конная эстафета, и уже теперь гораздо выгоднѣе отправлять письма сухимъ путемъ въ Санъ-Франсиско чѣмъ черезъ Панаму. Перешеекъ, соединяющій Сѣверную Америку съ Южною, по которому такъ удобно уже переѣзжать въ настоящее время на различныхъ пунктахъ, составляетъ еще предметъ изслѣдованій для проведенія новыхъ путей. Наши телеграфическія линіи къ Тихому океану подвигаются быстро, и по всѣмъ вѣроятностямъ Нью-Йоркъ, эту же зимой, соединенъ будетъ съ Санъ-Франсиско, и нашъ царственный городъ будетъ отдѣленъ отъ Калифорніи лишь нѣсколькими часами.

Г. МАТІЛЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Вы изъявили мнѣ желаніе, чтобъ я изложилъ вкратцѣ тѣ новые взгляды, къ которымъ привело меня сравнительное изученіе индо-европейскихъ языковъ. Не такъ давно, послыша г. Адольфу Пикте (въ Женевѣ) мои замѣчанія на его сочиненіе: *Les origines indo-européennes*, я сообщилъ ему нѣкоторые выводы изъ моихъ лингвистическихъ изслѣдованій, и позволяю себѣ передать вамъ выписку изъ моего письма къ женевскому лингвисту.

«Сравнивая языки индо-европейскіе и отыскивая первоначальное значеніе всякаго слова, писалъ я г-ну Пикте, находимъ, что почти всѣ глагольные корни выражаютъ понятіе: *находиться въ состояніи движенія, двигаться*, и что почти всѣ имена существительныя и прилагательныя значатъ собственно *движеніе, нѣчто движущееся*. По возвращенію первобытныхъ людей, *бытіе, существованіе* есть *движеніе; существовать*, значитъ то же, что *находиться въ состояніи движенія, двигаться*. Совершеннаго, безусловнаго покоя нѣтъ въ природѣ; въ природѣ есть безпрестанное движеніе. Потому-то даже глаголы, выражающіе понятія: *стоять, сидѣть, лежать, покоиться, безмолвствовать*, значатъ первоначально: *находиться въ движеніи, двигаться*. Прийти въ состояніе безусловнаго покоя, значитъ то же, что возвратиться на лоно Божіе, перестать существовать во временной жизни.

«Изъ первоначальнаго представленія, изъ этого, такъ-сказать, основнаго понятія: *бытіе* есть *движеніе, быть, существовать—находиться въ движеніи, двигаться*, развиваются всевозможныя понятія. Глаголь выражаетъ дѣйствіе или состояніе предмета. Всякое дѣйствіе есть движеніе (*actio est motio entis*), а коль скоро самое *существованіе, бытіе* есть *движеніе*, то, разумѣется, всѣ дѣйствія, всѣ состоянія суть разные виды *движенія*. Изъ глагольных корней образуются имена существительныя и прилагательныя; слѣдовательно, въ нихъ заключается то же первоначальное понятіе—*движеніе, нѣчто движущееся*, то-есть существующее.

«Глагольные корни первоначально значащія: *находиться въ состояніи движенія, двигаться*, выражаютъ тѣмъ самымъ и понятіе—*бытіе, существовать*, и, слѣдовательно, они могутъ означать всевозможныя дѣйствія и состоянія, такъ напримѣръ:

• 1) Находиться въ состояніи движенія, существовать, двигаться, ходить, бѣгать, скакать, летать, плавать, купаться, мыться, дѣйствовать, дѣлать, пахать, пасти, торговать, покупать, продавать, давать, брать, ловить, хватать, бросать, переть, давить, жать, наносить удары, бить, поражать, сражаться, расти, цвѣсти, горѣть, пылать, бродить, гнить и проч.

• 2) Находиться въ состояніи движенія, двигаться и *издавать звукъ, свѣтъ* (ire, se movere; sonare; lucere). А) Издавать *звукъ, голосъ*, говорить, пѣть, звать, кричать, шептать, заговаривать, колдовать, благословлять, клясть, порицать, хвалить, хулить, хаять, и пр. Б) Издавать *свѣтъ*, сіять, блестять, свѣтиться и пр. Напримѣръ, санскр. *Am*—ire, sonare; *ab*—ire, sonare. Санскр. *Pi*—ire, se movere, славян. пѣти, пою;—санскр. *Val*—ire, adire, латин. volare, польск. wołam (voco, кличу, зову). Древне-нѣмецк. *scrlan* (clamare), исландск. *skrla* (vagari), латышск. *skrlf* (скрѣтъ)—laufen, rennen, fliegen, fliegen, (оттуда: крило, польск. skrzydło), санскрит. *krl*—покупать, торговать, собственно находится въ состояніи движенія. Польск. *rupac*—laufen, rennen; knagen. Санскр. *judh*—ire; rugnare, dimicare; литовск. *judeti*—двигаться, шевелиться; работать; ссориться, латинск. jubeo вмѣсто judheo, славянск. велѣти, казати, собств. *издавать звукъ, голосъ*, отсюда также латинск. juba, jubar вмѣсто judha, judhar. Нынѣ наука доказываетъ, что *движеніе, свѣтъ и звукъ* въ сущности явленія тождественныя. Первобытный человекъ безсознательно выражалъ понятія: *движеніе, свѣтъ и звукъ* одними и тѣми же словами. то есть тѣ же глагольные корни нерѣдко выражаютъ понятія: *двигаться, идти, издавать звукъ и свѣтъ* (ire, se movere; sonare; lucere).

• *Думать* значитъ говорить съ самимъ собою; *рльч* есть мышленіе вслухъ. Потому глаголы, выражающіе понятіе *говорить* (собственно: издавать звукъ), значать также — думать, мыслить, полагать, думать о чемъ, заботиться; напримѣръ, санскритское *gad* (gadati), loqui, dicere, польское *gadac* (говорить), русское гадать, болгарское—*думамъ* (говорю), русское—думать, и пр.

• 3) Находиться въ состояніи движенія, *воспринимать впечатлѣнія посредствомъ чувствъ*, чувствовать, ощущать, осязать, видѣть, слышать, обонять, напримѣръ санскритское—*чью* (двигаться), славянское *чюти*—sentire, audire.

Оттого-то, одинъ и тотъ же глагольный корень выражаетъ нерѣдко самыя различныя понятія, напримѣръ двигаться, ходить, летать, видѣть, слышать, блестять, сіять, бить, поражать, вазать, соединять, мѣшать, смѣшивать, понимать, звать, говорить, думать и др. Напримѣръ санскритское U (avaté), sonare; av

(avati), ire, adire, intrare; juvare, tueri, servare, conservare (литовское auti—обувать, славян. ути, об-уть, раз-уть); amare; gaudere; exhilarare; audire (оттуда литовское — au-sis. латинское — auris, вмѣсто ausis, славян. ухо); cognoscere, scire (оттуда славянское—умъ); valere, posse; petere, rogare; facere; optare; splendere (оттуда санскритское—*umd*—splendor); adipisci, amplexari; occidere, ferire; carere; urere; esse; dividere; crescere, augeri; comedere.

«Итакъ, что бы ни означалъ глагольный корень, нужно всегда помнить, что въ немъ подразумѣвается первоначальное значеніе—*находиться въ состояннн движенія, двигаться.*»

Позволю себѣ также привести въ подлинникъ то, что г. Пикте писалъ мнѣ въ отвѣтъ:

«Votre idée de ramener toutes les racines aux trois notions primitives de *mouvement*, de *lumière* et de *son*, se trouve coïncider si parfaitement à mes propres vues, que je trouve dans cet accord une précieuse confirmation. Un travail que j'ai commencé depuis plus de dix ans sur la formation des radicaux indo-européens, et qui paraîtra peut-être au jour, est exactement fondé sur cette triple division, sous laquelle j'ai classé autant que possible, toutes les racines.»

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современемъ мысли мои сдѣлаются аксіомою. А между тѣмъ не могу не замѣтить здѣсь при настоящемъ случаѣ, что моего разсужденія объ этомъ предметѣ не угодно было напечатать ни второму отдѣленію академіи наукъ, ни редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Перепишу мой трудъ, и пошлю его г. Пикте, пусть хоть онъ воспользуется имъ.

Въ заключеніе, убѣдительнѣйше прошу васъ перепечатать въ вашемъ журналѣ, столь распространенномъ во всѣхъ частяхъ Россіи, слѣдующее воззваніе мое къ жителямъ Литвы и Жмуди, которое я напечаталъ въ № 61 *Вилленскаго Вѣстника*:

«Горы исчезли съ лица земли, моря переимѣнили свои русла, а литовскій языкъ въ продолженіи столькихъ вѣковъ, остался почти неизмѣннымъ. Прекрасный, богатый и старинный литовскій языкъ составляетъ неоцѣненное сокровище для науки; въ немъ сохранилось понынѣ неисчерпаемое богатство первобытной рѣчи и преданія первобытныхъ поколѣній. Въ каждомъ уголкѣ Литвы и Жмуди, можно собрать тысячи старинныхъ словъ и множество грамматическихъ формъ, которыя въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ забылись и вышли изъ употребленія. Не станемъ пренебрегать рѣчью нашихъ прадѣдовъ, не будемъ легкомысленно ни во что ставить святое достояніе отдаленнѣйшей старины, не позволимъ исчезать безвозвратно такимъ драгоценнымъ остаткамъ, наслѣдству послѣ праотцевъ, соберемъ ихъ тщательно и передадимъ

письменно наукѣ и слѣдующимъ поколѣніямъ. Въ противномъ случаѣ наука и потомство осудятъ насъ во вѣки.

«Во имя истины и науки приглашаю васъ, достойные граждане Литвы и Жмуди, особенно же васъ, достопочтенные пастыри, стараться, насколько вамъ позволятъ ваши священныя и трудныя обязанности, собирать и записывать литовскія слова, особенно устарѣлыя и мало употребляемыя, и пересылать оныя по почтѣ, *franco*, въ редакцію *Виленскаго Вѣстника*, или на мое имя въ главную бібліотеку варшавскаго учебнаго округа въ Варшаву. Эти слова съ ученою обработкой будутъ помещаемы по временамъ въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*. Такимъ образомъ, мало-по-малу, соберется настоящее сокровище литовской рѣчи и неоцѣненный матеріалъ для ученыхъ изслѣдованій. Заслуга будетъ принадлежать всѣмъ, потому что здѣсь каждый можетъ прибавить свою лепту.»

Станиславъ Микуцкій.

РАЗКАЗЪ ОЧЕВИДЦА О ГРАФѢ ГРАБЯНКѢ.

(Письмо. М. Н. Лонгинову.)

Прочитавъ въ № 16 *Русскаго Вѣстника*, статью: *Одинъ изъ матинокъ XVIII вѣка*, не излишнимъ считаю разказать нѣкоторыя подробности о концѣ исторіи графа Грабянки, которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

Въ 1807 году, въ февралѣ, я пріѣхалъ въ Петербургъ опредѣляться въ гвардію, и остановился въ домѣ моей бабки Е. Д. Волковой. Тутъ я встрѣтилъ графа Грабянку. Меня ему рекомендовали, какъ юношу достойнаго принять его ученіе. По молодости я даже не понималъ, что значило это выраженіе (мнѣ было семнадцать лѣтъ). Я принялъ графа за лицо, принадлежащее католической церкви, или за проповѣдника.

Графъ назначалъ у своихъ адептовъ дни собранія. Они за нимъ посылали по очереди карету, которая и привозила его къ обѣду. Послѣ обѣда съѣзжались слушатели. Назову нѣкоторыхъ,

кого помню: М. И. Данауровъ, М. А. Лѣнивцевъ, А. Ѳ. Лабзинъ, П. И. Озеровъ-Дерябинъ (въ статьѣ названный Деравиннымъ). Н. Ѳ. Плещеевой (жены покойнаго Сергѣя Ивановича Плещеева) на сѣздахъ никогда не было, но знаю, что она графа принимала у себя, и у нея также многіе сѣзжались. За обѣдомъ графу Грабянкѣ подавали любимыя имъ блюда. Особенно отличались роскошью обѣды М. А. Лѣнивцева, въ то время управлявшаго откупными дѣлами графа Зубова, котораго въ послѣдствіи онъ раззорилъ. Онъ былъ главный другъ и адептъ графа Грабянки. Всѣ лица, мною названныя, были или друзья, или родственники Н. Ѳ. Плещеевой, Графъ открывалъ засѣданіе, вынувъ изъ портфеля тетрадь, писанную на французскомъ языкѣ. Примѣшивая безпрестанно польскія слова: *jak se zowe*, онъ проповѣдывалъ или толковалъ религиозные тексты, прибавлялъ анекдоты и легенды изъ своей святой жизни. Слушатели были въ восхищеніи; особенно дамы почти боготворили его, посылали ему свои работы и проч., а мужчины дѣлали ему значительные подарки. Одинъ разъ, на сѣздѣ у П. И. Озерова (тогда служившаго гофмаршаломъ при дворѣ великаго князя Константина Павловича), графу сказали, что М. А. Озерова, супруга, хозяйна, больна, и отъ того не можетъ присутствовать на засѣданіи. Графъ сталъ успокоивать мужа и насъ насчетъ ея болѣзни. При этомъ разказалъ онъ намъ слѣдующій анекдотъ: «Въ Парижѣ, во время террора, сказалъ онъ, я былъ посаженъ въ тюрьму. Вдругъ увидѣлъ я передъ собою Іоанна Крестителя. Я палъ къ его ногамъ, и просилъ его спасти меня. Іоаннъ отвѣчалъ мнѣ, что, зная мою невинность, онъ для этого и пришелъ въ темницу. При этихъ словахъ, двери тюрьмы открылись, и онъ вывелъ меня на улицу, гдѣ далъ мнѣ три зернышка на память и прибавилъ: ежели хочешь кого выдѣлать, то положи эти зерна въ стаканъ воды, и дай выпить больному.» П. И. Озеровъ сталъ просить графа Грабянку, чтобъ онъ помогъ его женѣ, что онъ сейчасъ исполнилъ. Я самъ видѣлъ эти зернышки. М. А. Озерова выздоровѣла! Вѣроятно, такъ было бы и безъ зернышекъ, но это обстоятельство адепты разказывали за чудо. Замѣчательно, что всѣ они были люди образованные.

Такимъ образомъ продолжались при мнѣ болѣе мѣсяца обѣды и собранія. Однажды вечеромъ, тетка моя Озерова поручила мнѣ отнести записку къ графу въ которой она приглашала его къ себѣ. Я всталъ рано утромъ и пошелъ къ нему. Къ удивленію моему, меня въ воротахъ остановилъ полицейскій офицеръ, спрашивая, зачѣмъ я иду къ графу? Въ невинности своей, я откровенно сказалъ, что несу ему записку. Меня къ нему ввели, велѣли прочитать ему записку вслухъ, дозволили остаться на малое время и потомъ велѣли уйти. Графъ просилъ меня кланяться многимъ лицамъ,

увѣрить ихъ, что Богъ знаетъ его невинность, и что онъ взятъ подъ стражу, вѣроятно, по какому-либо недоразумѣнію. Я поспѣшилъ передать дядѣ Озерову эту катастрофу. Его удивленіе, въ первыя минуты, такъ было велико, что онъ мнѣ не повѣрилъ и написалъ мой разказъ какимъ-нибудь сплетнямъ. Но вскорѣ пріѣхали къ нему нѣкоторые изъ адептовъ, и удостовѣрили его въ истинѣ нежданнаго происшествія. Много толковали они между собою, и положили ходатайствовать у начальства объ освобожденіи графа Грабянки. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ и другіе его друзья лично просили за него государя, который однако, лучше ихъ зная тайныя продѣлки графа Грабянки, приказалъ его посадить въ крѣпость. Тамъ онъ вскорѣ умеръ, какъ говорили, принявъ яду. Всѣ единогласно тогда увѣряли (разумѣется, кромѣ его друзей), что графъ Грабянка былъ агентъ или шпионъ Наполеона, что можетъ-быть и было вѣроятно. Но на сѣздахъ его адептовъ никогда ни слова не было говорено о политикѣ.

Итакъ графъ Грабянка умеръ въ крѣпости. Дѣло о его адептахъ, слушателяхъ или сообщникахъ частію потушили по ходатайству важныхъ лицъ, а частію оно само прекратилось, потому что, по извѣстіямъ изъ арміи, привезеннымъ княземъ Богратиономъ, послѣ преисшишъ-эйлаускаго сраженія, гвардія выступила въ Пруссію, чѣмъ всѣ прочіе интересы были заглушены. Впрочемъ, я ушелъ въ походъ, и ничего болѣе не слыхалъ объ этомъ дѣлѣ.

У многихъ хранятся портреты графа Грабянки. Между прочимъ у С. И. Миллера, которому достался онъ въ наслѣдство отъ его матери, рожденной Волковой.

Графъ Грабянка былъ средняго роста, широкъ въ плечахъ, имѣлъ лѣтъ подѣ шестьдесятъ, волосы у него были сѣдые, коротко остриженные, носъ орлиный, зубы бѣлые, которыми онъ гордился, грызъ орѣхи и любилъ кожу ветчины, которую жевалъ свободно.

М. Муромцовъ.

УБИЙСТВО ВЪ СТЕПНЕЪ.

Процессъ объ этомъ убійствѣ, кромѣ внутренняго интереса, замѣчательнъ по способу его производства, и знакомитъ какъ съ бдительностью англійской полиціи, такъ и съ добросовѣстностью здѣшнихъ, судей и адвокатовъ.

Для правильнаго разрѣшенія этого дѣла, возбужденнаго по своей таинственности всеобщее вниманіе, приняты были со стороны судебной администраціи всевозможныя мѣры.

Обвиняемый имѣлъ, по собственному избранію, весьма дѣльнаго адвоката, г. Беста; преслѣдователемъ преступленія назначенъ былъ одинъ изъ первоклассныхъ адвокатовъ, котораго и неоднократно имѣлъ удовольствіе слышать въ вестминстерскихъ судахъ, г. Парри (*serjeant Parry*) (1). Наконецъ, судьей въ этомъ дѣлѣ былъ всѣми уважаемый ученый предсѣдатель одного изъ трехъ высшихъ судовъ общаго закона, г. Поллокъ (*Lord Chief Baron of the Exchequer Chamber Pollock.*) Г. Поллокъ окончилъ курсъ наукъ въ Кембриджскомъ университетѣ въ 1806 году и потомъ исполнялъ всевозможныя обязанности при судахъ общаго закона.

Обстоятельства этого дѣла довольно просты по своему содержанию, но способъ совершенія преступленія былъ покрытъ такою тайной, что всѣ усилія къ обнаруженію виновника оставались тщетными въ продолженіи почти трехъ мѣсяцевъ.

Всеобщее вниманіе къ этому дѣлу было еще болѣе возбуждено по случаю обвиненія, введеного подсудимымъ на другое лицо, такъ что гнусность клеветы превышала самый ужасъ, внушаемый предположеніемъ о преступленіи подсудимаго.

Не буду приводить всѣхъ подробностей этого процесса, а ограничусь самымъ краткимъ изложеніемъ дѣла; постараюсь въ особенности обратить вниманіе читателей на выводъ изъ обстоятельствъ дѣла, сдѣланный однимъ изъ знаменитѣйшихъ судей Англіи. Выводъ этотъ послужитъ подтвержденіемъ тому, что было прежде высказано мною объ отношеніяхъ, существующихъ въ Англіи между судьей и присяжными.

Подсудимый, работникъ Моллинъ (*Mullins*), 58 лѣтъ отъ роду, былъ обвиняемъ въ убійствѣ 72-лѣтней старухи, Маріи Эмзлей. Марія Эмзлей была вдова, имѣвшая весьма странныя привычки и жившая одна безъ всякой прислуги, въ одной изъ многолюдныхъ и торговыхъ улицъ Лондона. Она имѣла собственность, состоящую изъ доходовъ, приносимыхъ нѣсколькими домами. Не довѣряя никому полученія этихъ доходовъ, она собирала каждый понедѣльникъ сама и возвращалась обыкновенно домой, съ суммой отъ 30—50 фунтовъ стерлинговъ.

Въ пятницу, 17 августа настоящаго года, г-жа Эмзлей была найдена мертвою въ своей квартирѣ.

Очевидно было, что смерть была насильственная и послѣдо-

(1) *Serjeant*— есть одна изъ высшихъ степеней адвоката.

вала отъ ударовъ по головѣ. Не было, равнымъ образомъ, сомнѣнія и во времени совершенія убійства. Сосѣди видѣли въ послѣдній разъ г-жу Емлей въ понедѣльникъ, въ 7 часовъ вечера. Многія лица приходили по разнымъ дѣламъ въ домъ старухи во вторникъ и стучались у дверей ея квартиры, но безъ успѣха. При томъ, съ вечера, въ самой квартирѣ не было видно никакого свѣта. Всѣ эти обстоятельства устраняли всякое сомнѣніе въ томъ, что старуха была убита между семью часами вечера и восьмью часами утра съ понедѣльника на вторникъ. Затѣмъ предстояло лишь привести въ извѣстность: кто именно былъ виновникомъ убійства. Преступленіе это произвело сильное впечатлѣніе въ околоткѣ. Обличителю обѣщана была награда, сперва во 100, а послѣ въ 300 фунтовъ стерлинговъ. Наконецъ, 8 сентября текущаго года, Моллинзъ сдѣлалъ донесеніе секретной полиціи (*detective police*), обвиняя въ убійствѣ работника Эмма. Моллинзъ и Эммъ знали умершую старуху, которая имѣла къ нимъ нѣкоторое довѣріе, почему оба они исполняли различныя порученія умершей.

Моллинзъ объявилъ полиціи, что онъ сторожилъ домъ Эмма, въ субботу 8 сентября, и видѣлъ, какъ Эммъ вышелъ оттуда между 8 и 9 часами вечера и, отправившись къ находившимся футакъ въ пятидесяти отъ дома развалинамъ, взялъ оттуда большой бумажный свертокъ, съ которымъ и вошелъ снова въ домъ. Затѣмъ Эммъ, по показанію Моллинза, снова вышелъ изъ своего дома и отправился въ находившійся въ его полѣ шалашъ (*shed*), въ которомъ онъ спряталъ свертокъ поменьше.

По указанію Моллинза, полицейскіе сдѣлали осмотръ въ шалашѣ Эмма, и нашли тамъ бумажный свертокъ, перевязанный навощенною веревкой. Въ этомъ сверткѣ нашли ложки и нѣкоторыя другія принадлежавшія умершей вещи, кромѣ того, выданный ей билетъ (чекъ) на 10 фунтовъ стерлинговъ, по которому деньги были уплачены умершей въ понедѣльникъ той недѣли, когда совершено было убійство.

Такимъ образомъ вся сущность обвиненія заключалась въ томъ, чтобы доказать, что упомянутый свертокъ былъ спрятанъ въ шалашѣ не Эммомъ, а самимъ Моллинзомъ.

Виновность Моллинза въ совершеніи преступленія подтверждалась многочисленными и разнообразными фактами, обнаруженными при слѣдствіи. Такъ напримѣръ, многіе свидѣтели показали, что въ ночь совершенія убійства, то-есть съ понедѣльника на вторникъ, Эммъ былъ со многими другими лицами въ Страфордѣ. Независимо отъ того, свидѣтели показали, что 8-го сентября Эммъ, по случаю болѣзни, не выходилъ цѣлый день изъ дома, и потому свидѣтельство Моллинза въ томъ, что онъ видѣлъ, какъ Эммъ выхо-

дѣлъ въ тотъ день изъ дома и спряталъ свертокъ въ шалашъ, оказалось ложнымъ. Другіе свидѣтели показали, что они видѣли Моллинза вечеромъ, въ день совершенія убійства, въ окрестностяхъ дома Эмзлей. Наконецъ другія улики противъ Моллинза состояли въ томъ, что у него найдена была ложка, подобная ложкамъ умершей, спрятаннымъ въ упомянутый свертокъ, веревка весьма похожая на ту, которою свертокъ былъ перевязанъ, мологъ, находившійся въ извѣстномъ соотношеніи съ ранами, найденными на головѣ убитой; наконецъ, кромѣ всего этого, сапогъ Моллинза совпадалъ со слѣдами, оставшимися на полу, обгареннымъ кровью убитой женщины.

Послѣ обычнаго допроса и передопроса свидѣтелей (*examination* и *cross examination*), адвокатъ подсудимаго, г. Бестъ, приступилъ къ исполненію своей, какъ онъ самъ весьма справедливо замѣтилъ, тяжелой обязанности. Дѣйствительно, г. Бестъ несъ въ этомъ дѣлѣ едва ли не самую трудную и самую непріятную обязанность. Обстоятельства дѣла были слишкомъ ясны. Тѣмъ не менѣе, избираемый подсудимымъ адвокатъ обязанъ, изъ челолюбія, принять на себя его защиту. Знаменитѣйшій изъ англійскихъ адвокатовъ, г. Эркинъ, о которомъ я имѣлъ случай упомянуть въ прежнихъ своихъ письмахъ, неоднократно выражалъ то мнѣніе, что адвокатъ, отказывающій подсудимому въ защитѣ, тѣмъ самымъ бросаетъ на него преждевременную тѣнь, и такимъ образомъ быть-можетъ способствуетъ его обвиненію.

Впрочемъ, какія бы ни были причины, побудившія г. Беста взять на себя защиту Моллинза, во всякомъ случаѣ надо сознаться, что онъ исполнилъ свою непріятную обязанность чрезвычайно добросовѣстно, и если подсудимый не избѣгъ приговора, то конечно не по винѣ его защитника. Представляя во всей подробности обстоятельства дѣла, г. Бестъ въ особенности обращалъ вниманіе присяжныхъ на отсутствіе свидѣтелей въ совершеніи Моллинзомъ убійства, и въ заключеніе своей длинной рѣчи, убѣждалъ присяжныхъ предоставить ему, согласно съ духомъ англійскаго законодательства, выгоду сомнѣнія (*the benefit of the doubt*).

Преслѣдователь преступленія, г. Парри, въ возраженіе противу доводовъ г. Беста, повторилъ вкратцѣ улики, выведенныя имъ въ обвинительномъ актѣ, и, разобравъ въ подробности всю темную сторону дѣла, выразилъ въ заключеніе надежду, что присяжные объявятъ приговоръ согласно съ долгомъ и убѣжденіемъ.

Затѣмъ судья приступилъ къ выводу обстоятельствъ всего дѣла (*summing up*).

Лордъ главный баронъ Поллокъ (1) прежде всего замѣтилъ, что обстоятельство и время совершенія убійства не подлежали никакому сомнѣнію, что убійство, по мнѣнію его, не подлежало также сомнѣнію, что убійство совершено было человѣкомъ, хорошо извѣстнымъ умершей, то-есть лицомъ, къ которому умершая имѣла извѣстное довѣріе. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы признать, кто именно виновникъ убійства. Присяжные слышали доводы преслѣдователя преступления и защитника подсудимаго. Судья не одобряетъ системы, принятой преслѣдователемъ, который останавливался преимущественно на обстоятельствахъ, отличающихъ, по его мнѣнію, виновность подсудимаго, и вообще вельдѣло въ такомъ видѣ, какъ будто онъ ходатайствовалъ по гражданскому процессу въ судѣ *Nisi Prius*.

Въ прежнія времена преслѣдованіе преступления производилось неблагопріятнымъ для подсудимаго образомъ, но теперь этотъ порядокъ вещей измѣненъ, и преслѣдователь долженъ представлять присяжнымъ всѣ вообще обстоятельства дѣла, безъ всякаго различія въ томъ, служатъ ли они въ пользу, или во вредъ обвиняемому. Далѣе г. Поллокъ замѣтилъ, что вещи умершей, найденныя у Моллинза, также какъ молотъ и сапогъ, и показаніе свидѣтелей о томъ, что они видѣли Моллинза въ вечеръ совершенія преступления близъ дома убитой, не имѣютъ, по его мнѣнію, существеннаго значенія въ этомъ дѣлѣ. Гораздо важнѣе было опредѣлить: находился ли Моллинзъ въ такихъ отношеніяхъ къ убитой, что она впустила бы его въ свою комнату. Но самый важный и главный вопросъ, подлежавшій разрѣшенію присяжныхъ, состоялъ въ томъ: кто именно спряталъ свертокъ съ вещами убитой въ шалашъ Эмма, потому что, по мнѣнію судьи, не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что спрятавшій туда этотъ свертокъ былъ лицомъ, прикосновеннымъ къ убійству. По показанію подсудимаго свертокъ былъ спрятанъ Эммомъ. Но спрашивается, съ какою цѣлію Эммъ сталъ бы его прятать? Можно было бы предположить, что Эммъ хотѣлъ скрыть свертокъ отъ своихъ домашнихъ; но такое предположеніе опровергается объясненіемъ самого подсудимаго, что Эммъ носилъ свертокъ обратно въ домъ и тамъ сдѣлалъ выборъ вещамъ, которыя были послѣ въ немъ найдены. Притомъ, для чего именно спряталъ бы Эммъ такія бездѣлки, какъ ложки и другія мелкія вещи? Что касается до найденнаго вмѣстѣ съ этими вещами билета на полученіе 10 фунтовъ (*check*), то такъ какъ эти деньги были уже получены умершею и билетъ потерялъ свою силу, то первую мыслию

(1) Судьи суда казначейства называются баронами; предсѣдатель главнымъ барономъ.

убійцы, казалось, должно было бы быть уничтоженіе этого признака преступленія, при первомъ приближеніи къ свѣчѣ или камину. Такъ, казалось, долженъ былъ бы поступить воръ и убійца. Съ гораздо болѣшимъ вѣроятіемъ можно предположить, что свертокъ, найденный въ шалашѣ Эмма, былъ положенъ туда съ цѣлю возбудить подозрѣніе въ совершеніи имъ убійства. Если присяжные вѣрятъ показанію свидѣтелей, утверждающихъ, что въ ночь совершенія убійства Эммъ былъ въ Страфордѣ, и что онъ, по болѣзни, не могъ выйти изъ дому въ тотъ день, когда онъ, по показанію Моллинза, будто бы спряталъ свертокъ въ шалашъ, то Эммъ совершенно очищается отъ введеннаго на него подсудимымъ обвиненія. Присяжные должны прежде всего рѣшить, кто положилъ свертокъ въ шалашъ Эмма? Обстоятельства дѣла показываютъ, что за исключеніемъ Эмма никто, кромѣ подсудимаго, не могъ спрятать туда этотъ свертокъ. Защитникъ подсудимаго объясняетъ, что билетъ на полученіе 10 фунтовъ (check) могъ выйти изъ рукъ г-жи Эмлей и перейти во владѣніе подсудимаго. Но Моллинзъ не объяснилъ, какимъ образомъ онъ получилъ его, и если онъ дѣйствительно получилъ этотъ билетъ, то присяжные въ правѣ потребовать отъ него по этому предмету объясненій. Принадлежность умершей ложекъ, найденныхъ въ сверткѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ онѣ найдены вмѣстѣ съ билетомъ, по которому она, какъ также нѣтъ сомнѣнія, получила деньги въ день совершенія убійства. Въ домѣ подсудимаго найдена еще одна ложка, сходная съ ложками, найденными въ сверткѣ, и отъ присяжныхъ зависитъ опредѣлить: въ какой степени обстоятельство это связываетъ подсудимаго со сверткомъ, найденнымъ въ шалашѣ Эмма, и показываетъ, что онъ туда спряталъ его. Присяжные должны помнить, что подсудимый не долженъ быть обвиненъ по одному только подозрѣнію, но что основаніемъ ихъ приговора должны послужить фактическія доказательства (circumstantial evidence). При этомъ судья объяснилъ присяжнымъ значеніе факческаго доказательства и различіе его отъ подозрѣнія.

Затѣмъ, лордъ главный баронъ замѣтилъ, что присяжные должны объявить приговоръ, основанный на убѣжденіи. Нельзя допустить, чтобы невинный человѣкъ пострадалъ, но общество требуетъ также, чтобы виновный не избѣгъ наказанія. При постановленіи приговора по уголовному дѣлу не слѣдуетъ разсуждать о томъ, что было бы справедливѣе: обвинить ли невиннаго, или оправдать виновнаго. Присяжные не должны допускать подобнаго разчета. Если совокупность фактическихъ доказательствъ убѣждаетъ ихъ въ совершеніи подсудимымъ убій-

ства, то на нихъ лежитъ обязанность признать его виновнымъ; въ противномъ случаѣ они должны оправдать его. Но сомнѣніе, которымъ бы могъ воспользоваться подсудимый, не должно основываться на одномъ предположеніи; что дѣло могло бы произойти иначе; то-есть присяжные не должны руководствоваться однимъ предположеніемъ, что билетъ на 10 ф. (check) могъ перейти законнымъ образомъ въ руки подсудимаго и т. д. Вопросъ состоитъ въ томъ: что именно по ихъ мнѣнію случилось, и допускаютъ ли они дѣйствительность этого событія до такой степени вѣроятія, которая бы послужила основаніемъ ихъ дѣйствія въ ихъ собственномъ важномъ дѣлѣ. На этотъ вопросъ присяжные должны отвѣчать и, заключилъ судья, «такимъ образомъ, чтобы отдать справедливое подсудимому и удовлетворить свою собственную совѣсть».

Во время этого обзора, продолжавшагося болѣе 3 часовъ, подсудимый неоднократно перебывалъ судью и дѣлалъ свои замѣчанія.

За тѣмъ присяжные удалились для совѣщанія и возвратились черезъ часъ съ приговоромъ о виновности подсудимаго (*guilty*).

На обычный вопросъ клерка, не имѣетъ ли подсудимый чего-либо возразить противъ приговора, онъ обратился къ судѣ съ слѣдующими словами; «Милордъ, позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ. Я не виновенъ. Я знаю, что мнѣ не долго остается жить на свѣтѣ, и потому я говорю теперь всю правду. Я считаю себя счастливымъ, что имѣлъ такихъ внимательныхъ присяжныхъ и такого защитника. Въ понедѣльникъ, 13 августа, я работалъ на Темплъской площади. Я оставался тамъ до 7 часовъ вечера и за тѣмъ пришелъ домой и, какъ видитъ Богъ, оставался тамъ до 8 часовъ слѣдующаго утра.» Затѣмъ, подсудимый приводилъ доводы въ опроверженіе показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей о томъ, что они видѣли его вечеромъ, въ день совершенія убійства близъ дома, гдѣ жили г-жа Эмлей, и ссылался на то, что найденный у него молотокъ и сапогъ его не имѣютъ ничего общаго съ убійствомъ старой вдовы. Въ заключеніе, подсудимый вновь изъявилъ свою благодарность присяжнымъ, судѣ и обоимъ адвокатамъ, какъ своему защитнику, г. Бесту, такъ и преслѣдователю, г-ну Парри, за ихъ терпѣливое и внимательное разсмотрѣніе дѣла.

Затѣмъ главный судья, надѣвъ черную шапку и обратившись къ подсудимому, произнесъ слѣдующій приговоръ:

«Яковъ Моллинзъ, вы признаны виновнымъ въ умышленномъ убійствѣ вдовы Маріи Эмлей, вечеромъ 13 августа текущаго года. Вы сами совершенно справедливо замѣтили терпѣніе присяжныхъ

и добросовѣстность адвокатовъ, которымъ вѣрены были ваше преслѣдованіе и ваша защита. Присяжные, послѣ двухдневнаго процесса и по тщательномъ обсужденіи дѣла, признали васъ виновнымъ. Вы обратились къ суду съ возраженіемъ противъ тѣхъ обвиненій, которыя были взведены на васъ различными свидѣтелями. Я былъ бы болѣе удовлетворенъ, еслибы вы обратили свои замѣчанія на ту часть процесса, которая была признана мною какъ доказательство противъ васъ. Между тѣмъ вы обратили свои замѣчанія исключительно на тѣ части дѣла, которыя я представлялъ присяжнымъ какъ не заслуживающія особеннаго вниманія. Еслибы вы въ своемъ воззваніи къ суду желали обратить вниманіе на важную и существенную сторону дѣла, то вы бы сказали намъ, былъ ли билетъ на 10 фунтовъ (check) въ вашемъ владѣніи, и было ли обвиненіе, взведенное вами на Эмма, справедливо или нѣтъ. Если билетъ находился въ вашемъ владѣніи, то вы бы объяснили намъ, какимъ образомъ вы получили его. Я упоминаю обо всемъ этомъ, для того чтобы показать, что всѣ приведенныя вами замѣчанія не имѣютъ непосредственнаго отношенія ко взведенному на васъ обвиненію. Присяжные признали васъ виновнымъ, и при отсутствіи всякаго съ вашей стороны объясненія, я думаю, никакой благоразумный человѣкъ не могъ бы придти къ другому заключенію какъ то, что взведенное вами на Эмма обвиненіе ложно, и что вещи, найденныя въ сверткѣ, обличаютъ вашу виновность. Разрѣшеніе процесса было предоставлено на безусловное усмотрѣніе присяжныхъ. Приговоръ ихъ меня вполне удовлетворяетъ, и я не могу себѣ представить, чтобы, при имѣющихся противъ васъ уликахъ, присяжные могли придти къ иному заключенію. Мнѣ остается только посоветовать вамъ употребить съ пользой время, которое вамъ остается жить на свѣтѣ. Мой долгъ велитъ мнѣ произнести приговоръ, который полагается закономъ за такое ужасное злодѣйство. Впрочемъ, если вы даже теперь можете представить существенныя доказательства вашей невиновности, то я не сомнѣваюсь въ томъ, что такія доказательства будутъ приняты во вниманіе тѣми, на комъ лежитъ долгъ приведенія приговора въ исполненіе. Но это не мой долгъ. Мой долгъ велитъ мнѣ лишь произнести законный приговоръ.»

Въ заключеніе, судья объявилъ въ обычной формѣ приговоръ, подвергающій Моллинза смертной казни.

Приведенный мною въ этомъ краткомъ очеркѣ процессъ объ убійствѣ въ Степнѣхъ, несмотря на трагическую его развязку, не долженъ, по моему мнѣнію, производить на читателя особенно тяжелаго впечатлѣнія.

Мнѣ кажется, что всякій присутствовавшій при разсмотрѣніи настоящаго процесса лично, или слѣдившій за ходомъ дѣла по газетамъ, долженъ былъ предвидѣть его развязку.

Процессъ Моллиза представляетъ, по моему мнѣнію, одинъ изъ тѣхъ немногихъ уголовныхъ процессовъ, въ которыхъ исчезаетъ всякое сомнѣніе въ дѣйствительности преступленія, совершеннаго подсудимымъ.

Хотя Моллинзъ и не былъ на мѣстѣ преступленія застигнутъ, но тѣмъ не менѣе совокупность всѣхъ имѣвшихся противъ него уликъ составила возможно полное и ясное доказательство его виновности.

Адвокатъ подсудимаго представлялъ присяжнымъ, что въ дѣлѣ нѣтъ очевидныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ его виновности, и, напоминая великую отвѣтственность, которая лежала на нихъ совѣсти, убѣждалъ ихъ предоставить Моллинзу выгоду сомнѣнія.

Г. Бестъ затронулъ такимъ образомъ самую чувствительную струну въ совѣсти присяжныхъ и прибѣгнулъ къ крайнему средству, употребляемому адвокатами въ опасныхъ для ихъ кліентовъ случаяхъ.

Но еслибы присяжные постоянно увлекались подобными напоминаніями о несовершенствѣ человѣческаго познанія, то большая часть преступленій оставалась бы безнаказанною, и судъ присяжныхъ утратилъ бы всякое значеніе.

Еслибы только тѣ изъ преступниковъ подвергались наказанію, которые обличены на мѣстѣ преступленія, то въ такомъ случаѣ не было бы надобности ни въ судѣ, ни въ присяжныхъ, и всякое уголовное дѣло могло бы разрѣшаться самымъ суммарнымъ порядкомъ.

При всемъ несовершенствѣ человѣческой природы, судъ присяжныхъ представляется едвали не самымъ справедливымъ и непогрѣшимымъ судамъ на землѣ.

Такая справедливость и непогрѣшимость тѣмъ болѣе возможны въ тѣхъ странахъ, гдѣ, подобно Англій, присяжные пользуются полною независимостію, а судьи отличаются глубокимъ знаніемъ своего дѣла и чувствомъ своего долга.

Настоящее дѣло представляетъ одинъ изъ превосходныхъ образцовъ безпристрастія и гуманности англійскаго суда. Несмотря на ясность имѣвшихся противъ подсудимаго уликъ и на гнусность совершеннаго имъ злодѣяства, въ настоящемъ процессѣ нельзя не замѣтить выраженія, свойственнаго духу англійскаго законодательства принципа, по которому всякій обвиняемый считается невиновнымъ, пока виновность его не будетъ признана присяжными.

Моллиузъ имѣлъ, какъ я уже замѣтилъ, весьма образованнаго и дѣльнаго адвоката, употребившаго всѣ средства, представляемыя опытностію и знаніемъ дѣла для его защиты. Въ судѣ выслушаны были всевозможные свидѣтели, показанія которыхъ могли клониться въ пользу подсудимаго, не исключая и малолѣтнихъ его дѣтей.

Послѣ обвинительной и защитительной рѣчей, въ которыхъ выразилось невольное увлеченіе въ ту и другую сторону, опытный и безпристрастный судья сдѣлалъ возможно полный и ясный обзоръ всего дѣла, и такимъ образомъ предохранилъ присяжныхъ отъ всякаго увлеченія.

Судья замѣтилъ, что преслѣдователь преступленія слишкомъ настаивалъ на обвиненіи подсудимаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ присяжнымъ, что въ уголовномъ дѣлѣ не слѣдуетъ слишкомъ легко предоставлять подсудимому выгоду сомнѣнія, о которой упоминалъ адвокатъ Моллиуза.

Объяснивъ затѣмъ темную сторону дѣла, судья вывелъ съ замѣчательною логичностію подлежащій обсужденію присяжныхъ вопросъ, отъ котораго зависѣло разрѣшеніе всего дѣла.

Подсудимый неоднократно перебывалъ судью своими замѣчаніями, и судья выслушивалъ ихъ съ полнымъ хладнокровіемъ и вниманіемъ.

При такой обстановкѣ процесса, при всеобщемъ вниманіи къ судьбѣ подсудимаго, которое было замѣчено даже и имъ самимъ, можно, мнѣ кажется, имѣть полное довѣріе къ послѣдовавшему по этому дѣлу приговору присяжныхъ.

Позволю себѣ сдѣлать смѣлое сравненіе между англійскимъ уголовнымъ процессомъ и трагедіею Шекспира.

Герои Шекспира страдаютъ подѣ вліаніемъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ бѣдствій и часто падаютъ ихъ жертвами. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти ужасы, зритель Шекспировской трагедіи испытываетъ и оставляетъ театръ съ спокойнымъ духомъ и съ убѣжденіемъ, что все произошло такъ, какъ слѣдовало, на основаніи всеобщихъ, несповѣдимыхъ законовъ судьбы.

То же убѣжденіе долженъ, мнѣ кажется, ощущать и тотъ, кто оставляетъ залу англійскаго уголовного суда. По крайней мѣрѣ я неоднократно испытывалъ это чувство. Въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я имѣлъ полную вѣру въ справедливость приговора присяжныхъ.

Для того чтобы представить нагляднымъ образомъ всю гуманность, выразившуюся въ процессѣ Моллиуза, я напомнимъ здѣсь читателямъ о способѣ производства въ другой странѣ процесса, возбуждавшаго въ свое время всеобщее любопытство.

Я говорю о процессѣ по обвиненію Леоніи Шеро въ похищеніи чужаго ребенка (1).

Сравнивать процессъ Моллинза съ процессомъ Шеро можно только относительно формы ихъ производства, такъ какъ между самыми подсудимыми и взведенными на нихъ обвиненіями нѣтъ, очевидно, ничего общаго.

Тамъ подсудимымъ лицомъ являлась 17-лѣтняя дѣвушка, почти ребенокъ, дѣйствовавшая не изъ корыстной цѣли, но подъ вліяніемъ болѣзненнаго увлеченія и, по самой молодости своей, возбуждавшая къ себѣ состраданіе.

Здѣсь подсудимымъ представлялся человекъ по обвиненію въ убійствѣ съ корыстною цѣлію, и сдѣлавшій въ огражденіе себя доносъ на другаго невиннаго человека. Къ этому надобно присовокупить, что Моллинзъ былъ уже прежде подъ уголовнымъ судомъ, и высидѣлъ за другое дѣло шесть лѣтъ въ тюрьмѣ.

Между тѣмъ способъ производства этихъ двухъ дѣлъ находился въ совершенно-обратномъ отношеніи къ общимъ понятіямъ о полѣ и возрастѣ обвиняемыхъ.

Тамъ судья безъ всякаго вниманія къ полу подсудимой и безъ всякаго сожалѣнія къ ея лѣтамъ, подвергаетъ ее публичной, жестокой инквизиціи, касаясь безъ всякой существенной надобности такихъ вопросовъ, которые составляютъ неприкосновенную тайну женскаго сердца. Преслѣдователь преступленія (*prosecutor general*) съ неистовствомъ бьетъ себя въ грудь, и настоятельно требуетъ отъ присяжныхъ обвиненія подсудимой, ссылаясь на свой долгъ, какъ человека и гражданина. Судья и прокуроръ соединяютъ свои силы, и съ яростію нападаютъ на безоружную и нравственно-убитую семнадцати-лѣтнюю дѣвочку.

Здѣсь, по самому духу законовъ страны, подсудимый избавляется отъ всякой инквизиціи. Преслѣдователь преступленія не только не можетъ требовать отъ присяжныхъ приговора противъ подсудимаго, но не имѣетъ даже права, какъ ясно видно изъ настоящаго случая, останавливаться преимущественно на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя, по его мнѣнію, клонятся къ обвиненію подсудимаго.

Въ процессѣ Леоніи Шеро, судья и прокуроръ употребляли всѣ усилія, для того чтобы вселить противъ нея предубѣжденіе въ присяжныхъ.

Въ процессѣ Моллинза судья не только не настаиваетъ на обвиненіи, но, напротивъ, упрекаетъ преслѣдователя въ из-

(1) Процессъ этотъ подробно описанъ въ январской книжкѣ *Журнала Министерства Юстиціи* за 1860 годъ.

лишнемъ увлеченіи и въ безпристрастномъ выводѣ, спѣшитъ заглядить его ошибку, стараясь представить присяжнымъ одну возможно-полную истину.

Независимо отъ того, судья съ терпѣніемъ выслушивалъ всѣ замѣчанія перебивавшаго его подсудимаго.

Наконецъ, послѣ приговора присяжныхъ, судья выслушиваетъ, очевидно, неправдоподобное объясненіе обвиненнаго, и, объявляя ему смертный приговоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ не лишаетъ его послѣдней надежды...

Въ этой оригинальной бесѣдѣ между преступникомъ, стоящимъ на краю эшафота, и судьей, исполняющимъ съ душевнымъ прискорбіемъ свой тяжкій долгъ, выражается снова тотъ мирный, высоко-патріархальный характеръ, о которомъ я неоднократно упоминалъ при описаніи англійскихъ судебныхъ учреждений въ прежнихъ своихъ письмахъ.

Этотъ характеръ, составляющій основу всѣхъ отношеній между гражданами Англій, представляется вѣрнѣйшимъ объясненіемъ различія въ способѣ производства дѣлъ Моллинза и Леонія Шеро.

Въ этомъ послѣднемъ процессѣ все было направлено противъ подсудимой. Но, тѣмъ не менѣе, и вѣроятно именно вслѣдствіе того, французскіе присяжные признали Леонію Шеро невиновною.

Въ заключеніе очерка процесса о степнейскомъ убійствѣ, я приведу мнѣніе по этому предмету могущественнаго органа здѣшняго общественнаго мнѣнія, *Times*.

«Никто не будетъ удивленъ извѣстіемъ, говоритъ *Times*, что процессъ объ убійствѣ въ Степнѣ былъ разрѣшенъ въ Олдъ-Белѣ приговоромъ подсудимаго Моллинза къ смертной казни. Виновность его въ совершеніи убійства не подлежитъ никакому сомнѣнію. Убійство, за которое онъ подлежитъ казни, отличается особеннымъ злодѣйствомъ, и кромѣ того соединяется еще съ самою гнусною клеветой. Преступникъ подвергнется своей участи и не возбудитъ ни въ комъ сожалѣнія. Настоящій случай обнаруживаетъ одинъ изъ тѣхъ путей Провидѣнія, которые ведутъ къ открытію преступленія. Во многихъ случаяхъ убійства, виновникъ его самъ стремится, подъ вліяніемъ непреодолимой силы, къ обнаруженію своей виновности. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Моллинзъ хотѣлъ воспользоваться обѣщанною наградой въ 300 фунтовъ, и что, въ огражденіе себя отъ всякаго подозрѣнія, онъ оклеветалъ невиннаго Эмма. Но его злощренія обрушились на него самого. Онъ самъ попалъ въ сѣти, разставленныя имъ для Эмма, и послѣ процесса, который, по показанію самого подсудимаго, отличался своимъ безпристрастіемъ и полнотою, онъ справедливо признанъ виновникомъ ужас-

нѣйшаго изъ преступленій... Послѣдовавшій надъ Моллинзомъ приговоръ присяжныхъ, заключаетъ *Times*, удовлетворивъ судью, безъ сомнѣнія вполне согласенъ и съ общественнымъ мнѣніемъ страны.»

М. ЗАРУДНЫЙ.

Кембриджъ.

17 (29) октября 1860.

Смертный приговоръ исполненъ надъ Моллинзомъ 19-го ноября передъ Ньюгетскою тюрьмой, при громадномъ стеченіи народа. По обѣщанію судьи, объясненіе его было представлено на усмотрѣніе короны, отъ которой зависитъ помилованіе преступника. Но государственный секретарь внутреннихъ дѣлъ, по тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, не нашелъ ничего, что бы могло сколько-нибудь послужить къ оправданію обвиненнаго, и не счелъ согласнымъ съ своимъ публичнымъ долгомъ совѣтовать королевѣ нарушать дѣйствіемъ милости законное теченіе дѣла. Въ запискѣ своей, Моллинзъ, взывая къ обществу о поддержкѣ его семьи, настаиваетъ на своей невинности, но снимаетъ обвиненіе съ Эмма. Онъ до конца сохранилъ спокойствіе, и принялъ должнымъ образомъ напутствіе религіи отъ католическаго священника, ибо онъ принадлежалъ къ католической церкви.

По произнесеніи судебного приговора, шерифомъ получены были разныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ жизни Моллинза, и, между прочимъ письмо одного изъ смотрителей Лестерской тюрьмы, гдѣ преступникъ содержался по другому дѣлу въ продолженіи шести лѣтъ. Сообщаемыя въ этомъ письмѣ свѣдѣнія мало говорятъ въ пользу нравственности преступника. Но слѣдуетъ замѣтить, что присяжнымъ, какъ требуетъ правило, не были сообщаемы подобныя свѣдѣнія, и вообще обнаружены уже по совершеніи приговора.

ВОЗРАЖЕНІЯ НА ЗАМѢТКУ Г. ГЕРСЕВАНОВА О ЖАЛОВАНЬИ ПРЕДВОДИТЕЛЯМЪ ДВОРЯНСТВА.

1.

Въ № 17 *Русскаго Вѣстника* помѣщена замѣтка г. Герсеванова «О жалованьи предводителямъ дворянства». Въ этой замѣткѣ г. Герсевановъ, указывая на опредѣленія дворянства Херсонской губерніи и Бессарабской области относительно жалованья чиновникамъ, служащимъ по выборамъ, въ томъ числѣ и предводителямъ, старается доказать, что назначеніе жалованья предводителямъ не только бесполезно, но даже и вредно.

Находя доказательства г. Герсеванова мало убѣдительными, а самое изложеніе причинъ, побудившихъ дворянство Херсонской губерніи назначить жалованье предводителямъ, не совсѣмъ вѣрнымъ, мы, не будучи уполномочены говорить ни отъ чьего лица, считаемъ себя однакоже въ правѣ высказать свое личное мнѣніе по этому предмету, тѣмъ болѣе что для неблизко-знакомыхъ съ дѣломъ, слова г. Герсеванова могутъ показаться убѣдительными.

Г. Герсевановъ начинаегъ свою замѣтку такъ: «Въ послѣднее время проявилась въ обществѣ мысль, что недостаточность содержанія чиновниковъ есть главная причина лихоимства, и что прибавка жалованья будетъ важною мѣрой для исправленія публичной нравственности. *Вслѣдствіе того*, на сѣздахъ дворянъ нѣкоторыхъ губерній, между прочимъ, Херсонской и Бессарабской, положено дать лицамъ, служащимъ по выборамъ, *въ томъ числѣ и предводителямъ*, какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ, достаточное жалованье, разложивъ потребную для того сумму на дворянскія имѣнія.»

Слова эти не совсѣмъ справедливы.

Если и дѣйствительно мысль объ исправленіи нравственности чиновниковъ руководила херсонскимъ дворянствомъ при составленіи опредѣленія о жалованьи, то конечно, она не относилась къ предводителямъ, потому что вопросъ о назначеніи имъ содержанія былъ поднятъ въ херсонскомъ собраніи еще въ 1847 году, то-есть въ то время, когда мысль эта не проявилась ни въ обществѣ, ни въ печати. Притомъ, мы полагаемъ не встрѣтить ни съ чьей стороны возраженія, если скажемъ, что, по счастью,

херсонское дворянство никогда не нуждалось въ исправленіи нравственности своихъ представителей. Потому г. Герсевановъ ошибочно думаетъ, что херсонское дворянство положило дать жалованье предводителямъ *вслѣдствіе* мысли объ исправленіи нравственности.

Далѣе г. Герсевановъ говоритъ: «Званіе предводителя сопряжено съ большими издержками и доступно только богатымъ людямъ. Многія достойныя лица отказываются по недостаточности средствъ отъ этого званія, которое попадаетъ въ руки менѣе достойныхъ.» Высказавъ эти слова, г. Герсевановъ восклицаетъ: «Вотъ главный доводъ сторонниковъ мысли о назначеніи жалованья предводителямъ», и затѣмъ прибавляетъ весьма лаконически: «все это неосновательно.»

Напрасно авторъ Замѣтки такъ рѣзко осудилъ приведенное доказательство, говоря: «Все это не основательно». Онъ потомъ вовсе не опровергаетъ ни того, что званіе предводителя сопряжено съ большими издержками, ни того, что многія достойныя лица отказываются отъ этого званія; онъ только доказываетъ далѣе, что огромное большинство предводителей состоитъ изъ достойныхъ людей. Съ этимъ послѣднимъ положеніемъ нельзя не согласиться, но нельзя также отвергать и того, что если многія достойныя лица отказываются отъ званія предводителя по недостаточности средствъ, то выборъ изъ меньшаго числа лицъ становится затруднительнѣе чѣмъ изъ большаго, и если не часто, такъ иногда, можетъ пасть на лицо *менѣе достойное*.

«Нравственное вліяніе, которымъ пользуется предводитель, говоритъ г. Герсевановъ, основано единственно на увѣренности въ его безкорыстіи, нелицепріятіи, и на убѣжденіи, что онъ служить дѣлу, а не лицамъ, что онъ служить изъ чести, что онъ представитель первенствующаго сословія.»

Все это очень справедливо; но неужели полученіе предводителемъ жалованья можетъ измѣнить понятіе о его нравственномъ характерѣ и дать поводъ подозрѣвать его въ корыстолюбіи? Въ такомъ случаѣ не только всѣ чиновники, получающіе жалованье, но и всѣ люди, пользующіеся вознагражденіемъ за свой трудъ, какъ физическій, такъ и умственный, могутъ быть заподозрѣны въ корыстолюбіи.

«Дать ему (предводителю) жалованье, продолжаетъ г. Герсевановъ, значитъ обратить неподкупнаго представителя дворянства въ чиновника. Едва предводитель распішется въ полученіи жалованья, какъ мгновенно лишится всякаго уваженія; въ тотъ же день явятся просители съ подачкой или благодарностью; черезъ недѣлю ему намекнуть, что пора дѣлиться, и увы! благородное званіе предводителя потеряетъ всякое значеніе.»

Нельзя не сознаться, что г. Герсевановъ весьма живо рисуетъ печальную картину паденія предводителя, рѣшающагося расписаться въ полученіи жалованья, но признаемъ также, мы не можемъ понять, какимъ путемъ г. Герсевановъ дошелъ до такихъ заключеній, и что хотѣлъ онъ сказать словами: «обратить неподкупнаго представителя дворянства въ чиновника.» Все ли чиновники, по мнѣнію автора, могутъ быть подкуплены, или они подкупаются именно потому, что получаютъ жалованье? Допускаемая мысль о необходимости увеличить содержаніе чиновниковъ, г. Герсевановъ вѣроятно самъ не имѣлъ въ виду такихъ выводовъ. Но послѣ того, какъ же понять фразу объ обращеніи неподкупнаго предводителя въ чиновника? Судя по этой фразѣ, для уничтоженія лихоимства не слѣдуетъ вовсе давать жалованья чиновникамъ. И неужели г. Герсевановъ серьезно убѣжденъ въ томъ, что безкорыстный предводитель—безкорыстенъ и на самомъ дѣлѣ, и во мнѣніи общества, только потому, что онъ не получаетъ жалованья? Неужели г. Герсевановъ допускаетъ возможность явиться съ подачкой или благодарностью ко всякому лицу, получающему жалованье? Нельзя не удивляться такому невыгодному мнѣнію и объ обществѣ, и о предводителяхъ, и о людяхъ, получающихъ жалованье.

Желая доказать справедливость своего убѣжденія, г. Герсевановъ привелъ только одинъ доводъ защитниковъ мысли о назначеніи содержанія предводителямъ, и назвавъ его главнымъ, упустилъ изъ виду другую причину, вызвавшую эту мысль, причину болѣе уважительную и болѣе естественную.

Званіе предводителя сопряжено не только съ трудомъ и исполненіемъ многочисленныхъ обязанностей, но и съ большими издержками, чего не отвергаетъ и г. Герсевановъ. Уѣздный предводитель, живя по большей части въ уѣздномъ городѣ, и поэтому не рѣдко на долгое время покидая свое семейство и хозяйство, обязанъ сверхъ того дѣлать частыя поѣздки по уѣзду и въ губернский городъ, отстоящій иногда отъ мѣстопребыванія предводителя не на одну сотню верстъ. Все это требуетъ значительныхъ расходовъ, которые онъ долженъ дѣлать на свой счетъ. Такимъ образомъ предводитель не только отдаетъ обществу свой трудъ и свою умственную дѣятельность, которые онъ могъ бы употребить для себя и своего семейства, но вмѣстѣ съ тѣмъ находится въ необходимости причинять ущербъ собственнымъ матеріальнымъ средствамъ. Мы понимаемъ, что общество, дѣлая честь своему члену избраніемъ его въ свои представители, имѣетъ право требовать отъ него той дѣятельности, которая необходима въ его званіи; но мы полагаемъ также, что оно не желаетъ и не имѣетъ надобности пользоваться матеріальными поте-

рями одного лица, всегда болѣе или менѣе чувствительными, каковы бы ни были его средства. И если находятся лица, не оста- навливающіяся передъ такимъ затрудненіемъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ общество въ свою очередь не должно было за- ботиться объ устраненіи такого неудобства.

Эта мысль, думаемъ мы, была главною причиною назначенія содержанія предводителямъ, и содержаніе это скорѣе можетъ быть признано возмѣщеніемъ издержекъ по должности предво- дителя нежели вознагражденіемъ за его труды. Такая мысль очень естественна, и предполагать, что полученіе предводите- лемъ содержанія для этой цѣли можетъ лишитъ его уваженія общества,—кажется намъ неосновательно. Мнѣніе наше, какъ нельзя лучше, подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ:

При избраніи депутатовъ въ губернской комитетъ по крестъ- янскому дѣлу, куда они избирались только на полгода, общество нашло нужнымъ назначить имъ приличное содержаніе, и конечно никто не думалъ видѣть въ этомъ назначеніи неуваженіе къ зва- нію депутата. Безъ сомнѣнія, здѣсь общество не имѣло въ виду вознагражденія депутатовъ за ихъ труды, а желало только избавить ихъ отъ издержекъ, сопряженныхъ съ возложенными на нихъ обязанностями.

Почему же г. Герсевановъ такъ возмущается при мысли о возможности избавить предводителей дворянства отъ подобныхъ и гораздо значительнѣйшихъ издержекъ?

Что касается до насъ, то мы вполне убѣждены въ справедливости этой мысли, и думаемъ, что приведеніе ея въ исполненіе не только не уронило бы предводителей въ глазахъ общества, а напротивъ, увеличивъ ихъ средства и тѣмъ усиливъ ихъ дѣя- тельность, еще болѣе возвысило бы то уваженіе, которымъ они пользуются въ настоящее время.

А. Эрдели.

Новомиргородъ.
16 октября.

II.

Нельзя было безъ удивленія и горечи прочесть въ *Русскомъ Вѣстникѣ* статью г. Герсеванова: «О жалованьи предводителямъ дворянства (1).»

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 17.

Г. Герсевановъ начинаетъ такъ: «Въ послѣднее время проявилась въ обществѣ мысль, что недостаточность содержанія чиновниковъ есть главная причина лихоимства, и что прибавка жалованья будетъ важною мѣрой для исправленія публичной нравственности. Вслѣдствіе того, на сѣздахъ дворянъ нѣкоторыхъ губерній, между прочимъ Херсонской и Бессарабской, положено дать лицамъ, служащимъ по выборамъ, въ томъ числѣ и предводителямъ, какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ, достаточное жалованье, разложивъ потребную для того сумму на дворянскія имѣнія.» Самъ г. Герсевановъ лично съ этимъ не согласенъ; онъ только передаетъ мысль общества.

Поздравляю же гг. губернскихъ и уѣздныхъ предводителей! По утвержденію г. Герсеванова, въ послѣднее время въ обществѣ проявилась мысль, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, между прочимъ въ Херсонской и въ Бессарабіи, осуществилась и на дѣлѣ (стало-быть была въ томъ дѣйствительная надобность): дать жалованье лицамъ, служащимъ по выборамъ, а въ томъ числѣ и предводителямъ, какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ, — для прекращенія лихоимства и для исправленія публичной нравственности. Мы позволимъ себѣ попросить фактовъ. Подобныя утвержденія не должны оставаться бездоказательными въ видахъ той же публичной нравственности, ради которой дворянство нѣкоторыхъ губерній, а между прочими херсонское и бессарабское, будто бы дало жалованье своимъ выборнымъ, даже и предводителямъ, даже и губернскимъ предводителямъ. Просимъ фактовъ.

Чиновникъ, лицо выборное, предводитель и даже губернский предводитель, по свидѣтельству г. Герсеванова, одно и то же въ общественномъ сознаніи.

Далѣе авторъ излагаетъ свое личное мнѣніе, не навязывая его обществу. Остановимся на томъ, что авторъ выдаетъ за мысль общества: вѣрно ли она передана? По моему убѣжденію, невѣрно. Не могу этого утверждать относительно Херсонской губерніи и Бессарабской области, о которыхъ авторъ счелъ нужнымъ упомянуть особо, слѣдовательно имѣеть, вѣроятно, нѣто положительныя данныя, но вѣдь Херсонская губернія и Бессарабія—еще не вся Россія. Слѣдовало бы выразиться опредѣлительнѣе: въ какихъ это нѣкоторыхъ губерніяхъ? И въ Бѣжецкомъ на примѣръ уѣздѣ (Тверской губерніи) дворянство постановило протоколомъ 5-го мая этого года давать жалованье своимъ предводителямъ, *избранными дворянами*, но только не вслѣдствіе того, чтобы видѣло въ предводителѣ чиновника, которому надо дать достаточное жалованье для прекращенія лихоимства и для исправленія нравственности.

Нельзя безъ удивленія и безъ горечи читать такое искаженіе общественной мысли. Вопросъ объ отношеніи общества къ

чиновнику и *чиновника* къ обществу, въ дворянскомъ сословіи нѣкоторыхъ губерній, хотъ бы, наиримѣръ, Тверской, пережилъ фазисъ мясныхъ стремленій и остановился весьма опредѣлительно: общество знаетъ чего хочеть... Вопросъ этотъ, вызванный настоятельными интересами, не остановился на той или другой частности, какъ, наиримѣръ, лихоимство, но пошелъ глубже... Лихоимство есть конечно зло, и зло большое, тяжелое, но есть другое зло, большее, худшее, родоначальникъ всякаго зла, это—произволь, и безотвѣтственность. Не буду выходить за предѣлы статьи г. Герсеванова. Не только главная, но и единственная причина лихоимства—не недостаточность содержанія, а произволь и безотвѣтственность. Недостаточность содержанія, не только не главная, но даже и вовсе не причина, а слѣдствіе—чего? того же лихоимства. Потому и могутъ довольствоваться недостаточнымъ содержаніемъ, что лихоимство даетъ все нужное нѣкоторымъ образомъ служить орудіемъ примиренія общества съ произволомъ. Кредитный билетъ наклоняетъ произволь въ ту или другую сторону, и общество дѣлается такимъ образомъ его участникомъ. Для дворянскаго общества, конечно, было бы желательно прекращеніе лихоимства, но что же оно можетъ сдѣлать для этого? Дать отъ себя жалованье чиновникамъ для увеличенія ихъ содержанія? Но къ чему же поведетъ это? Никакое увеличеніе содержанія не остановитъ лихоимства. Это историческая истина, твердо сознанная обществомъ. Бѣжецкое дворянство, давъ жалованье своимъ предводителямъ, не дало однако отъ себя жалованья чиновникамъ, и не дало не потому, чтобъ остановилось передъ жертвой. По величинѣ уѣзда и по многочисленности помѣщиковъ, жертва для каждаго въ отдѣльности была бы весьма незначительна; даже еслибъ и потребовалась значительная жертва, дворянство не остановилось бы передъ ней, когда бы имѣло хотъ тѣнь сомнѣнія во ея бездѣльности. Оно не дало отъ себя жалованья чиновникамъ, потому что очень хорошо знаетъ, что можно застраховаться отъ пожара, отъ падежа, но нельзя застраховаться отъ лихоимства, — и не давъ жалованья чиновникамъ, оно дало жалованье своему предводителю, и дало именно потому, что видитъ въ немълицо по своему положенію недоступное лихоимству.

Далѣе авторъ излагаетъ свое личное мнѣніе: « Не споря о томъ, что увеличеніе содержанія служащимъ по коронной службѣ и вообще получающимъ жалованье, есть мѣра, вызываемая необходимостію (что совершенно несправедливо при настоящемъ отношеніи чиновниковъ къ обществу), мы однако держимся мнѣнія, что дать содержаніе предводителямъ дворянства не только без-

полезно, а напротивъ вредно: мѣра эта уничтожила бы уваженіе, которымъ предводители пользуются теперь, и въ которомъ заключается главная причина ихъ нравственнаго вліянія.»

Итакъ, по мнѣнію г. Герсеванова, главная причина уваженія и нравственнаго вліянія, которыми пользуются *теперь* предводители дворянства, — безвозмездное исполненіе ими своей обязанности. Богъ съ нимъ, съ этимъ уваженіемъ и нравственнымъ вліяніемъ, которыя держатся на такихъ жалкихъ подмосткахъ! Богъ съ ними и съ предводителями! Стоило ли бы и толковать о представителяхъ такого сословія, котораго жизнь определялась бы такими уродливыми началами! На все свое время. Потому-то дворянство и признаетъ не только не бесполезнымъ и не вреднымъ, но и необходимымъ дать жалованье предводителямъ, чтобы *спредь* основою уваженія къ нимъ и нравственнаго ихъ вліянія была не безвозмездность исполненія ими своей обязанности; оно сознало потребность въ другой основѣ. Признать богатство патентомъ на службу обществу, на нравственное вліяніе, на уваженіе, значитъ допустить дворянство въ дворянствѣ, олигархію, и прибавьте, олигархію богатыхъ, самую отвратительную изъ всѣхъ возможныхъ олигархій. Допустите это дворянство въ дворянствѣ — тогда смерть дворянству! Русское дворянство можетъ и должно имѣть великое и благотворное значеніе не только въ будущемъ, но и въ недалекомъ настоящемъ, и именно потому, что становится чуждо тѣхъ нравственныхъ вліяній, которыя такъ нравятся г. Герсеванову.

«Званіе предводителя сопряжено съ большими издержками и доступно только богатымъ людямъ. Многія достойныя лица отказываются, по недостаточности средствъ, отъ этого званія, которое попадаетъ въ руки менѣе достойныхъ. Вотъ главный доводъ сторонниковъ мысли о назначеніи жалованья предводителямъ дворянства.»

Это отчасти такъ, но не совсѣмъ. Справедливо, что необходимость дать предводителямъ жалованье состоитъ главное въ томъ, чтобы сдѣлать это званіе доступнымъ не однимъ только богатымъ, или правмльнѣе, чтобы дворянство, выбирая въ это званіе, въ настоящее время столь трудное, могло не стѣсняться посторонними условіями и выбирать лица, которыхъ находятъ наиболѣе къ тому способными; но несправедливо, будто это званіе необходимо сопряжено съ большими издержками. Величина издержекъ въ этомъ случаѣ совершенно зависитъ оттого, въ какой степени необходимо поддерживать то уваженіе и то нравственное вліяніе, которыя такъ нравятся г. Герсеванову, и только въ томъ дворянскомъ обществѣ, которое живетъ этими

уваженіями и нравственными вліяніями, дѣйствительно необходимыми при этомъ званіи и большія издержки.

«Все это не основательно», то-есть приведенная авторомъ мысль сторонниковъ назначенія жалованья. «Во первыхъ, огромное большинство предводителей состоитъ изъ достойныхъ людей. Недостойныхъ, обманувшихъ ожиданіе дворянскаго сословія, забрасываютъ черняками на слѣдующихъ выборахъ, а не рѣдко общее мнѣніе заставляетъ ихъ выйти въ отставку ранѣе. Если же избранный предводитель не утвержденъ или оставляетъ должность по болѣзни, то заступаетъ его мѣсто не коронный чиновникъ, а кандидатъ или судья, служащій тоже по выборамъ. Видѣть въ должности предводителя человека недостойнаго этого званія есть исключеніе изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ. Вотъ-рыхъ, предводитель въ сущности не имѣетъ никакой власти. Нравственное вліяніе, которымъ онъ пользуется, основано единственно на увѣренности въ его безкорыстіи, нелицепріятіи, и на убѣжденіи, что онъ служитъ дѣлу, а не лицамъ, что онъ служитъ изъ чести, что онъ представитель первенствующаго сословія.»

Всѣ эти фразы отзываются приторностію, офиціальностію и офиціальностію-то даже затхлою. Что такое достойные люди? Достоинство достоинству рознь. Понятіе о достойномъ человѣкѣ въ нашемъ обществѣ весьма широко. И Пехлецовы и князья Иваны—достойные и даже весьма достойные люди. Можно быть весьма достойнымъ человѣкомъ, но, въ качествѣ предводителя дворянства, нигуда не годнымъ. Что огромное большинство предводителей состоитъ и состояло изъ достойныхъ людей, это видимъ по судьбѣ крестьянскаго вопроса, и не можемъ не согласиться съ г. Герсевановымъ. Но что это за нравственное вліяніе, которымъ пользуется достойный предводитель, основанное на увѣренности въ его безкорыстіи, то-есть, что онъ не воръ, на убѣжденіи въ его нелицепріятіи, и что онъ служитъ дѣлу, а не лицамъ, то-есть, что онъ не мошенникъ,—что онъ служитъ изъ чести! Какая это честь—интересно бы знать. Вѣдь тоже и честь чести рознь. Иная честь хуже безчестія.

Описавъ такимъ образомъ всѣ достоинства достойнаго предводителя дворянства, что онъ не воръ, не мошенникъ и служитъ изъ чести, г. Герсевановъ переходитъ весьма логично къ слѣдующему удивительному заключенію: «Дать предводителю жалованье, значитъ превратить неподкупнаго представителя дворянства въ чиновника. Едва предводитель распишется въ полученіи жалованья, какъ мгновенно лишится всякаго уваженія; въ тотъ же день явятся просители съ подачкою или благодарностію, чрезъ

недѣлю ему намекнуть, что пора дѣлиться, и увь! благородное званіе предводителя дворянства потеряетъ всякое значеніе.»

Будемъ читать далѣе: «Кажется, что званіе предводителя дворянства не довольно у насъ оцѣнено. Это единственное званіе въ Россіи, подходящее подъ образцовое учрежденіе мировыхъ судей въ Англіи.» И дѣйствительно мы еще не можемъ достаточно оцѣнить это высокое званіе, если полагаемъ, что для того, чтобы быть достойнымъ его, надо быть не воромъ, не мошенникомъ, служить изъ чести, безъ жалованья, и непременно безъ жалованья, а то дай имъ жалованье, такъ того и гляди, что въ острогъ попадутъ. Чтобы достаточно оцѣнить все значеніе такого званія, надо по крайней мѣрѣ обратиться къ Англіи.

Куріозенъ выводъ, дѣлаемый авторомъ изъ сравненія между русскимъ предводителемъ дворянства и мировымъ судьей Англіи. Сходство между ними большое: оба изъ достаточныхъ землевладельцевъ, и оба занимаются весьма разнообразными дѣлами; къ этому сходству можно бы еще прибавить: оба ходятъ во фракъ, курятъ и т. п. Самая же большая между ними разница только въ томъ, что мировой судья облеченъ обширною властію, а предводитель дворянства не имѣетъ ровно никакой (какъ, по нашему крайнему убѣжденію, и быть должно). Если прибавимъ къ этой разницѣ, замѣченной авторомъ, еще другую, авторомъ не замѣченную, что предводитель дворянства лицо сословное, представитель сословныхъ интересовъ, а мировой судья не имѣетъ сословнаго значенія, то сходство между ними будетъ поразительное, и на основаніи-то этого сходства выходитъ въ такомъ родѣ поученіе: мировой судья Англіи пользуется большимъ уваженіемъ и довѣріемъ, и жалованья не получаетъ; правда, онъ получаетъ раціоны за каждый присутственный день, но въѣдъ то жалованье, а то раціоны, то съдобное, а то съѣстное. Ergo: предводители дворянства Россіи не должны получать жалованья, то-есть съдобнаго, иначе они потеряютъ всякое значеніе и довѣріе. Но не дать ли имъ съѣстнаго, то-есть раціоновъ? можетъ быть это не отниметъ у нихъ ни значенія, ни довѣрія, — авторъ объ этомъ умалчиваетъ.

Непонятно, почему авторъ, отправившись въ Англію для настоящей оцѣнки званія предводителя, которое, оставаясь въ Россіи, нельзя было достаточно оцѣнить при тѣхъ великихъ достоинствахъ, какія, по его мнѣнію, требуются отъ этого званія, почему авторъ остановился на мировыхъ судьяхъ; въ Англіи есть другія должности, къ которымъ лучше можно было бы подвести наше предводительство.

Въ заключеніи авторъ маноситъ самъ себѣ сильный ударъ.

вѣроятно того не замѣчая. «Все вліяніе предводителей происходитъ отъ нравственной силы, основанной на мнѣніи о ихъ безкорыстіи и нелицепріятіи. Дать имъ жалованье, значитъ подорвать главную ихъ силу, уничтожить это безкорыстное и самостоятельное званіе, обратить ихъ въ чиновниковъ, которымъ будутъ давать, положимъ, мало, ибо они власти не имѣютъ, но у которыхъ будутъ много требовать, ибо они болѣе или менѣе причастны почти всему въ уѣздѣ.» Авторъ и не подумалъ, что найдутся многіе, которые, до этого заключенія, можетъ-быть и согласились бы съ нимъ, что давать жалованье предводителямъ не слѣдуетъ, что это убьетъ ихъ безкорыстіе и нелицепріятіе, но вѣдь изъ его заключенія кое-гдѣ сдѣлаютъ, пожалуй, и слѣдующій выводъ: дать предводителямъ жалованье, значитъ сдѣлать ихъ чиновниками, которымъ можно будетъ давать мало, а требовать отъ нихъ много. Ну, что жъ! такъ и дадимъ имъ жалованье! Будутъ, по крайней мѣрѣ, дешевые чиновники.

А. НЕВЪДОМСКІЙ.

Сельцо Подобино.
8 октября 1860 года.

III.

Въ № 17 *Русскаго Вѣстника*, г. Герсевановъ помѣстилъ статью, въ которой старается доказать, что жалованье, данное предводителямъ дворянства, принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, и вмѣстѣ съ тѣмъ выводитъ сравненіе нашихъ предводителей дворянства съ мировыми судьями въ Англіи.

Сравненіе это съ перваго взгляда кажется весьма основательнымъ; но тому, кто поближе всмотрится въ бытъ нашего общества и въ обязанности предводителей дворянства и мировыхъ судей, легко замѣтитъ большую между ними разницу. Мировой судья въ Англіи занимается дѣлами своего округа, не выѣзжая изъ него. Большую часть времени онъ можетъ проводить въ своемъ имѣніи; а потому и расходы, сопряженные съ занятіями по должности, не превысятъ его средствъ, хотя бы средства эти были и не очень велики. Хозяйство мирового судьи не страдаетъ

отъ недостатка надзора за нимъ; между тѣмъ какъ наши предводители должны почти совершенно бросить личный присмотръ за своимъ имѣніемъ, потому что живутъ постоянно въ городѣ. Кромѣ того, представитель дворянства, какъ предводитель цѣлаго сословія, а во многихъ случаяхъ ходатай въ нуждахъ дворянства, обязанъ входить въ сношенія съ людьми значительными и богатыми. Поддерживать знакомство съ такими лицами стóитъ не дешево, и совершенно не подѣ силу человѣку съ маленькими средствами. Нужно людей богатыхъ. А много ли у насъ въ уѣздахъ людей съ состояніемъ?

Устройство и привычки нашего общества далеко не подходятъ подѣ устройство и привычки въ Англіи. Мы давно привыкли видѣть, какъ все дворянство наше, богатое средствами и значеніемъ, сосредоточивается въ двухъ нашихъ столицахъ. Аристократія наша стремится ко двору, а за нею выѣзжаютъ изъ деревень въ Петербургъ и Москву всѣ имѣющіе хоть сколько-нибудь свободныхъ денегъ. Правда, есть исключенія; но они очень рѣдки, и тамъ, гдѣ встрѣчается больше этихъ исключеній, дѣла дворянъ идутъ лучше, и жизнь общественная развивается быстрѣе. Совсѣмъ другое направленіе общества видимъ мы въ Англіи. Тамъ первыя аристократическія фамиліи не считаютъ скучнымъ заниматься хозяйствомъ и посвящать почти цѣлую жизнь интересамъ своего округа, а потому и выборъ мировыхъ судей дѣло легкое. Правительству въ Англіи есть изъ кого выбирать достойныхъ мировыхъ судей, не обезпечивая ихъ жалованьемъ; между тѣмъ какъ уѣзды наши бѣдны людьми достаточными. Баллотирова предводителей, мы поневолѣ должны дѣлать выборъ между двумя, тремя личностями, можетъ-быть не совсѣмъ намъ симпатичными.

Легко было г. Герсеванову сказать, что людей, обманувшихъ ожиданія общества, закидаютъ черняками на слѣдующую баллотировку; да легко ли это сдѣлать? Когда не изъ кого выбирать, то поневолѣ довольствуешься чѣмъ Богъ послалъ. Да и странныя понятія у г. Герсеванова о безкорыстіи. Развѣ всякій, берущій плату за труды свои, долженъ необходимо подвергнуться сомнѣнію въ своемъ безкорыстіи? Развѣ тотъ, кто беретъ жалованье, непременно обязанъ служить лицу, а не дѣлу? Развѣ всякій чиновникъ, расписывающійся въ полученіи жалованья, непременно будетъ брать подачки и благодарности, а черезъ недѣлю дѣлаться своей подачкой? Странныя, грусть наводящія понятія!

Кромѣ предводителей дворянства есть много лицъ, служащихъ по выборамъ, и между ними не мало людей совершенно честныхъ и благородныхъ. Всѣ они берутъ жалованье, и нисколько не подвергаются недоувѣрію общества. Почему же это должно

случиться съ предводителями? Не жалованье можетъ подорвать довѣріе къ человѣку, а его поступки. Честный человѣкъ всегда сумѣетъ остаться честнымъ, между тѣмъ какъ человѣкъ безъ правилъ найдетъ, какъ набить себѣ карманъ и безъ жалованья, что, къ несчастію, случается весьма нерѣдко.

Сколько прекрасныхъ и достойныхъ людей должны мы обходить потому только, что они не имѣютъ достаточнаго состоянія! Сколько пользы и добра, могли бы сдѣлать эти люди, еслибъ имѣли возможность быть предводителями дворянства! Должность эта имѣетъ большое значеніе, особенно въ настоящее время; а потому я думаю, что деньги, затраченныя на жалованье предводителямъ, будутъ не даромъ затраченныя деньги, ибо дадутъ возможность выбрать людей отличныхъ, которые, будучи честными и энергическими дѣятелями, могли бы принести большую пользу для общества.

А. Готовцовъ.

1860 года 23 октября.
Быково.

К И Р Г И З О М А Н І Я .

Старинный нашъ знакомый (не по личнымъ сношеніямъ, а по литературѣ), г. Павелъ Небольсинъ, недавно выступилъ (*въ Русскомъ Вѣстникѣ*, № 17, въ статьѣ *Путешествующіе Киргизы*), съ теплымъ и задушевнымъ словомъ о Киргизахъ. Въ коротенькой статейкѣ онъ наговорилъ кучу любезностей нашимъ степнякамъ, посѣщавшимъ въ прошломъ августѣ Петербургъ. Дѣло похвальное. Отчегожь, въ самомъ дѣлѣ, и не заявить публикѣ о личностяхъ симпатическихъ, достойныхъ уваженія и сочувствія по своимъ нравственнымъ качествамъ, о личностяхъ, «готовыхъ на откликъ всему благородному, честному, прямодушному» и т. д.? Все это прекрасно, все это дѣлаетъ честь г. Небольсину, а пожалуй и всей Россіи, потому что изъ теплаго и задушевнаго слова степнякамъ,—последніе, если и не познаютъ въ совершенствѣ, то будутъ, по крайней мѣрѣ, предощущать «благоденствіе и снгу Россіи», а главное, «торжество науки надъ матеріальною природой» и т. п. Все это, повторимъ, прекрасно. Но... «зачѣмъ же ступля-то

ломать?» Мы хотимъ сказать: г. Небольсинъ, восхваляя Киргизовъ, прокатился насчетъ уральскихъ козаковъ! Вотъ это, по нашему, далеко не прекрасно. Уральскій козакъ и Русскій человѣкъ суть лица тождественныя, потому что уральскій козакъ и Русскій человѣкъ, напримѣръ, купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ и т. п., живутъ одинаковою жизнью, духовною и нравственною: обычаи, нравы, взглядъ на вещи одинаковы какъ у козака, такъ и у Русскаго! Слѣдовательно, упрекъ (о которомъ будетъ сказано ниже), сдѣланный авторомъ *Путешествующихъ Киргизовъ* уральскимъ козакамъ, одинаково относится и ко всѣмъ Русскимъ. Увы! патриотизмъ г. Небольсина и его горячее увлеченіе воспѣть похвальное слово Киргизамъ и выказать передъ ними «благоденствіе и силу Россіи» повергли послѣднюю въ стыдъ и срамоту! Что подумаетъ о Россіи Европа, прочитавъ *Путешествующихъ Киргизовъ* г. Небольсина? Что скажетъ Азія вообще и Блцстательная Порта въ особенности? А сирійскія дѣла, чего добраго, примутъ исходъ неблагоприятный для христіанъ и выгодный для мухамеданъ!.. Что... Однако, остановимся. Мы слишкомъ бы далеко зашли, еслибы стали перечислять всѣ непріятности и огорченія, ожидающія Россію отъ выходы краснорѣчиваго и восторженнаго панегириста Киргизовъ. Приступимъ прямо къ дѣлу.

Исчисляя добродѣтели и благотворительные подвиги одного изъ Киргизовъ, г. Исенбаева, г. Небольсинъ говоритъ: «Полагаю не лишнимъ прибавить еще одну черту о г. Исенбаевѣ. Сосѣди Киргизовъ, уральскіе козаки (1) нехристіански, негуманно смотрятъ вообще на мухамеданъ, а на Киргизовъ въ особенности (2).

(1) Сосѣди Киргизовъ, замѣтимъ съ нашей стороны, не одни уральскіе козаки, а и пограничные жители западной Сибири, пограничные жители Оренбургской губерніи, живущіе по рѣкѣ Уралу и Илеку, выше уральскихъ козаковъ; наконецъ, все русское населеніе за лѣвымъ берегомъ Волги, примѣрно отъ Саратова и до Астрахани, и въ томъ числѣ *Пльмцы-колонисты*. Численность уральскихъ козаковъ къ численности остальныхъ Русскихъ живущихъ по сосѣдству съ Киргизами, относится какъ, напримѣръ, одна капля къ полному стакану воды.

(2) Желательно бы знать, какъ смотреть на Киргизовъ и другихъ помонниковъ Мухамеда, напримѣръ, на Башкиръ, остальное, кромѣ уральскихъ козаковъ, русское населеніе, живущее по сосѣдству съ мухамеданами, и часто претерпѣвающее огромные убытки, а въ иную пору и совершенныя раззоренія отъ ихъ хищничества, конокрзства и тому подобныхъ доблестей? Положимъ, это частность. Но поговорка: «не вовремя гость хуже Татарина», и теперь еще въ ходу у всего русскаго народа; *нехристь, позавь* тому подобное, суть слова, доднесъ Русскими употребляемыя въ смыслѣ словъ бранныхъ и унижительныхъ. Такова сила исторіи! Слѣдовательно, дѣлать укоръ однимъ уральскимъ козакамъ за неблагоприятный взглядъ ихъ на Киргизовъ—довольно несправедливо.

Притѣснить, опозорить, облить, обмануть Киргиза ни почемъ; Уралець изстари смотрѣлъ на Киргиза, какъ на предметъ, которымъ можно всячески поживиться; человѣческихъ правъ его Уралець никогда не признавалъ; время, конечно, взяло свое, но Уральцы, какъ закоренѣлые, до послѣднихъ годовъ, раскольники, были не очень воспримчивы къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія (1). Въ общественной жизни они мало подвигались впередъ, и благотворнаго вліянія на развитіе благосостоянія своихъ сосѣдей-Киргизовъ ничѣмъ оказать не могли; до сихъ поръ они болѣе враждебно чѣмъ братски смотрятъ на этихъ своихъ согражданъ. *Для того, чтобъ этому, изстари враждующему съ Киргизами населенію дать средства завести школы для образованія своихъ христіанскихъ дѣтей, г. Исенбаевъ въ нынѣшнемъ году принесъ въ даръ войсковой ихъ казнѣ тысячу рублей* (2).

Въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ заключается двоякаго рода смыслъ: первый, что уральскіе козаки, какъ народъ отсталой, несогрѣтый лучами западнаго (инога, восточнаго или сѣвернаго, мы не знаемъ) просвѣщенія, не могли оказать благотворнаго вліянія на Киргизовъ. Объ этомъ мы скажемъ слова два послѣ. Второй же, и самый существенный, смыслъ этихъ словъ слѣдующій: *Козаки-христіане обмѣжаютъ Киргизовъ-мухамеданъ, а мухамедане за зло платятъ добромъ—приносятъ въ даръ деньги на пользу христіанскихъ дѣтей!*

Сказанное г. Небольсиннымъ можетъ быть сносно въ устахъ Киргиза, которому бы вздумалось поднять голосъ въ защиту своего племени, но въ устахъ Русскаго, челоѣка образованнаго, сказанное г. Небольсиннымъ отзывается крайнею натяжкой, парадоксомъ, пустымъ фразерствомъ, жалкимъ желаніемъ сдѣлать упрекъ козакамъ, упрекъ, нисколько незаслуженный ими,—короче, слова г. Небольсина въ высшей степени пахнутъ *киризо-маніей!*

(1) ... «закоренѣлые, до послѣднихъ годовъ, раскольники!» Что этимъ хотѣлъ сказать г. Небольсинъ? Мы понимаемъ, что г. Небольсинъ дѣлаетъ намекъ, что съ послѣднихъ годовъ козаки-раскольники уже не раскольники: Это правда, но такъ бы и слѣдовало сказать прямо, ясно. Да, не дальше какъ года два тому назадъ, когда отнеслись къ Уральцамъ разумно, если не всѣ раскольники, сколько ихъ было на Уралѣ, то огромное большинство ихъ обратилось въ нѣдра православной церкви! А это доказываетъ, что уральскіе козаки не до такой же степени были закоренѣлые; по крайней мѣрѣ лучи западнаго просвѣщенія, о которыхъ толкуеть г. Небольсинъ, при разумномъ направленіи, не всегда могли отскакивать отъ нихъ, какъ горохъ отъ стѣны. Впрочемъ, что касается этого вопроса, то-есть лучей западнаго просвѣщенія, мы скажемъ нѣсколько словъ ниже.

(2) *Русскій Вѣстникъ* № 17, *Совр. Лѣт.*, стр. 45.

На это мы представимъ такъ-сказать осязательныя доказатель-ства въ своемъ мѣстѣ, а теперь займемся благотворительностію г. Исенбаева, которою г. Небольсинъ колеетъ глаза Уральцамъ.

Всякое дальнѣе благо. Безспорно, всякая благотворительность достойна похвалы, а благотворительность Киргиза на пользу христіанъ достойна еще большей похвалы. Она во всякомъ случаѣ стоить того, чтобы заявить о ней міру печатно, но заявля о ней міру, къ чему примѣшивать тутъ разсужденія и замѣчанія, которыя не только не возвышаютъ цѣны добраго дѣла, но напротивъ, извращаютъ дѣло, само по себѣ чистое и доброе? Къ чему, говоря о благотворительности Киргиза, сопоставлять ей враждебность населенія, въ пользу котораго принесенъ даръ? Мы такого убѣжденія, что лишнія разглагольствія о благотворительныхъ подвигахъ не поставятъ ихъ выше того, чего они сами по себѣ стоятъ. Напротивъ, нужно опасаться, какъ бы не выскались такіе скептики, которые могутъ не сойтись во взглядахъ съ г. Небольсинымъ, какъ съ восторженнымъ панегиристомъ, которые могутъ заподозрить чистоту побужденій благотворителя, которые могутъ, чего добраго, подумать, что благотвореніе и сдѣлано-то именно съ тою цѣлію, чтобы, при случаѣ, было чѣмъ попрекнуть Русскихъ, или имѣть основательную причину получить, напримѣръ, золотую медаль!.. Жаль, что г. Небольсину, какъ слишкомъ усердному панегиристу, не пришла на умъ такая простая мысль, когда онъ писалъ свою похвальную оду.

Мы, съ своей стороны, нисколько не сомнѣваемся въ чистотѣ побужденій Киргиза, принесшаго даръ войсковой козачей казнѣ, и не думаемъ умалять цѣны его филантропическаго подвига, но за всѣмъ тѣмъ не можемъ не заявить нашего мнѣнія, что какъ бы ни были чисты побужденія Киргиза, принесшаго казнѣ даръ, уральскіе казаки не должны изъ-за его дара нести упрекъ, какой сдѣлалъ имъ г. Небольсинъ. Еслибъ уральскіе казаки, въ отношеніи къ этому дару, остались въ совершенномъ невѣдѣніи, то и въ такомъ случаѣ совѣсть ихъ никакого угрызенія не испытаетъ, и не потому, что они, какъ говоритъ г. Небольсинъ, закоренѣлые раскольники, не очень воспримчивые къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія, а потому, что даръ этотъ сдѣланъ безъ ихъ вѣдома (подъ словомъ: *изъ*, мы разумѣемъ народъ), помимо ихъ воли и желанія, — короче: даръ этотъ принесенъ не непосредственно имъ, а казнѣ, находящейся въ завѣдываніи администраціи! И такъ, пустое фразерство г. Небольсина: *«Для того чтобы этому, изстарѣвшему враждующему съ Киргизами населенію, дать средства завести школы для образованія своихъ христіанскихъ дѣтей, г. Исенбаевъ принесъ въ даръ войсковой ихъ казнѣ тысячу рублей»* — да мимо идетъ уральскихъ казаковъ! Пускай утѣшается имъ авторъ *Путешествующихъ Киргизовъ* и его *protégé!*..

Кстати о казнѣ. Уральскіе козаки, что касается до ихъ казны, не нищѣ; у козаковъ уральскихъ есть довольно порядочный капиталъ (болѣе милліона рублей сер.), скопленный въ недавнихъ годахъ отъ казачьихъ трудовъ. Капиталъ этотъ каждый годъ нарастаетъ и процентами, и новыми доходами. На этотъ капиталъ, безъ всякихъ стороннихъ, а тѣмъ болѣе киргизскихъ, пожертвованій, можно завести и содержать не только нѣсколько школъ, но и гимназію (при народонаселеніи въ 60—70 тысячъ). Но расходование этого капитала зависить не отъ козаковъ, а отъ администраціи. Справедливъ ли упрекъ, направленный противъ Уральцевъ краснорѣчивымъ авторомъ *Путешествующихъ Киргизовъ*?

Вотъ что еще:

Уральскіе козаки, хотя и «закоренѣлые раскольники», не мало, въ свою очередь, жертвуютъ денегъ не только на заведеніе и поддержаніе школъ для своихъ дѣтей, но и на памятники нѣкоторымъ русскимъ лицамъ. Правда, мы не слышали, чтобъ уральскій козакъ или другой кто изъ Русскихъ, самъ по себѣ, принесъ въ даръ деньги на заведеніе татарскаго «медресе»; этой добродѣтели мы ни за кѣмъ изъ Русскихъ не знаемъ; этой добродѣтели, положительно можно сказать, нѣтъ и быть не можетъ за Русскими. И тому есть причина натуральная: Русскіе живутъ подъ державой государя христіанскаго. Русскіе не знаютъ *ни пашей, ни кадіевъ, ни муфтіевъ* и т. п., а знаютъ *губернаторовъ, атамановъ, архіереевъ* и т. п. А будь наоборотъ, напримѣръ управляй Уральскими козаками не *Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ* свиты Русскаго Императора генералъ, а какой-нибудь *паша* Блистательной Порты, въ родѣ, напримѣръ, *Ахметъ-аги*, недавно разстрѣланнаго въ Дамаскѣ, *за гуманное обращеніе съ христіанами*;—тогда, можетъ-статься, и Уральскій козакъ принесъ бы что-нибудь, по силѣ-мощи, въ даръ мусульманскому медресе,—тогда, можетъ-статься, и г. Исенбаеву, хотя онъ «на видѣ и чрезвычайно добрый», едва ли бы пришла въ голову такая благая мысль—нести казнѣ въ даръ деньги для христіанскихъ школъ! Ну, какъ бы г. Небольсину не понять такой простой вещи? Все киргизоманія виновата.

Вотъ что еще:

Между христіанскимъ населеніемъ въ Уральскомъ Казачьемъ Войскѣ есть довольно и мухамеданъ, Татаръ и Башкирцевъ (первыхъ болѣе 3.000, а послѣднихъ болѣе 5.000 душъ). Татары живутъ частію въ однихъ селеніяхъ съ Русскими, а частію въ особыхъ селеніяхъ между Русскими. Башкирцы же составляютъ особый сплошной кантонъ или *Отдѣленіе*, примыкающее южными границами къ Киргизской Букеевской Ордѣ, родинѣ и мѣсту дѣйствій г. Исенбаева. Какъ въ селеніяхъ, гдѣ живутъ козаки-

Татары, напримѣръ, на *Узеньяхъ* и *Чижгахъ* (эти мѣста близко къ Киргизской Букеевской Ордѣ, особенно Узени, рядомъ съ Ордой),—такъ и въ *Башкирскомъ Отдѣленіи*, въ послѣдніе два-три года, много заведено школъ собственно для Татарчатъ и Башкирятъ. Здѣсь мы ставимъ *точку*, а за нею вопросъ: «Не для этихъ ли питомцевъ, своихъ единовѣрцевъ, г. Исенбаевъ принесъ казнѣ въ даръ тысячу рублей (1)?»

Въ видѣ дополненія, коснемся еще лучей западнаго просвѣщенія.

«Уральцы, какъ закоренѣлые, до послѣднихъ годовъ, раскольники, были не очень воспримчивы къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія...» сказалъ г. Небольсинъ въ видѣ упрека Уральскимъ козакамъ (см. выше, выписку изъ панегирика г. Небольсина г. Исенбаеву).

Неодержимые, благодаря Бога, никакою *маміей*, мы противъ этого не споримъ. Но, кстати, скажемъ вотъ о чемъ: какимъ путемъ лучъ западнаго (еще разъ замѣтимъ, что много, восточнаго или сѣвернаго, не знаемъ) просвѣщенія можетъ проникнуть къ Уральскимъ козакамъ? Уральскіе козаки живутъ на востокѣ, на рубежѣ Россіи съ Азіей, стало-быть не близко отъ Запада. Для того, чтобъ освѣтить и согрѣть Уральскихъ козаковъ, лучъ западнаго просвѣщенія долженъ пройти черезъ всю Россію, и совершить свое путешествіе, напримѣръ, отъ Москвы черезъ Владиміръ, Судогду, Муромъ, Арзамасъ, Ардатовъ, Алатырь, Корсунь, Сызрань и другіе города, и черезъ множество деревень и сель государственныхъ, помѣщичьихъ и разнаго другаго наименованія крестьянъ! Видите ли, какой длинный и многотрудный путь лучу западнаго просвѣщенія!.. Не скоро проберешься черезъ такую трущобу. Лучи западнаго просвѣщенія не атласъ, не бархатъ и тому подобные предметы роскоши; лучи западнаго просвѣщенія нельзя провезти на Уралъ ни на телегѣ, ни въ вагонѣ, ни даже на аэростатѣ: они сами собой могутъ проникнуть на Уралъ, въ этотъ удаленный уголокъ Россіи, *но не прежде, какъ сама Россія ими согрѣется*. Мы, конечно, не

(1) На этотъ вопросъ мы никакого отвѣта не даемъ: чего положительнаго не знаемъ, о томъ утвердительно и говорить не можемъ; но покорнѣе просимъ кого-нибудь изъ Уральцевъ, живущихъ на Уралѣ и хорошо знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, разъяснить его, насколько возможно. Что, если въ самомъ дѣлѣ, г. Исенбаевъ, принося казнѣ даръ, имѣлъ въ виду не христіанскихъ, а мухамеданскихъ дѣтей, или, по крайней мѣрѣ, не однихъ христіанскихъ, но и мусульманскихъ дѣтей вмѣстѣ? Тогда упрекъ, сдѣланный отъ г. Небольсина Уральскимъ козакамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ Русскимъ, будетъ болѣе чѣмъ неосновательный!

ставимъ въ укоръ Россіи, что она, до послѣднихъ годовъ (выраженіе, заимствованное у г. Небольсина), не очень была воспримчива къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія; но въ извиненіе Уральцевъ не можемъ не сказать, что если въ комнатѣ холодно, то на чердакѣ тепла нечего искать. Какъ человѣку, толкующему о лучахъ западнаго просвѣщенія, г. Небольсину, грѣшно этого не знать!—азбука не мудреная, и потому вовсе не слѣдовало бы пускаться въ ненужное краснорѣчіе о явленіи, всѣмъ и каждому извѣстномъ и понятномъ, и ставить Уральцамъ въ упрекъ, что они не могли оказать благотворнаго вліянія на развитіе благосостоянія Киргизовъ, тѣмъ болѣе не слѣдовало, что сосѣди Киргизовъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не одни Уральскіе казаки, а и пограничные жители Западной Сибири, и проч. и проч. А если ужь неотвязчивая киргизоманія вынуждала сдѣлать упрекъ за Киргизовъ, то приходится сдѣлать его не Уральскимъ казакамъ, этой горсти Русскихъ, занесенной въ такую даль отъ Россіи, а всей Россіи, потому что не на комъ другомъ, а на самой Россіи лежитъ призваніе согрѣвать лучами просвѣщенія Киргизовъ и иныхъ многихъ инородцевъ, потому что Уральскіе казаки, въ свою очередь, ждуть этой теплоты отъ Россіи.

Іоасафъ Желѣзновъ.

Москва.

8-го октября, 1860 г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

НОВАЯ КОНСТИТУЦІЯ АВСТРІЙСКОЙ МОНАРХІИ.

Главная новость послѣднихъ дней, составляющая предметъ разсужденій во всѣхъ журналахъ Европы, отодвинувшая на второй планъ все другое, пришла неожиданно изъ императорской Франціи и имѣетъ своимъ источникомъ волю Наполеона III. Императоръ Французовъ призналъ за благо, декретомъ 24 ноября,

2*

расширить французскую конституцію. Отнынѣ законодательное сословіе и сенатъ будутъ отвѣчать адресами на тронную рѣчь; при составленіи этихъ адресовъ они будутъ подвергаться своему разсмотрѣнію всю внутреннюю и внѣшнюю политику имперіи. Кроме того, законодательное сословіе, которое доселѣ имѣло право разбирать и обсуждать проекты законовъ, но могло выражать результаты своихъ совѣщаній только отвѣтомъ: *да или нѣтъ* на проектъ закона, и потому въ сущности было мѣстомъ регистративнымъ, а не законодательнымъ, получаетъ право предлагать поправки, *amendments*,—право, которое составляетъ необходимое условіе серьезнаго участія въ дѣлѣ законодательства. Наконецъ, пренія сената и законодательнаго сословія, публиковавшіяся доселѣ лишь въ скудномъ и запоздаломъ официальномъ извлеченіи, мало интересовавшемъ публику, будутъ отнынѣ обнародоваться вполне и своевременно, и слѣдовательно будутъ происходить передъ всею націей и передъ всею Европой; въ самый день засѣданія, редакціи парижскихъ журналовъ будутъ получать стенографическіе экземпляры всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіи. Этотъ декретъ и слѣдовавшія за нимъ новыя назначенія показываютъ, что императоръ Наполеонъ III рѣшился на серьезное измѣненіе системы, господствовавшей во Франціи въ послѣднія восемь лѣтъ, и намѣренъ повести свою имперію по пути либеральной политики. Съ небольшимъ черезъ мѣсяць откроются засѣданія парижскихъ законодательныхъ собраний, и хотя эти собранія составлены опекунскою рукою императорскаго правительства, но тѣмъ не менѣе Европа, вѣроятно, будетъ присутствовать при интересныхъ и знаменательныхъ преніяхъ, которыя не останутся безъ вліянія на общеевропейскую политику.

Мы ограничимся на этотъ разъ простымъ заявленіемъ важнаго шага, сдѣланнаго Франціей на либеральномъ пути, и не будемъ слѣдовать за европейскими газетами въ догадкахъ насчетъ побужденій къ этому шагу. Мы возвратимся къ декрету 24 ноября, когда представится болѣе данныхъ для сужденія о немъ, и когда его значеніе болѣе разъяснится, а покамѣстъ займемся изученіемъ другаго европейскаго событія, имѣющаго также первоклассную важность и уже успѣвшаго обрисоваться въ главныхъ чертахъ.

Мы говорили уже довольно много о засѣданіяхъ австрійскаго государственнаго совѣта. Теперь, когда они не только окончились, но и привели къ важнымъ политическимъ мѣрамъ, явившимся какъ результатъ совѣщаній этого собранія, и когда начали оказываться послѣдствія даже тѣхъ политическихъ мѣръ, которыя были приняты австрійскимъ правительствомъ во внима-

ни къ мнѣніямъ, высказаннымъ въ государственномъ совѣтѣ, теперь наступаетъ удобная минута для общаго обозрѣнія и этихъ мнѣній, и этихъ мѣръ, и наконецъ того новаго положенія Австрійской имперіи, которое уже можно предусматривать среди хаоса самыхъ разнообразныхъ и запутанныхъ отношеній. Австрійскій вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о европейскомъ равновѣсіи. Если Австріи удастся освободиться отъ системы, возстановившей противъ нея общественное мнѣніе, то это государство, постоянно распадающееся и никакъ не могущее распасться, очень легко можетъ сдѣлаться главнымъ орудіемъ при разрѣшеніи восточнаго вопроса. Уже теперь нельзя не замѣтить, что Австріи становится все легче и легче получить довольно блистательное вознагражденіе за тѣ утраты, которыя она понесла и можетъ-быть еще понесетъ въ ближайшемъ будущемъ.

Но если теперь только отчасти раскрывается передъ проникательнымъ взоромъ отдаленная перспектива возможныхъ послѣдствій новой политической системы, провозглашенной австрійскимъ государственнымъ совѣтомъ и, повидимому, принятой австрійскимъ правительствомъ, то мотивы недавнихъ мѣръ вѣнскаго кабинета, можно сказать, уже вполне разъяснились, и объ этихъ мотивахъ можно говорить положительно. Теперь очевидно, что австрійское правительство прибѣгло къ созванію усиленнаго государственнаго совѣта, какъ къ единственному благоприличному средству, которое представлялось ему для того, чтобы выйти изъ затрудненій, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ. Разстройство финансовыхъ дѣлъ и рѣшительная невозможность поддерживать въ Венгріи новый порядокъ, введенный послѣ междуусобной венгерской войны, — вотъ главныя причины, принудившія австрійское правительство пригласить въ Вѣну тѣхъ людей, которыми былъ дополненъ составъ государственнаго совѣта, и которые были извѣстны правительству за противниковъ направленія, господствовавшаго въ Австріи въ послѣднія десять лѣтъ. Хороши или дурны будутъ для Австріи послѣдствія политической реформы, совершающейся нынѣ, Австрія обязана ею преимущественно Венгріи. Тотчасъ послѣ италянской войны, эта страна явственно дала Вѣнѣ почувствовать, что твердо помнить свои древнія льготы и намѣрена настаивать на ихъ возвращеніи. Съ упорствомъ накипѣвшей злобы, съ единодушіемъ, которое могло установиться лишь вслѣдствіе продолжительнаго гнета, съ самоувѣренностію сильнаго, не сомнѣвающагося въ скорой и полной побѣдѣ, Венгрія взялась за дѣло сопротивленія, мелочнаго по внѣшнему виду, но неутомимаго и всеобщаго, единодушнаго относительно плана дѣйствій, непреклоннаго относительно ихъ цѣли, неумолимо-грознаго

по тѣмъ послѣдствіямъ, къ которымъ очевидно вело оно. Австрійское правительство должно было рѣшиться на одно изъ двухъ: на отчаянный вооруженный отпоръ, для котораго ему не доставало и нравственной поддержки и финансовыхъ средствъ, или на полную уступку требованіямъ страны, ежедневно грозившей возстаніемъ. Правительство Франца-Иосифа предпочло послѣдній путь и не могло поступить иначе. Другаго выбора не было; выборъ не зависѣлъ отъ воли австрійскаго правительства; онъ былъ вынужденъ обстоятельствами. Волей или неволей, надобно было рѣшиться на крутой поворотъ во внутренней политикѣ, и чтобы сколько-нибудь замаскировать его, чтобы сколько-нибудь соблюсти приличіе, былъ созданъ усиленный государственный совѣтъ, составленный, какъ теперь оказалось, изъ лицъ, большинство которыхъ было расположено стать подъ знамя своихъ венгерскихъ соотечественниковъ. Въ государственный совѣтъ были призваны люди изъ разныхъ частей Австрійской имперіи, и потому согласіе правительства на ихъ предложенія и совѣты получило благовидную форму: это была уступка не одной Венгріи, а какъ бы заявленіе готовности сообразоваться съ общимъ желаніемъ всѣхъ земель, соединенныхъ подъ австрійскою короной. Крутой поворотъ внутренней политики предстоялъ австрійскому правительству; голосъ государственнаго совѣта могъ дать этому повороту благовидную форму: вотъ секретъ созванія усиленнаго государственнаго совѣта. Въ виду имѣлась преимущественно Венгрія, въ этомъ теперь нельзя сомнѣваться.

Многіе старались уменьшить значеніе новыхъ мѣръ, принимаемыхъ теперь въ Австріи, указаніемъ на ихъ недобровольность. Но въ политикѣ элементъ силы всегда останется преобладающимъ элементомъ, и великія реформы, въ особенности реформы прочныя, всегда будутъ дѣломъ не столько движенія личнаго чувства и личной воли, сколько неизбежной силы обстоятельствъ. Съ этой стороны, австрійскія реформы не подлежатъ порицанію и стоятъ на одномъ ряду со всѣми важными реформами, совершавшимися въ исторіи. Ихъ невольность можетъ, напротивъ, служить ручательствомъ въ ихъ прочности. Намъ кажется, что если подвергать австрійскія реформы сомнѣнію и вопросу, то надобно взглянуть на нихъ съ другой стороны, надобно указать на противорѣчіе между ихъ формой и сущностію, заключающееся уже въ самомъ источникѣ, изъ котораго онѣ возникли. Онѣ имѣютъ наружный видъ общихъ мѣръ, принимаемыхъ для всей имперіи, а между тѣмъ, настоятельность реформы чувствовалась почти только относительно Венгріи, а потому опасность состоитъ не въ томъ, что уступки 20 октября были вообще недобровольны, а въ томъ, что онѣ были недо-

бровольны собственно только относительно Венгрии. На сколько новое направление австрийской внутренней политики касается Венгрии, на столько оно прочно. Но какъ великъ будетъ выигрышь другихъ австрийскихъ земель, это подлежитъ еще сомнѣнію и вопросу. Реформа, вызванная положеніемъ дѣлъ въ Венгрии, можетъ оказаться дѣйствительно только для Венгрии; внутренняя политика относительно другихъ частей имперіи имѣетъ еще довольно большое свободное поле, и можетъ еще выбирать направление по своему произволу, не очень стѣсняясь заключеніями усиленнаго государственнаго совѣта. Сила обстоятельствъ слабѣе на почвѣ не-венгерскихъ земель; для добровольныхъ рѣшеній здѣсь болѣе мѣста, и есть немало обстоятельствъ, показывающихъ, что австрийское правительство въ настоящую минуту еще не намѣрено дѣйствовать внѣ Венгрии въ томъ же духѣ, которымъ проникнуты теперь всѣ дѣйствія его въ Венгрии. За маленькою рѣчкой Лейтой, отдѣляющею Венгрію отъ Австріи, вполнѣ господствуетъ чистосердечная рѣшимость вступить безъ оглядки на конституціонный путь. На другомъ берегу Лейты, на западъ отъ нея, дѣла идутъ нѣсколько иначе, — чтобы не сказать: совершенно иначе. Венгрія подняла знамя историческаго права, чтобы оградить самостоятельность своего движенія впередъ; она держится на исторической почвѣ прошедшаго, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ свое будущее. Въ другихъ австрийскихъ земляхъ это самое знамя историческаго права можетъ осѣнать собой направленіе совершенно противоположное, ищущее въ прошедшемъ не опоры, а отпора будущему, и эта возможность начинается, повидимому, уже переходить въ дѣйствительность. Усиленному государственному совѣту было поручено трудиться для всей монархіи; но главнымъ поводомъ къ этому порученію была Венгрія. Очень можетъ статься, что государственный совѣтъ трудился только для Венгрии, хотя и имѣлъ въ виду цѣлое государство.

Впрочемъ, если Венгрія завоевала себѣ предпочтеніе своимъ энергическимъ образомъ дѣйствій, то успѣхъ ея былъ значительно облегченъ общимъ состояніемъ австрийскихъ финансовъ, имѣющимъ равную силу и относительно не-венгерскихъ земель имперіи. Это обстоятельство позволяетъ давать въ известной степени вѣру заявленіямъ чистосердечія и доброжелательства, слышавшимся со стороны австрийскаго министерства и съ особенною торжественностію высказаннымъ въ депешѣ графа Рехберга къ австрийскимъ дипломатическимъ агентамъ при нѣмецкихъ дворахъ. Мы уже не разъ замѣчали, что политическія реформы, совершающіяся нынѣ въ Австріи, имѣютъ характеръ дѣла серьезнаго особенно вслѣдствіе своей связи съ крайнимъ финансово-

вымъ затрудненіемъ государства. Считаемъ не лишнимъ привести общее сужденіе австрійскаго государственнаго совѣта о состояніи австрійскихъ финансовъ и причинахъ его разстройства, — сужденіе, высказанное языкомъ уклончивымъ и умереннымъ, но тѣмъ не менѣе сильнымъ. «Нѣтъ сомнѣнія, сказано въ докладѣ бюджетнаго комитета, что финансовое положеніе, подобное нашему теперешнему положенію, не можетъ быть разсматриваемо какъ явленіе преходящее, какъ слѣдствіе временныхъ потрясеній. Причины его должны лежать глубже, его корни должны далеко простираться. Потому необходимо обратить испытующій взоръ на финансовыя результаты всего послѣдняго десятилѣтія. Въ этотъ финансовый періодъ— правда, отчасти вслѣдствіе присоединенія Венгріи и принадлежащихъ къ ней земель—было собрано около 800 милліоновъ лишнихъ податей противъ предшествовавшаго десятилѣтія; тяжесть государственнаго долга увеличилась болѣе нежели 1300 милліонами, а государственныя имущества уменьшились болѣе нежели на 100 милліоновъ гульденовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на эти плачевныя финансовыя результаты послѣдняго десятилѣтія имѣли большое вліяніе страшныя потрясенія, происшедшія въ началѣ его. Нѣкоторая доля этихъ результатовъ, конечно, должна быть отвѣсена къ тѣмъ событіямъ, которыя нѣсколько разъ въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ нарушали миръ Европы. Но какой бы вѣсь ни давали мы тяжести финансовыхъ усилій, вызванныхъ упомянутыми чрезвычайными событіями, а равно и экстраординарными издержками на военныя надобности,— которыми обыкновенно приписываютъ теперешнее положеніе нашихъ финансовъ,— все-таки значительная доля вины падетъ на чисто-внутреннія обстоятельства, на неумѣренный, истощающій силы расходъ по администраціи, на частую смѣну административныхъ учреждений, наконецъ на финансовыя операціи, которыя, по времени, для нихъ избранному, по своему плану и своимъ результатамъ, едвали могутъ быть вообще названы счастливыми и удачными.» Таково порицаніе, которое бюджетный комитетъ и вслѣдъ за нимъ весь государственный совѣтъ сочли своею обязанностію высказать на общую политику послѣдняго десятилѣтія, и таковы плачевныя результаты этой политики, обозначенныя въ самыхъ крупныхъ чертахъ. Все это имѣетъ, очевидно, силу не только относительно Венгріи, но и относительно другихъ королевскихъ земель. Государственный совѣтъ не отрицаетъ того, что событія 1848 года сдѣлали на время, и на время,—довольно продолжительное,—необходимымъ начало диктаторской власти и принудили вѣнское правительство взять ее въ свои руки, но государственный совѣтъ съ настойчивостію высказываетъ убѣжде-

ніе, что при этихъ диктаторскихъ мѣрахъ былъ упущенъ изъ виду истинный характеръ Австрійской монархіи. Въ этомъ согласны и большинство, и меньшинство государственнаго совѣта, различающіеся только по вопросу о томъ, что составляетъ этотъ «истинный» характеръ Австрійской монархіи. Само австрійское правительство, рѣшившись на мѣры 20 октября, признало необходимость измѣненія своей внутренней политики для всего государства, а не для одной Венгріи, и если съ тѣхъ поръ Венгрія получила больше знаковъ монаршаго вниманія, нежели другія части Австріи, то тѣмъ не менѣе реформа должна, въ намѣреніи самого правительства, имѣть обще-австрійскій характеръ.

Венгерскіе члены государственнаго совѣта сами настаивали на томъ, что они не желаютъ исключительныхъ привилегій для своей страны, потому что не находятъ ихъ выгодными для нея. «Мы думаемъ, говорилъ графъ Сечень, одинъ изъ главныхъ политическихъ дѣятелей въ государственномъ совѣтѣ, мы думаемъ, что преобразование монархіи только тогда можетъ быть твердо и прочно, когда оно не приведетъ съ собою противоположности между разными землями ея. Мы считаемъ необходимымъ, чтобъ одно политическое начало было признано для всѣхъ частей монархіи, мы полагаемъ, что всѣ онѣ должны принимать равноправное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, конечно не всѣ въ одной и той же формѣ, а въ разнообразной постепенности, впрочемъ такъ, чтобы ни одна страна не была лишена вліянія на общія дѣла.» Графъ Сечень, говоря объ этомъ началъ равноправности, не затруднился назвать человѣка, котораго имя пользуется въ Венгріи громадною популярностію и не можетъ быть очень пріятно австрійскому правительству. Онъ помянулъ съ приличнымъ въ устахъ Венгерца сочувствіемъ и уваженіемъ знаменитое имя графа Стефана Сечени, этого истиннаго аристократа, посвятившаго всѣ свои силы и средства на пользу своей родины, заводившаго фабрики и академіи, строившаго мосты и пароходы, неутомимо заботившагося о большихъ и малыхъ дѣлахъ своей страны, помогавшаго всякому начинанію своими познаніями и своими средствами: известно, что знаменитый патріотъ окончилъ жизнь въ домѣ умалишенныхъ, близъ Вѣны, вследствие душевнаго разстройства, причиненнаго событіями 1849 года и приведшаго его къ горестному концу черезъ самоубійство, въ началѣ нынѣшняго года. «Графъ Стефанъ Сечени, сказалъ графъ Сечень, — человѣкъ, который, несмотря на самую рѣшительную оппозицію австрійскому правительству въ продолженіи послѣдней части своей жизни, никогда не отказывался отъ убѣжденія въ важности связей Венгріи съ

Австріей и сохранялъ притомъ привязанность къ своему ближайшему отечеству, человекъ, которому его пламенная любовь къ отечеству, его неутомимая патріотическая дѣятельность обезпечила вѣчную память между нами,—графъ Стефанъ Сечени, когда заходила рѣчь объ общихъ дѣлахъ монархій, очень часто употреблялъ выраженіе, что соединеніе Венгріи и Австріи имѣетъ, правда, всѣ невыгоды смѣшаннаго, неровнаго брака, но что надобно переносить эти невыгоды съ взаимною снисходительностію и предупредительною уступчивостію, ради великой цѣли этого брака, который долженъ оставаться неразрывнымъ для обоюдной пользы. Нынѣ, продолжалъ графъ Сечень, наступило время вѣрноподданнически заявить его величеству императору, какъ слѣдуетъ поступать, чтобы бракъ этотъ пересталъ быть неровнымъ бракомъ, а сдѣлался союзомъ, основаннымъ на равныхъ правахъ и одинаковыхъ взглядахъ. Требуется упрочить такой порядокъ вещей, чтобы каждое опасеніе, возникающее въ какой-либо странѣ за права ея — а такіа опасенія не можетъ совершенно устранить и самое доброжелательное правительство—чтобы каждое опасеніе, если оно будетъ относиться къ венгерскимъ правамъ, равно чувствовалось и въ Прагѣ и въ Зальцбургѣ, а если оно будетъ относиться къ правамъ Богеміи, равно чувствовалось въ Пештѣ и Загребѣ (въ Хорватіи), — чтобы чувства одной страны не находили отголосокъ въ другой странѣ, и если намъ удастся упрочить такой порядокъ, тогда можно будетъ сказать, что мы упрочили истинное единство монархій, тогда станетъ она тѣмъ, чѣмъ она должна быть, оплотомъ и гарантіей для всѣхъ, не ограниченіемъ одного въ пользу другаго, а ограждающею силой для совокупнаго преуспѣянія всѣхъ. Другой венгерскій магнатъ, также одинъ изъ передовыхъ членовъ государственнаго совѣта, графъ Аппони высказался въ томъ же духѣ. Оговорившись, что онъ не имѣетъ полномочія подавать голосъ отъ имени Венгріи, а высказываетъ только свое личное мнѣніе, которое онъ однакоже всячески старался сообразовать съ мнѣніемъ своей страны, графъ Аппони такъ выразился о важности политическаго равенства всѣхъ земель для интересовъ самой Венгріи: «Я полагаю, что не ошибусь,—я даже навѣрное не ошибусь, когда скажу, что Венгрія только тогда можетъ считать достаточно обезпеченнымъ свое право и свое существованіе, когда будетъ признано начало равноправности всѣхъ австрійскихъ земель безъ исключенія, и именно такъ, чтобы тѣ начала, которыхъ Венгрія, опираясь на свои историческія права, требуетъ для себя и для прочности своего существованія, были распространены и на всѣ другія земли и части монархій. Дуализмъ въ политическихъ началахъ не успокоитъ Венгрію.» На этотъ дуализмъ, допускав-

шій въ Венгріи то, въ чемъ отказывалось другимъ австрійскимъ землямъ, было указано еще венгерскимъ сеймомъ 1849 года, какъ на главную причину неудовлетворительнаго хода дѣлъ въ самой Венгріи. Въ адресъ, которой былъ поданъ тогда королю Венгріи (австрійскому императору), мы читаемъ слѣдующія достопримѣчательныя слова: «Если мы обратимъ взоръ на нашу исторію, то она напомнитъ намъ, что въ продолженіи трехъ послѣднихъ столѣтій мы не только не могли развивать нашу конституцію сообразно съ требованіями духа времени, но что напротивъ мы принуждены были полагать всѣ наши силы лишь на сохраненіе ея. Причина этого заключается въ томъ, что правительство вашего величества не слѣдуетъ конституціонному направленію, и потому не могло быть въ гармоніи ни съ самостоятельностью нашего правительства, ни съ нашею конституціонною жизнію. Доселѣ такое направленіе только препятствовало дальнѣйшему развитію нашей конституціи, но теперь мы того мнѣнія, что если ваше правительство будетъ продолжать идти тѣмъ же путемъ, то монархія, въ силу прагматической санкціи драгоценными узамъ соединенная съ нами, будетъ вовлечена въ затрудненія, исходъ которыхъ нельзя предвидѣть, а нашему отечеству будетъ причинено несказанное зло.»

Такъ какъ опытъ послѣднихъ десяти лѣтъ долженъ былъ еще болѣе укрѣпить Венгрію въ этомъ убѣжденіи, то нельзя, кажется, сомнѣваться, что сама Венгрія будетъ всѣми силами настаивать на либеральномъ устройствѣ остальныхъ частей монархіи. Венгріи опасно стоять особнякомъ среди другихъ австрійскихъ странъ; для нея очень важно, чтобы дорогія ей начала получили признаніе и нашли себѣ защитниковъ во всей монархіи. Венгріи это нужно, безъ этого Венгрія не можетъ считать прочною свою конституцію, а Венгрія теперь могущественна, и по всему вѣроятію потребность ея будетъ исполнена. Къ тому же, политическое положеніе Австріи въ Европѣ таково, что въ виду огромныхъ выгодъ, которыя могутъ представиться Австріи при совершенномъ измѣненіи ея политики относительно коронныхъ земель, императору Францу-Иосифу будетъ довольно легко освободиться отъ неохоты, весьма впрочемъ естественной, которою всегда сопровождается рѣшимость отказаться отъ старыхъ преданій и привычекъ. По новому пути, ведущему въ безвѣстную даль, трудно идти не оглядываясь назадъ и не останавливаясь. Такихъ оглядокъ и остановокъ будетъ вѣроятно не мало у австрійскаго правительства; но сила обстоятельствъ будетъ, по всему вѣроятію, могущественно увлекать его по новому направленію. Не одно финансовое разстройство, не одна воля Венгріи будутъ дѣйствовать на рѣшенія вѣнскаго кабинета. Недо-

статочность энергіи въ однихъ, недостаточность образованія въ другихъ изъ коронныхъ земель Австріи, будутъ восполняемы, если не ошибаемся, тѣми совершенно исключительными особенностями вѣшняго положенія Австріи, которыхъ значеніе, по всему вѣроятію, не замедлитъ обнаружиться.

Austria felix (1)—есть старинная поговорка. Она основана на австрійской исторіи, хотя эта исторія такъ обильна сильными поражениями. Народы Австріи не имѣютъ недостатка въ мужествахъ; австрійскія арміи бывали побѣждаемы не потому, чтобы сражались дурно. Неудачи происходили обыкновенно отъ дурныхъ распоряженій. Въ дѣлахъ внутреннихъ, австрійское правительство тоже рѣдко обнаруживало дѣятельность, заслуживающую сочувствія и успѣха. Оно славилось, правда, дипломатическою ловкостью, но эта ловкость почти никогда не была одушевляема какимъ-нибудь дѣйствительно-высокимъ убѣжденіемъ и почти всегда состояла въ одномъ искусствѣ выжиданія, искусствѣ дешевой, которое можетъ оказаться полезнымъ лишь при благопріятной обстановкѣ. Нельзя не видѣть, что именно этой благопріятной обстановкѣ Австрія обязана и успѣхами своей мнимо-ловкой дипломатіи, и безнаказанностію всѣхъ промаховъ своихъ какъ на полѣ войны, такъ и на мирномъ поприщѣ гражданской жизни. Австріи все сходило съ рукъ, потому что Австрія составила историческую необходимость, какъ для народовъ ей подвластныхъ, такъ и для европейскаго равновѣсія. Даже въ недавнее время, когда общественное мнѣніе Европы въ одинъ голосъ орицало австрійскую внутреннюю и вѣшнюю политику, когда австрійскій гнетъ въ Италіи признавался всѣми за великую азву въ политическомъ тѣлѣ Европы, когда сочувствіе къ Италіи готово было проявиться въ англійскомъ обществѣ и правительствѣ съ тою силой, съ которою оно дѣйствительно проявилось на нашихъ глазахъ,—даже въ это недавнее время война Франціи съ Австріей была встрѣчена въ Англии крайне-неблагопріятно, и еще почти на дняхъ тотъ же самый лордъ Россель, который удивилъ Европу своею депешей 27 октября, довольно грозно предостерегалъ правительство Виктора-Эммануила отъ увлеченій, могущихъ вовлечь его въ войну съ Австріей. Открыто порицая австрійскую политику, выражаясь о ней такъ, какъ не принято выражаться между офиціальными лицами, англійскіе министры обѣихъ партій, виги и торіи, заботливо ограждали Австрію и съ отеческою нѣжностію оберегали ея существенные интересы. Многіе видѣли въ этомъ непоследовательность; многіе

(1) Счастливая Австрія.

упрекали Англию въ двуличности, въ недостаткѣ сочувствія къ дѣлу либерализма и законнымъ, благороднымъ желаніямъ Италіи. Но для объясненія этой загадки нѣтъ надобности прибѣгать къ такимъ предположеніямъ. Она объясняется гораздо проще и легче, объясняется историческимъ убѣжденіемъ, что сильная Австрія необходима для европейскаго равновѣсія. Дѣйствительно, Австрія, по самому составу своему, менѣе чѣмъ какая-либо изъ великихъ державъ европейскаго материка имѣетъ возможность дѣйствовать завоевательно; могущество ея не опасно для европейскаго мира. Съ другой стороны, центральное положеніе Австріи въ Европѣ не позволяетъ Австріи смотрѣть равнодушно на европейскія дѣла. Она имѣетъ важные интересы и въ Средиземномъ, и въ Черномъ морѣ, и на Апеннинскомъ и на Балканскомъ полуостровѣ, и наконецъ на всѣхъ границахъ Германскаго Союза; самымъ положеніемъ своимъ она принуждена стоять на стражѣ европейскаго равновѣсія. Потому-то Англія, сильно заинтересованная европейскимъ миромъ, считала для себя необходимымъ постоянно поддерживать Австрію и даже содѣйствовать ея усиленію. Потому-то, очень мало вмѣшиваясь во внутреннія дѣла другихъ европейскихъ державъ и нисколько не расположенная тревожить другихъ своими совѣтами, Англія не переставала, въ послѣднія десять лѣтъ, предостерегать Австрію отъ опасныхъ послѣдствій ея новой централизационной политики внутри и слѣпаго противоборства національнымъ и либеральнымъ стремленіямъ внѣ монархіи. Англійскіе министры не разъ находили нужнымъ Фаворить объ этомъ оффициально; а общественное мнѣніе Англій внимательно слѣдило за всѣмъ, что происходило въ Австріи, и журналы бѣспоощадно и неутомимо преслѣдовали пагубное направленіе австрійскаго правительства; они принимали въ австрійскихъ дѣлахъ такой интересъ, какой англійская печать не привыкла принимать въ дѣлахъ иностранныхъ государствъ. Все это показываетъ, какъ велики интересы, которые соединены для Англій съ существованіемъ Австрійской имперіи.

Но теперь англійскій взглядъ, повидимому, перемѣнился. Общественное мнѣніе настоятельно требуетъ, чтобъ Австрія согласилась на продажу Венеціи и на уступку Италіи того знаменитаго четырехугольника крѣпостей, который доселѣ считался самымъ твердымъ оплотомъ Австрійской имперіи. Правительство Великобританіи, соображаясь съ общественнымъ мнѣніемъ своей страны, вѣроятно будетъ содѣйствовать этой сдѣлкѣ, которая лишитъ Австрію значительной провинціи и чрезвычайно важныхъ стратегическихъ пунктовъ. Какъ же объяснить такое измѣненіе въ политическихъ взглядахъ Англій, слагавшихся вѣками? Неужели Англія надѣется, что роль Австріи

въ политическомъ равновѣсїи Европы можетъ быть хотя отчасти исполнена Италіей? Но Италія, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, можетъ только защищать свою самостоятельность противъ Франціи и Австріи. Крѣпостями четырехугольника она почти не можетъ пользоваться противъ Австріи, а противъ Франціи она можетъ пользоваться ими, какъ несокрушимымъ, хотя и послѣднимъ отпоромъ, только въ случаѣ своего союза съ Австріей. Ни въ германскихъ, ни въ восточныхъ дѣлахъ Италія не можетъ принимать дѣятельное участіе, она не имѣетъ средствъ дѣйствовать на свою руку для поддержки европейскаго равновѣсія. Во всякомъ случаѣ, она не можетъ замѣнить собой Австрію. Какъ же объяснить, что Англія повидимому измѣнила Австрію?

Лордъ Пальмерстонъ не разъ входилъ въ интимныя сношенія съ императоромъ Наполеономъ III; говорятъ, что даже прошлогодняя италіанская война была дѣломъ предварительно условленнымъ между ними. Эти предварительныя соглашенія, не могли, конечно, простираться на Савою и Ниццу; но нанести Австріи серіозный ударъ, отнять у нея Ломбардо - Венеціанское королевство, чтобы передать его Виктору Эммануилу, все это хитрый великобританскій *премьеръ*, говорятъ, позволялъ своему могущественному собесѣднику, и все это онъ могъ позволить, не отказываясь отъ своей прежней національной политики. Въ Англіи нужна не Австрія, сама по себѣ, какова бы она ни была, а сильная дунайская держава, служащая оплотомъ европейскаго равновѣсія. Англія видѣла, что тотъ путь, на который вступило правительство Франца-Иосифа, долженъ повести Австрію не къ могуществу, а къ распаденію. Въ Вѣнѣ могли смотрѣть иначе на новозобрѣтенные тамъ порядки, могли ожидать отъ нихъ и могущества и благоденствія Австріи; пестрая смѣсь абсолютистовъ и демократовъ, заправлявшая въ Вѣнѣ всѣми дѣлами, усердно и даже съ увлеченіемъ занималась постройками и перестройками этого новаго великаго зданія Австрійской имперіи, которое однакоже строилось болѣе въ умахъ строителей нежели въ дѣйствительности; новомодныя демократическія замашки благодѣтельствовать, не справляясь съ желаніями благодѣтельствуемыхъ, совпадали въ этомъ случаѣ съ преданіями временъ меттерниховскихъ, и Австрія, какъ теперь оказалось, шла быстрыми шагами къ совершенному разстройству, между тѣмъ какъ правительство полагало, что находится на прямомъ пути къ небывалому дотолѣ величію и могуществу. Все это было очень возможно въ Вѣнѣ, гдѣ и люди меттерниховскаго закала, и люди въ родѣ новопеченнаго барона отъ демократіи, Баха, не считали ни нужнымъ, ни полезнымъ обращать вниманіе на

общественное мнѣніе своей страны и Европы, но такіе опытные политическіе люди, какъ англійскій первый министръ, должны были предусматривать будущія потрясенія, которыя могли совершенно ослабить Австрію и слѣдовательно совершенно нарушить европейское равновѣсіе. Между тѣмъ убѣжденія и доводы сентъ-жемесскаго кабинета оказывали въ Вѣнѣ столь же мало дѣйствія, какъ и голосъ общественнаго мнѣнія Европы. Нуженъ былъ сильный ударъ, чтобъ Австрія одумалась, и Англія дала Франціи нанести ей этотъ ударъ. Послѣдствія показали, что онъ былъ очень полезенъ для Австріи, и что доброжелатели Австріи могли чистосердечно желать, чтобъ этотъ ударъ былъ нанесенъ ей и возвратилъ ее къ разуму. Къ тому же итальянскія провинціи были скорѣе элементомъ слабости нежели силы для Австріи. Либеральныя учрежденія были невозможны въ этихъ провинціяхъ, и только ускорили бы отдѣленіе ихъ отъ Австріи, а отказывая въ либеральныхъ учрежденіяхъ Ломбардо - Венеціанскому королевству, австрійское правительство не могло допустить ихъ и въ другихъ частяхъ имперіи. Итальянскія провинціи требовали отъ Австріи значительныхъ военныхъ силъ, и въ то же время замедляли и дѣлали невозможнымъ примиреніе австрійскаго правительства съ австрійскими народами, въ особенности съ Венгріей. Поглащая силы Австріи, онѣ ослабляли ее на всѣхъ пунктахъ, засглавляя ее поддерживать неестественное положеніе во всѣхъ коронныхъ земляхъ, не позволяя ей вступать на тотъ путь, который одинъ могъ вести ее къ возстановленію ея могущества. Впрочемъ, какъ имъ очевидна была необходимость для Австріи отказаться отъ господства въ Италіи, тѣмъ не менѣе Англія почти до самой послѣдней минуты неохотно смотрѣла на ту сторону итальянскаго вопроса, которая могла имѣть своимъ послѣдствіемъ ослабленіе Австріи.

Опытъ итальянской войны долженъ былъ однако показать Англіи, что не совсѣмъ безопасно вѣрять другимъ совершеніе великихъ историческихъ дѣлъ. Франція, начавъ воевать за идею, окончила тѣмъ, что присоединила Савою и Ниццу, и принудила Англичанъ потратить громадныя средства на увеличеніе своихъ военныхъ силъ. Этотъ опытъ говоритъ очень убѣдительно, и потому нельзя полагать, чтобъ Англія захотѣла и впредь слѣдовать той же политикѣ, какой она держалась въ итальянскомъ вопросѣ. Ея громадныя вооруженія стоять ей очень дорого; не только увеличивать ихъ съ каждымъ годомъ, какъ дѣлается теперь, но даже долго поддерживать ихъ въ теперешнихъ размѣрахъ было бы очень обременительно. Налогъ на

доходъ, высокая пошлина съ чая и сахара не популярны въ Англіи. Всякое правительство принуждено въ Англіи заботиться если не объ отъѣнтіи этихъ налоговъ, то по крайней мѣрѣ объ уменьшеніи ихъ. Поэтому, едва ли можно ожидать, чтобы Англія не воспользовалась своимъ теперешнимъ колоссальнымъ военнымъ могуществомъ для скорѣйшаго разрѣшенія тѣхъ европейскихъ вопросовъ, которые потребовали бы значительныхъ вооруженій съ ея стороны въ будущемъ. Между этими вопросами стоитъ на первомъ планѣ восточный вопросъ, а потому должно думать, что и опытъ французскаго вѣшатательства въ италіанскія дѣла, и громадныя вооруженія, которыми теперь располагаетъ Англія, будутъ побуждать ее къ скорой и дѣятельной инициативѣ въ восточномъ вопросѣ. *Большой человекъ* не выдѣлился вслѣдствіе прошлой войны; эта фраза сдѣлалась теперь ходячею фразой въ Англіи. Балканскій полуостровъ, очевидно, не въ силахъ управиться самъ собой, турецкое владычество не имѣетъ будущности въ Европѣ. Рано или поздно, Балканскій полуостровъ долженъ сдѣлаться театромъ иностраннаго вѣшатательства. Можно отсрочивать кризисъ, но нѣтъ возможности предотвратить его, и чѣмъ болѣе отсрочивать рѣшеніе восточнаго вопроса, тѣмъ болѣе можно опасаться неожиданной вспышки, могущей произвести обще-европейскій пожаръ. Не выгодно ли Англіи предварить возможность европейской войны и заблаговременно взять это дѣло въ свои руки? Не совѣтуетъ ли ей простое благоразуміе взяться за это дѣло именно теперь, когда Англія могущественнѣе чѣмъ когда-либо прежде, а европейскія обстоятельства особенно благопріятствуютъ ей? Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Англія воспользуется такою удобною минутой. Нѣтъ спора, что англійская политика всегда отличалась ловкостію, передъ которою обращается въ ничто вся дипломатія меттерниховской школы, основанная на коварствѣ и хитрости.

При такихъ обстоятельствахъ, особенное значеніе имѣетъ повышеніе великобританской миссіи въ Вѣнѣ на степень посольства. До сихъ поръ въ Вѣнѣ резидировалъ англійскій *носланникъ, envoyé*; отнынѣ при вѣнскомъ дворѣ будетъ состоять *посолъ* королевы Викторіи, *ambassadeur*. Эта маловажная, повидимому, перемѣна, которую, если угодно, можно относить къ этикету, въ другое время была бы едва замѣчена, но теперь она заключаетъ въ себѣ важное указаніе на тотъ вѣсь, который Англія придаетъ своимъ сношеніямъ съ Австріей. При разрѣшеніи восточнаго вопроса, преобразованная Австрія можетъ сдѣлаться лучшею союзницею Англіи; тогда представится самый удобный

случай возвратитъ Австріи или, лучше, тому государственному союзу, который можетъ занять мѣсто ея, то могущественное положеніе въ Европѣ, которое, съ англійской точки зрѣнія, составляетъ рѣшительную необходимость для европейскаго равновѣсія. Г. Гладстонъ недавно сказалъ волонтерамъ, въ рѣчи, о которой мы говорили въ предыдущей книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, что онъ самъ не знаетъ, за кого и противъ кого придется стоять Англичанамъ въ ближайшемъ будущемъ, когда восточный вопросъ созрѣетъ для своего разрѣшенія. Можно однакоже предполагать, что Англія будетъ въ этомъ дѣлѣ не противъ народовъ, населяющихъ Австрію. Можно также догадываться, что и Пруссія не будетъ въ числѣ противниковъ Англіи, особенно если Пруссія получитъ какія-нибудь уступки относительно первенства въ Германскомъ Союзѣ. Австрія не пользовалась популярностью въ придунайскихъ странахъ; причиною тому было превратное направленіе ея внутренней политики. Даже и теперь еще она хлопочетъ, какъ бы удержать за собой Венецію и знаменитый четырехугольникъ. Мелкія нѣмецкія государства, инстинктивно привязанныя къ *statu quo*, затѣваютъ гарантировать за Австріей Венецію; замышляется протоколъ, признающій, что господство Австріи надъ Венеціей необходимо будто бы для безопасности южныхъ границъ Германскаго Союза. Если Франція, говорятъ эти такъ-называемые велико-германскіе политики, имѣла право гарантировать Ломбардію за Пиемонтомъ даже на случай наступательной войны со стороны Пиемонта, то во сколько разъ болѣе права имѣетъ Германія гарантировать за Австріей Венецію и четырехугольникъ на случай необходимой обороны? Но едва ли могутъ имѣть какую-нибудь практическую силу всѣ эти теоретическія истины и политическіе парадоксы. Скорѣе распадется Германскій Союзъ нежели Пруссія рѣшится гарантировать за Австріей Венецію не противъ Франціи, разумѣется, а противъ Италіи. Съ одной стороны дѣла Германскаго Союза, съ другой стороны венгерскія дѣла будутъ затруднять для Австріи сохраненіе за собой Венеции, и повидимому, никакъ нельзя сомнѣваться, что очень скоро все вниманіе Австріи сосредоточится на восточномъ вопросѣ. Уже и теперь извѣстія съ Дуная согласны въ томъ, что не далѣе какъ будущею весной всѣ ожидаютъ какихъ-то великихъ событій на югѣ Венгріи. Уже и теперь, несмотря на необходимость обороны въ Италіи, Австрія нашла нужнымъ стянуть значительный корпусъ въ предѣлахъ Трансильваніи. Съ другой стороны, на правомъ берегу Дуная усердно дѣйствуетъ и анти-австрійская пропаганда; особенно французскіе консулы, говорятъ, развиваютъ большую дѣятельность; не только Сербія и Болгарія, но даже и Черная Гора представляютъ

поприще для ловкости французскихъ агентовъ. По поводу смерти князя Данила рѣзко обнаружилась ненависть Черногорцевъ къ Австріи; новый сербскій князь Михаилъ или, какъ его зовутъ въ Сербіи, Миланъ продалъ въ Вѣнѣ свой домъ и вообще ограничиваетъ свои сношенія съ Австріей самыми необходимыми дѣлами. Такая антипатія очень понятна. Но она, очевидно, относится къ Австріи послѣдняго десятилѣтія. Она не можетъ относиться къ венгерской Австріи, потому что Венгерцы умѣли въ послѣднее время пріобрѣсти себѣ сочувствіе во всѣхъ сосѣднихъ странахъ, и между Сербами, и между Румынами. Тѣмъ еще менѣе можетъ относиться эта антипатія къ Австріи славянской, а Австрія должна стать славянскою державою, если только будутъ чисто-сердечно исполнены требованія, высказанныя большинствомъ государственнаго совѣта. Отношенія Сербовъ и Болгаръ къ новой славянской державѣ будутъ совершенно иныя чѣмъ къ теперешней Австріи, и это измѣненіе имѣетъ, конечно, въ виду сентджемскій кабинетъ при составленіи плановъ для разрѣшенія восточнаго вопроса. На дняхъ телеграфическая депеша сообщила намъ, что Болгары, недовольные своимъ греческимъ высшимъ духовенствомъ и находя въ Константинополѣ сильное противодѣйствіе своему желанію имѣть, по прежнему примѣру, своего особеннаго патріарха, готовы на унію съ Римомъ. Болгары — народъ безпомощный, не вооруженный; они нисколько не похожи на собратовъ и сосѣдей своихъ, Сербовъ, издавна отличающихся воинственностію. Но у Болгаръ, какъ видно по всему, сильно пробудилось теперь національное чувство, и они съ благодарностію примутъ всякую помощь противъ Турокъ и противъ Грековъ, которые вызываютъ въ нихъ еще болѣе ненависти нежели Турки. Если правда, что Болгары, несмотря на свою несомнѣнную привязанность къ церкви отцовъ, съ прискорбіемъ рѣшаются даже на унію, то задумаются ли они примкнуть къ преобразованной Австріи, то-есть къ такому государству, которое, по словамъ графа Сечена, будетъ служить оплотомъ и гарантіей, а не ограниченіемъ самостоятельности странъ, находящихся подъ одною короною, и гдѣ, стало-быть, вмѣстѣ съ народною самостоятельностью, они будутъ имѣть возможность сохранить въ чистотѣ свое православіе? Исторія показываетъ намъ, что всѣ эти страны, лежащія по обоимъ берегамъ нижняго Дуная, легко могутъ составлять одно цѣлое. Было время, когда Болгары и Валахи были соединены политически. Было время, когда Венгрія владѣла Босніей. Было также время, когда Трансильванія и Валахія владѣли Венгріей. Наконецъ было время, когда почти вся Венгрія, вмѣстѣ съ Сербіей и Болгаріей, принадлежала Турціи. Страны эти нѣсколько разъ въ исторіи вступали между собой въ разныя политическія комбинаціи, и никакъ нельзя считать не-

возможнымъ ихъ воссоединеніе подъ защитою федеративной монархіи, которая не будетъ угрожать своею централизаціей, своею бюрократіей и полиціей, самостоятельности и національности своихъ земель. Пожелаемъ, чтобы среди предстоящаго броженія славянскія племена этихъ странъ, такъ долго страдавшія, нашли силы въ самихъ себѣ и родственную поддержку въ своихъ соплеменникахъ для прочнаго огражденія своей равноправности съ соседними имъ иноплеменными народностями.

Австрійскій государственный совѣтъ не касался вопросовъ внѣшней политики, но большинство его смотрѣло на будущее устройство Австріи именно съ той точки зрѣнія, которая соответствуетъ указаннымъ нами особенностямъ международнаго положенія Австріи. Ограничивалась теперешнимъ составомъ Австрійской имперіи, — которую, замѣтимъ мимоходомъ, члены большинства называютъ почти всегда не имперіей, а монархіей, — они старались доказать, что и теперь источникомъ силы для Австріи можетъ служить возможно-полная самостоятельность ея главныхъ составныхъ частей. Нѣмецкіе члены государственнаго совѣта, составившіе меньшинство, разошлись въ этомъ отношеніи съ большинствомъ; они настаивали на необходимости болѣе-тѣснаго единства. Только одинъ изъ членовъ меньшинства, г. Маагеръ, трансильванскій Саксъ, рѣшился откровенно высказать свое мнѣніе о свойствахъ этого болѣе тѣснаго единства. Онъ требовалъ для Австріи представительнаго правленія, съ однимъ парламентомъ, заседающимъ въ Вѣнѣ и издающимъ законы для всей Австріи. Это мнѣніе имѣетъ цѣну по крайней мѣрѣ по своей откровенности, хотя едва ли кому-нибудь кромѣ Нѣмцевъ придетъ въ голову считать его удобнымъ для такой разноплеменной и разнохарактерной страны какъ Австрія. Общій австрійскій парламентъ долженъ былъ бы совѣщаться на нѣмецкомъ языкѣ, и уже одно это обстоятельство возбудило бы противъ него враждебныя чувства австрійскихъ народовъ. Кромѣ того, общій парламентъ имѣлъ бы естественную склонность проводить законы общіе для всей имперіи, и слѣдовательно сглаживалъ бы тѣ историческія и политическія особенности, которыми такъ дорожатъ очень многія австрійскія земли. Наконецъ, общій парламентъ сдѣлалъ бы невозможнымъ восстановленіе древней венгерской конституціи, составляющее предметъ непреклоннаго требованія Венгріи. Можно съ увѣренностію сказать, что Венгрія не захотѣла бы послать своихъ депутатовъ въ вѣнскій парламентъ, и что слѣдовательно общій парламентъ не могъ бы даже и состояться. Другіе члены меньшинства говорили просто о единствѣ, не позволяя себѣ вести рѣчь о парламентѣ. Одинъ изъ предводителей меньшинства, г. Гейнъ, даже счелъ за благо прямо объявить, что ни

онъ самъ, ни друзья его вовсе не имѣютъ и мысли о конституціи. И тѣмъ не менѣе они отстаивали единство. Такой образъ дѣйствій много повредилъ имъ въ общественномъ мнѣніи, несмотря на поддержку, оказанную имъ почти всѣми безъ исключенія венскими газетами. Было очевидно, что имѣется собственно въ виду преобладаніе германскаго элемента и противодействіе Венгріи. Но противодействовать Венгріи было невозможно. Правительство не соблазнилось увѣреніемъ, что меньшинство свободно отъ всякихъ помысловъ о конституціи. Публика не была подкуплена разглагольствіями о томъ, что всѣ члены изъ аристократовъ примыкаютъ къ большинству какъ бы по обязанности, что меньшинство представляетъ собой средніе классы, что побѣда большинства надъ меньшинствомъ есть побѣда аристократіи надъ средними классами и консерватизма надъ либерализмомъ. Либерализмъ, не желающій ни самостоятельности коронныхъ земель, ни общаго имперскаго парламента, не встрѣтилъ себѣ симпатій ни въ публикѣ, ни въ правительствѣ. Сила обстоятельствъ побудила правительство склониться на сторону большинства, и потому только мнѣніе большинства представляетъ теперь для насъ интересъ.

Прежде нежели мы приступимъ къ изложенію этого мнѣнія, считаемъ нужнымъ замѣтить, что по многимъ пунктамъ всѣ партіи государственнаго совѣта были согласны. Такъ напримѣръ всѣ партіи самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались противъ бюрократической централизаціи. Всѣ партіи были согласны въ томъ, что централизація зашла въ Австріи слишкомъ далеко, что кругъ вѣдомства центральной власти долженъ сузиться, что необходимо значительно сократить теперешніе чудовищные размѣры бюрократической администраціи. Часъ бюрократіи пробилъ для Австріи навсегда. О французскихъ порядкахъ всѣ говорили такимъ тономъ, что слово: *французскій*, чуть не считалось браннымъ словомъ. Никто въ государственномъ совѣтѣ не сказалъ слова въ защиту бюрократіи. Всѣ отѣнки мнѣній спѣшили заявить свою антипатію къ началу, ставящему форму выше жизни, бумагу выше дѣла, для котораго она пишется. Очень много смѣлаго и рѣзкаго было высказано въ государственномъ совѣтѣ о послѣдствіяхъ канцелярскаго устройства государственной администраціи, о произволѣ и безответственности чиновниковъ, прикрывающихся предписаніями отдаленнаго начальства, о бессилии закона, приводимаго въ исполненіе административнымъ порядкомъ. Улики были на-лицо; тутъ сидѣли министры, и съ удивленіемъ слушали о вопіющихъ нарушеніяхъ справедливости и закона, и должны были признаваться, что они ничего объ этомъ не знаютъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвели разказы г. Петрини о томъ, что дѣлалось въ Буковинѣ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи

находятся тамъ православныя церкви и школы, несмотря на то, что Буковина имѣетъ очень значительный церковный и училищный фондъ. Этотъ фондъ было запрещено употреблять согласно съ его назначеніемъ, пока не придетъ разрѣшеніе изъ Вѣны, а такъ какъ разрѣшеніе десять лѣтъ не приходило, то съ жителей Буковины стали собирать деньги на училища, и тѣмъ не менѣе потому, когда деньги были собраны офиціальнымъ порядкомъ, православыя жители Буковины объявили, что они могутъ собирать деньги частнымъ порядкомъ, если хотятъ имѣть школы, а что деньги, собранныя офиціально, должны идти на школы, въ которыхъ учителями могутъ быть только католики, но что, къ сожалѣнію, кандидатовъ-католиковъ на учительскія мѣста не оказалось. Изъ министровъ самымъ сильнымъ нападеніемъ подверглись: министръ юстиціи, г. Надашдь, и министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, графъ Туль. Теперь они оба уволены.

Когда рѣчь шла о бюрократіи и централизаціи, всѣ члены государственнаго совѣта были согласны. Замѣчанія высказывались, не возбуждая спора, и выслушивались, какъ нѣчто само собой разумѣющееся. Единогласно, или, вѣрнѣе, большинствомъ всѣхъ противъ одного, было принято еще заключеніе о пользѣ гласности и важномъ значеніи періодической печати. Тема эта была развита въ блистательныхъ рѣчахъ и заняла почти цѣлое засѣданіе. Печать въ Австріи не подлежитъ предварительной ценсурѣ, но полиція имѣетъ право останавливать продажу газетъ и книгъ, а администрація — давать журналамъ предостереженія административнымъ порядкомъ, не выслушивая объясненій обвиняемой стороны; три предостереженія ведутъ къ запрещенію журнала. Этотъ порядокъ, изобрѣтенный нынѣшнимъ императоромъ Французовъ и еще имѣющій нѣкоторый смыслъ во Франціи, гдѣ правительство видитъ передъ собой систематическую и династическую оппозицію, былъ заимствованъ Австріей у Франціи изъ одного подражанія. Онъ былъ полезенъ развѣ только бюрократіи, которой удавалось вынуждать у литературы молчаніе о своихъ грѣхахъ и о слабыхъ сторонахъ своихъ законодательныхъ и административныхъ проектовъ. Какъ много въ обоихъ случаяхъ проигрывали интересы высшаго правительства, которому оставались невѣдомыми злоупотребленія чиновниковъ, и которое нерѣдко принуждено было принимать мѣры, оказывавшіяся неудобными на дѣлѣ, когда уже было трудно поправлять ихъ, объ этомъ было говорено подробно въ государственномъ совѣтѣ. Одинъ за другимъ поднимались съ мѣста, чтобы сказать свое слово, графъ Клямъ-Мартиницъ, считающійся представителемъ консервативно-аристократическаго направленія, г. Гейнъ, членъ меньшинства, отрекавшійся отъ помысловъ о конституціи, гг. фонъ-Майлатъ, фонъ-Сѣдъень и графъ Сечень, венгерскіе члены, князь Сальмъ, одинъ изъ пер-

выхъ магнатовъ имперіи, и наконецъ г. Маагеръ, отважно высказавшій свою непрактическую мысль о конституціи съ однимъ обще-австрійскимъ парламентомъ. Всѣ эти люди разныхъ сословій и разнообразныхъ политическихъ мнѣній говорили съ равнымъ жаромъ и равнымъ убѣжденіемъ за освобожденіе австрійской печати отъ стѣсненій, которыя были наложены на нее въ ущербъ государству и обществу. Теперь, сказала графъ Клямъ, когда самъ государственный совѣтъ съ такимъ чистосердечіемъ раскрылъ недостатки государственной администраціи и господствующей правительственной системы, теперь невозможно лишать печать принадлежащаго ей права откровенно обсуждать общественныя дѣла. Если Австрія хочетъ управлять своими землями согласно ихъ потребностямъ и желаніямъ, она не можетъ добровольно отказаться отъ самаго удобнаго средства для разрѣшенія этихъ потребностей и желаній.

По этимъ двумъ вопросамъ о бюрократической централизаціи и правахъ печати въ государственномъ совѣтѣ оказалось единодушіе; когда подавались голоса о заступничествѣ за литературу, всѣ члены государственнаго совѣта поднялись съ своихъ мѣстъ—за исключеніемъ одного. Серіозное разногласіе обнаружилось лишь по дальнѣйшему, болѣе глубокому вопросу объ отношеніи мѣстной автономіи къ единству имперіи. Представители нѣмецкаго элемента въ государственномъ совѣтѣ требовали, правда, измѣненій, какъ въ средствахъ, которыми дѣйствовало австрійское правительство, такъ и въ самыхъ предѣлахъ вѣдомства центральной власти. «Политическія учрежденія, сказала даже г. Гейнъ, намекая на выраженіе, употребленное императоромъ, могутъ быть названы *счастливыми* только тогда, когда изъ вѣдомства администраціи, чрезмѣрно обремененной, будетъ выдѣлено все то, что можетъ быть ввѣрено рукамъ людей, которые сильно и близко заинтересованы правильнымъ исполненіемъ того или другаго дѣла, то-есть общинамъ и областямъ, и когда свободное самоопредѣленіе отдѣльнаго гражданина будетъ избавлено отъ чиновнической оцѣнки. Меньшинство согласно въ этомъ отношеніи съ большинствомъ. Весь докладъ бюджетнаго комитета есть жалоба на то, что чиновническое вмѣшательство переступило должный предѣлъ, что оно проникаетъ даже въ семейную жизнь.» Но съ другой стороны, меньшинство считало нужнымъ отстаивать единство законодательства для всей имперіи и вообще тѣ связи, которыя сплочали бы Австрію въ одно неразрывное цѣлое. Оно предоставляло мѣстной автономіи только то, что касается собственно благоустройства; все остальное оно старалось удержать за центральной властію. Члены меньшинства хорошо понимали, кажется, что чѣмъ тѣснѣе будутъ соединены части имперіи, тѣмъ болѣе силы должны имѣть нѣмецкій элементъ, соединяющій ихъ. Видно въ эту

сторону, очевидно, одушевляли ихъ, и ихъ программа несомнѣнно имѣетъ національно-нѣмецкій характеръ. Большинство, напротивъ, имѣло въ виду огражденіе національностей отъ притязаній нѣмецкаго элемента, а потому старалось дать мѣстной автономіи большее значеніе. «Истинный и дѣйствительный характеръ Австрійской монархіи, говорилъ графъ Сечень, состоитъ въ томъ, что она не есть единое государство въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, что она сложилась изъ различныхъ элементовъ, изъ различныхъ земель и національностей, которыя всѣ, въ разнообразной постепенности, сохранили чувство своей особености, своей исторической индивидуальности. Было бы опаснымъ самообольщеніемъ думать, что элементы, на которые опирается этотъ характеръ, и изъ которыхъ онъ развился, потеряли силу и подверглись разложению, — думать такъ только на томъ основаніи, что законное заявленіе ихъ было приостановлено. Они живутъ и дѣйствуютъ, эти индивидуальныя элементы; они становятся разрушительнымъ ядомъ, когда имъ отказывается въ признаніи, въ этомъ необходимомъ и предварительномъ условіи ихъ законнаго и правительнаго проявленія.» Графу Сечену принадлежитъ изобрѣтеніе термина: *историко-политическая индивидуальность*, термина, который выразилъ собой сущность программы большинства и такъ часто употреблялся въ преніяхъ государственнаго совѣта, что подъ конецъ преній, особенно въ устахъ ораторовъ менѣе опытныхъ, повторялся почти машинально. Графъ Сечень былъ первымъ докладчикомъ большинства бюджетнаго комитета; вторымъ докладчикомъ былъ графъ Клямъ, богемскій магнатъ, котораго Чехи не признаютъ однакоже за Чеха. Онъ большой консерваторъ, и прежде былъ даже приверженцемъ вотчинныхъ (патримоніальныхъ) порядковъ. Ему принадлежитъ мысль основать новую газету, которая начала выходить въ Вѣнѣ мѣсяцъ тому назадъ, подъ названіемъ *Vaterland*, и служить органомъ аристократической партіи. Въ государственномъ совѣтѣ онъ игралъ важную роль, въ числѣ первенствующихъ членовъ, и нельзя не замѣтить, что эта его роль, при сильномъ недоверіи къ нему публики за прежнее его направленіе, имѣла невыгодное вліяніе на популярность программы большинства. Въ преніяхъ онъ держалъ себя очень хорошо и ловко, и старинныя дворянскія понятія проглянули только въ словахъ его о правѣ *пропиаціи* (исключительномъ правѣ продажи крѣпкихъ напитковъ, принадлежащемъ помѣщикамъ, на господскихъ и крестьянскихъ земляхъ ихъ селеній). Онъ высказался очень рѣшительно противъ легкаго и невиннаго замѣчанія, сдѣланнаго въ государственномъ совѣтѣ объ этомъ правѣ; этотъ промахъ сильно повредилъ въ общественномъ мнѣніи и ему, и всему большинству государственнаго совѣта. Но онъ говорилъ много по другимъ вопросамъ, и говорилъ въ либеральномъ смыслѣ. Онъ много содѣйствовалъ

разъясненію высказаннаго графомъ Сеченомъ начала историко-политической индивидуальности австрійскихъ земель и старался доказать, что это начало провозглашается не въ интересъ одной Венгріи, а въ общемъ интересъ всѣхъ частей Австріи. «Сознаніе историко-политической индивидуальности, говорилъ онъ, привязанность къ историко-политической индивидуальности не есть исключительная особенность Венгріи. Это чувство и это сознаніе есть достояніе всѣхъ австрійскихъ земель, великихъ и малыхъ. Оно срослось со взглядами, оно глубоко укоренилось въ сердцахъ народовъ. Лишь желѣзное владычество силы или все сметающая буря внутренней революціи могли бы сломить это чувство. Нивеллирующему могуществу бюрократіи не удалось одолѣть его, а въ этомъ заключается не малое доказательство его силы и права на жизнь. Ходъ дѣлъ по части административныхъ организацій въ не-венгерскихъ земляхъ представляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательное явленіе. Въ 1849 году, вслѣдствіе внутреннихъ потрясеній, оказалось необходимымъ коренное преобразование административныхъ мѣстъ. Тогда былъ сдѣланъ опытъ ослабить значеніе провинціальныхъ центровъ, придавъ болѣе вѣса новоорганизованнымъ окружнымъ правленіямъ. Окружныя правленія были непосредственно подчинены министерству; за намѣстникомъ остался крайне ограниченный кругъ дѣйствій; провинціальный союзъ округовъ долженъ былъ сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ простой *unio personalis*, если позволительно такъ выразиться. Явственно видно было намѣреніе совершенно отмѣнить намѣстничество въ надеждѣ, что изъ личинки округа выпорхнетъ нѣчто похожее на французскій департаментъ. И что же? Благодаря силѣ обстоятельствъ, не только намѣстники не были сбиты съ сѣдла, но окружныя правленія потеряли свое значеніе и принуждены были отойти на задній планъ.» Графъ Аппони, венгерскій членъ, еще болѣе пояснилъ этотъ пунктъ. «Величайшая ошибка, говорилъ онъ, — которая была сдѣлана въ австрійской внутренней политикѣ не только въ послѣднее время, но уже за цѣлый рядъ лѣтъ передъ симъ, состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что у насъ не только не содѣйствовали духовному развитію провинціальной жизни, а напротивъ, старались усыпить и парализовать ее; гдѣ она тѣмъ не менѣе держалась въ силѣ, тамъ съ нею систематически боролись, какъ со зломъ. Что въ этомъ отношеніи было сдѣлано въ продолженіи послѣдняго десятилѣтія, должно преисполнить горестью каждого вѣрнаго приверженца династіи и cadaго истиннаго друга Австріи.» «Представители меньшинства, сказалъ графъ Аппони въ той же рѣчи, изъ которой мы заимствовали приведенное мѣсто, — стараются упрочить государственную связь преимущественно вышними госу-

дарственными учрежденіями и возможно-точнымъ опредѣленіемъ ихъ. Большинство, напротивъ, признаетъ необходимость единого, концентрическаго верховнаго руководства государственными дѣлами, а равно и установленія, обезпеченія и представительства общей связи государства, но съ тѣмъ, чтобъ автономія отдѣльныхъ земель оставалась серіознымъ дѣломъ. Большинство придаетъ особенный вѣсъ этой нравственной связи, которая можетъ быть основана на признаніи равноправности всѣхъ земель и совершенномъ обезпеченіи ихъ правомѣрныхъ взаимныхъ отношеній. Пренія государственнаго совѣта показали, что между членами большинства состоялось предварительное полное соглашеніе относительно главныхъ началъ. Всѣ говорили въ одинъ голосъ и поддерживали другъ друга. Обращаясь къ своему спеціальному отечеству, Богеміи, графъ Кламъ сказалъ слѣдующее: «Если вы воспретите Богемцу чувствовать себя Богемцемъ или научите его забыть о томъ, что онъ Богемецъ, онъ не найдетъ замѣны этого чувства въ принадлежности къ общему государству. Именно какъ Богемецъ, знаетъ онъ, что Моравъ, Штиріецъ, Венгерецъ—его братья, члены одного общаго великаго семейства. Именно въ этомъ сознаніи и чувствѣ принадлежности къ своей отдѣльной странѣ лежитъ та могущественная духовная связь, которая соединяла далекія страны Австрійской монархіи, которая соединяетъ ихъ и всегда сводитъ воедино, та связь, передъ таинственною силой которой преклонился даже великій завоеватель, въ началѣ нашего столѣтія низвергавшій и создававшій царства по своему произволу. Когда онъ, побѣдоносный, стоялъ передъ вратами Вѣны, въ немъ возникала мысль сокрушить Австрійскую монархію. Но онъ скоро убѣдился,—онъ самъ сознавался въ этомъ,—что Австрійская монархія до такой степени коренится въ потребностяхъ, желаніяхъ и въ чувствахъ, взглядахъ и священнѣйшихъ преданіяхъ народовъ, что даже полнота могущества Наполеонова была безсильна передъ нею; и вскорѣ послѣ того, возвращавшійся побѣжденный императоръ вступилъ въ столицу своихъ предковъ и былъ пріивѣтствованъ ликоваемъ, сердечіе котораго едва ли встрѣчало когда-нибудь побѣдителя. То было, несмотря на удары судьбы, время гордости для Австріи: то было время истиннаго, живаго единства имперіи.»

Нельзя не замѣтить впрочемъ, что въ то время, о которомъ говоритъ графъ Кламъ, вопросъ о національностяхъ еще не возникалъ, средніе и низшіе классы еще не пользовались самостоятельностью, и уваженіе къ автономіи отдѣльныхъ странъ относилось лишь къ историческимъ учрежденіямъ и преданіямъ ихъ,

а всего болѣе къ правамъ двухъ высшихъ сословій, дворянства и духовенства. Теперь положеніе Австріи сдѣлалось въ тысячу разъ труднѣе. Интересы, имѣющіе право на уваженіе, сдѣлались теперь такъ разнообразны, что невозможно предвидѣть, удастся ли и какъ удастся согласить ихъ. Повидимому не одинъ г. Маагеръ, считающій возможнымъ примирить всѣхъ и все дарованіемъ одной общей конституціи, упускаетъ изъ виду разнообразіе и не рѣдко взаимно-противоположныя интересы, заявляющіе теперь свое право. Многіе изъ членовъ большинства, повидимому, тоже слишкомъ легко смотрятъ на вопросъ о національности. «Я думаю, говорилъ графъ Баркоцъ,—что вопросъ о національности въ Австріи можетъ быть очень легко разрѣшенъ. Стоятъ только предоставить людямъ, чтобъ они сами выбрали себѣ языкъ. Еслибы не было въ этомъ дѣлѣ никакого насилія, и еслибы съ извѣстныхъ сторонъ прекратились поджигательства къ враждѣ, то народности, которыя жили вмѣстѣ шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ лѣтъ, ужились бы и впредь, и по прежнему продолжали бы говорить на своихъ языкахъ. Нельзя отрицать, что не задолго до 1848 года, особенно же съ 1846 года, было сдѣлано много незаконныхъ притязаній съ венгерской стороны. Я самъ возставалъ на каждомъ сеймѣ и на каждомъ комитатскомъ собраніи противъ этихъ притязаній, я всегда былъ того мнѣнія, котораго держусь и теперь, а именно, что всякое насиліе и всякая неумѣренность въ этомъ дѣлѣ неестественны и несправедливы. Я думаю, надобно людей защищать, чтобъ одинъ не угнеталъ другаго и не позволялъ себѣ чрезмерныхъ притязаній; а въ остальномъ пусть каждый дѣйствуетъ, какъ ему заблагоразсудится. Тогда этотъ трудный вопросъ, устрашающій многихъ, будетъ разрѣшенъ и приведенъ въ правильный порядокъ очень легко.» Такъ говорилъ графъ Баркоцъ, одинъ изъ венгерскихъ членовъ, и нельзя не встрѣтить съ сочувствіемъ это откровенное признаніе объ ошибкахъ венгерской національной партіи, но съ другой стороны нельзя согласиться съ ораторомъ насчетъ легкости вопроса о національностяхъ въ Австріи. Въ государственномъ устройствѣ есть очень много такихъ учрежденій и такихъ степеней, гдѣ выборъ языка не можетъ зависѣть отъ произвола каждаго изъ гражданъ. Община, въ которой живутъ одни Словаки, будетъ, конечно, употреблять словацкій языкъ и будетъ жить мирно. Но какой языкъ будетъ офиціальнымъ языкомъ въ тѣхъ общинахъ, гдѣ вмѣстѣ съ Словаками живутъ Мадыары? Еще болѣе, какъ будетъ рѣшенъ вопросъ объ офиціальномъ языкѣ въ тѣхъ комитатахъ Венгріи, гдѣ народонаселеніе смѣшанное? А изъ такихъ комитатовъ состоитъ почти вся Венгрія. Наконецъ, какъ разрѣшить вопросъ о національностяхъ на венгерскомъ сеймѣ, особенно если

въ немъ будутъ участвовать, какъ желаютъ Венгерцы, представители Хорватин, Славонин, Баната и Воеводины? Прежде на венгерскомъ сеймѣ говорили по-латыни. Теперь будутъ, вѣроятно, говорить по-мадьярски, и какъ ни либерально будетъ дѣйствовать венгерскій сеймъ относительно Славянъ, все-таки первое мѣсто на немъ будетъ принадлежать мадьярской національности. Славяне будутъ чувствовать свое второстепенное положеніе, а это чувство не будетъ приятно имъ. Мы не говоримъ уже о представительствѣ австрійскихъ земель въ Вѣнѣ, гдѣ Нѣмцы будутъ всегда находиться въ болѣе-выгодномъ положеніи нежели Славяне или Мадыары. Та легкость разрѣшенія вопроса о національностяхъ, о которой говорилъ графъ Баркоцъ, можетъ имѣть мѣсто только относительно добровольныхъ соединеній людей, каковы напримѣръ: ученые общества, торговыя компаніи и тому подобное, а не относительно тѣхъ принудительныхъ соединеній, которыя имѣютъ государственный характеръ. Единственное средство для примиренія національностей заключается въ томъ, чтобы сила принудительныхъ союзовъ вообще была ограничена самымъ тѣснымъ кругомъ необходимыхъ отправленій. Национальности могутъ входить въ столкновеніе не только съ общимъ имперскимъ единствомъ, но и съ провинціальнымъ единствомъ и даже съ единствомъ общины, по скольку провинція и община имѣютъ государственный характеръ. Национальное чувство не можетъ быть умнротворено тѣмъ, что измѣнится распределеніе вѣдомствъ между государствомъ, провинціей и общиной. Если центральная власть передастъ значительную часть своихъ прежнихъ дѣлъ провинціямъ и общинамъ, то черезъ это вопросъ о національностяхъ не много подвинется къ своему разрѣшенію. Что могло бы оказаться удовлетворительнымъ, въ другихъ государствахъ, гдѣ разныя національности живутъ сплошными массами, того будетъ мало въ Австріи, потому что во многихъ австрійскихъ земляхъ разныя національности живутъ вмѣстѣ и насланы пластамъ одна на другую, какъ вѣрно выразился графъ Сечень. Для Австріи спасеніе заключается въ томъ, чтобы вообще государственныя отправленія, то-есть отправленія, отличающіяся принудительнымъ характеромъ, были ограничены и сосредоточены на самомъ необходимомъ. Мало того, что центральная власть передала часть своихъ атрибуцій провинціямъ. Обширность провинціальной автономіи можетъ иногда оказаться еще болѣе стѣснительною для національностей нежели могущество центрального управленія. Равнымъ образомъ недостаточно и того, чтобы провинціи не стѣсняли автономіи общинъ, потому что дарованіе обширной политической власти общинамъ можетъ также повести къ подчиненію одной національности другой. Самымъ

удовлетворительнымъ образомъ разрѣшится вопросъ о національностяхъ лишь въ томъ случаѣ, когда и государство, и провинція, и община откажутся отъ значительной доли своей власти въ пользу автономіи личной и автономіи общества, то-есть тѣхъ общественныхъ союзовъ, которые не имѣютъ принудительнаго государственнаго характера. На этотъ путь начинаютъ теперь указывать въ Австріи. Мы имѣли уже случай привести мнѣніе барона Этвеша, основаннаго на этомъ взглядѣ, и не можемъ не радоваться тому извѣстію, что теперь партія гг. Этвеша и Деака приобрѣла рѣшительную популярность въ Венгріи. Если людямъ, стоящимъ во главѣ этой партіи, удастся привести въ исполненіе свои убѣжденія, то политическій міръ обогатится новымъ, еще нигдѣ не бывавшимъ доселѣ явленіемъ, которое будетъ имѣть величайшій интересъ для публицистовъ Европы. Эманципація общества отъ государства, доведенная до крайнихъ предѣловъ, возможныхъ безъ ущерба для великаго начала законности и порядка,—вотъ въ чемъ заключается главная задача политическаго устройства этихъ странъ, въ которыхъ народности такъ перемѣшаны между собою, что политически раздѣлить ихъ нѣтъ никакой возможности, и такъ дорожатъ своею самостоятельностью, что никакая сила не подчинитъ ихъ на долго одну другой.

Большинство государственнаго совѣта сосредоточило свои усилія на томъ, чтобъ отстоять историко-политическую индивидуальность отдѣльныхъ земель. Нельзя, кажется, отрицать, что вопросъ о національностяхъ, дѣйствительно, какъ полагаютъ члены большинства, всего удобнѣе можетъ быть разрѣшенъ въ предѣлахъ историко-политической индивидуальности отдѣльныхъ странъ, а не внѣ ея. Держаться исторіи и историческихъ границъ всегда безопаснѣе нежели рѣшаться на новыя построенія, которыхъ успѣхъ неизвѣстенъ. Историческая индивидуальность австрійскихъ земель сложилась вслѣдствіе множества событій, въ которыхъ принимали участіе и географическіе и этнографическіе элементы. Но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ имѣть въ виду и главный характеръ нашего времени, главное отличіе его отъ предыдущихъ временъ, заключающееся въ пробужденіи національности. Если мы не ошпаемся, члены большинства, отстаивая историко-политическую индивидуальность отдѣльныхъ земель Австрійской монархіи, не вполне оцѣнили эту новую силу. Это можетъ особенно относиться къ венгерскимъ членамъ, и дальнѣйшія событія не замедлятъ показать, сумѣютъ ли Венгерцы удачно обойти эту величайшую трудность новаго устройства своей страны.

Что касается отношеній историко-политической индивидуальности отдѣльныхъ земель къ центральной власти, то мнѣніе большинства принято теперь австрійскимъ правительствомъ. Большин-

ство настаивало на томъ, чтобы вѣдомства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, были переданы автономіи отдѣльныхъ земель. Австрійское правительство обязалось отменить подлежащія министерства и уже приступило къ этому дѣлу. Прочія министерства остаются въ силѣ; отъ нихъ, говорили члены большинства, не страдает историко-политическая индивидуальность отдѣльныхъ земель. Сюда относится, во-первыхъ, министерство иностранныхъ дѣлъ. Сюда же относится, во-вторыхъ, министерство торговли, объ учрежденіи котораго государственный совѣтъ ходатайствовалъ, съ тою однакоже оговоркой, чтобы при учрежденіи этого министерства не были введены употребительныя доселѣ бюрократическія формы, соединенныя съ большими трудностями и издержками, а практическихъ результатовъ приносящія очень мало. «Есть министерства торговли, сказалъ графъ Баркоцъ, устроенныя очень практически. Не говоря уже о великой Англій, о которой здѣсь не можетъ быть рѣчи, я укажу на маленькую Бельгію и Голландію. Въ этомъ духѣ и на этихъ началахъ, оправдавшихся на опытѣ, желательнo видѣть устроенный и у насъ министерство торговли.» Вѣдомство финансовъ и военныхъ дѣлъ, по мнѣнію большинства, должно также составлять принадлежность центральной власти. На эти два вѣдомства указываетъ докладъ бюджетнаго комитета, упоминая о *великихъ политическихъ необходимостяхъ, отъ признанія которыхъ не можетъ уклониться ни одна изъ земель монархіи.* Редакція этого мѣста имѣетъ очень важное значеніе, потому что устраняетъ всякое сомнѣніе относительно того, распространяется ли это замѣчаніе и на Венгрію. *Ни одна изъ земель не можетъ уклониться отъ признанія того, что составляетъ политическую необходимость.* Слѣдовательно, не можетъ уклониться и Венгрія, а между тѣмъ до 1848 года Венгрія имѣла отдѣльные финансы и отдѣльное войско. Венгерскіе члены государственнаго совѣта рѣшились такимъ образомъ на важную уступку. Но такъ какъ они рѣшились на эту уступку отъ своего имени, а не отъ имени своей націи, то дѣло еще не можетъ считаться рѣшеннымъ. Въ Венгріи поднимаются теперь сильныя голоса противъ сліянія венгерскихъ финансовъ и венгерской военной силы съ австрійскими. Венгерцы хотятъ, чтобы финансы и рекрутскій наборъ зависѣли въ Венгріи отъ венгерскаго сейма, а не отъ общаго государственнаго совѣта, заседающаго въ Вѣнѣ и состоящаго изъ лицъ, отчасти избираемыхъ земскими сеймами, а отчасти назначаемыхъ властію императора.

Таково отношеніе отдѣльныхъ земель къ центральной власти, слегка намѣченное въ заключительномъ постановленіи государственнаго совѣта и признанное государственными актами 20

октября. Императоръ Францъ-Иосифъ рѣшилъ упразднить министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, и выразилъ намѣреніе учредить министерство торговли, впрочемъ такъ, чтобъ оно не имѣло административнаго характера. Предметы вѣдомствъ упраздненныхъ министерствъ будутъ переданы сеймамъ и мѣстнымъ управленіямъ королевствъ и коронныхъ земель монархін. Новыя мѣры по всѣмъ частямъ законодательства будутъ принимаемы не иначе какъ на основаніи соглашенія между короной и мѣстными сеймами, если эти мѣры относятся къ вѣдомствамъ упраздненныхъ министерствъ, или между короной и государственнымъ совѣтомъ, если касаются предметовъ, остающихся за центральнымъ правительствомъ. Содѣйствіе государственнаго совѣта объявлено необходимымъ для законодательства о монетной системѣ и кредитѣ, о пошлинахъ и торговлѣ, о банкахъ, выпускающихъ безпроцентные билеты, о почтѣ, телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ, о способахъ отбыванія рекрутской повинности, о введеніи новыхъ податей и сборовъ, объ увеличеніи существующихъ податей и сборовъ, о возвышеніи цѣны на соль, о заключеніи новыхъ займовъ, объ измѣненіи процентовъ по существующимъ займамъ, объ отчужденіи и отягощеніи государственныхъ недвижимыхъ имуществъ. Для всѣхъ этихъ законовъ требуется согласіе государственнаго совѣта, а не мѣстныхъ сеймовъ. Относительно бюджета постановлено, что бюджетъ расходовъ подлежитъ разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ, а о бюджетѣ доходовъ не упомянуто, изъ чего слѣдуетъ, что бюджетъ доходовъ не будетъ подлежать утвержденію государственнаго совѣта, если подати и сборы будутъ оставаться безъ увеличенія. Государственный совѣтъ не будетъ имѣть права отказывать правительству въ податяхъ и сборахъ, уже существующихъ. Ему не предоставлено той полной самостоятельности, которая составляетъ принадлежность настоящаго парламента. Руководители теперешняго движенія сами желали дать государственному совѣту такое скромное положеніе, чтобъ онъ не могъ затмить собой провинціальныя сеймы, и особенно, чтобъ венгерскій сеймъ не имѣлъ равносильнаго соперника. Впрочемъ, составъ государственнаго совѣта расширять, сообразно увеличившимся правамъ его. Число членовъ, избираемыхъ отъ королевствъ и земель, будетъ 100.

Права Венгріи восстановлены на основаніи ея историческихъ конституцій и прагматической санкціи 1713 года, за исключеніемъ только тѣхъ дѣлъ, которыя остались за центральнымъ правительствомъ и государственнымъ совѣтомъ. Венгерскіе комитаты съ ихъ самоуправленіемъ, венгерскій сеймъ и вѣнская венгерская канцелярія будутъ организованы по прежнему, съ тѣми только измѣ-

неніями, которыя оказываются необходимыми вслѣдствіе важнѣйшихъ изъ мѣръ, принятыхъ въ 1848 и 1849 годахъ. Сюда относятся: отмена привилегированнаго положенія дворянства, дарованіе всѣмъ права на государственную службу и на приобрѣтеніе поземельной собственности, отмена барщины и крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, а также и равное подчиненіе всѣхъ военной службѣ и государственнымъ налогамъ. Венгерскій сеймъ состоялъ до 1847 года изъ привилегированныхъ сословій и немногихъ представителей городовъ. Не возстановляя вполне законодательства 1848 года, императоръ предписываетъ пригласить въ Грань, древнюю столицу Св. Стефана, людей замѣчательныхъ по своему положенію, заслугамъ, талантамъ и общественному довѣрію, для составленія конференціи, которая, подъ предсѣдательствомъ архіепископа-примаса Венгріи, должна выработать временныя правила для выбора членовъ въ венгерскій сеймъ. Императоръ выразилъ желаніе, чтобъ эти приготовленія къ сейму были по возможности ускорены, дабы открытіе сейма и коронація венгерскаго короля могли совершиться въ непродолжительномъ времени. Выступъ съ возстановленіемъ венгерскаго сейма, въ составѣ, измѣненномъ сообразно новымъ обстоятельствамъ, возстановлена и венгерская канцеларія въ Вѣнѣ, также съ важнымъ измѣненіемъ противъ прежняго. Измѣненіе это состоитъ въ томъ, что венгерскій канцлеръ будетъ членомъ вѣнскаго министерства. Въ должность канцлера назначенъ баронъ Вай; вторымъ канцлеромъ назначенъ баронъ Сѣдъень.

Что касается земель, составлявшихъ принадлежность венгерской короны, то въ Хорватіи и Славоніи повелѣно созвать уважаемыхъ людей для разрѣшенія вопроса объ отношеніи этихъ странъ къ Венгріи, а для разрѣшенія вопроса объ отношеніи Сербской Воеводины и Темешскаго Баната къ Венгріи назначенъ особый комиссаръ, генералъ графъ Менсдорфъ-Пульи, который въ настоящее время уже оканчиваетъ свои порученія. Если вѣрять извѣстіямъ газетъ, то вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ въ пользу воссоединенія Воеводины и Баната съ Венгріей. Большинство народонаселенія этихъ областей, говорятъ, видитъ для себя болѣе гарантій, даже по вопросу о національностяхъ, въ тѣсной связи съ Венгріей нежели въ отдѣленіи отъ нея. Въ Воеводинѣ популярности Венгріи такъ велика теперь, что сербская газета *Позоръ* восклицаетъ: «Нѣтъ ни одного Сербъ, который бы желалъ, чтобы наша страна сохранила хоть имя Воеводины. Каждый изъ насъ видитъ, что теперешняя Воеводина была чистою насмѣшкой надъ сербскою націей и не приносила ей никакой пользы.» Венгрія, очевидно, находится теперь въ самомъ выгодномъ положеніи. Она пожинаетъ плоды ошибокъ австрійскаго

правительства, и если сама удержится отъ своихъ прежнихъ ошибокъ, то легко отстоитъ нераздѣльность своей короны, а можетъ-быть еще и упрочить свое единство съ Трансильваніей, для которой теперь оставленъ особый канцлеръ и возстановленъ ея сеймъ, на тѣхъ же основаніяхъ, которыя приняты относительно венгерскаго сейма.

Остальнымъ королевствамъ и землямъ Австрійской монархіи дипломъ 20 октября также общаетъ сеймы, но сношенія этихъ сеймовъ съ центральнымъ правительствомъ и короной будутъ происходить не черезъ отдѣльныхъ канцлеровъ, какъ установлено для Венгріи и Трансильваніи, а черезъ одного особеннаго министра, который получаетъ титулъ государственнаго министра. Этотъ министръ будетъ слѣдовательно стоять въ болѣе-независимомъ положеніи относительно отдѣльныхъ сеймовъ, нежели въ какое поставленъ венгерскій канцлеръ относительно венгерскаго сейма. Государственнымъ министромъ назначенъ бывший министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Голуховскій, вѣроятно чтобъ угодить дворянству вообще и въ особенности дворянству Галиціи. Впрочемъ ново-учрежденная должность государственнаго министра едва ли будетъ пользоваться популярностью. Государственный министръ будетъ общимъ посредникомъ между короной и всѣми сеймами не-венгерскихъ земель. Объ отвѣтственности его передъ отдѣльными сеймами не можетъ быть рѣчи. Относительно не-венгерскихъ земель можетъ повториться еще въ большей степени то явленіе, которое мы видѣли въ старое время въ Венгріи. Неотвѣтственный канцлеръ былъ постояннымъ препятствіемъ для всѣхъ новыхъ мѣръ, и законодательство почти вовсе не двигалось впередъ. Венгрія тяготилась этимъ положеніемъ и потерпѣла отъ него много вреда; неподвижность законодательства и чрезмерный консерватизмъ сдѣлались постояннымъ явленіемъ венгерской политической жизни, но въ Венгріи по крайней мѣрѣ было что сохранять, тогда какъ въ не-венгерскихъ областяхъ предстоитъ теперь многое создавать. Нельзя поэтому много удивляться, если уже теперь слышатся голоса, особенно изъ Богеміи, требующіе, чтобы при каждомъ провинціальномъ сеймѣ былъ отвѣтственный передъ сеймомъ канцлеръ, засѣдающій въ имперскомъ совѣтѣ министровъ. Замѣтимъ еще, что въ государственномъ министерствѣ будетъ учреждено особое отдѣленіе для Хорватіи и Славоніи. Въ этомъ отдѣленіи общано, правда, предоставитъ всѣ мѣста людямъ хорватскаго и славонскаго происхожденія, но уравненіе Хорватіи и Славоніи, странъ, составлявшихъ принадлежность венгерской короны, съ землями не венгерскими не понравится Венгріи и, вѣроятно, не понравится даже и королевствамъ Хорватіи и Славоніи. Трансильванія будетъ имѣть своего

канцлера; Хорватія и Славонія едва ли удовольствуются ново-объединеннымъ отдѣленіемъ въ государственномъ министерствѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, онѣ уже просятъ объ особой канцеляріи и особомъ канцлерѣ.

Признаніе равенства національностей и полной свободы вѣроисповѣданій подтверждено государственными актами 20 октября. Православная церковь, еще доселѣ не принадлежавшая въ Венгріи къ числу вѣроисповѣданій, признаваемыхъ закономъ, поставлена теперь на равныхъ правахъ съ другими христіанскими вѣроисповѣданіями и получила самоуправленіе. Въ Германштадтѣ и Карловицѣ созваны теперь православные синоды. Католическое духовенство въ Венгріи показываетъ самое лучшее настроеніе. Въ числѣ лицъ, которыхъ самъ примасъ Венгріи выбралъ для грацской конференціи, есть очень много протестантовъ. Вопросъ о языкѣ совершенно предоставленъ въ Венгріи самоуправленію. Возстановляя мадьярскій языкъ въ Пештскомъ университетѣ, Францъ-Юсифъ не забылъ и древняго университета Ягеллоновъ. Рескриптомъ, даннымъ на имя графа Голуховскаго, новоназначеннаго государственнаго министра, императоръ поручаетъ ему особенно заняться возстановленіемъ Краковскаго университета въ его прежнемъ значеніи. Замѣтимъ здѣсь кстати, что члены изъ Галиціи были въ государственномъ совѣтѣ предметомъ особеннаго вниманія. Изъ всѣхъ членовъ государственнаго совѣта, избранныхъ въ бюджетный комитетъ, всего болѣе голосовъ получилъ г. Краинскій. Онъ и гг. Старовѣйскій и Полянскій дѣятельно защищали интересы своей народности, и графъ Сеченъ, въ своей главной рѣчи, посвятилъ Галиціи особый отдѣлъ, въ которомъ, не называя Галиціи по имени, говорилъ о ней съ чувствомъ очень деликатнымъ.

Новое устройство не-венгерскихъ земель во многомъ будетъ зависетьъ отъ сеймовыхъ статутовъ, теперь изготовляемыхъ. До сихъ поръ обнародованы статуты для Каринтіи, Штирии, Зальцбурга и Тироля; они не съ сочувствіемъ были приняты общественнымъ мнѣніемъ, и дѣйствительно, они черезчуръ отзываются средними вѣками. Подождемъ появленія остальныхъ статутовъ, чтобы подробнѣе говорить о нихъ, а теперь пока замѣтимъ вообще, что по всѣмъ признакамъ судьба не-венгерскихъ земель сосредоточится въ рукахъ дворянства этихъ земель, и на немъ будетъ лежать отвѣтственность за дальнѣйшія ходы событій. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что аристократія будетъ въ Австріи ближайшею наследницею бюрократіи. Будетъ ли дѣйствовать аристократія какъ высшій классъ, представляющій собой всю націю и всѣ земскіе интересы, или она предпочтетъ явиться опять съ характеромъ сословія, противополо-

гающаго себя другимъ сословіямъ? Отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависятъ теперь и судьбы самого австрійскаго дворянства и судьбы всей Австріи. Въ государственномъ совѣтѣ магнаты высказывались по большей части въ хорошемъ духѣ; въ статутахъ, доселѣ обнародованныхъ, уже вѣетъ другой духъ; въ имперіи богемскаго дворянства не принимать участія въ сельскихъ общинахъ и стоять особнякомъ, образуя изъ себя отдѣльную дворянскую общину, видно уже совершенное отчужденіе отъ земства. Что будетъ далѣе? Самоуправленіе и муниципальныя учрежденія могутъ только тогда съ успѣхомъ замѣнить собой бюрократическую опеку, когда имѣютъ не сословный, а общій земскій характеръ.

ТУРЦІЯ И СИРІЯ.

Страшныя сцены рѣзни, театровъ которыхъ была Сирія въ іюлѣ нынѣшняго года, опять выдвинули на первый планъ такъ-называемый восточный вопросъ и вмѣстѣ показали, что этотъ вопросъ можетъ вызвать новыя столкновенія европейскихъ государствъ. Европа приняла на свою отвѣтственность сохранить Турцію до тѣхъ поръ, пока ея мѣсто можетъ занять что-либо другое, пока не созрѣютъ для этого новыя элементы. Турецкое правительство есть не болѣе какъ юридическая фикція; къ нему неприменимо понятіе о возрожденіи, — оно представляетъ собою только внѣшнюю силу, которая подражаетъ болѣе или менѣе правительственной власти европейскихъ государствъ, но которая никогда не можетъ найти для себя какое-либо европейское основаніе. Замѣчательно, что сами Турки не имѣютъ никакого понятія объ отечествѣ: первый завоеватель можетъ собрать въ предѣлахъ Турціи цѣлую армию, которая станетъ подъ его знамя, подобно тому, какъ Англичане набирали свои войска изъ Индѣйцевъ и даже изъ Китайцевъ, ведя войну въ Индіи и Китаѣ. О внутренней связи правительства съ народомъ не можетъ быть и рѣчи; народъ повинуется, но не живетъ государственною жизнью, онъ состоитъ изъ племенъ, ненавидящихъ другъ друга и употребляющихъ турецкую власть какъ орудіе во взаимной враждѣ. Въ однихъ провинціяхъ это орудіе обходится очень дорого, за него платятъ тяжелый налогъ; въ другихъ частяхъ дѣло ограничивается тѣмъ, что въ присутствіи пашы, въ торжественныхъ случаяхъ читается ин-

веститура султана, или только тѣмъ, что султану докладывается о важныхъ принимаемыхъ тамъ правительственныхъ мѣрахъ.

Такимъ образомъ турецкое правительство вездѣ является формою, условнымъ предположеніемъ. Вмѣсто султана дѣйствуютъ представители европейскихъ государствъ; они даютъ ему совѣты въ дѣлахъ внутренняго управленія, они обѣщаютъ войско для поддержанія власти султана, они судятъ своихъ единоземцевъ, требуютъ вознагражденія за ихъ обиды, и проч. Этотъ европейскій судъ и европейская власть имѣютъ такую привлекательность, что турецкіе «подданные» годъ за годомъ покидаютъ свое подданство и становятся подъ покровительство иностранныхъ посланниковъ. Въ нынѣшнемъ году, 14 сентября, турецкое правительство разослало меморандумъ къ иностраннымъ дворамъ, въ которомъ объявлено о мѣрахъ, принятыхъ имъ, для того чтобъ остановить частый выходъ изъ подданства Турціи. Такъ, всѣ лица, вышедшія изъ турецкаго подданства, подчинены турецкимъ законамъ по дѣламъ, возникшимъ до перемѣны ихъ національности; они не наследуютъ послѣ оттоманскихъ подданныхъ и обязаны оставить имперію въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, а также продать въ этотъ срокъ свою недвижимую собственность. Неизвѣстно, на сколько будутъ дѣйствительны подобныя мѣры, и въ какой степени онѣ остановятъ турецкихъ подданныхъ; но появленіе меморандума доказываетъ, что выходъ изъ подданства принимаетъ большіе размѣры, и что очень выгодно жить въ Турціи, не подчиняясь ей правительству. Въ дипломатическихъ нотахъ слишкомъ часто говорится о независимости султана, хотя это вѣжливое выраженіе нисколько не измѣняетъ существа дѣла; всѣмъ извѣстно, что если перемѣняются министры въ Константинополѣ, то эта перемѣна зависитъ отъ того, какой изъ европейскихъ посланниковъ въ данное время получилъ перевѣсъ, или какому двору желаетъ угодить султанъ. Въ Константинополѣ отражается вся сложная игра европейской дипломатіи, которой здѣсь самое обширное поле для дѣятельности. Истинная власть въ Турціи принадлежитъ европейскимъ державамъ. Въ этомъ положеніи дѣла есть много опаснаго, но оно необходимо до тѣхъ поръ, пока новая жизнь не пробьется наружу съ такою силой, что внѣшнія средства сдержатъ территоріальное единство нынѣшней Турціи окажутся бесплодными и незаконными. Дипломатическая фикція о власти султана и о турецкомъ правительствѣ можетъ быть допущена какъ необходимая временная, но только въ такой мѣрѣ и въ такомъ объемѣ, чтобы не мѣшать развитію того элемента, который дѣйствительно способенъ къ возрожденію и къ организаціи прочной; дипломатія въ правѣ поддерживать единство Турціи, но только подъ условіемъ, что это средство временное, и

что необходимо обращать вниманіе на будущее. Интересъ Европы состоитъ не въ томъ, чтобъ усиливать турецкое правительство, а въ томъ, чтобъ окончательное разрушеніе его произошло вѣремя, и чтобъ этотъ кризисъ совершился, по возможности, съ наименьшими пожертвованіями. Мы понимаемъ откровенное выраженіе одного корреспондента парижской газеты *La Presse*: «Конечно, говорить онъ съ негодованіемъ, никто не ожидалъ, чтобы рѣзня въ Сиріи, гдѣ на сцену выступали турецкіе солдаты, турецкіе полковники, турецкіе паши, чтобъ эта рѣзня обратилась въ пользу турецкаго вліанія въ этой несчастной странѣ. Однакожь, кажется, Фуадъ-паша готовитъ намъ этотъ сюрпризъ.»

Дѣйствительно, это будетъ сюрпризъ для Европы, гдѣ общество не вѣрится въ живучесть турецкаго правительства и всякое новое усиленіе его встрѣчаетъ неблагоклонно, если только при этомъ не замѣшаются какіе-либо особые личные счеты, удача или неудача одного изъ правительствъ. Даже въ Англіи, гдѣ общественное мнѣніе высказывалось прежде въ пользу поддержанія Турціи, теперь смотрятъ на это дѣло иначе. «Пора покончить съ Турціей», такимъ восклицаніемъ начинается одна изъ статей пальмерстоновскаго журнала *Morning Post*; а г. Глэдстонъ въ честерской рѣчи своей указалъ на близость великой катастрофы на Востокъ. «Мы напрасно стали бы обманывать себя, говорилъ онъ, еслибы вздумали оставить безъ вниманія, что война съ Россіей вовсе не была возрожденіемъ Турціи, и что Европѣ остается еще много сдѣлать въ этой части земли, для того чтобы причины зла исчезли, и чтобы политическій горизонтъ прояснился. Какіе вопросы возникнутъ по поводу этого громаднаго дѣла, когда и какъ они возникнутъ, на которой сторонѣ вы очутитесь, и кто будетъ противъ васъ,—я не знаю.»

Одинъ изъ частныхъ вопросовъ этого дѣла уже возникъ теперь. Европа была встревожена вѣстью объ истребленіи христіанъ въ Сиріи, въ тѣхъ городахъ, гдѣ находились турецкіе гарнизоны, и теперь тревожится мыслью о томъ, какъ предотвратить повтореніе подобнаго рода ужасовъ на будущее время. Европа уже одинъ разъ, именно въ 1840 году, завоевала Сирію для Турціи у Мехмета-Али, паша египетскаго, который владелъ ею около десяти лѣтъ. И что же? Черезъ двадцать лѣтъ потомъ Европа принуждена поручить французскимъ войскамъ умиротвореніе Сиріи, необходимо открывать вездѣ подписки въ пользу ея жителей, пришлось пострадать отъ приостановленія торговли съ этою страной, и—что важнѣе всего—узнать о восьми тысячахъ новыхъ жертвъ турецкой анархіи. Это значитъ платить

слишкомъ дорого за дипломатическое изобрѣтеніе единой Турціи. Кто поручится въ томъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ не забудется страхъ, внушенный теперь иностранными войсками, и что не повторятся июльскія сцены?

Узкая полоса земли, идущая вдоль Средиземнаго моря и разрѣзанная параллельно ему горами, по своему географическому положенію весьма важна для государствъ европейскихъ; она примыкаетъ къ долинѣ Евфрата, слѣдовательно можетъ служить удобнымъ путемъ въ Индію, путемъ, который уже одинъ разъ былъ избранъ Наполеономъ I; она примыкаетъ далѣе къ новому всемірному пути, который можетъ открыться съ прорытіемъ Суэскаго канала. Все это условія, весьма важныя для Европы вообще и для Англіи въ особенности. Эти условія заставили лорда Пальмерстона, въ 1840 году, такъ настойчиво дѣйствовать въ пользу присоединенія Сиріи къ Турціи. Такъ-называемыя сирійскія пустыни остаются въ этомъ положеніи только вслѣдствіе безпечности Турокъ; въ другихъ рукахъ онѣ могли бы составить источникъ огромныхъ богатствъ. Все здѣсь остается въ томъ же видѣ, въ какомъ было нѣсколько вѣковъ тому назадъ: и земля, и жители; «въ Сиріи ничто не исчезло и ничто не развилось.» На 28.000 квадратныхъ миль англійскихъ приходится только два милліона жителей. Изъ нихъ 1.200.000 мусульманъ, 700.000 христіанъ, около 80.000 Друзовъ и 24.000 Евреевъ. Эти главные вѣроисповѣданія имѣютъ еще свои подраздѣленія. Такъ Маронитовъ-христіанъ считается до 250.000; остальные христіане принадлежатъ къ униатамъ (40.000) и къ греческой церкви. Что касается до Друзовъ, то о нихъ и объ ихъ религіи, составляющей безобразную смѣсь язычества съ магометанскими и христіанскими вѣрованіями, мы имѣли случай говорить подробно при первыхъ извѣстіяхъ о событіяхъ въ Сиріи.

Всѣ эти племена ненавидятъ другъ друга; даже мусульмане шиитскаго и суннитскаго толка находятся въ непримиримой враждѣ между собою и заодно презираютъ Евреевъ; мусульманская пословица говоритъ: «Въ день страшнаго суда, Евреи поѣдутъ въ адъ верхомъ на спинѣ Езидовъ» (1). Къ христіанамъ они питаютъ глухую ненависть, но боятся ее высказывать. Племенной и религіозной враждѣ жителей Сиріи былъ полный просторъ, при томъ управленіи, которое существовало въ странѣ. Паши, посланные изъ Константинополя, не выѣзжали изъ Дамаска и Сень-Жанъ-д'Акра и интриговали другъ противъ друга; строгая диктатура, введенная Мехметомъ-Али Египетскимъ, по свидѣтельству

(1) Секта, живущая въ Сиріи и Курдистанѣ,—поклонники Сатаны.

нѣкоторыхъ, еще болѣе деморализировала народонаселеніе, а новое управленіе турецкое не въ состояніи было исправить зла. Это управленіе должно было соответствовать общей системѣ управленія имперіею. Извѣстно, что въ послѣднее время Турція ловила призракъ государственнаго порядка въ безуспѣшныхъ стремленіяхъ къ строгой и сильной централизаціи.

По этому случаю мы приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ статьи г. Ксавье Ремона, напечатанной въ *Revue des Deux Mondes*, тѣмъ болѣе что все сказанное имъ о Сиріи почти въ равной степени примѣняется и къ другимъ провинціямъ Турціи. Слѣдующими чертами рисуетъ французскій публицистъ теперешнее управленіе Сиріи:

«Изъ боязни, чтобы не явились вновь эти феодалы, эти пашы, которые возмущались такъ часто, введена организація, основанная на раздробленіи власти, и это раздробленіе доведено до такой степени, что власть уничтожена совершенно. Мѣстная аристократія замѣнена бюрократіею; чиновниковъ стараются перемѣнять ежегодно и никогда не оставляютъ ихъ на мѣстѣ родины, такъ что они оказываются повсюду безъ кредита, безъ корней, безъ будущности. Къ этому присоединяется еще новое зло: большая часть ихъ, можно сказать, почти все люди безнравственные и безъ образованія. Создавая систему, не позаботились о людяхъ, необходимыхъ для ея исполненія; всѣ были въ такомъ восторгѣ отъ централизаціи, что воображали, будто необходимо для полнаго успѣха ея дѣлать всѣ назначенія въ Константинополѣ. Это значило поставить всѣ мѣста въ зависимость отъ гарема, или отъ милости какого-нибудь вліятельнаго пашы, или отъ его креатуръ. Вотъ почему, можно сказать, почти всѣ мѣста продаются, и чиновники держатся на нихъ, уплачивая по начальству значительную сумму. Въ послѣднемъ результатѣ, централизація, которая составляетъ тягость для самыхъ образованныхъ государствъ, въ Турецкой имперіи служитъ причиною безчисленныхъ золъ. Лишь въ одномъ успѣла она до сихъ поръ какъ нельзя лучше: она усовершенствовала подкупы и продажность. На Западѣ противъ недостойнаго выбора лицъ, которыми воспользовалась бы централизація, существуетъ множество препятствій. Такъ напримѣръ необходимо имѣть университетскую степень для занятія административныхъ мѣстъ, или получать эти мѣста не иначе какъ по конкурсу; сюда же относятся законы о повышеніи въ должностяхъ и въ особенности существованіе средняго класса, многочисленнаго, богатаго и образованнаго, при которомъ правительство, изъ опасенія упасть слишкомъ низко, принуждено выбирать людей, стоящихъ не ниже общаго уровня по своимъ знаніямъ, образованію и нравственности. На Вос-

стокъ не существуетъ ничего подобнаго; и еслибы тамъ появился новый Калигула, то я, право, не знаю, что помѣшало бы ему сдѣлать свою лошадь консуломъ или *муширомъ* какой-нибудь провинціи. Но это безпорядочное всемогущество власти стоить очень дорого, и, такъ какъ крайности сходятся, — истина, имѣющая силу равно на востокъ какъ и на западъ, — оно покупается цѣною уваженія къ самой власти и ея дѣйствительности. Власть желала имѣть слугителей, которые не могли бы противиться ей ни въ какомъ случаѣ, и она получила такихъ, которые ничему не могутъ противиться. Чиновники, удивленные своимъ собственнымъ положеніемъ, понимаютъ ничтожество, изъ котораго они вышли, и въ которое они могутъ легко обратиться снова при первой переменѣ вѣтра въ Константинополѣ. Они думаютъ только о томъ, какъ бы оградить себя отъ слишкомъ вѣроятныхъ случайностей въ будущемъ и обогатиться насчетъ управляемыхъ, которые имъ незнакомы, или насчетъ правительства, которое завтра изгонитъ ихъ изъ своей среды. Къ несчастію, очень многіе изъ нихъ получили мѣста такими путями, которыхъ они сами стыдятся, и несмотря на свою мусульманскую гордость, сознаютъ свое униженіе. Они смѣлы только на интриги, во всемъ остальномъ они робки, и при разложеніи государства, выказываютъ позорную слабость преимущественно въ отношеніи къ иностранцамъ и къ христіанскимъ подданнымъ имперіи, въ которыхъ, какъ имъ извѣстно, Европа принимаетъ живое участіе. Правительство такимъ образомъ парализовано на всѣхъ степеняхъ административной іерархіи, начиная отъ послѣдняго *каваса* и восходя до самого султана.»

Понятно, что такая, хотя и сложная административная машина не была страшна, и что безпорядки были безчисленны. Безопасности личной не существовало вовсе, такъ что офиціальный караванъ, ежегодно отправляющійся въ Мекку, долженъ былъ по дорогѣ платить подать, чтобъ избѣжать разграбленія. Христіане, опираясь на покровительство своихъ консуловъ, а отчасти на свое богатство, ставили ни во что жалкихъ турецкихъ чиновниковъ, и если вѣрить разказамъ корреспондентовъ, открыто презирали «высокія власти»; католическій епископъ Тобія съ кафедрой церковной проповѣдывалъ изгнаніе Турокъ, а одного изъ мѣстныхъ купцовъ, г. Фрейи во время смуты Друзы хотѣли убить, какъ самаго злаго врага своего. При погодной подкупности чиновниковъ, весьма естественно, что на людей богатыхъ падала ненависть, потому что въ нихъ могли видѣть дѣйствительныхъ властелиновъ. Пріѣздъ Фуадъ-паша, слѣдствіе и судъ, произведенные имъ, не въ состояніи исправить зла; необходима радикальная реформа. Между тѣмъ Фуадъ-паша, воспользовавшись

случаемъ, опираясь на войско, присланное Европой въ интересахъ челоуѣколюбія, сдѣлалъ еще новый шагъ на пути централизаціи турецкой. Онъ совершенно инкорпорировалъ друзскій каймаканатъ, раздѣливши его на четыре округа и назначилъ въ нихъ начальниковъ или *мушироовъ*. Фуадъ-паша, по словамъ корреспондента *La Presse*, имѣеть въ виду сдѣлаться намѣстникомъ Сиріи, принявши въ свое управленіе два округа; другіе два, то-есть, каймаканатъ христіанскій, онъ хочетъ передать Юссефъ-Карамъ-бею, молодому Марониту, который пользуется большимъ вліяніемъ и уваженіемъ.

Можеть-быть, эти смѣлые замыслы Фуадъ-паши были причиною того, что онъ показалъ большую дѣятельность при открытіи виновныхъ; ему необходимо было не только приобрести довѣріе сирійскихъ христіанъ, но и доказать Европѣ, что онъ сумѣеть сохранить спокойствіе въ Сиріи на будущее время. Казни слѣдовали одна за другою. Всего до 21 сентября было повѣшено 70 челоуѣкъ, разстрѣляно 115, приговорено къ пожизненной каторжной работѣ 147, къ временной 186, и осуждено на изгнаніе 248 челоуѣкъ. Эти цѣны сами по себѣ довольно значительны, но трудно поручиться, чтобы приговоръ надъ всеми лицами былъ вполне справедливъ. При всеобщемъ смятеніи трудно было различить виновныхъ отъ невижныхъ; теперь должники дѣлають показанія противъ своихъ кредиторомъ, чтобы избавиться отъ уплаты долговъ, съ другой стороны дѣйствительныя улики опровергаются свидѣтелями. Такъ напримѣръ, по словамъ корреспондента *Times*, русскій консулъ, г. Макъевъ, началъ обвиненіе противъ одного мусульманина и представилъ очень сильныя улики; но тотъ, къ удивленію даже самихъ турецкихъ властей, представилъ свидѣтельство двухъ христіанъ, которые утверждали, что онъ спасъ многихъ изъ нихъ. Какъ видно, сирійскихъ христіанъ также легко купить, какъ и турецкихъ чиновниковъ. Европейскіе консулы такъ мало довѣряють Фуадъ-пашѣ, что посылали своихъ шпионовъ удостовѣриться, дѣйствительно ли казненъ Ахмедъ-ага, или вмѣсто него поставилъ кого-нибудь другаго. При слѣдствіи присутствуютъ также консулы и бывають свидѣтелями того, какъ часто показанія подсудимыхъ извращаются въ протоколѣ. Всѣ виновные въ недѣятельности власти отговариваются страхомъ; они приводятъ предшествовавшіе примѣры, изъ которыхъ видно, что всѣ, кто вмѣшивался въ религіозную вражду, заплатились за это очень дорого. Впрочемъ, этотъ турецкій судъ можетъ внушить страхъ, который теперь необходимъ. Но безъ помощи Французовъ, и этого не могло бы достигнуть турецкое правительство: у него тамъ не болѣе 7.000 войска, такъ что французскій шестысячный корпусъ, прибывшій 15 сентября подъ начальствомъ генерала Бюора,

былъ необходимъ. Изъ тридцати пяти друзскихъ шейховъ только четырнадцать явились на призывъ суда, остальные укрылись въ Гауранъ, куда послѣдовали за ними Французы. Спокойствіе далеко еще не можетъ считаться возстановленнымъ: уже 31 октября, едва только Фуадъ-паша выѣхалъ изъ Дамаска, какъ въ этомъ городѣ снова началась рѣзня. Сирія до сихъ поръ представляетъ самое грустное зрѣлище. Въ Дамаскѣ магазины всѣ заперты, кофейни превращены въ казармы. Христіанскій кварталъ остается въ развалинахъ; греческая церковь и при ней находившіяся русскія школы уничтожены; церковная утварь и все серебро похищено. Г. Бужадъ пишетъ, что въ Деиръ-эль-Камаръ до сихъ поръ остаются непогребенными двѣ тысячи христіанскихъ труповъ; французскіе солдаты, по его словамъ, не могли удержаться отъ слезъ при этой картинѣ. Въ городахъ бродятъ толпы нищихъ - христіанъ, и помощь, оказываемая имъ, далеко недостаточна. Фуадъ-паша, выгнавши мусульманъ изъ ихъ жилищъ, далъ пріютъ шести тысячамъ христіанъ; англо-американскій фондъ содержитъ до 30.000 христіанъ; изъ Франціи прислано 730 тысячъ рублей и проч. Но всѣ эти суммы едва только спасаютъ отъ голодной смерти, и не удовлетворяютъ самымъ первыми потребностямъ. Въ довершеніе всего Фуадъ-паша потребовалъ въ Алеппѣ съ христіанъ около 50.000 руб. сер. за освобожденіе ихъ отъ военной службы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что турецкое правительство не въ состояніи вознаграждать и десятой доли убытковъ, понесенныхъ христіанами. Финансы имперіи въ такомъ дурномъ состояніи, что армія не получала жалованья за три мѣсяца. Много говорили о займѣ, который будто бы реализуется г. Ротшильдомъ, во сто милліоновъ рублей; но до сихъ поръ ничего опредѣленнаго объ этомъ займѣ неизвѣстно. У константинопольскихъ банкировъ сдѣланъ заемъ въ 45 милліоновъ піастровъ (3.000.000 р. сер.) на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Камнеили ассигнаціи упали значительно въ цѣнѣ; онѣ возвысились было на 12% вслѣдствіе слуховъ о займѣ, но потомъ снова упали. Вообще всякій разъ, когда заключается новый заемъ въ Турціи, дается обѣщаніе, что онъ имѣетъ цѣлю выкупъ камне; но потомъ, неизвѣстно какимъ образомъ, деньги идутъ на другіе предметы, преимущественно на содержаніе двора, что очень легко, при отсутствіи опредѣленнаго бюджета на дворъ; покупаются драгоценныя вещи, которыя потомъ исчезаютъ неизвѣстно куда. Такъ недавно въ сералѣ исчезъ золотой столъ съ инкрустаціями изъ драгоценныхъ камней. Англичане особенно негодуютъ на такую безплодную трату денегъ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ ихъ согражданъ, г. Фальконеттъ, состоитъ членомъ комиссіи уничтоженія камне, и всѣ его

условія въ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ оставались напрасными; новыя каменныя выпускаются въ обращеніе безъ вѣдома публики, которая узнаетъ о новомъ выпускѣ только по упадку ихъ цѣны. Одно лишь предпріятіе, дѣйствительно полезное, приведено теперь къ окончанію, но и то Англичанами и на англійскіе деньги: мы разумѣемъ желѣзную дорогу отъ Черноводы до Кюстенджы, открытую съ 1-го ноября. Эта дорога соединитъ Дунай съ Чернымъ моремъ, такъ что путь сокращается на 500 верстъ и товары не должны проходить черезъ Сулѣнское гирло, которое, несмотря на все условія, все болѣе и болѣе заносится пескомъ.

Неизвѣстно, какой результатъ будетъ имѣть новое предложеніе главныхъ европейскихъ дворовъ относительно финансовыхъ и административныхъ реформъ въ Турціи. Европейскіе дворы согласились наконецъ предложить планъ такихъ реформъ и настаивать на его исполненіи. Турецкому правительству переданъ былъ этотъ планъ черезъ англійскаго посланника сэръ-Герта Литтона Бульвера, и оно отвѣчало готовностію исполнить желаніе Европы; но эта готовность высказывается не въ первый разъ и до сихъ поръ не вела ни къ чему; турецкіе министры сначала принимались за дѣла, но скоро потомъ все входило въ прежнюю колею...

Что касается собственно до Сиріи, то дипломатія не высказалась еще о будущности этой страны. Повидимому, Франція желаетъ продлить пребываніе въ ней своихъ войскъ; англійскій флотъ сосредоточенъ въ Корфу, чтобы быть готовымъ на всякій случай; долина Евфрата такой важный пунктъ для Англичанъ, что они не могутъ остаться равнодушными къ ея занятію. Вопросъ долженъ разрѣшиться скоро, потому что приближается послѣдній срокъ пребыванія французскихъ войскъ, означенный въ конвенціи.

Но въ европейскомъ обществѣ и въ его органахъ высказано было нѣсколько предположеній о томъ, какъ устроить Сирію. Въ *Times* предлагаютъ образовать изъ нея отдѣльное государство и отдать власть Абдель-Кадеру или кому-либо изъ членовъ царствующаго теперь дома въ Дордъ Стратфордъ-Редклиффъ полагаетъ достаточнымъ учредить общеевропейскую комиссію, которая наблюдала бы за турецкими дѣлами и управляла ими. Наконецъ *Morning Post* советуетъ дать автономію Друзамъ и Маронитамъ и предоставить смѣшанному суду, избранному отъ той и отъ другой стороны, замѣреніе Ливана и приговоръ надъ виновными въ послѣдней рѣзнѣ.

Изъ всѣхъ этихъ плановъ, самостоятельность Сиріи едва ли не лучше всего разрѣшаетъ вопросъ. Самоуправленіе Друзовъ и

Маронитовъ само по себѣ весьма полезно, но необходимо дать его и другимъ племенамъ, населяющимъ Сирію; притомъ оно не противорѣчитъ существованію независимаго государства, которое могло бы пожалуй служить нейтральнымъ барьеромъ для огражденія англійской Индіи. Но это новое государство необходимо избавить отъ всякаго вассальнаго отношенія къ Турціи, иначе его владѣтель будетъ постоянно подъ грозою константинопольскихъ интригъ.

УСТАНОВЛЕНІЕ НОВАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЪ НЕАПОЛѢ.

Седьмое ноября было днемъ окончательнаго присоединенія бывшаго королевства Обѣихъ Сицилій къ Италіи. «Послѣдній король сардинскій», какъ называютъ его теперь Англичане, имѣлъ торжественный вѣздъ въ Неаполь. Гарибальди съ своимъ министерствомъ представилъ королю въ тронной залѣ плебисцитъ, и г. Конфорти произнесъ слѣдующую рѣчь: «Государь, народъ неаполитанскій провозгласилъ васъ своимъ королемъ. Девять миліоновъ Италіянцевъ присоединяются къ остальнымъ провинціямъ, которыми вы мудро управляете; они оправдываютъ ваше торжественное обѣщаніе, что Италія должна принадлежать Италіянцамъ.» Въ тотъ же день министерство диктатора подало въ отставку, и новое правительство, съ г. Фарини во главѣ, начало свою дѣятельность.

Итакъ, правленіе Гарибальди и его призваніе въ настоящую минуту окончилось; диктаторъ удался на время съ политическаго поприща; по его выраженію, «достигнута цѣль, которую имѣла національная война», и потому власть передается въ руки «того короля, которому, по волѣ Промысла, выпало счастье образовывать одну семью изъ отдѣльныхъ провинцій италіянскаго отечества.» Гарибальди извѣстилъ объ этомъ сентджемскій и тюльерійскій дворы чрезъ своихъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, подписалъ послѣдніе декреты о передачѣ своей власти, и отправился на свой островокъ Капреру. Этотъ островокъ находится недалеко отъ Эльбы, куда, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, одинъ изъ великихъ политическихъ дѣятелей нынѣшняго столѣтія удался съ своими неисполненными замыслами, и откуда онъ вышелъ на послѣднюю борьбу.

Гарибальди оставилъ политическую дѣятельность, также не исполнѣ совершивши дѣло, которому отдалъ всего себя. Ему не суждено было провозгласить единство Италіи съ высоты Квиринала; Римъ и Венеція политически все еще остаются внѣ Италіи, дѣло еще не кончено, но въ настоящую минуту оно не могло идти далѣе, и Гарибальди передалъ его въ другія руки, въ которыя съ полною увѣренностію можно передать не только единство, но и свободу Италіянцевъ. Въ дѣлѣ государственнаго строенія необходимо не только разрушать, но и созидать; и Пиемонтъ, на опытѣ доказавшій свою творческую силу, лучше всего можетъ утвердить прочное зданіе Италіи, положивши ему въ основаніе тѣже великія политическія начала, которыя оказали уже свое благотворное вліяніе въ одной части полуострова. Теперь уже разрушено достаточно, и есть мѣсто, гдѣ строить. Будущій годъ начнется для полуострова открытіемъ италіянскаго парламента; къ 1-му января-приготавливается въ Туринѣ новая зала, способная помѣстить всѣхъ депутатовъ отъ вновь-присоединенныхъ провинцій. Общеиталіянскій парламентъ утвердитъ Италію, и послужитъ для нея самою прочною формою признанія.

Южная Италія съ почетомъ проводила того, кто былъ представителемъ силы разрушающей, и съ восторгомъ пріивѣтствовала тѣхъ, кто пришелъ для созиданія, и кого она призвала единогласно. Личность Гарибальди осталась чистою отъ всякаго упрека въ эгоизмъ или въ мелкихъ страстяхъ; ему выпало на долю стать во главѣ революціи, но онъ не видѣлъ конечной цѣли въ революціи, и какъ скоро въ состояніи былъ отказаться отъ нея, онъ отказался. Онъ съ такимъ самоотверженіемъ служилъ своему дѣлу, что король Викторъ-Эммануэль не рѣшился предложить ему никакой награды; пришлось награждать помощниковъ главнаго вождя народнаго движенія, обходя наградами его самого. Король, вся Италія—и не одна Италія—почтили Гарибальди выраженіемъ своего сочувствія и удивленія къ его личнымъ качествамъ, и приняли на себя обязанность доказать, что его дѣло не было безцѣльнымъ потрясеніемъ порядка; на нихъ лежитъ теперь отвѣтственность въ оправданіи Гарибальди.

Эту мысль высказалъ король Викторъ-Эммануэль въ своей прокламаціи къ народу. «Всеобщая подача голосовъ, сказано здѣсь, вручаетъ мнѣ верховную власть надъ провинціями Неаполя и Сициліи. Я принимаю это постановленіе народной воли не изъ честолюбія, но по сознанію, что я Италіянецъ. Мои обязанности и обязанности всѣхъ Италіянцевъ увеличиваются. Больше чѣмъ когда-либо необходимы полное согласіе и постоянное самоотверженіе. Всѣ партіи обязаны съ преданностію прекло-

нитесь передъ величіемъ Италіи, которой помогаетъ Господь. Здѣсь мы должны установить правительство, которое обезпечиваетъ свободную жизнь народамъ и строгую прямоту общественному мнѣнію. Я полагаюсь на энергическое содѣйствіе всѣхъ честныхъ людей. Повсюду, гдѣ законъ ограничиваетъ произволъ власти и обезпечиваетъ свободу, правительство можетъ сдѣлать многое для общаго блага, а народъ для своего усовершенствованія. Мы обязаны доказать Европѣ, что если неотразимою силой событій уничтожены трактаты, поддерживавшіе вѣковое несчастіе Италіи, то мы умѣемъ возстановить въ соединенномъ народѣ господство тѣхъ непреложныхъ началъ, безъ которыхъ всякое общество находится въ болѣзненномъ состояніи и всякая власть непрочна.»

Это цѣлая программа, съ которою король обращается не къ одной Италіи, но и ко всей Европѣ. Умиротвореніе полуострова и его разумная политическая жизнь становятся теперь болѣе чѣмъ когда-либо возможны, и потому всѣхъ занимаетъ вопросъ: прочно ли утвердилась конституціонная власть Виктора-Эммануэля въ южной Италіи, съ какими элементами предстоитъ ей бороться, и на сколько вѣроятна ея побѣда?

На первый разъ, хотя положеніе дѣлъ не обрисовалось еще въ рѣзкихъ чертахъ, однако новой власти уже приходится считаться съ тѣми лицами, отъ которыхъ она получила наслѣдство. Положеніе короля въ этомъ случаѣ чрезвычайно трудно: онъ обязанъ многимъ Гарибальди и его сподвижникамъ, а между тѣмъ не можетъ признать всѣхъ дѣйствій прежняго диктатора; приходится дѣлать безпрестанно уступки и не отступать отъ своихъ началъ, отклонять отъ себя порицаніе въ неблагодарности и не обязываться слишкомъ много на будущее время.

Въ какихъ отношеніяхъ къ королю находился Гарибальди въ послѣднее время—рѣшить трудно. Самъ король до послѣдней минуты разставанья называлъ его *золотымъ челоукомъ*, бывший диктаторъ постоянно выражалъ самое глубокое уваженіе къ особѣ Виктора-Эммануэля; но онъ, какъ кажется, подчинялся совѣтамъ и внушеніямъ своихъ друзей и словно не былъ убѣжденъ въ томъ, что передаетъ осуществленіе своей задушевной идеи объ единствѣ Италіи въ надежныя руки. Въ немъ какъ будто снова возникло подозрѣніе въ томъ, что сардинское правительство черезчуръ умѣренно и робко. Съ другой стороны, Гарибальди не могъ примириться съ тѣми рѣшительными мѣрами, какія приняло новое правительство для водворенія общественнаго порядка, и былъ недоволенъ тѣмъ, что это правительство не признало положенія дѣлъ, которое онъ ему передалъ. Пиемонтцы явились повсюду на первомъ планѣ, они заняли фортъ Сантъ-Эльмо, который Гарибальди

велѣлъ срыть, піемонтскіе генералы и солдаты вытѣснили повсюду его вѣрныхъ друзей *cacciatori*, вездѣ чувствовалась рука графа Кавура. Разказываютъ, что неудовольствіе Гарибальди высказалось еще при взятіи Капуи; онъ не участвовалъ въ дѣлѣ, которое приготовлено было имъ, потому что ему доставалась второстепенная роль и приходилось стать подъ начальство піемонтскаго генерала Делла-Рока; вмѣсто себя Гарибальди послалъ генерала Медичи. Затѣмъ онъ былъ оскорбленъ пренебреженіемъ, которое оказано было его другу, г-ну Мордини: въ день вѣзда короля, о немъ никто не заботился, въ послѣдствіи енцилійскій продиктаторъ не получилъ никакой награды, тогда какъ неаполитанскому продиктатору данъ орденъ Аннунціаты. Это послужило поводомъ къ раздору между Гарибальди и маркизомъ Паллавичино. Маркизъ пріѣхалъ къ нему съ новымъ знакомъ отличія, и диктаторъ съ горечью сталъ говорить ему объ обидѣ, нанесенной его другу, г. Мордини; г. Паллавичино снялъ съ себя орденъ и уѣхалъ огорченный до такой степени, что въ тотъ день не могъ явиться къ королю. Ссора эта была непродолжительна: на другой день, 9-го ноября, генералъ Тюрръ объявилъ въ газетахъ, что бывшій диктаторъ помирился съ бывшимъ продиктаторомъ. Тѣмъ не менѣе, Гарибальди считалъ себя обиженнымъ, и съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на то, что власть перешла къ людямъ, ему несочувственнымъ, а его вѣрные сподвижники ждали, какъ милости, рѣшенія своей судьбы. Король не зналъ, что дѣлать съ гарибальдійцами; между которыми было множество генераловъ и болѣе пятисотъ подковниковъ. Онъ утвердилъ въ званіи генераловъ только гг. Биксію, Медичи, Козенца и Малеккини, а положеніе прочихъ предоставилъ опредѣлить особой комиссіи изъ піемонтскихъ и гарибальдійскихъ генераловъ; волонтерамъ далъ отпускъ на шесть мѣсяцевъ, съ сохраненіемъ жалованья, а самъ Гарибальди названъ *Generale dell' Armata* (генералъ ополченія). Можетъ-быть, король разсчитываетъ, что это званіе будетъ скоро не однимъ почетнымъ титуломъ, но потребуетъ дѣйствительной службы. Декретомъ 16 ноября определено, что гарибальдійцы составятъ особую армию, съ обязанностию служить въ теченіи двухъ лѣтъ; въ правахъ и обязанностяхъ волонтеры, какъ офицеры, такъ и солдаты, уравнены съ регулярною арміей. Многіе изъ нихъ получили уже знаки военнаго ордена савойскаго.

Эти колебанія не могли удовлетворить бывшаго диктатора. Онъ нѣсколько разъ бывалъ у короля, долго разговаривалъ съ нимъ, и выходилъ отъ него не совсѣмъ довольный. Гарибальди хотѣлъ бы дѣйствовать помимо всѣхъ государственннхъ соображеній, только на правѣ завоевателя. Такъ онъ конъюнскавалъ частное иму-

шество короля Франциса II, шесть милліоновъ дукатовъ, въ пользу пострадавшихъ 15-го мая 1848 года. Пострадавшихъ явилось множество, но декретъ былъ встрѣченъ неодобреніемъ даже со стороны лучшихъ изъ Неаполитанцевъ, которые находили безразличнымъ и оскорбительнымъ награждать деньгами за пожертванія отечеству. И эти самыя лица, протестовавшія противъ распоряженій Гарibaldi, заняли теперь высшія государственныя мѣста, вмѣстѣ съ г. Фарини. Все это не нравилось бывшему диктатору, такъ что онъ какъ бы жалѣлъ о переданной власти и просилъ у короля о возвращеніи ему диктатуры. Извѣстіе объ этомъ, какъ оно ни странно, повторено было корреспондентами всѣхъ иностранныхъ газетъ и подтверждено въ *Opinione*; оно показываетъ всю силу негодованія Гарibaldi. Не было возможности уговорить его остаться на службѣ короля; онъ уѣхалъ на Кангеру, и оттуда будетъ служить грознымъ упрекомъ графу Кавуру, если италіанское правительство забудетъ объ единствѣ Италіи или замедлитъ его осуществленіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Гарibaldi можетъ служить самымъ опаснымъ центромъ оппозиціи; его имя само по себѣ есть такое знамя, около котораго соберутся тотчасъ же тысячи недовольныхъ.

Въ послѣдніе дни передъ своимъ отъѣздомъ, Гарibaldi еще разъ заявилъ свои желанія не только королю, но всей Италіи и Австріи. Онъ подарилъ своему другу, венгерскому генералу Тюрру, двѣ батареи нарѣзныхъ пушекъ и десять тысячъ ружей, а также отъ имени всѣхъ Италіанцевъ обѣщалъ Венгрии помощь на случай ея возстанія. Въ другой разъ Гарibaldi проклянулъ сильную рѣчь противъ папы, называя его злымъ геніемъ Италіи, противникомъ ея величія и силы; наконецъ, въ прѣщальной прокламаціи къ войску, 8-го ноября, слѣдовательно уже послѣ вѣзда короля въ Неаполь, бывший диктаторъ не удержался отъ намека на *доктринерство*, и убждалъ Италіанцевъ полагаться не на нихъ, а на собственныя силы. «Еще разъ, писалъ Гарibaldi, — я повторяю вамъ мой камтъ: къ оружію всѣ, всѣ! Если въ мартѣ 1861 года не будетъ милліона вооруженныхъ Италіанцевъ, то горе свободѣ, горе существованію Италіи! О мѣтъ! прочь отъ меня эта мысль, отъ которой я отаращаюсь, какъ отъ ада. Въ мартѣ 1861 года, или если нужно въ февралѣ, мы будемъ всѣ на нашихъ постахъ.»

Таково послѣднее политическое заявленіе Гарibaldi, которое онъ исполнитъ самъ, если правительство Виктора-Эммануила не позаботится объ его исполненіи. Это ультиматумъ народнаго вождя, отъ котораго онъ не отступится ни на шагъ, или объявитъ правительству непримиримую войну. Милліонъ вооруженныхъ Италіанцевъ — это мечта Гарibaldi, которая едва ли осуще-

ствится, но которая можетъ быть замѣнена сильнымъ дисциплинированнымъ войскомъ. Если планы короля Виктора-Эммануила будутъ выполнены въ теченіи лѣтней зимы, то къ веснѣ Италия выставитъ огромную военную силу для борьбы за Венецію и за Римъ. Предполагается устроить 177 полковъ арміи и 54 батальона стрѣлковъ. Это весьма значительное войско, если вспомнимъ, что во Франціи, первой военной державѣ Европы, считается вмѣстѣ съ гвардіею 208 полковъ и 21 батальонъ стрѣлковъ. Сверхъ того въ Анконѣ, Спеціи и Генуѣ снаряжается флотъ, экипажи котораго быстро увеличиваются волонтерами; Венеціанцы, по приглашенію своего національнаго комитета, спѣшатъ подъ трехцвѣтное знамя и покидаютъ купеческіе и военные корабли Австріи, которой микроскопическій флотъ состоитъ почти исключительно изъ итальянскихъ матросовъ.

Итакъ, судя по началу, Гарибальди можетъ остаться доволенъ, и очень вѣроятно, что къ веснѣ можетъ разыгратъ война съ Австріею, если эта держава не уступитъ добровольно Венеціи. Новый главнокомандующій австрійскій, г. Бенедекъ, въ своей прокламаціи указываетъ прямо на возможность столкновенія. На этотъ случай Австрія собрала около 150.000 войска собственно въ Венеціи и до 250.000 между Триестомъ и Лайбахомъ. Борьба должна быть кровавая, и на нее рѣшится Пьемонтъ только съ вѣрнымъ расчетомъ на успѣхъ. Силы противниковъ будутъ почти равныя, съ тою разницей, что у Австріи нѣтъ флота, денегъ, и противъ нея народонаселеніе страны, которая должна сдѣлаться театромъ войны. Правительство Виктора-Эммануила держитъ въ своихъ рукахъ рѣшеніе этого вопроса: Австрія положительно не станетъ нападать на Ломбардію, а графъ Кавуръ, несмотря на возможную оппозицію Гарибальди и его сторонниковъ, сумѣетъ отдалить развязку дѣла. «Если правительство, справедливо замѣчаютъ въ *Journal des Débats*, пойдетъ впередъ, то парламентъ единогласно будетъ въ его пользу; если же оно остановится, то за него будетъ большинство.»

Но прежде чѣмъ думать о новой войнѣ, необходимо выждать окончанія той, которая уже начата. Гаэта и Мессина до сихъ поръ еще находятся въ рукахъ приверженцевъ Франциска II, который, повидимому, рѣшился защищаться до послѣдней возможности и ждать какого-либо благопріятнаго для себя оборота дѣлъ. Въ Гаэтѣ остались только самыя преданныя королю войска, въ количествѣ не болѣе десяти тысячъ; остальные, около 30.000, укрылись въ Террачинѣ, гдѣ отдали свое оружіе Французамъ. Хотя Террачина и не принадлежитъ къ «достоинію Св. Петра», однакожъ генералъ Гойонъ занялъ этотъ городъ и не дозволилъ Пьемонтцамъ преслѣдовать армію Франциска II; эта

армія находится теперь въ Папской Области, на томъ же основаніи, на какомъ армія герцога моденскаго находится въ Венеціанской Области. Впрочемъ, положеніе дѣлъ въ Гаэтѣ безнадежное; генералы одинъ за другимъ подаютъ въ отставку; самъ король совѣтовалъ иностраннымъ посланникамъ выѣхать изъ крѣпости, и, слѣдуя этому совѣту, они уже прибыли въ Римъ, равно какъ и супруга покойнаго короля Фердинанда II. По всему вѣроятію, самъ король переѣдетъ также въ Римъ, а не въ Испанію, какъ думали прежде.

По этому случаю нельзя не вспомнить о протестѣ испанскаго правительства и о странномъ документѣ, который былъ имъ вызванъ. Испанскій протестъ былъ напечатанъ въ первый разъ въ *Allgemeine Zeitung* только на дняхъ; въ немъ правительство О'Доннелля защищаетъ династическіе интересы и становится охранителемъ правъ Бурбоновъ. На эти права объявилъ свои притязанія одинъ изъ претендентовъ испанской короны, донъ Хуанъ. Не имѣя дипломатическихъ агентовъ, онъ напечаталъ въ журналахъ декларацію, въ которой торжественно передалъ Неаполь королю Виктору-Эммануилу, въ качествѣ единственнаго законнаго представителя бурбонской династіи. Донъ Хуанъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы снова заявить свои права на испанскій престолъ, и, въ ожиданіи короны, предложилъ европейской биржѣ дать ему въ займы 75 милліоновъ франковъ. Разумѣется, банкиры не рѣшились довѣриться обѣщанному имъ не прочному обезпеченію, а король Викторъ-Эммануилъ не думалъ, что его власть нуждается въ признаніи со стороны донъ-Хуана.

Несмотря на протестъ Испаніи и на то, что въ Гаэтѣ и Мессинѣ царствуетъ еще король неаполитанскій, правительство Виктора-Эммануила утвердилось въ Неаполѣ. Подача голосовъ совершилась съ рѣдкимъ единодушіемъ. Въ Неаполѣ оказался милліонъ голосовъ въ пользу присоединенія, при 10.000 противъ него; въ Умбріи изъ 123.000 голосовъ было 98.000 за присоединеніе, въ Мархіяхъ 134.000 изъ 135.000. Даже въ тѣхъ округахъ Папской Области, гдѣ находятся французскія войска, жители подавали голосъ въ пользу присоединенія, какъ напримѣръ въ Витербо, Чивита-Кастеллана и въ Каннино; объ этомъ каждый разъ составляется протоколъ, въ заглавіи котораго стоятъ слова: «Италія, Римъ и Викторъ-Эммануилъ.» Графъ Кавуръ доказалъ, что въ Южной Италіи умѣютъ вотировать такъ же согласно, какъ въ Савоіи и Ниццѣ; онъ можетъ теперь выставить то же самое основаніе единства Италіи, какое было выставлено императоромъ Французовъ въ пользу присоединенія Савоіи и Ниццы.

Къ сожалѣнію, всеобщая подача голосовъ не рѣшаетъ тѣхъ затрудненій, съ которыми приходится бороться новому правительству. Диктатура Гарибальди оставила замѣтные слѣды. Его министры не отличались особенными способностями; они не могли отдѣлаться отъ безчисленныхъ искателей мѣстъ, которые предъявляли свои права въ качествѣ жертвъ 1848 года. Разказываютъ, что министры не смѣли выѣзжать изъ своихъ домовъ; ихъ останавливали на улицѣ, осыпали просьбами, а иногда и побоями, такъ что приходилось спасаться бѣгствомъ. Государственная казна была истощена, и сверхъ того оказалось въ обращеніи чрезмѣрное количество бумажныхъ денегъ, о судьбѣ которыхъ временное правительство не заботилось: оно было увѣрено, что въ короткій срокъ его дѣятельности ассигнаціи не успѣютъ сильно упасть въ цѣнѣ. Эта масса неспособныхъ чиновниковъ, еще болѣе неспособныхъ претендентовъ на мѣста, наконецъ масса бумажныхъ денегъ досталась по наследству правительству Виктора-Эммануила. Всѣ участвовавшіе въ національномъ движеніи считаютъ себя кредиторами, которыхъ трудно удовлетворить; къ этому присоединилось много обманутыхъ самолюбій, тревожное безпокойство, овлаждающее страной въ періодъ возбужденнаго состоянія, и особенная впечатлительность и подвижность южнаго народонаселенія. Масса народа желала единства Италіи, не сознавая вполнѣ, въ какой формѣ оно должно выразиться, и какихъ условій оно потребуетъ; на первомъ шагѣ это единство имѣло слѣдствіемъ появленіе Пиемонтцевъ, холодныхъ, спокойныхъ, распоряджающихся всюду, завладѣвшихъ цитаделью, измѣняющихъ по своему администрацію страны, вводящихъ вездѣ порядокъ. Не удивительно, что весьма многимъ не понравилась отвѣтственность, что они пожалѣли о прежней распущенности, съ которою сжились, къ которой привыкли и приносовились. Агитаторы увидѣли, что насталъ конецъ ихъ дѣятельности, что скоро соберется парламентъ, законы котораго будутъ исполняться безареквслвно, — и рѣшились сдѣлать еще послѣднюю попытку. Враги новаго порядка, ретроградная партія и республиканцы, подали другъ другу руки. Въ Неаполѣ, въ Сициліи, особенно же въ Калабріи и Реджіо, начались беспорядки. Въ одномъ мѣстѣ стали требовать возвращенія Гарибальди, въ другомъ агитація происходила въ пользу Франциска II. На просторѣ распускаются разные неблагоприятные слухи, кричатъ о неблагодарности къ Гарибальди, даютъ обѣщанія отъ имени Франциска II, и толпа легко увлекается всѣмъ этимъ. *Abasso Farinil abasso Vittorio Emanuele! Vogliamo nostro generale!* Эти клички раздавались почти ежедневно, такъ что правительство вы-

нуждено было объявить нѣкоторыя провинціи въ осадномъ положеніи. Народъ такъ мало понимаетъ настоящее положеніе дѣлъ, что одинъ разъ собрался около священника и сталъ кричать велѣдъ за нимъ: «Да здравствуетъ Викторъ-Эммануэль, который издалъ декретъ, возвращающій тронъ Франциску II!»

Впрочемъ всѣ подобныя безпорядки, сколько можно судить по извѣстіямъ корреспондентовъ, не имѣютъ серьезнаго характера; при появленіи піемонтскихъ войскъ, толпа расходится, и нѣтъ сомнѣнія, что мало-по-малу спокойствіе возстановится и самымъ вліятельнымъ агитаторамъ придется перенести борьбу на другое поприще, то-есть организовать парламентскую оппозицію. Только въ Сициліи народное водненіе имѣетъ болѣе угрожающій характеръ; королевскій намѣстникъ, г. Монтедземодо, не рѣшается ѣхать туда, не имѣя съ собою достаточнаго войска для водворенія порядка, и самъ король уже нѣсколько разъ отдалъ срокъ своей поѣздки на островъ.

Невозможно судить объ успѣшномъ предложеніи новой организаціи Неаполя, которая существуетъ лишь нѣсколько дней. Она утверждена декретомъ 6-го ноября и состоитъ въ слѣдующемъ. Г. Фарини сдѣланъ намѣстникомъ южной Италіи; до собранія парламента ему предоставлено право принимать всѣ мѣры, необходимыя для ссединенія Неаполя съ италіанскимъ королевствомъ; въ дѣлахъ, касающихся внѣшнихъ сношеній, войска и флота, вся власть принадлежитъ центральному правительству; намѣстникъ охраняетъ только международныя отношенія частныхъ лицъ. При намѣстникѣ учрежденъ совѣтъ изъ нѣсколькихъ лицъ; одни изъ нихъ управляютъ особою отраслю дѣлъ или министерствами (dicasteri), другія же суть министры безъ портфеля (incarico di dicastero). Членами совѣта назначены Неаполитанцы, бывшіе долго въ Піемонтѣ, а именно: г. Даффити въ дикастеро внутреннихъ дѣлъ, г. Сильвіо Спадента—полиціи, г. Пизанелли—юстиціи и духовныхъ дѣлъ, г. Шалоя — финансовъ, г. де Винченци — земледѣлія и торговли. Совѣтники безъ портфеля суть: гг. Манчини, Ферриччи и Карачціоло (маркизъ де-Белла).

Это устройство находится въ связи съ общею системою управленія, которая введена въ провинціяхъ, присоединившихся къ Піемонту въ 1859 году, и планъ которой принадлежитъ г-ну Ратаци. Бывшій президентъ совѣта министровъ учредилъ губернаторовъ съ политическимъ характеромъ въ городахъ, бывшихъ прежде столицами, такъ что кромѣ общей столицы, еще не избранной или не завоеванной, должны существовать посредствующіе главныя города, гдѣ сосредоточивается мѣстное управленіе. Къ этой системѣ мы обратимся еще, когда она получитъ

окончательное утверждение; до сихъ поръ графъ Кавуръ былъ противникомъ ея, а новый министръ внутреннихъ дѣлъ въ Туринѣ, г. Мингетти, въ своихъ дѣйствіяхъ не высказался еще по этому вопросу.

ЗАМѢТКА.

Объясненіемъ нашимъ въ № 20 *Русскаго Вѣстника* (Современная Лѣтопись стр. 431), вызвано было въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* возраженіе г-жи Евгеніи Туръ, издательницы открывающейся съ будущаго года газеты, подъ названіемъ *Русская Рльчъ*. Наше объясненіе принято г-жою Евгеніею Туръ за «оскорбительное нападеніе», направленное противъ изданія, еще не появившагося въ свѣтъ.

Считаемъ не лишнимъ возстановить значеніе нашей замѣтки, въ надеждѣ, что почтенная издательница *Русской Рльчи*, выслушавъ наши доводы, не откажется измѣнить свое о ней мнѣніе.

Наша замѣтка не была ни наступательнымъ, ни оборонительнымъ дѣйствіемъ.

Мы были далеки отъ всякой мысли нападать на изданіе, которое еще не родилось на свѣтъ. Читателямъ нашимъ извѣстно, какъ мало позволяемъ мы себѣ пускаться въ оцѣнку другихъ изданій, не только не явившихся въ свѣтъ, но и давно существующихъ на свѣтѣ. Мы всегда избѣгали говорить о редакціи какихъ бы то ни было журналовъ. О новыхъ изданіяхъ, существующихъ еще только на программѣ, мы либо вовсе не считаемъ себя въ правѣ высказываться, либо высказываемся съ сочувствіемъ. Были примѣры изданій, возникавшихъ, какъ полагали, изъ нѣкотораго антагонизма относительно *Русскаго Вѣстника*, но не было примѣра, чтобы мы чѣмъ-нибудь старались вредить имъ при ихъ рожденіи. Тѣмъ менѣе могли мы имѣть что-либо враждебное противъ изданія, предпринимаемаго г-жою Евгеніею Туръ. Литературная размолвка, происшедшая между ею и нами,—размолвка, ответственность за которую мы все-таки не беремъ на себя,—не могла заставить насъ забыть о добрыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между ею и нашимъ журналомъ. Но такъ какъ голословныя заявленія не убѣдительны, то мы укажемъ на свидѣтельство факта. Нѣкоторые изъ близкихъ намъ лицъ остаются и къ г-жѣ Евгеніи Туръ въ близкихъ отношеніяхъ, и изъявили готовность участвовать въ ея изданіи. Г-жа Евгеніи Туръ сама свидѣтельствуетъ о добрыхъ отношеніяхъ своихъ къ М. Н. Капустину, и ей не могло быть неизвѣстно о связи, не со вчераш-

ного дня, но издавна соединяющей его съ редакціей *Русскаго Вѣстника*. Не служитъ ли это свидѣтельствомъ, что атмосфера *Русскаго Вѣстника* не содержитъ въ себѣ ничего враждебнаго г-жѣ Евгеніи Туръ и ея литературному предпріятію?

Наше объясненіе не было также и оборонительнымъ актомъ. Мы не стали бы защищаться даже и тогда, еслибы встрѣтили въ программѣ г-жи Евгеніи Туръ что-нибудь, еще сильнѣе и опредѣлительнѣе высказанное противъ нашего журнала. Мы предоставляемъ каждому имѣть о насъ и о нашемъ журналѣ какое угодно мнѣніе, и не считаемъ приличнымъ оспаривать то, что о насъ высказывается. Г-жа Евгенія Туръ можетъ взять любую газету и любой журналъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, умѣющихъ сохранять свое достоинство, и найти всегда, какую-нибудь выходку противъ *Русскаго Вѣстника*, сдѣланную кстати или не кстати. Какъ ни скромно значеніе нашей дѣятельности, но по характеру своему она есть дѣятельность публичная, и потому должна подлежать всякаго рода оцѣнкамъ, толкамъ и приговорамъ. Не такъ давно, и кажется по поводу размовки нашей съ г-жою Евгеніею Туръ, было высказано въ одномъ журналѣ мнѣніе, что *Русскій Вѣстникъ* заслуживалъ вниманія чуть ли нетогда только, когда онъ еще не появлялся или когда только что появился на свѣтъ, но что потомъ съ каждымъ годомъ онъ становился все хуже и хуже и съ каждымъ годомъ терялъ права на вниманіе публики. Мы не можемъ судить, заслуженнымъ ли успѣхомъ пользуется *Русскій Вѣстникъ*, но очевидно, что по мѣрѣ того, какъ возрасталъ успѣхъ его въ публикѣ, уменьшались съ каждымъ годомъ благопріятные отзывы о немъ въ литературѣ, и умножались неблагопріятные. Успѣхъ обяываетъ, и мы безъ малѣйшаго неудовольствія встрѣчаемъ въ журналахъ неблагопріятныя сужденія о насъ, никогда не чувствуя никакой потребности защищаться.

Итакъ, объясненіе наше не было ни нападеніемъ, ни оборонной; оно было объясненіемъ и болѣе ничѣмъ. Мы не имѣли въ виду ни г-жи Евгеніи Туръ, ни ея газеты, мы желали только устранить недоразумѣніе, которое бросало странную тѣнь на отношенія наши къ нѣкоторымъ лицамъ и ставило ихъ передъ публикой въ фальшивое положеніе.

Нужно ли напоминать читателямъ о полемикѣ, возникшей назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ между нами и г-жою Евгеніею Туръ? Полемика эта была намъ крайне непріятна, и г-жѣ Евгеніи Туръ хорошо извѣстно, какъ желали мы уклониться отъ публичнаго состязанія по поводу десяти невинныхъ строчекъ нашего примѣчанія къ ея статьѣ. Но дѣло было сдѣлано: напечатано было письмо г-жи Евгеніи Туръ къ редактору и нашъ отвѣтъ на это

письмо. Нашъ отвѣтъ потребовать въ свою очередь отвѣта, и вотъ, спустя нѣкоторое время, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилась цѣлая поэма о нашихъ подвигахъ. Защитникъ г-жи Евгеніи Туръ, чтобы придать дѣлу величественные размѣры, явился съ тѣмъ вмѣстѣ ходатаемъ за притѣсненныя права сотрудниковъ. Онъ поднялъ вопросъ о цѣломъ сословіи сотрудниковъ, и взялся быть органомъ страданій, ропота и бѣдствій этого несчастнаго и до тѣхъ поръ неслышаннаго сословія. Картина, изображенная имъ, была ужасна. Искусный адвокатъ, чѣмъ сильнѣе хотѣлъ онъ возбудить общее негодованіе противъ редакціи, тѣмъ живѣе старался изобразить бѣдственное положеніе этого сословія. Въ этомъ положеніи онъ готовъ былъ видѣть нѣчто похожее на состояніе крѣпостное, или по крайней мѣрѣ обязательное. Онъ утверждалъ, что редакція смотритъ на сотрудниковъ, какъ на *фермеровъ*, а въ себѣ видитъ *лэндлорда*. Когда ему замѣтили, что такая защита можетъ только оскорбить и унижить достоинство защищаемыхъ, что описанныя имъ деспотическія дѣйствія не возможны, и что ропотъ, котораго взялся онъ быть органомъ, неприличенъ свободному человѣку, — онъ въ новой статьѣ отперся отъ печатнаго и объявилъ, что ничего подобнаго не было въ сказано; но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ обвинять насъ въ нетерпимости, въ мелочности, и другихъ подобныхъ качествахъ, ссылаясь на цѣлую Россію и даже на Европу. Онъ свидѣтельствовалъ, что разговоры, которые велись въ кабинетѣ редактора *Русскаго Вѣстника*, отзывались во всѣхъ странахъ Европы, и что нетерпимость редакціи *Русскаго Вѣстника* служитъ предметомъ толковъ и жалобъ во всѣхъ городахъ обширной Руси, большихъ и малыхъ. Ничего страннѣе и забавнѣе не случалось намъ читать, а между тѣмъ эти поэмы печатались въ одномъ изъ распространенныхъ органовъ, какъ что-то серіозное, въ интересѣ гласности. Нельзя было безъ смѣха читать эти странныя писанія, но нельзя было также не скорбѣть о томъ презрѣніи, съ которымъ еще можно относиться у насъ къ публикѣ. Со временемъ, воѣ эти характеристическія мелочи получатъ своего рода интересъ, и будущій историкъ нашей литературы, конечно, не оставитъ ихъ безъ нѣкотораго вниманія.

Но вотъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и г-жа Евгенія Туръ объявляетъ о своемъ намѣреніи издавать газету. Появляется программа новаго изданія, и программа эта начинается именно тѣмъ самымъ мотивомъ, который употребленъ былъ въ дѣло адвокатомъ притѣсненныхъ сотрудниковъ. Программа начинается именно тѣмъ самымъ аккордомъ, которымъ заключилась программа, направленная противъ насъ филиппика. Вотъ то мѣсто въ программѣ *Русской Рѣчи*, которое подало поводъ къ нашему объясненію:

-Но и это направление, отличающееся по искреннему убежденію нашему столь благотвѣтельнымъ характеромъ, не избѣгло многихъ печальныхъ крайностей. Желаніе прослѣдить его съ непреклонною строгостью не въ главныхъ только основаніяхъ, но въ малѣйшихъ подробностяхъ и мелочахъ, желаніе подвести все разнообразіе мнѣній подъ одинъ масштабъ и нетерпимость ко всякому мнѣнію, которое сколько-нибудь уклоняется отъ этого масштаба, — вотъ односторонность, противъ которой часто раздавались въ послѣднее время голоса въ нашей литературѣ. Что же было необходимымъ слѣдствіемъ подобнаго явленія? Крайнее раздробленіе силъ, печальное разединеніе въ той сферѣ, которая только строгимъ согласіемъ и можетъ достигнуть торжества дорогихъ ей началъ. Крайность и исключительность одного направленія вызывали неизменно крайность и исключительность другихъ, и можно положительно сказать, что если вмѣсто двухъ прежнихъ партій, о которыхъ мы говорили выше, существуетъ ихъ въ наше время несравненно больше, то едва ли разединенность эта обуславливается состояніемъ нашего общества и литературы. Указанные сейчасъ недостатки опредѣляютъ тотъ путь, по которому мы сами рѣшились слѣдовать невзмѣнно. Изданіе наше будетъ служить, по мѣрѣ силъ, органомъ согласенія для всѣхъ людей, желающихъ постепеннаго и правильнаго прогресса въ Россіи. Не допуская никакихъ рѣзкихъ крайностей, никакого доктринерства, проникнутое убежденіемъ въ необходимости всесторонняго, самостоятельнаго развитія общественныхъ интересовъ, въ излишествахъ чрезмѣрной централизаціи, наше изданіе никогда не измѣнитъ одному великому правилу: оно не забудетъ, что уваженіе къ постороннему мнѣнію, уваженіе къ праву каждаго изъ людей, стремящихся вмѣстѣ съ нами къ одной общей цѣли — мыслить независимо есть главное основаніе настоящей свободы сужденій. Всмотрѣваясь пристально въ обстоятельства, среди которыхъ мы находимся, намъ кажется, что мысль о соединеніи литературныхъ силъ, способныхъ служить великому дѣлу постепеннаго и мирнаго прогресса русскаго общества, отвѣчаетъ, какъ нельзя лучше, современнымъ нашимъ потребностямъ. Такъ поняли ее многочисленные наши сотрудники, которые обнаружили лествую для насъ готовность содѣйствовать успѣху задуманнаго нами предпріятія.

Не будь тутъ сказано, что нижеписанные сотрудники раздѣляютъ мысль, высказанную выше, мы не считали бы нужнымъ писать объясненіе. Объяснять было бы нечего, и намъ не было бы никакой надобности разбирать намеки, высказанные въ простомъ объясненіи о новомъ изданіи. Но послѣднія слова возобновляли смѣлую гипотезу о гонимомъ сословіи сотрудниковъ. Смыслъ вышеприведеннаго мѣста таковъ, что самъ собою, безъ какихъ-либо натяжекъ, даетъ поводъ къ толкованію, будто всѣ лица, помѣщенные въ числѣ сотрудниковъ новаго изданія, свидѣтельствуютъ украдкой и коллективно объ испытанной ими нетерпимости, и ищутъ соединить свои разрозненные силы на служеніе постепенному и мирному прогрессу русскаго общества подъ знаменемъ *Русской Речи*. Протестація выражена не прямо, а намекомъ, но намекъ во всякомъ случаѣ хуже явнаго заявленія; тамъ, гдѣ нѣтъ никакого препятствія высказаться прямо, оно и безъ двусмыслія, форма намекъ только усматриваетъ значеніе про-

тестациі и бросаетъ тѣнь на протестующихъ. Мы считали нужнымъ довести дѣло до чистоты, и устранить всякое двусмысліе. Выписанное мѣсто не намъ однимъ показалось намекомъ. Кто читалъ его не вскользь, а съ нѣкоторымъ вниманіемъ, тотъ не могъ не принять его въ смыслѣ протестациі. Надобно было или уничтожить этотъ смыслъ, или признать его открыто.

Г-жа Евгенія Туръ, въ своемъ отвѣтѣ на наше объясненіе, «прямо и положительно» объявила, что никакой протестациі нѣтъ въ ея программѣ. Этимъ объявленіемъ намекъ уничтоженъ, устранено всякое двусмысліе и всякая возможность другаго толкованія. Наше объясненіе достигло своей цѣли, и все, что могло казаться въ немъ оскорбительнымъ для почтенной издательницы *Русской Рльч*, уничтожается само собою съ уничтоженіемъ ложныхъ толкованій, къ которымъ подала поводъ эта программа. Какимъ образомъ, однако, могло произойти такое рѣшительное разногласіе между ея намѣреніями и выраженіями ея программы, которыя могли быть понаты за намекъ и протестъ? Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ искренности словъ самой издательницы, и невольно думаемъ, что программа писана не ею самой; въ этомъ убѣждаетъ насъ еще и то обстоятельство, что эта программа не отличается тѣми достоинствами изложенія, къ которымъ приучило своихъ читателей искусное и опытное перо г-жи Евгеніи Туръ. А потому очень можетъ быть, что вышеприведенное мѣсто обязано своимъ появленіемъ лишь случайному недосмотру издательницы. Во всякомъ случаѣ, это не имѣетъ никакого существеннаго значенія послѣ ея прямаго объясненія передъ публикой.

Намъ жаль однако, что наше объясненіе не только не принято г-жою Туръ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было написано, но что она даже не досмотрѣла нашихъ выраженій. Мы сказали, что извѣстныя намъ лица, упомянутыя въ ея программѣ, изъявили желаніе содѣйствовать ея изданію, но что они были удивлены, встрѣтивъ себя въ числѣ его *протестующихъ* сотрудниковъ. Г-жа Евгенія Туръ, приводя наши слова, не досмотрѣла слова: *протестующихъ*, пропустила это слово въ своей выпискѣ, и заставляетъ насъ, въ противность нашему собственному показанію, утверждать, будто означенныя лица упомянуты въ спискѣ ея сотрудниковъ безъ ихъ на то согласія.

Въ заключеніе повторимъ съ полною искренностію, что желаемъ полнаго успѣха изданію г-жи Евгеніи Туръ. За устраненіемъ неясности въ ея программѣ, подававшей поводъ къ странному недоразумѣнію, мы не чувствуемъ себя къ этому изданію ни въ какихъ иныхъ отношеніяхъ, кромѣ самыхъ доброжелательныхъ.

Коснувшись новыхъ изданій, открывающихся съ будущаго года, мы считаемъ своимъ долгомъ пожелать также полнаго успѣха газетѣ *Вѣкъ*, которую будутъ издавать въ Петербургѣ П. И. Вейнбергъ при постоянной редакціи В. П. Безобразова, К. Д. Кавелина и А. В. Дружинина, и при соучастіи весьма многихъ изъ нашихъ уважаемыхъ литераторовъ и публицистовъ. Цѣль этого предпріятія предлагать, въ изданіи доступномъ, по изложенію и по цѣвѣ, для многочисленнѣйшей массы читателей, свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ, вопросахъ и явленіяхъ во всѣхъ областяхъ жизни и мысли.

Важно то, что за подобное изданіе взяли лица, пользующіяся самою заслуженною извѣстностію въ нашей литературѣ. Популярныя изданія могутъ достигать своей цѣли и оказывать добрыя дѣйствія именно лишь при условіи, если за такое дѣло съ полнымъ вниманіемъ принимаются люди, принадлежащіе къ первымъ рядамъ литературы.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ № 18:

Совр. Лѣт. Статья М. Н. Лонгинова: «Алексѣй Степановичъ Хомяковъ» стр. 152 стр. 1 снизу нап. *шестеро*, чит. *семеро*.

Въ № 19:

Политическое обозрѣніе и замѣтки. Статья: «Европейская дипломатія и неаполитанскія дѣла» стр. 293 стр. 15 св. нап. *слету*, чит. *слу*.

Въ № 20:

Въ стихотвореніи П. Ф. Щербины: «Иво и Мара», слѣдующій стихъ:

Кто двухъ милыхъ въ любви разлучаетъ

слѣдуетъ читать не въ началѣ 929 страницы, а на 930 страницѣ послѣ стиха:

Проклинаютъ молодыхъ и старыхъ,

Въ этой книжкѣ, въ статьѣ: «Письма о крестьянахъ и земледѣліи во Франціи»,

стр. 99 стр. 20 ошибочно напечатано *Франциска* вмѣсто *Генриха*.

46

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и Ко

въ Армянскомъ переулкѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СѢВЕРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

УЗКІЙ ПУТЬ. Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Криницкаго. М. 1858. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1673 и 1674 г. Эпизодъ изъ исторіи войнъ за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1855. Цѣна 50 к., съ пер. 75 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

РАЗБОРЪ КОМЕДИИ ГРАФА СОЛЛОГУБА «ЧИНОВНИКЪ». Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БЮГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Евгениі Туръ. Выпускъ I. На Рубежъ. Выпускъ II. Ошибка. Выпускъ III. Заколдованный кругъ и Двѣ сестры. Выпускъ IV. Старушка. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. О трактатахъ. Издавъ проф. М. Капустинъ. М. 1859. Ц. 1 руб. сер.

ОБРАЗЦЫ или **МАНЕРЫ** оконныхъ рамъ, двупольныхъ и однопольныхъ дверей, растворовъ, паркетовъ, глухихъ и рѣшетчатыхъ заборовъ, воротъ, деревянныхъ зонтиковъ и колодцевъ, изданные для плотниковъ и столяровъ, полезные также для домо-владельцевъ, при выборѣ означенныхъ предметовъ, дѣлаемыхъ безъ поеобія архитектора. М. 1860. Цѣна тетради, состоящей изъ 165 рисунковъ, помѣщенныхъ на 12-ти листахъ, 1 р. сер.; съ пер. 1 р. 30 к. сер.

ОПЫТНОЕ РУКОВОДСТВО КЪ РАЗВЕДЕНІЮ КУРЪ, ПѢТУХОВЪ и КАПЛУНОВЪ. Размноженіе и откармливаніе ихъ въ городахъ и деревняхъ. Съ 20-ю полнотипажными рисунками. П. Преображенскаго. М. 1860. Цѣна 1 р. с.; съ пересылкою 1 р. 30 к. На клеенной бумагѣ, съ иллюминированными рисунками; 2 р.; съ пересылкою 2 р. 30 к. сер.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПОЛОЖЕНІИ ПРОФЕССОРОВЪ ВЪ НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Никто, конечно, не сомнѣвается въ томъ, что обеспеченное матеріальное благосостояніе есть великое условіе всякой дѣятельности. Руки не должны быть связаны у того, кто хочетъ работать. И только тотъ можетъ работать свободно и производительно, чьи ежедневныя нужды удовлетворены. Обеспеченіе трудящагося важно не только въ интересахъ его самого: оно не менѣе важно и въ интересахъ дѣла.

Всѣмъ извѣстно, что численная сила корпуса ученыхъ у насъ весьма ограничена. Его дѣятельность внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній пропорціонально еще гораздо ограниченнѣе. Ученая литература бѣдна, ученые книги появляются чрезвычайно рѣдко, ученые труды ограничиваются по большей части дѣятельностію въ журналахъ; часто люди, въ началѣ поприща трудившіеся производительно, подававшіе надежды (какъ говорится), бросаютъ самостоятельныя занятія наукой и ограничиваютъ свою дѣятельность преподаваніемъ. Между тѣмъ, общественное мнѣніе зорко слѣдитъ за тѣснымъ кругомъ нашихъ ученыхъ, справедливо видя въ нихъ представителей великаго дѣла, науки, предъ которою должны, наконецъ, преклониться и тѣ, которые когда-то думали всѣмъ управить, все устроить простымъ здравымъ смысломъ и одною силой исполнительности. Требуется общество, требуютъ слушатели. Ничья дѣятельность не подвергается столь рѣзкому публичному обсужденію, какъ дѣятельность профессорская (фактъ, служащій къ чести этой дѣятельности). Побужденій къ дѣятельности лавнось много, ученый трудъ можетъ разчитывать на успѣхъ и нравственный, и матеріальный, — а ученая производительность не увеличивается замѣтно.

Съ другой стороны, ряды ученыхъ, посвящающихъ себя профессорскому званію, рѣдѣютъ. Старое поколѣніе сходитъ со сцены,— и какъ часто не кѣмъ замѣнить сошедшаго! Время, когда мало заботились о томъ, чтобы дать молодымъ людямъ средства приготовиться къ ученому поприщу, принесло свои плоды. Но уже благодаря этому самому, достиженіе профессорскаго мѣста стало легче. Способный молодой человѣкъ, заявившій желаніе посвятить себя ученому поприщу, но еще на заявившій своихъ познаній и правъ на кафедру, почти всегда можетъ разчитывать на успѣхъ. И несмотря на то, множество кафедръ провинціальныхъ университетовъ стоитъ безъ профессоровъ или замѣщается только послѣ долгаго исканія, причѣмъ приходится много смягчать строгія требованія устава и принимать обыкновенно лица, еще не исполнившія этихъ требованій.

Гдѣ причины такого положенія дѣла? Причинъ много, но можно сказать безошибочно, что одну изъ существенныхъ составляетъ крайняя скудость матеріальнаго обезпеченія, какое у насъ сопряжено съ профессорскимъ званіемъ. Профессорское званіе, такъ высоко стоящее во всемъ мірѣ, пользующееся и у насъ уваженіемъ въ мыслящемъ кругу, обѣщаетъ у насъ такъ мало внѣшняго благосостоянія, что, можно сказать, истинно-способный человѣкъ приноситъ жертву, посвящая себя ученому поприщу.

Вы преувеличиваете, скажутъ намъ, профессорскія мѣста довольно еще представляютъ приманокъ, и охотниковъ на нихъ найдется много. Объяснимся. Конечно, у насъ, гдѣ все стремится служить, всегда есть охотники до мѣстъ. Намъ разказывали куріозный, но не лишенный правдоподобія случай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ университетовъ, открылось мѣсто директора обсерваторіи. Одинъ майоръ, служившій по полицейской части и слѣдовательно пріобывшій къ чистотѣ и порядку, остроумно сообразивъ, что дѣло директора соблюдать порядокъ, надзирать за чистотой, смотрѣть, чтобы астрономы сидѣли при трубахъ, завѣдывать экономическою частью и подписывать бумаги, не усомнился явиться по начальству и предложить свои услуги. Новому Леверрье казалось даже страннымъ, зачѣмъ директору нужны спеціальныя знанія. Впрочемъ, онъ отказался отъ своего плана, узнавъ что надо вмѣстѣ съ тѣмъ преподавать астрономію. Мало сдѣлаться профессоромъ, надо имъ остаться, надо преподавать. Положеніе профессора, чувствующаго себя не на своемъ мѣстѣ, невыносимо. Безъ сомнѣнія, могутъ быть профессоры дурные, бездарные, профессоры, давно уже окончившіе свою ученую дѣятельность и остающіеся на мѣстахъ по привычкѣ или по весьма-естественному побужденію нѣсколько болѣе обезпечить себя, получая и жалованье и пенсію. Но не должно забывать,

что мѣра, которою опредѣляется достоинство профессора, не та, которая прилагается къ чиновникамъ различныхъ вѣдомствъ. Съ честью удержаться профессоромъ, не отличаясь знаніемъ, талантомъ или по крайней мѣрѣ усиленнымъ трудолюбіемъ, положительно невозможно. Такъ или иначе, кругъ профессоровъ, по необходимости, кругъ избранный. Нѣтъ сомнѣній, что лица, достигшія этого званія, не пропали бы и на всякомъ другомъ поприщѣ, и конечно встрѣтили бы на всякомъ другомъ поприщѣ болѣе вышнихъ выгодъ чѣмъ на избранномъ ими. Многіе примѣры того, какъ профессора оставляли кафедры, переходя на другое поприще, подтверждаютъ это. Не всѣ ли почти выиграли, выиграли очень много и во вышнемъ почетѣ и въ матеріальномъ обезпеченіи? Многіе ли изъ нихъ рѣшатся возвратиться теперь къ профессурѣ? Вотъ почему сказали мы, что посвящающій себя ученому званію, при современныхъ условіяхъ, жертвуетъ вышними выгодами, повинувся своему призванію, любви къ наукѣ, или по меньшей мѣрѣ желанію пріобрѣсти извѣстность. Къ счастью, высокія побужденія еще не совсѣмъ рѣдки, и можно надѣяться, что университеты не опустѣли бы вполне, еслибы вышнихъ выгодъ было и еще меньше. Но если довольно людей, чтобы не погасъ свѣтъ знанія у насъ, то ихъ слишкомъ мало для того, чтобъ онъ освѣтилъ нашу обширную и пустынную землю. Да и то надобно имѣть въ виду, что люди, связанные нуждой, должны тратить силы, раздроблять свои занятія, чтобы только просуществовать безбѣдно. Какая возможность предаться обширному, капитальному труду, когда большая часть времени уходитъ на то, чтобъ устроить свое ежедневное существованіе? Конечно, большинство профессоровъ находятъ въ себѣ достаточно силы, чтобъ устроить жизнь свою безъ нужды. Потому-то, быть-можетъ, при почти-всеобщей прибавкѣ жалованья въ государствѣ эта прибавка обошла университеты. Мы думаемъ, что при этомъ руководила мысль начать съ наиболее-нуждающихся, и профессора не были включены въ это число. Но не должно забывать, что отъ недостаточнаго обезпеченія профессоровъ терпитъ самое дѣло образованія. Со времени устава 1835 года, всѣ цѣны чуть не учетверились, а профессора (ординарные) Московскаго университета по прежнему получаютъ сто сорокъ рублей на квартиру и дрова, какъ-будто на эти деньги можно нанять и отопить квартиру, напримѣръ, въ Москвѣ. Въ томъ же университетѣ, не профессора, а именно помощники инспектора, которымъ не достало помѣщенія въ зданіяхъ университета, получаютъ (и справедливо) четыреста рублей квартирныхъ денегъ. Учитель гимназій, переходя въ университетъ, теряетъ въ матеріальномъ отношеніи, ибо жалованье учителя гимназій болѣе жалованья адъюнкта университета. Даже вѣдомства,

состоящіа въ лицѣ, имѣющіи всегда достатокъ, какъ можно судить по ихъ жизни, получили значительную прибавку. Профессоры остаются при прежнемъ содержаніи.

Между тѣмъ, наши учебныя заведенія пользуются репутациею богатыхъ заведеній. И дѣйствительно, наши заведенія богаты внѣшностью. Ни въ одномъ изъ иностранныхъ университетовъ не встрѣтите такихъ богатыхъ аудиторій, такихъ паркетовъ, столовъ и лавокъ. Наши зданія обыкновенно обширнѣе и красивѣе зданій, гдѣ помѣщаются иностранныя учебныя заведенія. Но безошибочно можно сказать, что положеніе профессоровъ у насъ хуже чѣмъ въ иностранныхъ заведеніяхъ, гдѣ эти мѣста достаются, безъ сомнѣнія, труднѣе чѣмъ у насъ, но представляють несравненно болѣе обезпеченія чѣмъ наши. Во Франціи профессоры имѣютъ по двѣ лекціи въ недѣлю (преподавая иногда только въ теченіи одного полугодія), за экзамены получаютъ особую плату и пользуются содержаніемъ въ 7.500 франковъ (а въ Collège de France 10.000 франковъ). Германскіе профессора, кромѣ жалованья, пользуются сборомъ съ слушателей. Самое жалованье по большей части значительнѣе нашего (не говоря уже о тамошней дешевизнѣ), и кромѣ того существуетъ конкуренція между университетами: каждый университетъ старается пригласить къ себѣ извѣстнаго профессора, надбавляя ему содержанія. Такимъ образомъ, случается, что извѣстные ученые переходятъ изъ одного университета въ другой, получая каждый разъ прибавку жалованья. Когда профессоръ отказывается перейти въ другой университетъ, предлагающій ему болѣе выгодныя условія, то обыкновенно тотъ университетъ, гдѣ онъ остается, спѣшитъ самъ увеличить его содержаніе, и бываетъ, что профессора получаютъ по двѣнадцати и болѣе тысячъ талеровъ дохода отъ своей катедры. Когда профессору Савиньи была предложена должность министра юстиціи въ Пруссіи, то прусское правительство принуждено было возвысить министерское жалованье съ 12.000 талеровъ на 15.000 талеровъ: Савиньи, будучи профессоромъ пандектовъ, получалъ жалованья и гонорарія до 15.000 талеровъ,—треми тысячами болѣе чѣмъ сколько получали министры. Объ англійскомъ жалованьи мы уже не говоримъ; оно баснословно, особенно въ колоніяхъ. Въ Мельборнѣ, на примѣръ, если не ошибаемся, профессора получаютъ безъ малаго по 40.000 рублей на наши деньги; за то студенты Мельборнскаго университета уже соперничаютъ съ студентами старыхъ англійскихъ университетовъ на лондонскихъ экзаменахъ, несмотря на то что Мельборнскій университетъ основанъ не болѣе пяти лѣтъ тому назадъ.

Чтобы дать понятіе объ относительномъ богатствѣ и бѣдности

нашихъ заведеній, приведемъ обзоръ доходовъ и расходовъ и вообще годичнаго содержанія старѣйшаго и самаго богатаго изъ нашихъ университетовъ, Московскаго. Этотъ обзоръ, основанный на официальныхъ данныхъ, будетъ, надѣмся, не лишень интереса для читателей.

Московскій университетъ имѣетъ три источника дохода: штатную сумму, отпускаемую изъ государственнаго казначейства, доходъ, доставляемый принадлежащему университету типографіей (съ *Вѣдомостями*), и сборъ за слушаніе лекцій.

Штатная сумма составляетъ 186.000 рублей сер. въ годъ, а именно на жалованье профессорамъ и чиновникамъ, содержаніе зданій и проч. отпускается 152.000; на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ 17.000, на служителей 8.500, и городская дума даетъ на клиники 8.500. Доходъ типографіи, то-есть количество денегъ, которая типографія доставляетъ университету, за вычетомъ всѣхъ издержекъ (основываясь на десятилѣтней сложности), простирается приблизительно до 35.000 въ годъ. Сборъ за слушаніе лекцій въ годъ 24.000 (среднее число за десять лѣтъ отъ 1848—1858). Такимъ образомъ годовой приходъ университета составляетъ отъ 245.000 до 250.000 рублей. Эта сумма тратится приблизительно такъ, какъ показано въ прилагаемой таблицѣ, относящейся собственно къ 1856 году, который можно принять за нормальный. Въ какихъ отношеніяхъ другіе года, изъ десяти разобранныхъ нами (съ 1848 до 1858), отличаются отъ этого послѣдняго, упомянемъ ниже.

Въ теченіе года выходитъ:

На жалованье профессорамъ, преподавателямъ, прозекторамъ, лаборантамъ и вообще лицамъ, служащимъ по учебной части.	75.000 р. с.
На жалованье лицамъ по административной, хозяйственной и полицейской части.	23.000—
На служителей, сторожей, сидѣлокъ, фельдшеровъ и т. п.	19.000—
На содержаніе студентовъ и пособіе бѣднѣйшимъ.	21.000—
На учебныя пособія (библиотеки, обсерваторіи, ботаническій садъ, лабораторіи, кабинеты, и проч.) за исключеніемъ пособій собственно медицинскаго факультета.	15.000—
На учебныя пособія исключительно для медицинскаго факультета до.	8.000—
На содержаніе факультетскихъ клиникъ (присоединяя сюда же 2000, идущія на госпитальныя клиники).	45.000—
На содержаніе и ремонтъ университетскихъ зданій (за исключеніемъ клиникъ).	34.000—
На разныя экстренныя издержки можно положить до.	10.000—
	<hr/>
Итого	250.000—

Для общаго обзора издержекъ университета, исключимъ изъ этого итога деньги, идущія на содержаніе казенныхъ студентовъ, такъ какъ на это учрежденіе, назначенное для особой цѣли

(въ настоящее время, исключительно для приготовления медиковъ), ассигнована особая сумма, и такъ какъ главныя издержки университета не измѣнились бы, еслибъ его и не существовало. Сумму, употребляемую на содержаніе клиникъ, также исключимъ изъ общаго итога, ибо клиники представляютъ отдѣльное учрежденіе (1). Исключивъ такимъ образомъ 75.000 изъ 250.000, получимъ 175.000 рублей, какъ сумму, которой стоить собственно содержаніе университета. Изъ этой суммы, какъ видно изъ таблицы, 114.000 употребляется на лица (жалованье профессорамъ, преподавателямъ, чиновникамъ, служителямъ и т. д., съ присоединеніемъ сюда же пяти тысячъ изъ десяти, поставленныхъ въ таблицѣ на разныя издержки), и до 61.000 на вещи (содержаніе зданій, учебныя пособия и проч.). Такимъ образомъ трата на вещи составляетъ болѣе половины траты на лица. Вместе съ тѣмъ, рассматривая употребленіе суммы, идущей на содержаніе разныхъ лицъ, служащихъ при университетѣ, замѣтимъ, что на жалованье профессоровъ, преподавателей и вообще лицъ, служащихъ по учебной части, выходитъ до 75.000 (изъ этой суммы около 25.000 идетъ на медицинскій факультетъ), а на служащихъ по административной, хозяйственной и полицейской части до 23.000. Последняя сумма составляетъ значительно болѣе четвертой доли предыдущей; тогда какъ въ иностранныхъ университетахъ она составляетъ обыкновенно, или по большей части, двадцатую, даже двадцать пятую, малую долю суммы, идущей на лица, принадлежащая къ собственно-учебной части заведенія. До 8000 идетъ на содержаніе инспекцій студентовъ. Изъ суммы, составляющей трату на вещи, до 23.000 идетъ на учебныя пособия и до 34.000 на содержаніе университетскихъ зданій. Последнее число весьма значительно и несравненно превышаетъ суммы, тратящіяся для подобной цѣли въ иностранныхъ заведеніяхъ. Правда, вышность нашихъ заведеній значительно роскошнѣе, помѣщеніе гораздо обширнѣе, и кромѣ того климатъ налагаетъ особыя условія (именно отопленіе стоить весьма дорого). Но вместе съ тѣмъ нельзя не замѣтить непропорциональности между содержаніемъ лицъ и содержаніемъ зданій. Какъ роскошно содержатся послѣднія, такъ мало средствъ дается первымъ; тогда какъ во всѣхъ иностранныхъ заведеніяхъ первая и главнѣйшая статья бюджета учебнаго заведенія — жалованье

(1) Какъ видно изъ таблицы, на содержаніе студентовъ идетъ 21.000 р. с., на содержаніе клиникъ 45.000, но къ этому послѣднему числу должно еще прибавить до 9000 (жалованье чиновникамъ, лѣкарямъ, фельдшерамъ, сидѣлкамъ, служителямъ), что вместе составляетъ 54.000.

профессорамъ и преподавателямъ, и стипендіи студентамъ (1). Кроме того, если вслѣдствіе нашего климата содержаніе зданій должно обходиться у насъ гораздо дороже чѣмъ за границей, то по той же причинѣ всякому изъ служащихъ дорожестойтъ содержать собственную квартиру, и безъ сомнѣнія, на это недостаточно 114 или 140 рублей, какія даются профессорамъ.

Сумма, употребляемая на учебныя пособія, довольно значительна: 23.000 р. с. Но не должно забывать, что она раздробляется на многія части. Около 3.000 было назначено до сихъ поръ на бібліотеку (только 3000!); до 8.000 идетъ на пособія для медицинскаго факультета. Не болѣе 4.000 на ботанической садъ (такъ по крайней мѣрѣ въ 1856 году, взятомъ за основаніе таблицы); около 1.500 на лабораторіи и химическія лекціи; около 500 на физическій кабинетъ и лекціи физики; въ томъ году, по которому преимущественно составлена предыдущая таблица, до 3.000 истрачено на обсерваторію (ассигнована собственно ничтожная сумма, менѣе 300 рублей); остальная сумма на кабинеты минералогической, зоологической, технологической, археологической. Прибавимъ, что пріобрѣтеніе у насъ всякаго рода учебныхъ пособій обходится, можно сказать, болѣе чѣмъ вдвое дороже нежели за границей.

Такимъ образомъ, дорогое помѣщеніе и богатая внѣшность, расширенная административная и полицейская часть и весьма ограниченное содержаніе профессоровъ и преподавателей, сопровождаемое скудостью студентскихъ стипендій,—вотъ главныя черты, обращающія на себя вниманіе при обзорѣ нашей таблицы расхода университетскихъ суммъ. Сличая состояніе университетавъ 1835 году, когда появился доннынъ дѣйствующій уставъ, съ современнымъ, состояніемъ, замѣтимъ, что по всѣмъ частямъ издержки университета увеличились весьма значительно. Даже пособія, назначаемыя бѣднымъ студентамъ, были увеличены. Одно осталось неизмѣннымъ — жалованье профессорамъ. По первоначальному уставу, назначалось (переводя на серебро) около 115.000 на все содержаніе университета, и изъ этой суммы до 70.000 на жалованье профессорамъ и преподавателямъ; собственно на зданіе полагалось только 7.000. Такова была первоначальная штатная

(1) Въ коллегіяхъ Оксфордскаго университета расходуются, напримѣръ, на стипендіи всякаго рода (студентамъ и кончившимъ курсъ) слишкомъ 600.000 р. с. Вообще безъ значительныхъ стипендій университетское ученіе не можетъ имѣть удовлетворительнаго успѣха даже въ странахъ старинной цивилизаціи. Во сколько же разъ стипендіи нужнѣе у насъ, при нашихъ общественныхъ условіяхъ? Мы не могли не коснуться этого пункта, хотя студенческія стипендіи и не составляютъ предмета настоящей нашей замѣтки.

сумма университета. Прибавленія къ штатной суммѣ, случившіяся съ тѣхъ поръ, доходы съ типографіи, наконецъ установленный сборъ за слушаніе лекцій—всѣ эти суммы, пошедшія на расширеніе университета въ различныхъ отношеніяхъ, не имѣли никакого вліянія на содержаніе профессоровъ. И можно прибавить, что экономическія соображенія болѣе брались въ разчетъ при устройствѣ учебной части нежели при расширеніи хозяйственной и полицейской. Такъ, для нѣкоторыхъ наукъ, преподаваемыхъ на медицинскомъ факультетѣ, не положено особыхъ преподавателей, ибо эти науки читаются на физико-математическомъ факультетѣ. Если не увеличилось содержаніе профессоровъ, то обязанности большинства изъ нихъ значительно увеличились. Число экзаменующихся нынѣ несравненно болѣе чѣмъ въ 1835 году; къ экзаменамъ собственно университетскимъ прибавились испытанія на званіе домашнихъ учителей и учительницъ, на право поступленія въ гражданскую службу, наконецъ испытаніе гимназистовъ 7-го класса по новой системѣ вступительныхъ экзаменовъ. За экзаменъ у насъ не полагается, какъ въ иностранныхъ заведеніяхъ, особой платы. Между тѣмъ обязанность экзаменовать беретъ много времени у профессора.

Если содержаніе профессоровъ и вообще устройство учебной части не подвергались съ 1835 года значительнымъ измѣненіямъ (содержаніе профессоровъ даже никакимъ), то, какъ уже упомянуто выше, нельзя того же сказать о другихъ частяхъ университетскаго управленія. Такъ полицейское управленіе съ тѣхъ поръ значительно расширилось. Число помощниковъ инспектора увеличено до семи; назначена особая должность старшаго помощника инспектора, содержаніе инспектора и помощниковъ увеличено развѣздными деньгами; по временамъ, въ вѣдѣніе инспектора ассигновывались особыя суммы, по случаю усиленія нравственнаго надзора за студентами. Инспекція осталась въ прежнемъ составѣ и нынѣ, когда студенты подчинены общему вѣдѣнію городской полиціи, и уже не живутъ въ зданіи университета. Вообще, мѣсто помощника инспектора обезпечено въ матеріальномъ отношеніи болѣе чѣмъ, напримѣръ, мѣсто экстраординарнаго профессора. Служба считается ученою, жалованье равняется адъютантскому, и кромѣ того помощники инспектора пользуются казенными квартирами, или получаютъ, какъ нѣкоторые нынѣ, 400 рублей квартирныхъ денегъ.

Въ приведенной выше таблицѣ годовыхъ расходовъ университета, на содержаніе и ремонтъ зданій поставлено 34.000. Это число должно быть увеличено, если взять въ разчетъ десятилѣтнюю сложность. Въ теченіе разсмотрѣнныхъ нами десяти лѣтъ (отъ 1848—1858), около 70.000 пошло на экстренныя передѣлки

въ большомъ корпусѣ, гдѣ помѣщались студенты, во флигеляхъ и въ церкви университета. Не должно также забывать, что изъ денегъ, определенныхъ на учебныя пособия, замѣтная часть идетъ на устройство помѣщеній, шкаповъ, столовъ и т. п.

Изъ приведеннаго краткаго обзора дохода и расхода университета, мы, кажется, безошибочно можемъ вывести слѣдующее заключеніе: содержаніе профессоровъ не только не достаточно для безбѣднаго существованія, но и крайне несоразмѣрно какъ съ богатствомъ виѣшности, такъ и съ общимъ итогомъ издержекъ университета.

Намъ случалось слышать счетчиковъ, которые разчитавъ, будто бы ординарному профессору приходится за каждую, прочитанную имъ лекцію, около 15 рублей, спрашивали: неужели мало пятнадцати рублей за часъ преподаванія? Но не говоря уже о томъ, что этотъ счетъ невѣренъ, мы спросимъ въ свою очередь: не забыты ли въ этомъ счетѣ часы приготовленія къ лекціямъ, — часы, о существованіи которыхъ, можетъ-быть, и не подозрѣваютъ подобные счетчики; не забыты ли часы, отдаваемые слушателямъ внѣ лекціоннаго времени, отдаваемые экзаменамъ, факультетскимъ засѣданіямъ, совѣтамъ и пр.; не забыто ли, что профессоръ, занимающійся своимъ дѣломъ и слѣдящій за наукой, отдаетъ всего себя дѣлу науки и преподаванія. Наконецъ, самое число крайне преувеличено и, положивъ, что ординарный профессоръ, читая по шести лекцій въ недѣлю (по уставу полагается читать по восьми, и многіе дѣйствительно имѣютъ такое и даже большее число лекцій) прочитываетъ въ годъ неменѣе ста пятидесяти лекцій. За каждую лекцію, слѣдовательно, не можетъ придтись болѣе десяти рублей, и это число, безъ сомнѣнія, выше, а никакъ не ниже настоящаго.

Намъ случалось слышать отъ другихъ, что должно дать прибавку тѣмъ профессорамъ, которые имѣютъ болѣе занятій чѣмъ другіе, и именно пропорціонально этимъ излишнимъ занятіямъ. Но если принять въ основаніе такой принципъ, то нѣтъ ничего труднѣе какъ сохранить справедливость и не внести въ оцѣнку занятій обиднаго произвола и недоверія. Прежде всего, каждый принадлежащій ка данному корпусу долженъ быть облегченъ, а потомъ, когда что уже сдѣлано, можно думать о прибавкахъ за особые труды. Съ другой стороны, подобное распределеніе вознагражденій заставило бы многіхъ стараться о томъ, чтобы имѣть по возможности болѣе номинальныхъ занятій, на которыя тратится время и которыя бесполезны въ сущности.

Для полноты обзора, приведемъ нѣсколько примѣровъ распределенія издержекъ въ бюджетахъ иностранныхъ заведеній. Такъ

въ сочиненіи Журдена: *Le budget de l'instruction publique en France*, (Paris, 1857), находимъ, что въ Нормальной школѣ (назначенной для образованія преподавателей), въ 1835 году, издержки на лица составляли 89.900 франковъ, на вещи 17.500 фр., на содержание 80 студентовъ назначалось 71.000 франковъ. Въ Collège de France въ 1855 году на лица истрачено 152.000, на вещи 28.000. Въ настоящее время бюджетъ Collège de France значительное, и трата на лица увеличена большою суммой, ибо теперь профессора получаютъ по 10.000 франковъ жалованья вмѣсто прежнихъ 5.000. На факультетахъ, какъ уже сказано выше, профессорское жалованье составляетъ въ настоящее время 7.500 франковъ, кроми платы, взимаемой съ экзаменующихся, которой значительная часть идетъ профессорамъ. Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы сиредѣлить, сколько именно различные профессора могутъ получить за экзамены, но слѣдующій фактъ доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта сумма весьма немаловажная. Въ 1849 году, въ эпоху всеобщей экономіи, было постановлено, чтобы содержаніе, получаемое профессорами юридическаго факультета, не превышало 12.000 франковъ, считая тутъ и постоянное жалованье, и дополненіе, получаемое съ экзаменовъ. Въ эту эпоху профессора юридическаго факультета получали жалованья 5.400 франковъ,—обстоятельство, позволяющее заключать, что сумма, получаемая ими съ экзаменовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ значительно превышала самое жалованье. Надо замѣтить, что хотя всѣ курсы на французскихъ факультетахъ вполне публичные, и входъ на лекціи открытъ для всѣхъ бесплатно, но экзамены сопровождаются издержками. Всякій экзаменующийся долженъ представить свидѣтельство, что онъ въ теченіи опредѣленнаго числа лѣтъ записывался въ число слушателей. За внесеніе въ списокъ положена опредѣленная плата (frais d'inscription). За самый экзамень назначенъ также опредѣленный взносъ (такъ за экзамень на бакалавра вносится 60 франковъ, доктора 120). Студентъ медицины, чтобы достигнуть степени доктора медицины, долженъ въ теченіи всего курса, въ общей сложности, заплатить за внесеніе въ списки и экзамень 1.000 франковъ.

Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, точныхъ свѣдѣній о богатствахъ нѣмецкихъ университетовъ за послѣднее время, но въ сочиненіи Коха (*Die preussischen Universitäten*. Berlin. 1839. Т. I., стр. 33) видимъ, что въ 1835 году на Берлинскій университетъ отпускалось изъ казначейства нѣсколько болѣе 100.000 талеровъ, что, вмѣстѣ съ нѣкоторыми собственными доходами университета, составляло 105.600 талеровъ. Изъ этой суммы 70.000 было опредѣлено на жалованье профессорамъ, около 30.000 на различные университетскія учрежденія (клиника, кабинеты, обсерваторія

и проч.) и 5.000 на администрацію. Сборъ со слушателей, за различныя «формальности», простирается въ ту эпоху до 16.000 талеровъ. Эти деньги, согласно уставу, раздѣлялись между ректоромъ, деканами, профессорами и чиновниками администраціи. Этотъ сборъ должно отличать отъ гонорарія, который въ Германіи слушатели платятъ профессорамъ за курсы. Гонорарій въ совокупности составлялъ, въ 1834 году, около 30.000 талеровъ въ семестръ, или 60.000 въ теченіи года. Эта сумма идетъ не однимъ профессорамъ, но также и приватъ-доцентамъ, не получающимъ казеннаго жалованья. Въ 1834 году въ Берлинскомъ университетѣ было 49 ординарныхъ профессоровъ, 43 экстраординарныхъ и 48 приватъ-доцентовъ. Замѣтимъ, что съ профессорскаго жалованья за границей нѣтъ никакихъ вычетовъ. Цифра же нашихъ жалованій не выражаетъ точно получаемыхъ денегъ, такъ какъ у насъ съ жалованья производится постоянный вычетъ на пенсіоны, и временные, значительные вычеты за чины и ордена. Далѣе, книги, составляющія необходимую и немаловажную издержку для профессора, за границей гораздо дешевле чѣмъ у насъ. И если сообразить, что всякій профессоръ, по меньшей мѣрѣ, долженъ въ годъ израсходовать на книги 200 рублей, и что съ другой стороны, въ Москвѣ, семейному человѣку, въ настоящее время нельзя найти квартиру съ отопленіемъ дешевле 500 рублей, то увидимъ, что экстраординарному профессору на всѣ остальные издержки жизни остается около 400 рублей, а адъюнкту нуль. Возможно ли жить на эту сумму?

Н. Л.—въ.

ИЗЪ АМЕРИКИ (1).

Мы не имѣемъ еще извѣстій объ экспедиціи доктора Гейса (Hayes), отправившагося въ іюль мѣсяцѣ къ арктическому полюсу. Шкуна, на которой онъ отправился, носитъ названіе *Соединенныя Штаты*; наканунѣ отплытія ея, на ней былъ данъ банкетъ, на которомъ присутствовалъ губернаторъ штата, провозгласившій въ честь г. Гейса слѣдующій тостъ: «За здоровье

(1) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 21.

доктора Гейса! Мы желаемъ ему благополучнаго плаванія по Полярному морю и самой радушной встрѣчи по возвращеніи.» Послѣ обѣда, ему вручили документы, въ силу которыхъ судно, на которомъ онъ отправляется, поступало въ его собственность. Денежная подписка доставила около 26.000 тысячъ руб. сер.; часть этой суммы отложена на составленіе запаснаго капитала, который пойдетъ на вознагражденіе экипажу по его возвращеніи. Бостонскіе жители доставили запасовъ на 5000 руб. сер.

Когда послѣдуетъ возвращеніе экспедиціи? Никто этого не знаетъ, даже самъ ея начальникъ. Въ бумагахъ, выданныхъ шкунѣ, сказано, «что оно отправляется изъ Бостона въ арктическія страны, на востокъ, для ученыхъ изслѣдованій; продолжительность ея плаванія будетъ зависѣть отъ самаго начальника; офицеры же и экипажъ будутъ подчинены правиламъ, установленнымъ для военнаго флота Соединенныхъ Штатовъ. Г. Гейсъ принялъ для себя и своихъ спутниковъ чрезвычайно простой мундиръ, сѣрый съ желтыми пуговицами, на которыхъ изображена звѣзда. Та же звѣзда краснаго цвѣта помѣщена на срединѣ бѣлаго флага, вѣдѣтаго на гротъ-мачтѣ. На бакѣ поднять флагъ съ масонскими эмблемами. Экипажъ состоитъ изъ пятнадцати человѣкъ; между ними самый опытный—поварь, которому сорокъ семь лѣтъ отъ роду; ему одному только за сорокъ; всѣ прочіе гораздо моложе; самому г. Гейсу только двадцать-восемь лѣтъ. Онъ принималъ участіе въ экспедиціи доктора Кена. Помощникъ начальника, докторъ Августъ Зонтагъ, въ то же время и астрономъ, извѣстный своими отличными познаніями; онъ запасся превосходными инструментами, и между прочимъ малтникомъ, который, если сообщить ему движеніе, качается въ продолженіи пяти часовъ.

Г. Голль (Hall), изъ Синсиннети, снарядилъ судно, надъ которымъ самъ принялъ начальство и отправился отыскивать капитана Франклина; онъ имѣетъ основательныя причины предполагать, что если Франклинъ и погибъ, то остались еще въ живыхъ нѣкоторые люди изъ его экипажа. Недавно получены отъ него извѣстія чрезъ одного китобоя. На кораблѣ все благополучно. Только общее сожалѣніе возбудила смерть одного молодого Эскимоса, который хорошо знакомъ былъ съ географіей этихъ льдистыхъ странъ и который уже прежде оказалъ множество услугъ китобоямъ. Г. Голль готовится стать на зимовья квартиры, чтобы пріучить себя къ холодному климату, изучить языкъ и обычаи туземцевъ, прежде чѣмъ начать свое весеннее плаваніе.

Въ послѣдніе мѣсяцы захвачены были до десятка неволь-

ничьихъ судовъ. Конечно, это число значительно, но оно окажется ничтожнымъ, если принять въ соображеніе, сколько судовъ занимается торговлей неграми. Грустнѣе всего то, что большая часть изъ нихъ американскія и вышли изъ нью-йоркскаго порта! Нѣтъ сомнѣнія, что они имѣютъ сношенія съ портовыми чиновниками. Затѣмъ главная причина всего зла Куба, которая не можетъ никогда насытиться черными и поглащаетъ каждый грузъ, успѣвающій пристать къ берегу. Какимъ же образомъ испанское правительство, вступившее въ союзъ съ державами, положившими уничтожить торговлю невольниками, терпитъ постоянный подвозъ негровъ цѣлыми тысячами? Еслибъ испанское правительство чистосердечно желало этого уничтоженія, то оно бы запретило привозъ новыхъ негровъ, но у него не достаетъ силы или доброй воли, и оттого столько ужасовъ совершается въ Африкѣ, на морѣ и въ странахъ, принимающихъ къ себѣ невольниковъ; а какимъ опасностямъ подвергаются люди, занятые ловлей негроторговцевъ, сколько тратится судовъ и капиталовъ, которые бы можно употребить несравненно съ большею пользою! Крайняя необходимость рабочихъ рукъ на островѣ Кубѣ побуждаетъ приобрѣтать ихъ по какой бы то ни было цѣнѣ. Если нѣтъ черныхъ, то требуютъ куліевъ; съ послѣдними не лучше обращаются на судахъ, куда они, впрочемъ, вступаютъ въ качествѣ волонтеровъ. До насъ часто доходятъ страшныя разказы о томъ, что дѣлается на этихъ судахъ, нагруженныхъ куліями. Вотъ примѣръ:

Судно *Норвея* (Norwy) отправлено было изъ Макао съ грузомъ тысячи куліевъ, назначенныхъ въ Гаванну; послѣ пятидневнаго плаванія, на немъ вспыхнуло возмущеніе. Куліи подожгли судно въ двухъ мѣстахъ. На палубѣ былъ только вахтенный офицеръ и одинъ Англичанинъ. Экипажъ пораженъ былъ страхомъ, всѣ бросились къ шлюпкамъ, какъ вдругъ пассажиръ-Англичанинъ, схвативъ пистолетъ, погрозилъ разожить голову первому, кто не возвратится къ своему посту; капитанъ выбѣжалъ изъ своей каюты въ сопровожденіи двухъ офицеровъ, и бой завязался; онъ продолжался отъ 6 часовъ вечера до 8 часовъ слѣдующаго утра. Спокойствіе возстановилось, когда убито было до 30 куліевъ и ранено до 90. Капитанъ далъ куліямъ часть времени для выдачи оружія, угрожая, въ случаѣ неповиновенія, срубить мачты, зажечь судно, забрать съ собою волю въ шлюпки всѣ запасы и предоставить матазниковъ на произсудьбы. Куліи покорились. Съ капитаномъ были жена его дочь; первая умерла отъ страха ночью, вторая на другой день. Судно прибыло къ мѣсту своего назначенія. Поматно, въ какомъ состояніи находились умы при окончаніи путешествія.

Журналы извѣщали васъ о путешествіи принца Валлійскаго въ Соединенныхъ Штатахъ. Я сообщу вамъ только нѣкоторыя подробности, которыя могли не дойти до васъ. Конечно, онъ долженъ былъ посѣтить сначала англійскія колоніи.

Квебекъ, Монреаль на рѣкѣ Св. Лаврентія и другіе города, на озерахъ, были посѣщены имъ; онъ принятъ былъ повсюду съ приличною торжественностію. Въ Канадѣ, принца потрясли только нѣкоторыя манифестаціи оранжистовъ, въ которыя хотѣли втнугъ его и которыя онъ умѣлъ всегда побѣгать, обнаруживая постоянно свое отвращеніе къ духу партій. Присутствіе наследника престола обозначило двѣ враждебныя партіи, которыя до тѣхъ поръ дѣйствовали тайно, — партіи оранжистовъ и католиковъ, и антипатию, существующую между протестантскимъ элементомъ Верхней Канады, гдѣ говорятъ не-англійски, и Нижнею Канадою, гдѣ господствуетъ французскій языкъ и католическое исповѣданіе. Будемъ надѣяться, что блестящее путешествіе его королевскаго высочества не оставитъ зародыша двойныхъ несогласій — но національности и по религіи, и что эта поездка не послужитъ поводомъ къ событіямъ совершенно иного значенія, чѣмъ тѣ торжественныя правдствія, на которыхъ онъ присутствовалъ. Принцъ открылъ въ Канадѣ нѣсколько общественныхъ построекъ, между которыми мостъ Викторіи, переброшенный черезъ рѣку Св. Лаврентія въ Монреаль, представляетъ самый грандіозный и великолѣпный памятникъ современнаго зодчества. Принцу приходилось принимать множество адресовъ, и, несмотря на свою молодость (ему только 18 лѣтъ), онъ отвѣчалъ всегда съ большимъ тактомъ и достоинствомъ. Посреди ораторскаго пустословія, которое ежедневно раздавалось въ ухахъ его, съ тѣхъ поръ какъ онъ ступилъ на почву Канады, принцу удалось однажды выслушать пріятельскую рѣчь, выходящую изъ рамки общихъ мѣстъ оціаніаго разглагольствія. Вотъ пріятельствіе, которое произнесъ ему Канвагасті (великій сѣверный медвѣдь), предводитель дикарей острова Манитулинъ, лежащаго при входѣ въ Верхнее-Озеро.

«Великій братъ! Небо прекрасно. Мы встрѣчаемся здѣсь во волѣ Великаго Духа.

«Я радуюсь, что королева прислала своего первенца помѣтаться съ своими подданными Индѣйцами. Я счастливъ, что вижу тебя здѣсь сегодня. Надѣюсь, что небо будетъ всегда прекрасно, и испошлетъ благополучіе и бѣлымъ, и Индѣйцамъ. Великій братъ! когда еще ты былъ младенцемъ, родители твои говорили тебѣ, что въ Канадѣ живутъ Индѣйцы; съ тѣхъ поръ ты успѣлъ побывать въ Канадѣ и видѣлъ этотъ народъ. Я одинъ изъ вождей Оджиббевеевъ, я представитель племени, которое

собралось здѣсь, чтобы привѣтствовать своего великаго брата. Ты видишь окружающихъ тебя Индѣйцевъ. Они узнали, что нѣкогда ты возложишь на главу свою британскую корону и примешь въ свое управленіе Англію. Самое пламенное желаніе ихъ, чтобы ты ихъ не забылъ.»

Принцъ отвѣчалъ, что онъ очень признателенъ имъ за эти желанія, что онъ надѣется, что небо будетъ всегда прекрасно, и что онъ никогда не забудетъ своихъ краснокожихъ братій.

Теперь возвращается изъ Англій принцесса этого племени. Обращенная въ христіанство, она отправилась въ метрополию испросить помощи, необходимой для ея племени. Королева Викторія привѣтливо принимала эту Индіанку, въ то время когда принцъ Валлійскій выражалъ Индѣйцамъ чувства своей благоклонности къ нимъ, въ ихъ собственной странѣ.

Изъ Канады принцъ отправился въ Соединенные Штаты; посѣщая одинъ за другимъ самыя большіе города этой страны, онъ могъ составить себѣ понятіе о ея благостояніи и богатствѣ. Онъ посѣтилъ Чикаго, Санъ-Луи, Синсиннети, Питтсбургъ, Вашингтонъ, Балтиморъ, Филадельфію, Нью-Йоркъ, Вестъ-Пойнтъ, Альбани, Бостонъ и Портлендъ. Принимали его повсюду какъ нельзя лучше. Всѣ были имъ довольны, и вѣроятно онъ самъ сохранилъ очень пріятное воспоминаніе о Соединенныхъ Штатахъ. Въ Канадѣ онъ долженъ былъ показать себя принцемъ, въ Соединенныхъ Штатахъ онъ явился простымъ гражданиномъ; можно тысячами насчитать рукожатія, которыми онъ надѣлалъ всѣхъ. Повсюду въ честь ему давались праздники, обѣды и балы. Молодой принцъ страстно любитъ танцы, онъ предавался имъ съ увлеченіемъ, и не трудно себѣ вообразить, съ какимъ жаромъ наши дамы добивались чести коснуться его царственной руки. Хотя молодой человекъ путешествовалъ подъ именемъ барона Ренфру (Renfrew), и хотя посѣщеніе его не имѣло никакого оффиціального характера, но трудно было представить себѣ принца Валлійскаго и барона Ренфру двумя разными лицами.

Одинъ изъ значительныхъ журналовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, сообщая разказъ о посѣщеніи барономъ Ренфру Бѣлаго Дома (такъ называется жилище президента Соединенныхъ Штатовъ въ Вашингтонѣ), сопровождаетъ его слѣдующими размышленіями.

«Принцъ Валлисскій, первый изъ принцевъ, ночевалъ въ Бѣломъ Домѣ, жилищѣ нашихъ избирательныхъ, а не наследственныхъ президентовъ. Будетъ ли онъ и послѣднимъ? И не наступитъ ли время, когда какой-нибудь принцъ будетъ не просто гостемъ, но и постояннымъ обитателемъ этого дома? Не будетъ ли

наша страна, подобно Римской республикѣ, имѣть своего Октавія Августа? Римъ былъ же республикой въ продолженіи многихъ столѣтій. Не придетъ ли день, когда Соединенные Штаты, вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ, распрей и другихъ бѣдствій, будутъ доведены до жестокой необходимости прибѣгнуть къ власти какого-нибудь знаменитаго полководца, втораго Августа, какъ къ единственному средству избѣжать гибели и разоренія. Пусть подумаетъ народъ объ этихъ вопросахъ.» Къ этому я прибавлю, что народъ предлагаетъ ихъ себѣ.

Это событіе, внесенное въ республиканскую жизнь американскаго народа, имѣетъ болѣе значенія чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Правда, наши народные волненія разноситъ вѣтеръ, а все бы лучше, еслибъ они не повторялись слишкомъ часто. Мы видимъ, что потомокъ королей однимъ фактомъ своего рожденія возбуждаетъ въ населеніи такой восторгъ, какого не встрѣчали самые великіе и лучшіе люди Союза. Едва ли генераль Скоттъ, предписавшій миръ Мексикѣ въ самомъ дворцѣ прежнихъ властителей, встрѣтилъ въ Нью-Йоркѣ такой приѣмъ, какой сдѣланъ былъ юному наследнику британской короны. Мы были свидѣтелями самыхъ восторженныхъ демонстрацій, которыми привѣтствовали принца, когда онъ прибылъ изъ Филадельфіи, и все это съ изъявленіемъ доброй воли тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что публика ожидала его въ продолженіи четырехъ-пяти часовъ. Конторы, магазины, все было заперто въ этой торговой метрополіи; вся милиція была на ногахъ и 300.000 любопытныхъ тѣшилось на окнахъ, на крышахъ, на тротуарахъ и на эстрадахъ, нарочно выстроенныхъ по этому случаю. Со всѣхъ сторонъ британское знамя соединяло цвѣта свои съ цвѣтами американскаго знамени, потомъ слѣдовали надписи, приличныя обстоятельствамъ, транспаранты и пр. Жители Нью-Йорка, такъ же какъ и всѣхъ городовъ Союза, во которымъ провзжалъ принцъ, сохраняютъ навсегда пріятное воспоминаніе о тѣхъ дняхъ, которые онъ провелъ между ними. Его высочество посѣтилъ всѣ главныя заведенія, дѣлалъ смотръ войскамъ, съ видомъ челоуѣка, знающаго свое дѣло. Онъ очень хорошо вѣдѣтъ верхомъ, прекрасно танцуетъ и предается этимъ занятіямъ со всею страстію и увлеченіемъ молодости.

Альбани, столица шгата Нью-Йорка, и Бостонъ, куда отправился принцъ отсюда, встрѣтили его съ такимъ же энтузіазмомъ., Я разкажу вамъ анекдотъ, случившійся въ этомъ послѣднемъ городѣ. Между разными рѣдкостями, тамъ есть сто-пяти-лѣтній старикъ, по имени Ральфъ Фарнгеймъ. Это послѣдній остатокъ войны за независимость въ 1776 году. Онъ, воинъ революціи, пожелалъ увидѣть потомка тѣхъ, противъ кого онъ нѣкогда сражался.

Принцъ принялъ этого ветерана очень привѣтливо и проговорилъ съ нимъ довольно долго; между прочимъ, онъ сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ о сдачѣ генерала Боргойна. «Были ли вы при томъ, какъ онъ сдался?» — Да, былъ; я говорю вамъ, что онъ былъ храбрый офицеръ, но что прикажете дѣлать, когда всѣ припасы отрѣзаны и нѣтъ другаго выхода, какъ отдать свою шпагу? Разговаривая съ принцемъ, старый ветеранъ революціи сказалъ ему: — Право, я слышу столько похвалъ принцу, что начинаю опасаться, чтобы всѣ наши граждане не сдѣлались роялистами. Слова эти возбудили громкій смѣхъ во всѣхъ присутствовавшихъ. Онъ присовокупилъ: — Подобно всѣмъ моимъ согражданамъ, я желалъ васъ видѣть, засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и увѣрить васъ, что мы не сохранили ни малѣйшаго воспоминанія о прежнихъ непріятностяхъ, которыя, какъ мы надѣемся, никогда не возобновятся.

Дѣло въ томъ, что обѣ фракціи англо-саксонскаго племени, англійская и американская, гораздо тѣснѣе соединены между собою чѣмъ вообще думаютъ. По обѣ стороны Атлантическаго океана существуютъ государственные люди, задающіе себѣ вопросъ, не требуетъ ли политика обоихъ государствъ взаимнаго сближенія, соединенія болѣе тѣснаго. Соединеніе Америки и Англіи! Представьте себѣ, какое значеніе будетъ имѣть подобный союзъ для цѣлаго міра!

Въ Портлендѣ, принца ожидалъ корабль *Геро*, на которомъ онъ прибылъ въ Америку. Въ ту минуту, когда принцъ вступилъ на него, военная музыка загремѣла національные гимны сѣверныхъ государствъ, суда и форты дрогнули отъ пушечныхъ выстрѣловъ, и толпа огласила воздухъ безчисленными ура! на которые высокій путешественникъ отвѣчалъ прощальными поклонами. Черезъ часъ все исчезло на горизонтѣ. Будемъ надѣяться, что высокій гость нашъ благополучно возвратится на родину, и что сильный вихрь, поднявшійся въ самую минуту его отъѣзда, окончится безъ всякихъ послѣдствій.

Мы живемъ въ такое время, когда принцы путешествуютъ. Когда принцъ Альбертъ-Эдуардъ оставалъ американскую почву, другой принцъ, Камеама, братъ короля Сандвичевыхъ острововъ, присталъ въ Калифорнію на собственной яхтѣ, прекрасномъ клиперѣ, построенномъ въ одномъ изъ портовъ Атлантическаго океана и носящемъ названіе «Королевы Гавайской». Онъ уже не въ первый разъ посѣщаетъ нашъ материкъ; онъ даже путешествовалъ по Европѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Камеама является къ народу, съ которымъ онъ связанъ узами благодарности. Нѣтъ еще ста лѣтъ, какъ страна, погруженная въ глубочайшее варварство, была поприщемъ самыхъ неистовыхъ

жестокостей. Въ настоящее время, въ ней живетъ народъ, преданный христіанству, не по наружности только, но душой и тѣломъ, народъ, почерпнувшій изъ Библии свои государственныя постановленія. Онъ обязанъ этимъ вліянію Соединенныхъ Штатовъ. Но нѣтъ ли темной стороны въ цивилизаціи, слишкомъ внезапно водворенной въ какомъ-либо народѣ? Конечно, жители Сандвичевыхъ острововъ были язычники, неукротимые дикари; дядя нынѣшняго короля прославился своею чудовищною свирѣпостію. Но что же было результатомъ этой цивилизаціи? При открытіи острова, въ немъ находилось до 200 тысячъ жителей; въ 1832 году осталось 130 тысячъ; въ 1847 г.—112 тысячъ, а теперь туземцевъ не болѣе 70 тысячъ! Что за причина, что цивилизація бѣлыхъ имѣетъ такое разрушительное вліяніе на туземную породу однимъ только соприкосновеніемъ своимъ съ нею? Мы видимъ то же явленіе во всей Сѣверной Америкѣ. И это исчезновеніе низшихъ породъ происходитъ вовсе не отъ войны, а отъ одного дуновенія высшей породы. Какой богатый предметъ для мыслителя!

Наши сѣверныя озера подвержены иногда жестокимъ бурямъ, и чтобы взволновать ихъ, не нужно слишкомъ сильныхъ вѣтровъ; окрестности ихъ совершенно плоски, ни одна гора, ни одинъ холмъ, ни одно возвышеніе не умѣряетъ порывовъ вѣтра. Эти озера, покрытыя парусными судами и пароходами всякаго наименованія, размножающимися съ каждымъ годомъ, бываютъ не рѣдко свидѣтелями страшныхъ катастрофъ. До насъ дошло извѣстіе, что вслѣдствіе столкновенія, пароходъ *Леди Эльджинъ* погубъ въ водахъ озера Мичигана съ 400 пассажировъ, въ числѣ которыхъ было много миссіонеровъ.

Леди Эльджинъ отправилась изъ Чикаго, города, лежащаго на южной оконечности озера Мичигана, для увеселительной поѣздки по Верхнему озеру; она оставила пристань въ 11 часовъ вечера; спустя три часа, на пароходъ наткнулась шкуна въ разстояніи десяти миль отъ берега. Шкуна ударила пароходъ въ лѣвый бокъ у колеса, и тотчасъ же исчезла во мракѣ, унесенное теченіемъ.

Въ минуту столкновенія на кораблѣ танцевали, и въ каютъ-компаніи раздавалась музыка. Въ одно мгновеніе все погрузилось въ молчаніе, и черезъ полчаса пароходъ былъ подъ волнами. Не слышно было ни криковъ, ни стоновъ, ни иного звука, кромѣ пара, вырывающагося изъ трубъ, да всплеска волнъ. Женщины были блѣдны и молчаливы; сознаніе опасности и безпомощное положеніе, поразившее ихъ такъ внезапно, лишило ихъ употребленія языка!

Тотчасъ послѣ столкновенія , на воду спустили шлюпку съ намѣреніемъ оемотрѣть пароходъ и починить пробонну на лѣвой сторонѣ. На шлюпкѣ было два весла, но въ ту минуту, когда ее спустили на воду и отвязали , одно весло ускользнуло; управлять было невозможно, и шлюпку понесло къ берегу. На суднѣ оставалось только двѣ шлюпки. Одна съ тринадцатью человѣками благополучно достигла берега, но другая, въ которой укрылось восемь человѣкъ, была такъ сильно забрасываема бурномъ, что четверо изъ нихъ потонули. Спасшіеся отъ крушенія разказывали, что на разсвѣгъ видно было, какъ отдѣлялись повсюду отъ сѣраго горизонта и всплывали на поверхность воды предметы, похожіе на человѣческія фигуры, боровшіяся съ волнами. Въ самый мигъ столкновенія пароходъ шелъ по одиннадцати миль въ часъ. Двадцать минутъ спустя, судно, гонимое сильнымъ вѣтромъ къ берегу, наполнилось водой на три фута. Изъ четырехъ сотъ пассажировъ, находившихся на пароходѣ, получены извѣстія только о 60; вотъ еще 340 жертвъ, увеличившихъ собою списокъ несчастій, случающихся на нашихъ пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ. *Леди Эльджимъ* было судно въ 300 фут. длины и въ тысячу тоннъ; построено оно было не болѣе десяти лѣтъ. Капитанъ его погибъ. Причину несчастія приписываютъ недостатку огней на столкнувшихся судахъ. Прибрежные города облеклись въ глубокой трауръ, даже магазины были запѣрты.

Я намѣренъ сказать нѣсколько словъ тѣмъ изъ читателей вашихъ, которые занимаются естественною исторіей.

Въ какую бы публичную бібліотеку Соединенныхъ Штатовъ вы ни вошли, непременно увидите посѣтителя, который перелистываетъ одинъ изъ большихъ томовъ великолѣпнаго сочиненія Одиубона: *О птицахъ Сѣверной Америки*.

Одиубонъ одинъ занимался собираніемъ матеріаловъ для своего сочиненія; онъ самъ бродилъ по лѣсамъ, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ, по горамъ и по берегамъ рѣкъ Св. Лаврентія и Миссиссипи, проводилъ иногда цѣлыя ночи подъ деревомъ, для того чтобъ утромъ изучить птицу, которая накануне заснула надъ его головой. Послѣ многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ этихъ ученыхъ экскурсіяхъ, неутомимый изслѣдователь возвратился домой съ богатѣйшею добычей; но онъ еще не окончилъ этимъ ни трудовъ своихъ, ни испытаній. Едва возвратился онъ со своей утомительной охоты, какъ пожаръ истребилъ въ нѣсколько часовъ всѣ коллекціи, собранныя имъ съ такою любовію и заботливостію. Въ одно мгновеніе погибли плоды многолѣтнихъ трудовъ. Но онъ не пришелъ въ уныніе; онъ взялъ снова свое ружье и охотничью сумку, по прежнему углу-

былся въ уединеніе, и провель еще многіе годы, пробѣгая Америку отъ одной оконечности до другой, но знакомымъ ему уже тропинкамъ. Когда Одюбонъ могъ сказать себѣ, что окончилъ задуманное имъ предпріятіе, тогда онъ увидѣлъ себя совершенно раззореннымъ, и принужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи публики для покрытія огромныхъ издержекъ по его изданію, простиравшихся до 100.000 долл. Тогда терпѣливый орнитологъ открылъ такую вещь, о какой никогда не думалъ: онъ убѣдился, что отъ Атлантическаго океана до Тихаго, отъ Гудсонова залива до Мексиканскаго,—подписчикъ такая птица, которую поймать всего труднѣе. Только послѣ немовѣрныхъ усилій, ему удалось привести къ окончанію превосходнѣйшее изданіе, подобнаго которому не было еще въ американской книжной торговлѣ и которое обошлось ему по тысячѣ долларовъ за экземпляръ. Сынъ Одюбона, въ память своего отца, готовится приступить къ новому изданію, которое обойдется вдвое дешевле перваго. Оно будетъ заключать въ себѣ тысячу рисунковъ птицъ въ ихъ натуральную величину, оттиснутыхъ прежними досками, и будетъ состоять изъ семи большихъ томовъ текста.

Начальникъ одной экспедиціи въ Скалистыхъ Горахъ недавно обнарудовалъ разказъ о своемъ путешествіи по западнымъ равнинамъ, содержащій въ себѣ, между прочимъ, слѣдующее: Въ пустынной странѣ, въ 60 миляхъ къ сѣверу отъ Блэк-Рока (Black Rock), находится окаменѣлое дерево, лежащее почти горизонтально и такъ, что часть его, ближайшая къ вершинѣ, погружена въ землю или песокъ. Путешественникъ увѣряетъ, что оно въ длину простирается на 600 футовъ, а стволъ, на сколько его видно, имѣетъ въ діаметрѣ отъ 40 до 50 футовъ. Но близости отъ него, находятся другія деревья той же породы, но стволы въ 30—40 футовъ длиною и съ соответствующимъ діаметромъ. Вѣроятно, раскопки поведутъ къ открытію цѣлаго лѣса. Не удивительно ли, что обширный лѣсъ громадныхъ деревьевъ находился въ странѣ, нынѣ совершенно обнаженной на разстояніи ста миль въ окружности? Калифорнія и до сихъ поръ представляетъ деревья, которымъ нѣтъ равныхъ въ мірѣ по діаметру. Но замѣчательно, что и въ Канадѣ встрѣчаются деревья громадныхъ размѣровъ. Недавно, въ одной деревнѣ, не подалеку отъ рѣки Св. Лаврентія, срубили дерево, которое надъ корнями имѣло 36 футовъ въ окружности. Одинъ купеческій домъ въ Нью-Йоркѣ купилъ его для выдѣлки ружейныхъ прикладовъ; слѣдовательно дерево было самое крѣпкое. Какимъ образомъ могло быть подобное дерево? Цѣлая толпа зрителей присутствовала при его паденіи,—зрѣлище впрочемъ неутѣшительное; но на этомъ матеріалѣ совсемъ не беругутъ деревьясь,

хотя бы они были посажены предками и дороги были по семейнымъ воспоминаніямъ; всякое дерево пускается на продажу, когда понадобится нѣсколько долларовъ. Прозаческій и денежный народъ!

На этотъ разъ я не могу сообщить вамъ ничего особеннаго относительно изобрѣтеній. Швейныя машины распространяются всеболѣе и болѣе, и пройдетъ ещенемного лѣтъ, какъ онѣ проникнутъ во всё семейства; производство ихъ замѣчательно не только по количеству, но и по качеству; есть машины въ пять долл., есть во 100 долл. и дороже. Машины эти находятся во всѣхъ швейныхъ мастерскихъ, и, что всего интереснѣе, къ нимъ вмѣсто ноги, приложили другую движущую силу. Работа ногой очень тяжела; теперь ее замѣнили превосходнымъ изобрѣтеніемъ Эриксона: швейная машина дѣйствуетъ посредствомъ сжатаго воздуха, и швеямъ остается только соразмѣрять ея движеніе.

Здѣсь случилось происшествіе, которое заслуживаетъ мѣста въ летописи преступленій. Лѣтъ сорокъ тому назадъ совершено было въ штатѣ Вермонтѣ убійство; нѣкто Коблей умерщвленъ былъ зятемъ своимъ Джессомъ Бурномъ (Jesse Boorn) и его братомъ. Убійцы были преданы суду и приговорены къ висѣлицѣ. Въ назначенный день безчисленная толпа устремилась къ мѣсту казни. Осужденные взошли на эшафотъ, роковая петля наброшена имъ была на шею; ихъ готовы уже были вздернуть, какъ вдругъ человекъ, котораго полагали умерщвленнымъ, появился въ толпѣ и остановилъ исполненіе приговора. Братья Бурны были тотчасъ же освобождены посреди поднявшагося волненія, и выѣхали изъ штата Вермонта. Но вотъ теперь, Джессъ Бурнъ, которому уже семьдесятъ лѣтъ, объявилъ судѣ, что онъ и братъ его были дѣйствительно виновниками убійства, и что человекъ, появившійся передъ эшафотомъ, былъ вовсе не Коблей, котораго считали убитымъ, а другой человекъ изъ сосѣдняго штата, имѣвшій, поразительное сходство съ Коблеемъ, и давшій свое ложное показаніе за большую сумму денегъ. Въ уваженіе раскаяніа Бурна, его преклонныхъ лѣтъ и времени, протекшаго послѣ убійства, убійцу оставили на свободѣ; но уже съ той минуты о немъ не было слышно.

Я вамъ говорилъ уже о быстромъ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ въ западныхъ и южныхъ областяхъ, рѣшеніи, очень дурно согласующемся съ правилами судопроизводства; но оно понятно, если принять въ соображеніе трудности, встрѣчаемыя въ странѣ, гдѣ населеніе рѣдко и гдѣ судебныя мѣста находятся на такомъ далекомъ разстояніи, что отправлять туда подсудимыхъ нѣтъ никакой возможности. Въ такомъ случаѣ устраиваютъ временный судъ изъ ближайшихъ сосѣдей, кратко допрашиваютъ подсудимаго, и если

онъ виновенъ, то его вѣшаютъ на первомъ деревѣ. Этотъ Личевъ законъ, какъ его называютъ, прилагается безпрестанно къ дѣлу то тутъ, то тамъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Недавно фактъ этотъ повторился въ Техасѣ. Члены судебного мѣста протестовали противъ этого народнаго правосудія, этотъ протестъ не понравился, и народные судьи отместили палатѣ тѣмъ, что повѣсили законныхъ судей!

Оригиналы встрѣчаются въ каждой странѣ, но такъ какъ они уже исчезаютъ въ наше время, когда однообразіе проводитъ по всему свой уровень, то оглашеніе нѣкоторыхъ эксцентричностей не лишено будетъ интереса; вотъ одна такая черта:

Одинъ изъ плантаторовъ въ южныхъ штатахъ умеръ, оставивъ состояніе на 100 тыс. дол.; вотъ содержаніе его духовнаго завѣщанія: «Я завѣщаю всѣ мои вещи и всю мою собственность вообще дѣтямъ моего брата, на слѣдующихъ условіяхъ: желая засвидѣтельствовать мою признательность моей нью-фаундлендской собакѣ, которая спасла мнѣ жизнь, когда я тонулъ, и желая въ то же время обезпечить существованіе экономки, которая ухаживала за мною, я утверждаю ее кормилицею, хранительницею и опекуншею моей собаки. Мои законные наследники должны будутъ съ этою цѣлію выплачивать ей изъ моего состоянія ежедневную сумму, слѣдующимъ порядкомъ: ежедневная плата будетъ производиться до тѣхъ поръ, пока жива моя собака и ни одной секунды долѣе. Въ теченіи перваго года послѣ моей смерти, и на все время, пока будетъ жива моя собака, въ этомъ году, экономка моя будетъ получать по 5 дол., ежедневно; на второй годъ по 10 дол., на третій по 15, и такъ далѣе, увеличивая плату пятью дол., пока будетъ жива моя собака. Въ теченіи мѣсяца, въ который умретъ моя собака, экономкѣ будетъ выплачено по 125 дол. за каждый день существованія моей собаки. Въ день ея смерти выplatится по 250 дол. за каждый часъ жизни собаки. Въ послѣдній часъ жизни собаки, экономка получитъ за каждую минуту по 375 дол., и за каждую секунду послѣдней минуты по 500 дол. Поручаю своему нотариусу исполненіе моей послѣдней воли.»

Повидимому авторъ-чудакъ имѣлъ такую же нѣжную привязанность къ своей собакѣ, какъ и Байронъ. При подобныхъ распоряженіяхъ, наследникамъ его всего выгодноѣе, чтобы собака умерла поскорѣе. Съ другой стороны, для экономки выгодноѣе, чтобы она жила долго и счастливо, а этого и желалъ ея господинъ. Сдѣлаемъ разчетъ, и положимъ, что собака умретъ въ 59 минутъ и 59 секундъ 12-го часа, 30-го числа; экономкѣ придется выplatить за 30 дней по 125 дол.—3750 дол.; за 11 часовъ по 250 дол.—2750.; за 59 минутъ по 375 дол.—27,125.; за 59 секундъ по 500 дол. 29,500. Въ итогѣ окажется 58,125 дол.

Однимъ изъ главныхъ занатій принца Валисскаго, во время его пребыванія здѣсь, были смотры милиціи. Многіе полки маневрируютъ очень хорошо; мундиры чисты и красивы и все идетъ такъ, какъ только можно требовать отъ милиціи. Впрочемъ, видъ солдата и его поступъ не имѣютъ въ себѣ ничего воинственнаго. Чтобы поддержать воинскій духъ, каждый полкъ проводитъ по недѣлѣ въ лагерѣ. Для этого выбираютъ мѣсто, не слишкомъ отдаленное отъ города. Дамы приносятъ молодымъ ополченцамъ цѣлыя корзины цвѣтовъ. До наступленія настоящихъ трудовъ, сопряженныхъ съ ихъ званіемъ, солдаты наши ведутъ жизнь сибаритовъ, а не воиновъ. Занимаясь часть утра, когда еще не жарко, экзерциціями и маневрами, остальное время они отдыхаютъ, купаются въ морѣ, играютъ въ дискъ и навѣщаютъ своихъ родныхъ. Это называется лагерною жизнью. Вечеромъ устраиваются еще разные проказы. Такъ напримѣръ, на дняхъ, на смѣхъ часовому, поставленному у палатки полковника, кто-то похитилъ одну изъ находившихся тамъ пушекъ. Когда замѣтили пропажу, немедленно ударили тревогу; весь полкъ взялся за оружіе, составляя самыя странныя предположенія. Наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ, пушку нашли въ другой палаткѣ. Очень понятно, что при такихъ условіяхъ лагерная жизнь должна быть очень весела.

Въ настоящее время, у насъ въ Нью-Йоркѣ происходятъ турниры на билліардѣ и на шахматной доскѣ. Берже, знаменитый французскій игрокъ на билліардѣ, каждый вечеръ излагаетъ передъ многочисленною публикой свою теорію и сопровождаетъ ее практикой; шаръ его повинуется кію, какъ рукѣ. «Ты пойдешь туда», говоритъ Берже, «и нигуда больше», и шаръ идегъ и достигаетъ указаннаго мѣста, ударившись нѣсколько разъ о бортъ. Морфи, первый шахматный игрокъ, находится также здѣсь. Кстати о шахматахъ: одинъ любитель устроилъ себѣ въ Филадельфій самую великолѣпную шахматную бібліотеку, какая только существуетъ на свѣтѣ. Въ ней находится до 600 томовъ, между которыми есть очень рѣдкія и дорогія. Между прочимъ, указываютъ на сочиненія Косты, изданныя въ 1478 г., и Даміанса въ 1512, трактаты Якобуса де Цессолиса, Рюй Лопеса и др.

Сѣверная часть цѣпи Аллегани и отрасли ея, простирающіяся за рѣку Св. Лаврентія до Квебека, были встревожены землетрясеніемъ. Это случается не въ первый разъ, и отъ того эти феномены изучаются съ большимъ интересомъ. Нѣтъ стороны въ Америкѣ, которая носила бы на себѣ столько признаковъ вулканическихъ переворотовъ какъ Нижняя Канада, и особенно около залива Св. Павла. 17 октября, три жестокіе удара землетрясенія поразили ужасомъ всѣхъ жителей. Многіе дома по обо-

ниъ берегамъ рѣки значительно пострадали; до дюжины печей развалилось. Съ вершины одной церкви упалъ крестъ. Сила землетрясенія была ужасна. Первый ударъ, самый значительный, продолжался 4 минуты и 48 секундъ; въ первые десять секундъ онъ былъ особенно жестокъ, и потомъ сила его постепенно уменьшалась. Второе колебаніе началось въ 6 час. 45 минутъ и продолжалось отъ 3 до 4 секундъ; но третій ударъ былъ, подобно первому, очень жестокъ и поколебалъ все, хотя и продолжался не болѣе двухъ-трехъ секундъ. «Я не спускалъ глазъ, говоритъ одинъ корреспондентъ, съ часовъ во все время, пока продолжалось землетрясеніе, чтобы сравнить продолжительность его въ другихъ мѣстностяхъ. Никогда, на человѣческой памяти, не случалось такого жестокаго землетрясенія. О приближеніи его намъ возвѣстилъ глухой гулъ, и удары его сопровождались трескомъ.» Судя по извѣстіямъ, полученнымъ изъ разныхъ мѣстъ, землетрясеніе вездѣ было ощутительнѣе въ низменностяхъ и на песчаной почвѣ чѣмъ на высотахъ и на каменныхъ мѣстахъ.

Я говорилъ уже вамъ о президентскихъ выборахъ. Я возвращаюсь къ нимъ, чтобы сказать вамъ, что я не могу надвинуться, съ какимъ спокойствіемъ ведутъ свое дѣло политическія партіи, хотя они движимы политическими убѣжденіями, діаметрально противоположными, и убѣжденія эти глубоки. Ежедневно, всѣ улицы Нью-Йорка, а это дѣлается повсюду, покрыты процессіями и политическими демонстраціями. Каждая партія днемъ и ночью носитъ свое знамя, въ сопровожденіи толпы, числомъ отъ тысячи до 20 тысячъ. Эти процессіи сопровождаются различными эмблемами партій; онѣ останавливаются, провозносятъ рѣчи, и продолжаютъ путь свой безъ волненія и помѣхи. Не доказывать ли это, что въ сущности между Американцами господствуетъ чувство глубокаго уваженія къ человѣческому достоинству; и все это совершается въ совершенномъ порядкѣ, и для поддержанія его не нужно солдатъ. Побѣжденная партія уступитъ рѣшенію большинства, она преклонится передъ его волей, но изготавится къ новой кампаніи 1864 года. Впрочемъ, лицу президента Соединенныхъ Штатовъ не слѣдуетъ приписывать большой важности. Политика его можетъ быть дурна, антинаціональна, не благоприятна для учрежденій страны, но онъ не можетъ употребить во зло свою власть, ни посягнуть на право націи и гражданъ, потому что и противъ него они тотчасъ же могутъ прибѣгнуть къ власти судебной или законодательной.

Г. Матиль.

ИЗВЛЧЕНИЕ ИЗЪ ОТЧЕТА В. П. БЕЗОБРАЗОВА МИНИСТРУ
ФИНАНСОВЪ.

Министръ финансовъ, согласно съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, имѣя въ виду, что для успѣха будущихъ занятій комиссіи о земскихъ банкахъ необходимо имѣть ближайшія свѣдѣнія о видахъ и намѣреніяхъ землевладѣльцевъ относительно учрежденія земскихъ банковъ, и о состояніи финансовыхъ оборотовъ приказовъ общественнаго призрѣнія, поручилъ В. П. Безобразову собрать прошлымъ лѣтомъ означенныя свѣдѣнія въ губерніяхъ: Тверской, Московской, Ярославской, Костромской, Калужской, Владимірской, Тульской, Рязанской и Нижегородской. Для исполненія этого порученія, г. Безобразовъ объѣхалъ означенныя губерніи и старался ознакомиться съ существующими предположеніями относительно учрежденія земскихъ банковъ, съ разными обстоятельствами и условіями, благоприятствующими или противодѣйствующими успѣху поземельнаго кредита, и съ операціями и личнымъ составомъ приказовъ общества призрѣнія.

Планъ путешествія, обусловленный частію географическимъ расположеніемъ губерній, частію необходимостію быть къ извѣстному времени въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, по предварительному соглашенію съ начальниками губерній, былъ слѣдующій: Владиміръ, послѣ него Рязань, Тула и Калуга; за тѣмъ возвратившись изъ Калуги въ Москву, г. Безобразовъ совершилъ вторую часть своего путешествія и посѣтилъ Рыбинскъ, Ярославль, Кострому и Нижній-Новгородъ, въ который онъ пріѣхалъ къ ярмарочному времени. Наконецъ, изъ Нижняго-Новгорода онъ отправился въ Тверь, по приглашенію учредителей Тверскаго земскаго банка, собравшихся для совѣщанія съ нимъ 25 августа, и за тѣмъ провелъ послѣдніе дни своего путешествія въ Москвѣ, гдѣ, до того времени, находился только проездомъ. Намъ очень пріятно передать нашимъ читателямъ главнѣйшіе выводы, сдѣланные г. Безобразовымъ на основаніи наблюденій, собранныхъ во время этого путешествія и изложенныхъ въ его отчетѣ министру финансовъ.

Во Владимірской губерніи, г. Безобразовъ нашолъ мысли объ устройствѣ земскаго банка, если не блѣклыми къ своему осуществленію, то, по крайней мѣрѣ, значительно осозрѣвшими. во взглядахъ землевладѣльцевъ, по крайней мѣрѣ на сколько онъ могъ

судить по отзывамъ лицъ, которыхъ онъ могъ видѣть во время своего пребыванія во Владимірѣ (съ 20 по 29 іюня). Экземпляры *Трудовъ* комиссіи уже давно были разосланы, по распоряженію г. губернскаго предводителя дворянства, къ уѣзднымъ предводителямъ, съ приглашеніемъ доставить замѣчанія мѣстныхъ дворянъ на предположенія комиссіи. Въ первыхъ числахъ сентября, назначенъ былъ во Владимірѣ съѣздъ дворянъ для обсужденія вопроса объ устройствѣ земскаго банка для Владимірской губерніи. Нынѣшній губернскій предводитель дворянства, Д. В. Солениковъ, весьма тщательно занимается этимъ вопросомъ. Изъ числа другихъ помѣщиковъ губерніи, занимается составленіемъ проекта земскаго банка для Владимірской губерніи С. А. Юшковъ (ассесоръ владимірской палаты государственныхъ имуществъ); сверхъ того, сколько извѣстно, составленъ также проектъ переяславскимъ помѣщикомъ, княземъ А. Б. Голицынымъ.

Обстоятельства, относящіяся къ устройству земскаго банка во Владимірской губерніи и выставляемыя тамъ на видъ, при сужденіяхъ по этому предмету, заключаются между прочимъ въ слѣдующемъ:

1) Оцѣнка залоговъ, всюду сопряженная съ большими трудностями, потребуетъ особенной заботливости во Владимірской губерніи, гдѣ въ различныхъ мѣстностяхъ существуютъ совершенно различныя условія цѣнности имѣній. Такъ одна часть губерніи (вообще восточныя уѣзды) представляетъ самое крайнее развитіе въ сельскомъ народонаселеніи фабричной промышленности, а другая часть (вообще западныя уѣзды) занята хлѣбопашествомъ, если не исключительно, то въ довольно-значительной степени.

2) Первоначальнымъ фондомъ для учрежденія владимірскаго земскаго банка могли бы служить, по мнѣнію нѣкоторыхъ дворянъ, капиталы, собранныя дворянствомъ на женскій пансіонъ (200 тысячъ, за исключеніемъ 50 т., необходимыхъ на покупку дома) и на существующій уже дворянскій институтъ (270 тыс., обращенные въ 5% фонды). Это предположеніе заключается въ томъ, чтобы на означенные капиталы пріобрѣсти закладные листы или облигаціи земскаго банка, могущія оставаться принадлежностью заведеній; чистыя деньги могли бы быть непосредственно выданы заемщикамъ банка, а государственныя облигаціи или предварительно проданы или же прямо выданы въ ссуду заемщикамъ.

3) Самые крупныя помѣщики Владимірской губерніи не живутъ въ своихъ имѣніяхъ и, находясь внѣ предѣловъ губерніи, едва ли могутъ участвовать собственно въ учрежденіи земскаго банка. Эти землевладѣльцы къ тому же мало нуждаются въ кредитѣ, такъ какъ почти всѣ ихъ имѣнія находятся на оброчномъ положеніи. Остаются затѣмъ, для учрежденія банка, средніе и мелкіе земле-

владѣльцы, не имѣющіе въ своемъ распоряженіи значительныхъ капиталовъ и нуждающіеся въ кредитѣ, хотя и не въ такихъ размѣрахъ какъ помѣщики другихъ губерній, ибо все-таки бѣльшая часть всей массы помѣщичьихъ имѣній во Владимірской губерніи находится на оброчномъ положеніи (приблизительно $\frac{9}{10}$). Наконецъ, что касается домовладѣльцевъ города Владиміра, то они не многочисленны и получали пособіе на постройки отъ строительной комиссіи.

4) При такихъ условіяхъ, весьма трудно предполагать, чтобы требованіе на ссуды при самомъ учрежденіи банка могло достигнуть во Владимірской губерніи не только 1.000.000 р., какъ предполагено комиссіей, для учрежденія земскаго кредитнаго общества (1), но и 300.000 руб., какъ предполагено ею, для открытія временно ссудъ изъ земскихъ кредитныхъ отдѣленій при приказахъ общественнаго призрѣнія (2), тѣмъ болѣе что изъ всего числа помѣщичьихъ имѣній Владимірской губерніи болѣе $\frac{2}{3}$ уже заложены въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ.

5) Владимірская губернія болѣе всѣхъ другихъ богата денежными капиталами, не только купеческими, но и крестьянскими; въ особенности, значительные капиталы находятся въ гг. Шуѣ, Муромѣ, селѣ Ивановѣ и Вознесенскомъ посадѣ. Капиталы и вообще зажиточность народонаселенія во Владимірской губерніи могутъ служить весьма благоприятнымъ условіемъ для успѣха дѣйствій земскаго банка и для выпуска его облигацій; но быстрому привлеченію такихъ капиталовъ, при самомъ учрежденіи банка, будетъ препятствовать существующая и здѣсь разрозненность интересовъ помѣщиковъ съ интересами другихъ классовъ общества и преимущественно купеческаго. Торгующее и фабричное народонаселеніе, чрезвычайно предприимчивое и весьма образованное въ Шуйскомъ уѣздѣ, можетъ быть значительно заинтересовано въ учрежденіи земскаго банка и окажетъ ему, безъ сомнѣнія, свое содѣйствіе, если со ссудами подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ будутъ соединены, въ томъ же банкѣ, операціи по коммерческому и промышленному кредиту. Можетъ стать, подобное развитіе могъ бы получить банкъ, проектированный въ Вознесенскомъ посадѣ.

Въ Рязанской губерніи, нѣсколько лицъ также занимаются вопросомъ о земскихъ банкахъ, и въ особенности, рязанскій помѣщикъ О. С. Аѣросимовъ. Имъ составленъ даже проектъ, сходный въ общихъ началахъ съ проектомъ Тверскаго банка.

(1) См. стр. 28 Трудовъ.

(2) См. тамъ же, стр. LXXVI.

Сущность этого проекта заключается въ учрежденіи смѣшанной акціонерной компаніи, т. е. въ составленіи складочнаго капитала обезпеченія для кредита банка частію изъ денежныхъ паевъ, частію изъ ручательства имѣніями; главною цѣлью банка былъ бы выкупъ крестьянскихъ земель; крестьяне платили бы по ссудамъ всего 7% (въ томъ числѣ 5% для уплаты процентовъ по облигаціямъ 1% для погашенія капитальнаго долга 1% въ пользу прибыли банка). Этотъ проектъ до сихъ поръ не получилъ оффиціального хода; предполагается разсмотрѣть его на дворянскомъ сѣздѣ, который и здѣсь признается необходимымъ для обсужденія вопроса о земскихъ банкахъ.

Первоначальнымъ фондомъ для операций земскаго банка могъ бы служить, по мнѣнію нѣкоторыхъ дворянъ, капиталъ, собранный дворянствомъ для улучшенія Александровскаго заведенія и обращающійся въ здѣшнемъ приказѣ общественнаго призрѣнія.

Сколько г. Безобразовъ могъ заключить изъ собранныхъ имъ свѣдѣній, для успѣха учрежденія земскаго банка въ Рязани не совсѣмъ благоприятно то обстоятельство, что здѣсь нѣтъ пока въ виду лицъ, которыя бы, и по своимъ имущественнымъ силамъ, и по общественному положенію, готовы были стать во главѣ предпріятія и сдѣлаться средоточіемъ для учредителей. Этотъ недостатокъ особенно ощутителенъ вслѣдствіе нѣкотораго разномыслія, существующаго здѣсь, какъ и въ другихъ губерніяхъ, относительно направленія, которое должно быть дано дѣлу. Затѣмъ, въ Рязанской губерніи чрезвычайно выставляется разнообразіе интересовъ поземельной собственности; одна часть губерніи (преимущественно южная) принадлежитъ къ чисто-земледѣльческой полосѣ, а другая (преимущественно сѣверная, сѣверо-восточная и сѣверо-западная)—къ чисто-промышленной.

Въ Тульской губерніи, ходъ занятій г. Безобразова былъ менѣе успѣшенъ нежели въ другихъ мѣстахъ. На другой день по прибытіи его въ Тулу, былъ сѣздъ всѣхъ уѣздныхъ предводителей губерніи. Несмотря на такое обстоятельство, весьма благоприятное для обсужденія вопроса объ устройствѣ земскаго банка, бывшіе на лицо гг. уѣздные предводители не признали нужнымъ подвергнуть вопросъ о земскихъ банкахъ, совокупно съ нимъ, обсужденію и устроить совѣщаніе подобно другимъ губерніямъ. Изъ свѣдѣній, которыя г. Безобразовъ успѣлъ собрать частнымъ путемъ, оказываются слѣдующія обстоятельства, обуславливающія развитіе земскаго кредита въ Тульской губерніи:

1. Въ Тульской губерніи весьма много имѣній съ дачами окончательно не размежеванными, и много земель спорныхъ, въ особенности между помѣщиками и государственными крестьянами.

2. Между тульскими купцами есть много весьма значительныхъ

капиталистовъ, и по увѣренію мѣстныхъ жителей, много капиталовъ, даже чрезвычайно великихъ (нѣсколько милліоновъ руб.) остаются въ ихъ рукахъ праздными и безъ помѣщенія. Безъ всякаго сомнѣнія, эти капиталы, до сихъ поръ тщательно запираемые въ сундуки (въ видѣ звонкой монеты, кредитныхъ билетовъ, серій), не легко могутъ быть привлечены къ дѣлу новому, каковъ земскій банкъ, когда и прежніе, самые обеспеченные способы помѣщенія, устрашали ихъ владѣльцевъ. Но во всякомъ случаѣ, здѣсь нѣтъ опасенія собственно за недостатокъ самыхъ капиталовъ.

По части кредита, въ Тулѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія Александровскій банкъ, дѣйствующій съ необыкновеннымъ успѣхомъ и оказывающій весьма благотворное содѣйствіе мѣстной торговлѣ. Г. Безобразовъ старался, при содѣйствіи директоровъ банка, проникнуть въ ходъ его операций и условія его дѣятельности, такъ какъ Александринскій банкъ не только самъ по себѣ представляется любопытнымъ у насъ кредитнымъ явленіемъ, но, въ случаѣ безуспѣшности учрежденія въ Тулѣ самостоятельнаго земскаго банка, могъ бы распространить свои дѣйствія и на поземельный кредитъ. Последняя мысль уже нѣсколько разъ возникала въ Тулѣ и къ приведенію ея въ исполненіе не встрѣчается большихъ затрудненій, по мнѣнію какъ самихъ директоровъ банка, такъ и многихъ людей, близко знакомыхъ съ дѣломъ и мѣстными обстоятельствами. Во всякомъ случаѣ, подобная мысль, какъ переходная мѣра по устройству земскихъ банковъ, заслуживаетъ полнаго уваженія.

Операции Александринскаго банка заключаются (по уставу Высочайше утвержденному 23 декабря 1845 г.) въ пріемъ вкладовъ, для приращенія процентами, и выдачу ссудъ подъ учетъ векселей, подъ недвижимыя имущества (дома и строенія въ Тулѣ), кредитныя бумаги (эта операція разрѣшена банку въ недавнее время) и ручные залогов. Банкъ началъ свои дѣйствія въ 1846 году, съ основнымъ капиталомъ въ 20.000 р., пожертвованнымъ въ пользу Тульскаго дѣтскаго пріюта и дома призрѣнія. Въ настоящее время, основной неприкосновенный капиталъ удвоился (на счетъ прибылей); банкъ получалъ въ послѣдніе годы до 60% чистой прибыли на капиталъ и въ 1859 г. истратилъ изъ своихъ доходовъ на содержаніе заведенія сумму, равную первоначальному своему капиталу. Безъ всякаго сомнѣнія, такіе результаты можно, безъ преувеличенія, назвать блестящими. Этими результатами Александринскій банкъ обязанъ какъ чрезвычайной потребности городского населенія, преимущественно торговаго, въ кредитныхъ операціяхъ, такъ и довѣренности, которую онъ сумѣлъ внушить публикѣ добросовѣстностью и

аккуратностью всѣхъ своихъ распоряженій. При 20.000 собственнаго капитала, банкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи вкладовъ до 626.000, и ежегодный оборотъ его доходитъ нынѣ до 700.000 руб. Большая часть этого капитала затрачена въ ссудахъ подъ учетъ векселей (нынѣ до 203,000 р.) и подъ залогъ кредитныхъ бумагъ (билетовъ разныхъ кредитныхъ установленій и государственнаго казначейства) до 226.000 р. Подъ залогъ домовъ роздано нынѣ до 95.000 и драгоценныхъ вещей до 26.000 р. Сумма вкладовъ постоянно превышала сумму ссудъ, такъ что банкъ долженъ былъ всегда обращать часть своихъ вкладовъ въ государственныя кредитныя установленія, и иногда даже приостанавливать пріливъ вкладовъ. Нынѣ обращаются въ Московской сохранной казнѣ 202.815 р. 90 к. Операціи Александринскаго банка еще болѣе оживились въ послѣднее время, съ прекращеніемъ дѣйствій государственныхъ кредитныхъ установленій; безъ сомнѣнія, операціи его могли бы получить еще болѣе обширное развитіе, еслибъ онъ не былъ стѣсненъ многими правилами своего устава, установленнымъ формализмомъ своего дѣлопроизводства и обязанностью строго подчинять условія своихъ операцій правиламъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Такъ напримѣръ, размѣръ процентовъ по вкладамъ и ссудамъ определенъ въ Александринскомъ банкѣ разъ навсегда, и онъ не можетъ, посредствомъ подвижнаго размѣра процентовъ, сообразоваться съ обстоятельствами денежнаго рынка и потребностями кредита, и въ то же время оказывать на коммерческіе обороты то благотворное уравновѣшивающее вліяніе, какое должны имѣть всѣ банки. Несмотря на пониженіе процентовъ, соответственно пониженію процентовъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, сумма вкладовъ въ Александринскомъ банкѣ возрастала; очевидно, что банкъ можетъ привлечь къ себѣ капиталы въ количествѣ несравненно даже большемъ нежели было до сихъ поръ, если только онъ будетъ имѣть право предлагать вкладчикамъ условія, какія окажутся для нихъ выгодными, способными привлечь капиталы и соответствующими условіямъ операцій, въ которыя самъ банкъ будетъ затрачивать вклады. До сихъ поръ, въ банкѣ былъ даже излишекъ вкладовъ, только потому для него необременительный, что онъ могъ всегда передавать вклады въ казенныя банки. При нынѣшнихъ потребностяхъ въ кредитѣ, Александринскій банкъ, пользуясь довѣріемъ къ нему капиталистовъ, легко можетъ дать большій просторъ своимъ операціямъ; на первый разъ самыми близкими для него операціями представлялись бы распространеніе учетной операціи на многогородныхъ купцовъ (нынѣ принимаются къ учету только векселя за подписью тульскаго купца), ссуды подъ залогъ многихъ родовъ благона-

дежныхъ кредитныхъ бумагъ (нынѣ не принимаемыхъ), каковы будутъ закладные листы и облигаціи земскихъ банковъ, и наконецъ, самое главное, ссуды подъ залогъ сельскихъ недвижимыхъ имуществъ. Съ другой стороны, большій просторъ въ операціяхъ банка неминуемо потребуетъ болѣе точнаго и строгаго опредѣленія ответственности его распорядителей, которые нынѣ состоятъ изъ выборныхъ отъ дворянства и купечества, и не пользуются за свои труды никакимъ вознагражденіемъ, необходимою принадлежностью большей степени ответственности. При распространеніи операцій Александринскаго банка по поземельному кредиту, должностной составъ его могъ бы быть пополненъ изъ среды самихъ земледѣльцевъ; точно также послѣдніе могли бы участвовать въ контролѣ и въ расходахъ на управленіе банка.

Въ Калугѣ, до сихъ поръ, не состоялось никакихъ положительныхъ предположеній къ устройству земскаго банка, но, сколько извѣстно, предполагается обеудить дѣло на дворянскомъ съѣздѣ, и можно надѣяться, что оно можетъ имѣть успѣхъ при содѣйствіи начальника губерніи, В. А. Арцимовича, члена комиссіи о земскихъ банкахъ, нѣсколькихъ земледѣльцевъ, близко интересующихся устройствомъ банка и могущихъ по своимъ свѣдѣніямъ дать ему правильный ходъ (П. Н. Свистуновъ, составитель выкупнаго проекта въ губернскомъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, г. Подкованцевъ, будущій директоръ Малютинскаго банка и др.) и, наконецъ, при просвѣщенномъ образѣ мыслей многихъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Въ Калугѣ долженъ вскорѣ вступить въ дѣйствіе Малютинскій городской банкъ (подобный Тульскому Александринскому банку), который, сколько можно предполагать по лицамъ, стоящимъ во главѣ его, долженъ имѣть большой успѣхъ. Банкъ будетъ выдавать ссуды, подъ залогъ только городскихъ недвижимыхъ имуществъ; возникла мысль о распространеніи его операцій и на сельскія имущества, разумѣется при благопріятныхъ обстоятельствахъ въ будущемъ времени. Вообще приуроченіе операцій поземельнаго кредита къ банковымъ учрежденіямъ, хотя и другаго рода, но уже существующимъ, встрѣтитъ менѣе затрудненій чѣмъ созданіе совершенно новыхъ и спеціальныхъ земскихъ банковъ. Эта мысль подкрѣпляется еще тѣмъ, что число людей, способныхъ и достойныхъ быть распорядителями банка, вообще весьма не велико въ губернскихъ городахъ.

Въ Ярославлѣ обстоятельства въ настоящую минуту не совсемъ благопріятны для движенія вопроса о земскихъ банкахъ въ средѣ дворянства, ибо въ Ярославлѣ пока нѣтъ губернскаго предводителя дворянства (два выбранные кандидата не утверждены правительствомъ), а Н. А. Яковлевъ, временно исправляю-

щій эту должность, просилъ уже о своемъ увольненіи. Сверхъ того, исправляющій должность начальника губерніи, кн. Оболенскій, лишь весьма незадолго до прибытія г. Безобразова вступилъ въ должность.

Устройству здѣсь земскаго банка должно бы, казалось, содѣйствовать обиліе капиталовъ въ Ярославской губерніи, въ особенности купеческихъ. Последнее подтверждается и чрезвычайно значительною цѣнрой вкладовъ въ ярославскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія. Къ сожалѣнію, и здѣсь замѣчается между землевладѣльцами и торгующимъ классомъ весьма мало взаимной связи, необходимой для совокупнаго дѣйствія. Между тѣмъ, успѣхи промышленнаго развитія въ Ярославской губерніи и обширные коммерческіе обороты въ такихъ городахъ какъ Ярославль, Рыбинскъ, Ростовъ, заставляютъ и торгующій классъ живо чувствовать потребность въ банковыхъ операціяхъ.

Что касается до Костромской губерніи, то тамъ, уже съ самаго прекращенія дѣйствія государственныхъ кредитныхъ установленій, возникла въ средѣ дворянства мысль объ учрежденіи частнаго земскаго банка. По этому предмету состоялось постановленіе дворянства, представленное еще въ мартѣ 1860 г. министру внутреннихъ дѣлъ. Это постановленіе принято костромскимъ дворянствомъ, прежде чѣмъ ему были извѣстны виды правительства относительно устройства земскихъ банковъ и прежде распубликованія *Трудовъ* комиссіи; въ немъ сдѣлано только общее указаніе на необходимость для землевладѣльцевъ губерніи въ кредитномъ учрежденіи, по примѣру дворянскихъ и общественныхъ банковъ, существующихъ въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, и поручено губернскому и уѣзднымъ предводителямъ составить по этому предмету проектъ, съ приглашеніемъ людей спеціально знакомыхъ съ финансовою и кредитною частію. Въ послѣдствіи, лица, на коихъ возложено было это дѣло въ Костромской губерніи, и преимущественно губернскій предводитель дворянства, А. А. Мироновъ, очень озабоченный устройствомъ земскаго банка для Костромской губерніи, подвергъ изученію *Труды* комиссіи, указавшіе на организацію поземельнаго кредита, гораздо болѣе усовершенствованную и болѣе приспособленную къ современнымъ потребностямъ, чѣмъ прежніе наши дворянскіе и общественные банки. Въ то же самое время, кромѣ сознанный потребности въ кредитѣ, для костромскихъ землевладѣльцевъ было особеннымъ побужденіемъ безотлагательно взять на себя инициативу въ дѣлѣ учрежденія земскаго банка, еще и то опасеніе, чтобы, при бездѣтельности самихъ землевладѣльцевъ, операціи по поземельному кредиту не были захвачены какими-либо монополистами или спекулянтами.

Г. Безобразовъ упоминаетъ о слѣдующихъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ въ ходѣ этого дѣла:

1) Мысль собственно о дворянскомъ банкѣ, по образцу нижегородскаго и другихъ, возникла въ Костромѣ лишь въ то время, когда были еще неизвѣстны нынѣшніе виды правительства о разрѣшеніи устройства частныхъ банковъ. Въ настоящее время эта мысль совершенно уступила мысли о земскомъ банкѣ, безъ всякой примѣси сословнаго элемента.

2) Какъ первоначальный фондъ для земскаго банка, предполагается употребить разные капиталы (между прочимъ и капиталъ въ 150 т. для предполагаемаго Романовскаго женскаго института), собранные дворянствомъ Костромской губерніи на учебныя заведенія (всего до 600 т. р.), и состоящіе частью въ государственныхъ облигаціяхъ, частью въ чистыхъ деньгахъ. Обращеніе этихъ капиталовъ въ облигаціи земскаго банка должно облегчить первоначальный выпускъ ихъ и выдачу ссудъ землевладѣльцамъ, а облигаціи должны оставаться принадлежностію учреждений, для которыхъ собраны капиталы.

3) Организация Костромскаго земскаго банка будетъ собрана съ проектомъ земскихъ кредитныхъ обществъ, составленнымъ комиссіей, Высочайше учрежденною для устройства земскихъ банковъ, и также съ проектомъ Тверскаго земскаго банка, въ которомъ круговое ручательство, вообще устрашающее, по своей новизнѣ, многихъ землевладѣльцевъ, не обязательно для заемщиковъ.

4) Организация выкупа крестьянскихъ земель, признаваемая весьма многими лицами, въ средѣ костромскаго дворянства, за лучшей исходъ изъ крестьянскаго дѣла и относительно этой губерніи, предполагается какъ одна изъ главныхъ цѣлей банка.

5) Въ сентябрѣ должны были собраться уѣздные предводители и депутаты для ближайшаго обсужденія вопроса, и потомъ, по начертаніи проекта, рассмотретьъ его на общемъ дворянскомъ съѣздѣ.

6) Если не встрѣтятся въ будущемъ непредвидимыхъ теперь препятствій для движенія дѣла о земскомъ банкѣ въ Костромской губерніи, то можно надѣяться на его успѣхъ при личныхъ заботахъ губернскаго предводителя дворянства, поддерживаемаго единомысліемъ многихъ землевладѣльцевъ.

7) Для благонадежности операций земскаго банка Костромской губерніи необходимо тщательно обсудить норму оцѣнки имѣній въ уѣздахъ: Макарьевскомъ, Ветлужскомъ и Варнавинскомъ, представляющихъ, по рѣдкости народонаселенія и преобладающему лѣсному хозяйству, условія цѣнности земель, совершенно отличныя отъ имѣній въ другихъ уѣздахъ.

Въ Нижнемъ Новгородѣ, несмотря на ярмарочное время, къ которому г. Безобразовъ считалъ нужнымъ пріѣхать (съ 10 по 19 августа), онъ засталъ весьма мало мѣстныхъ дворянъ. Въслѣдствіе отсутствія губернскаго предводителя (г. Болтина) и тяжкой болѣзни исправлявшаго его должность, не могло быть устроено совокупнаго совѣщанія землевладѣльцевъ о земскомъ банкѣ.

Нѣкоторыми дворянами Нижегородской губерніи было заявлено мнѣніе о необходимости преобразования нижегородскаго дворянскаго банка и о приспособленіи его къ новымъ потребностямъ поземельнаго кредита. Изъ данныхъ, сообщенныхъ г. Безобразову (къ сожалѣнію слишкомъ краткихъ), относительно оборотовъ нижегородскаго (Александровскаго) дворянскаго банка, видно, что на заемщикахъ банка состоитъ въ долгу (по 28 и 33 лѣтнимъ займамъ) 993.208.65¹/₄. Сверхъ того, въ билетахъ приказа общественаго призрѣнія принадлежитъ банку 13.000 руб. и состоитъ въ наличности въ кассѣ банка 34.281 р. 41 к. (цифра весьма значительная для мертвaго капитала). Весь капиталъ составляетъ 1.040.490 р. 06.

По порученію дворянъ, занимаются въ настоящее время вопросомъ объ устройствѣ земскаго банка нижегородскіе помѣщики, гг. Русиновъ и Несторовъ.

Въ Твери было назначено собраніе учредителей земскаго банка, для совѣщанія съ г. Безобразовымъ, 25 августа (по предварительному между ними соглашенію).

Хотя собраніе это не было очень многолюдно, по причинѣ сельскихъ работъ, производившихся у многихъ помѣщиковъ—учредителей, но въ немъ участвовали за исключеніемъ одного, всѣ главнѣйшіе двигатели дѣла и составители проекта. Въ теченіи двухъ дней были пройдены, въ этомъ совѣщаніи, всѣ параграфы проекта, на которые г. Безобразовъ предварительно изготавилъ свои замѣчанія. Какъ общій выводъ изъ этихъ совѣщаній, г. Безобразовъ сообщаетъ слѣдующее:

1) Такъ какъ Тверской земскій банкъ есть въ сущности акціонерный (хотя складочный акціонерный капиталъ предполагается составить частію изъ денежныхъ взносовъ, частію изъ свидѣтельствъ на мѣнія, *ручательствъ*), то успѣхъ и кредитъ такого рода предпріятія необходимо будутъ соразмѣряться съ величиной складочнаго капитала и числомъ акціонеровъ. Состоявшаяся до сихъ поръ подписка на акціи (до 250.000 р.) должна, по мнѣнію учредителей, возрасти въ гораздо большіихъ размѣрахъ (до 1 милл. р.), если къ участію въ подпискѣ будутъ приглашены всѣ землевладѣльцы и капиталисты Тверской губерніи, гдѣ вообще возлагаютъ на это предпріятіе большія надежды:

2) Сколько можно судить, по собраннымъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ и по объясненіямъ съ учредителями, къ тверскому предпріятію не примѣшивается никакого духа биржевой спекуляціи и своекорыстнаго разчета на быстрые барыши (для первоначальныхъ двигателей дѣла), какъ это не рѣдко случается при учрежденіи акціонерныхъ компаній и губить многія наши компанейскія предпріятія.

3) Успѣхъ Тверскаго земскаго банка будетъ зависѣть отъ дѣятельности первыхъ его распорядителей или директоровъ, которые должны своимъ нравственнымъ характеромъ и энергіей внушить довѣріе къ банку.

Москвою г. Безобразовъ предложилъ окончить свое путешествіе, чтобы получить, предъ возвращеніемъ въ Петербургъ, самыя свѣжія извѣстія о движеніи предпріятій по поземельному кредиту въ Московской губерніи. У губернскаго предводителя Д. П. Воейкова было совѣщаніе нѣкоторыхъ уѣздныхъ предводителей и наличныхъ помѣщиковъ Московской губерніи. Совѣщаніе это сосредоточилось болѣе на обмѣнѣ мыслей объ условіяхъ, необходимыхъ для успѣха земскаго банка въ Московской губерніи нежели на какихъ-нибудь положительныхъ предположеніяхъ. Здѣсь, между прочимъ, было указано съ настоятельностью на два условія, необходимыхъ для успѣха операцій земскаго банка:

1) Устройство ипотечной системы, о которой вообще говорить въ другихъ мѣстностяхъ весьма мало.

2) Производство земскимъ банкомъ нѣкоторыхъ операцій по коммерческому и фабричному кредиту, весьма важному для Москвы, и могущему привлечь къ учрежденію банка купеческіе капиталы.

Изложивъ свѣдѣнія о мѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ въ вопросѣ о земскихъ банкахъ, по каждой губерніи отдѣльно, г. Безобразовъ представляетъ общія замѣчанія, которыя, въ большей или меньшей степени, относятся ко всѣмъ посѣщеннымъ имъ губерніямъ, и которыя истекаютъ какъ изъ доходившихъ до него повсемѣстно сужденій, со стороны частныхъ и правительственныхъ лицъ, такъ и изъ собственныхъ его личныхъ наблюденій. Вотъ эти общія замѣчанія отъ слова до слова:

«1) Потребность въ поземельномъ кредитѣ послѣ прекращенія ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій чувствуется, въ большей или меньшей мѣрѣ, повсемѣстно. Частныя сдѣлки по закладнымъ на недвижимыя имущества заключаются съ большими затрудненіями и размѣръ процентовъ, по такимъ сдѣлкамъ, почти вездѣ выше 6%, болшею частію 8 и даже не рѣдко достигаетъ, при самыхъ нормальныхъ обезпеченіяхъ, 10%.

При такой высотѣ роста, долги дѣлаются еще болѣе обременительными для землевладѣльцевъ, вслѣдствіе краткости сроковъ, на которые получаютъ займы. Но хотя потребность въ правильной организаціи поземельнаго кредита повсемѣстно существуетъ и сознается въ средѣ самихъ землевладѣльцевъ, — потребность эта не достигла пока, въ девяти описанныхъ мною губерніяхъ (самыхъ промышленныхъ и самыхъ богатыхъ капиталами во всей имперіи), того крайняго развитія, которое угрожало бы всеобщимъ раззореніемъ хозяйства, въ настоящее время. Последнее распоряженіе правительства о разсрочкѣ ссудъ, по государственнымъ кредитнымъ установленіямъ, должно нѣсколько облегчить положеніе помѣщиковъ, наиболѣе обремененныхъ долгами, и можно надѣяться, устранить (по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время) убытки, необходимо связанные для нихъ съ публичною продажей просроченныхъ имѣній, и также необходимость прибѣгать къ отчаяннымъ кредитнымъ оборотамъ.

• Однако, если таковы до сихъ поръ кредитныя обстоятельства поземельныхъ имуществъ (собственно помѣщичьихъ имѣній) въ этихъ губерніяхъ, то въ будущемъ, и весьма даже близкомъ (при готовящемся разрѣшеніи крестьянскаго вопроса), потребность въ кредитѣ должна чрезвычайно усилиться. Крайняя необходимость въ капиталахъ для перехода сельскаго хозяйства къ вольнонаемному труду отъ барщины, которая, именно въ этой полостѣ, едва ли можетъ удержаться на самое короткое время, и также выкупъ крестьянскихъ земель; эти именно обстоятельства побуждаютъ землевладѣльцевъ желать своевременной организаціи поземельнаго кредита и будутъ, безъ сомнѣнія, служить главными двигателями къ учрежденію земскихъ банковъ, какъ это уже и обнаружилось въ Тверской губерніи.

• 2) Не менѣе, если даже не болѣе потребности въ ссудахъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, замѣтна всюду потребность въ такомъ благонадежномъ помѣщеніи капиталовъ, которое бы замѣнило прежній способъ помѣщенія посредствомъ *складовъ* въ казенныя кредитныя установленія. Эти *склады* чрезвычайно вкоренились въ привычки нашего общества и закрытіе путей къ этому рода помѣщенію капиталовъ вызываетъ много жалобъ во всѣхъ посѣщенныхъ мною губерніяхъ, въ особенности въ настоящее время, когда акціонерныя промышленныя предпріятія чрезвычайно упали въ общественномъ довѣрїи. Безостановочное поступленіе вкладовъ въ приказы общественного призрѣнія въ послѣдніе годы (даже послѣ пониженія процентовъ на 3%) доказываетъ вкусъ публики къ такому помѣщенію капиталовъ, въ особенности въ средѣ мелкихъ капиталовъ. Во

всякомъ случаѣ, существованіе во всѣхъ этихъ губерніяхъ свободныхъ капиталовъ, ищущихъ помѣщенія, несомнѣнно.

«3) При такихъ условіяхъ,—съ одной стороны, потребности въ кредитѣ для поземельной собственности, представляющей собою самое вѣрное обезпеченіе, и, съ другой стороны, потребности въ благонадежномъ и нехлопотливомъ помѣщеніи капиталовъ,—при такихъ условіяхъ, казалось бы, не слѣдуетъ сомнѣваться въ успѣхѣ учрежденія земскихъ банковъ, могущихъ удовлетворить объѣмъ этимъ потребностямъ. Но нельзя не замѣтить и многихъ обстоятельствъ, затрудняющихъ образованіе земскихъ банковъ,—обстоятельствъ, встрѣченныхъ мною во всѣхъ губерніяхъ. Къ возникновенію банковъ, собственно въ формѣ *землеладельческихъ компаній*,—главнымъ препятствіемъ служить опасеніе, внушаемое вообще землеладельцамъ *круговымъ ручательствомъ*. Последнее устрашаетъ, не только по самой своей сущности, которая дѣйствительно противна привычкамъ и нравамъ, доселѣ преобладавшимъ въ помѣщичьемъ классѣ,—но также и по своей *новизнѣ*, какъ меня удостовѣрили въ томъ многіе знающіе люди и какъ я самъ, не разъ, въ томъ убѣждался. Во всякомъ случаѣ, дѣятельность по учрежденію земскихъ банковъ въ средѣ самихъ землеладельцевъ значительно затрудняется отсутствіемъ навыка ко всякимъ общимъ предпріятіямъ, обнимающимъ собою какіе-либо общественные мѣстные интересы.

«4) Недостатокъ самодѣятельности въ средѣ землеладельческаго класса начинается вообще измѣняться къ лучшему, подъ вліяніемъ многихъ вопросовъ послѣдняго времени, но совокупная дѣятельность и съ нею возникающее взаимное довѣріе, столь необходимыя для устройства землеладельческихъ кредитныхъ компаній, встрѣчаютъ много препятствій, не только естественныхъ, такъ сказать, географическихъ, но и искусственныхъ, съ давнихъ поръ укоренившихся въ нашемъ бытѣ. Такъ напримѣръ, почти повсюду чувствуется въ средѣ дворянства, для обсуждения вопроса о земскихъ банкахъ, потребность въ губернскихъ и уѣздныхъ совѣщаніяхъ, сѣздахъ или собраніяхъ и потребность въ устраненіи, по возможности, разныхъ сложныхъ формъ и обрядовъ, связанныхъ съ устройствомъ всякихъ подобныхъ собраній. На это послѣднее обстоятельство было мнѣ указываемо во всѣхъ губерніяхъ, которыя я видѣлъ.

«5) Что касается до учрежденія земскихъ банковъ въ формѣ акціонерныхъ компаній, то во всѣхъ посѣщенныхъ мною губерніяхъ (исключая Московскую) не замѣтно достаточно элементовъ, необходимыхъ для такого рода предпріятій, а именно: во 1-хъ капиталистовъ, достаточно сильныхъ, предпріимчивыхъ и зна-

комыхъ съ организаціей земскихъ банковъ, чтобъ быть учредителями подобныхъ компаній, и во 2-хъ, довѣрія публики къ акціонерному дѣлу, которое вообще значительно упало въ общественномъ мнѣніи. Если и могутъ учредиться акціонерные земскіе банки въ этихъ губерніяхъ, то не мѣстными способами, а скорѣе иногородными капиталистами и предпринимателями, преимущественно столичными; или же акціонерныя компаніи, основанныя въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ собственно сосредоточиваются у насъ акціонерныя предпріятія и гдѣ они находятъ много благоприятныхъ для себя условій, могутъ распространить свои дѣйствія и на сосѣднія губерніи.

• 6) При обстоятельствахъ, указанныхъ въ предыдущихъ двухъ пунктахъ, весьма естественно то влеченіе, которое замѣтно во всѣхъ почти губерніяхъ (по крайней мѣрѣ, въ средѣ людей, интересующихся вопросомъ о поземельномъ кредитѣ), влеченіе къ *смѣшаннымъ* земскимъ банкамъ, т. е. къ акціонерно-землевладельческимъ компаніямъ. При этой формѣ облегчается составленіе акціонернаго капитала (черезъ допущеніе акцій, заключающихся въ ручательствахъ имѣніями, или въ свидѣтельствахъ на имѣнія); затѣмъ, первоначальными учредителями могутъ быть, по преимуществу, сами землевладельцы, которые ближе заинтересованы, чѣмъ капиталисты, въ скорѣйшемъ устройствѣ поземельнаго кредита, и отъ которыхъ стало-быть можно ожидать болѣе участія къ дѣлу (по крайней мѣрѣ подъ вліяніемъ наступающей для нихъ крайней потребности въ кредитѣ); при этой смѣшанной формѣ въ направленіи операцій могутъ все-таки преобладать землевладельческіе интересы, а не спекулятивные и биржевые (что не мало принимается къ сердцу всѣми мыслящими землевладельцами); и наконецъ такая форма компанейскаго предпріятія, опирающагося не только на денежные капиталы, но и на земельные, даетъ надежду, что кредитныя бумаги такой компаніи внушатъ публикѣ болѣе довѣрія чѣмъ массы прежнихъ бумагъ, дискредитированныя нынѣ на биржахъ. Но сверхъ всѣхъ этихъ условій, кажущихся многимъ весьма благоприятными, смѣшанное, акціонерно-землевладельческое, устройство земскихъ банковъ, безъ всякаго сомнѣнія, потому преимущественно занимаетъ умы, что имѣетъ для себя живой практической примѣръ въ проектѣ Тверскаго банка.

• 7) Вслѣдствіе всего этого, Тверской банкъ возбуждаетъ къ себѣ вообще вниманіе, тѣмъ болѣе что онъ имѣетъ главнымъ предметомъ своихъ операцій *выкупъ* крестьянскихъ земель, который, какъ я объяснилъ выше, служитъ главнымъ побужденіемъ для землевладельцевъ, почти во всѣхъ посѣщенныхъ мною

губерніяхъ, къ устройству земскихъ банковъ. Потому ходъ дѣла въ Твери, по учрежденію банка, замѣтнымъ образомъ интересуется всѣ сосѣднія губерніи, и долженъ непременно имѣть то или другое вліяніе на успѣхъ начинаній по поземельному кредиту.

«8) Независимо отъ всѣхъ обстоятельствъ, выше указанныхъ и относящихся къ разнымъ формамъ земскихъ банковъ, должно упомянуть и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя одинаково обуславливаютъ образованіе всякаго рода земскихъ банковъ и вообще могутъ дѣйствовать на будущіе успѣхи поземельнаго кредита. Въ ряду такихъ обстоятельствъ, наиболѣе важныхъ и замѣченныхъ мною во всѣхъ безъ изъятія посѣщенныхъ мѣстностяхъ,—первое мѣсто принадлежитъ дѣйствующимъ способамъ взысканія частныхъ долговъ. Крайняя недостаточность системы взысканія по безспорнымъ искамъ вообще, и въ особенности по закладнымъ обязательствамъ, сопровождаемая къ тому же чрезвычайными злоупотребленіями въ практическомъ примѣненіи закона,—всюду указывается какъ одно изъ главнѣйшихъ затрудненій для устройства земскихъ банковъ. Нельзя не признаться, что улучшеніе системы взысканія по обязательствамъ, обезпеченнымъ залогомъ недвижимыхъ имуществъ, всюду гораздо болѣе озабочиваетъ людей, заинтересованныхъ вопросомъ о земскихъ банкахъ, нежели даже введеніе ипотечныхъ книгъ, которыя, по мнѣнію многихъ, не могутъ сами по себѣ содѣйствовать успѣхамъ кредита, безъ нѣкоторыхъ необходимыхъ преобразованій въ порядкѣ взысканія долговъ.

«9) Другое затрудненіе къ учрежденію земскихъ банковъ, всюду указываемое съ особенною настойчивостью, преимущественно же въ средѣ владѣльцевъ дворянскихъ имѣній, есть неопредѣленность нынѣшнихъ экономическихъ отношеній въ этихъ имѣніяхъ и готовящаяся, съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, измѣненія въ условіяхъ ихъ цѣнности. Съ этой точки зрѣнія, опредѣленіе нормъ для оцѣнки помѣщичьихъ имѣній, какъ залоговъ, выставляется во всѣхъ сужденіяхъ объ устройствѣ земскихъ банковъ какъ дѣло чрезвычайно трудное въ настоящее время, когда еще неизвѣстны будущія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и будущая цѣна земледѣльческаго труда, а съ нею и земли. Учредители Тверскаго банка полагаютъ избѣжать этого затрудненія посредствомъ оцѣнки земель преимущественно на основаніи большей или меньшей населенности земель и количества рабочаго скота въ имѣніяхъ, и считаютъ степень населенности достаточно упроченной на будущее время, при развитіи выкупныхъ операцій, которымъ будетъ содѣйствовать банкъ; наконецъ, при всемъ этомъ, они низводятъ оцѣнку земель до самыхъ низшихъ (по ихъ мнѣнію) цифръ.

«10) При всѣхъ обстоятельствахъ неблагопріятно дѣйствующихъ на развитіе поземельнаго кредита, нельзя однако не надѣяться, что съ постепеннымъ устраненіемъ многихъ изъ этихъ обстоятельствъ и подѣ постепеннымъ вліяніемъ другихъ болѣе благопріятныхъ условій, частныя земскіе банки могутъ образоваться, чему уже служатъ доказательствомъ начинанія и попытки въ нѣкоторыхъ изъ посѣщенныхъ мною губерній. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дѣятельность къ учрежденію банковъ уже достаточно возбуждена въ настоящее время, какъ напр. Тверская и Костромская губерніи, частная предпримчивость надѣется даже обойтись и безъ прямого содѣйствія со стороны правительства или государственнаго кредита, и безъ такъ-называемыхъ переходныхъ мѣръ. Но въ большей части мѣстностей частная дѣятельность по устройству земскихъ банковъ ожидаетъ помощи отъ правительства и отъ какихъ-либо переходныхъ мѣръ.

«11) Какъ переходная мѣра, устройство операцій по ссудамъ подѣ залогъ недвижимыхъ имуществъ при приказахъ общественаго призрѣнія, въ томъ или въ другомъ видѣ, представляется наиболѣе соответствующею всеобщимъ ожиданіямъ. Во всѣхъ посѣщенныхъ мною губерніяхъ (кроме Московской) публика чрезвычайно свыклась съ приказами, и мысль о продолженіи ихъ дѣйствій на новыхъ основаніяхъ вообще находитъ сочувствіе; сколько я могъ замѣтить, банковыя операціи приказовъ вообще возбуждали мало жалобъ, производство этихъ дѣлъ находится въ приказахъ въ удовлетворительномъ состояніи, и приказы, съ этой стороны, внушаютъ достаточно довѣрія, чтобы служить зерномъ для новой организаціи земскихъ банковъ.

«12) Распубликованные *Труды Коммиссіи* весьма распространены во всѣхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя я проѣзжалъ, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ другими изданіями серіознаго содержанія, вообще не легко распространяющимися въ массахъ. Всюду я находилъ много людей, знакомыхъ съ *Трудами Коммиссіи* и нѣсколько лицъ близко ихъ изучившихъ; сужденія о *Трудахъ* въ литературѣ и полемика, открывшаяся въ журналахъ по разнымъ вопросамъ о земскихъ банкахъ, содѣйствовали развитію понятій объ этомъ предметѣ, въ особенности сравнительно съ понятіями, преобладающими въ массахъ по другимъ отраслямъ народнаго хозяйства и финансовъ. Несмотря на многіе нападки на предположенія коммиссіи, нападки иногда даже весьма враждебныя, дѣятельность коммиссіи, вслѣдствіе допущеннаго главнаго обсужденія ея *Трудовъ*, болѣею частію пользуется сочувствіемъ, и во всякомъ случаѣ, уваженіемъ; этому сочувствію и уваженію я долженъ приписать то общественное радушіе, которое я лично, почти повсемѣстно, встрѣтилъ къ моимъ занятіямъ,

и которое чрезвычайно облегчило исполненіе моихъ служебныхъ обязанностей.»

Отчетъ г. Безобразова заключаетъ въ себѣ довольно подробныя свѣдѣнія объ оборотахъ приказовъ общественнаго призрѣнія въ губерніяхъ, имъ посѣщенныхъ. Теперь, когда рѣчь идетъ объ учрежденіи частныхъ банковъ, особенно интересны свѣдѣнія о недоимкахъ. Цифра недоимки, сравнительно съ общою цифрой ссудъ, составляетъ въ Владимірской губерніи $2\frac{3}{10}\%$, въ Рязанской $5\frac{9}{10}\%$, въ Тульской $2\frac{7}{10}\%$, въ Калужской 6% , въ Тверской 5% , Костромской $\frac{1}{2}\%$, Ярославской 2% , Нижегородской 2% ; въ Московскомъ приказѣ призрѣнія цифра недоимокъ не показана. За прекращеніемъ пріема вкладовъ, вездѣ возрастаютъ обороты сберегательныхъ кассъ; изъ этого общаго правила оказывается временное исключеніе только въ нижегородскомъ приказѣ, вслѣдствіе неполученія, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, книжекъ для вкладчиковъ, и въ тульскомъ приказѣ, вслѣдствіе того, что этотъ приказъ, по недоразумѣнію, понизилъ было проценты, выдаваемые сберегательною кассой, съ 3 на 2. Нынѣ недоразумѣніе это устранено, и приказамъ предписано исчислять проценты по сберегательнымъ книжкамъ въ размѣрѣ 3 на 100.

РИСТОРИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. МЕДЕЯ.

«Развѣ ты не видала на блѣдномъ лицѣ моемъ адской печати? Развѣ не читала знаменія, напечатлѣннаго Юпитеромъ на челѣ убійцы?.. Самая нѣжность моя дика, и порывы привязанности моей вселяютъ ужасъ... Что, ежели я открою тебѣ весь безконечный ужасъ, меня терзающій? Да... я чувствую... я вижу... тайный голосъ мнѣ говоритъ: «трепещи! неумолимая Эвменида тебѣ ждетъ». Я въ воздухъ чувствую ея всемогущее дыханіе.»

-sua lena omnipossente
Fremet sento nell'aer.»

Такъ говоритъ Медея почти въ первыхъ монологахъ, и въ этихъ словахъ обозначается весь характеръ роли, ея трагиче-

ская сущность. Совершивъ страшныя преступленія изъ любви къ Язону и отвергнутая имъ, она терзается муками оскорбленной любви и угрызениями совѣсти, ревностью и жаждой мести. Порывы любви смѣняются порывами неумолимаго мщенія. «Крови... крови!.. восклицаетъ она:—растерзать его сердце!.. чего-нибудь ужаснаго, страшнаго, необычнаго... Казнь, безвѣстная природѣ... подобная, если возможно, моей ненависти.» Она рѣшается мстить, страшно мстить; разнаго рода казни придумываетъ она и для Язона, и для соперницы своей Креузы. «О, боги ада!.. помогите, помогите! кричитъ она. Крови!.. слезъ!.. воплей!.. кинжалъ!.. Къ какому я готовлюсь дѣлу, еще не знаю, но хочу, чтобы доселѣ невѣдомое преступленіе покрыло эту ненавистную землю широкимъ кровавымъ покрываломъ... *Онъ любитъ трехъ, пусть въ трехъ и умираетъ!*.. О, суровыя божества темной Тавриды! Ты, требующій дѣтоубійственнаго служенія, о, Сатурнъ!.. я принесу тебѣ эту страшную жертву.» Сердце матери, конечно, содрагается при этой мысли; поэтому, отравивъ Креузу, она хочетъ бѣжать съ своими дѣтьми; но жестокіе люди хотятъ отнять у нея дѣтей, эту послѣднюю связь съ человѣчествомъ. Тогда приносятъ она роковую жертву Сатурну.

Вотъ образъ Медеи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очеркъ трагедіи, написанной г-мъ Легуве для Рашели. Мы не станемъ говорить здѣсь о самой пьесѣ и не будемъ распространяться, въ какой степени возможны подобныя воспроизведенія древнихъ ужасовъ въ современномъ искусствѣ. Во всякомъ случаѣ, появленіе Медеи на петербургской сценѣ многознаменательно. Три эпохи встрѣтились, три поколѣнія сошлись смотрѣть на знаменитую италіанскую артистку. Семенова, Рашель, Ристори—съ этими именами связаны могучія симпатіи, художественныя воспоминанія и преданія. Давъ безъ того, кто можетъ остаться равнодушнымъ передъ именемъ, которому предшествуетъ слава, передъ тѣмъ, кому восторженно рукоплещетъ увлеченная толпа, кому дана сила, величайшая изъ силъ, сердца будить и тревожить, вдохновлять восторгомъ, поражать ужасомъ, возбуждать радость, вызывать слезы. И эта сила въ женщинѣ! По всѣмъ этимъ причинамъ, мы съ сердечнымъ трепетомъ, который понятенъ для многихъ, ожидали появленія Медеи. И вотъ, съ горъ цвѣтущей Эллады, съ береговъ голубаго моря Греціи, въ красной туникѣ, окутанная зеленымъ покрываломъ, съ двумя малютками является она передъ зрителемъ. Публика встрѣтила артистку равнодушно, потому ли, что выходъ ея былъ простъ, естественъ, чуждъ всякой вычурной эффектности, или потому что прежде хотѣла знать, кому рукоплескать.

Наружность г-жи Ристори представляетъ всѣ достоинства, необходимыя для сценическаго лица: высокой ростъ, выразительныя,

въ высшей степени подвижныя черты лица, черныя кудравыя волосы, прекрасныя руки, симпатичный голосъ,—не тотъ громовый голосъ, который уже умолкъ навсегда, хотя и живъ въ нашей памяти, но болѣе нѣжный, болѣе гибкій голосъ, и наконецъ, большіе, иногда молніей сверкающіе глаза. Хотя г-жа Ристори въ лѣтахъ уже зрѣлыхъ, но на сценѣ лицо ея имѣетъ всѣ качества прекраснаго лица, и соответствуетъ всѣмъ тѣмъ ролямъ, въ которыхъ она должна внушать страсть нѣжную и глубокую. Такова г-жа Ристори; теперь посмотримъ какова Медея. Въ первыхъ двухъ актахъ игра ея хороша, прекрасна, но, намъ показалось, нѣсколько искусственна. Можетъ-быть поэтому и рукоплесканія были холодны. Нечего и говорить, что были сцены прекраснѣйшія, были минуты чистой прелести. Такъ, напримѣръ, когда супругъ ея Язонъ объявляетъ, что онъ ее отвергаетъ, то Медея долго не понимаетъ страшнаго смысла его рѣчей. Это непониманіе было выражено поразительно прекрасно. Страшно была разыграна потомъ та минута, когда она говоритъ Язону, что имъ нельзя разлучиться, что ихъ связываютъ не только узы супружества, но и узы преступленій: «*Мы болѣе члмъ супруги, мы сообщники,*» говоритъ Медея: ты думаешь, что двѣ души, связанныя вмѣсто объѣта проклятіями, могутъ найти любовь гдѣ-нибудь, кромѣ себя; что сердца убійцъ, лишаютія жизни руки могутъ, ты думаешь, соединиться съ невинностію, и, чтобы разторгнуть узы, подобныя нашимъ, достаточно сказать: *иди жена... люблю другую!*» Последнія слова: *Vanne donna... in altra io ama,* были ужасны,—такъ много было въ нихъ слезъ и грозы. Превосходна также сцена ея съ соперницей, когда Медея замыслила убить ее, а та пришла ее спасти. Вся проникнутая ревностію и мщеніемъ, Медея однакоже ужасается убить ту, которая такъ великодушна. «Бѣги,» мрачно говоритъ она Креузѣ.—«Но съ тобою,» возражаетъ та.—«Ступай!» повторяетъ Медея.—«Но я тебя хочу спасти.»—«Ты должна себя спасти,» отвѣчаетъ Медея. Во всей этой сценѣ, сверхъ мрачнаго *fuggi, бѣги,* неподражаемы были мимическая игра артистки и выраженіе лица. Въ ней борются двѣ страсти: она тронута великодушіемъ соперницы, и въ то же время ревность, месть кипитъ въ ея сердцѣ. Обѣ эти страсти высказало прекрасное лицо артистки и не менѣе прекрасная рука. Покрытое нѣжностію и слезами лицо ея вдругъ сверкнетъ непримиримою злобой, какъ только отвернется Креуза. Вся фигура Медеи, съ поднятою рукой, въ которой блисталъ кинжалъ, вмигъ преображалась въ живое олицетвореніе убійства. На страдальческомъ, нѣжномъ лицѣ, какъ молнія, вспыхивало убійство. Сцены ея съ дѣтьми исполнены любви и нѣжности; этому очень способствуетъ ея мелодическій, пріятный голосъ и

чрезвычайно-выразительное лицо. Какъ ласково она прижимаетъ ихъ къ себѣ, какъ ластятся ея пальцы къ ихъ головкамъ! Страшна была сцена, когда дѣти, испуганныя порывами ревности и мести, спрашиваютъ: «Ты не любишь насъ больше?»—*Нить!* коротко и мрачно отвѣчаетъ Медея. Сцены ревности и мести, кажется намъ, лучше и поразительнѣе выражались на лицѣ Медеи. Какимъ тихимъ, вкрадчивымъ казался ея голосъ, какою зловѣщею ироніей проникнуты ея слова, какимъ ядовитымъ коварствомъ покрывается лицо! Тутъ сказалась Игалиянка. Въ этомъ отношеніи съ удивительною пластичностью разыграны были слова: «О, радость! ночью, крадучись вдоль темныхъ стѣнъ, войдти, какъ тѣнь, гдѣ она отдыхаетъ на своихъ пуховикахъ, видѣть подъ рукой своею ненавистную Гречанку, и желѣзомъ, внезапно поражающимъ ея грудь, въ глубинѣ этой груди искать сердца!» Одними своими изящными руками передала артистка этотъ сумракъ дворца, гдѣ ошупью крадется она къ своей жертвѣ.

Но гдѣ же Медея, эта отвергнутая жена, ревнивая мстительница, преступница? Гдѣ же та, у которой, какъ говоритъ она сама, *печать ада на чель?* А вонъ видите ли, какъ сверкнули эти черные глаза? Что это за пламень, какой это блескъ? Смотрите—вдругъ потемнѣетъ это блѣдное круглое лицо, покрытое тучами черныхъ волосъ; мгновенно, будто отъ внезапнаго ужаса полуоткроется ея ротъ. Вотъ это-то и есть зловѣщая Медея. Этотъ-то сумракъ демоническихъ силъ неподражаемо былъ переданъ и проведенъ по всей роли, именно этимъ чернымъ сверканіемъ очей, молніинымъ сжатіемъ бровей, внезапнымъ мракомъ прекраснаго лица. Вмигъ передъ вами кто-то иной, а не ревнивица или мать, кто-то другой, съ мракомъ на чель, съ темнымъ облакомъ волосъ. Зритель дѣйствительно чувствуетъ, что эта женщина совершитъ невѣдомо-ужасное. Это-то и составляло трагическое въ роли, и передано было г-жею Ристори, съ мастерствомъ, возможнымъ только при великомъ дарованіи.

Теперь слѣдуетъ перейти къ третьему и послѣднему акту, который былъ сыгранъ весь неподражаемо-прекрасно. Когда у Медеи отнимаютъ дѣтей, и Орфей проситъ за нее, она цѣлуетъ его одежду, и молитъ: «о говори, говори!» Нѣжными руками толкаетъ она его впередъ, и какъ много отчаянія въ этомъ простомъ жестѣ! Затѣмъ слѣдуетъ сцена, ужаснѣйшая изъ всѣхъ; ей уступаютъ одно дитя, а другое велать оставить. Мать сначала не можетъ на это рѣшиться и говоритъ: *милыя дѣти! вы слышали богохуленіе;* но потомъ, доведенная до отчаянія, хочетъ выбрать котораго-нибудь, и манитъ малютокъ къ себѣ. Въ этихъ протянутыхъ къ дѣтямъ рукахъ—чистое отчаяніе и тоска. Но ужасъ! дѣти нейдутъ къ страшной матери, и остаются у соперницы.

Тогда-то слѣдуетъ знаменитый монологъ, гдѣ всѣмъ оставленная Медея говорить:

«Sola! sola nel mondo.. Non piu padre!
Non piu lo sposo!. non piu figli!... Nulla!..»

(Одна... одна въ мірѣ... ни отца... ни супруги... ни дѣтей... никого!)

Сколько тоски на этомъ прекрасномъ лицѣ, какое изнеможеніе самага отчаянія, когда она садится у подножія Сатурновой статуи, какимъ гробовымъ мракомъ вдругъ покроется лицо! Тутъ она и рѣшается на кровавую жертву, тутъ глухо звучатъ проклятія супругу. «Пошли на грудь Язона ястреба, кричитъ она, простирая блѣдныя руки къ Сатурну, ястреба, котораго клювъ вѣчно бы терзалъ его грудь, удвой въ немъ любовь... да... любовь его къ Креузѣ, чтобы тѣмъ удвоить его несчастія... дай ему благодущіе и чувства отцовскія, чтобъ онъ, какъ мать, оплакивалъ дѣтей... чтобъ онъ, наконецъ, одинокій скиталець, окруженный въ безуміи страшными призраками, жилъ и, подобно мнѣ, умеръ въ отчаяніи!» Нѣжность при видѣ малютокъ, которыхъ привели къ Медеѣ проститься, смѣняетъ порывы мести, мать уступаетъ мстительницѣ, чувство доброе побѣждаетъ; но ее ищутъ: народъ бѣжитъ за ней съ одной стороны, она бросается въ другую: тамъ враги! Ужасъ матери переданъ г-жою Ристори съ неподражаемымъ совершенствомъ. Укрывая дѣтей въ складкахъ своей одежды, она бросается то въ ту, то въ другую сторону; это орлица, защищающая своихъ дѣтей. А эта мощно-поднятая рука, останавливающая свирѣпую толпу, эти раскрывшіяся уста, изъ которыхъ, кажется, летятъ страшные вопли матери! Но народъ ее преслѣдуетъ; тогда она бросается къ подножію страшнаго божества; толпа ее окружаетъ, скрывая отъ зрителей... роковой крикъ извѣщаетъ, что ужаснѣйшее изъ злодѣяній совершено... толпа разступается, и передъ зрителемъ—Медея, только что умертвившая дѣтей!..

Въ театральномъ искусствѣ бывають сцены, которыя передать не-очевидцу совершенно невозможно. Пластическій ихъ характеръ доступенъ болѣе живописи нежели слову, а высокое художественное совершенство ихъ, необыкновенное проявленіе творческой силы, окончательно обезоруживають писателя. Сцена, о которой мы теперь говоримъ, именно принадлежитъ къ этому разряду.

Толпа разступается, и передъ вами огненный ангель смерти, ангель темныхъ силъ! Красная одежда дѣлаетъ изъ него совершенно пламенную фигуру. На бѣломъ лицѣ его ужасъ. Черныя клочья волосъ, какъ змѣи, развиваются надъ головой. Судорожныя руки и закрываютъ что-то сзади, и защищаютъ. Въ ихъ

судорожныхъ движеніяхъ видны ужасъ и гроза. Вся фигура дышитъ тѣмъ, что чувствуется, когда Мильтонъ говоритъ объ адѣ; вся фигура служитъ полнымъ завершеніемъ того, что такъ нечеловѣчески сверкало въ очахъ, и тучей ложилось на челѣ. «Кто убилъ дѣтей?» спрашиваетъ въ ужасѣ Язонъ. — Ты! отвѣчаетъ Медея — и, Боже! какъ преобразилась она! Медея обращается къ Язону, и становится бокомъ къ зрителю. Огненный цвѣтъ тунки перемѣшивается съ зеленымъ покрываломъ. Падая къ ногамъ Медеи, покрывало это образуетъ что-то въ родѣ пьедестала, на которомъ стоитъ грозная, блещущая силой царица, у ногъ ея жертвы, рука мощно указываетъ на Язона, и, кажется, изъ этой длани уже исходитъ та смертоносная сила, которая поразила его. Это не та Медея, плачущая, скорбящая, мрачная, это уже не ангелъ ужаса и смерти, это богиня, съ величіемъ на челѣ, съ грознымъ непобѣдимымъ могуществомъ. Эта послѣдняя сцена, съ ея невыразимымъ жем, служитъ блистательнымъ завершеніемъ всей трагедіи. Она, какъ внезапный ударъ грома, заканчиваетъ драму, и, — таковы тайны искусства! — этотъ грохотъ громовъ зритель чувствуетъ отъ беззвучной позы, отъ жеста протянутой руки, отъ одного слова женщины — ты.

Вотъ впечатлѣнія, вынесенныя нами изъ перваго спектакля г-жи Ристори. Мы смѣемъ думать, что они принадлежатъ и большинству публики. Но мы еще не можемъ дѣлать заключеній, выводовъ, сравненій. Все это надѣмся представить въ послѣдствіи, когда вполне выразится талантъ знаменитой артистки. Нельзя однакожъ не сказать, что послѣдній актъ Медеи, въ особенности послѣдняя сцена, ставятъ г-жу Ристори въ рядъ великихъ дарованій. Безъ генія, безъ могучей силы, которая дается немногимъ, нельзя потрясать сердца, нельзя молчаливую, большую частію равнодушную толпу въ одинъ мигъ обращать въ хвалебный громъ рукоплесканій.

Н. ДМИТРІЕВЪ.

С.-Петербургъ.
9 декабря 1860 года.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕАКЦІЯ ВО ФРАНЦІИ.

Франція, конечно, была очень удивлена, когда проснувшись въ одно прекрасное утро, — это было, впрочемъ, въ довольно-ненастный ноябрьскій день, — она прочла въ *Монитеръ* императорскій декретъ, дарующій ей снова тѣ льготы, о которыхъ, по-видимому, она ужъ совсѣмъ забыла. Европа также не мало удивилась этому событію, при первой вѣсти о немъ, разнесенной телеграфомъ. Доселѣ еще, и во Франціи, и въ Европѣ идутъ толки о смыслѣ и силѣ декрета 24 ноября, и объясняются на разнообразнѣйшій ладъ причины, побудившія императора Французовъ возвратить Франціи нѣкоторую долю политическихъ льготъ, конфискованныхъ у ней за восемь лѣтъ предъ симъ. Но удивительнѣе всего именно то, что по-видимому не было никакихъ побудительныхъ причинъ, которыя бы вызывали такое рѣшительное дѣйствіе. Въ предѣлахъ Франціи все кажется тихо и спокойно; замолкли даже и тѣ невинныя демонстраціи, которыя прежде приводили въ негодованіе добродѣтельныхъ префектовъ, почти прекратились тѣ эквилибристическіе намеки, въ которыхъ упражнялась французская мысль, вертясь въ заколдованномъ кругу, подъ вѣчнымъ страхомъ грозныхъ *предостереженій*. Во всякомъ случаѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, равно какъ и въ октябрѣ, ничего особеннаго не случилось. Еще такъ недавно императоръ, съ императрицей и наследникомъ, совершалъ путешествіе по Франціи и былъ даже въ Алжирѣ, вездѣ собирая дань вѣрноподданнаго энтузіазма. Въ совѣтахъ Европы, Франція занимаетъ почетное мѣсто; оружіе ея покрылось новою славой. Чего же больше? зачѣмъ же мѣнять образъ правленія, къ чему нужны эти новыя, или лучше сказать, эти старыя льготы, о которыхъ нація забыла и которыхъ она, по-видимому, не требуетъ? Французскія законодательныя палаты (въ декретѣ именно употреблено это слово палаты, *chambres*, употреблено почти впервые, послѣ многихъ лѣтъ, въ оффиціальномъ документѣ) получаютъ право обсуждать тронную рѣчь, произносимую императоромъ при ихъ открытіи, то-есть вотировать въ отвѣтъ на нее адресъ; другими словами, получаютъ право высказывать свое мнѣніе о политикѣ Франціи, внутренней и внѣшней, одобрять или порицать ея направленіе, и заявлять то, что найдутъ полезнымъ и лучшимъ, служа органомъ націи. Очень важная уступка, очень важное политическое право, даю-

щее смыслъ этимъ учрежденіямъ, которыя, изъ простыхъ декораций, возводятся такимъ образомъ на степень дѣйствительныхъ органовъ, одаренныхъ жизнью и силою. Императорскіе комиссары, присутствуя при преніяхъ, будутъ отвѣчать за политику правительства, и такимъ образомъ правительство открыто и всенародно будетъ отдавать отчетъ странѣ въ своихъ дѣйствіяхъ и видахъ. Новымъ декретомъ измѣняется самый регламентъ законодательной палаты. Проекты законовъ не будутъ тотчасъ же сдаваться въ комиссію, а будутъ предварительно разсматриваться законодательнымъ сословіемъ въ комитетѣ, гдѣ будутъ также присутствовать уполномоченные отъ правительства. Пренія палатъ будутъ стенографироваться и обнародоваться не въ искусственныхъ извлеченіяхъ, составленныхъ офиціальною рукою, а вполне и въ натурѣ. Значитъ, послѣ столькихъ лѣтъ молчанія, снова заговоритъ на цѣлый міръ французская трибуна: такъ это странно, что почти не вѣрится! Наконецъ, во все продолженіе парламентской... невольно сорвалось это слово, хотя *Constitutionnel* и другіе полуофиціальныя органы сильно протестуютъ противъ парламентарной системы, утверждая съ великою тонкостью, что во Франціи господствуетъ только представительная система,—во все продолженіе законодательной сессіи будутъ присутствовать въ засѣданіяхъ и участвовать въ преніяхъ министры, которые будутъ объяснять и оправдывать мѣры правительства. Какже это, однако, не парламентарная система? Чего жъ еще болѣе? Почему же полуофиціальныя органы французской журналистики еще протестуютъ противъ парламентарной системы? Но вотъ что: министры, которые будутъ принимать участіе въ преніяхъ—не настоящіе министры, а нѣчто совершенно особенное и необычае. Отнынѣ во Франціи будетъ два рода министровъ—министры дѣйствующіе и министры говорящіе; одни будутъ дѣйствовать, другіе будутъ витійствовать. Парламентарная система требуетъ,—и въ этомъ состоитъ главная ея сила,—чтобы министры были отвѣтственны; она освобождаетъ только возвышенное лицо монарха отъ всякой отвѣтственности, и чѣмъ отвѣтственнѣе органы исполнительной власти, тѣмъ свободнѣе отъ всякой отвѣтственности глава государства. Вотъ начало, вотъ и конецъ парламентарной системы. Но этого-то и не хотятъ полуофиціальныя органы печати, и этого-то, повидимому, старается до нѣкоторой степени избѣжать конституція, дарованная Франціи ея императоромъ. Тѣмъ не менѣе императоръ оказался либеральнѣе импералистовъ; французская конституція пошла далѣе программы газетъ *Constitutionnel* и *Paix*. Конечно, министры безъ портфеля, назначаемые только для того, чтобъ участвовать въ преніяхъ и защищать правитель-

ство,—изобрѣтеніе новое; но едва ли оно будетъ имѣть ту силу, какую хотѣтъ придать ему люди, недовольные нововведеніемъ. Хотя и безъ портфеля, а все-таки это министры; они члены кабинета, они члены совѣта министровъ, они солидарны съ остальными министрами, они составляютъ съ ними одно цѣлое, они могутъ нести одну отвѣтственность съ дѣйствующимъ правительствомъ, да и не могутъ не нести. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, при учрежденіи министровъ безъ портфеля, имѣлось въ виду какъ-нибудь обойти принципъ министерской отвѣтственности, и вмѣсто него дать только нѣкоторое подобіе парламентарной системы, то такое изобрѣтеніе никакъ нельзя было бы назвать удачнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ Англіи, министерская отвѣтственность есть большею частію общая отвѣтственность кабинета, а не каждаго министра порознь. Каждый членъ кабинета, пока остается его членомъ, защищаетъ и отстаиваетъ мѣры, задуманныя своими товарищами, какъ свои собственныя. Министры, засѣдающіе въ палатѣ лордовъ, несутъ отвѣтственность за своихъ товарищей въ нижней палатѣ, и наоборотъ. Итакъ, новые французскіе министры безъ портфеля, будутъ не отрицаніемъ, а, напротивъ, особымъ видомъ, особымъ, хотя и очень страннымъ выраженіемъ министерской отвѣтственности. Эти министры безъ портфеля, эти двойники настоящихъ министровъ, не избавятъ ихъ отъ парламентской отвѣтственности, а развѣ только будутъ неудобствомъ для самого правительства. Очень можетъ быть, что та или другая новая мѣра прошла бы въ палатѣ, если бы проводилъ ее тотъ самый государственный человѣкъ, который ее задумалъ, и можетъ-быть она не бѣдоустоитъ именно потому, что ее будетъ защищать не самъ виновникъ, пребывающій въ таинственномъ отдаленіи, а его двойникъ, хотя бы и очень краснорѣчивый. Бѣдный, дѣйствующій министръ будетъ томиться, чувствуя, какъ выразительно и ясно, какъ точно и убѣдительно могъ бы онъ развить передъ палатою и передъ цѣлою страной свою мысль, и какъ напротивъ смутно ляжетъ она на умы въ блѣдныхъ отраженіяхъ краснорѣчія собрата, неповиннаго въ этой мысли и ратующаго за нее только *ex officio*. Впрочемъ, дѣло совсѣмъ не въ томъ, кто и какъ будетъ защищать правительственныя мѣры и нести за нихъ отвѣтственность передъ палатою и страной, а въ томъ, какова будетъ эта палата и каковъ будетъ ея составъ. Если составъ законодательной палаты будетъ тотъ же самый, если на скамьяхъ ея будутъ сидѣть не столько представители націй, сколько представители административныхъ властей, рекомендующихъ избирателямъ своихъ кандидатовъ, то измѣненіе регламента законодательныхъ собраній не можетъ имѣть никакой важности,

и участіе министровъ въ преніяхъ не будетъ имѣть никакого серьезнаго значенія. Вотъ почему либеральныя органы, раскрывая смыслъ императорскихъ декретовъ, настаиваютъ на томъ, чтобы законодательный корпусъ былъ распущенъ и народъ созванъ въ свои комитѣи, для новыхъ выборовъ. Англійская журналика и *Times* во главѣ ихъ, выражала свое сочувствіе новому обороту, принимаемому внутреннею политикою Франціи, также не намѣрены убѣдиться въ искренности и дѣйствительности этихъ мѣръ, если не будетъ возобновленъ составъ законодательной палаты. Впрочемъ, какъ кажется, правительство не прочь доказать свою искренность и этою мѣрою, если не въ нынѣшнемъ, то въ будущемъ году. Къ тому же, каковы бы ни были нынѣшніе члены законодательнаго сословія, они не могутъ не почувствовать новаго положенія, въ какое приводитъ ихъ декретъ 24 ноября. Теперь, когда поднимется занавѣсъ, скрывающая отъ страны и отъ Европы засѣданія этой палаты, когда каждое слово будетъ хвататься на лету неумолимымъ перомъ стенографа, когда все собраніе и каждый членъ его будутъ на виду передъ цѣлымъ міромъ, тогда всякій волей или неволей почувствуетъ себя иначе настроеннымъ и иначе отвѣтственнымъ; то же самое собраніе можетъ обнаружить иные признаки, оказать иной духъ.

Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что декретъ 24 ноября открываетъ новую эпоху. Какъ ни усиливаются полуофіціальныя публицисты умалить его значеніе, дѣло это очень важно и значеніе его будетъ расти номинумо. Мудрено ли, что министры императора пришли въ неописанное изумленіе, когда императоръ, явившись посреди нихъ вдругъ высказалъ свое рѣшеніе. Сказываютъ, что всѣ они представляли императору на видъ неминуема послѣдствія такого поступка, и убѣждали его оставить дѣла въ прежнемъ порядкѣ, который, по ихъ мнѣнію, былъ совершенно удовлетворителенъ и не требовалъ никакихъ измѣненій. Но императоръ, какъ и всегда, остался непреклоненъ. Онъ, какъ всегда, пріишетъ свое рѣшеніе съ вершины горы, въ таинственнаго уединенія, въ которомъ онъ зачинаетъ всѣ свои мысли и принимаетъ всѣ свои рѣшенія. «Что побудило его къ этому рѣшенію, что случилось?» спрашивали другъ друга растерявшіеся министры. Въ самомъ дѣлѣ, какъ безъ всякаго вынужденія соглашаться на такія важныя уступки? Но такъ всегда судили и судятъ люди сидящіе у подошвы горы. Еще вчера они такъ сильно, такъ краснорѣчиво, такъ убѣдительно протестовали противъ либеральной системы и заявляли ея негодность для Франціи; еще вчера съ такимъ побѣдоноснымъ величіемъ разсыпали они въ прахъ маленькіе замирающіе намеки либеральныхъ публицистовъ, — и вдругъ такая перемѣна! Не видно необходимости, не видно смы-

сла, не видно достаточных оснований, — и новое положение, в котором почувались империалисты, становится для них темъ неприятнѣе.

Но необходимость, безъ сомнѣнія, была, и были безъ сомнѣнія достаточныя основания въ умѣ главнаго двигателя системы, въ которомъ сосредоточена вся ея жизненная сила. Ему, конечно, всѣхъ ощутительнѣе то, что дѣйствительно требуется и безъ чего нельзя обойтись. Улицы спокойны и народъ не мятется; шестьсотъ тысячъ штыковъ покорны по прежнему, и все держится крѣпко, — но не въ этомъ сила. Есть въ общемъ положеніи дѣлъ настоятельныя побужденія выйти на новый путь. Либеральныя начала торжествуютъ въ цѣлой Европѣ, и Франція не можетъ долѣе оставаться позади всѣхъ, не портя своего достоинства. Ея сенатъ, ея законодательный корпусъ, эти доселѣ почти мертвыя буквы должны же наконецъ получить какой-нибудь смыслъ. Австрія, повинувшаяся роковой необходимости, перерождается во всемъ своемъ составѣ и готовится начать новую жизнь, — Франція ли останется съ декоративною конституціей, съ этими безжизненными учрежденіями? Италия собирается воедино, подъ знаменемъ конституціонной монархіи, и можетъ ли Франція, принимающая на себя роль заступницы угнетенныхъ народностей, можетъ ли она долго выдерживать странное противорѣчіе своего положенія? Наконецъ, роковая необходимость связываетъ ее съ Англіей, и теперь ту же чѣмъ когда-нибудь затягивается эта связь. Было бы невыносимо для императора оставаться и въ томъ же союзѣ, и вмѣстѣ при той же системѣ; это было бы также невыносимо и для національнаго самолюбія Франціи. Требования времени неотразимы; они овладѣваютъ жизнію и не спрашиваютъ воли. Они направляютъ все по своему и на все кладутъ свою печать; то, что въ другую пору выходило на свѣтъ съ страшными усилиями и борьбой, тутъ вдругъ распускается внезапно, за одну ночь или за одно утро.

Положеніе партій, особенно же положеніе парламентарной партіи во Франціи, образовавшееся вслѣдствіе этого декрета, такъ интересно, что мы не преминемъ представить въ статьѣ одного изъ нашихъ сотрудниковъ, находящихся въ Парижѣ, обзорнѣе всего, что было высказано по этому поводу въ журналахъ и брошюрахъ. Парламентарная и вообще либеральная партія конечно торжествуетъ, хотя и не можетъ считать себя удовлетворенною этими уступками; она не можетъ не видѣть въ нихъ значительнаго приближенія къ политической свободѣ; она привѣтствуетъ эти реформы, какъ залогъ дальнѣйшихъ реформъ, какъ начало, изъ котораго неминуемо долженъ развиваться цѣлый рядъ послѣдствій. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ политики, измѣняется и

личный составъ министерства. Самымъ важнымъ назначеніемъ должно, безъ сомнѣнія, считать назначеніе графа Персина министромъ внутреннихъ дѣлъ, на мѣсто г. Бильё, который до сихъ поръ занималъ этотъ важный постъ. Значитъ, въ наполеоновской системѣ, точно такъ же какъ и въ парламентарной, необходимо соотвѣтствіе между политическими дѣятелями и направленіемъ политики: измѣняется политика, появляются новыя лица. Г. Бильё не могъ бы быть министромъ внутреннихъ дѣлъ, при томъ новомъ характерѣ, который принимаетъ внутренняя политика французскаго правительства. Скажутъ, для г. Бильё было бы все равно, по какой бы программѣ ни дѣйствовать; но дѣло не въ немъ, не въ личномъ его расположеніи, а въ необходимости вещей, въ законѣ политическаго приличія, которымъ собственно и условливается то, что называется отвѣтственностью политическихъ дѣятелей. Кто послужилъ рѣшительнымъ органомъ одного направленія, тотъ не можетъ съ достоинствомъ, въ рукахъ той же власти, служить органомъ другаго направленія. Г. Бильё, щедрый датель предостереженій и запрещеній, долженъ былъ уступить свое мѣсто другому, когда потребовалось снимать запрещенія и уничтожать силу предостереженій. И вотъ вѣстникомъ послѣ суровой зимы весьма естественно довелось быть тому, кто изъ всѣхъ служителей императора наиболѣе преданъ ему, наиболѣе близокъ съ нимъ, и въ то же время всегда представлялъ собою самый либеральный элементъ въ составѣ императорскаго правительства. Онъ былъ усерднымъ посредникомъ между правительствомъ императора и правительствомъ королевы, и въ то же время, болѣе нежели кто-нибудь, онъ былъ связующимъ звеномъ между наполеоновскою Франціей и Франціей чающею движенія, свободы и жизни. Онъ всегда являлся, когда нужно было сказать примирительное слово, когда нужно было коснуться, хотя бы слегка, струны, звучащей этими чаяніями. Вотъ онъ и теперь отозванъ изъ Лондона, гдѣ ему, по общему сужденію, наследовалъ достойный преемникъ, графъ Флао, ознаменовавшій себя важными заслугами на военномъ поприщѣ, старый генералъ наполеоновской службы и въ то же время отличный знатокъ англійскаго языка, англійскихъ обычаевъ, находящійся въ знакомствѣ и пріязни со многими значительными лицами въ Англии. Графъ Персинъ занялъ мѣсто г-на Бильё, но г. Бильё не остался безъ мѣста, онъ только остался безъ портфеля; онъ будетъ министромъ краснорѣчія, вмѣстѣ съ г. Манемъ, который также долженъ передать портфель министерства финансовъ другому, — одному изъ своихъ подчиненныхъ, г. Форкауде-ла-Рокету. Государственный министръ, г. Ашиль Фульдъ, совсѣмъ вышелъ изъ кабинета и не будетъ ни съ портфелемъ, ни безъ портфеля: онъ остается впрочемъ въ тайномъ совѣтѣ.

ни безъ портфеля. Мѣсто государственнаго министра предоставлено графу Валевскому. Вотъ главныя перемены во французскомъ правительственномъ персоналѣ; но самую важную изъ нихъ, какъ сказано, остается все-таки новое назначеніе графа Персиньи. Онъ уже успѣлъ ознаменовать свое вступленіе въ должность нѣсколькими циркулярами къ префектамъ; циркуляры эти произвели доброе впечатлѣніе на публику и возбудили живой говоръ въ журнальномъ мірѣ. Онъ провозгласилъ торжественную амнистію въ журнальномъ мірѣ и предалъ забвенію всѣ грѣхи, совершенныя въ немъ, вольные и невольные. Онъ разомъ уничтожилъ все, что было сдѣлано его трудолюбивымъ предшественникомъ, онъ простилъ всѣ запрещенія, которыя висѣли надъ тою или другою газетою смертнымъ приговоромъ, и возстановилъ невинность французскихъ газетъ. Не довольствуясь этимъ актомъ очищенія, новый министръ внутреннихъ дѣлъ выпустилъ еще циркуляръ, адресованный къ префектамъ и имѣющій своимъ предметомъ преимущественно дѣла печати. Вотъ этотъ-то циркуляръ произвелъ особенно сильное впечатлѣніе. Все въ этомъ циркулярѣ интересно и замѣчательно. Министръ, не обинуясь, характеризуетъ бывшее доселѣ положеніе французской печати какъ исключительное и ненормальное; онъ открываетъ ей перспективу льготъ, онъ ставитъ ей въ образецъ Англію, ея учрежденія, ея свободу, и обѣщаетъ съ своей стороны полное уваженіе къ правамъ свободнаго слова. Циркуляръ прекрасный; журналистика тотчасъ же вздохнула свободно, и тотчасъ же съ достаточною свободой подвергла критикѣ этотъ прекрасный циркуляръ. Г. де-Персиньи беретъ въ образецъ Англію, и французская журналистика конечно ничего не могла бы пожелать лучшаго, какъ находится въ положеніи англійской печати; нѣтъ и н было страны, гдѣ бы слово человеческое пользовалось такою свободой, какъ въ современной Англіи. Но бѣда въ томъ, что графъ де-Персиньи ставитъ въ образецъ для Франціи XIX столѣтія Англію XVII столѣтія, для нынѣшней Франціи—Англію, какъ она была за двѣсти лѣтъ передъ симъ. Никогда, конечно національное самолюбіе Франціи не могло бы быть уязвлено болѣе чувствительнымъ образомъ. Давно ли считала она себя во главѣ человечества, давно ли ея оффиціальныя и неоффиціальныя публицисты провозглашали ее вождемъ прогресса и цивилизаціи,—и вотъ вдругъ объявляютъ ей торжественно и всенародно, съ высоты власти, которая всегда управляла движеніями ея жизни и мысли, что она находится еще въ XVII вѣкѣ, что два столѣтія отдѣляютъ ее отъ современной Англіи, ея могущественной соперницы и недосягаемаго образца. Тутъ есть и искреннее мнѣніе, тутъ есть, можетъ-быть, и хитрость.

Давно ли въ нашемъ маленькомъ и скудномъ журнальномъ мѣрѣ, съ тупымъ ожесточеніемъ, бросались на всякаго, кто заговаривалъ объ Англіи и обращалъ вниманіе на ея устройство, осыпая того невѣжественными насмѣшками и чести именемъ англomана, — и вотъ, въ какіе-нибудь два три года, нашъ маленькій печатный мѣръ весь, мало-по-малу, обратился въ ревностнаго англomана, хотя впрочемъ нѣтъ необходимости думать, чтобъ онъ не могъ также легко превратиться и въ башкиромана. Это, стало-быть, не важно, а важно то, что вся Европа превратилась въ англomана. Графъ Кавуръ, въ полномъ парламентѣ, самъ называлъ себя англomаномъ, а его соперникъ, генералъ Гарибальди, отправилъ своего сына на воспитаніе въ Англію. Въ прусскомъ парламентѣ, всѣ партіи ссылаются на англійскія учрежденія; въ судебныхъ преніяхъ, въ статьяхъ публицистовъ, въ лекціяхъ профессоровъ, въ ученыхъ трудахъ, нормою политическихъ отношеній берется Англія. Въ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ, ораторы также уназываютъ на англійскія учрежденія. Императоръ Французовъ и главные служители его политики также англomаны, и сколько разъ то графъ Персиныи, то принцъ Наполеонъ, то графъ Морни указываютъ на англійское самоуправленіе, какъ на необходимое условіе свободы, и какъ на лучшее обезпеченіе порядка, которое Франція непременно должна усвоить себѣ, если желаетъ истинной свободы и прочнаго порядка; въ то же время и тамъ же, люди оппозиціи въ свою очередь являются не менѣе горячими англomанами, въ своихъ протестахъ противъ существующей системы, они прибѣгаютъ также къ Англіи, черпая въ ней свои доводы, убѣжденія и примѣры. Да, наконецъ — чего же болѣе? — не ставятъ ли французское правительство, въ лицѣ графа Персиныи, Англію XVII столѣтія образцомъ для Франціи второй половины XIX? Чего сильнѣе? Но не значить ли ужъ это простирать англomанію выше всякой мѣры и далѣе всякаго предѣла? Послушаемъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, прибывъ изъ Лондона, начинаетъ свое наставленіе префектамъ.

«Я жилъ теперь, говоритъ онъ, посреди народа, который можетъ, по справедливости, гордиться своими учрежденіями, гдѣ свобода печати, существуя открыто, не грозитъ никакою опасностью ни государству, ни общественному порядку, ни обезпеченности лицъ и вещей; гдѣ, полезная всѣмъ партіямъ, призываемая, уважаемая всѣми, она служитъ самымъ вѣрнымъ обезпеченіемъ публичныхъ льготъ, порядка и благосостоянія страны. Я долго присутствовалъ при этомъ прекрасномъ зрѣлищѣ, и еслибъ еще прежде не любилъ истинной свободы, то я бы полюбилъ ее въ этой странѣ.»

Вступленіе прекрасное, общающее много. Съ какими чув-

ствомъ, съ какимъ трепетомъ должны были прочесть либеральные люди во Франціи эти вступительныя строки! Какою тропическою роскошью должны были распуститься ихъ надежды! Какихъ отрадныхъ заключеній могли они ожидать, въ концѣ циркуляра, послѣ такого блистательнаго начала! Впрочемъ циркуляръ г. де-Персины очень хорошъ и въ своихъ заключеніяхъ. Циркуляръ, говоря пріятнымъ слогомъ, походитъ на дыханіе оттепели послѣ суровыхъ морозовъ, хотя эта оттепель еще не совоимъ весна. Различныя чувствованія, возбуждаемыя циркуляромъ г-на де Персины, выразились въ тѣхъ отзывахъ, къ которымъ онъ подалъ поводъ въ журналистикѣ. «Читая новый циркуляръ г-на де Персины, сказано въ *Journal des Débats*, мы готовы были сожалѣть, что разные министры внутреннихъ дѣлъ, которые сѣдѣли у насъ въ продолженіе восьми лѣтъ, не всѣ проходили черезъ лондонское посольство, и хотя нѣкоторые воззрѣнія г-на де-Персины на теперешнее и прежде-бывшее положеніе англійской печати, кажутся намъ, неточными; но хорошо ужъ и то, если изъ-за Ламаншскаго канала прикоснется такое благорасположеніе къ печати, что англійская свобода предлагается ей какъ идеалъ, котораго она должна достигнуть, и съ неперемѣннымъ доброжелательствомъ указывающа ей средства достиженія!» «Въ началѣ своего циркуляра, сказано въ газетѣ *Presses*, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, говоритъ въ превосходныхъ выраженіяхъ о прекрасномъ зрѣлищѣ, которое представляетъ ему въ Англии свобода печати. Полезная всѣмъ партіямъ, говоритъ онъ, призываемая, уважаемая всѣми, она служитъ самымъ вѣрнымъ обезпеченіемъ публичныхъ льготъ, порядка и благосостоянія страны. Это, дѣйствительно, прекрасное зрѣлище, и мы спрашиваемъ себя, почему бы Франціи не представлять его, точно такъ же, какъ представляетъ Англія? Всѣ наши правительства боялись свободной печати, и всѣ видѣли въ томъ свою торжество, что поставили разныя ограниченія для пользованія этою свободой. Безъ свободы, всѣ правительства у насъ потерпѣли крушеніе; могла ли бы случиться съ ними что-нибудь хуже этого, еслибы журналы были свободны? А кто осмѣлится сказать, что свобода не могла бы спасти ихъ? Всѣ партіи прибѣгали къ произволу, и всѣ, кончая тѣмъ, что сами подвергались произволу, кончили тѣмъ, что проклинали его. Какъ не воспользоваться этимъ урокомъ?»

Посмотримъ теперь, что же такое въ циркулярѣ г. де Персины ослабило силу его блистательнаго вступленія и охладило впечатлѣніе, произведенное этими строками на умы? Увы! французскій министръ внутреннихъ дѣлъ привелъ положеніе англійской печати не столько для того, чтобъ ободрить ожиданія своихъ соотечественниковъ, сколько напротивъ для того, чтобы немного понизить

тонъ этихъ ожиданій. Онъ указалъ на Англію, съ тѣмъ чтобы найти оправданіе для тѣхъ стѣсненій и ограниченій, которымъ подвергается свобода во Франціи. Оказывается, что вопреки мнѣнію Французовъ, обращающихъ свои взоры на Англію когда идетъ рѣчь о свободѣ слова, вопреки собственному мнѣнію самой Англіи, вопреки мнѣнію цѣлаго міра, наконецъ, вопреки очевидности факта, Англія вовсе не обладаетъ свободою печати; надъ ея печатью тяготѣетъ страшная сила драконовскаго законодательства, удерживающая мысль и слово въ тѣсныхъ предѣлахъ. Г. де-Персиньи высказываетъ все это очень умно и тонко; но тѣмъ не менѣе открытіе, сдѣланное и возвышенное имъ—поражительно. Онъ обращается къ исторіи Англіи, и рассказываетъ, какимъ испытаніямъ подвергалась свобода слова въ тѣ смутныя времена, когда устраивался въ Англіи новый порядокъ и водворилась новая династія. Онъ искусно намекаетъ на параллель между Англіею тѣхъ временъ и нынѣшнюю Франціей, гдѣ также теперь возводится зданіе общественнаго порядка, и новая династія старается упрочить свое водвореніе. Приводя факты, графъ Персиньи впадаетъ въ нѣкоторыя неточности; но тѣмъ не менѣе, параллель, проведенная имъ, была бы эффектнѣе и полезнѣе для его цѣли, еслибъ онъ не слишкомъ настаивалъ на ней. Неточности его историческихъ разсужденій были подмѣчены и выставлены на видъ журналами, и въ сущности оказалось, что несмотря на различіе обстоятельствъ, на разстояніе между эпохами и степенями общественнаго образованія, Англія XVII и XVIII столѣтій заключала въ своемъ общественномъ устройствѣ такія обозначенія свободы, какихъ недостаетъ Франціи въ XIX столѣтій, и которыхъ министръ внутреннихъ дѣлъ, при всемъ своемъ доброжелательствѣ, не находить еще возможными для ней. Умелаясь тонкою игрой мысли, г. де-Персиньи почти готовъ видѣть въ исторіи Англіи не развитіе свободы, а напротивъ развитіе законодательства, стѣсняющаго свободу. Изъ его циркуляра, какъ будто даже выходитъ, что въ прошедшемъ столѣтій англійская печать обладала большими льготами чѣмъ въ началѣ нынѣшняго, и въ началѣ нынѣшняго столѣтій большими чѣмъ въ настоящее время. Въ 1819 году парламентскій статутъ связалъ печать такъ какъ она еще никогда не была связана прежде, а въ 1848 году новый парламентскій статутъ связалъ ее такъ, какъ ужъ болѣе связать невозможно. Этихъ статутомъ, такъ точно, такъ отчетливо, такъ опредѣленно и такъ жестоко обозначены преступленія печати и кары, которыя они должны влечь за собою, что ни судья, ни присяжные не могутъ избажить виновнаго отъ заслуженной кары. Слишкомъ много доказывать, значитъ ничего не доказывать—извѣстное правило логики.

«Когда мы изучаемъ законы о печати въ Англии, говорить г. де-Персини, со времени водворенія въ ней ганноверской династїи, то насъ прежде всего поражаетъ ихъ чрезмѣрная суровость. Страсти того времени, горячая борьба между партизанами двухъ соперничествовавшихъ династїи и двухъ религїи, находившихся въ антагонизмѣ, — сначала кажутся достаточнымъ объясненїемъ этого грознаго законодательства; но когда мы подходимъ къ нынѣшней эпохѣ, въ которую уже ничего не осталось отъ страстей прошедшаго столѣтїя, и когда тѣмъ не менѣе мы видимъ, какъ новое законодательство провинуто тѣмъ же духомъ строгости, тѣми же политическими заботами и также безусловно возбраняетъ тѣ же самыя вещи, то мы не можемъ не удивиться контрасту между чрезвычайною свободой, которою пользуется въ наше время англїйская печать и суровостїю управляющихъ ею законовъ; мы спрашиваемъ о причинахъ этого явленїя, которое, кажется столь страннымъ, и такъ какъ контрастъ этотъ является на каждой страницѣ англїйской исторїи, въ каждой статьѣ ея законодательства, то нельзя не изумляться, почему на материкѣ Европы издавна принятыми сослаться на примѣръ Англии не только зафимъ, чтобы требовать тѣхъ великихъ льготъ, которыми пользуется англїйская печать, но и другихъ вольностей, которыя воспрещаются англїйской печати самымъ строгимъ и самымъ суровымъ законодательствомъ.»

Прежде чѣмъ будемъ мы продолжать обзоръ циркуляра, мы можемъ не упомянуть здѣсь о томъ впечатлѣнїи, которое произведенныя строки должны были произвести въ Англии. «Достойный гражданинъ, сказано въ *Times*, который всю свою жизнь говорилъ прозой, не зная самъ объ этомъ, не могъ быть болѣе удивленъ при такомъ открытїи чѣмъ удивлены мы, узрѣвъ, — въ какомъ жалкомъ и униженномъ состоянїи находилась долгое время англїйская печать. Обыкновенно на насъ указывали, какъ на образчикъ злоупотребленїя свободы, которою мы пользуемся, въ поученїе журналамъ, не имѣющимъ возможности употреблять во зло свободы, за неимѣнїемъ свободы; мы привыкли къ титулу *безчестныхъ журналистовъ* и къ упрекамъ за *возмутительную гольность*. Но теперь, слава Богу, мы, кажется, становимся болѣе предметомъ состраданїя нежели досады, и притомъ состраданїя для нынѣшней французской печати подъ ея нынѣшнимъ законодательствомъ. Къ неизяснимому нашему изумленїю, мы узнаемъ, что Франція можетъ считать себя счастливою, обладая законодательствомъ о дѣлахъ печати, не похожимъ на то, которое поражаетъ и сокрушаетъ англїйскую журналистику.»

Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли? Г. де-Персиныи и самъ дивится, и другихъ приглашаетъ дивиться великой свободѣ, которою пользуется печать въ Англіи, и въ то же время съ неменьшимъ удивленіемъ говоритъ о грозномъ законодательствѣ, висящемъ надъ этою свободой. Онъ самъ указываетъ на этотъ контрастъ, самъ заявляетъ его. Воображаемъ, въ какое смущеніе должны быть повергнуты умы префектовъ, къ которымъ адресованъ циркуляръ, эти здравомысленные, безхитростные, исполнительные умы! Чтò должны они подумать, эти префекты, которые вообще мало интересуются свободой печати и не задаютъ себѣ слишкомъ отвлеченныхъ и тонкихъ вопросовъ? Каково должно быть ихъ недоумѣніе, когда самые зоркіе люди, публицисты и журналисты, по обѣ стороны Британскаго канала, приходятъ въ «неизъяснимое изумленіе»? Но министръ внутреннихъ дѣлъ развиваетъ далѣе свою мысль, и старается мало-помалу вывести префектовъ изъ хаоса недоумѣній, въ который онъ повергъ ихъ этимъ удивительнымъ контрастомъ между полною, прекрасною, удивительною свободой, зрѣлищемъ которой любовался онъ въ Англіи, и грознымъ, безпощаднымъ, кровавымъ законодательствомъ, которое виситъ надъ этою страной, зоркимъ Аргусомъ-сторожа каждое неосторожное движеніе ея свободы, вмѣстѣ и величественной и презрѣнной, и гордой и униженной, и великой и ничтожной.

«Такимъ образомъ, говоритъ онъ, до полного уничтоженія партіи Стюартовъ, англійское законодательство по дѣламъ печати, имѣло, повидимому, лишь одно своимъ предметомъ: защитить новую династію отъ ея политическихъ и религіозныхъ враговъ, и отнять во имя свободы оружіе и орудія свободы у противниковъ новаго порядка, водворявшагося въ странѣ. Отъ 1692 года, уже при Вильгельмъ-Оранскомъ до паденія партіи Стюартовъ, на мѣсто цензуры, которая существовала въ продолженіи нѣкотораго времени при Вильгельмѣ, но которая была лишь кроткою мѣрой въ сравненіи съ тѣмъ, чтò послѣдовало, дѣла, касающіяся печати, книгъ, журналовъ, рѣдкихъ изданій всякаго рода, были подчинены юрисдикціи *общаго закона* (*common law*)».

Министръ внутреннихъ дѣлъ спѣшитъ вслѣдъ затѣмъ объяснить своимъ префектамъ, что *statute law* есть законъ, писанный и вотированный парламентомъ, а *common law*—законъ неписанный, *lex non scripta*, законъ живущій въ памяти и совѣсти судей.

Доселѣ, однако, несмотря на нѣкоторыя неточности въ историческихъ показаніяхъ, все идетъ хорошо; ничего грознаго пока незамѣтно, и префекты могутъ извлечь для себя много полезнаго изъ предложенныхъ имъ свидѣній. Г. де-Персиныи указываетъ на самую смутную эпоху въ исторіи Англіи, когда свирѣствовала

междоусобная война, когда низложенные претенденты держались съ вооруженными силами въ предѣлахъ королевства, когда боролись двѣ династїи и два порядка вещей, боролись оружіемъ, и гражданское общество распадалось на два враждебные военные лагеря. Французскіе префекты, оглядываясь вокругъ себя, безъ сомнѣнія, находятъ еще много элементовъ неурядицы, видятъ остатки партій, хотя побѣжденных и подавленныхъ, но не совсѣмъ истребленныхъ, видятъ вокругъ себя порядокъ военного свойства, исключительный и диктаторскій, какъ выражается самъ министръ, и видятъ себя органами этого порядка, можетъ-быть чувствуютъ въ своей совѣсти большую или меньшую необходимость такого военного и диктаторскаго управленія въ нынѣшней Франціи; но, какъ бы ни громко говорило въ нихъ чувство этой необходимости, какъ бы ни настоятельными казались имъ исключительныя мѣры для водворенія въ нынѣшней Франціи новой династїи, они отступятся отъ всякаго сравненія между обстоятельствами тогдашней Англіи и обстоятельствами современной Франціи. Они невольно придутъ къ заключенію, что если въ Англіи, даже въ тѣ смутныя времена, посреди междоусобной войны, все еще сохранилась принципъ гражданской свободы и неразрывной съ нею свободы гласнаго слова, все еще былъ судъ, были присяжные, были гарантіи, которыя хотя по временамъ меркли и слабѣли посреди бѣдъ и неурядицы, но не исчезали, а напротивъ все болѣе вырабатывались и опредѣлялись. Что должны были подумать префекты, когда черезъ день послѣ появленія циркуляра, они прочли, между прочимъ, на примѣръ, слѣдующія пояснительныя строки, вызванныя имъ въ газетѣ *La Presse*?

«Во всѣ эпохи, при всѣхъ системахъ, находились люди, утверждавшіе, что свободныя учрежденія Англіи не приложимы къ намъ; и тѣ же самые люди, лишь только замѣчали они въ этихъ учрежденіяхъ какое-нибудь дѣйствительное или мнимое ограниченіе свободы, спѣшили ставить ихъ намъ въ образецъ. Не въ первый разъ случалось намъ заявлять это противорѣчіе и опровергать доводы, извлекаемые изъ англійскаго законодательства; но такъ какъ циркуляръ повторяетъ эти доводы, уже не разъ опровергнутые, то и намъ слѣдуетъ повторить опроверженіе. Г. де-Персиныи говоритъ, что Англичане не всегда пользовались свободой печати, это такъ; но онъ забываетъ приосвокупить, что, завоевавъ себѣ эту свободу у власти, которая у нихъ оспаривала ее, они уже не теряли ея. Онъ забываетъ также обозначить эпохи и привести точныя числа, которыя тѣмъ не менѣе имѣютъ здѣсь особенную важность. Первое серьезное покушеніе противъ свободы печати сдѣлано было такъ-

называемую *зельдною камерой*, въ постановленіи 1637 года. Определенія этого акта, удержанныя постановленіями 1643, 1647 и 1652 годовъ, утвержденныя статутомъ 1662, и возобновленныя въ 1669, были уничтожены въ 1694. Декретъ 1637 года былъ изданъ трибуналомъ беззаконнымъ и опозореннымъ своими неправдами; распоряженія 1643 и 1647 годовъ были сдѣланы палатою обезображенною, въ которой владичествовала только сабля. Распоряженія 1652, 1662 и 1669 на поминаютъ, первое—эпоху, когда права были конфискованы тиранніей Кромвеля, а оба остальныхъ время—когда реставрація, чтобы безнаказанно угнетать Англію и губить ея знаменитѣйшихъ гражданъ, возобновила и усмѣла законы, подавлявшіе свободное выраженіе мнѣній. Не это же, конечно, хочеть г. де-Персианъ поставить намъ въ примѣръ и образецъ. Читая циркуляръ, можно подуматъ, что это угнетеніе печати продолжалось долго послѣ революціи 1688 года. Но это было бы ошибочно. Статутъ Карла II, обнародованный въ 1662 году, пересталъ дѣйствовать въ 1679, былъ возстановленъ Яковомъ II, былъ поддержанъ до 1692, и продолжалъ свое существованіе до 1694. «Но, говоритъ Блэкстонъ, хотя правительство дѣлало въ послѣдствіи многія попытки возобновить этотъ статутъ, парламентъ такъ сильно тому противился, что онъ исчезъ, наконецъ, безвозвратно, и печать стала свободна въ полномъ смыслѣ этого слова, въ 1694 году, и съ тѣхъ поръ всегда оставалась свободною.» Съ этого времени, то-есть въ продолженіи 170 лѣтъ, свобода печати не подвергалась никакому серіозному покушенію, и нѣтъ вопроса, какого бы то ни было, политическаго, экономическаго, административнаго, философскаго или религіознаго, который не могъ бы обсуждаться съ полною и безусловною свободой. Въ продолженіи 170 лѣтъ свобода печати существуетъ подъ гарантією закона; но законодатель, осващая эту свободу, предусматривалъ злоупотребленія, проступки и преступленія. Писатели и журналы могутъ быть преслѣдуемы и подвергаемы наказанію; но они не могутъ быть преслѣдуемы иначе какъ съ соблюденіемъ судебныхъ правильныхъ, публичныхъ формъ, и могутъ подвергаться дѣйствию закона не иначе, какъ послѣ возраженія и защиты передъ судомъ. Англійскіе журналы чисто и безусловно подчинены общему праву; ихъ свобода гарантирована этимъ общимъ закономъ, который обезпечиваетъ каждому гражданину его свободу и собственность. Каждый Англичанинъ имѣетъ право основать журналъ, и чтобы подвергнуть этотъ журналъ какому-нибудь взысканію необходимо судебное дѣйствіе и приговоръ присяжныхъ. И эти гарантіи возникли не въ недавнее время. Напримѣръ, около ста лѣтъ тому назадъ, въ 1763 году, Вилькесъ издалъ

свой *Опытъ о женщинахъ*. Министерство, положивъ захватить эту безнравственную и неблагоприспособленную книгу, забыло нѣкоторыя формальности. Вилькесъ требуетъ министровъ къ суду, и судъ приговариваетъ лорда Галл-факса и лорда Эгермонта къ уплатѣ ста тысячъ франковъ проторей и убытковъ «за посягательство противъ свободы и собственности, Вилькеса, у котораго была захвачена его книга, не по судебному рѣшенію.»

Съ какою цѣлю графъ Персиньи коснулся англійской исторіи, возобновляя для нынѣшней Франціи забытыя преданія старой Англій, впадая въ нѣкоторыя неточности, и объясняя префектамъ значеніе англійскаго *common law*? Куда онъ клонитъ свою рѣчь и въ чемъ состоитъ мораль басни?

Г. де-Персиньи имѣетъ двоякую цѣль. Одна была встрѣчена сочувствіемъ образованной и мыслящей части французскаго общества; эта цѣль — фактически улучшить положеніе французской печати, дать ей возможность держаться съ достоинствомъ и оказывать дѣйствительную пользу странѣ, въ которой видимо вьсакаютъ источники умственной и нравственной жизни. Г. де-Персиньи, съ своимъ просвѣщеннымъ умомъ, не можетъ не видѣть, какъ невозможно утвердить прочнымъ образомъ порядокъ, который будетъ находиться въ постоянномъ антагонизмѣ съ свободой. Онъ, какъ мы видѣли, прибылъ изъ Лондона въ Парижъ, вѣстникомъ и начинателемъ новой системы, и то, что онъ обѣщаетъ, и чему учить префектовъ, дѣлаетъ ему честь и рѣзко отдѣляетъ его отъ его предшественниковъ. Онъ выражается «откровенно и безъ обиняковъ» о той системѣ, которая господствуетъ теперь во Франціи, какъ объ исключительной мѣрѣ, условленной необходимостію установленія новаго порядка вещей; онъ находитъ ее въ принципѣ диктаторскою, но не имѣя возможности измѣнить самый принципъ, онъ обѣщаетъ, по крайней мѣрѣ, что въ его управленіи принципъ этотъ будетъ неощутителенъ. «Если я, говоритъ онъ, не отступлю ни передъ какою отвѣтственностію, для воспрепятствованія всякимъ покушеніямъ противъ безопасности государства, то, взамѣнъ того, я не буду руководствоваться никакими частными видами, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ, въ моихъ дѣйствіяхъ, которыя будутъ имѣть цѣлю все болѣе и болѣе способствовать акклиматизаціи свободнаго обсуждения въ нашей странѣ. Вотъ, г. префектъ, точка зрѣнія, которую я вамъ рекомандую, и которую прошу васъ принимать за правило во всемъ, что вы будете представлять на мое усмотрѣніе. Не забывайте, что чѣмъ исключительнѣе и безусловнѣе власть администраціи надъ печатью, тѣмъ съ большею честностію и добросовѣстностію должна она быть употребляема въ дѣло. Помните особенно то, что власть эта дана моему

министерству въ интересъ государства, а не въ интересъ администраціи. Такъ пусть же ваши дѣйствія не укрываются за этою оградой, пусть они напротивъ, какъ и мѣн, будутъ открыты для общественнаго обсужденія.»

Вотъ заключеніе циркуляра, заключенію, какъ мы сказали, дѣлающее честь министру. Онъ отпривляется отъ основаній, которыя можно оспаривать, но которыя тѣмъ не менѣ вызваны дѣйствительными событіями. Франція такъ недавно гмбла въ революціяхъ и смутахъ; Франція имѣетъ претендентовъ, которые хотя и не стоятъ съ арміями въ ея предѣлахъ, но которые, тѣмъ не менѣ, имѣютъ приверженцевъ въ высшихъ и образованнѣйшихъ частяхъ французскаго общества. Принимая все это къ свѣдѣнію, графъ Персины тѣмъ не менѣ признаетъ потребность и необходимость свободной печати. «Если, говоритъ онъ, будутъ обнаруживаться злоупотребленія въ обществѣ и правительствѣ, если дѣйствія администраціи будутъ подвергаться обсужденію, если будутъ открываться несправедливости, если движенія противоположныхъ понятій, чувствованій и мнѣній будутъ повсюду пробуждать общественную, политическую, торговую и промышленную жизнь, то кто можетъ разумно и со смысломъ протестовать противъ этого?»

Г. де-Персины спрашиваетъ—кто? Французское правительство, говоря такимъ образомъ, устами одного изъ своихъ главныхъ органовъ, стоитъ по отношенію къ свободѣ слова на степени, которую, конечно, нельзя назвать послѣднею снизу, и если есть еще степень гораздо выше, то-есть и степени гораздо ниже. Въ тѣхъ странахъ, которыя раздираются мятежными партіями, гдѣ борются династіи и кипитъ во всемъ разгарѣ междуусобная война, тамъ, конечно, не считается возможнымъ все то, что французскій министръ находить совершенно справедливымъ, законнымъ, необходимымъ, находить такимъ дѣломъ, которому нельзя противиться разумнымъ образомъ. «Но если есть партія, говоритъ онъ,—которыя заботятся не о томъ, чтобы внести свои понятія, свое ученіе, свои чувствованія въ правительство, а о томъ, чтобы разрушить государство, противопоставить правительству какое-нибудь другое правительство, династію другую династію, тогда, какова бы ни была слабость этихъ партій, уваженіе національной воли, общественная польза и законъ не дозволяютъ давать развѣшаться страстямъ, враждебнымъ существующему порядку; ибо, не говоря даже объ опасности, все, что замедляетъ слѣдствія партій въ общую семью государства, замедляетъ въ то же время пользованіе льготами нашей страны.» Французскій министръ признаетъ противнымъ закону и нетерпимымъ только то, что прямо клонится къ разрушенію государства, къ возбужденію междуусобной войны, къ

покушенію противъ династіи. Но онъ признаетъ за каждымъ право вносить свои понятія, свои ученія, свои чувствованія въ правительство страны, то-есть право высказывать гласно свои мнѣнія, распространять ихъ, стараться о томъ, чтобъ они возобладали и были приняты самимъ правительствомъ страны. Въ этомъ говоритъ онъ, ничего нѣтъ худаго, а напротивъ было бы бессмысленно препятствовать всему этому.

Итакъ, французская печать могла бы вполне удовлетвориться тою перспективой, какую открываетъ ей циркуляръ новаго министра. Какъ выходитъ изъ приведенныхъ словъ, онъ допускаетъ всякое пользованіе печатнымъ словомъ, кромѣ лишь такого, которое прямо взываетъ къ бунту, возжигаетъ междоусобную войну и клонится къ разрушенію государства. Безъ сомнѣнія, никто изъ лучшихъ и мыслящихъ людей Франціи, изъ тѣхъ людей, которыхъ стоить слушать, не хотятъ ни бунтовъ, ни кровопролитія. А потому они должны бы, кажется, считать себя вполне удовлетворенными программой новаго министра. И однакожь, мыслящіе люди Франціи менѣе удовлетворены имъ чѣмъ можно бы ожидать. Люди, которые чуждаются и не вѣдаютъ нравственныхъ путей дѣйствія, люди грубаго дѣйствія, не хотятъ знать никакого законодательства, они не обращаютъ вниманія ни на какія программы; имъ все равно, какою бы системой ни управлялись нравственные интересы общества; эти интересы для нихъ не существуютъ, они о нихъ не заботятся, не дорожатъ ими; будетъ ли печать свободна или не будетъ, они не въ ней будутъ искать себѣ поприща; эти люди будутъ составлять тайныя общества, будутъ дѣйствовать во мракѣ, распложаясь и становясь опасны именно въ ту пору, когда стѣнены сферы открытаго дѣйствія, когда заграждены или затруднены пути нравственнаго вліянія и сдѣлана невозможною умственная борьба.

Почему же мыслящіе люди во Франціи остались недовольны циркуляромъ? Потому что въ этомъ циркулярѣ, кромѣ его прямой цѣли, есть еще другая, тайная цѣль—представить апологию той исключительной и диктаторской системы, которая въ принципѣ все еще продолжается во Франціи; министръ оправдываетъ ее не совсемъ ловко и путается въ своихъ доводахъ. Онъ оправдываетъ ее тѣмъ, что въ Англіи, въ давнее время, обстоятельства имѣли характеръ исключительный, что печать подвергалась строгимъ пресѣдованіямъ, и что даже въ настоящее время арсеналъ англійскихъ законовъ снабженъ самымъ острымъ и самымъ грознымъ оружіемъ противъ всякихъ уклоненій печатнаго слова. Обращаясь къ давнему времени, онъ сравниваетъ свое положеніе, положеніе наполеоновскаго министра, съ тою силой, какою имѣлъ въ рукахъ своихъ ганноверскій

судья, когда въ Англіи водворилась нынѣ-царствующая династія. Всѣ эти доводы и обдженія были во всякомъ случаѣ излишни, и они, къ сожалѣнію, нѣсколько повредили тому искреннему тону, съ которымъ г. Персины хотѣлъ высказаться передъ Франціей.

Что такое законъ? «Что есть истина?» Графъ Персины объясняетъ префектамъ, что значить въ Англіи *statute law* и *common law*. *Common law*, говоритъ онъ, есть законъ неписанный, — *lex non scripta*, прибавляетъ онъ для большей ясности. Префектамъ, дѣйствительно, могло быть странно и ново узнать о законѣ неписанномъ, который живетъ въ преданіи судовъ, въ памяти и совѣсти судей. Гдѣ же хваленая обезпеченность англійской печати, спрашиваютъ они, и гдѣ же большое различіе между положеніемъ печати во Франціи и положеніемъ ея въ Англіи? Мы сами, говорятъ они, обладаемъ памятью и совѣстью, сами можемъ имѣть преданія, чтобы судить проступки печати, и еще тѣмъ успѣшнѣе можемъ судить чѣмъ непосредственнѣе получаемъ указанія отъ министра, который, на высотѣ своего положенія, обнимаетъ всю совокупность интересовъ, потребностей и обстоятельствъ страны и лучше всѣхъ знаетъ, что должно и чего не должно, что вредно и что полезно. Съ другой стороны, думаютъ префекты, прочтя циркуляръ, — есть еще въ Англіи законъ писанный; — это парламентскіе статуты, которые, какъ сказываетъ министръ, очень суровы и грозны и такъ составлены, что отнимаютъ у судьи и присяжныхъ всякую возможность потворствовать своеволю печати.

Въ какое заблужденіе введены префекты, о томъ всего лучше свидѣтельствуетъ дѣйствительность. Въ Англіи, съ давнихъ поръ, почти вовсе не случаются не только административныя (о чемъ въ Англіи и подумать невозможно), но и судебныя преслѣдованія печати; не только правительство, но и частныя лица находятъ болѣею частию ненужнымъ и излишнимъ прибѣгать къ закону и суду съ жалобами на печать, хотя нельзя сказать, чтобы не вовсе бывало къ тому поводовъ, если судить по континентальнымъ понятіямъ. Совершенно справедливо, что англійская печать, какъ выражается г. де-Персины, представляетъ прекрасное зрѣлище; но тѣмъ не менѣе въ Англіи можно совершенно свободно печатать все, рѣшительно все, безъ всякихъ ограниченій и условій, и прекрасное, и непрекрасное, не подвергаясь преслѣванію. Г. де-Персины дѣлаетъ совершенно справедливое различіе между писанными возмутительными, проповѣдывающими насиліе и междоусобную войну, отъ разумнаго, хотя и вполнѣ свободнаго выраженія мнѣній; но изъ его циркуляра какъ будто бы выходитъ, что въ Англіи не можетъ появиться ничего возмутительнаго, что тамъ всѣ и каждый говорятъ только то, что пріятно слушать, что на англій-

СКИХЪ НИВАХЪ ТОЛЬКО КОЛОСИТСЯ ЧИСТАЯ ПШЕНИЦА БЕЗЪ ВСЯКОЙ ПРИМѢСИ ПЛЕВЕЛЕВЪ, ИМЕННО БЛАГОДАРИ ГРОЗНОМУ ЗАКОНУ, КОТОРЫЙ ПРЕДУПРЕЖДАЕТЪ ВЪ ЗАЧАТКѢ РАЗВИТІЕ СОРНОЙ РАСТИТЕЛЬНОСТИ. УДИВИТЕЛЬНАЯ СИЛА ЗАКОНА ПИСАННАГО И НЕПИСАННАГО! ОДНАКО, НА ПОВѢРКУ ВЫХОДИТЪ НЕ СОВСѢМЪ ТАКЪ, И ПРЕФЕКТЫ, ЧУТЬ ЛИ НЕ ВЪ ТОМЪ ЖЕ НУМЕРѢ ГАЗЕТЪ, МОГЛИ ЧИТАТЬ ПРЕСТРАННЫЯ ВЕЩИ, КОТОРЫЯ МОГУТЪ ПОКОЛЕБАТЬ ИХЪ ВѢРУ КЪ СЛОВАМЪ МИНИСТРА. ОНИ МОГЛИ ПРОЧЕСТЬ ОПИСАНІЕ ДЕМОНСТРАЦІИ, ПРОИСХОДИВШЕЙ НЕДАВНО ВЪ ДУБЛИНѢ. НЕЛЬЗЯ СЕБѢ ПРЕДСТАВИТЬ НИЧЕГО ВОЗМУТИТЕЛЬНѢЕ, НИЧЕГО ЗАЖИГАТЕЛЬНѢЕ ТѢХЪ РѢЧЕЙ, КОТОРЫЯ БЫЛИ ПРОИЗНЕСЕНЫ НА ЭТОМЪ МИТИНГѢ, ИМѢЮЩЕМЪ СВОЕЮ ЦѢЛЮ ПРОВОЗГЛАСИТЬ НЕОБХОДИМОСТЬ ОТЛОЖЕНІЯ ИРЛАНДІИ ОТЪ АНГЛІЙСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, ПРИ ПОМОЩИ ФРАНЦУЗСКАГО ВТОРЖЕНІЯ. ЭТОТЪ МИТИНГЪ БЫЛЪ ПОВѢЩЕНЪ ЗАРАНѢ, О НЕМЪ ЗАДОЛГО ШУМѢЛИ ИРЛАНДСКІЯ КАТОЛИЧЕСКІЯ ГАЗЕТЫ. ВСЯКАГО НАРОДА СОБРАЛОСЬ МНОГО, НО НЕ ПРОИЗОШЛО НИ МАЛѢЙШАГО БЕЗПОРЯДКА; «СЕПАРАТИСТЫ» НЕ ВСТРѢТИЛИ НИ МАЛѢЙШАГО СОПРОТИВЛЕНІЯ, НИ КАКОГО ПРЕПАТСТВІА. ГРАФЪ КАРЛЕЙЛЬ, ЛОРДЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ ИРЛАНДІИ, НЕ ПРИБѢГАЛЪ НИ КЪ КАКИМЪ МѢРАМЪ, И ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ МИТИНГЪ СОБРАЛСЯ КАКЪ КАКОЙ-НИБУДЬ УЧЕНЫЙ ИЛИ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЙ МИТИНГЪ. КОГДА НѢКОТОРЫЕ ОРАТОРЫ, НАСТАИВАЯ НА НЕОБХОДИМОСТИ ОТЛОЖЕНІЯ, ЗАЯВЛЯЛИ, ЧТО ЭТА ЦѢЛЬ МОЖЕТЪ БЫТЬ ДОСТИГНУТА РАЗНЫМИ ПУТЯМИ,—И ПУТЕМЪ МИРНАГО СОГЛАШЕНІЯ, РАЗУМНАГО УБѢЖДЕНІЯ, И ПУТЕМЪ СИЛЫ, ОРУЖІА И ВОЙНЫ, ТОЛПА ПѢКРЫВАЛА СВИСТОМЪ РѢЧЬ О РАЗУМНОМЪ УБѢЖДЕНІИ, И НЕИСТОВО РУКОПЛЕСКАЛА, КОГДА РЫАНЫЕ ОРАТОРЫ НАСТАИВАЛИ НА НЕОБХОДИМОСТИ НАСИЛЬСТВЕННЫХЪ СРЕДСТВЪ, БЕЗЪ ВСЯКИХЪ ОБИЯНКОВЪ, ПОДРОБНО И ОБСТОЯТЕЛЬНО РАСКРЫВАЯ ПЛАНЪ ДѢЙСТВІА, ЕСЛИБЫ ФРАНЦУЗЫ ВЫСАДИЛИСЯ НА БЕРЕГА ИРЛАНДІИ. ВСѢ ЭТИ РѢЧИ, ПО ОБЫКНОВЕНІЮ, СТЕНОГРАФИРОВАЛИСЬ, ПЕЧАТАЛИСЬ ВЪ ГАЗЕТАХЪ; И ГАЗЕТЫ, ВЪ СВОИХЪ СТАТЬЯХЪ, ОСТАВЛЯЛИ ДАЛЕКО ЗА СОБОЮ САМИХЪ ОРАТОРОВЪ. КАКЪ САМЫЙ МИТИНГЪ НЕ ВСТРѢТИЛЪ НИ МАЛѢЙШАГО ПРЕПАТСТВІА, ТАКЪ РАВНО И ГАЗЕТЫ НЕ ПОДВЕРГИЛИСЬ НИ МАЛѢЙШЕМУ ПРЕСЛѢДОВАНІЮ. И ЭТО НЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ, НЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ. ВЪ ГАЗЕТѢ *Irishman*, ГЛАВНОМЪ ОРГАНѢ СЕПАРАТИСТСКАГО ДВИЖЕНІЯ ИРЛАНДСКИХЪ КАТОЛИКОВЪ, ЕЖЕДНЕВНО ПОЯВЛЯЮТСЯ НЕВООБРАЗИМЫЯ, ИЗУМИТЕЛЬНЫЯ ВЕЩИ. ЕСЛИБЫ ТАКИМЪ ТОНОМЪ СТАЛИ ПИСАТЬ О ФРАНЦУЗСКОМЪ ИМПЕРАТОРѢ ВЪ КАКОЙ-НИБУДЬ БЕЛЬГІЙСКОЙ ИЛИ ШВЕЙЦАРСКОЙ ГАЗЕТѢ, ТО БЕЗЪ СОМНѢНІЯ, КАКЪ УЖЕ И БЫВАЛО, ФРАНЦУЗСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ ПРЕМИНУЛО БЫ СТРОГО НАСТАИВАТЬ НА ПРИНЯТІИ НАДЛЕЖАЩИХЪ МѢРЪ ПРОТИВЪ СВОЕВОЛІА ПЕЧАТИ ДАЖЕ ВЪ ЧУЖОЙ СТРАНѢ; А МЕЖДУ ТѢМЪ АНГЛІЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ИЗБѢГАЕТЪ ПОСАГАТЬ НА ПРИНЦИПЪ СВОБОДЫ ДАЖЕ ВЪ САМЫХЪ КРАЙНИХЪ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНІЯХЪ У СЕБЯ ДОМА. НЕ БУДУЧИ ВПРАВѢ ЗАКРЫТЬ ЖУРНАЛЪ ИЛИ ЗАПРЕТИТЬ СТАТЬЮ, ОНО ДАЖЕ УЖЕ НЕ СЧИТАЕТЪ НУЖНЫМЪ ПРЕСЛѢДОВАТЬ ИХЪ ВЪ СУДѢ. ПОЧЕМУ? ОБЪ ЭТОМЪ СКАЖЕМЪ НИЖЕ.

Граф Периньи объяснял префектамъ значеніе *common law* и *statute law*; но онъ не объяснилъ имъ того, что было бы всего важнѣе; онъ не объяснилъ имъ, что такое начало законности, которую восхваляютъ всѣ другія націи въ Англіи, и которою она сама такъ гордится. Префектамъ, какъ мы замѣчали, долженъ былъ показаться большою странностью законъ неписанный. А что же такое законъ и какую силу получить онъ оттого, что будетъ написанъ? Сколько законовъ пишется вездѣ,—законовъ ясныхъ, точныхъ, твердыхъ, симметрически расположенныхъ, замкнутыхъ въ прекрасный кодексъ! Вездѣ есть законы и вездѣ болѣе или менѣе законы исполняются; есть даже страны, гдѣ они исполняются съ самою неподкупною строгостью. Недавно, въ Пруссіи, государственный прокуроръ, г. Шварцъ, поднялъ дѣло въ судѣ протѣвъ берлинской полиціи, обвиняя ее во множествѣ злоупотребленій и превышеній власти; она хватала безъ церемоній подозрительныхъ ей лицъ, держала ихъ въ заключеніи по цѣлымъ мѣсяцамъ, и потомъ выпускала, не найдя достаточныхъ основаній подвергнуть ихъ суду. Начальствующія лица, на которыхъ налагаетъ отвѣтственность за эти злоупотребленія, защищаютъ свой образъ дѣйствій въ журналахъ; шумъ и скандалъ пошелъ на всю Европу, и теперь въ Берлинѣ производится слѣдствіе по этому дѣлу. Не знаемъ, чѣмъ оно кончится, но во всякомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы Пруссія была страна, лишенная законовъ, или чтобы ея народомаселенія отличались неуваженіемъ къ нимъ. Напротивъ, можно бы подумать, что Пруссія есть страна законности по преимуществу, законности, доходящей даже до крайности, до самаго тупаго формализма. Тамъ держатся строгихъ формъ какъ святости, и чуть ли не малѣйшую яоту въ буквѣ закона. Давно ли мы читали, какъ кельскіе таможенные чиновники хотѣли осматривать яхту британской королевы, потому что въ своей инструкціи не нашли никакихъ формальныхъ указаній на этотъ предметъ? Словомъ, уваженіе къ закону процвѣтаетъ какъ нельзя болѣе въ Пруссіи, и прусскихъ чиновниковъ никто не упрекалъ ни въ продажности, ни въ лихоимствѣ. Да и самыя тѣ злоупотребленія, въ которыхъ обвиняетъ теперь государственный прокуроръ берлинскую полицію, не могутъ ли быть объяснены также изъ уваженія къ закону? Берлинская полиція дѣйствовала по распоряженію законнаго начальства, и согласно съ духомъ общаго управленія при канцлерскомъ кабинетѣ. Въ томъ, что, кажется теперь злоупотребленіями, полиція исполняла только законъ, и во всякомъ случаѣ оставалась вѣрно тому порядку, который господствовалъ въ странѣ. Итакъ, спрашивается, почему же Англія считается странною законности по преимуществу, тѣмъ болѣе что этотъ,

такъ-называемый *общій законъ*, — господствующій въ этой странѣ, и обеспечивающій тамъ всякую свободу, не есть даже законъ писанный, *lex non scripta*? Вся тайна англійской законности состоитъ въ ея судѣ. То особенное значеніе, какое въ Англии имѣетъ законъ, есть не что иное какъ-то особое значеніе, которое въ Англии имѣетъ судъ. Живой законъ есть судъ, а внѣ суда законъ есть только бумага, или нѣчто такое, что возуть не закономъ, а беззаконіемъ. Надобно понять всю силу того, что называется независимостію и самостоятельностью суда, для того чтобъ оцѣнить надлежащимъ образомъ то начало законности, за которое всѣмъ восхваляется Англія. Судъ есть тамъ власть, имѣющая верховное значеніе и не подчиненная никакой другой власти. Въ судѣ присутствуетъ и произноситъ приговоръ сама нація, само общество, въ лицѣ присяжныхъ. Судья, вполне независимый и неподчиненный никакому административному контролю, является живымъ и нетленнымъ посредникомъ между правительствомъ и народомъ, между государствомъ и обществомъ. Правительство относится къ суду, какъ каждое частное лицо — не болѣе; оно можетъ являться въ немъ обвиняемымъ, но никакъ авторитетомъ. Принципъ самоуправленія, на которомъ основанъ весь политическій бытъ въ Англии, самостоятельность и самоотвѣтственность каждой силы, обеспечиваютъ совершенную независимость присяжнаго суда отъ всякаго вліянія, прямого или косвеннаго; да и само правительство, при этомъ общемъ принципѣ, не есть въ сущности что-либо отдѣльное, противоположное обществу, а есть только одна изъ партій того же общества, непрерывно и неуспѣшно контролируемая другою, всегда готовою смѣнять ее.

Въ арсеналѣ англійскаго законодательства, дѣйствительно, есть много страшныхъ орудій, но они ничего не значатъ внѣ суда, и отъ суда вполне зависятъ употребленіе того или другаго орудія, а судъ не зависитъ ни отъ какой внѣшней силы, тѣмъ не менѣе подчиненъ вліянію тѣхъ идей, тѣхъ морей, того сознанія, до котораго возвышается общество въ извѣстные періоды своего развитія; онъ зависитъ отъ всеобщей совѣсти и отъ дѣйствительной потребности, заявляемой и высказываемой воимъ.

Г. де-Персиень говоритъ, что въ 1848 году парламентъ обогатилъ грозный арсеналъ англійскаго законодательства новымъ закономъ, и что оружіе это такъ тонко изощрено, что оно торжествуетъ надъ всѣмихъ присяжными, даже ирландскими. Слова эти не очень понятны, да едва ли и имѣютъ какое-нибудь значеніе; никакой законъ не имѣетъ власти надъ совѣстью присяжныхъ. Вообще напрасно французскій министръ бралъ всѣ эти изощренные оружія изъ арсенала англійскаго законодательства для оправданія декрета 1852 года, кото-

рымъ французская печать изъята изъ вѣдѣнія судовъ и предоставлена на благоусмотрѣніе административной власти.

«Справедливо ли думать, сказано въ *Journal des Débats*, что (французскій) декретъ 1852 года, можетъ быть сравниваемъ съ самыми суровыми памятниками англійскаго законодательства о печати? Если хотятъ сказать, что англійскіе писатели могутъ быть подвергаемы чрезмѣрнымъ взысканіямъ, превышающимъ тѣ, которыми они подвергаются у насъ, мы допустимъ это очень охотно; но есть обстоятельства, которыя замѣчательнымъ образомъ возстановляютъ равновѣсіе въ пользу англійскаго законодательства, даже самаго древняго и самаго строгаго: вопервыхъ оно исходило изъ свободнаго парламента, всегда слѣдующаго за его дѣйствіемъ и всегда имѣющаго власть отмѣнить его; а потомъ, и самое главное, оно не могло постигнуть писателя иначе, какъ черезъ вердиктъ присяжныхъ. Съ парламентомъ и присяжными, мы не знаемъ дурнаго закона въ дѣлѣ печати; какіе бы тяжкіе удары ни предписывались закономъ, писатели чувствуютъ себя тѣмъ не менѣе подъ рукою націи, постановившею законъ, контролирующею и примѣняющею его. Это до такой степени вѣрно, что г. де-Персиень привелъ въ своемъ циркулярѣ, какъ примѣръ древней строгости англійскихъ законовъ распоряженіе, ограничивавшее рѣшеніе присяжныхъ только простымъ вопросомъ о фактѣ: такой-то есть ли авторъ такого-то сочиненія? и уже судья, послѣ этого вердикта назначалъ, по своему усмотрѣнію, наказаніе. Но г. де-Персиень не присовокупляетъ къ этому свидѣнію еще то, что даже и тогда этотъ оплотъ присяжныхъ ограждалъ свободу писателя, когда она заслуживала огражденія. Причина тому самая простая: присяжные нисколько не затруднялись отдавать, когда они считали это справедливымъ, вердиктъ вопреки очевиднымъ доказательствамъ, какъ не рѣдко дѣлаютъ присяжные и у насъ по предмету дуэли, не оскорбляя этимъ ни здраваго смысла, ни справедливости, а потому нельзя дѣлать никакого сравненія между этимъ вердиктомъ присяжныхъ, всегда всемогущимъ, произнесеннымъ послѣ свободныхъ преній, и употребленіемъ этой власти предупреждать и запрещать, которую г. де-Персиень добросовѣстно называетъ въ своемъ циркулярѣ произвольною, исключительною и диктаторскою.»

Но всего ближе было бы припомнить г-ну де-Персиень не очень давнее событіе, въ которомъ онъ самъ игралъ нѣкоторую роль,—преслѣдованіе Бернара за участіе въ заговорѣ противъ императора Французовъ, и преслѣдованіе двухъ лондонскихъ книгопродавцевъ за изданіе брошюры, въ которой самымъ неистовымъ образомъ излагалась французскими выходцами теорія убійства тирановъ. Извѣстно, что Бернаръ былъ оправданъ при-

сжными, и что правительство отказалось отъ дальнѣйшаго преслѣдованія означенныхъ книгопродавцевъ передъ судомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, и присяжные, и судьи, и министры, и цѣлое общество въ Англіи не могли сочувствовать этимъ дикимъ ученіямъ; если виновные не были преслѣдованы и не подверглись наказанію, то вовсе не потому, чтобы кто-нибудь и въ какой-либо мѣрѣ, ободралъ ихъ образъ мыслей, а изъ уваженія къ великому началу свободы мнѣнія, въ духѣ священной притчи о плевелахъ. Потому-то въ Англіи всѣ эти плевелы мысли и караются самымъ дѣйствительнымъ образомъ, не только безъ административныхъ, но даже и безъ судебныхъ преслѣдованій; они караются тѣмъ, что не могутъ жить и развиваться на англійской почвѣ. Тамъ все можно написать, напечатать и издать въ свѣтъ; но благодаря той силѣ внутреннего отпора, которую приобретаетъ общество вслѣдствіе свободы своего развитія, — всѣ болѣзненные исчадія человѣческой мысли остаются безвредными, не заражаютъ ничего, не производятъ никакого дѣйствія и умираютъ сами собою, не находя потребителей. Г. Прево-Парадолъ, въ *Journal des Débats*, приводитъ въ примѣръ одно жалкое изданіе, которое выходило въ Англіи, подъ названіемъ *Atheists*, и которое разъ въ недѣлю доказывало, что нѣтъ Бога: никто не мѣшалъ ему доказывать, никто не преслѣдовалъ его и не дѣлалъ ему предостереженій, и оно исчезло само собою, не оставивъ никакого слѣда. Печатать можно все; каждый можетъ въ своемъ кабинетѣ, писать, печатать, издавать все, что хочетъ, не спрашиваясь ни у кого; но нигдѣ, въ то же время, публика не отличается такою антипатіей, какъ въ Англіи, ко всему тому, что въ другихъ мѣстахъ преслѣдуется разнаго рода властями; и никѣмъ такъ дѣйствительно и такимъ кореннымъ образомъ не истребляются здовредныя плевелы, какъ самую публикой во время жатвы. Нигдѣ не бываетъ такъ трудно, какъ въ Англіи, найти въ продажѣ одну изъ тѣхъ безнравственныхъ книгъ, которыя нагло выставляются на показъ въ континентальныхъ книжныхъ лавкахъ, при всѣхъ возможныхъ предупредительныхъ или репрессивныхъ мѣрахъ. Нигдѣ писатель не чувствуетъ на себѣ такой глубокой нравственной отвѣтственности, какъ тамъ. Каждый чувствуетъ себя заинтересованнымъ въ общемъ дѣлѣ, и каждый нѣкоторымъ образомъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ передъ каждымъ. Въ низшихъ слояхъ литературы, весьма естественно можетъ заражаться всякая мерзость, но не нужно особыхъ органовъ администраціи или полиціи, чтобы истреблять подобныя явленія. Въ случаѣ распространенія какихъ-нибудь зловредныхъ писаній въ народныхъ массахъ, болѣе или менѣе невѣжественныхъ и неспособныхъ

дать отпора, всякій можетъ обратить на эти писанія вниманіе суда и вызвать его всесильное рѣшеніе. Но живое и свободное общество находитъ еще гораздо болѣе вѣрные пути для пресѣченія подобныхъ явленій. Въ Англии существуютъ цѣлыя компаніи, организованныя самымъ правильнымъ образомъ, которыя взяли въ свои руки разноску и продажу книгъ для народнаго чтенія. Съ этими обществами конкурировать не возможно; они обладаютъ огромными средствами и ведутъ за всѣмъ самый зоркій контроль. Разнощики (hawkers) обязаны отдавать самый строгій отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ, и они представляютъ самые подробные дневники своихъ походовъ, интересныя въ высшей степени, сообщая, гдѣ, въ какомъ селеніи, въ какомъ коттеджѣ, какія преимущественно спрашивались книги, какіе разговоры были ведены по этому поводу, въ какой мѣстности какое настроеніе и т. п. Намъ случилось недавно читать о дѣйствіяхъ этихъ обществъ и выдержки изъ этихъ отчетовъ, и нельзя не удивляться этой могущественной организующей силѣ, развиваемой въ обществѣ тою самою свободой, которая представила недавно новые блестящіе результаты въ устройствѣ волонтеровъ.

Итакъ, вотъ на что было бы лучше обратить вниманіе префектовъ, если ужь непременно нужно было обратить ихъ вниманіе на Англию. Это было бы вѣрнѣе и поучительнѣе, и въ циркулярѣ была бы строже соблюдена логика.

Мы видѣли, какъ хорошо и явственно отличается г-на де-Персиныи доброе пользованіе свободою отъ дурнаго и зловреднаго; но если легко провести черту разграниченія въ сферѣ общихъ понятій, то не всегда бываетъ легко уловить эту черту въ индивидуальномъ фактѣ, который представится на наше обсужденіе.

Заключимъ наши замѣчанія по поводу циркуляра г-на де-Персиныи словами французскаго публициста (г. Прево Парадоля, въ *Journal des Débats*), которыя высказываютъ вкратцѣ общее впечатлѣніе, произведенное этимъ циркуляромъ на французскую журналистику.

«Если циркуляръ г-на де-Персиныи оставляетъ еще во всей ея силѣ исключительное законодательство, управляющее нами, то онъ общаетъ намъ какъ бы приостановить его дѣйствія на практикѣ, или, что то же самое, ограничить его примѣненіе только тѣмъ, кто путемъ печати будетъ нападать на основы правительства. Мы увѣрены, что обѣщаніе будетъ добросовѣстно исполнено тѣмъ, кто далъ его, и это уже великій шагъ. Кто не убѣдился бы въ важности счастливой перемены, возвѣщаемой намъ г. де-Персиныи, тотъ имѣетъ весьма простое средство убѣдиться. Пусть

тотъ прочтетъ любопытный сборникъ сдѣланныхъ журналамъ *предостереженій*, изданный г. Вентемомъ; тотъ ежеминутно будетъ видѣть тамъ, какъ поражались этими предостереженіями мнѣнія и доктрины, которыя нисколько не касались основъ правительства. Начиная съ оцѣнки событій, относящихся къ исторіи первой имперіи, до обсуждения качествъ какого-то назема, рекомендованнаго администраціи, образовался обширный и эластическій рядъ непркосновенныхъ вопросовъ, между которыми слишкомъ часто появляются тѣ дѣйствія мѣстныхъ властей, обсужденіе которыхъ составляетъ главную цѣль провинціальной печати. Впрочемъ, что естественнѣе и неизбѣжнѣ увлеченія властей всякаго ранга, привыкающихъ употреблять для своей личной защиты оружіе, которое вручено имъ лишь въ интересъ государства? Это было и будетъ всегда; злоупотребленіе всякой произвольной власти заранѣе написано въ природѣ каждаго изъ насъ. Давно Буало сказалъ:

Qui n'aime point Cotin n'estime point son roi,
Et n'a, suivant Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.

• Самые благоразумные между нами, вооруженные такимъ могуществомъ, не пришли ли бы когда-нибудь къ убѣжденію, что въ ихъ собственной безконтрольности заключается одно изъ прочныхъ основаній общественнаго мира?

• Эти злоупотребленія могутъ исчезнуть только въ виду новаго закона; но мы убѣждены, что они будутъ какъ бы приостановлены на все то время, пока г. де-Персиныи будетъ прилагать самъ заключенія своего циркуляра. Освобожденная отъ ежедневнаго опасенія, ободряясь мало-по-малу къ обсужденію дѣйствій власти и поведенія ея агентовъ, французская печать будетъ въ состояніи оказать странѣ полезныя услуги и разсѣять въ обществѣ несправедливыя предубѣжденія, которыя еще окружаютъ ее.

Согласно съ либеральнымъ оборотомъ, который принимаетъ французская политика внутри, все болѣе и болѣе закрѣпляется союзъ Франціи съ Англіей. Отмѣнено визированіе паспортовъ для англійскихъ путешественниковъ, проѣзжающихъ во Францію. Императрица Французовъ совершила таинственное путешествіе въ Англію, желая посѣтить герцогиню Гамильтонъ, свою пріятельницу. Она видѣлась съ королевой въ Виндзорѣ и вездѣ была принимаема съ почетомъ и радушіемъ, и *Moniteur*, извѣщая обо всѣхъ этихъ оваціяхъ, съ особеннымъ чувствомъ говоритъ объ искренней дружбѣ между обѣими великими націями.

Но въ то время, какъ Франція такъ рѣшительно выступила на путь либеральной политики, Австрія съ своей стороны употреб-

лаетъ всё усилія, чтобы не остаться позади. Оба правительства наперервъ стремятся во пути прогресса. Императоръ австрійскій издалъ патентъ, которымъ возвращается и даруется конституціонное устройство землямъ, некогда бывшимъ подъ австрійскою короной; прошло немного времени, и императоръ Французскій издаетъ декретъ, которымъ возвращается парламентарное значеніе законодательнымъ собраніямъ во Франціи. Французскій министръ обнародываетъ циркуляръ своимъ подчиненнымъ, отрицая новую, лучшую эпоху для печати, признавая и подтверждая необходимость и пользу свободнаго слова и торжественно обѣщая дать полнѣйшія гарантіи законному пользованію ею. И вотъ уже телеграфъ извѣщаетъ, что австрійскій министръ, въ свою очередь, пишетъ циркуляръ къ губернаторамъ и высказывается въ духѣ не менѣе либеральномъ; баронъ фонъ-Шмерлингъ, одинъ изъ самыхъ либеральныхъ государственныхъ людей въ Австріи, назначенный въ должность государственнаго министра, торжественно подтверждаетъ всё льготы, дарованныя императорскимъ патентомъ, и истолковываетъ ихъ въ самомъ обширномъ смыслѣ: полнѣйшая свобода въронсповѣданія, обезпеченіе національностей, устраненіе всякаго предупредительнаго вѣдательства въ дѣла печати, то-есть совершенное освобожденіе отъ полицейскаго вліянія; введеніе устности и гласности въ суды.

КИТАЙСКІЯ ДѢЛА.

Недавно еще передавали мы здѣсь, по корреспонденціямъ *Times*, гибель парохода Малабаръ и съ нимъ множества золотыхъ слитковъ, заключавшихъ въ себѣ всё средства англійскаго и французскаго посольства,—и какъ уже далеко мы теперь отъ этого неудачнаго начала! Черезъ Гонконгъ, Та-лиен-хуанъ, Нитанхо, союзники проникли въ рѣку Пейхо, на которой въ 120 миляхъ внутри страны лежитъ столица Китая, Пекинъ; влѣтѣ фортовъ Таку и города Тянь-дзюна открыло союзной арміи Пекинъ, на который она и двинулась, послѣ неудачныхъ переговоровъ въ Тянь-дзюнѣ 30 (18) августа; рядомъ блистательныхъ побѣдъ они скоро достигли стѣнъ Пекина и побѣдоносно вступили въ сто-

лицу Небесной Имперіи: разслабленный богдыханъ бѣжалъ въ Манджурію, а мандаринны совѣмъ покорились союзникамъ. Победы союзниковъ въ Китаѣ должны быть признаны, по словамъ газетны *Times*, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и поразительныхъ событій, даже и въ наше богатое событиями время. «Небесная имперія, столь долго отдѣленная отъ остальнаго міра, предметъ удивленія для однихъ и предметъ насмѣшки для другихъ, готова, очевидно, выйдти изъ своей заключенности и утрагитъ, слѣдовательно, отличительный характеръ своего существованія... Волненія, испытанныя Европой въ послѣднія тридцать лѣтъ, отозвались во всѣхъ концахъ міра. Въ Китаѣ почувствовалось это совершенно особымъ образомъ. Обширная имперія совѣмъ распалась подъ ударами секты инсургентовъ, которые ведутъ свое ученіе будто бы изъ Евангелія. Давно уже возникло это возмущеніе. Первоначально Тай-пинги одерживали большіе успѣхи, и имя ихъ стало извѣстно по всему свѣту, такъ что слабые умы въ христіанскихъ странахъ думали даже, что великій переворотъ совершился на отдаленномъ Востокѣ. Тогда счастье повернулось и перешло къ императорскимъ войскамъ. Инсургенты повсюду терпѣли поражение, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ успѣховъ, пекинскій дворъ вообразилъ, что можетъ потягаться съ западными державами. Если такъ, то торжество было непродолжительно.» Дѣйствительно, новыя успѣхи Тай-пинговъ была такъ велики, что подвергли опасности самое существованіе имперіи.

«Явленіе любопытное, заключаетъ *Times*, что одновременно съ тѣмъ, какъ европейскія націи подвигались съ морскаго берега къ столицѣ, внутреннее возмущеніе какъ бы помогало этому движенію, распространяясь отъ внутреннихъ провинцій къ морю. Никто не станетъ сомнѣваться, что вся система китайскаго правительства давно уже подгнила и близка теперь къ своему окончательному разрушенію. Она держалась столько вѣковъ лишь потому, что никакой посторонній, свѣжій элементъ не касался ея. Но какъ только европейскія идеи столкнулись съ китайскими, тотчасъ же въ дребезги разлетѣлось все зданіе, столь же хрупкое, какъ и знаменитыя фарфоровыя вазы Китая. Скорое паденіе или преобразование монархіи близится, очевидно, съ часу на часъ.»

Читателямъ нашимъ, мы увѣрены, не безынтересно будетъ ознакомиться съ подробностями послѣдней китайской экспедиціи Англо-Французовъ. Но прежде чѣмъ приступимъ къ ея изложенію, считаемъ не лишнимъ представить краткій очеркъ событий, вызвавшихъ собою настоящую войну.

Уже десять лѣтъ, какъ императоръ Хіень-Фунгъ сталъ пове-

лителемъ 400.000.000 человекъ. Онъ имѣлъ несчастіе вступить на престолъ въ революціонную эпоху. Принадлежа къ династіи Манджурской, уже двѣсти лѣтъ царствовавшей надъ имперіей, онъ преждевременно состарилъ себя невоздержностью и развратомъ. Десять только лѣтъ назадъ, и ничье чужое знамя не развѣвалось на городскихъ стѣнахъ имперіи, отъ береговъ Амура до Иравадди, отъ Тихаго океана и до подножія Гималая; десять только лѣтъ назадъ—и владѣнія богдыхана были свободны отъ внутреннихъ раздоровъ, и безопасны отъ внѣшнихъ войнъ. Теперь же сѣверныя границы его имперіи постоянно подвигаются передъ напоромъ могущественнаго и настойчиваго сосѣда. Лучшія его провинціи находятся въ рукахъ мятежниковъ. Его столица занята соединенными арміями Англичанъ и Французовъ. Любимцемъ его былъ старый совѣтникъ, заклинавшій его тѣнями его предковъ не вѣрять *варварамъ*, принимать противъ нихъ всякія враждебныя мѣры, неутомимо противиться всякому нововведенію и изо всѣхъ силъ держаться стараго порядка вещей.

Въ 1856 году, представители державъ, имѣвшихъ договоры съ имперіей, предположили произвести совокупную экспедицію на сѣверъ, для повѣрки этихъ договоровъ. Богдыханъ, узнавъ объ этомъ, отозвался, что варвары стремятся на сѣверъ изъ страха, внушаемаго намѣстникомъ Іехомъ, котораго они привыкли бояться. «Такова ужъ натура варваровъ, писалъ императоръ, — быть хитрыми и лукавыми. Что касается до формъ, которыя долженъ соблюдать Іехъ при приѣмѣ варварскихъ предводителей, то пусть онъ строго держится старыхъ порядковъ: никакой уступки, даже самой ничтожной, да не разсѣется ихъ страхъ.» Ободренный такимъ повелѣніемъ, Іехъ довелъ своими поступками дѣло до того, что послѣ известнаго происшествія съ пароходомъ *Стрѣла*, Кантонъ былъ взятъ штурмомъ, намѣстникъ плѣнникомъ отвезенъ въ Калькутту, гдѣ онъ и умеръ, союзники силой вошли въ Пейхо, и заключенъ былъ тѣньдинскій трактатъ. Трактатомъ этимъ (26 іюня 1857) Великобританія достигла пяти важныхъ уступокъ: 1) англійскій посланникъ можетъ жить постоянно въ Пекинѣ, или посѣщать его по временамъ, и такъ какъ Англія — «страна независимая и во всемъ равная Китаю», то посланникъ, приближаясь къ императору на аудіенціи, можетъ не соблюдать тѣхъ церемоній, которыя могли бы оскорбить достоинство націи; 2) королева имѣетъ право назначать консуловъ въ торговые порты, и новые порты должны быть открыты; 3) всѣ учителя «ученія Христа, небеснаго Владыки» должны пользоваться покровительствомъ; 4) великобританскіе подданные имѣютъ право, съ паспортами, полученными отъ консуловъ, быть во всѣхъ внутреннихъ провинціяхъ

имперіи; 5) въ рѣку Янгици долженъ быть открытъ свободный доступъ англійскимъ купеческимъ кораблямъ, какъ только побѣждены будутъ инсурденты.

Таковы были мирныя условія, вырванныя лордомъ Эльгинномъ у правительства, которое въ первый разъ отказалось отъ претензіи своей не вступать въ сношенія съ державами, не признающими надъ собою его превосходства. Но главная трудность была не въ заключеніи трактата, а въ той упорной оппозиціи, которую долженъ былъ онъ встрѣтить со стороны старой консервативной партіи Китая. Въ то самое время, какъ шли переговоры въ Тянь-дзинѣ, въ Пекинѣ партія эта дѣлала всевозможныя усилія, чтобы подѣйствовать на воображеніе и волю императора.

Императоръ не рѣшился, однако, внять этимъ совѣтамъ и увѣщаніямъ, до тѣхъ поръ пока еще оставались канонерскія лодки подъ стѣнами Тянь-дзина. Онъ, напротивъ, даровалъ какъ будто все, чего у него требовали. Но баронъ Гро возвратился во Францію, лордъ Эльгинъ отправился полномочнымъ министромъ въ Японію, эскадра вышла изъ Пейхо, и тонъ рѣчи китайскаго правительства тотчасъ же измѣнился. Весь слѣдующій годъ, между мирными переговорами и тѣмъ срокомъ, котораго былъ назначенъ для обмена въ Пекинѣ ратификаціи (черезъ посредство гг. Брюса и Бурбильона), доказалъ очень ясно, что императоръ вовсе не думалъ серьезно исполнить условія, столь обидныя для китайскихъ предрасудковъ и столь выгодныя для Англіи. Г. Брюсу, англійскому посланнику, умышленно воздвигались всевозможныя затрудненія. Когда истекалъ годъ, онъ выразилъ свое намѣреніе отправиться въ Пекинъ для условленнаго размѣна ратификацій. Тогда императорскіе комиссары предложили ему провезти этотъ размѣнъ въ Шанхаѣ. Имъ указано было на трактатъ. Тогда они сказали, что сухимъ путемъ до Пекина не скоро доберешься, развѣ дней въ сорокъ. Г. Брюсъ объявилъ, что онъ пойдетъ обыкновеннымъ путемъ, по морю. Комиссары и на это нашли возраженіе; они не успѣютъ сами достигнуть Пекина, чтобы принять посланниковъ. Словомъ, было ясно, что комиссары хотѣли задержать г. Брюса въ Шанхаѣ и совсѣмъ не допустить его до Пекина. Тогда г. Брюсъ далъ знать адмиралу Гопу, чтобъ онъ вошелъ съ своею эскадрой въ устье рѣки Пейхо, и возвѣстилъ прибытіе англійскаго и французскаго посланниковъ. Въ то же время онъ потребовалъ отъ комиссаровъ, чтобъ они отправились сами на пароходѣ въ сѣверныя провинціи. Они отвѣчали, что не могутъ сдѣлать этого и возвратятся, какъ приказалъ имъ императоръ, по почтовой дорогѣ. Ни слова, однако, не было сказано о томъ, что запертъ водяной путь къ Тянь-дзину; ни однимъ словомъ не была определена какая-либо исключительная дорога на Пекинъ. Англійскій

посланникъ, по точному смыслу трактата, имѣлъ полное право слѣдовать въ столицу Китая, какою ему угодно дорогою, и совершенно законно требовалъ удовлетворенія этому праву. Коммиссары молчали, а между тѣмъ знали очень хорошо, что Сан-ко-линь-синъ готовился оспаривать доступъ къ Тянь-дзину и укрѣпленію Таку. 16 іюня (1859) адмиралъ Гопъ приблизился къ Пейхо, чтобы возвѣстять о прибытіи полномочныхъ министровъ. Эскадра его остановилась у Ше-линь-тиена, въ 30 миляхъ отъ устья рѣки. На другой день адмиралъ произвелъ самъ рекогносцировку на канонерской лодкѣ и замѣтилъ, что рѣка заграждена была желѣзными вѣхами, бонами и плотами; укрѣпленія, разрушенныя въ прошломъ году, были возобновлены. Между тѣмъ войска не было видно, и прибрежные мирные земледѣльцы объявили, что китайскихъ властей нѣтъ ближе Тянь-дзина, а берега укрѣпили они сами — противъ бунтовщиковъ и морскихъ разбойниковъ. Адмиралъ Гопъ потребовалъ, чтобы входъ въ рѣку открытъ былъ не позже трехъ дней. Ему обѣщали это. 25 іюня подѣхала къ эскадрѣ китайская джонка съ письмомъ къ г. Брюсу. Письмо было отъ генералъ-губернатора провинціи Ханг-фу. Онъ писалъ, что занять скрытіемъ укрѣпленій въ Пе-тан-хо, небольшомъ городкѣ у устья рѣки того же имени, въ 12 миляхъ къ сѣверу отъ Таку, а какъ только кончитъ свое дѣло, то явится самъ просить г. Брюса въ Пе-тан-хо, съ тѣмъ чтобы посланники отправились отсюда сухимъ путемъ въ Пекинъ, какъ только придутъ Квей-лиангъ и его товарищъ. Такимъ образомъ г. Брюсу пришлось бы въ заливѣ Печели ожидать губернатора, а въ Пе-тан-хо императорскихъ коммиссаровъ: онъ отклонилъ отъ себя эту «честь», и письмо губернатора было возвращено ему. Тогда произведена была атака, которая, несмотря на необыкновенную храбрость и распорядительность адмирала Гопа, кончилась неудачею для союзниковъ.

Вотъ событія, которыя сдѣлали необходимымъ принять рѣшительныя мѣры. Нужно было приучить богдыхана и мандариновъ не считать себя выше всѣхъ на свѣтѣ и убѣдиться наконецъ, что есть другіе государи, которые имѣютъ право стоять съ небеснымъ императоромъ совершенно на равной ногѣ. Союзникамъ надлежало укрѣпить за собою не только тѣ права, которыя были вновь приобрѣтены ими, но и тѣ, которыя издавна считались за ними. Только въ Пекинѣ можно этого достигнуть. Только тогда можно быть увѣреннымъ въ исполненіи трактатовъ, когда заставши покориться своей волѣ верховное пекинское правительство: иначе, имѣя дѣло только съ губернаторами, намѣстниками и коммиссарами, рискуешь постоянно, что центральное правительство не признаетъ для себя обязательными условія и уступки, совершенныя его мѣстными представителями.

Когда вопросъ объ экспедиціи на Тянь-дзинъ и Пекинъ былъ рѣшенъ у Англичанъ и Французовъ, арміи ихъ въ заранее-опредѣленномъ числѣ собирались въ назначенныя мѣста. Назначены были опять лордъ Эльгинъ и баронъ Гро съ самыми обширными полномочіями. Посланники отправились въ свою очередь туда, гдѣ собирались эскадры и десантъ. До острова Цейлона прибыли они благополучно. Тутъ пароходъ, на которомъ они отправились было далѣе, *Малабаръ*, былъ разбитъ бурей. Послѣ крушенія *Малабара*, оба посланника, ихъ свита и пассажиры погибшаго парохода, отправились въ Китай, къ вечеру 5 іюня 1860, на пароходѣ *Пекинъ* (изъ Бомбея). «Въ бурю и грозу, поперекъ Бенгальскаго залива, говоритъ корреспондентъ *Times*, въ тихую и ясную погоду по проливамъ малакскимъ и черезъ заливъ архипелага (Bay of Islands), *Пекинъ* доставилъ посланниковъ въ Сингапуръ.» Это случилось 13 іюня, а 14 *Пекинъ* развелъ уже пары, чтобы слѣдовать въ Гонконгъ. Въ Сингапурѣ лордъ Эльгинъ, властію чрезвычайнаго посланника, распорядился, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ отправленъ былъ въ Китай полкъ Сейховъ, который въ половинѣ мая пришелъ изъ Калькутты въ Сингапуръ. Съ самаго начала было видно, что война должна будетъ принять весьма широкіе размѣры. Условія союзниковъ были отвергнуты съ гнѣвомъ, при чемъ на долю Французовъ пало наибольшее императорское негодованіе. Правительство приготовилось къ отчаянной защитѣ. Императоръ совершенно находится, по справедливому замѣчанію корреспондента *Times*, въ рукахъ партіи войны, напыщенной сверхъ всякой мѣры прошлогодними успѣхами китайскаго оружія въ Таку. Императоръ, говорятъ, протестовалъ противъ дурнаго обычая, принятаго Англичанами. «Когда вы начинаете войну, сказалъ будто бы императоръ, у васъ всегда оказывается недостатокъ въ деньгахъ. Вы требуете, чтобы я заплатилъ вамъ за потерянные вами канонерскія лодки: а кто же мнѣ заплатитъ за форты, разрушенныя вами въ Кантонѣ и другихъ мѣстахъ?»

Очень строгія требованія союзниковъ, главнѣйшимъ образомъ Англичанъ, возбуждали нѣкоторую оппозицію и въ самомъ парламентѣ. Въ засѣданіи палаты общинъ 13-го іюля, г. Кокренъ, ссылаясь на нѣкоторыя мѣста дипломатической переписки между Эльгиномъ и китайскими комиссарами, указывая на огромность предстоящихъ расходовъ, на невозможность довѣряться Китайцамъ и на неизбѣжность постоянной съ ними войны, предложилъ, въ заключеніе своей рѣчи, для предотвращения препятствій къ прочному миру, послать британскому уполномоченному инструкцію, чтобы онъ не настаивалъ на выполненіи 3 статьи тяньзинскаго трактата, по которой его величество, китайскій

императоръ дозволяетъ посланникамъ министрамъ и другимъ дипломатическимъ агентамъ ея величества королевы великобританской, вмѣстѣ съ ихъ семействами, свитой и заведеніемъ (establishment), постоянно жить въ Пекинѣ, или же временно посѣщать его, какъ заблагоразсудится. На предложеніе это лордъ Джонъ-Россель отвѣчалъ слѣдующею рѣчью: «Почтенный джентльменъ сдѣлалъ предложеніе, не употребительное по формѣ и посягающее притомъ на прерогативы короны. *(Слушайте, слушайте!)*. Лордъ Эльгинъ посланъ ея величествомъ; отъ ея величества получилъ онъ свои инструкціи, и будетъ поступать сообразно съ этими инструкціями. Совершенно невозможно, въ случаѣ еслибы предложеніе было принято, чтобы президентъ палаты общинъ отважился послать инструкціи лорду Эльгину. Еслибы почтенный джентльменъ дѣйствительно хотѣлъ достигнуть своей цѣли, то онъ долженъ былъ бы предложить адрессъ королеви съ просьбой измѣнить инструкціи лорду Эльгину. Еслибы палата общинъ позволяла себѣ давать нашимъ иностраннымъ министрамъ инструкціи, противоположныя тѣмъ, какія они получаютъ отъ ея величества, тогда наши дѣла пришли бы въ страшный беспорядокъ. *(Слушайте!)*. Что касается до самаго предложенія, то отвѣтъ на него коротокъ. Почтенный джентльменъ говоритъ намъ, что Китайцамъ кажется величайшимъ униженіемъ имѣть иностраннаго министра въ Пекинѣ, что народъ возстанетъ, что императоръ упадетъ въ глазахъ своихъ подданныхъ, и что нельзя настаивать на этомъ условіи, не разрушая императорской власти въ самомъ ея основаніи. Случилось между тѣмъ, что, послѣ того какъ лордъ Эльгинъ выставилъ это условіе и ввелъ его въ Тяньзинскій трактатъ, Россія потребовала себѣ привилегіи посылать министра въ Пекинъ. Китайское правительство нисколько не воспротивилось и потребовало только, чтобы посланникъ прибылъ горнымъ путемъ (overland route). Онъ прошелъ этимъ путемъ, принятъ былъ съ большимъ почетомъ на китайской границѣ, прибылъ въ Пекинъ и пробылъ тамъ многіе мѣсяцы. И что жъ? имперія Китайская не пала, императоръ не униженъ. Жители Пекина увидѣли быть-можетъ впервые, что есть другіе властители, кромѣ ихъ богдыхана, и другія государства, повелители которыхъ—не только не подданные и не вассалы императора, но и требуютъ себѣ одной съ нимъ чести. Вопросъ измѣнился, и, такъ какъ въ Пекинѣ есть русскій министръ, то китайское правительство не можетъ уже теперь отказать Великобританіи въ томъ правѣ, которое оно уступило Россіи. *(Слушайте, слушайте!)*. Лордъ Эльгинъ, а равно и всѣ члены кабинета, были того мнѣнія, что слѣдуетъ непременно

настаивать на допущеніи британскаго министра въ Пекинъ и не въ видѣ возмездія, а какъ послѣдствіе условія, на которое уже согласился императоръ. Выборъ резиденціи британскому министру въ Пекинъ или въ другомъ мѣстѣ былъ уступкой, на которую лордъ Эльгинъ согласился уже послѣ того, какъ императоръ утвердилъ трактатъ; и выборъ этотъ долженъ былъ зависеть не отъ императора, а отъ британскаго правительства. То самое условіе, на которое, по словамъ почтеннаго джентльмена, никогда не согласится китайское правительство, заключалось уже въ Тяньдинскомъ трактатѣ и не только принято было министрами императора, но и подтверждено особою ратификаціей императора. Предложеніе г. Кокрена было отвергнуто палатой.

Въ то же засѣданіе, 13 іюля, военный министръ, г. Сидней Гербертъ объявилъ, что англійскихъ войскъ въ Китаѣ отъ 17.000 до 18.000; въ томъ числѣ войскъ, составляющихъ собственно экспедицію, 10.000; въ Сингапурѣ оставленъ резервъ въ 1.700; все остальное держитъ гарнизоны (въ Кантонѣ, Шанхаѣ и пр.). Г. Брайту цифра эта показалась чудовищно-великою; со стороны казалась она, напротивъ того, недостаточною чтобы вполне была достигнута предположенная цѣль, и необыкновенные успѣхи союзниковъ въ Китаѣ (у Французовъ войска тамъ еще менѣ чѣмъ у Англичанъ), судя по этой ничтожной цифрѣ, едва ли могли быть предвидимы. Передовые органы общественнаго мнѣнія въ Англии были всѣ на сторонѣ самаго рѣшительнаго и энергическаго образа дѣйствій въ Китаѣ. Когда въ Лондонѣ стало извѣстно, что лордъ Эльгинъ не прочь былъ подписать мирный трактатъ въ Тянь-дзинѣ (послѣ взятія фортвъ Таку) еслибы только не былъ обманутъ императорскими комиссарами (см. ниже), а потомъ съ тою же цѣлью хотѣлъ остановиться въ Тонъ-чоу (Tungchow), газета *Times* выражалась такимъ образомъ: «Старый мандаринскій духъ столь же упоренъ въ Пекинѣ теперь, какъ и всегда. Что за дѣло мандаринамъ столицы, если въ береговыхъ провинціяхъ побиваютъ Китайцевъ сотнями и тысячами? Они преспокойно съ давнихъ поръ покрываютъ стѣны Пекина бюллетенями о небывалыхъ блистательныхъ побѣдахъ, и если лордъ Эльгинъ вступитъ въ Пекинъ съ своимъ коннымъ конвоемъ, онъ будетъ, подобно лорду Макартнею, встрѣченъ восклицаніями: «Вотъ они покорились! вотъ идетъ рабъ Китая!» Мы пошли въ Китай, продолжаетъ *Times*, съ такими силами, не для того только, чтобы подписать мирный договоръ, но и для того, чтобы наказать за вѣроломство. Если есть сколько-нибудь мужественнаго достоинства въ нашей политикѣ, то въ Китай отправлена армія для того, чтобы наказать,—не бѣдныхъ солдатъ, отчаянно защищающихъ береговыя болота, не трепещущихъ под-

чиенныхъ, которые повиновались только повелѣніямъ высшихъ властей, и которые дѣйствовали подѣ страхомъ потерять права, состояніе и жизнь, а самый источникъ измѣны, унизивъ въ глазахъ всей имперіи правительство, которое замѣнителескимъ образомъ пролило кровь нашихъ соотечественниковъ (въ прошломъ году подѣ Таку). Для этого оставался одинъ путь—не полагаться ни на какія обѣщанія, которыя оказались столь мало заслуживающими вѣры, отвергать всѣ мирныя предложенія, пока союзная армія не достигнетъ стѣны Пекина, и тамъ уже только потребовать публичныхъ извиненій за вѣроломство, публично совершенное, и публичнаго обѣщанія твердо хранить условія тандзинскаго трактата. Такое дѣйствіе, вмѣстѣ съ жгучимъ вліаніемъ военной контрбукціи (которая никакимъ другимъ путемъ не будетъ выплачена), было бы гуманно, почетно и дѣйствительно. Такое существенное униженіе было бы почувствовано въ самыхъ дальнихъ концахъ Великой Имперіи. Тутъ уже не было бы мѣста для ложныхъ толкованій и искаженій: весь Китай узналъ бы, что императору не осталось другаго средства, и что единственное спасеніе для китайской политики—держать свое слово передъ чужеземцами. Этотъ путь открытъ былъ передъ лордомъ Эльгинемъ. У него были армія и флотъ, съ которыми онъ могъ пройти Китай отъ одного конца до другаго. Время ему благоприятствовало. Воспользовался ли онъ всеми обстоятельствами? Мы можемъ только надѣяться и утверждать еще разъ, что посольство не достигнетъ цѣли, если единственнымъ результатомъ его будетъ ратификація тандзинскаго трактата. Самый трактатъ былъ нарушенъ со стороны Китайцевъ; гдѣ же гарантія, что онъ и впредь не будетъ нарушаемъ постоянно? Какого успѣха достигнетъ посланникъ, если онъ въ видѣ пресителя пойдетъ къ наглому врагу и добровольно оставитъ позади себя армію, которая должна бы окружать его, могущественно поддерживать своимъ присутствіемъ его посольство и напечатлѣть въ умахъ жителей Пекина мысль о силѣ его отечества? Если же лордъ Эльгинъ дѣйствительно поступитъ такимъ образомъ, то онъ столько же закоренѣлый Китаецъ, какъ и самъ Іехъ.»

Подобныя же мысли постоянно высказываетъ и спеціальнѣйшій корреспондентъ *Times*, писемъ котораго мы преимущественно (хотя и не исключительно) будемъ держаться въ нашемъ обзорѣ китайскихъ событій.

Послѣ благополучнаго плаванія, Пекинъ доставилъ свой дипломатическій фрахтъ въ Гонконгъ. 21-го іюня, рано утромъ, пароходъ былъ уже въ виду Ослиныхъ Ушей, благополучно достигъ назначеннаго мѣста и бросилъ якорь. Еще прежде прибытія посланниковъ, союзная армія собиралась въ заливѣ Печели, около

ста миль отъ устья Пейхо. Входъ въ заливъ этотъ суживается двумя носами: у сѣвернаго носа находится гавань Та-лиен-хванъ, куда сбравались англійскія войска, у южнаго — Че-суу, мѣсто, назначенное для французскаго корпуса. Около 2000 англійскихъ войскъ оставлено было гарнизономъ въ Генкоунгъ, этомъ финансовомъ центрѣ англійскихъ сношеній съ Китайскою имперіей, который скоро долженъ будетъ сдѣлаться и главною квартирой восточныхъ морскихъ силъ Великобританіи. Кантонъ укрѣпленъ тоже очень сильно: въ немъ 3500 англійскаго гарнизона. Сэръ-Говъ Грантъ, главнокомандующій сухопутными силами Англии, и адмиралъ Говъ еще 11-го іюня отправились изъ Генкоунга въ Шанхай, куда и прибыли 16-го числа. 23-го туда же отправились оба посланника, лордъ Эльгинъ на парусномъ шлюпѣ *Фирозъ* и баронъ Гре на *Сезонь*. Съ ихъ прибытіемъ должны были начаться военныя дѣйствія экспедиціи на Пейхо. Дипломатическими дѣлами управляли до тѣхъ поръ гг. Брюсъ и Вурбильонъ, англійскій и французскій уполномоченные въ Шанхай. Приближаясь къ Шанхаю, корреспондентъ видѣлъ русскую эскадру, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Чичачева, состоявшую изъ *Дюссанта*, *Явонца*, *Сельманы* и *Passanadie*(?), и узналъ, что русскій посланникъ, генералъ Игнатьевъ оставилъ Пейнъ и во все время военныхъ операцій союзниковъ пробудетъ въ Шанхай, чтобъ отклонить всякое подозрѣніе, будто бы онъ держитъ руку Китайцевъ. Французская эскадра была здѣсь тоже въ полномъ своемъ составѣ; англійскаго же флота не было уже видно въ водахъ—хорошій и счастливый признакъ. «Всѣ приготовления наши кончены, пишетъ корреспондентъ изъ Шанхая отъ 30 іюня, благодаря неутомимой заботливости адмирала Гопа и сэра-Гова Гранта (1). Но экспедиція предпринята вдвоемъ, и мы не можемъ начать, прежде чѣмъ будутъ готовы наши союзники. Они значительно удалились отъ своего базиса операцій и не имѣютъ Индіи въ тылу. Притомъ, они были очень несчастливы въ своихъ транспортахъ. Съ однимъ изъ нихъ они потеряли обувь для своей арміи, и хотя много было спасено, однако морская ванна едва ли могла улучшить достоинство кожи. *Королева Клипперсъ* (la Reine des Clippers) сгорѣла, а съ нею и винная одежда войска; между тѣмъ мочи будутъ въ Тянь-дзинѣ прохладны. Погибъ и другой корабль, съ артиллерійскою сбруей и порохомъ; нѣсколько сотъ боченковъ пороху будутъ поэтому выданы пока изъ нашихъ запасовъ. Вообще транспортныхъ судовъ у нашихъ союзниковъ

(1) 20 и 22 іюня они уже отправились въ Та-лиен-хванъ.

очень мало, и приходится по нѣскольку разъ возвращаться за новымъ грузомъ. По всему судя, пройдетъ еще цѣлый мѣсяць прежде чѣмъ Французы будутъ готовы, — цѣлый мѣсяць, который мы поневолю должны будемъ провести въ бездѣйствіи.»

Шанхай, въ то время, какъ посѣтилъ его специальный корреспондентъ *Times*, представлялъ собою полнѣйшій видъ брошеннаго города: всѣ лавки были заперты, и народонаселеніе какъ бы вымерло—кто прятался на джонкахъ, кто бѣжалъ въ Нинпо, Фу-чоу, Амой и Кантонъ. Шанхай постоянно находится подъ страхомъ нападенія со стороны инсургентовъ (тай-пинговъ). И вообще вся эта большая провинція Кiang-су, превосходящая пространствомъ цѣлую Францію и населенная 37-ю милліонами жителей, по словамъ корреспондента, совсѣмъ потеряна для императорскаго правительства. Она тянется по берегу въ сѣверо-западномъ направленіи, и равнины ея ершаются двумя благородными рѣками: Янг-ци, которая, истекая изъ тѣхъ же возвышенностей средней Азіи, откуда берутъ свое начало Гангъ и Брагмапутра, раздѣляетъ Китай на двѣ почти равныя части, и Желтою рѣкой. Плодородіе Кiangской провинціи почти не имѣетъ себѣ подобнаго. Открытый для европейской торговли въ 1842 году, Шанхай гигантскими шагами развилъ свою торговлю, и уже въ 1859 году привозъ и вывозъ достигъ громадной суммы въ 28.454.975 фун. стерл. Таможенные пошлины китайскому правительству доходили въ томъ же году до полутора милліоновъ ф. ст. Всѣ эти обороты теперь парализованы: Китайцы ничего не покупаютъ; купцы не могутъ ничего продать. Въ руки инсургентовъ палъ и Сучоу—эгого китайскій Парижъ. Пословица китайская говоритъ: «Чтобы быть счастливымъ на землѣ, нужно родиться въ Сучоу, жить въ Кантонѣ, а умереть въ Лян-чанѣ, потому что въ первомъ городѣ самый красивый народъ, во второмъ самая роскошная жлань, а въ третьемъ самые лучшіе гробы.» Сучоу имѣетъ очень громкую звѣстность по красотѣ своихъ женщинъ, по богатству промышленности, по способности жителей. Когда вѣсть о томъ, что разбѣжалась императорская армія, забытая пекинскими мандаринами подъ Пекиномъ, дошла до Шанхая, французскій генералъ предложилъ двинуть 2000 союзныхъ войскъ на Сучоу. Г. Брюсъ очень смѣло и очень основательно воспротивился этому. Союзники пришли въ Китай совсѣмъ не для того, чтобы вооруженною рукою поддерживать императорскую власть противъ инсургентовъ.

Въ Шанхаѣ, корреспондентъ *Times* видѣлся съ русскимъ посланникомъ, генераломъ Игнатъевымъ, который объяснилъ ему всю неосновательность и нелѣпость распространившагося въ прошломъ году слуха, будто бы Русскіе помогали Китайцамъ 25

іюня 1859, въ фортахъ Таку. Русская миссія прибыла въ Пекинъ не болѣе какъ за два дня до этого дѣла, и генералъ Игнатьевъ въ первое время не хотѣлъ вѣрить пораженію, союзниковъ, и въ этомъ смыслѣ доносилъ даже объ этомъ событіи своему правительству. Корреспондентъ нашелъ случай убѣдиться въ полной достовѣрности объясненій генерала Игнатьева, и въ письмѣ своемъ изъ Шанхая, отъ 5 іюля, разсуждаетъ такимъ образомъ: «Не можетъ быть и рѣчи о томъ, что Россія ведетъ свою политику въ Китаѣ съ блистательнымъ успѣхомъ. Политика эта можетъ быть названа мирно-наступательною. Прежде чѣмъ минуетъ нѣсколько мѣсяцевъ, Амуръ будетъ соединенъ съ Петербургомъ телеграфическою проволокой. Южная Сибирь значительно расширилась на счетъ Китая. Россія достигала всѣхъ своихъ успѣховъ путемъ дипломатіи, науки, въ которой она никогда не занимала второй роли. Правду сказать, русское пугало вдалось ужъ выставилось на глаза англійскому обществу. Константинополь цѣль. Россія освобождаетъ крестьянъ и строить себѣ желѣзныя дороги. Много причинъ, чтобы мы были съ Русскими, по прежнему, друзьями.»

25 іюня, ровно черезъ годъ послѣ кровопролитія подъ Таку, адмиралъ Гопъ бросилъ якорь въ Та-лиен-хванѣ и засталъ англійскую экспедицію въ полномъ сборѣ и готовности дѣйствовать. Скоро прибылъ и лордъ Эльджинъ. Время уходило, и нужно было дѣйствовать. Между тѣмъ нельзя было тронуться съ мѣста: дѣло стояло за Французами, и только за ними одними. Экспедиція ихъ все еще не была готова, и самого главнокомандующаго не было еще въ Че-Фуу до 13 іюля. Послѣдствія такой несправности, хотя и оправдываемой отчасти разными случайными неудачами, могли быть гибельны для всего дѣла.

Наконецъ, по словамъ корреспондента *Times*, мечъ былъ обнаженъ, и знакъ былъ поданъ: 26-го іюля эскадры англійская и французская съ десантомъ, тронулись изъ своихъ стоянокъ и направились въ устье Пейхо. Обѣ экспедиціи дѣйствовали, какъ видимъ, очень дружно. Тѣмъ не менѣе неравенство было между ними большое. У Англичанъ было 26 канонерскихъ лодокъ; у Французовъ только 6. У Англичанъ 11,000 чел. пѣхоты; у Французовъ менѣе 5000. У Англичанъ 1050 чел. превосходной кавалеріи; у Французовъ 4 эск. спаговъ и 4 эск. африканскихъ стрѣлковъ (*chasseurs d'Afrique*). У Англичанъ флотъ въ 200 военныхъ судовъ; у Французовъ только 39. У Англичанъ 6 лафетныхъ баттарей (*mounted*), двѣ баттары двѣнадцати-фунтовыхъ армстронговыхъ пушекъ, двѣ девяти-фунтовыхъ; у Французовъ три баттары четырехъ фунтовыхъ наръзныхъ орудій. Ко всему этому присоединились комиссаріатскія несправности, и потерянъ

былъ цѣлый мѣсяць самаго удобнаго для военныхъ дѣйствій времени: много причинъ было пороптать Джону Булю. И онъ дѣйствительно ропталъ довольно громко на своего союзника. Французы сами видѣли свою слабость, и, хотя, по первоначальному плану, имъ слѣдовало высадиться на южный берегъ Пейхо, однако они на это не рѣшились и высадились вмѣстѣ съ Англичанами на сѣверномъ берегу, у Пе-тан-хо.

Какъ бы то ни было, 26 (14) іюля союзная армія съѣла на суда и 27 числа бросила якорь на рандеву, въ 20-ти миляхъ отъ Пейхо. Рѣшено было высадить войска нѣсколько на югъ отъ Пе-тан-хо, который остался укрѣпленнымъ, тогда какъ форты Таку были укрѣплены только съ той стороны, на которую прошлый годъ сдѣлано было нападеніе канонирскими лодками. Въ виду грозной флотиліи Англо-Французовъ стояло на якорѣ нѣсколько нейтральныхъ пароходовъ, американскихъ и русскихъ, которые, какъ видно, выжидали событій. Въ слѣдующіе дни экспедиція придвинулась еще къ Пе-тан-хо. Къ вечеру 29 прибылъ изъ Кантона британскій консулъ г. Парксъ, предложившій свои услуги лорду Эльгину въ качествѣ толмача; но такъ какъ лордъ Эльгинъ не могъ начать своихъ дипломатическихъ дѣйствій прежде окончанія морскихъ и сухопутныхъ эволюцій, то г. Парксъ остался пока при командирѣ англійскаго десанта, сэръ-Гопъ Грантъ, и во все время экспедиціи игралъ, какъ увидимъ, весьма значительную роль.

Атака Пе-тан-хо назначена была на 31 число, но вслѣдствіе неблагоприятной погоды отложена еще на день. Союзный флотъ стоялъ только въ 12 миляхъ отъ форта. Утромъ 1 августа произведена была высадка. Впереди всего флота были адмиралъ Гопъ и сэръ-Гопъ Грантъ на *Коромандель* (лордъ Эльгинъ былъ на *Чизепикль*, а баронъ Гро на *Дюшелд*). Приблизившись къ фортамъ Пе-тан-хо, амбразуры которыхъ были совсѣмъ замаскированы, военачальники распорядились произвести предварительную высадку изъ 400 человекъ, на половину Французовъ и Англичанъ, для рекогносцировки; небольшой татарскій пикетъ, занимавшій шоссе къ Таку, поспѣшно отступилъ, увидѣвъ эту рекогносцировку, и общая высадка союзныхъ силъ была тогда рѣшена. Мѣсто высадки было ровное и болотистое; едва-едва можно было выбираться на берегъ и разищаться по немъ. Корреспондентъ предполагаетъ, что въ древнія эпохи все это мѣсто покрыто было моремъ. «Повсюду кругомъ болото и вода—и ни капли воды, чтобы напиться,» говоритъ онъ. Союзная армія дѣйствовала съ необыкновеннымъ согласіемъ—и слишкомъ усердные порывы отдѣльныхъ начальниковъ, занимавшихъ чужія диспозиціи, тотчасъ же были останавливаемы главнокомандующими.

Въ стройномъ порядкѣ придвинулась армія къ городу, не давъ ни одного выстрѣла. Казалось возможнымъ занять безъ выстрѣла весь городъ; но настала ночь, и главнокомандующіе побоялись рисковать своими солдатами,—армія должна была провести ночь въ грязи. Г. Гарри Парксъ, съ разрѣшенія сэръ-Гоппа Гранта, отправился осмотрѣть форты, въ сопровожденіи инженеръ-капитана Вилльямса и нѣсколькихъ стрѣлковъ. «Онъ засталъ всѣхъ жителей города на ногахъ и въ большой тревогѣ, но ни одного татарскаго солдата; съ полдюжины пушекъ, украшавшихъ собою амбразуры, были *илмы* и сдѣланы были изъ дерева.» На другой день, рано утромъ, армія тронулась и дѣйствительно заняла Пе-тан-хо безъ выстрѣла, если не считать четырехъ Татаръ, внезапно появившихся на плотинѣ еще въ 2 часа ночи и убившихъ одну лошадь.

Корреспондентъ *Moniteur Unirersel* пишетъ въ эту газету изъ Пе-тан-хо отъ 11 августа, что приближеніе европейскихъ войскъ произвело всеобщій и неодолимый ужасъ между народонаселеніемъ, такъ что люди очень дѣятельные, трудолюбивые и совершенно безвредные, совсѣмъ теряли рассудокъ отъ страха и избирали лучше смерть, чѣмъ горькую необходимость присутствовать при томъ, какъ чужеземцы посягали бы на ихъ старыя и дорогія имъ привычки. Народъ смысленый, почтенный числомъ, древностью, учрежденіями, Китайцы не боятся смерти, но и не умѣютъ бороться съ нею; преслѣдуетъ Китайца нужда—онъ лишаетъ себя жизни; власть гнететъ его въ сферѣ искони уступленныхъ ему правъ личной свободы—онъ опять-таки лишаетъ себя жизни; приходятъ Европейцы и въ виду беззащитнаго народа сбрасываютъ съ себя свой воинственный видъ, прячутъ оружіе, смягчаютъ голосъ, ласкаютъ, ободряютъ—все напрасно: Китайцы разбѣгаются или лишаютъ себя жизни!.. Въ той комнатѣ, которую я занимаю, на той самой постели, гдѣ лежу я теперь, было, какъ я вошелъ, пять мертвыхъ женщинъ: четыре изъ нихъ отравились, пятая перерѣзала себѣ горло осколкомъ тарелки. Среди ихъ сидѣлъ на корточкахъ отецъ семейства, пьяный отъ опиуму и, обводя безмысленнымъ взоромъ комнату, смѣялся сухимъ смѣхомъ безумія. Другой человекъ, должно-быть родственникъ этого семейства, старался утопить, въ кадкѣ съ водой, двухъ малолѣтнихъ, мальчика и дѣвочку, которые, повидимому, спокойно готовы были встрѣтить ожидавшую ихъ участь.» Корреспондентъ *Times* замѣчаетъ въ свою очередь, что въ городѣ находили молодыхъ дѣвушекъ лѣтъ 15 и 16, отравленныхъ своими женихами и братьями, чтобъ онѣ не достались въ руки *варварамъ*.

Петанхо, несмотря на строгія мѣры военачальниковъ былъ отчасти разграбленъ солдатами союзныхъ армій; жители осо-

бенно жаловались на находившихся при арміяхъ куліевъ. За скромными и жалкими на видъ стѣнами убогихъ жилищъ открылись богатства, о которыхъ нельзя было себѣ составить никакого предварительнаго понятія: великолѣпныя шелковыя матеріи, драгоценный фарфоръ, изящнѣйшія деревянныя работы и пр. Пекинскіе мандарины очевидно желали бы, чтобы посланники, высадившись въ Петанхо, ждали здѣсь повелѣній богдыхана, или отправлялись бы въ Пекинъ въ экипажахъ. Союзныя арміи, дѣйствительно, вступили въ Петанхо; но не ждали долго, и на другой же почти день направлялись на Пейхо. Петанхо ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ сухопутною дорогою въ Пекинъ. Рѣчка, на берега которой высадились союзники, не имѣетъ никакого сообщенія съ рѣкою Пейхо, развѣ провести каналъ; рѣчка эта течетъ къ сѣверу, тогда какъ Пейхо направляется къ западу.

3-го августа сдѣлана была по дорогѣ къ Пейхо рекогносцировка, которая повела къ важнымъ результатамъ: оказалось, что по шоссе, которое тянулось въ этомъ направленіи черезъ болотистую мѣстность, легко дѣйствовать и кавалеріи и артиллеріи, и что слѣдовательно арміи смѣло могутъ подвигаться впередъ. Рекогносцировка свела союзниковъ лицомъ къ лицу съ татарскими войсками (преимущественно кавалеріей), и союзники должны были убѣдиться, что это ужъ не тѣ жалкія орды, съ которыми Англо-Французы имѣли дѣло на югѣ. «Татары, говоритъ корреспондентъ *Таймса*, глядятъ очень храбрыми, рѣшительными людьми; у нихъ замѣтна и дисциплина, и тактика; лошади у нихъ превосходны; продовольствіе и резервы являются всегда вовремя и вообще видно, что ихъ предводители отчасти понимаютъ дѣло. Но что можетъ ихъ выючное ружье (gingal) противъ армстронговой пушки, или самъ Сан-ко-дунь-синъ противъ такихъ рубакъ, какъ Пробитъ и Фенъ?»

Послѣ новой рекогносцировки 9-го числа, арміи пошли на городокъ Синхо, расположенный при одномъ изъ поворотовъ рѣки Пейхо, по дорогѣ черезъ Танкоу и сѣверные форты (Таку) на Тянь-дзинъ. Въ семи миляхъ къ юго-западу отъ Петанхо, въ трехъ миляхъ къ сѣверо-западу отъ Танкоу и въ шести миляхъ къ сѣверо-западу отъ Сѣверныхъ фортовъ, Синхо образуетъ собою самую передовую позицію на сѣверномъ берегу рѣки. Три укрѣпленные лагеря, къ востоку отъ города, командовали надъ шоссе и защищали подступъ къ Синхо. За милю отъ города, авангардъ, подъ начальствомъ генерала Напира, остановился и расположился въ боевой линіи: пѣхота въ колоннахъ къ ат-Буфамъ (Buffs) впереди въ стрѣлкахъ, три армстронговыя пушки въ центрѣ, три на лѣвомъ флангѣ, кавалерія на пра-

вомъ флангъ съ батареей Стэрлинга для прикрытія тандьинской дороги. Огонь отирытъ былъ съ центра. Первый выстрѣлъ былъ неудаченъ; онъ безвредно перелетѣлъ черезъ головы неприятели. Но это былъ единственный промахъ, и батарея стала дѣйствовать великолѣпно. Ни одинъ выстрѣлъ не пропадалъ даромъ; каждый снарядъ разрывался именно на томъ самомъ мѣстѣ, куда былъ предназначенъ. Направо и налѣво, съ фронта въ кавалерію, во флангъ противъ укрѣпленій, на 1200 на 1600, на 2200 ярдовъ, армстронгова пушка дѣйствовала съ математическою точностью. Татары не въ силахъ были долго выдерживать такой убійственный огонь и рѣшились на отчаянный подвигъ—обскакать флангъ англійской боевой линіи и ударить въ тылъ. Попытка эта не удалась: массы татарской кавалеріи были отброшены дѣйствіемъ фланговыхъ батарей, армстронговой и Стэрлинга. Только 80 или 90 татарскихъ всадниковъ, отдѣлившись отъ прочихъ, все-таки кинулись на правый флангъ, на батарею Стэрлинга въ то время, какъ ихъ менѣе всего ожидали. Ихъ появленіе было такъ внезапно, что пѣхотнаго прикрытія не случилось, и батарея была въ опасности. Здѣсь было только двадцать пять Сейховъ, подъ начальствомъ поручика Мак-Грегора (M'Gregor). Не долго думая, эта горсть храбрцевъ двинулась въ сѣчу, налетѣла на Татаръ какъ ураганъ, оглушила ихъ своимъ бурнымъ, неудержимымъ нападеніемъ, и враги разсыпались: превосходство Сейховъ передъ татарскою конницею выказалось несомнѣнно и блистательно. Между тѣмъ подоспѣла французская пѣхота и артиллерія, и со всѣхъ сторонъ возобновленъ былъ противъ непріятели смертоносный артиллерійскій огонь. Татары ушли за первую линію укрѣпленій, и потомъ мало-по-малу должны были отступать все далѣе и далѣе, изъ одного укрѣпленія въ другое и, наконецъ, совсѣмъ отступили на Танкоу: Сихо оставленъ былъ во власти союзниковъ. Результатъ этотъ былъ достигнутъ дѣйствіемъ одной артиллеріи, такъ что ни одна рота пѣхоты не принимала участія въ битвѣ.

Тѣмъ временемъ Пробинъ и Фенъ перевѣдывались съ Татарами въ самомъ плесѣ рѣки. Поручикъ Андерсонъ (изъ Пробиновой конницы) отдѣлился отъ своего полка съ семью всадниками. Триста или четыреста Татаръ окружили ихъ. Пробинъ, узнавъ объ этомъ, бросился на выручку. Татары, завидѣвъ нерегулярную конницу Англичанъ, отступили на рысяхъ. Пробинъ старался удержать пылъ своихъ всадниковъ и преслѣдовать непріятели осторожно, такъ какъ мѣстность была болотиста, и лошади могли дорого полатиться за храбрость своихъ сѣдоковъ. Но съ каждымъ шагомъ нетерпѣніе Сейховъ страшно возрастало, и они наконецъ не выдержали. Вождь Рисильдаръ

издалъ во весь свой голосъ оглушительный военный клякъ; его призыву послѣдовали другіе, и вся конница стремительно понеслась въ погоню за Татарами. По словамъ одного офицера, убито было Татаръ *ужасно мало* — всего 50 только или 60 человекъ; на долю одного Андерсона досталось не менѣе семи человекъ.

Вообще Татары бились въ этотъ день (12 числа) съ чрезвычайнымъ мужествомъ. Ихъ было 5000 противъ 15.000 союзниковъ, и они дѣлали все, что было въ ихъ власти. Но луки и стрѣлы не могли устоять противъ нарѣзныхъ орудій. Монгольскіе и манджурскіе всадники всѣ очень рослы, широкоплечи и мускулисты; но вооруженіе ихъ бѣдно. У нихъ нѣтъ сабель; каждый вооруженъ лукомъ и стрѣлами; сверхъ того, у каждаго шестаго воина «мтлевое ружье (match lock), а у каждаго десятаго пика. Пуценки ихъ или пищали (gingals) помѣщаются на лошадяхъ, орудіе на одной, а станокъ (stand) на другой.

Въ квартирѣ татарскаго военачальника найдена была связка официальныхъ бумагъ. Между ними былъ меморіаль Хо-квей-танга, императорскаго комиссара и генераль-губернатора двухъ кіангскихъ провинцій, въ которомъ заключался *ультиматумъ*, извлеченіе изъ англійскихъ газетъ, императорскій декретъ, назначавшій Санг-ко-линь-синя противъ Англичанъ, Французовъ и Русскихъ, и его отвѣтный меморіаль. Такъ какъ тонъ «варваровъ» возмутителенъ въ высшей степени (въ ультиматумѣ), то верховный совѣтъ предписывалъ Хо-квей-тангу дать имъ строго почувствовать всю ихъ дерзость. Англійскія газеты, говорилось въ этомъ декретѣ (отъ 27 марта), утверждаютъ, что союзныя силы доведены до 30.000 человекъ и намѣрены атаковать сѣверные форты: хотя и нельзя всему этому вѣрить, однако, такъ какъ Брюсъ и Бурбулонъ неразлучны въ низостяхъ, склонные оба по натурѣ своей къ кровожадности и измѣнамъ, то совсѣмъ не лишнее будетъ принять всѣ нужныя мѣры къ защитѣ. Пускай Санг-ко-линь-синя готовъ будетъ ихъ встрѣтить. Что касается до Русскихъ, то, если они придутъ на военныхъ судахъ, объявить имъ, что они могутъ приходить въ мирное время, а теперь берега находятся въ осадномъ положеніи. Въ отвѣтъ Санъ-ко-линь-синя и Ханъ-фу господствуетъ успокоительный тонъ и слышится необыкновенная безпечность и самоувѣренность. Огнositельно русскихъ варваровъ, эти почтенные мужи общаются производя въ тихомолку самыя тщательныя изслѣдованія, и всякій найденный Русский будетъ тотчасъ же отправляемъ плѣнникомъ въ Пекинъ. Англичане же и Французы, послѣ прошлогодней кары, не отважатся на новое поражение; а что писалось въ ихъ газетахъ, все это вздоръ: они еще не пошлые дураки, чтобъ открыто и во всеобщее свѣдѣніе объявлять, сколько собралось

войска, сколько орудій, сколько кораблей, когда выступят онѣ въ походъ и даже кто именно взялся снабдить ихъ продовольствіемъ. Они просто хотятъ мира, но только не хотятъ первые заговорить о немъ. Очень понятно, почему невоздержанъ и дерзокъ языкъ ихъ: они въ продолженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ постоянно питали свою гордость и не могутъ сразу привыкнуть сгибать шею, вертѣть хвостомъ и молить о пощадѣ. Но если они въ безуміи своемъ дѣйствительно жаждутъ отмщенія, то пускай они идутъ опять подъ Таку и попытаются овладѣть фортами съ бою.

Сраженіемъ 12 августа открылось движеніе на Танкоу. Утро 13 числа было ясное и свѣтлое, какъ бы предвѣстіе славной битвы. Къ полудню всѣ инженерныя работы были окончены, и въ тотъ же день арміи были уже въ виду города. Передовая линія непріятельскихъ укрѣпленій, на которую прежде всего должна была быть поведена атака, имѣла форму полумѣсяца, упираясь обоими концами въ рѣку (Шейхо); валъ простирался на три мили и лагерь могъ заключать въ себѣ отъ 8000 до 1000 человекъ.

14 августа, въ шесть часовъ утра, союзная армія двинулась къ этому лагерю. Впереди шла артиллерія, прикрытая двумя сотнями стрѣлковъ. На пути встрѣтилось, въ изгибахъ рѣки, нѣсколько казематированныхъ батарей, имѣвшихъ назначеніемъ браться во флангъ экспедиціонный корпусъ; первая изъ нихъ расположена у маленькаго залива на южномъ берегу; нужно было содѣйствіе Чезапика, чтобы заставить ее молчать. Постепенно умолкали подъ огнемъ армстронговыхъ пушекъ и другія батареи. Приблизившись на 800 ярдовъ, артиллерія союзниковъ открыла огонь по первой линіи укрѣпленій; Татары отвѣчали очень громко, но скоро должны были умолкнуть. Тогда союзники подошли на 400 ярдовъ и снова открыли убійственный огонь по укрѣпленному лагерю. Дѣйствіе артиллеріи, какъ англійской, такъ французской, было великолѣпно; но превосходство армстронговой пушки предъ французскимъ нарезнымъ орудіемъ оказалось очень скоро. Когда совсѣмъ замолчала китайская артиллерія, сбита разрушительнымъ огнемъ союзниковъ, тогда настало дѣло пѣхоты, и, соперничая другъ съ другомъ, Англичане и Французы съ двухъ сторонъ, черезъ ровъ и брустверъ, ворвались въ укрѣпленіе. Первымъ Англичаниномъ, вступившимъ въ татарскій фортъ, былъ поручикъ Шоу (Shaw), первымъ Французомъ былъ подполковникъ Шмицъ (Schmitz), на другой же день произведенный въ полковники. Около 2000 Татаръ отступили по шоссе. Вторая англійская дивизія и французскія войска вернулись къ позиціи у Синхо, Англичане заняли Танкоу. Блестательнымъ и скорымъ успѣхомъ союзники положительно обязаны были ар-

стронговой пушкѣ. Можно было указать и сосчитать слѣды каждаго выстрѣла: каждый снарядъ неизмѣнно проходилъ сквозь стѣны укрѣпленія, вспахивая по дорогѣ дѣло и щеки амбразуръ, и разрывался ужъ внутри. Потера непріятеля была очень велика. Во время самого жаркаго дѣла Китайцы подъѣзжали на 13 или 14 джонкахъ къ южной сторонѣ форта и забирали по 30 и 40 убитыхъ и раненыхъ на каждую; много труповъ найдено было въ домахъ города и въ переднемъ рву укрѣпленія. Изъ дальнихъ воротъ Танкоу видны были черезъ рѣку форты Таку и Тау-Ямунская пагода на южной ихъ сторонѣ, гдѣ, какъ полагали, находилась главная квартира Санг-хо-линь-синя. Позиція вообще казалась очень сильною. Сэръ-Гопъ Грантъ рѣшился навести мостъ черезъ рѣку и, перейдя ее, съ частію войскъ напасть на сѣверные форты съ тылу, въ то время какъ флотъ атаковалъ бы ихъ съ фронта.

14 же числа, по полудни, прибылъ парламентаръ, съ письмами на имя лорда Эльгина и барона Гро, отъ генералъ-губернатора провинціи, Ханг-фу. Г. Парксъ (толмачъ) принялъ посланнаго, на флагѣ котораго значилось, англійскими буквами: «Уважайте парламентарскій флагъ.» Вскорѣ потомъ пріѣхалъ другой посланный, изъ Таку, жители котораго просили покончить несогласія, такъ какъ война причиняетъ населеніямъ самая жесточайшія бѣдствія. Китайцы, дѣйствительно, достойны сожалѣнія: они очень страдаютъ отъ безумнаго упорства пекинскихъ мандариновъ и отъ тщеславной самоувѣренности татарскихъ войскъ совершенно неспособныхъ защищать ихъ. Въ теченіе недѣли, продолжаетъ корреспондентъ *Times*, ежедневно пріѣзжали отъ Ханг-фу съ письмами къ посланъ. Лордъ Эльгинъ оставался въ Петанхо, баронъ Гро на своемъ фрегатѣ. По полученіи пяти писемъ, г. Парксъ, въ сопровожденіи майора Ансона, былъ посланъ, 18-го числа, съ отвѣтомъ лорда Эльгина. Они отправились съ парламентарскимъ флагомъ и прошли краткое разстояніе вдоль рѣки, послѣ чего встрѣтили адъютанта Ханг-фу, который спросилъ ихъ, что имъ угодно. Г. Парксъ объявилъ, что несетъ письмо отъ лорда Эльгина и желаетъ переправиться черезъ рѣку и повидаться съ намѣстникомъ. Адъютантъ утверждалъ, что это невозможно, и что если онъ дозволитъ такую переправу, то это будетъ ему стоить головы. Г. Парксъ возразилъ, что это до него не касается, что онъ долженъ или передать письмо вице-королю, или воротиться въ Танкоу. Вслѣдствіе этого, онъ просилъ адъютанта немедленно доложить о немъ намѣстнику. Адъютантъ уѣхалъ и черезъ полчаса возвратился съ разрѣшеніемъ. Г. Парксъ и майоръ Ансонъ тотчасъ переправились черезъ рѣку и, пройдя между

рядами манджурскихъ войскъ, построенныхъ въ рядъ, съ цѣлюю представить изъ себя торжественное зрѣлище, добрался до *Амуна*, вице-короля. Ханфу пожилой человекъ, за 80 лѣтъ, весьма тонкій и вѣжливый. Онъ замѣтилъ, что такъ какъ привезли мирный флагъ, то война кончилась. «Нѣтъ», отвѣчалъ г. Паркъсъ,— неприязненные дѣйствія приостановлены лишь до тѣхъ поръ, пока флагъ будетъ снятъ, и мы прѣехали только съ тѣмъ, чтобы передать вамъ письмо.»

— У насъ въ Китаѣ это не водится, сказалъ намѣстникъ,— для насъ мирный флагъ влечетъ за собою безусловное прекращеніе всѣхъ военныхъ дѣйствій.

— Право? Почему же въ такомъ случаѣ, возразилъ г. Паркъсъ,— выслать къ намъ пять парламентарскихъ флаговъ, вы стрѣляли вчера по нашимъ патрулямъ?

Ханфу умолялъ, чтобы ему дали двухъ-дневный срокъ на прибытіе комиссаровъ изъ Пеккина, но ему положительно сказали, что срока никакого не дадутъ, и что неприязненные дѣйствія возобновятся немедленно.

Послѣ того какъ сдѣланы были всѣ необходимыя приготовленія къ атакѣ, 20 го числа рано утромъ, г. Паркъсъ, сопровождаемый нѣсколькими офицерами главнаго штаба генерала Напира, отправился верхомъ къ сѣверному форту съ требованіемъ о сдачѣ. Командовавшій въ немъ китайскій офицеръ весьма высокомерно сказалъ англійскимъ посланнымъ, что они должны немедленно удалиться, а если хотятъ занять форты, то пусть берутъ ихъ. Около 11-ти часовъ оба сѣверные форта стали стрѣлать по работамъ союзной арміи, а 21-го числа началась полная атака со стороны Англо-Французовъ.

Послѣ упорной битвы, при чемъ Китайцы потеряли не менѣе 1500 человекъ, взятъ былъ одинъ изъ сѣверныхъ фортовъ и нападеніе поведено было на другіе. «Едва успѣли дать приказаніе объ атакѣ, разказываетъ корреспондентъ *Times*, какъ военные флаги исчезли съ фортовъ и подняты были парламентарскіе. Г. Паркъсъ и майоръ Серель приблизились, чтобы узнать, что означаютъ эти сигналы. Переправившись черезъ рѣку, на противоположномъ берегу, встрѣтили они человека, назвавшего себя майоромъ. Г. Паркъсъ требовалъ сдачи фортовъ. «Нелѣпое и смѣшное требованіе!» отвѣчалъ тотъ: «изъ пяти вы взяли только одинъ фортъ, это еще не много!»

— Ну такъ мы возобновимъ огонь въ два часа.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Мы подняли парламентарскіе флаги только для того, чтобы позволить нашимъ гражданскимъ начальствамъ войти въ сношенія съ вашими.

Въ два часа всѣ приготовленія были сдѣланы, и французскія

и англійскія ракетныя роты двинулись противъ послѣдняго сѣвернаго форта. Сопротивленія не было, не раздалось ни одного выстрѣла. Около 2.000 солдатъ, почти всѣ раненые, сдались въ плѣнъ. На южномъ фортѣ подняли новый парламентарскій флагъ. Г. Парксъ, майоръ Ансонъ и г. Лохъ снова переправились черезъ рѣку. Они осмотрѣли южный фортъ съ фронта, но ни одинъ человекъ не показывался. Переходя черезъ мостъ, ведущій къ воротамъ, они встрѣтили офицера, который приказалъ имъ удалиться. «Мы не уйдемъ, отвѣчалъ г. Парксъ, мнѣ нужно видѣть генералъ-губернатора.» Офицеръ не вдругъ повелъ ихъ къ дому Хангфу, и дорогой они встрѣтили посланнаго съ парламентарскимъ флагомъ и съ письмомъ отъ губернатора. Онъ соглашался на то, чтобы лордъ Эльгинъ отправился вверхъ по теченію Пейхо, до Пекина, но отказывался сдать форты. Г. Парксъ отослалъ это письмо назадъ и велѣлъ сказать, что приметъ только полную сдачу всѣхъ фортовъ, пушекъ и боевыхъ снарядовъ. Намѣстникъ подписалъ эту капитуляцію, сказавъ при этомъ: «Предмѣстникъ мой былъ разжалованъ въ 1858 году; то же будетъ теперь и со мной.» (Онъ не ошибся.) Наступила ночь, когда г. Парксъ возвратился; всѣ южные форты перешли уже въ руки союзниковъ; триста человекъ Англичанъ и Франузовъ переправились черезъ рѣку, для занятія ихъ. Непріятель выступилъ, а они безъ бою вошли въ большой фортъ Пейхо.

Такимъ образомъ, замѣчаетъ корреспондентъ, въ десять дней похода форты рѣки Пейхо были взяты; неудача прошлаго года вознаграждена, и китайская война 1860 года почти окончена. Всѣ работы по атакъ, мосты, дороги, батареи производимы были исключительно Англичанамъ; Французы прибывали на мѣсто ужъ тогда только, когда нужно было открывать огонь. Сэръ-Гопъ Грантъ показалъ необыкновенную неустрашимость и глубокое соображеніе. Настаивая на томъ, чтобы произведена была атака на сѣверные форты, онъ бралъ на себя огромную отвѣтственность; но онъ не ошибся, считая сѣверные форты ключомъ всей позиціи. Большой южный фортъ окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, которое недоступно для артиллеріи. Во рву было 16 футовъ глубины, и фортъ имѣлъ 207 крѣпостныхъ орудій, изъ которыхъ 53 были самаго большаго калибра. Переходъ черезъ рѣку былъ защищенъ ретраншаментами, дѣлающими честь остроумной изобрѣтательности Китайцевъ.

Наибольшая честь дня 21 августа принадлежитъ все-таки армстронговой пушкѣ, которая производила рѣшительныя чудеса при атакъ фортовъ.

23 августа, адмиралъ Гопъ съ г. Парксомъ и пятью канонерскими лодками, на которыя посаженъ былъ небольшой дес-

сантъ, подступилъ водой къ Тянь-дзину. Народъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу и просилъ помилованія: «Мандарины всѣ бѣжали; мы принадлежимъ вашимъ величествамъ.» Санг-ко-линь-синь положительно находился въ южномъ фортѣ 21 числа, а на слѣдующій день проѣхалъ черезъ Тянь-дзинъ съ конвоемъ во сто человѣкъ, по дорогѣ въ Пекинъ. Онъ оставилъ, говорятъ, въ фортахъ обонимъ главнокомандующимъ записку такого содержанія: «Генералъ! храбрые солдаты великаго твоего императора (великой твоей королевы) храбрѣе моихъ. Я сдаюсь.» 26 августа г. Парксъ видѣлъ императорскій эдиктъ, которымъ Санг-ко-линь-синь лишается павлинаго пера и почетнаго положенія своего въ ряду тѣлохранителей. Что касается до самаго г. Паркса, то онъ оказалъ очень важныя услуги для экспедиціи; всегда впереди войскъ, съ неизмѣнною энергіей и ловкостью, онъ не мало способствовалъ добытымъ результатамъ. Въ Тянь-дзинъ онъ пріѣхалъ съ адмираломъ Гопомъ, для приготовленія квартиръ союзнымъ арміямъ и посланникамъ Англіи и Франціи. Въ Тянь-дзинѣ надѣялись заключить давно-желанный миръ, но надеждамъ этимъ не суждено осуществиться: «Казалось, замѣчаетъ *Overland China Mail*, китайское правительство рѣшилось не оставить камня на камнѣ чтобы только выиграть время или обмануть, обморочить насъ.»

Какъ только лордъ Эльгинъ и баронъ Гро прибыли въ Тянь-дзинъ (25 августа), имъ тотчасъ дали знать, что Квейліанъ, государственный секретарь, который договаривался при заключеніи трактата 1858 года, назначенъ императорскимъ комиссаромъ и ѣдетъ изъ Пекина съ полномочіемъ заключить миръ. Онъ долженъ былъ пріѣхать 31 числа. Лордъ Эльгинъ на это отвѣчалъ, что Англія требуетъ всего того, что заключалось въ ультиматумѣ; онъ потребовалъ, чтобы Тянь-дзинъ былъ открытъ для иностранной торговли и опредѣлилъ военную контрибуцію въ 8.000.000 тазлей то-есть около 17.000.000 руб. сер., при чемъ форты Таку должны быть заняты войсками союзниковъ до тѣхъ поръ, пока не выплачена будетъ вся эта сумма.

1-го сентября прибылъ Квейліанъ и объявилъ гг. Веду (Wade) и Парксу, что онъ и Ханг-фу (губернаторъ провинціи) уполномочены заключить миръ, и имѣютъ для этого императорскую печать. Онъ изъявилъ также свое желаніе посѣтить лорда Эльгина; но ему сказали, что англійскій посланникъ до тѣхъ поръ не можетъ принять его, пока не получитъ офшціального отвѣта императорскихъ комиссаровъ на свое письмо. Впрочемъ 2-го числа полученъ былъ отвѣтъ, заключавшій въ себѣ самое полное и безусловное согласіе на всѣ требованія. Составлена была конвенція для подписанія уполномоченными обѣихъ сторонъ и усло-

влено было, что лордъ Эльгинъ и баронъ Гро отправятся въ Пекинъ, съ конвоемъ въ 2000 человекъ, для ратификаціи тьянь-дзинскаго трактата. 6-го числа, когда всѣ предварительныя условія были уже рѣшены, гг. Ведъ и Паркъ имѣли свиданіе съ комиссарами, чтобъ уговориться относительно подписанія конвенціи на другой день. Предъявлены были тогда полномочія лорда Эльгина, и комиссары, въ свою очередь, были приглашены предъявить свои кредитивы: они оказались недостаточны; комиссарамъ не предоставлено было права заключить миръ; они должны были сноситься съ Пекиномъ. Они, очевидно, поставили себя въ такое положеніе, на которое не имѣли никакого права. Благодаря, однако, опытности посланниковъ и прежнимъ примѣрамъ китайской двуличности, приняты были всѣ необходимые мѣры предосторожности. Армія вовремя подошла въ Тянь-дзинъ, за исключеніемъ небольшого гарнизона, оставленнаго въ Таку; комиссаріатская и провинтская часть были въ полной готовности, и въ тотъ самый день, какъ прерваны были переговоры, передовые посты были уже на дорогѣ къ Пекину. Комиссарамъ было объявлено, что лордъ Эльгинъ не вступитъ ни въ какие переговоры, прежде чѣмъ достигнетъ Тонг-чоу, въ 12-ти миляхъ отъ столицы.

Санг-ко-линь-синъ старался собрать свои разбитые отряды; но они ужъ неспособны были идти противъ непріятеля. Окрестные жители, по словамъ корреспондента *Times*, говорили, что солдаты, успѣвшіе уйти изъ Таку, находились подъ вліяніемъ совершеннѣйшаго паническаго страха: «Къ чему ведетъ, восклицали эти несчастные, сражаться противъ тѣхъ, у кого пушки бьютъ на восемь миль!» Этотъ почтенный, или, вѣрнѣе, потѣшный главнокомандующій, Санг-ко-линь-синъ оказался въ сущности жалкимъ трусомъ: онъ бѣжалъ въ Пекинъ въ одеждѣ крестьянина. Да и не онъ одинъ труситъ союзниковъ—таковы всѣ китайскіе военачальники. Сами Татары дерутся храбро, даже отчаянно, не хуже Мавровъ въ Марокко: но что значитъ личная храбрость солдатъ при трусости и полномъ невѣжествѣ предводителей, при совершенномъ отсутствіи какихъ бы то ни было тактическихъ, артиллерійскихъ и фортификаціонныхъ свѣдѣній, или сколько-нибудь сноснаго вооруженія войскъ? Не даромъ же ничтожная горсть европейцевъ (всего-на-все 15.000 чел.!) гонитъ передъ собою и разбиваетъ многіе десятки, а въ общей сложности и сотни тысячъ несчастныхъ небесныхъ воиновъ, безответныхъ рабовъ нѣсколькихъ верховныхъ мандариновъ. «Самъ императоръ, рассказываетъ корреспондентъ, преждевременно истощенный развратною жизнью, платится теперь за свои

старые грѣхи: онъ лежитъ въ постели и совсѣмъ не можетъ заниматься государственными дѣлами. Управление имперіей находится въ рукахъ четырехъ мандариновъ, неотвѣтственныхъ (неприкосновенныхъ), и которые пользуются самою безотчетною властью. Цай-ванъ, принцъ крови и верховный председатель императорскаго уголовного суда, человѣкъ, говорятъ, не безъ способностей; Тванъ-ва, принцъ крови, командуетъ всѣми войсками и корпусомъ жандармовъ въ Пекинѣ, что даетъ ему огромную власть; Су-шунъ (Suh-shun), братъ Тванъ-ва, *ораторъ классическихъ пиришествъ*, занимаетъ мѣста суперъ-интенданта министерства доходовъ, генералъ-капитана блага знамени Ганчукъ (то-есть корпуса Китайцевъ, организованнаго подобно Манчжурамъ и Монголамъ) и председателя управленія колоній; наконецъ, Миень-ю (Mien-yu), председатель министерства музыки, единственный, оставшійся въ живыхъ братъ покойнаго императора. Эти четыре почтенные джентльмена, безопасные въ томъ мѣстѣ, которое они почитаютъ неприступною крѣпостью, снисходительно выслушивали донесенія о городахъ, осаждаемыхъ союзною арміей, и о провинціяхъ, опустошаемыхъ отрядами инсургентовъ: до сихъ поръ ни одинъ иностранный солдатъ, никакая враждебная сила, не появлялась еще въ Пекинѣ. Тянь-дзинъ былъ пока самымъ отдаленнымъ пунктомъ, какого только могъ достигнуть варварскій посланникъ или вождь бунтовщиковъ. Не было еще столь долгой руки, чтобы достать до этихъ мандариновъ; никакая власть не трогала еще ихъ въ ихъ убѣжищѣ. Такъ какъ въ предыдущія войны никогда еще не доходили до Пекина, то господа мандарины сомнѣваются и въ правдѣ, и рѣшимости покуситься на это. Поведеніе Квейлианга лучше всего доказываетъ двуличіе и лживость китайскаго характера: верховный государственный секретарь, первое лицо въ имперіи, спокойно и совершенно хладнокровно утверждаетъ ложь, зная притомъ очень хорошо, что она черезъ день или два должна будетъ непременно открыться. Только страхомъ можно заставить китайскихъ правителей уважать ихъ политическія обязательства; только силой оружія можетъ быть Китай открытъ для торговли. Посолъ иностранной державы долженъ вести свои переговоры имѣя подъ бокомъ цѣлую армію, готовую дѣйствовать по первому данному знаку. Два столѣтія торгуемъ мы въ Кантонѣ, заключаетъ корреспондентъ, и мы столько же знаемъ теперь о Китаѣ, сколько знали и въ самомъ началѣ нашихъ сношеній. Наконецъ, удобный часъ насталъ, и посланники Англій и Франціи подъ стѣнами Пекина продиктуютъ свои условія мира.»

Тайна превосходства пятнадцати тысячъ Европейцевъ передъ

безднеленными полчищами Манджуровъ и Татаръ очень проста,—сила цивилизаціи. Не говоря уже объ армстронговой пушкѣ, о наръзныхъ орудіяхъ французской арміи, и о превосходномъ вообще вооруженіи войскъ, есть много условій, возвышающихъ силу небольшого контингента союзниковъ. Каждый солдатъ представляетъ собою самостоятельное, мыслящее существо, сознательно подчиняющееся общему порядку, и всѣ вмѣстѣ составляютъ превосходно дисциплинированную массу; наконецъ правительство не жалѣло никакихъ расходовъ на то, чтобъ окружить солдатъ всѣмъ необходимымъ, возможнымъ покоемъ, удобствами, чуть не роскошью. Все сдѣлано, чтобы только беречь и охранять здоровье солдатъ, а больные и раненые содержатся, на особо отведенныхъ для того пароходахъ, такъ хорошо и съ такою заботливостію, какъ въ самыхъ лучшихъ больницахъ Лондона: превосходное бѣлье, покойное помѣщеніе, вкусная пища, цѣлая библіотека книгъ, полная коллекція лондонскихъ газетъ и журналовъ.

Окрестности Тянь-дзина чрезвычайно плодородны, и покрыты роскошкою растительностію. По крайней мѣрѣ на шесть миль по большой южной дорогѣ отъ Таку черезъ Тянь-дзинъ на Пекинъ, разказываетъ корреспондентъ, тянутся почти непрерывные сады и огороды. Обработаны они великолѣпно. Небольшія водяныя колеса даютъ очень удобное орошеніе. Большія шведскія рѣпы и брюква, превосходные французскіе бобы, кудрявые редисы, салатъ, и множество другихъ овощей, растутъ въ большомъ изобиліи. Роскошные виноградники, съ красиво-повиснувшими гроздіями спѣлаго и сочнаго винограда напомнили намъ Италію. Очень много въ этихъ садахъ прекрасныхъ персиковъ, арбузовъ, яблокъ, напоминающихъ ньютонскіе ранеты, и грушъ всевозможныхъ сортовъ. На шесть миль, повторяетъ корреспондентъ, пестрѣли яркіе кіоски, повисали отягченные плодами деревья. Дорога, по которой мы дѣлали нашу прогулку была загромождена толпами народа, возвращавшагося въ Таку. Они бѣжали оттуда, когда форты были атакованы, а теперь, успокоившись, возвращались назадъ. Женщины ѣхали въ красивыхъ и высокихъ тачкахъ, сдѣланныхъ на подобіе нашихъ телѣжекъ для прогулки. Весь грузъ этихъ тачекъ падаетъ на колесо, расположенное какъ разъ въ самомъ ихъ центрѣ и которое въ діаметрѣ равняется высотѣ самой телѣжки. Онѣ поэтому могутъ везти вдвое или втрое больше обыкновенныхъ тачекъ, гдѣ на долю человека приходится почти половина всей тяжести. Одинъ мужчина весело катилъ такую тачку съ четырьмя особами прекраснаго пола, которыя, безъ сомнѣнія, очень поражены были встрѣчей съ варварами, но не показывали ни-

какихъ знаковъ испуга. Миѣ впервые довелось видѣть такъ близко китайскихъ красавицъ. Плоскіе носы, узкіе глаза, выдавшіяся скулы, широкія лица мало имѣли, правду сказать, общаго съ Кипридой или Психеей, однако въ выраженіи лица Китайки есть какая-то пріятность, нѣжность, выкупающая ея положительное безобразіе. Ея черные какъ смоль волосы зачесаны были на маковкѣ, въ видѣ башенки, и покрыты тамъ густымъ слоемъ жира и помады, совершенно по модѣ англійскихъ дамъ временъ регентства. Китайка не велика ростомъ, съ замѣчательно-хорошенькими ручками и съ ножками, которыя тоже прекрасны въ глазахъ ея мужа. За каждою тачкой слѣдовали кучи, нагруженные всякими предметами, отъ вѣера до столовъ и стульевъ.» Корреспонденту въ его прогулкѣ пришлось проѣхать черезъ городокъ Ко-тай или Ко-ку, и онъ, по этому поводу, выражается слѣдующимъ образомъ: «Chaque oiseau trouve son nid beau: такъ я полагаю, что и Китаецъ доволенъ отвратительною грязью и вонью, среди которыхъ онъ живетъ. На полторы мили извивалась наша дорога по улицамъ Ко-ку, имѣвшимъ не болѣе восьми футовъ въ ширину. Открытыя сточныя трубы были переполнены всякими нечистотами, и то, что въ нихъ уже не помѣщалось, лежало разбросанное по улицамъ. Неповоротливыя черныя свиньи валялись въ грязи; безчисленное множество собакъ грѣлось на солнцѣ. Дома, выстроенные изъ глины и соломы, имѣли большое фамиліное сходство съ домами Синхо и Тангкоу, и какой-то особый нездоровый запахъ поражалъ наше обоняніе. Жители здѣсь нѣсколько повыше ростомъ обитателей южнаго Кигая, но такіе же плоскіе, немощные и вялые. Почти половина жителей страдаетъ кожными болѣзнями, слѣдствіемъ ихъ грязной жизни, и сыпи здѣсь въ большомъ ходу.»

Тянь-дзинъ, на южномъ берегу рѣки Пейхо, въ 38 миляхъ отъ Таку и 68 отъ Пекина, самый большой портъ на сѣверъ отъ Шанхая, до сихъ поръ еще не открытъ для европейской торговли. Онъ служитъ станціей для Большаго Канала, который обходитъ его и впадаетъ въ Пейхо, внѣ стѣнъ города. По этому каналу много уже вѣковъ отправлялись въ столицу всѣ продукты и подати. Вокругъ города множество соляныхъ копей. Тянь-дзинъ ведетъ обширную торговлю хлѣбомъ и рисомъ. Пересѣкающая его Желтая рѣка вся кишитъ джонками, а улицы полны жизни и движенія. Положеніе Тянь-дзина дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ важныхъ городовъ Китая, ключомъ столицы. Въ немъ, говорятъ, до 500.000 жителей, а ужъ во всякомъ случаѣ не менѣе 300.000. Городъ, заключенный въ стѣны, очень великъ и столь же грязенъ, какъ всѣ другіе китайскіе города. За стѣной находится сѣверное предмѣстье, еще болѣе обширное чѣмъ

самый городъ. Улицы этого предмѣстья, хотя и не мощены, довольно чисты, а дома снабжены нѣкоторыми удобствами. Въ окнахъ есть уже стекла, а комнатъ все-таки такъ много, и расположены онѣ въ такомъ хаотическомъ порядкѣ, что можно въ нихъ совсѣмъ затеряться, какъ въ лабиринтъ. Самая лучшая улица, называется улицей *вѣчнаго благополучія* (Everlasting Prosperity). На ней постоянно бродятъ толпы *небесныхъ*; на ней торгуютъ чѣмъ хотите; на ней открыто пекутъ, жарятъ, варятъ, ѣдятъ и пьютъ. На ней и цирюльникъ «брѣшетъ голову, зачесываетъ и заплетаетъ косу, и извлекаетъ сѣру изъ ушей.» Эту послѣднюю операцію, по словамъ корреспондента, очень жадуется небесный житель. «Но увы! восклицаетъ тутъ корреспондентъ: *фальшивыя косы* такъ же здѣсь употребительны, какъ употребительны онѣ, говорятъ, и въ Европѣ или Англии. Лавочка поднаши, по доллару за полдюжину.»

Какъ только адмиралъ Гопъ прибылъ въ Тянь-дзинъ, тотчасъ же прибита была по стѣнамъ прокламація, въ которой объявлялось, что арміи расположатся въ двухъ миляхъ отъ стѣнъ города, народу обѣщались покровительство союзныхъ войскъ и всѣ жители приглашались къ продолженію своихъ занятій. Г. Парксъ, какъ всегда, былъ неутомимъ. Онъ отправился къ таутая (майору), который принялъ было на себя покровительственный характеръ, и думалъ было гадѣть на Англичанъ и Французовъ, какъ на простыхъ гостей своихъ. Но онъ скоро разочаровался, и долженъ былъ увидѣть, что союзники владѣютъ городомъ, и что онъ, таутай, какъ и всѣ его сограждане, остаются цѣлы и невредимы только по милости этихъ варваровъ. При разставаніи, таутай любовался лошадейю г. Паркса и замѣтилъ, что онъ на двѣ вещи никакъ не могъ бы рѣшиться: ѣздить въ экипажѣ или верхомъ.

— Какъ же вы путешествуете? спросилъ его тогда г. Парксъ.

— Въ носилкахъ, разумѣется.

— А я думалъ, что ихъ тутъ нѣтъ вовсе, и что мандарины ѣздить въ экипажахъ.

— Мандаринъ въ экипажѣ! Да это неслыхано! они всѣ употребляютъ портшезы.

— Я очень усталъ и солнце печетъ очень сильно; я былъ бы очень радъ вернуться въ портшезѣ, сказалъ г. Парксъ.

— Безъ сомнѣнія, вы должны имѣть портшезъ, отвѣчалъ таутай. И г. Парксъ вернулся къ посольству въ одномъ изъ портшезовъ, которыхъ здѣсь вообще очень много; ни одинъ порядочный Китаецъ безъ него не обойдется.

«Отсюда выходитъ какъ нельзя болѣе ясно, справедливо замѣчаетъ корреспондентъ, что г. Брюсъ непременно уронилъ бы

въ глазахъ Китайцевъ достоинство Великобританіи, еслибы согласился въѣхать въ Пекинъ въ экипажѣ; потому что отговорка китайскихъ дипломатовъ, будто бы всѣ ѣздить въ экипажахъ и будто бы во всемъ округѣ нѣтъ портшезовъ, была очевидною и наглою ложью.»

Сентября 10-го союзная армія была уже въ Юнг-цунѣ, въ 45 миляхъ отъ Пекина, и достигла этого мѣста безъ малѣйшаго затрудненія. Между тѣмъ очень легко можно было бы устроить очень много препятствій: дорога очень узка, и вездѣ, гдѣ только нѣтъ домовъ, разстлается сплошная масса проса, стебель котораго подымается на 14 футовъ надъ землей.

Впрочемъ, дорога хотя и узка, но за то прекрасна. По словамъ газеты *Moniteur de l'armée*, Тянь-дзинъ соединенъ съ Пекиномъ великолѣпнымъ макадамизированнымъ шоссе; да и вездѣ въ Китаѣ такіа дороги, и это ужъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Въ 1792—1799 годахъ былъ въ Китаѣ съ англійскимъ посланникомъ, лордомъ Макартнеемъ, инженеръ и архитекторъ Макадамъ, котораго поразила необыкновенная красота и прочность китайскаго шоссе. Въ 1801 году въ Бристолѣ Макадамъ устроилъ дорогу на подобіе китайскихъ и далъ всей системѣ свое имя. Макадамизированныя дороги распространились по всей Европѣ, но никогда не могли сравниться съ китайскимъ макадамомъ, который до сихъ поръ имѣетъ огромныя преимущества, не держитъ на себѣ воды, сохнетъ въ нѣсколько минутъ и не даетъ пыли.

Кстати извлекаемъ изъ другой французской газеты, *Patrie*, слѣдующее свѣдѣніе объ *Официальной Пекинской Газетѣ*. Она выходитъ ежедневно въ формѣ брошюры въ 60 и 70 страницъ. Стоитъ она 72 франка въ годъ, сравнительно совсѣмъ не дорого. Официальная часть редактируется самимъ правительствомъ. Чрезвычайно подробно и обстоятельно излагаются всѣ событія, переписки и пр. Приводятся судебныя рѣшенія. За малѣйшее печатное измѣненіе въ просмотрѣнныхъ правительствомъ рукописяхъ полагается смертная казнь присяжнымъ редакторамъ. Въ неофициальной части помѣщаются хвалебныя оды императору, басни, сказки; въ фельетонѣ—разныя сатирическія разказы, гдѣ не послѣднюю роль играютъ *западные дьяволы*. «Оставивъ въ сторонѣ, говорятъ *Patrie*, фантастическія преувеличенія относительно Фу-ланг-сай (Французовъ) и Ин-ки-ли (Англичанъ), должно сказать, сборникъ этотъ весьма интересенъ и даетъ очень вѣрное понятіе о Китайской имперіи, о ея жителяхъ и нравахъ.»

11-го сентября появился парламентскій флагъ, несомый двумя мандаринами четвертаго класса, которые объявили, что предводитель военной партіи, Цай-ванъ, председатель императорскаго

уголовнаго суда, и Мью-гинъ, предсѣдатель военнаго совѣта, слѣдуютъ въ Тянь-дзинъ съ повелѣніемъ о мирѣ. Отвѣтомъ на это предложеніе былъ приказъ арміямъ двинуться впередъ на Хо-си-ву. вмѣстѣ съ тѣмъ однако гг. Парксу и Веду поручено было отправиться въ городокъ Ме-тоу (въ 13-ти миляхъ отъ Хо-си-ву), для свиданія и рѣшительныхъ переговоровъ съ императорскими комиссарами. Не найдя этихъ послѣднихъ въ Ме-тоу, гг. Парксъ и Уэдъ, сопровождаемые конвоемъ иррегулярной конницы, отправились, слѣдомъ за ними, въ Тонг-чоу. Тутъ, наконецъ, удалось увидѣть комиссаровъ и переговорить съ ними. Условлено было, что армія дойдетъ до Чанг-кай-куанга, въ четырехъ миляхъ отъ Тонг-чоу, и что посланники одни, съ конвоемъ въ 2000 человекъ, отправятся потомъ въ Пекинъ, гдѣ они приняты будутъ съ должными почестями. 15 числа гг. Парксъ и Ведъ вернулись въ Хо-си-ву, и когда наступленіе арміи къ Чанг-кай-куангу рѣшено было на 17-е число, г. Парксъ опять отправился въ Тонг-чоу приготовить встрѣчу посланникамъ и продовольствіе арміямъ; лордъ Эльгинъ тронулся бы самъ съ мѣста только тогда, когда получилъ бы извѣстіе отъ г. Паркса, что все уже готово къ его встрѣчѣ въ Тонг-чоу. Г. Паркса сопровождали гг. Локъ, секретарь лорда Эльгина, Баульбай, корреспондентъ *Times*, де-Норманъ, состоящій при англійскомъ посольствѣ въ Шанхаѣ, полковникъ Уокеръ, квартирмейстеръ кавалеріи, Томпсонъ, комиссаріатскій чиновникъ, аббатъ Дюлюкъ, переводчикъ генерала Монтобана, Эскеракъ де-Лотюръ, графъ де-Батаръ, изъ французскаго посольства, съ конвоемъ изъ 20 всадниковъ конницы Фена, подъ начальствомъ капитана Андерсона, и пять королевскихъ драгунъ (*King's Dragoon Guards*). 18-го, сэръ-Гопъ Грантъ приблизился къ Чанг-кай-куангу и, къ изумленію своему, увидѣлъ, что позиція занята сильнымъ корпусомъ Китайцевъ, состоявшимъ изъ пѣхоты, кавалеріи и полевой артиллеріи, за брустверами, очевидно воздвигнутыми очень недавно. Въ то же время прибылъ г. Локъ съ письмомъ отъ г. Паркса, что все готово въ Тонг-чоу, и что комиссары ждутъ посланниковъ. Коварство Китайцевъ было очевидно: они хотѣли разомъ овладѣть особами посланниковъ въ Тонг-чоу и окружить огромными силами армію союзниковъ, чтобы тѣмъ самымъ отрѣзать имъ отступленіе. Китайскій корпусъ расположился (въ одну ночь, съ 17-го на 18-е) какъ разъ вокругъ того самаго мѣста, которое, по условію, должна была занять англійская армія. Но ни посланники, ни главнокомандующіе не дались въ обманъ: сэръ-Гопъ Грантъ, несмотря на льстивыя увѣщанія прибывшихъ къ арміи мандаринновъ, остановился, не пошелъ на предложенную сначала позицію и лишилъ такимъ образомъ

китайскую кавалерію возможности зайти ему въ тылъ, а мистеру Парксу съ прочими офицерами дамъ былъ, черезъ г. Лока и добровольно присоединившагося къ нему капитана Брабазона, приказъ вернуться къ арміи. Въ это время полковникъ Уокеръ, г. Томпсонъ и четыре королевскіе драгуна спокойно оставались среди непріятельской арміи и поджидали мистера Паркса и др., не подозрѣвая коварныхъ замысловъ врага и ничего не зная о приказаніи, которое повезъ г. Локъ въ Тонг-чоу. Въ исходѣ 10-го часа утра показался изъ Тонг-чоу французскій комиссаріатскій чиновникъ съ муломъ на поводу; Китайцы хотѣли отнять у него мула; Французъ выхватилъ пистолеть; тогда убита была подъ нимъ лошадь и онъ самъ сброшенъ на землю. Полковникъ Уокеръ дважды бросался спасти его; но дѣло кончилось тѣмъ, что Англичане сами должны были пришпорить коней своихъ, такъ какъ по нимъ открытъ былъ со стороны Китайцевъ бѣглый огонь изъ ихъ фитилевыхъ ружей; одинъ изъ драгунъ былъ при этомъ раненъ пулей, а г. Томпсонъ копьемъ. Уже два часа прошло съ тѣхъ поръ, какъ г. Локъ отправился въ Тонг-чоу, и г. Парксъ съ товарищами долженъ былъ бы уже давно воротиться, если только не былъ задержанъ смлой: ждать было нечего. Сэръ-Гоупъ Грантъ открылъ огонь и съ своей стороны. Разгорѣлась жаркая битва. Китайская кавалерія стремительно кидалась на фланги союзниковъ тѣснила ихъ, но не менѣе стремительно отбрасываема была великолѣпною конницей Сейховъ. Побѣда осталась за союзниками: Китайцы ждать были выбиты изъ всѣхъ своихъ укрѣпленій, потеряли лагерь, обозъ, отъ 500 до 600 человекъ убитыми и ранеными и 75 орудій; у Англичанъ 1 убитъ и 19 ранено; у Французовъ убитъ 1 офицеръ и 14 солдатъ ранено.

На другой день лордъ Эльгинъ послалъ въ Тонг-чоу, подъ сильнымъ конвоемъ, г. Веда съ письмомъ къ китайскимъ начальникамъ города, отъ которыхъ требовали немедленнаго освобожденія гг. Паркса и другихъ, а въ противномъ случаѣ грозили взятіемъ Пекина. Губернаторъ Тонг-чоу отвѣчалъ, что г. Парксъ, переговоривъ съ принцемъ Ай (Цай), свободно отправился изъ города. Такое увѣреніе было очевидно ложью, и уже 20-го числа одинъ изъ жителей Тонг-чоу объявилъ, что онъ видѣлъ, какъ отправляли въ Пекинъ съ полдюжины офицеровъ въ экипажѣ. Въ лагерь стали серьезно опасаться за участь этихъ офицеровъ, а въ Европѣ непріятнѣе всего были поражены тѣмъ, что между ними попался въ плѣнъ и корреспондентъ *Times*: г. Баульбай: боялся надолго (если не на всегда) расстаться съ блистательными и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательными корреспонденціями этой газеты. Между тѣмъ армія приблизилась къ Тонг-чоу; Китайцы собрали новый корпусъ, по крайней мѣрѣ въ 40.000

и 21 числа произошла новая битва, уже подъ стѣнами самаго Тонг-чоу. Кончилась она блистательною побѣдой союзниковъ: Китайцы неустойчиво бросались на ряды союзниковъ, но, не выдерживая стойкости европейскихъ войскъ, очень скоро обращали тылъ. Какъ 18-го числа главную тяжесть битвы выдерживали англійскія войска, подъ начальствомъ сэръ-Гопъ-Гранта, такъ 21-го напротивъ, были больше въ огнѣ Французы и распорядился ходомъ сраженія маркизь де-Монтобанъ. Китайцамъ не помогла ни отчаянная храбрость войска ихъ, ни блистательная стойкость отборнаго отряда пѣхотинцевъ, которые, въ роскошныхъ одеждахъ, съ распущенными знаменами, защищали мостъ въ селеніи Пали-кiao (въ 12-ти миляхъ отъ Пекина) и до послѣдней возможности выдерживали убійственный артиллерійскій огонь союзниковъ. Китайцы потеряли въ эту битву еще 25 орудій и множество убитыми и ранеными; у союзниковъ потери были, какъ и въ прошлый разъ, ничтожны. «Перое мое безсильно дать вамъ вѣрное понятіе о томъ, что вокругъ насъ происходитъ, говоритъ французскій главнокомандующій въ заключеніе своего дописанія военному министру. Непріатель окружилъ насъ на необозримыхъ пространствахъ и, не причинивъ намъ почти никакого урона, разсыпался въ совершенномъ разстройствѣ, покрывъ поле битвы трупами. Все это такъ странно, что, для объясненія нашихъ успѣховъ, нужно перенестись далеко въ прошедшее и припомнить постоянныя побѣды горсти Римлянъ надъ безчисленными толпами варваровъ.»

22-го числа лордъ Эльгинъ получилъ отъ брата императора, Кунга, извѣщеніе, что онъ назначенъ уполномоченнымъ комиссаромъ для заключенія мира вмѣсто принца Ай и Мью, не удовлетворительно будто бы выполнявшихъ свою обязанность: но англійскій посланникъ рѣшительно объявилъ, что онъ не вступитъ ни въ какіе переговоры до тѣхъ поръ, пока не будутъ освобождены такъ недобросовѣстно захваченные Англичане и Французы, которые, впрочемъ, какъ стало послѣ извѣстно, находились всѣвъ Пекинѣ, были здоровы и содержались хорошо. Китайцы, не выполнили этого требованія, и союзники двинулись къ Пекину. Затѣмъ телеграфъ передалъ намъ цѣлый рядъ громаднхъ по своей важности событій. Богдыханъ Хянь-Фунгъ бѣжалъ въ Манджурію; Пекинъ сдался на капитуляцію; гг. Парксъ, Локъ, Дескеракъ и 13 солдатъ освобождены; союзники будутъ зимовать въ Пекинѣ, а теперь (13-го октября) стоятъ подъ стѣнами столицы; лордъ Эльгинъ и баронъ Гро находятся въ самомъ городѣ. Лондонское сатирическое изданіе, *the Punch*, забѣгая впередъ, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ своихъ, изобразило уже богдыхана въ самомъ жалкомъ положеніи: присѣвъ почти совсѣмъ на корточкахъ, не-

счастнѣй Хань-Фунгъ, съ лицомъ, искривленнымъ отъ ужаса, плачетъ и молить о пощадѣ, а лордъ Эльгинъ, въ марціальномъ позѣ, съ ядромъ въ рукѣ вмѣсто державы, повелительнымъ жестомъ приказываетъ богдыхану стать на колѣни, «и безъ увертокъ на этотъ разъ!» Дѣйствительно, Небесной имперіи приходится теперь смириться передъ Европой. Впрочемъ нѣкоторые боятся реакціи со стороны самого народа и считаютъ положеніе союзниковъ въ центрѣ враждебной страны не лишенымъ опасностей: но народъ, сколько намъ кажется, никогда не былъ особенно озлобленъ противъ иностранцевъ; непримиримую вражду противъ нихъ вели одни только мандарины; съ другой стороны, Англія и Франція примутъ, вѣроятно, всѣ мѣры, чтобъ ихъ посланники въ Китаѣ не подверглись какой-либо бѣдѣ.

По официальнымъ депешамъ, напечатаннымъ въ англійскихъ газетахъ, гг. де Норманъ и Андерсонъ умерли отъ жестокаго обращенія съ ними Китайцевъ, и мало надежды на возвращеніе гг. Барбазона, Баульбаля и французскихъ офицеровъ, до сихъ поръ еще не освобожденныхъ. Газета *Times* замѣчаетъ по этому поводу, что союзники должны во что бы то ни стало требовать возвращенія всѣхъ этихъ лицъ—живыми или мертвыми.

Times выражаетъ также надежду, что лордъ Эльгинъ не сдѣлаетъ грубой ошибки, и не станетъ вести переговоры теперь, когда въ Пекинѣ остались однѣ только мѣстные городскія власти. Дѣйствительно, невозможность заключенія трактата, прежде чѣмъ возстановится въ Китаѣ правильная верховная власть, кажется тѣмъ очевиднѣе, что въ имперіи господствуютъ три политическія партіи, совершенно независимыя одна отъ другой и даже враждебныя между собою—партія мандариновъ, военная татарская партія и партія торговаго класса, которая одна только и благосклонна къ Европейцамъ; ясно, что все, уступленное одною партіей, при первомъ же случаѣ непременно отнято будетъ другими. Къ чему же тогда послужать трата денегъ и людей, блистательныя побѣды, самый разгромъ столицы Небесной имперіи?..

Въ Парижѣ получена 8 (20) декабря официальная депеша отъ барона Грò, что шанхайскій ультиматумъ принятъ китайскимъ правительствомъ: тандзинскій трактатъ подписанъ богдыханомъ, и ратификаціи размѣнены; Франція получитъ 60.000.000 фр. военнаго вознагражденія; эмиграція куліевъ дозволена; во всѣхъ христіанскихъ храмахъ имперіи допущено будетъ свободное богослуженіе. Если справедлива эта депеша и если, какъ должно предполагать, подобныя же мирныя условія пріобрѣтены и Англичанами, то союзники вѣроятно нашли способъ заставить богдыхана возвратиться въ столицу. Вѣрить мандаринамъ невозможно и полагаться на заочную ратификацію, безъ император-

ской аудіенціи, странно: Китайцы, чтобы только вернуться отъ настоящаго мира и устроить «варварамъ» западню, готовы поддѣлаться подъ самую подпись богдыхана и представить фальшивую ратификацію. Сверхъ того, сумма контрибуціи намъ кажется слишкомъ незначительною: союзникамъ экспедиція китайская стоила, болѣе 120 милл. фр. И наконецъ, какаѣ же постигла судьба еще невозвращенныхъ европейскихъ плѣнниковъ? Неужели договоръ будетъ подписанъ прежде ихъ освобожденія?..

З А М Ѣ Т К А.

Между разными извѣстіями объ насъ, безпрестанно появляющимися въ петербургскихъ журналахъ, прочли мы недавно въ *Русскомъ Инвалидѣ* довольно положительное увѣдомленіе о нашей близкой кончинѣ. Это извѣстіе еще болѣе касается нашихъ читателей чѣмъ читателей *Русскаго Инвалида*, а потому мы надѣемся, что почтенная редакція этой газеты не посѣтуетъ на насъ, если мы буквально перепечатаемъ его въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Вотъ оно :

«Къ текущимъ явленіямъ въ московской жизни нельзя не отнести недостойной выходки «Русскаго Вѣстника» противъ г-жи Евгеніи Туръ. Падающій журналъ, изъ личныхъ отношеній редакціи его къ редакціи вновь зарождающаго органа, выступаетъ противъ послѣдняго съ оружіемъ совершенно безсильнымъ и недостойнымъ. Неужели «Русскій Вѣстникъ» не умѣетъ отличать отношеній личныхъ отъ другихъ, болѣе почтенныхъ отношеній. Къ чему это оскорбляющее и вполнѣ несправедливое обвиненіе въ недобросовѣстности; къ чему это желаніе показать себя лучше чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, а употреблѣть для этого такія неловкія и предосудительныя средства; и тутъ же рядомъ выставлять имена лучшихъ нашихъ литераторовъ и ученыхъ и зазывать ими публ.ку? Что *Русскій Вѣстникъ* падаетъ—это, къ несчастію, видѣть всѣ; что этимъ своимъ паденіемъ онъ обязанъ самому себѣ—это также ясно; но недобросовѣстно быть неразборчивымъ въ средствахъ для того только, чтобы, попридержавъ собрата, вытянуться бабому на нѣсколько вершковъ вверхъ; не умно употреблѣть для этого, такія средства, которыя вмѣсто того, чтобы таять вверхъ—роняютъ чуть ли не въ грязь. Таково наше мнѣніе о журналѣ, навязывающемъ свои крайнія убѣжденія всѣмъ, кто съ нимъ имѣетъ дѣло; это тотъ заступъ, которымъ онъ, къ общему сожалѣнію, весьма успѣшно роетъ себѣ могилу.»

Почтенный редакторъ *Русскаго Инвалида*, г. колковникъ Лебедевъ 3-й, недавно, прислалъ намъ весьма обширную статью своего сочиненія, которую желалъ предпочтительно видѣть въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, но которую, къ сожалѣнію, при всѣхъ ея достоинствахъ не нашли мы удобной для помѣщенія въ нашѣмъ журналѣ, и возвратили ее автору не дѣли за двѣ до появленія въ его газетѣ вышеприведеннаго извѣстія о нашей агоніи. Оказавъ намъ такую честь при нашей жизни, редакторъ *Русскаго Инвалида*, мы надѣемся, не откажется почтить своимъ присутствіемъ наши похороны.

LEATHER — FULL CURE
NEUMANN — ROSEN

